

Лишь природная любовь к труду не изменяла ему, приносила то настоящее удовлетворение собой, верней, неповторимое, ни с чем не сравнимое счастье, когда жизнь кажется такой прекрасной, что будь за спиной крылья, взлетел бы под самые облака – и там, под ослепительно ярким, золотоносным солнцем, в поразительно лазурном, бесконечном небе, не зная ни усталости, ни покоя, парил бы и парил, как горный орел в черно-коричневом оперении, отливающим блеску черной-бурой синевой, дав полную волю душе выразить свои чувства в звонком пении, словно весенний соловей поутру в густом лозняке на берегу речки, словно ручей, подпрыгивающий волнами на камнях и говорливо несущий прозрачные, холодные – до ломоты зубной! – свои воды к большой реке-матери. Поэтому, прекрасно понимая, что непроходящие заботы сразу же по прилету нахлынут, как морская волна, окатят с головой, Анатолий Петрович даже не понял как, но мысленно сполна перестроился на них, с нетерпением ожидая, когда же наконец самолетное шасси с резким, визгливым шумом коснется ленской взлетно-посадочной полосы!

В первых номерах 2017 года журнал намерен опубликовать роман Ивана Переверзина “Постижение любви”, в центре которого образ молодого руководителя, всеми силами старающегося воскресить отсталый совхоз в Якутии. События романа разворачиваются на фоне любви главного героя и его молодой жены.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 12 2016

12 декабря 2016 года исполнилось 250 лет со дня рождения великого русского писателя и историографа Николая Михайловича Карамзина.

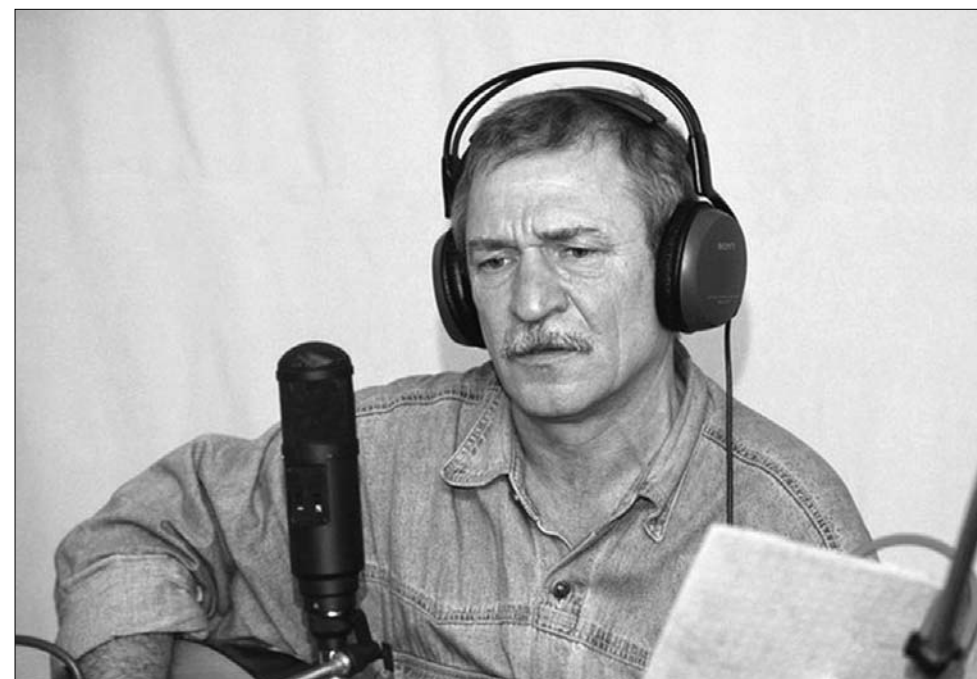
В своих главных произведениях — “Письмах русского путешественника”, “Истории государства Российского” и трактате “О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении” Карамзин выплавил и изготовил крепкий инструментарий для пользования родной речью.

До него русский литературный язык представлял собой веселое любительское учреждение. Карамзин превратил его в могучую профессиональную организацию.

Писатель ввел в употребление огромное количество новых слов, и сейчас даже трудно представить, что лишь благодаря ему в нашем языке появились “промышленность”, “влюбленность”, “влияние”, “впечатление”, “трогательный”, “занимательный”, “сосредоточить”, “эпоха”, “сцена”, “гармония”, “эстетика”, “будущность” и многие другие слова и понятия.

До него история Отечества нашего являла собой свод разрозненных сведений. Карамзин превратил ее в огромное величественное здание, устремленное ввысь наподобие колокольни Ивана Великого.

Александр Сегень

Николай Александрович Шпилов родился 1 декабря 1946 года в Южно-Сахалинске, а умер 7 сентября 2006 года в Смоленске, то есть жизнь его протянулась от крайнего востока нашей страны до западных её пределов. Мастер короткого рассказа. Мастер стихотворения, жаждущего, чтобы его положили на музыку. Как у всех нас, далеко не всё у него получалось. И не получилось пожить подольше — даже до 60 лет не дотянул. Но образ его навсегда останется в нашей памяти, в памяти русской литературы, ребёнком которой он был.

В память о нём мы публикуем один из лучших его рассказов.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Э. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Юбилей

Станислав КУНЯЕВ
Пушкин — наш современник 3
Поздравления журнала
с 60-летием 12

Проза

Александр ПОПОВ
Взрыв. Повесть 28
Сергей КОЗЛОВ
То не вечер. Рассказ 120
Георгий МАРЧУК
Данила Штовба. Рассказы 140

Поэзия

Виктор ВЕРСТАКОВ
По диким окрестностям
Иерусалима 21
Александр ЩЕРБАКОВ
Запуржит, заметелит,
завьюжит... 25
Андрей ШАЦКОВ
Чтобы память
попирала смерть 112
Пётр МАТЮКОВ
Это идёт страна 116
Вадим КОВДА
Эта жизнь,
не знавшая оглядок 126
Марина ШАМСУТДИНОВА
В лабиринтах своей страны 138
Поэтическая мозаика 151

Память

Николай ШИПИЛОВ
Игра в лото. Рассказ.
С предисловием А. Сегеня 129

Очерк и публицистика

Виктор ЛИННИК
Бунт одноэтажной Америки 164
Валентин ЛУКЪЯНИН
Арифметика раскола 179
Ольга СВЕРДЛОВА
Летний снег 194

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

А. Ю. Сегень —
ред. отдела прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Наталья ИРТЕНИНА
Старинная битва
за Кольский север 199

Николай ПЛИСКО
“Удирай и не оглядывайся!”
(Окончание) 206

Игорь ЯНИН
Наш брат-путеец 227

Критика

Александр РАЗУМОВ
“Случайное семейство”
в романе Ф. М. Достоевского
“Подросток” 253

Среди русских художников

Марина ПЕТРОВА
Симон Ушаков —
царский изограф 260

Книжный развал

Олег МОРОЗ
Непрозрачная сущность
общеизвестных фактов 272

Елена БАДЯКИНА
Восхождение к душе 278

В конце номера

В Сиднее открылся
кинофестиваль
российских фильмов 280

Содержание журнала
за 2016 год 283

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 05.12.2016. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 2600-2016. Тираж 5200 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ПУШКИН — НАШ СОВРЕМЕННОК

24 ноября 2016 года в Центральном Доме литераторов в Москве прошёл торжественный вечер в честь 60-летия журнала “Наш современник”. Большой зал ЦДЛ был переполнен, как бывало в 90-е годы прошлого века. На вечер были приглашены многие известные писатели, политики и общественные деятели: Г. Зюганов, С. Глазьев, А. Проханов, В. Ганичев, Н. Бурляев, М. Гуцериев, С. Есин, В. Бондаренко, З. Прилепин, С. Шаргунов, И. Перверзин, А. Лиханов, В. Крупин, Т. Петрова, Д. Мизгулин и многие другие деятели культуры, известные нашим читателям. На белом экране большого зала в течение вечера появлялись видеосюжеты с выступлениями знаменитых авторов журнала — Георгия Свиридова, Сергея Викулова, Юрия Бондарева, Вадима Кожина, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова.

Вечер был открыт вступительным словом главного редактора, в котором Станислав Юрьевич Куняев сказал об исторической и духовной связи журнала “Наш современник” с пушкинско-некрасовским “Современником”.

Дорогие наши друзья-читатели!

Вы видите на своих билетах праздничную обложку сегодняшнего журнала с ликом Александра Сергеевича и портретами всех главных редакторов журнала за всю его историю. В пушкинское время ими были Василий Жуковский, Пётр Плетнёв и Николай Некрасов, а в советское — Борис Зубавин, Сергей Викулов и Станислав Куняев. Десять лет тому назад, когда мы праздновали 50-летие журнала, мы провозгласили “Наш современник” журналом, продолжающим традиции пушкинско-некрасовского “Современника”... И в первую очередь, речь шла о схожести судеб двух журналов и об их мировоззренческом родстве. Да, тираж у нас сейчас невелик по сравнению с тиражом 90-х годов, и всё-таки он не случайно превышает общий тираж наших либерально-демократических оппонентов — “Нового мира”, “Знамени”, “Октября” вместе взятых. Но дело не только в тираже. Вспомним, что судьба пушкинского “Современника” в начале его жизни не была счастливой. В 1836 году вышло четыре журнальных тома. Два первых — тиражом 2400 экземпляров, из которых разошлось не более трети, а тираж четвёртого по причине малого спроса снизился почти втрое. После гибели Пушкина журнал стал постепенно чахнуть, и когда Плетнёв передавал его Некрасову, у “Современника” оставалось всего лишь 233 подписчика. И расцвет журнала начался в некрасовскую эпоху, когда приближалась отмена крепостного права и рождался слой разночинной интеллигенции.

А между тем журнал был любимым детищем Пушкина. Во многих письмах последнего года жизни — жене, друзьям, издателям — поэт с волнением и восторгом рассказывает о каждом из номеров, расхваливает авторов, ругается с книготорговцами и недругами-журналистами. Его шедевры — “Скупой рыцарь”, “Родословная моего героя”, “Капитанская дочка”, “Медный всадник”, “Путешествие в Арзрум” — печатаются в “Современнике”. Рядом с повестями Гоголя, стихотворениями Тютчева, Жуковского, Боратынского, Кольцова, Лермонтова, Дениса Давыдова... Какие имена! Казалось бы, нарасхват должен идти журнал!

Но всё было тщетно. Грамотная светская чернь уже была увлечена бульварным чтивом Булгарина, крикливыми антипушкинскими статьями Греча и Полевого, трескучими стихами Бенедиктова, ходульной прозой Марлинского, коммерческими романами французских сочинителей, о которых поэт в 1834 году написал с беспощадной язвительностью:

“Легкомысленная невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толкаться по передним вельмож, они в их стремлении к низости (! — Ст. К.) обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями (! — Ст. К.), но с одной целью: выманить себе репутацию или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному, жалкий народ!”

Рыночные нравы, хлынувшие в 30-е годы XIX века в русскую журнальную и газетную жизнь из буржуазной Европы, озадачили и даже испугали Пушкина. Почти за два века до господства телевизионных сериалов, детективов, женских романов и прочего “мыла” он почувствовал тлетворный запах перемени и бросил в лицо этой “массовой культуре”, этой многоликой бесовщине, этому вульгарному потоку словесных помоев перчатку:

“Явилась толпа людей тёмных с позорными своими сказаниями, но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клеймёного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нём искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и, к стыду нашему, скажем, что успех его “Записок”, кажется, несомнителен”.

Даже Виктора Гюго не пощадил Пушкин за угоду вкусам буржуазной публики!

Вот мы сейчас говорим о расколе общества в разных странах — в США, в Англии, в Германии, в Турции и в России. Везде — свой раскол. Но и в пушкинское время тоже был глубокий раскол и непонимание между тогдашним Западом и Россией... Вспомним, как изображал европейцев Пушкин: скупой рыцарь, чахнувший над золотом, завистник и злодей Сальери, демонический антихристианин Вальсингам, коллекционер женских душ Дон Гуан, наш соотечественник с нерусским именем и болезненной жаждой богатства Германн, жид-аптекарь, пытающийся продать яд молодому Альберту, чтобы тот отравил своего отца... Один только Моцарт — светлое исключение из тёмного царства людей Запада, но ведь он дитя небес, Божье создание!

А вспомним картину западной колониальной цивилизации и её деяний, изображённую Пушкиным в разговоре Фауста с Мефистофелем:

Фауст

Что там белеет? Говори!

Мефистофель

*Корабль испанский трёхмачтовый,
пристать в Голландии готовый,
на нём мерзавцев сотни три,
две обезьяны, бочки злата,
да груз богатый шоколата,
да модная болезнь — она
недавно нам подарена.*

Фауст

Всё утопить!

“Модная болезнь” – это сифилис, предшественник сегодняшнего СПИДа.

В конце концов, вспомним о том, что и сам Пушкин был убит заурядным человеком Запада с “пустым сердцем”, по словам Лермонтова: “смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы”.

В одной из своих записей отчаявшийся Пушкин, сам пострадавший от отечественных цензоров, поневоле воззвал к цензуре, дабы она помогла остановить зловонный поток безбожия, поток пошлости, вульгарности и невежества, текущий в русскую культуру с Запада: **“Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства”**, – писал он.

И это был Пушкин, которого в Лицее за увлечение Западом называли “французом”!

Но зрелый Пушкин ответил на вызов цивилизованной черни всем своим творчеством:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа.
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

Вот в чём он увидел спасение от “рыночной демократии”, от “пипла, который хаваает”, – в “народной тропе”. И если оглянуться на 60–80-е годы “Нашего современника”, то как не вспомнить великую деревенскую прозу: “Царь-рыбу” Астафьева, “Прощанье с Матёрой” Распутина, “Лад” Белова, рассказы Шукшина, поэзию Николая Рубцова. Именно эти имена обозначили “народную тропу” журнала “Наш современник”.

Многослойный историзм Пушкина, вершин которого он достиг в “Борисе Годунове” и “Капитанской дочке”, был не понят “образованщиной” той эпохи. Катенин объявлял пушкинскую трагедию “нулём”, Кюхельбекер поставил её ниже фальшивых пьес Кукольника, журналист Надеждин издевался над этим в “Телескопе”:

*“Бориса Годунова”
Он выпустил в народ,
Убогая обнова,
Увы! на новый год.*

Впрочем, Пушкин предвидел этот “раскол общества”:

*Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.*

Подобно “холодной толпе” тех лет, наша *новолиберальная чернь* не прочитала историческую эпопею Ирины Владимировны Римской-Корсаковой “Побеждённые”, прошла мимо леоновской “Пирамиды”, не заметила последний роман Белова “Час шестой”, рассказы Распутина и его повесть “Мать Ивана, дочь Ивана”, личутинский “Раскол”, брезгливо отвернулась от блистательных повестей Проханова “Идущие в ночи” и “Чеченский блюз”... А ведь все эти произведения, печатавшиеся в журнале, каждое по-своему продолжает традицию пушкинской исторической прозы. В них народные и государственные начала ищут союза и равновесия, а если находят его в роковые минуты истории, то творец может с облегчением вспомнить заветные слова: “Окрепла Русь. Так тяжкий млат, // дробя стекло, куёт булат”.

* * *

Но как бы ни восхищался поэт Александрійским столпом и Медным Всадником, “нерукотворный” памятник был роднее и ближе его душе. Пушкин одновременно был, по словам философа Федотова, поэтом “империи и свободы”:

*Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой.*

Пушкинская свобода имеет совсем другое происхождение, нежели нынешняя покаянная “свобода слова” и фарисейские “права человека”, сущность которых русский гений разглядел почти два века тому назад.

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова...*

.....
*По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья, —
Вот счастье! Вот права...*

Этой пушкинской свободой дышали дневники Георгия Свиридова и его вечно печальная мелодия к пушкинской “Метели”, стихи Глеба Горбовского, проза Виктора Лихоносова, повести Альберта Лиханова, мифотворческий полёт Юрия Кузнецова: “ночью вытащил я изо лба // золотую стрелу Аполлона”. А завершением была поэма о жизни Христа. Впрочем, и Пушкин тоже начинал с культа Аполлона, но в конце жизни написал свои самые проникновенные христианские стихи.

Свободой мысли и поисками полной Истины дышат исторические работы Кожина, публиковавшиеся в нашем журнале: “И назовёт меня всяк сущий в ней язык”, “История Руси и русского слова”, а также книга о 1937 году. Вадим Валерьянович вырабатывал свой взгляд на историю с помощью Пушкина и Тютчева. Его настольным чтением были пушкинские жизнеописания Петра Первого и Пугачёва и тютчевские статьи “Россия и революция”, “Россия и Германия”.

А сколько в письмах Пушкина естественных, здравых мыслей о семье, о женщине-жене, о детях, о воспитании чувств.

Вот своеобразное “священное писание” семейной жизни из письма П. Плетнёву (1831): **“...Жизнь всё ещё богата; мы встретим ещё новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жёны наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, весёлые ребята; а мальчишки станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо”**.

Но подумать только, что этот цветущий русский семейный мир был коварно разрушен, потому что русский гений попал в сети, расставленные растленными выродками из западного содомитского клана. Пушкин догадывался, что имеет дело с бесами в людском обличье, когда писал старому гею Геккерену: **“Вы отчески сводничали вашему незаконнорожденному так называемому сыну... подобно бесстыжей старухе вы подстергали мою жену... бесчестный вы человек...”**

Но как обострилась по сравнению с пушкинским временем духовная брань за душевное здоровье народа, за цветущие многодетные семьи против самоубийственного для жизни культа однополых браков, от которых пахнет голубой смертью. В этой брани без пушкинской помощи нам не обойтись. О сатанинских “правах” человека на растление и грех говорит на страницах нашего журнала патриарх Кирилл, о разрушительных соблазнах тёмной чувственности предупреждал общество Александр Панарин; уловки, которыми пользуется враг рода человеческого в погоне за слабыми душами, – постоянная тема наших отважных подруг Медведевой и Шишовой; о безумных оргиях, творящихся во время многотысячных парадов извращенцев всех мастей – вплоть до скотоложества, – повествуют страницы очерков Олега Платонова “Почему погибнет Америка”.

По всему миру шествует сексуальная чума нашего века, как надругательство над образом Божиим в человеке. Человек, заболевший ею, превращается в тень. Недаром в “Нашем современнике” была напечатана статья Александра Севастьянова “Тень, знай своё место!” Нет, не знают. Жаждают известности, парадов, лезут на телеэкраны, ползут на священную Красную площадь, подражают содомитской Европе, о которой провидец Василий Розанов сказал ещё 100 лет тому назад: **“Механизм гибели европейской цивилизации**

будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния, и, в конце концов, злодеи разорвут мир”.

А нам всё равно надо стоять по пушкинскому велению на защите сердцевины жизни, которая называется русской семьёй.

* * *

16 марта 1830 года Пушкин написал в письме к П. А. Вяземскому: **“Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай написать политический памфлет, и даже его напечатать <...> ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных – вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу”.**

Он и стал основоположником этого жанра, написав “Путешествие в Арзрум”, статью “О народном воспитании”, “Воспоминания”, “Путешествие из Москвы в Петербург”, размышления о “Собрании сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского”. “Наш современник” продолжает эту традицию “политической прозы”, печатая политические мемуары Николая Ивановича Рыжкова, “Великую криминальную революцию” Станислава Говорухина, ну и, конечно же, трилогию Юлия Квицинского о трёх крупнейших предателях в мировой истории – Иуде Искариоте, Андрее Власове и Александре Тыковлеве (он же – Александр Яковлев, ныне покойный). И все труды владыки Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, публиковавшиеся у нас в 90-е годы прошлого века. Можно ещё вспомнить и “Россию распятую” Ильи Глазунова, и “Историю русского масонства” Бориса Башилова, изданную как приложение к “Нашему современнику”. В обеих последних работах Пушкин является любимым персонажем. Словом, куда ни оглянись – в нашем литературном поле везде прорастают всходы, посеянные Пушкиным: когда мы пишем о наших геополитических интересах, о месте под солнцем и русского народа, и всех коренных народов России, мы неизбежно следуем Пушкину; когда из-под пера авторов “Нашего современника” выходят размышления об “извечном споре славян между собою” (“Шляхта и мы”), очерки Игоря Янина о русских путях-дорогах, крымские, украинские, приднестровские страницы Ксении Мяло, мудрые изыскания Андрея Убогого об истории, прошумевшей на башкирских просторах Южного Урала. Они и называются по-пушкински – “Путешествие к Пугачёву”.

Этот естественный и разумный патриотизм понимают и принимают наши читатели. И потому либеральные журналы, пытавшиеся в 90-е годы возбудить интерес к писателям-эмигрантам, “переменившим отечество”, постоянно печатая их, просчитались и растеряли своих читателей. Размышляя о такого рода “оппозиции”, Владимир Путин, в сущности, повторил в Валдайской речи пушкинские мысли о подлинном патриотизме: **“Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. Я уже вспоминал об этом. Пушкин сказал об этом. И мы знаем, чем это заканчивалось, – сносом государства как такового”.**

“Наш современник” обрёл славу и известность в 90-е годы прошлого века как журнал не просто “оппозиционный”, но открыто борющийся с компрадорской российской властью той эпохи, как мировоззренческий, открыто борющийся с силами, совершившими “великую криминальную революцию”. Именно так называлась статья Ст. Говорухина, опубликованная в “Нашем современнике” в 1994 году. В те годы журнал стал своеобразным идеологическим штабом патриотических сил, сопротивлявшихся ельцинско-гайдаровскому режиму.

Но сейчас, когда либеральная тусовка окончательно обанкротилась, когда её ставки на “болотный бунт” рухнули, когда её лидеры открыто перешли в стан русофобов и наёмников Запада, “Наш современник”, благодаря ходу истории, естественно ощутил себя как журнал, утверждающий во всех сферах жизни патриотические и национально-общественные интересы России. Недаром же мы приветствовали все знаменитые речи Путина – Мюнхенскую, Валдайскую, Крымскую. Валдайскую мы даже с комментариями Г. Зюганова и А. Проханова опубликовали. Мы, столько лет укреплявшие союз Церкви, общества и государства, с радостью встретили оценку Путиным нынешнего европейского Запада, совпавшую с нашими оценками его Валдайской речи.

“Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в Бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьёз говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убеждён, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису”.

Сколько русофобской ярости, сколько антисоветской лжи было вылито на нашу историю в последние три года в связи с событиями на Украине, войной в Сирии, в связи с воссоединением Крыма с Россией. Санкции, клеветнические кампании в европейских СМИ, отчаянные визги в рядах нашей 5-й колонны... Есть от чего растеряться, но в такие времена надо брать в руки томик Пушкина – великого историка, геополитика, пророка. Его стихи “Клеветникам России”, явленные как ответ французским парламентариям, призывавшим в 1830 году в связи с польским антирусским восстанием к новому походу европейской Антанты на Россию, порой кажутся написанными в наши дни как ответ объединённой брусельской Европе, как ответ ОБСЕ, как ответ НАТО во главе с США, как ответ бандеровскому Киеву, взявшему на себя роль Варшавы 1830 года, как ответ не только объединённой наполеоновской, но и гитлеровской Европе:

*И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте; за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир? (как и в 1945-м! – Ст. К.)*

*Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды
("Крым наш!" – говорит Пушкин. – Ст. К.),
От финских хладных скал до пламенной Колхиды
("Абхазия наша!" – говорит Пушкин. – Ст. К.),
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

Владимир Путин, в сущности, повторил все эти мысли Пушкина, когда сказал в Валдайской речи:

“Пресловутая политика сдерживания России в XVIII и в XIX, и в XX веке продолжается и сегодня... Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмётся”.

* * *

Литература в России – это вторая религия. “Пушкин – наше всё”. Не Менделеев, не Циолковский, не Суворов, а именно Пушкин! Недаром в XVIII веке Ломоносов, Державин, Тредиаковский были почётными гостями при императорском дворе. Недаром Николай I беседовал с Пушкиным и называл его “умнейшим человеком в России”, недаром Есенина приглашали читать стихи царской семье, а Горький и Шолохов были постоянными собеседниками Сталина. Что бы ни писали, как бы ни спорили наши историки об истории России, русский читатель всегда будет судить о петровской эпохе по “Полтаве” и “Медному Всаднику”, о пугачёвщине – по “Капитанской дочке”, об отношениях с Польшей – по “Тарасу Бульбе”, о войне 1812 года – по “Войне и миру”, о революции 1917 года и гражданской войне – по “Тихому Дону”.

Наверное, в единственной нашей стране города и посёлки называются именами писателей и поэтов (“Горький”, “Пушкино”, форт “Шевченко”, район “Льва Толстого” и т. д.) У нас во многих городах есть улицы имени Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Есенина, Рубцова, Маяковского. Ясная Поляна, Михайловское, Болдино, Тарханы, Константиново, Вёшенская для нас – святые места. Повторяю, что литература для русских – это вторая религия. У нас немало Нобелевских лауреатов по физике, химии, медицине и т. д., но в народе они мало известны. В народе больше всего знают Нобелевских лауреатов по литературе: Бунина, Шолохова, Пастернака и даже Бродского. Поэтому сокращение учебных часов на занятия литературой (она, а не математика с физикой формирует мировоззрение!), изгнание литературы из школы похоже на гонения на Церковь в начале 20-х годов. Невозможно себе представить, чтобы в Америке во время президентских выборов кто-либо из кандидатов, желая овладеть сердцами избирателей, стал читать стихи Уитмена или Роберта Фроста, или поэму Лонгфелло. А у нас Владимир Путин во время выборов на II президентский срок, выступая в Лужниках, взлетел своей упругой спортивной походкой на трибуну и прочитал Сергея Есенина: **“Если крикнет рать святая: // “Кинь ты Русь, живи в раю!” // Я скажу: “Не надо рая, // Дайте родину мою!”** И я уверен, что эти четыре строчки русского гения добавили Путину многие тысячи голосов, поданных за него.

* * *

Один из крупнейших русских мыслителей XX века А. Ф. Лосев, прошедший через советский ГУЛаг, о котором Путин вспомнил 1 декабря 2016 г. в ежегодном послании Федеральному собранию, размышляя о родине – России, писал в советское время:

“Каким именем назовём эту великую и страшную, эту всемогущую и родную для человека стихию, когда он чувствует себя не просто в физическом родстве с нею, а именно главным образом в духовном и социальном родстве с нею, когда он знает для себя такое общее, которое, несмотря на свою общность, содержит в себе бесконечное богатство индивидуального, когда это общее и есть он сам, в своей последней и интимной сущности? Это есть Родина”.

Нынешняя наша медиа-, теле-, интернет-элита, наверное, никогда не слыхала ничего ни об Алексее Лосеве, ни о Николае Бердяеве, ни о Сергее Булгакове. На эти мысли меня натолкнуло случайное прочтение газеты “Новый Петербург” (28.11.2013), в котором множество известных наших общественных деятелей попытались рассуждать о России, о русской истории, о русском человеке. Приведу несколько таких рассуждений, опубликованных непременно с портретами авторов:

А. Чубайс: **“Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов... Я перечитал всего Достоевского и теперь к этому человеку не чувствую ничего, кроме физической ненависти; когда я вижу в его книгах мысли, что русский народ – народ особый, богоизбранный, мне хочется порвать его на куски”.**

В. Новодворская: **“Русских нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию, их положили у параша и правильно сделали”.**

К. Собчак: **“Россия стала страной генетического отребья”.**

И. Юргенс: **“России мешают русские – основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет”**.

В. Познер: **“Я не русский человек, это не моя родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома”**.

Ю. Пивоваров: **“Нужно, чтобы Россия потеряла (не пугайтесь!) Сибирь и Дальний Восток”**.

Хазанов Борис: **“Я привык стыдиться этой родины”**.

Артемий Троицкий: **“Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта”**.

Продолжать цитировать такого рода высказывания можно до бесконечности. Что-то похожее говорили и печатали и Виктор Шендерович, и Виктор Ерофеев, и Татьяна Толстая, и Юлия Латынина, и многие другие существа **“первого сорта”**.

А. Кончаловский, получивший на Венецианском фестивале Серебряного Льва за фильм о Холокосте, заявил, что, если Россия закроет границы, он тут же эмигрирует: **“У меня двойное гражданство, второе – французское. В этом случае я просто откажусь от русского”**. Взяточник Улюкаев, ещё будучи на свободе, завещал сыну: **“Езжай, мой сын, езжай отсель!”**

Людмила Улицкая: **“Мне стыдно за народ, потерявший нравственные ориентиры”**.

Так что борьба с Пушкиным, с его убеждениями со стороны 5-й колонны продолжается.

Но если бы был жив великий русский мыслитель Алексей Лосев, он не стал бы разбираться со взглядами каждого из них, потому что Алексей Фёдорович сказал обо всех этих Смердяковых один раз, но так, что от его слов им никогда не отмыться.

После слов “Это и есть Родина” Лосев не мог не сказать: **“Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, хуления, ненависти... Водворились презрительные клички: “квасной патриотизм”, “ура-патриотизм”, “казённый оптимизм” и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу России стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны...”**

* * *

Центральное телевидение начало по первому каналу показывать многосерийный (13 серий!) художественный фильм, созданный по роману Василия Аксёнова “Таинственная страсть”. Персонажи этой киноэпопеи – Аксёнов, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, Рождественский, Высоцкий, Вознесенский и другие – изображены как романтики эпохи, как чистые, искренние поэты, сопротивлявшиеся всесильному КГБ и тупым бюрократам советской системы, как прекраснодушные либералы и *герои своего времени*. На самом деле они были во многом баловнями и фаворитами системы, о чём свидетельствуют их книги, их судьбы, их поступки. Они сами называли себя “детьми XX съезда” – того самого XX съезда КПСС, который состоялся в феврале 1956 года и на котором партийный авантюрист Никита Сергеевич Хрущёв ради захвата высшей власти в стране выступил с печально знаменитым докладом, оклеветавшим трагическую и героическую сталинскую эпоху.

Племя литературных приспособленцев, для которых этот доклад стал “учебником жизни” и “руководством к действию”, назвало самих себя “шестидесятниками”, а эпоху, которая наступила после XX съезда, – “оттепелью”. Судьбы этих “детушек” сложились в основном удачно. Они стали любимцами партийной элиты, отрекшейся от сталинской эпохи, и все как один присягнули “ленинскому” времени в стихах и поэмах: “Казанский университет”, “Лонжюмо”, “Секвойя Ленина”, “Двести десять шагов”, “От января до апреля”, “Ленин, том 54” (авторы – Евтушенко, Вознесенский, Коротич, Рождественский, Сулейменов и прочие воспитанники “партийного детсада”).

Семена того, что Хрущёв лукаво именовал “ленинизмом”, были посеяны в их души в 1956 году. Но обществу узнать сущность этого посева по плодам его пришлось почти через 40 лет, в 1993 году.

Один из самых шустрых “детей XX съезда” летом 1993 года написал стихотворение, посвящённое Р. Рождественскому и объясняющее их общую судьбу:

“Кто были мы, шестидесятники? // На гребне вала пенного // в двадцатом веке, как десантники // из двадцать первого. <...> Давая звонкие пощечины, // чтобы не дрыхнул, современнику, // мы прорубили зарешечённое // окно в Европу и в Америку. // Мы для кого-то были “модными”, // кого-то славой мы обидели, // но вас мы сделали свободными, // сегодняшние оскорбители. <...> Пускай шипят, что мы бездарные, // продажные и лицемерные, // но всё равно мы – легендарные, // оплёванные, но бессмертные!”

“Окно в Америку” прорубили – и первым в него нырнул Евтушенко вместе с сыном Хрущёва.

И вот в каких оборотней выродились эти “верные ленинцы” в октябре 1993 года: **“Я желала тем, кто собрался в “Белом доме”, одного – смерти. <...> Они погибли от нашей руки, от руки интеллигентов <...> не следует винить в том, что произошло, мальчишек-танкистов и наших командос-омоновцев. Они исполняли приказ, но этот приказ был сформулирован не Грачёвым, а нами...”** (из статьи В. Новодворской “На той единственной, гражданской...”, журнал “Огонёк”, гл. ред. В. Коротич, № 2-3, 1994. С. 26-27).

Статья написана как бы от имени всех 42-х подписантов позорного известинского письма (5.10.1993), подписанного “шестидесятниками” А. Адамовичем, Б. Ахмадулиной, Г. Баклановым, А. Борщаговским, А. Гельманом, А. Деметьевым, Р. Казаковой, А. Ивановым, Ю. Карякиным, Ю. Левитанским, Б. Окуджавой, Р. Рождественским, Ю. Черниченко и другими “детьми XX съезда КПСС”; у них возражений она не вызвала. А в этом письме защитники Дома Советов, убиенные в те дни, назывались “красно-коричневыми оборотнями”, “убийцами” и “хладнокровными палачами”, как будто не их тела октябрьской ночью были погружены на баржи и увезены в неизвестном направлении, а трупы Ельцина, Лужкова, Гайдара и прочих “гуманистов” и “реформаторов”. Так что кровь 93-го года – на ваших руках, “бессмертные и легендарные”!

Известная российская поэтесса Лариса Васильева, дочь Николая Кучеренко – одного из знаменитой команды создателей легендарного танка Т-34, – недавно написала в своих воспоминаниях:

“Когда это было – весной 66-го года. Ресторан Дома литераторов. Сидят особенные, амбициозные. Прервав свой разговор, Межиров внезапно повернулся к Евтушенко и своим заворачивающим голосом говорит: “Я никогда не прошу тебе, Вознесенскому, Белле, Булату того, что вы своими организованными сочинениями, своей шумихой заслонили путь целому поколению к океану настоящей поэзии”. Поворачиваюсь к Межирову: “Вы имели в виду поэзию Серебряного века? – Отнюдь нет! Серебряный век состоялся так, что его невозможно заслонить. Я говорю о поэтах вашего поколения – о Горбовском, Рубцове, Юрии Кузнецове и многих других”.

* * *

В заключение приведу три мысли Александра Сергеевича Пушкина о трёх великих гигантах мировой истории.

О Европе: **“Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна”.**

О Соединённых Штатах Америки: **“С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её животных предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству”.**

О России **“...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора меня раздражают, как человек с предрассудками я оскорблён, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал...”**

* * *

Благодарю всех вас за то, что вы пришли на наш общий праздник. Приходите в журнал, подписывайтесь на него. Тем самым вы поможете не только журналу, нашим писателям, но и всей русской культуре и даже всей творщейся на наших глазах отечественной истории.

ЮБИЛЕИ

Поздравления к 60-летию “Нашего современника”

*ТИХОН, епископ Егорьевский,
председатель Патриаршего совета по культуре*

ВЕРЕН ИДЕАЛАМ СВЯТОЙ РУСИ

Уважаемый Станислав Юрьевич! Дорогие братья и сестры!

Сердечно поздравляю вас с юбилеем журнала.

Минуло шесть десятилетий с момента, когда издававшийся Союзом советских писателей литературный альманах обрёл новое название – “Наш современник”. Оно отражало не только идейную преемственность со знаменитыми литературными журналами XIX столетия, создателями которых выступали великие национальные гении Александр Сергеевич Пушкин и Николай Алексеевич Некрасов, но и стремление редакционного коллектива сделать альманах зеркалом современной жизни нашего Отечества. Особое внимание с самого начала было обращено на русскую глубинку, на судьбу деревни, на феномен её общественной, культурной и духовной жизни.

Со временем сложился круг постоянных авторов из числа выдающиеся отечественных поэтов, прозаиков и публицистов, творчество которых было проникнуто высоким патриотическим чувством, живой и сердечной любовью к России. В их числе Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Солоухин, Василий Шукшин, Михаил Лобанов, Владимир Личутин, Юрий Ложиц, Леонид Бородин, Владимир Крупин и многие другие.

Заслугой редакции стало открытие широкой читательской аудитории новых имён. Целая когорта молодых авторов вошла в большую литературу после публикаций в вашем журнале.

С началом православного возрождения России именно “Наш современник” одним из первых стал публиковать работы видных религиозных философов, мыслителей, богословов и церковных деятелей, предоставляя читателям уникальную возможность ознакомиться с духовным богатством, которое долгие десятилетия богоборчества хранилось под спудом.

Сегодня, несмотря на общий упадок спроса на печатную периодику, “Наш современник” остаётся одним из самых читаемых “толстых” литературных журналов. Он востребован теми, кому дороги национальные ценности, традиции и культура, кто в своей жизни и творчестве верен идеалу Святой Руси.

.....
Захар ПРИЛЕПИН

ВЕЛИКАЯ ПРАВОТА

“Наш современник”! Собратья и товарищи по оружию!

Мне кажется не случайным, что сегодняшней привет всем вам я шлю из Донецка, где живу и работаю. То, что происходит сегодня и сейчас здесь, доказывает великую правоту вашего дела.

Нашего дела. Всё то, о чём писал и говорил “Наш современник”, всё то, о чём звонил наш “колокол”, – сбылось и сбывается.

Мы уже четверть века переживаем последствия череды предательств русского мира.

Мы год за годом пытаемся вернуть, отвоевать потерянное.

Донбасс воюет сегодня за те ценности, которые уже четверть века назад были сформулированы философами и поэтами журнала.

Здесь особенно остро стало ясно, что “добро должно быть с кулаками”. Здесь наша поэзия, наша судьба, наша Россия. Здесь воюют за те ценности, которые отстаивали Валентин Григорьевич Распутин и Юрий Поликарпович Кузнецов, которые отстаивают ныне неутомимый Александр Андреевич Проханов.

Здесь складывается картина мира, предсказанная и описанная Вадимом Кожинным и Александром Панариным, Сергеем Кара-Мурзой и Александром Казинцевым.

Мы не знаем, какими путями движется наше слово.

Но я абсолютно убеждён, что слова, произнесённые вами, преломляясь через другие уста, через пересказы и перепевы пришли однажды к Мотороле, к Гиви, к Захарченко, к русским ополченцам. И они встали за те рубежи, которые были обозначены и названы “Нашим современником”.

Вы перечислили поимённо предателей русского мира. Теперь наше дело – увидеть и воспеть его героев. Нашему времени нужны новые солдаты и новые поэты. Сергей Станиславович Куняев должен вовремя разглядеть новых поэтов, чтоб не упустить явление нового Сергея Есенина и нового Павла Васильева. Журнал должен, как четверть века назад, идти на шаг, на три шага впереди времени. Потому что сегодня государство находится на том поле и в той парадигме, которая была описана вами очень давно.

Желаю журналу, как и прежде, обгонять время. И никогда не допускать тех малых, но обидных ошибок, когда отдельные вырожденцы и вырожденки русского мира вдруг обретали место на облучке “Нашего современника”. Ищите своих. Безжалостно отменяйте чужих. “Русская весна”, предсказанная и приближённая вашими трудами, выявила, кто есть кто. Да свершится всё то, о чём мы мечтали все эти годы, в полной мере! Да настанет новая победа, которая объединит нас!

Станиславу Юрьевичу Куняеву – многая лета!

Верим в победу. Работаем, братья.

.....
*Борис ОРЛОВ,
председатель Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России*

ОБОРОНА РУССКОГО МИРА

Дорогой Станислав Юрьевич!

Поздравляю с юбилеем от себя лично и от петербургских писателей-патриотов коллектив “Нашего современника”. Спасибо за то, что вы, словно Брестская крепость, держите оборону русского мира! Ваш пример помогает нам крепить дух и отстаивать национальные интересы. Так держать!

.....
*Владислав АРТЁМОВ,
главный редактор журнала “Москва”*

ДЕЛАЕМ ОДНО ДЕЛО

Журнал “Москва” поздравляет журнал “Наш современник” с юбилеем!

Коллеги! Мы вместе делаем одно нужное и благородное дело, мы всеми силами защищаем классические традиции великой русской культуры. Вы работаете успешно и профессионально, недаром тираж “Нашего современника” втрое превышает тираж всякого иного толстого литературного журнала! Желаем вам и впредь действовать с той же энергией и самоотверженностью, какими вы отличались на протяжении всех этих лет.

Вы всегда относились с любовью к нашей России, и потому русский читатель отвечает вам неизменным признанием и искренней любовью!

*Валерий СДОБНЯКОВ,
председатель Нижегородской областной
организации Союза писателей России,
главный редактор журнала “Вертикаль. XXI век”*

БИТВА РАДИ БУДУЩЕГО СТРАНЫ

Дорогой Станислав Юрьевич!

Дорогой коллектив замечательного русского литературного журнала “Наш современник”!

Примите самые тёплые поздравления с вашим юбилеем с берегов Волги. С земли, на которой определила Пресвятая Богородица свой четвёртый удел, где подвиг спасения земли русской от польских захватчиков начал великий гражданин России Козьма Минин, где творил свою вечную молитву преподобный Серафим Саровский, где Александр Сергеевич Пушкин испытал одно из самых сильных творческих озарений. Именно эту землю вы и авторы вашего журнала вот уже шестьдесят лет защищаете от поругания. Если же взять последние тридцать лет, то это и не защита, а самоотверженная, бескомпромиссная битва ради будущего страны, её культуры, науки, истории.

Дорогие друзья! Ваш журнал для всех нас, кто любит Россию, кто с уважением относится к вере наших предков, кто, несмотря ни на что, даже в самые тяжёлые времена верил в нашу победу, стал тёплым и родным домом. Примите же за это от благодарных нижегородских писателей низкий поклон! Многая вам и благая лета!

.....

*Анатолий АВРУТИН,
главный редактор журнала
“Новая Немига литературная”*

ПОСЛЕДНИЙ ЧАСОВОЙ

Дорогие Станислав Юрьевич и Александр Иванович!

Позвольте от имени редакционной коллегии нашего журнала и от себя лично поздравить вас, а в вашем лице весь редакционный и авторский коллектив “Нашего современника” с юбилейной датой – 60-летием со дня выхода первого номера журнала.

С первых дней своего существования “Наш современник” зарекомендовал себя изданием глубоко патриотическим, последовательно отстаивающим в литературе высокую художественность, правдивость, народность.

За годы издания в журнале опубликовался практически весь цвет русской литературы. Более того – публикация в НС с давних пор является своего рода признанием уровня мастерства писателя, важной вехой в творческой биографии любого из нас, от признанных мастеров слова до одаренных начинающих поэтов, прозаиков, литературоведов.

На протяжении многих лет журнал самоотверженно борется за чистоту русской словесности, зачастую выступая в качестве “последнего часового”, навечно поставленного охранять святыни русской культуры.

Рад, что в числе авторов “Нашего современника” немало писателей из моей родной Беларуси. А свои собственные публикации в журнале считаю самыми заметными событиями творческой биографии.

Надеюсь, что и впредь наша дружба будет только укрепляться! Здоровья и вдохновения вам лично! Такой же неукротимости духа и последовательности в наше суровое время. Многие десятилетия журналу! И пусть у него становится все больше настоящих друзей, которые не предадут в трудный момент жизни!

г. Минск

.....

РЯД ЗОЛОТЫХ ИМЁН

Дорогие друзья, коллеги!

Сердечно поздравляем вас со славным юбилеем журнала “Наш современник”! Много лет журнал искренне любим русскими читателями за то, что всегда готов разделить и поддержать судьбу нашего Отечества. Что не раз уже бывало. Целый ряд золотых имён на небосклоне современной русской литературы воссиял благодаря вашему журналу. В этом, несомненно, “Наш современник” лидирует среди всех толстых журналов страны. Особенно тёплые слова благодарности и поздравления хочется сказать Станиславу Юрьевичу КУНЯЕВУ, много лет возглавляющему журнал.

Мы давно знаем, любим и ценим его как талантливого поэта, литературного критика, литературоведа и писателя, а также мужественного общественного деятеля, много сделавшего и делающего сейчас для сохранения и утверждения на государственном уровне русского литературного Слова и Отечественной культуры. Все его литературные и человеческие дерзания феноменальным образом влияют на общественное сознание. Он участвует в государственном устройстве. Яркий пример для всех нас!

Желаем журналу и его творческому коллективу и в дальнейшем плодотворно трудиться на благо нашего великого Родины!

.....

*Дмитрий НИКОЛАЕВ,
генеральный директор
ЗАО “Стройсервис”*

ВОЗРАСТ РАСЦВЕТА

Уважаемый Станислав Юрьевич!

От всей души поздравляю Вас и весь коллектив журнала “Наш современник” с 60-летием со дня образования! 60-летний юбилей для лучшего литературного журнала России – это возраст расцвета. Ваше издание за десятилетия плодотворной творческой работы снискало заслуженный авторитет на литературном Олимпе, а крепкая авторская команда оказывает неоспоримое влияние на общественно-политическую жизнь страны, на дальнейшее развитие событий, на судьбу людей. Ваше веское печатное слово помогает отстаивать правду и справедливость. Желаю “Нашему современнику” талантливых авторов, верных читателей, больших тиражей и процветания, а коллективу – неиссякаемого источника творчества, остроты пера, и, конечно, сибирского здоровья, добра, личного счастья и благополучия!

.....

*Ренат ХАРИС,
народный поэт Татарстана*

ВОТ И ТРУДИСЬ БЕЗ УСТАЛИ!

Дорогой “Наш современник”! Принадлежать русскому народу, создавшему великую литературу, искусство, культуру, науку, конечно, огромная честь. Тем более, когда Ты в течение шестидесяти лет оказываешь существенное влияние на его развитие, подпитывая его корни животворной духовностью. Однако сужать Твоё жизненное пространство, ареал Твоих интересов принадлежностью только одному народу, по крайней мере, неточно. Ты сегодня являешься литературно-художественным, общественно-политическим изданием всех литератур многонациональной России, ибо озвучиваешь радости и горести, тревоги и надежды каждого народа России на всем нам понятном, для каждого из нас дорогом русском языке.

Как хорошо, что Тебе пишут Урал и Кавказ, Камчатка и Крым, Байкал и Каспий, Тайга и Роща, Волга и Амур, Тундра и Степь, пшеничные поля и виноградники. Ты – всероссийский! Ты – международный! Тебя читает Австралия и Казахстан, Германия и Беларусь, Израиль и Азербайджан, Америка и Армения...

Жизненная сила России не только в экономике, военной мощи, а прежде всего в единстве её многонационального народа. И это единство обеспечивается дружбой, взаимосвязью их культур, контактом их выдающихся деятелей науки, литературы и искусства. И всё это происходит на Твоих страницах, дорогой “Наш современник”, за Твоим гостеприимным дастарханом, изобилующим замечательной поэзией, глубокой прозой, боевой публицистикой, чело- вечной критикой.

В Твоём возрасте, дорогой юбиляр, люди в России обычно поговаривают о пенсии. То – люди! А Ты, “Наш современник” – душа, а душа, как завещал мой земляк, знаменитый казанец Николай Алексеевич Заболоцкий, “обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь”. Вот и трудись без усталости, трудись не оглядываясь по сторонам, трудись во благо всех народов России!

.....
Валерий ФОКИН,
постоянный автор журнала с 1997 года

ВСЕГДА ЖИВИ

Уважаемый Станислав Юрьевич.
Сердечно и искренне поздравляю Вас
и доблестно и успешно возглавляемый Вами журнал “Наш современник”
с нашим ОБЩИМ праздником!

*Во всей красе и дивной силе
И столько лет всегда со мной
Журнал писателей России,
Как отчий край и дом родной,
Что не могу я удержаться —
Не пожелать:
“Всегда живи,
Журнал писательского братства,
Сыновьей к Родине любви!”*

г. Киров (Вятка)

.....
Марк ЛЮБОМУДРОВ

СОБИРАТЕЛЬ ЛУЧШИХ СИЛ

В редакцию журнала “Наш современник”.

От всей души поздравляю журнал с его шестидесятилетием!

Все годы своего бытования в пространстве литературы журнал являлся энергичным собирателем лучших сил нашей литературы, искусства, идеологии и эстетики. Был выразителем классических традиций отечественной культуры. Его страницы знакомили читателей с высокими образцами Русской Мысли, чистого Русского Слова. Редакция нередко первой публиковала произведения лучших наших писателей, пестовала начинающих литераторов, находила и поддерживала молодые таланты.

В наше тревожное время, когда на Россию обрушились все силы мирового зла, “Наш современник” – в боевом строю, успешно защищает Русские Рубежи, отбивает и разрушает атаки агрессивной русофобии, высоко держит знамя русского патриотизма, национальной идеологии, всех ценностей нашей уникальной цивилизации.

Почет, честь и слава журналу – несокрушимому духовному бастиону Русского Народа!

Санкт-Петербург

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

В моей жизни журнал “Наш современник” и лично его главный редактор Станислав Юрьевич Куняев сыграли решающую роль. До приезда Станислава Куняева в нашу республику в августе 1979 года в группе московских писателей (а он был секретарём правления Московской писательской организации) я имела слабое представление и о нём, и о самом журнале. Единственно, что я знала, что ему принадлежат прогремевшие тогда по всей России стихи “Добро должно быть с кулаками”. И так как я работала в республиканской газете и должна была освещать приезд писательской группы, я прочла несколько его книжек, готовясь к интервью с руководителем этой группы. Прочла мужское, жёсткое, но восторженное мнение о нём знаменитого литературного критика В. В. Кожинова.

И вот встреча состоялась. Она превзошла все мои заочные представления об этом человеке. Весёлый интеллеktуал, никогда не расстающийся с какой-нибудь обязательно серьёзной книжкой, блестящий оппонент, неподкупный редактор, человек, глубоко погружённый в современную проблематику. Патриот до мозга костей... Я впервые столкнулась с личностью такого масштаба. Тогда он ещё не был редактором “Нашего современника”. В результате знакомства я показала ему рукопись своей второй книги стихов, которая долгое время валялась в издательстве. И он написал короткую, но яркую рецензию, смысл которой заключался в рекомендации: эту книжку надо печатать. Но так счастливо состоявшееся знакомство обрывалось неожиданным известием: “Над Станиславом Куняевым сгустились тучи”. Он написал аналитическое письмо в ЦК КПСС о плачевном состоянии в стране в деле издания русской литературы. В результате пошёл разговор и об его исключении из партии, и из секретарей правления. В письме анализировалось унижительное положение русских авторов, говорилось о сионистском лобби в издательских и литературных кругах и, вообще, о национальной политике государства в области русской литературы. Всё это происходило ещё в глубоко советские времена, когда мы даже не подозревали, что ждёт нас через какие-то пять-семь лет. Он прислал мне это историческое письмо, со словами: “Надо мной нависла бетонная плита КГБ, но хочу, чтоб порядочные люди знали правду...”

Дело закончилось тем, что я попросила Станислава Юрьевича стать редактором моей второй книги, несмотря на его предупреждение: “Если раньше тебе моё имя могло бы помочь, сейчас оно тебя утопит...” Я предпочла “утопиться”. И с гордостью могу сказать сегодня: Станислав Юрьевич Куняев является редактором моей второй книжки стихов. Это он дал мне рекомендацию на вступление в СП России.

Но Бог милостив и справедлив. Уже через год что-то начало происходить в жизни государства. Поэт и Гражданин Станислав Куняев неожиданно для всех, и в первую очередь для него самого, стал главным редактором журнала “Наш современник”. Кем и остаётся до сегодняшнего дня.

Так я стала активным читателем журнала, открыла для себя бездну проблем русского народа, подружилась постепенно со всем цветом русской литературы, стала не оголтелым борцом за Русскую идею, а человеком, документально представляющим вневременную жизнь Русского национального поля. Завершение этого представления закончилось после знакомства с председателем Союза писателей России В. Н. Ганичевым, открывшим мне глаза на понятие Русская Вера. И сейчас, в дни юбилея моего любимого “Нашего современника”, я низко кланяюсь всем поколениям работников журнала, продолжившим идеи “Нашего современника” XIX века”, как поэт, ни человеческая, ни литературная судьба которого без знакомства с ними просто бы не состоялась. И продолжаю считать Станислава Юрьевича Куняева своим Другом и Учителем.

г. Сыктывкар

ОСТРОВК РУССКОЙ ПРАВДЫ

Журнал “Наш современник” я знаю с пятнадцати лет. В советской школе, я жил в заполярной Воркуте, мы учили по нему современную литературу. Читали Юрия Бондарева и Валентина Распутина, Василия Шукшина и Василия Белова. Обсуждали, спорили. В головах, наверно, было много сумбура, но то, что мы воспитывались на настоящей русской литературе – слава Богу! – не увело наши души в бездны безнациональных мысли и дела. В 1989-м, когда “катастрофа” вошла в свой апогей, я стал подписчиком “Нашего современника”, именно в нем я находил ответы на то, что происходит со страной. Еще была возможность избежать катастрофы. Об этом остро и талантливо писали авторы “Нашего современника”, как публицисты, так и поэты и прозаики. Не удалось. В 90-е годы журнал оставался одним из островков Русской Правды. Русские не сдаются! Особенно если у них есть такие журналы, как “Наш современник”. А в нём созвездие имён – Станислав Куняев, Александр Казинцев, Юрий Кузнецов, Вадим Кожин, Глеб Горбовский, Игорь Шафаревич, Александр Проханов, Юрий Ложиц, Владимир Крупин, Владислав Артёмов, Александр Сегень, Николай Рачков, Надежда Мирошниченко, Виктор Верстаков, Николай Иванов, Борис Сиротин, Михаил Сопин, Евгений Курдаков, Светлана Сырнева, и можно назвать много других. Россия богата талантами!

Начинал я чтение журнала всегда с публицистики Александра Казинцева. Горд, что он подписал мне свою книгу “Россия над бездной”.

Я очень хотел публиковаться в “Нашем современнике”. Путь к этому для меня оказался сложным. Юрий Кузнецов и Валентин Сорокин дали мне рекомендации для вступления в Союз писателей России, только с публикациями не спешили. Но мечты сбываются! У писательской организации Республики Коми сложились добрые и тесные контакты с журналом. Дай Бог, что они будут продолжаться и крепнуть.

Поздравляю “Наш современник” с юбилеем! Он воистину подвижник русского слова, русской мысли, русского дела. Желаю ему таким оставаться всегда. Все помнят слова Николая Гоголя: “Если русских останется один хутор, то и тогда Россия возродится”. Думаю, что если русских останется только литературный журнал “Наш современник”, то и тогда возрождение России неизбежно.

г. Сыктывкар

.....
Леонид СНЫЧЁНКОВ

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО СТАЖА

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Поздравляю Вас и весь коллектив журнала с юбилеем! Прочитал все поздравления в десятом номере – со всеми согласен, т. е. присоединяюсь к ним!

Первый раз подписался на “Наш современник” в 1958 году – скоро буду отмечать 60-летие читательского стажа нашего журнала.

г. Смоленск

.....
Наталья ЕГОРОВА

ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ

Уважаемый Сергей Станиславович!

Сегодня большой день для русской литературы – шестидесятилетний юбилей гениального журнала “Наш современник”.

“Наш современник” для меня – любимый журнал, без которого я не мыслю ни России, ни русской литературы, ни своей жизни.

Поздравляю Станислава Юрьевича, Вас и всю редакцию с замечательным юбилеем!

Всем сотрудникам журнала желаю здоровья, радости и вдохновения!

В Москву мне приехать не удалось – но душой я сегодня с вами – на вечере любимого журнала!

.....

Борис ЛАПУЗИН

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

Дорогой Станислав Юрьевич! Сердечно поздравляю Вас, коллектив редакции, авторов и читателей с шестидесятилетием лучшего главного народного журнала России! Без “Нашего современника” нельзя представить русскую литературу. Это живой родник умирающему от жажды. Горжусь, что и я имею высокую честь быть вашим автором. Здоровья вам, благополучия, творческого долголетия. Храни вас Бог.

г. Владивосток

.....

*Л. А. ЧУДНОВА,
директор музея, и коллектив
Всероссийского мемориального
музея-заповедника В. М. Шукшина*

“НРАВСТВЕННОСТЬ ЕСТЬ ПРАВДА”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Уважаемые члены редакции журнала “Наш современник”!

Уважаемый Общественный совет журнала!

Поздравляем вас с юбилеем журнала “Наш современник”!

Как и миллионы читателей журнала, мы благодарны за настоящее русское слово, публикации писателей-патриотов, важные и значимые статьи о русской литературе, в том числе и о В. М. Шукшине.

Многие десятилетия журнал несёт знамя Правды, Совести, Добра, помогая вашим читателям, особенно молодым, стать Гражданами страны, истинными патриотами России в самом высоком смысле этого слова, воспитывая художественный вкус к русской литературе.

На протяжении десятилетий “Наш современник” сумел сохранить шукшинский завет: “Нравственность есть Правда, не просто правда, а – Правда. Ибо это мужество, честность, это значит жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду...”

Желаем вам здоровья, творческих успехов, твёрдой и справедливой гражданской позиции на долгие годы!

с. Сrostки

.....

*Лидия ДОВЫДЕНКО,
главный редактор журнала “Берега”*

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ

Глубокоуважаемые, досточтимые Станислав Юрьевич, Александр Иванович и весь прекрасный коллектив редакции!

От всей души поздравляю вас с юбилеем замечательного журнала! С 25-летием руководства журналом Вас, великий труженик Станислав Юрьевич Куняев! Сейчас у меня на столе лежит потрясающий двухтомник Вашего исследования русской литературы двадцатого века “Умом Россию не понять” – аргументиро-

ванная отповедь клеветникам России и разоблачение любви, “исполненной зла”, представителей эпохи Серебряного века, идейных вдохновителей пятой колонны и современного либерализма. Второй том “Терновый венец России”, посвященный русским поэтам от Сергея Есенина до Николая Рубцова, – это актуальнейшие философские размышления о том, что есть русская литература, получившая где-то трагическое определение “терновый венец”.

Поздравляю с 35-летием работы в “Нашем современнике” Александра Ивановича Казинцева, лауреата премии Большая книга, поэта, литературного критика, публициста, автора шести книг и многих публикаций в ведущих центральных и региональных литературно-художественных журналах, члена редакционного Совета журнала “Берега”.

В течение 60 лет журнал “Наш современник” служит патриотической направленности и идеям преданности Отечеству. Спасибо за публикацию лучших авторов России, за Ваше творчество!

Желаю глубоко уважаемому, любимому журналу процветания, замечательных авторов и еще более широкого круга читателей и почитателей!

г. Калининград

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ПО ДИКИМ ОКРЕСТНОСТЯМ ИЕРУСАЛИМА

ПОБИСК

Он командовал взводом разведки,
вольнодумничал в госпиталях,
и Победу, что было нередким,
встретил в бериевских лагерях.

Но воюя, лечась и бунтуя,
в диалектику был погружён,
постигая науку святую,
проживая без денег и жён.

Мы дружили — не то, чтобы близко,
но общались не год и не два.
И высокое имя Побиска
он мне сам разложил на слова.

Поколение Октябрьской эры,
небывалой эпохи Бойцы
и Строители плоти и веры
Коммунизма, как звали отцы.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Дзержинского. Полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Вот что имя побуквенно значит.
А ещё я единственный раз
вдруг увидел, как горько он плачет:
— Слушай, Витька, ведь предали нас...

В ШУЕ

И вот опять я в городе своём
с любовью позабытою вдвоём,
со старостью своей наедине,
с виною, что не утопить в вине.

В провинции рождённые, в Москву
мы уезжали гордо наяву —
на службу, на работу, в институт,
и оказались вдруг ни там, ни тут.

Русополиты, граждане страны,
ни тут, ни там мы нынче не нужны.
Гуляет оголтелая Москва,
бормочет Шуя горькие слова.

ПО ДИКИМ ОКРЕСТНОСТЯМ ИЕРУСАЛИМА

Оставив навек галилейские страны,
пройдя по долине реки Иордана,
расплакался вдруг на ходу
в глухом Гефсиманском саду.

А ученики не предвидели казни,
хотя и носили мечи — из боязни
воров и разбойных людей,
как, впрочем, любой иудей.

По диким окрестностям Иерусалима
пути Его были неисповедимы,
но все на Голгофу вели —
и прочь с этой страшной Земли.

БАРД

Какие глупые слова
и пошлые мотивы!
Растёт, как сорная трава,
искусство примитива.

Не классика, не авангард,
не джаз и не блатнуха.
Бормочет песню юный бард
без голоса и слуха.

Подобный стиль зовется “рэп”
(иль что-то в духе этом),
чтоб сочинить сей ширпотреб,
не надо быть поэтом.

Но надо потерять страну
и веру вместе с нею.
А как я барду их верну?
Я сам их не имею.

ВЕРНОСТЬ

Он всем надоел. Он спивался.
Он даже не пел, он орал,
выписывал пьяные галсы
и дикое что-то играл
на старом дырявом баяне,
висевшем на тощей груди,
блуждая деревней по пьяни,
не видя ни зги впереди.

Смертельный исполнивши номер,
притихнув, но не протрезвев,
он прошлую осенью помер,
прервав безысходный распев.

И мы его похоронили,
затем помянули слегка:
пускай мы его не любили,
а всё-таки жаль дурака.

Прошло чуть поменьше года,
и вдруг в деревенских садах
внезапно явила природа
сверхщедость в осенних плодах.

Ломая и ветви, и сучья,
и даже стволы иногда,
плоды понависли, как тучи,
как гроздья румяного льда.

И лишь под соседским окошком
на яблоне лучшей его,
всегда плодovитой, как кошка,
не выросло вдруг ничего.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Незримо битва происходит
среди всемирной суеты.
И разводящие разводят
перед святынями посты.

“Стой, кто идёт?” Идут потомки,
грядут пустые времена,
круша античные обломки,
божественные письма.

Мы на посту, мы часовые,
и нам приказано с небес
стрелять в идущих — пусть живые,
пускай с душою или без.

Но это правнуки и внуки,
и даже сыновья подчас
под предводительством науки
идут воинственно на нас.

Для них святыни — лишь преграда
на неизведанном пути,
который до конца, до ада
им в жизни выпало пройти.

ИСХОД

Какой туман сегодня на полях
над новгородской древнею пятиной!
И даже птиц не видно в тополях —
последних деревенских исполинах.

И лишь сырое карканье ворон
с околицы доносится уныло.
Ползут туманы с четырёх сторон,
как сорняки на свежие могилы.

Повсюду смерть и отзвуки её,
и красота ухода и забвенья.
Но где-то там, в тумане, — бытиё,
родившееся в это же мгновенье.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ЗАПУРЖИТ, ЗАМЕТЕЛИТ, ЗАВЬЮЖИТ...

НАСЛЕДСТВО

Что на свете на этом оставляю
Я в наследие внукам своим?
Полевые ковры разнотравья,
Поднебесья атласную синь,

Да таёжные ясные дали,
Да седой енисейский простор,
Да ещё... семь отцовских медалей
Боевых, что храню до сих пор.

* * *

Запуржит, заметелит, завьюжит,
Все дороги утонут во мгле —
И опять ретивое затужит
Об оставленной отчей земле.

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края. По образованию учитель словесности, журналист. Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда премий. Неоднократно публиковался в журнале "Наш современник". Живёт в Красноярске.

Как живут там родимые наши,
Потерявшие лад и уют?
Говорят, что не сеют, не пашут,
Только с горюшка горькую пьют.

Я не верю подобным наветам,
Не такие мои земляки...
Ну, а всё же на сердце при этом
Давит камень вины и тоски.

Никогда не простит мне, конечно,
Избяная моя сторона,
Что подумал однажды беспечно:
Без меня обойдётся она...

Потому и болит ретивое
О покинутой отчей земле,
Как пурга заметёт, да завоет,
И дороги утопит во мгле.

* * *

Вот возьму да пойду по Руси
С посошком отмерять километры.
Пусть рубаха моя парусит,
Жидкий ёршик пушится от ветра.

Мне уже не заменит мотор
Серафим пламенеющим углем,
Потянуло на русский простор,
Как индуса на старости к джунглям.

Коли годы зашли за года,
Сыплют соль на виски, как на раны,
Так по-русски — уйти в никуда
И навек погрузиться в нирвану...

Не примите за форс и кураж
Эту тягу к путям в заповедье.
Не случайно ведь в русский пейзаж
Странник с посохом вписан издревле.

ИВАН-ЧАЙ

Когда погибнет лес в пожаре,
Встаёт он первым, примечай,
Среди обуглившихся гарей
Огнеупорный иван-чай.
Как бы дружиной после сечи,
Чтоб новый натиск отразить,
Встаёт и пики к небу мечет,
Врагу незримому грозит.
Встаёт из праха у обочин,
Вокруг полей и чёрных пней,
И от его кистей цветочных
Светлеет, точно от огней.
Встаёт, исполненный отваги,
За кругом круг, за рядом ряд,
И вдоль посёлков, словно стяги,

Куртины трепетно горят...
Жив иван-чай, прошедший пекло.
И да известно будет вам,
Всегда он восставал из пепла
И вновь восстанет! Чай, Иван...

* * *

Мы в пригород въезжали ночью тёмной.
И вот среди столбов, складов, траншей
Он появился, как щенок бездомный,
С наивным бантом вздыбленных ушей.
По снеговой полоске грязно-серой,
Неловко припадая, он бежал
(Куда, зачем, не ведая, наверно)
И сам был сер и грязен. И дрожал.
Звенели электрические сети.
Шёл с рёвом на посадку самолёт.
И вдруг таким чужим на этом свете
Мне показался заячий народ.
“Притормози!” — я попросил шофёра
И вырубил щелчком слепящий свет.
Упала мгла... Лишь в небе над опорой
Светились звёзды, точно зайчий след.

НАД ЧЁРНЫМ ОКТЯБРЁМ

Не говори, что осень плачет...
Светлана Прилепская

Не говори, что осень плачет.
На зиму чуя поворот,
С метелью, с холодом собачьим
Она белугою ревет.

Срывает ветер и уносит
Листву с берёзок и осин...
Не говори, что плачет осень,
Она по-бабьи голосит.

Готов и сам я прослезиться
Осенним днём, ненастным днём,
Когда печально, как вдовицы,
Чернеют ивы под дождём.

Не говори, что осень плачет.
Меж серых рощиц и урём
Она рыдает, не иначе,
Над этим чёрным октябрём.

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

ВЗРЫВ

ПОВЕСТЬ

Несложно понять, что жизнь определяется кумулятивным эффектом ряда значительных потрясений. Логика Чёрного лебедя делает то, чего вы не знаете, гораздо более важным, чем то, что вы знаете. Ведь если вдуматься, то многие Чёрные лебеди явились в мир и потрясли его именно потому, что их никто не ждал.

Нассим Талеб. “Чёрный лебедь”.

1

Всё началось с неожиданного визита ко мне Алексея Малькова. Он появился, как в популярных сериалах об успешных дельцах новейшего времени, на огромном чёрном джипе, дорого одетый, солидный, уверенный в себе господин. Замечу, в самое удобное для меня время. Не рано и не поздно, словно подглядывал или подслушивал, когда я, отзавтракав почти в полдень, — в родном гнезде, каюсь, встаю поздно, — прилёг было с книжкой на раскладушке в нашем старом заброшенном саду, посаженном ещё моим дедом. Он зашёл во двор, цепко охватив своими рыже-коричневыми, с мелкими

ПОПОВ Александр Владимирович родился в 1953 году во Владимирской области. Окончил Московский полиграфический институт. Работал корреспондентом “Комсомольской правды”, “Огонька”, заведующим отдела очерка и публицистики журнала “Молодая гвардия”, заместителем главного редактора исторического журнала “Родина”, шеф-редактором журнала “Союзное государство”, главным редактором интернет-изданий. Живёт в Москве.

белыми вкраплениями, как оперенье у ястреба, глазами моё небогатое обиталище, и с порога, как будто мы и не расставались на добрых три десятка лет, сделал мне предложение, от которого — опять же, как говорили в известной киносаге, — было невозможно отказаться.

Но прежде о самом Алексее Малькове, Лёхе, моём, можно сказать, приятеле ещё со школьной скамьи. Мы учились с ним в одной школе, правда, в параллельных классах. Что-то нас сближало и тянуло друг к другу однозначно. Хотя до старших классов мы не знали, росли, что называется, на разных площадках. Я в старой черте города, у реки, где город собственно с незапамятных времён и начинался, выбираясь широкой, застроенной старыми особняками (ампирные подсушенными подсолнухами отцветают до сих пор) улицей вверх по высокому правому берегу к площади. До известных событий начала прошлого века это была Дворянская улица. Я жил по соседству с Дворянской среди также сохранившихся до наших дней, вросших в землю с немереной силищей двухэтажных купеческих домов и лабазов. В этой части нашего древнего Свободоярска издавна обитала публика пограмотнее, почище, поукоренёнее. Лёха рос в новом микрорайоне, в так называемых Черёмушках, куда в пятиэтажные, пыльно-легковесные панельки во второй половине шестидесятых прихлынула волна сельского люда из “неперспективных” окрестных деревень и многочисленных итээровцев, прибывших на в одночасье начавшие строиться “номерные” заводы — “почтовые ящики”, как их звали в городе. Я рос в семье школьных учителей второго поколения. Родители Лёхи работали инженерами на споро, как по щучьему велению, возведённых, тех самых закрытых “почтовых ящиках”.

Задружились мы с Лёхой, как я уже говорил, только в десятом классе. Сближение началось так стремительно, как стремительно могут сближаться или становиться непримиримыми врагами подростки, почуввшие каждый за собой лидерские качества. Без лишней позы скажу, что в своём десятом “А” признанным интеллектуалом был я. Лёха на голову превосходил всех в десятом “Б”. Пользуясь своими неожиданно открывшимися возможностями, я мог блеснуть, разумеется, в дозированных объёмах и в “правильной” интерпретации, познаниями, мало кому ведомыми тогда. Скажу так, мне нечаянно открылись имена Розанова, Мережковского, Гиппиус, Нилуса, Бердяева, Соловьёва... Страшно сказать, я даже осилил тогда “Волю к власти” Ницше. Пусть не всё понимаю, но всё это я читал тогда, улавливая, что это, как сказали бы сейчас, круто... Так что я чувствовал себя вполне авторитетно, рассказывая о жизни, скажем так, другой, спрятанной, закрытой. Дореволюционной, словом. Лёха, надо заметить, давал мне фору, что называется, в дне сегодняшнем. Он иногда подпускал такие оценки того, что происходило на самом верху, рассказывал такое, что не вещали даже по “голосам”, и мне становилось жутковато. Не знаю, почему, но политики я как-то интуитивно сторонился. Возможно, сыграл свою роль отец своими страшными рассказами, как прихватили, правда, потом отпустили, после войны деда, учителя естествознания, за какое-то неверное слово о генетике на педсовете в школе. Как дед за какие-то полгода пребывания ТАМ превратился в развалину, не смог уже работать, на глазах чахнул, успел, правда, разобраться со старым садом, уже не родящим, посадил новый и в одночасье умер, не дожив до шестидесяти...

Но молодость доверчива, и с Лёхой встречаться было интересно. Местом наших встреч был каким-то чудом уцелевший, довольно протяжённый, километра в полтора-два, городской крепостной вал. “Тут, кроме земляных, ни одного жучка”, — говорил обычно Лёха, когда мы поднимались на высокий гребень мощного оборонительного сооружения, где в густой траве всегда была натоптана местными влоблёнными тропинка. “При чём тут жучки?” — спрашивал я. Лёха покровительственно выпячивал свою и без того внушительную, тяжёлую, какую-то неандертальскую нижнюю челюсть, снисходительно поглаживал меня сверху вниз рыже-коричневыми, ястребиными глазами и, глумливо озираясь, нарочито понижая голос до шёпота, рассказывал о поделушивающих устройствах, расставленных в нашем городке, по его словам, повсюду, чуть ли не в общественных туалетах. “Откуда знаешь?” —

снова задавал вопрос я, закипая от Лёхиной снисходительности и покровительственного тона. “Так у меня же родители инженеры, на военном заводе пашут... Они же эти штучки и делают!” — напускал важности Лёха. “А потом, — добавлял он, хитро прощупывая меня взглядом, — есть один человек... Он знает всё”.

Вот так мы и гуляли, самолюбиво меряясь всезнайством и начитанностью, касаясь дерзко с юношеской лёгкостью материй сложных и непростых, но проявляя, как мне всегда казалось, друг к другу какое-то странное недоверие и осторожность. Я напускал форсу размышлениями о декадансе, Серебряном веке, распаде придворной элиты, всеобщей заражённости революционными идеями, бездействии и мягкотелости последнего царя. Лёха опять же, снисходительно посмеиваясь, разворачивал мои повествования, как зеркало, к нашей действительности, и я с ужасом обнаруживал многое похожим. Я не мог взять в толк, как это у него так ловко получается, но это умение, если так можно сказать, мне сильно не нравилось. Не нравилось, что он мог так ехидно поддусить в любой обсуждаемой теме какую-то очень важную жилку, что всё распадалось и, самым неожиданным образом осмеянное, приобретало какой-то окарикатуренный, опошленный смысл.

Ловок был Лёха, энергичен и наступателен во всём. Выше среднего роста, весь словно сплетённый из мышц. На стадионе не было ему равных в беге, прыжках в высоту, подтягивании на турнике, игре в футбол. Помнится, он пробовал меня учить владеть мячом, поскольку футболисты почему-то всегда нравятся красивым девушкам. А для нас обоих успех у девушек, непременно красивых, был чем-то непреложно-обязательным в развитии неординарной личности, к коим мы себя, не признаваясь открыто, однозначно относили... Главное, говорил он, в игре, на поле, не поддаваться эмоциям, сохранять хладнокровие, всё делать продуманно и неожиданно, постоянно перемещаться, обманывая ложными движениями противника, у чужих ворот, будучи с мячом, выбрать позицию без силуэта соперника по кюре и прицельно пробить так, будто тебе в носок бутсы залили свинец, тогда мяч, как из пушки, точно пойдёт, куда ты захочешь. При ударе нога должна превращаться в свинцовую битую, и мяч подвластен тебе, как по уши влюблённая в тебя девушка, разъяснял Лёха. На последних словах он как-то особенно начинал подсмеиваться, и покровительственная снисходительность так и перела из него. Но как я ни старался представить при ударе по мячу, что моя нога превращается в какое-то подобие железного рычага, ничего у меня не получалось. У Лёхи же мяч пробивал самые глухие стенки и самых ловких вратарей. Поэтому по нему сохли самые красивые старшеклассницы и поэтому его покровительственная снисходительность ко мне становилась всё невыносимее. К исходу десятого класса, перед поступлением в институт, моя дружба с Лёхой предсказуемо завяла.

После школы наши дороги разошлись окончательно. Я поступил в Москве в университет на факультет журналистики. Печататься начал ещё с класса восьмого в “Уголке краеведа” нашей “Зорьки”. Так звали у нас в обиходе районную газету “Заря коммунизма”. Мальков тоже в столице стал неожиданно студентом строительного института, хотя в период нашей дружбы он не раз говорил, что мечтает быть только гуманитарием. Тут-то и выяснилось, как простоудушно и даже с гордостью рассказала мне родственница Лёхи, которую я случайно встретил в электричке, что протолкнул Малькова в институт почти вне конкурса его родной дядя, ходивший, оказывается, в Москве в больших чинах.

Московская стихия захватила каждого из нас стремительно и повлекла по своим рукавам и течениям. С первых же курсов я пристроился в центральную газету, и тут уже мне было не до одноклассников. Карьера моя складывалась как-то очень буднично и ровно, если моё профессиональное становление можно было вообще назвать карьерой. Мне, беспартийному, серьёзных постов не предлагали, но простым корреспондентом брали везде охотно. Перепробовав немало редакций и специализаций, я остановился на культурной ниве. Писал о музеях и театрах, премьерах и дебютах, книжных новинках, выставках, актёрах и писателях. Незаметно вошёл и стал своим

в пёстром, переливающимся разными красками и оттенками мире так называемых творческих людей. Ни к каким политическим, идеологическим течениям, которыми так богата российская творящая публика, не примыкал, что и обернулось, как показало время, мне только во благо. Когда рухнул советский строй, я нисколько не потерял. Как писал, так и продолжал пописывать статейки на культурные темы. И даже более того, стал зарабатывать приличнее. Многие прежние светила закатывались в небытие и, чтобы не погаснуть окончательно, охотно платили редакции за рекламные заметки. Ну, а о восходящих звёздах, рвущихся к популярности и деньгам, и говорить не приходилось. Они последнее отдавали ради нескольких строчек в большой газете. Шоу-бизнес стремительно набирал обороты. Правда, тут я должен оговориться, брал я только свой процент, о суммах и передачах денежных средств болели головы доверенных лиц кумиров публики и редакционных рекламных агентов. Я только писал и визировал тексты, финансовая сторона дела меня не касалась. Таинственный, мистически-катакомбный мир денег, как и политика, меня пугал и отвращал от себя.

О Малькове же изредка доходило, что после института он стремительно пошёл в гору. Стал чуть ли не замом градоначальника по строительству. Опять же, говорили, благодаря дяде, который после распада Союза только набирал вес в кремлёвской администрации, в которой оказалась благодаря близости с первым президентом, когда того в годы чрезмерного фрондёрства турнули с партийного олимпа в главное строительное ведомство страны. Там-то Лёхин дядя, оказывается, и работал всегда не на последних должностях. С будущим первым президентом, а тогда задвинутым опальным партийным функционером он, как невнятно докатывалось до меня, сошёлся без страха и упрёка, подставил, так сказать, плечо в трудную минуту. Будущий первый президент оценил отважного чиновника и воздал должное, когда воцарился в кремлёвских палатах. Потом, я слышал, Лёха Мальков попал в немилость к большому начальству, будучи напрямую замешанным в политической истории, точнее, как поговаривают, в её тайной, какой-то законспирированной части, когда его шеф-градоначальник попытался вскарабкаться на вершину российской власти. Дядя, говорят, был в ярости, орал на Лёху, что у того, мол, совсем отсутствует политическое чутьё, и заставил его от греха подальше убраться из Москвы. Так Лёха неожиданно снова появился в родном городе. На малой родине не пропал, быстро открыл строительную фирму и весьма преуспел, слыл долларовым миллионером. Тут уж мы совсем перестали друг друга признавать. Сытый голодному не товарищ... И вот вдруг этот странный, неожиданный визит.

Лёха как ни в чём не бывало, будто мы расстались только вчера, предложил мне поддержать через прессу, — оказывается, он следил за моим “творчеством на культурном фронте”, — восстановление храма-часовни, поставленной более ста лет назад на месте сгоревшего древнего скита, основанного чуть ли не одним из учеников Сергия Радонежского.

— Так она же в запретке! — удивился я.

— В этом-то всё и дело, — отвечал Мальков, — тут через такие бюрократические чащобы пробираться надо, что без шумихи в СМИ не обойтись. А дело правое. Восстановим памятник архитектуры, откроем храм, где солдатики будут приобщаться, так сказать, Святых Тайн, — почему-то усмехнулся он.

— А кто будет заниматься непосредственно восстановлением? Денег потребуется немерено. Насколько я слышал, часовню эту уже давно сровняли с землёй.

— Я и буду заниматься, — пружинисто, как в юности, заходил-затанцевал вокруг меня Лёха. — У меня сейчас целая бригада мастеров, от скуки на все руки... и денег хватает. А то, что сровняли с землёй... Так мы уже провели предварительное обследование — фундамент целёхонький, даже подвальное помещение сохранилось, только землёй немного засыпано, почисть и воздвигай по новой. Главное, разрешение пробить. Поможешь?

Я замялся. Помочь благому начинанию — дело благородное. Но что-то смущало в напористости Лехи, в его какой-то агрессивной нахрапистости,

нарочито подчёркиваемой благотворительности. “Бизнесмен, — подумал я, — набрался наглости, везде пальцы веером...”

— А как удалось... обследовать часовню? — вдруг вынырнуло во мне. — И почему именно эта часовня?

— Да есть там... свои люди, — махнул рукой Лёха в сторону Заречья, — попросили... Ты что, сомневаешься?

— Не просто будет... — почему-то тянул с ответом я.

Золотой крестик часовни ещё до начала восьмидесятых влекуще поблёскивал на закате солнца в таинственных лесах Заречья. Картина с нашего высокого берега, где стоял родительский дом, пьянила меня с детства. Синееющие лесные дали и одинокая искорка блестящего золотом крестика как напоминание о какой-то иной, сказочной, истаявшей во времени России... Особенно остро переживалась невозвратность чего-то волшебного и прекрасного, когда свет крестика истончался, затухал в сумерках, а я, уже будучи подростком, возвращался в дом, включал настольную лампу и пристраивался в кресло с какими-нибудь “Поучениями Тихона Задонского”...

Я представил, что крестик засияет вновь, и неожиданно согласился.

— Ну, вот и славно, — заулыбался Мальков. — На традициях Россия держится. И мы никому не позволим их нарушать, — подмигнул он. — Ещё в историю войдёшь... Ну, в плане, — хмыкнул он, — что золотыми буквами твоё имя на доске попечителей типа информационных будет выгравировано, когда часовню открывать будем... Через пару деньков загляну, ты всё прикинь, поговорим детально. Кстати, — бросил он как бы мимоходом, когда уходил со двора, — берлога твоя на один бок заваливается. Надо бы фундамент подкачать, да и вообще подремонтировать родимое гнездо. Я пришлю молодцов.

На следующий день, снова не поздно и не рано, когда я, напившись чаю, принялся выкашивать траву в саду (мне не понравилось, как насмешливо заиграл глазами Лёха, когда воззрился на лопухи и крапиву между деревьями), к дому подкатил тяжело гружённый “рафик”. Трое молодцов — иначе о них и не скажешь (вспомнилось словечко Малькова!) — в одинаковых жёлто-синих комбинезонах, одинаково рослые и крепкие, как из инкубатора, стали сноровисто и ловко заносить во двор мешки с цементом, упакованные в целлофан пластмассовые рейки, какие-то металлические заготовки, кирпич, инструменты.

Один, видимо, старший, в усах с проседью, поздоровавшись, деловито осведомился, из какой комнаты лучше вывести электричество на улицу.

— Вы кто? — опешил я.

— Нас прислал Алексей Константиныч, сказал, что надо укрепить у вас фундамент, выровнять дом, обшить сайдингом, пристроить веранду, сделать по ремонту, на что укажете, — чётко доложил Усатый.

— Да какое он имеет право, ваш Алексей Константиныч! — сорвался вдруг я. Мысль о грубом подкупе буквально взорвала меня.

— Как скажешь, хозяин! — буднично буркнул Усатый и стал тыкать пальцем в кнопки мобильного телефона.

— Ваш друг не понимает, зачем мы приехали, — сказал он в телефон и протянул трубку мне.

— Кирилл, — услышал я голос Лёхи, — ты чего там волну гонишь? Это не взятка, это дружеский жест, мне это ничего не стоит. А недельки за две мои архаровцы превратят твоё бунгало в приличное жильё. Тебе не стыдно так жить, столичный журналист?! Ты посмотри, что рядом с тобой деется, какие дворцы вдоль реки гоношат... Всё, всё! Какие, однако, мы ёжики! — с лёгкой, аккуратной насмешливостью увещевал он. — Через два дня я у тебя, думай, как будем часовню из праха поднимать.

Он отключился, я, остывая, пожал плечами и протянул телефон Усатому.

— Ух, какой у вас вид открывается, — сказал он, глядя в Заречье, — красота... Хотите, мы беседку в саду поставим, будете сидеть, чаёк попивать, любоваться... А если ещё бинокль прихватить! — Он мечтательно поцокал языком.

— Раньше смотреть в бинокль в ту сторону запрещали, — сказал я, — по крайней мере, негласно.

— Сейчас смотри, сколько влезет, — ответил Усатый, — только что увидишь? Там всё под землёй.

— Приходилось бывать?

— Нет, — на секунду замешкавшись, скупо бросил Усатый, — рассказывают... Ну, показывайте дом... Начнём с фундамента, с подвала, значит.

По массивным известняковым плитам, за столетия отполированным ногами до гладкости яичной скорлупы, по промятой временем в камне дорожке мы спустились в подвальное помещение. Под сводчатыми, красного кирпича потолками было просторно, гулко и сухо. Удивительно сухо и до странности свежо и не пыльно, словно гигантский компрессор днём и ночью работал по очистке воздуха в подвале. Я это ещё подростком заметил, когда по разрешению отца начал разгребать там вековой мусор. Я мечтал тогда создать музыкальную группу (по обвальнoй моде тех лет брэнчал на гитаре, пел под Высоцкого, слушал затёртые записи “Битлов” на катушечном магнитофоне) и репетиции, а потом, возможно, и концерты проводить в подвале. И акустика прекрасная, и не мешаем никому, и человек до пятидесяти запросто могли вместить пространства под домом. Полгода, не меньше, я положил на расчистку подвала. Вот тогда-то и обнаружил под завалами разнокалиберного барахла вместительный деревянный ларь, забытый подшивками “Нового времени”, “Речи”, иллюстрированных приложений к “Ниве”, томами Соловьёва, Мережковского, Бердяева, Розанова, Ницуса, Ницше, Шопенгауэра, сотнями тоненьких книжечек, народных изданий “Житий...”. Эта находка потрясла меня. Отец преподавал историю в школе, и я уже кое-что понимал в книгах, и не только. Дома на полках стоял послевоенный Ключевский, Платонов, Сергей Соловьёв, разрозненные томики дореволюционного Карамзина... Отец пришёл в ярость, когда узнал, что я читаю в подвале. Но проведя самую тщательную ревизию находки, успокоился. Реквизировав только Ницше, Ницуса, Меньшикова и с десяток брошюрок по национальному вопросу, он разрешил мне, как ни странно, читать всё остальное, не по педагогически, правда, заметив, что, мол, мало что пойму, но для юношеского тщеславия, особенно если попаду в институт, будет весьма полезно. И за это вспоминаю я отца всегда с особенной теплотой и уважением. Царствие ему небесное! Понимал человека...

— Э, да тут не подвал, а целое бомбоубежище, ядерный взрыв можно пережить, — сказал Усатый, оглядывая стены, выложенные огромными, грубо тёсанными валунами, которые до сих пор в изобилии разбросаны по берегам нашей речки. — Давно владеете хоромами? — сделал он рукой полукруг над головой.

— Ещё дед купил в начале тридцатых, — отвечал я.

— А до вас тут кто жил, в смысле, когда поставили дом?

— Насколько знаю, дом принадлежал какому-то почтенному старому роду священников, Смирновы, кажется, была их фамилия... Они тут жили чуть ли не с семнадцатого века... и дом они построили.

— Вот я и смотрю, капитально, на века, сработано, — одобрительно хлопал ладонью по серым спинам валунов Усатый. — Интересно, — добавил он, мазнув в разных местах пальцами по стенам, — пыли совсем нет.

— Давно замечено, — сказал я. — Как вы думаете, почему?

— Тяга, очень хорошая тяга... Тут и нужна всего лишь тонкая струйка, но постоянная, — ответил Усатый, с особнным вниманием оглядывая помещение.

— Тяга? — удивился я. — Здесь нет ни одной вытяжки, кроме вечно закупоренного слухового окна.

— Возможно, секрет какой-то есть, старые мастера умели... — с деланным равнодушием, как мне показалось, пожал плечами Усатый. И неожиданно перевёл стрелки разговора: — Так, значит, Смирновы были, говорите, эти священники?

— По-моему, так. А что?

— Да так, ничего... Наверное, просто совпадение, — отвечал Усатый, извлекая из сумки, висевшей у него через плечо, уровень и прикладывая его к полу. — Ну вот, так я и думал, эта сторона к реке капитально просела...

Горка подмывается, тут, может, по крупице всего за год, а за три века дом всё-таки повело.

— И что делать?

— Надо бить шурфы под фундамент, жидкий бетон заливать...

— Не навредим? Как бы чего не стронуть... стоит себе и стоит, тронешь — развалится, — обеспокоился я.

— Не волнуйтесь, мы с этой стороны углы ещё поддомкратим и свод стальными швелерами укрепим... Сделаем, как надо. Ещё пятьсот лет хибара простоит.

После подвала осмотрели низенький цокольный этаж — подклеть, как говорили в старину, — наметили, от какой розетки через форточку будет выведено электричество на улицу, чтобы подключить циркулярку; по деревянной, в два пролёта, довольно крутой лестнице поднялись на второй, жилой этаж дома. Что-то меня царапнуло в разговоре с Усатым, и я напрягался — что?

— Неплохо жили эти священники Смирновы... даже по современным меркам, — сказал Усатый, когда мы после осмотра дома решили (жадность какая-то на дармовщинку всё-таки проснулась во мне) обить его изнутри вагонкой, снаружи обшить сайдингом и пустить вдоль цокольного этажа круговую веранду. И тут меня словно осенило:

— А о каком совпадении вы намекали?

— Да так, ерунда, — пробовал отмахнуться Усатый. — Я предлагаю светло-зелёный, почти салатный сайдинг... У вас тут всё в зелени, светло-зелёный хорошо впишется.

— Нет, и всё-таки? — клещом впился я.

— Ну, в общем, тут, — как бы нехотя сказал Усатый, — словом, в монастыре появился где-то месяца два-три назад новый старец... Нектарием зовут, говорят, из-за границы приехал, из Америки... и ещё он, якобы, здешний...

— И что? — ёкнуло у меня сердце.

— Да ничего! — усмехнулся Усатый, и как-то вкрадчиво добавил: — Слышал, как это у них, у монахов, говорят, что в миру он был Андрей Смирнов.

“Осведомлённый мастеровой”, — подумал я и, не скрывая любопытства, спросил:

— И сколько ему?

— Рассказывают, древний уже дедушка... под девяносто, — как-то испытующе посмотрел на меня Усатый и отвязанно-бодро спросил: — Так какой выбираем сайдинг? Мы привезли образцы — розовый, светло-зелёный, жёлтый... какой?

— Мы же договорились — светло-зелёный, — механически ответил я и подумал: зачем он мне всё это рассказал? Ведь явно с каким-то определённым смыслом он до меня всё это донёс.

Усатый с самым невозмутимым, в чём-то, впрочем, очень довольным выражением на лице отошёл к своим напарникам. К своему удовольствию (потому что терпеть не могу табачный дым) я заметил, что никто из них не курит. А один, когда мы осматривали дом, легко и играючи покрутился на турнике, сделанном ещё моим отцом между двумя липами перед крыльцом.

Посоветовавшись с коллегами и созвонившись, как я понял, с Мальковым, Усатый объявил мне, что они приступают к работе немедленно.

— Хозяин отвёл на всё про всё две недели. А работа в подвале... — скорчил кислую гримасу он, — аховая... Стены, думали, кирпичные, а они оказались из речных валунов. Попробуй, пробуй их тут!

Может, и не надо начинать всю эту канитель, подумал было снова сказать я, но воздержался — время для отказа было упущено, ломакой выглядеть в глазах Лёхи и рабочих мне показалось не солидным. Все эти улыбочки, усмешечки, памятная Лёхина снисходительность — нет уж, увольте, будь что будет!

— Начинайте, коли так. А я пойду прогуляюсь. — Неожиданный план созрел у меня, и я почти в каком-то нетерпении заспешил со двора.

Между старыми яблонями, высаженными по тёплому, солнечному склону косогора, на котором стоял наш дом, по едва заметной тропинке, натеренной только мной, я спустился к реке, где меня поджидала на отмели лодка, привязанная цепью к вбитой в песок железной трубе. Летом, когда мне приходилось бывать здесь в отпуске, я брал себе за правило ежедневно ходить на вёслах по нашей тихой, всегда ласковой и светлой речке. С годами я начал, как и все люди, физически себя практически не утруждающие, грузнеть, заплывать жирком. Месяц упражнений на лодке выправлял меня, я начинал чувствовать себя попроворнее, появлялись мышцы, пропадал животик.

Невеликая речка наша имела причудливое название Богана. В просторечии её коротко звали Боганка. Почему её так называли? Думаю, из-за красоты и благолепия здешних мест. С высоких холмов по правому берегу, поросших золотыми мачтовыми соснами, открывались, как я уже говорил, волшебные дали безбрежного леса на левом, низком берегу реки. У многих здесь, думается, открывались сердца Богу. Не случайно лет семьсот назад на одном из таких холмов завёлся монастырёк, который разросся потом и снискал к середине позапрошлого века поистине всенародную любовь, превратившись, по выражению одного из отцов церкви, в “духовную санаторию многих израненных душ”. От города монастырь стоял километрах в трёх вниз по течению Боганки.

Вот до него-то я и решил неожиданно в тот день сплавиться на лодке.

Вниз по течению моя небольшая дюралевая лодочка, сработанная на заказ умельцами на одном из военных заводов ещё в советские времена, скользила как по маслу. Изредка днище с сухим шуршанием царапало о речной песок. Речка явно мелела. Но всё равно она была ещё в своих естественных берегах и кротко несла свои чистые струи, как и сотни лет назад, куда-то на юг, через малые и большие реки к синему морю. А вот прибрежный ландшафт менялся на глазах. Я давно не был в этой части Боганки (обычно для большей нагрузки на мышцы ходил против течения, в верховья реки) и поразился, как буйно облепили её красный, правый берег роскошные особняки, окружённые высокими заборами. Выхватывались лучшие куски: среди сосен, участок непременно до самой воды. Вспомнились рассказы о золотом дожде, обрушившемся на главу местной районной администрации — заполучить землю под строительство дачи здесь стоило недёшево.

Но вот река начала плавно уходить влево, выгнулась кудрявой от деревьев и кустарника зелёной дугой, затем снова взяла вправо, и на открывшемся полуострове разом выросли, как суровые витязи в чистом поле, сторожевые башни нашего прославленного монастыря.

Надо отдать должное стараниям и чувству красоты монастырских насельников. Крутой склон холма, на котором осанисто и живописно расположились храмы и постройки монастыря, со стороны реки был чисто, как под бритву, выкошен. Вверх к монастырским стенам вела тропинка-лесенка, выложенная недорогой, но прочной плиткой. Солнце клонилось уже к западу, и на теневой, восточной стороне холма короткая отава отливала сочным, изумрудным блеском. Чистоту, благость и покой разливало святое место вокруг себя...

Сторож, молодой инок с редкой, просвечивающейся бородкой учтиво предупредил меня на входе, что до закрытия монастыря осталось полчаса. Я справился, как мне отыскать старца Нектария. Выяснилось, что старца сегодня нет, он в отъезде.

— В Москву отбыл, — сказал монашек, внимательно заглядывая мне в глаза. И не без некоторой гордости, словно на что-то решившись, добавил: — К Его Святейшеству уехал... будет дня через три.

Я поблагодарил и испросил разрешение погулять по монастырскому двору. “Однако старец этот непростой, если его принимает Патриарх”, — думал я, прогуливаясь среди отцветающих розовых кустов, обильно высаженных по всему периметру монастыря. “И это хорошо, что сегодня мы не встретились, это добрый знак, иначе как бы я объяснил желание встретиться с ним? Тем только, что меня распирало любопытство узнать, не из наших ли он Смирновых? Но это же глупо и наивно. Значит, не время...” — толкалось в голове. Колокол пробил к вечерне, я поспешил к выходу.

У монастырских ворот, прощаясь со сторожем, почему-то сунул тому в руку как-то помимо своей воли визитную карточку с просьбой передать старцу.

— Не извольте беспокоиться, всё будет исполнено, — словно из девятнадцатого века ответил в поклоне монашек, коротко взглянув на визитку.

Через два дня, как и договаривались, меня вновь посетил Лёха Мальков. На сей раз он приехал к вечеру, был чем-то сильно озабочен и, едва поздоровавшись, в каком-то нетерпении предложил осмотреть “фронт работ”. Меня это озадачило, я ожидал, что речь, прежде всего, пойдёт о часовне. Но Лёха так и рвался в подвал.

А там шёл дым коромыслом. Рабочие в респираторах орудовали отбойными молотками, шуршала и чмокала серым месивом в своей круглой утробе бетономешалка, нестерпимо ярко высвечивала тёмные углы подвала электро-сварка. Лёха, сопровождаемый Усатым, нервно заходил вдоль стен, как-то особенно внимательно разглядывая и изредка колуная пальцем швы между серыми глыбами валунов. У одного, овальной формы и чуть ли не в рост человека, он на мгновение задержался и бросил быстрый, незаметный взгляд на Усатого. Тот практически неувидимым движением головы, только глазами, утвердительно кивнул.

— Какой великан, матёрый человечище, — с особенной лаской погладил камень Лёха, — скольких трудов стоило обтесать тебя, приладить сюда! Ты представляешь, Кирилл, — сразу повеселев, обратился он ко мне, — точно такими же валунами обложен подвал разрушенной часовни. О чём это говорит? — сказал он, как-то странно разулбыбавшись в сторону Усатого. Тот напряжённо замер. — А о том, что наши предки умели пользоваться подручным, местным материалом, не то что мы — всё тянем из-за границы, — с нарочитой назидательностью закончил Лёха. Усатый, показалось, выдохнул. — Ну, как твой план по раскрутке проекта, готов? — бодро спросил меня Лёха.

— Пойдём, потолкуем, — кивнул я вверх.

— Минуту, — сказал Лёха, словно спохватившись, — на какую глубину бьём шурфы, цемента хватает? — задал он вопрос Усатому.

— Глубины разные, в среднем до полутора-двух метров, — отвечал тот, со значением глядя на Малькова, — бетон, крепёж не жалеем.

— Не затягивайте, у вас две недели, не больше... впереди гособъект, — многозначительно бросил Усатому Лёха уже с подвальных ступенек.

— Пойдём на вал, прогуляемся... молодость вспомним, — неожиданно предложил он, когда мы вышли во двор.

— Хорошая идея, — согласился я.

— Только ты мобильник дома оставь, — усмехнувшись, сказал Лёха.

— Там кроме земляных, ни одного жучка, — подхватил я.

Лёха одобрительно хмыкнул и выпятил свою внушительную нижнюю челюсть:

— Всё помнишь...

Странная, какая-то разнеженная, тёплая доверительность долго не покидала нас в ту более чем двухчасовую прогулку по древнему валу, старому городу, памятным местам детства и юности. Мальков с удовольствием рассказывал о себе, двух уже взрослых дочках, оставшихся в Москве, расспрашивал меня о моей жизни. О политике (что меня, признаюсь, насторожило) речь не заходила. Только один раз, коснувшись неудачной попытки вхождения в верховную власть его бывшего шефа, у него вырвалось что-то похожее на “реванш ещё будет”, но он быстро поправился и ловко перевёл разговор на что-то другое. Суждения его были умны и взвешенны, даже осторожны. От юношеского радикализма, казалось, и следа не осталось. Изменился сильно Лёха и внешне. Встречаются люди, о которых говорят, что их жизнь не берёт. Они узнаваемы и в тридцать, и в пятьдесят, естественно, с поправкой либо на усыхание, либо на прибавление в фигуре. Таких при встрече почему-то хочется радостно обнять и расцеловать. “Вот, думаешь, этот прожил светло и праведно, и лик его не тронули “свинцовые мерзости

жизни”. О Малькове, с его лицом, можно было сказать, что его жизнь буквально переформатировала. Такая во всём его облике, на челе появилась угрюмоватость и решительная непроницаемость, что при встрече с ним, я думаю, многие, наверно, начинали испытывать беспричинное беспокойство и даже, может быть, страх. К тому же он решительно раздался в плечах, как-то весь заматерел, обрюзг. Коротко стриженный, с этой своей чрезмерно развитой нижней челюстью, Лёха чем-то напоминал известных субъектов из “лихих девяностых”, не хватало только спортивных штанов и кожаной куртки. Словом, я бы его не сразу признал, встретив случайно на улице. Хотя, быть может, по глазам... По этим странным, цвета ястребиного оперенья глазам, по-прежнему смотревшими с какой-то острой нагловатинкой, я бы его всё-таки вспомнил. От прежнего Лёхи Малькова остались неизменными только пружинистость и ловкость в движениях, и, как мне показалось, сила и выносливость. По крайней мере, сколько я ни прислушивался к Лёхиному дыханию, когда мы карабкались на вал, я не услышал тех глубоких одышливых вздохов, которым даже при незначительных физических нагрузках было подвержено уже большинство моих сверстников.

Мальков в целом одобрил мои предложения по раскрутке идеи восстановления часовни. Ему приглянулась по вкусу мысль, что должны быть задействованы все уровни информационной машины — от нашей районной “Зорьки” (к слову, после падения советской власти “Зарю коммунизма”, словно прислушавшись, наконец, к народной традиции всё сокращать и спрямлять, безжалостно усекли до “Зари”) до ряда центральных или, как теперь говорят, федеральных, изданий. После более чем тридцатилетней практики у меня, что называется, везде были свои люди. Лёха, надо отдать ему должное, проявил довольно тонкие познания особенностей так называемого медиарынка. Два или три предложения он решительно отверг по идеологическим соображениям. Публикация, например, в оппозиционной “Свежей газете”, по его словам, могла вызвать негативную реакцию в “главной администрации, а дальше по всей цепочке до Минобороны и Патриархии”; заметка в консервативном “Полдне” могла насторожить чутких либералов в правительственных кругах. Остановились на ряде солидных нейтраллистов. “И ещё, — насмешливо (не утерпел-таки) посмотрел на меня Лёха, — можешь смело обещать, статейки будут не за так”, — он обозначил в довольно приличных суммах вознаграждение в зависимости от объёма публикации — и здесь он знал толк! — за “писательский” труд. Как-то особенно Лёху заинтересовала, я бы даже сказал — взволновала мысль привлечь к процессу начальника пресс-службы одной из палат парламента, моего давнего приятеля Мишу Васильева.

— И давно ты его знаешь? — так и засверлил меня глазами Лёха.

Я отвечал, что ещё со студенческой скамьи.

— Интересно, очень интересно, — по-боксерски пружинисто заходил, затанцевал (что означало, как я ещё с юности приметил, высшую степень заинтересованности) вокруг меня Лёха. — И что, он... близок к спикеру?

— Не знаю, — насторожился я, — знаю, папку с пресс-релизами носит своему шефу каждое утро. А что?

— Отлично, — пропустил мимо ушей мой вопрос Лёха и умело сбавил обороты: — “Шеф” может и наше письмо в Минобороны, так сказать, подписать... Не подпишет — так даст поручение профильному комитету. Отлично, — уже как-то задумчиво повторил он, — а я-то всё думал, как покренче зайти на вояк... Слушай, старик, — рассеянно и отстранённо сказал он (чувствовалось, какая-то сильная мысль овладела им), — а ты не можешь его, ну, этого, своего приятеля, пригласить сюда? Шашлык, рыбалка, охота — всё организуем!

— Почему бы и нет, — пожал плечами я. Меня напрягло странное волнение Лёхи. — А что военные? Почему они сами не хлопочут? — неожиданно вырвалось у меня.

— Хлопочут, хлопочут, — поморщился Лёха, — но там надо получить столько допусков, что без возгонки общественного мнения вряд ли что получится.

— Но и всё же, может быть, нам встретиться с командиром части, объединить усилия? — не унимался я.

— Да с ним уже всё проговорено... Но ему просто некогда заниматься этим делом и не до встреч с нами, — заелозил Лёха.

— А что он за человек? Нет, всё-таки неплохо бы лично с ним познакомиться, — продолжал гнуть я свою линию.

— Ты это серьёзно? — надулся вдруг Лёха и посмотрел на меня, как на маленького. — Он практически засекреченный, на встречу с ним требуется специальное разрешение. Кто тебе его даст?! Ты по наркоматам замучаешься бегать!

— Но ведь тебе-то как-то удалось... если “всё проговорено”, — подлювил я Лёху.

— Случайно, тут особый случай, — попытался отмахнуться Лёха, — об этом как-нибудь потом...

— Случайно? Какая-то здесь невинятица... От кого исходит инициатива восстановить часовню? — решительно надавил я на Лёху.

— От вояк, естественно, от вояк, — начал злиться, сдерживая себя, Лёха. — Ну, что ты пристал? Какая теперь разница, тут дело надо делать!

Я решил не портить встречу и отстал с расспросами. На этом мы в тот вечер и расстались.

2

На следующий день я заставил себя встать пораньше, где-то около восьми. Ещё с вечера наметил прозвониться наиболее доверенным московским писакам, связаться с Мишей Васильевым (с утра их ещё можно было всех застать на работе) и, если позволят время и обстоятельства, забежать потом в нашу “Зорьку”. Впрочем, поспать бы мне всё равно не дали: у дома уже сноровисто орудовали, перетаскивая из машины мешки с цементом, трое моих ремонтников. “Сколько же они бетона вбухивают в подвал, — отметил я, наблюдая за их чёткими, ритмичными движениями со своего второго этажа, — а как деликатно и бережно обращаются с мешками... Лёха, похоже, суровый хозяин, вышколил ребят”.

Но вот у меня дело с утра не задавалось: большинство конфиденентов были либо в отпусках, либо чрезмерно перегреты уже спозаранку работой и слушать не желали про какую-то часовню. С ними, похоже, предстояло поработать индивидуально. А это означало ехать в Москву, окунаться в московскую суету, встречаться, перетирать, выпивать... Я же за лето в родном городке привыкал к вольности, неторопливой размеренности и, как это ни покажется странным, трезвому образу жизни... Пить тут было просто не с кем. И это меня несказанно радовало... Зато повезло мне с Мишей Васильевым. Он был на месте и откликнулся на мой звонок (видимо, посещение с утренними пресс-релизами своего влиятельного шефа было гладким и бесконфликтным) весьма приветливо, можно сказать, даже тепло. Надо отдать Мише должное: взлетев по карьерной лестнице достаточно высоко, он не прерывал дружбы с однокурсниками, не заносился, более того, всегда был отзывчив и участлив хотя бы на словах. Впрочем, не только на словах. Меня он даже как-то включил в журналистский пул, и я за так слетал с его начальником в Киргизию. Сам же Миша предпочитал только дальнее зарубежье. К такому сладкому пирогу Миша подпускал только избранных, тех, кто был ему в чём-то так или иначе полезен. Но мы, все те, кто остался по жизни без чинов и регалий, на него не обижались. Он был прагматиком. Всегда. В отличие от нас, мечтающих о журналистской славе и ринувшихся завоевывать центральные, непременно только центральные издания, Миша нырнул, как все мы дружно решили, в унылый отстойник пресс-службы министерства торговли. А вынырнул, однако, через несколько лет уже во “Внешторге”. Потом он надолго растворился где-то за границей. Затем его видели снова в Москве на собственной роскошной иномарке, что по советским временам было чем-то фантастически прекрасным и недостижимым и что стало предметом долгих пересудов между нами, бывшими сокурсниками.

Тогда и прошёл слухок, что Миша дружит с известной конторой и что дружба эта, начавшаяся чуть ли не со студенческой скамьи, даёт теперь реальные плоды. Не знаю, что там было у Миши с этой конторой, но я в это не верил. Вспоминая наши буйные студенческие сходки в общежитии, где проживал я, неизменным участником которых был всегда москвич Миша Васильев, я часто думал потом, как это нам всё безнаказанно сходило с рук? Под обильное пиво с солёной и горячей картошечкой, да с чёрным свежим хлебушком (сытно, пьяно и по студенческому карману) говорилось иногда такое, рассказывались политические анекдоты такие, что нас можно было смело замечать за антисоветизм и подрыв всяческих устоев. Но нас никто не трогал, и мы шалили, точнее, шалели от юношеского максимализма, агрессивного всезнайства и состязательности в остроумии. Вот тут-то и был востребован ларь из подвала родного дома, точнее, его содержимое. Я блистал цитатами из Розанова и Мережковского и с особой теплотой вспоминал отца с его словами об интеллектуальном удовлетворении в соответствующей, располагающей среде... Миша тоже отрывался на наших посиделках по полной. Он завоевал почётное место большого знатока западноевропейской философии. Часто восседал за стаканом с пивом с синеньким томиком Камю, изданным тогда каким-то невероятным образом у нас, или таинственно извлекал из портфеля со сломанным замком (который он поэту всегда носил под мышкой) перепечатанный на машинке, полуподпольно переплетённый в дерматиновые обложки философский “тамиздат”. Так что Миша был, что называется, *свой в доску*. Не доверять ему не было причин. Только один раз, когда речь зашла о тридцать седьмом и выяснилось, что в нашей компании были далеко не только у меня пострадавшие, Миша вдруг обронил (я так понимаю, несдержанно воспламенившись желанием сострить) странную фразу: “Ваши деды сидели, а мои охраняли”. Признаться, я до сих пор не ведаю, кто у Миши были родители. На курсе все знали, что он сирота, живёт с братом близнецом, который учится в военном училище. Да и сам Миша был, кажется, из суворовцев. Вспоминаю, точно, на первом курсе он шеголял в чёрной гимнастёрке суворовского училища. Кто, какая система охраняла тех, кто оказался по ту сторону колючей проволоки, я уже вполне понимал, даже будучи желторотым студентом. Так что неудачная Мишина шутка (пусть будет так!) наводила меня на определённые размышления... Система эта, таинственная и вязкая, часто и детей, и внуков не напрямую, так косвенно цепляет. Но это всё, как говорится, плод воспалённого воображения. Поводов сомневаться в искренности и порядочности Миши Васильева у меня по жизни не было.

В постсоветский период Миша был замечен уже в мидовских структурах. А затем плавно перетёк в парламент, когда место председателя одной из палат занял человек, близкий к министру иностранных дел. Рассказывали, что Васильев особенно не разбогател, но был, как говорили, и не бедный человек. Я вспомнил об этом, когда во время нашего телефонного разговора Миша как бы невзначай обронил, что сам собирался мне позвонить.

— Хочешь предложить в Париж с твоим шефом слетать? — пошутил я.

— “Париж, что же ты молчишь...” — пропел в ответ Миша. — Нет, вопрос прозаичнее... и сложнее, чем просто слетать в Париж... В общем, я слышал, что у вас там места по красоте не уступят любой Европе...

— Есть такое, — отвечал я, почему-то сразу раскусив, куда клонит Миша, — поэтому москвич так и прёт, так и прёт.

— Я всегда говорил, что ты у нас на курсе самый сообразительный, — подхватил шуточный тон Миша, — и почему ты всё в корреспондентах бегаешь?

— Поместыщем обзавестись вознамерился? — оставил я без ответа Мишину шпильку — мне было важно зарканить его как можно быстрее. Я уже чувствовал свою ответственность перед Лёхой и затеянным делом. Моя добросовестность мне всегда вредила.

— В корень зришь... Надоело на десяти сотках, окружённым заборами и чуткими соседями, где даже пукнуть громко нельзя, — начал паясничать Миша. — Хочется раздолья, живописных далей... хочется старость встретить

в просторном обустроенном доме с участком в полгектара, на нетронутой природе... но и близко к цивилизации.

— Приезжай, пока тут всё не расхватили, — грубо закинул крючок я.

— Расхватывают? И почём? — живо отреагировал Миша.

С оговоркой, что слышал это от своего приятеля, местного строителя (имелся в виду Мальков), я назвал стоимость сотки земли на нашем правобережье среди сосен.

— Круто, — сказал Миша раздумчиво. Я услышал, как он забарабанил по кнопкам калькулятора и, судя по последовавшему вопросу: — А что это за строитель? Профессиональный? — решил, что потянет. Похоже, деньжата у Миши действительно водились.

— Профессиональнее не бывает, — как можно убедительнее отвечал я, — с высшим московским специальным образованием... Владелец серьёзной строительной фирмы. Он, к слову, берётся за восстановление храма-часовни.

— А вот это уже интересно, — заглотив, как мне показалось, наживку прагматик Миша. — С часовней, я думаю, всё решаемо... Реставрация храма, традиции — шеф любит такие вещи... — скороговоркой проговорил он, — впрочем, детали при встрече... надеюсь, — выделил он голосом, — с участием твоего чудо-девелопера.

Договорились, что Миша будет у меня уже в ближайшую субботу.

А день-то всё-таки начинался удачно. Я не утерпел и похвастался по мобильному Лёхе.

— Кирилл, ты гений! — закричал он в трубку. — Если б ты знал, что ты совершил, если б ты знал!.. Сегодня у нас что? Среда? Ещё два дня... Надо срочно пересечься, обмозговать, как будем встречать дорогого гостя. Ну, ты орёл, ну, ты даёшь! Через двадцать минут я у тебя.

Пришлось соврать Лёхе, что я уже вышел из дома на встречу с Никаноровым в “Зорьке”.

— Привет ему, давно не виделись... Говорят, в последнее время циклопическими идеями ворочает, старый фурьерист, — не скрывая иронии, сказал Лёха и предложил увидеться завтра с утра пораньше. На том и порешили.

Взбодрённый удачей с Мишей Васильевым, я сделал несколько звонков по второму кругу в московские редакции. И вот, что называется, пошло так пошло. Везде я оказывался к месту и ко времени. То ли солидное вознаграждение, обещанное Лёхой, то ли правильно подобранные слова, которые произносил я, но все мои сотоварищи, заматеревшие на “джинсе”, выказали вдруг самый горячий интерес к восстановлению какой-то неведомой им часовни. Каждому обещано было выслать уже к вечеру необходимые исходники и каждый обещал протолкнуть материал на полосу без предоплаты. Такое бывало редко. И боясь спугнуть удачу, я решительно засобирался к Никанорову в “Зорьку”.

Я не стал ему даже предварительно звонить, настолько почему-то был уверен, что застану старика на рабочем месте. Свои первые заметки по истории города о затейливых окрестных топонимах, всякого рода любопытных персонах, заплетённых в историю края (скажем, о Грозном царе, любившем якобы рубить головы опальным боярам в нашем городке; отсюда и название), о чём мне частично рассказывал отец, что я частично вылавливал самостоятельно в тех же книжках и брошюрах из подвального ларя, я начал приносить, ещё будучи школьником, в “Зорьку”, в отдел культуры, который в ту пору возглавлял Феодосий Никаноров. Уже тогда казалось, что он днюет и ночует в своём захламлённом, плохо проветриваемом, с детский кулачок кабинетике. Меня он как-то сразу приветил, взял под личную опеку, всячески поощряя к газетному делу. Ну, а когда я пробился в центральные издания, гордился как своим учеником. Мне это не раз передавали. А почему бы и нет? По крайней мере, выстраивать материал, находить точное слово, править — первые азы этой довольно специфической механики мне преподавал Феодосий Павлович Никаноров. До меня доходили слухи, что в браке он был неудачлив, с сыном у него тоже отношения не сложились. Был он, судя по всему, очень одинок и со странностями. Рассказывают, разработал теорию

удлинения суток, в результате чего спал то ли по три часа в сутки, то ли совсем не спал по трое суток, выкраивая какие-то стыковые паузы для сна по тридцать минут каждые восемь часов... Словом, что-то в этом роде он изобретал и экспериментировал на себе. И в общем производил впечатление смешного чудака. А между тем, человек он был весьма неординарный. Интеллектуал, всезнайка, читал пропасть всякой литературы, неплохо рисовал, фотографировал, увлекался театром, говорили, пишет роман. Впрочем, о писательской славе, как я теперь понимаю, мечтал, наверное, каждый второй сотрудник “Зорьки”. И каждый второй, догадываюсь, что-то писал эпохальное в стол. Никаноров был по-своему слишком умён и ироничен, чтобы опуститься до банальных признаний, что он пишет эдакое... Какие могут родиться писатели в незатейливо строчкогонной районке! Видимо, поэтому ревнивые сослуживцы и Феодосия Павловича решили тоже “замарать” “писательством”. Впрочем, может быть, и действительно что-то писал. Он, помнится, иногда озадачивал меня, подростка, отвлечёнными и какими-то невнятно-затуманенными размышлениями о новом методе написания современного романа, о “синтезе образа и мысли”, как он говорил, напуская на себя смешную важность и солидность разработчика и носителя гениальной идеи, ещё не оценённой человечеством. Но литературных трудов его в руках я не держал, поэтому ничего определённого тут сказать не могу. А вот то, что дано ему было передавать красками краски мира на холсте, знаю воочию. Одна очень недурная работа, сделанная маслом, — пейзаж с чудным видом нашего древнего монастыря — у меня до сих пор висит в моей московской квартире. И театром он увлекался всерьёз. Иначе какого чудака заставишь отправиться на спектакль в Москву на электричке (два с половиной часа в один конец), чтобы на электричке же и вернуться глубоко за полночь домой в Свободярьск. Чтобы ездить нашими ночными электричками, надо обладать подготовкой и бесстрашием спецназовца. Или любить театр, как Никаноров. Зато “утончённо рафинированные” и сплошь “интеллигентные” свободярьжцы уже через день могли насладиться развёрнутой рецензией на премьеру в каком-нибудь модном столичном театре. “Кому это надо здесь?” — не удержавшись, спросил я как-то Феодосия Павловича. “Никому, кроме меня, и, может быть, тещу себя надеждой, какой-нибудь молоденькой восторженной дурочки, мечтающей о славе на театральных подмостках”. “Тогда зачем всё это вам?” — недоумевал я. “Театр — это два часа особого забвения, — неожиданно самым серьёзным тоном сказал тогда мне, всего лишь старшекласснику, Никаноров, — а оно так иногда необходимо человеку... Театр — это мистерия, сгусток энергий перевоплощения. А отсюда театр — это особое, волшебное зеркало”. “И что показывает это зеркало?” — спросил я. “Показывает, что начался тонкий демонтаж...” — улыбнулся Никаноров. “Демонтаж чего?” — “Всего!” — помнится, грустно сказал тогда мой старший товарищ. Этот разговор состоялся в самом начале перестройки... Смешной-то он смешной, и чудака, конечно, Феодосий Павлович, но было в нём что-то такое, что всегда заставляло уважать и даже чтить старика.

Позже, когда я уехал учиться, да и когда уже работал, мне случалось изредка встречаться с Феодосием Павловичем, но это бывало уже у него дома, в угрюмоватой, донельзя запущенной однушке старого холостяка, где, кроме книг на стеллажах до потолка, стояли ещё кровать с белыми никелированными дужками, письменный стол, расшатанный “венский” стул и два засаленных, продавленных кресла, — настоящей норе спартанца-отшельника. Встречи эти носили характер мимолётный, случайный. Так, когда приходила нечаянно мысль по приезде домой справиться о его житье-бытье по телефону, он с неизменной приветливостью отвечал приглашением “проведать старика”. И я проведывал. Иногда заглядывал и он ко мне в Москве, чаще по необходимости, когда отменяли после театра ночные электрички на Свободярьск, и старший друг езезжал переночевать. Любовь к театру у Феодосия Павловича с годами не ослабевала. Правда, без прежней взаимности, ибо билеты в храм Мельпомены становились всё дороже и неподъёмнее для постсоветского интеллигента. И посещение столицы Никаноровым, а значит, и наши встречи случались всё реже и реже.

Так что не виделись мы с Феодосием Павловичем, прикидывал я по дороге в редакцию, года полтора-два, не меньше. А между тем до меня дошло, что в старости он пошёл по карьерной лестнице вверх, стал ответственным секретарём “Зорьки”. Видно, с молодыми и профессиональными кадрами в газетке было совсем плохо.

Редакция оказалась на старом месте — также занимала ладный, в шесть окон спереди, с крыльцом чугунного литья купеческий особнячок в глубине дворов старой части города, минутах в десяти ходьбы от центральной площади. Всё, казалось, было здесь, как и прежде, но, увы, уже с изрядной поправкой на сломное постсоветское время... В просторном, с дубовым паркетом коридоре не сновали с гранками озабоченные, задушенные табачным дымом уездные трудяги-бумагомаратели, не раздавался грозный рык споткнувшегося на досадной ошибке редактора, не стучали машинки, не мучился в творческом пароксизме, нервно расхаживая из угла в угол, “наговаривая” сто мучительных строк в номер, *юноша бледный со взором горящим*... Редакции на прежнем месте не было. Нет, она была, но она была перенесена в небольшой закуток в самом конце коридора. Пробираясь теперь в редакцию приходилось среди многочисленных вывесок, выгородок и пластмассовых закутков, напоминающих душевые кабинки, откуда из-за приспущенных жалюзи с вызовом и тоской смотрели на мир в плохом неоновом освещении худосочно-зелёные, как долларовые бумажки, многочисленные, как-то рано увядшие коммерсанты и менеджеры. Миновав “Ксерокс”, “Фото”, “Турагентство”, “Юридические услуги”, “Дипломы. Аттестаты. Трудовые книжки”, “Страхование авто”, “Ремонт ноутбуков”, я остановился перед железной решёткой, отделяющей редакцию, надо полагать, от беспокойно-агрессивного внешнего мира. Нажав кнопку звонка на панели кодового замка, дождался появления опрятной, вполне ещё бодрой старушки, отомкнувшей пластиковой картой изнутри железную дверцу и без лишних вопросов проводившей меня к Феодосию Павловичу.

На сей раз, хотя и не виделись мы изрядно, Никаноров встретил меня сдержанно, я бы даже сказал, мрачновато-неприветливо. “Обиделся, капризничает...” — подумал я. Да, виноват, уж что-то, а позвонить всегда ведь можно. Мне стало неловко.

— Сижу весь в решётках, в темнице сырой, — попытался пошутить я, оглядывая комнату Никанорова с решётками на окнах.

— Не говори, — раздражённо отвечал Феодосий Павлович, — арендатор пошёл вороватый, кого тут только нет... Приходится... как-то надо выживать.

— А родная администрация? Вы же, кажется, говоря по-советски, её орган? — спросил я, отметив про себя, что Никаноров с нашей последней встречи заметно постарел, подсух как-то, лицом и в плечах заострился. “Уж не болен ли? — подумал я. — Поэтому и раздражительный”.

— Администрация? — скривился Феодосий Павлович. — Администрация бдит... сторожит каждое слово... Такой цензуры даже при коммунистах не было. А за лояльность вознаграждает щедро — денег в казне много, не скупится. Сам видишь, — саркастически хмыкнул он. — Ты что, в отпуске? — спросил он уже потеплевшим голосом. Обижаться на меня, я это всегда чувствовал, он долго не мог. — Какими судьбами в наши палестины?

Я кратко изложил суть предложения Малькова. Феодосий Павлович задумчиво, опустив голову, чиркал что-то ручкой на бумаге. Было видно, что он совсем оплешивел и неопрятно зарос по вискам и с затылка длинными седыми волосами.

— Странно, — сказал он после долгой паузы, — странно, что Мальков затевает такую шумную кампанию вокруг этой часовни... Дело выеденного яйца не стоит.

Я тоже выразил недоумение и развёл руками.

— Что-то я тут до конца не понимаю, — снова повторил Феодосий Павлович, — ведь воинской части достаточно заручиться разрешением своего непосредственного начальства, чтобы без шума и пыли поднять из праха часовню. Но тут зачем-то лезет, очень нахраписто, как подрядчик-благотворитель Лёша Мальков. С чего бы это?

— Видимо, ему хочется придать всему этому действию характер общественной инициативы, засветиться как щедрому меценату и филантропу, не жалеющему денег на возрождение поруганного богоборческой властью, — стал размышлять я. — Может, он в депутаты баллотироваться хочет!

— Может, и в депутаты... — передёрнул худенькими плечиками Никаноров. — Лёша Мальков просто так ничего не делает, очень жёсткий купец оуклился. Мы его как-то года два назад ремонт подряжали сделать в редакции... Трубы, сантехнику, рамы поменять — всё сгнило. Так он нас до нитки раздел... Выжига! И вообще, с ним надо, что-то мне подсказывает, уху остро держать. По-моему, он какой-то неумный честолюбец... Ощущение иногда такое, что на грани стоит...

Что-то меня — малодушие что ли? — остановило признаться, что Лёша делает у меня дома ремонт... бесплатно. Потом я пожалел, что не рассказал об этом парадоксе Феодосию Павловичу. Может быть, старый интуитивист усмотрел бы что-нибудь дельное, упреждающее. Но я не решился.

Никаноров тогда, помнится, внимательно посмотрел на меня. Моё замешательство, видимо, не осталось незамеченным, но он расценил его по-своему.

— Ну, хорошо, я понимаю, ты обещал... Ради тебя я напишу об этой часовне... В принципе-то дело, за вычетом явно каких-то шкурных интересов Малькова, стоящее, полезное... — сказал он, как бы успокаивая меня и себя, и предложил прогуляться, а заодно и пообедать где-нибудь в городе.

— И сколько вас тут осталось, бедолаг? — снова попытался пошутить я на выходе из редакции. Всё-таки какой-то удручённый, заморенный вид Феодосия Павловича мне определённо не нравился.

— Вот именно — бедолаг, — усмехнулся Никаноров. — Редактор, я, двое, вернее, две пишущих — одна из библиотеки пришла, вторая из школы... Сам понимаешь, какой уровень, верстальщик да Анна Семёновна — она тебе дверь открывала, божий одуванчик, — бухгалтер и секретарша в одном лице... Вот и вся редакция.

— Могучая кучка... И что, даже эти шесть ртов не может достойно прокормить местная администрация?

— Всё она может, — уныло протянул Феодосий Павлович, — тут только на один праздник города уходит два наших годовых бюджета!

— Понимаю, с вами безоткатный вариант, а праздник города весело и незатейливо на шестьдесят процентов возвращается в карманы чиновников.

— Правильно всё понимаешь, — снова тускло отозвался Никаноров.

— У вас какие-то проблемы? Может, помощь нужна? — осторожно спросил я.

Никаноров испытующе посмотрел на меня. Тонкая усмешливость засветилась на его исхудавшем, морщинисто-подсохшем личике.

— Помощь нужна... Ты посмотри, какой разор и запустение вокруг! — неожиданно резко заговорил он. — Вот это ещё советский асфальт, — пошлёпал мой друг подошвой башмака по дорожке, — за двадцать пять лет новой власти он превратился в крошево. И так по всему городу... И заметь, новый класть никто не собирается. А эти погнутые и узлом завязанные детские качели — это же какую дурную силушку надо иметь, чтобы с ними так расправиться! А эти страшные, дикие мусорные баки, которые вывозятся раз в месяц... Этот бурьян и лопухи, эти кривые, сгнившие перекладыны, на которых ещё советский обыватель выбивал ковры! Такого одичания — я уже семьдесят пять лет живу в этом городе! — никогда не было!

“Неужели это его так гнетёт?” — виноват, недоверчиво подумал я.

— Европейской чистотой и ухоженностью наш городок никогда не отличался.

— Согласен, до Европы нам было всегда далеко, — горячо подхватил Феодосий Павлович, — но была тенденция, тенденция на улучшение. Каждый год — я бывал на всех этих сессиях горисполкома, цифры хорошо помню! — прибавлялось число заасфальтированных улиц, организовывались конкурсы на самый чистый и ухоженный двор, в кои-то веки цветы и клумбы появлялись у подъездов... Да, медленно, да, по-советски неказисто,

но что-то делалось, чтобы оторвать человека от его привычного бытового свинства. Сейчас — ноль! Никаких, даже малейших намёков, поползновений на улучшение вот этой общей атмосферы бытия, которая во многом, очень во многом — надо же понять, наконец, в нашей России! — отвращает человека от его животных наклонностей. Понимаешь, о чём я?!

— Ну, поправится всё со временем, и асфальт положат, и цветники разобьют, — намеренно сделал я вид, что не понимаю, о чём говорит Феодосий Павлович. Мне хотелось понять причину, суть, что так зацепило старика.

— По большому счёту, я не об этом, — рассеянно посмотрел в мою сторону Феодосий Павлович своими странно неподвижными, всегда как бы смотрящими в какую-то свою, особую точку, серыми, слегка замутнёнными, словно в них шли непрерывные дожди, глазами. — Ну, посадят или снимут мелкого воришку Крошкина...

— А это кто? — не сразу понял я.

— Ну, здрасьте, дожили! Впрочем, мы здесь больше наездами, судьба аборигенов нам не интересна, мы же теперь в столицах воспарили, — не удержался, подпустил мстительного ядку Никаноров. — Это, батенька мой, — однако, ну и журналист пошёл! — глава нашей районной администрации... Редкостный, должен заметить, жулик и прохиндей... У него семь квартир только в Москве на родственников записано, трёхэтажная дача тут недалеко, землёй торгует направо и налево, внуку, слышал, на пятилетие скакуна породистого подарил... Но я не об этом, рано или поздно этого Крошкина скovyрнут, или бандиты убьют... Придёт новый, может, поначалу воровать будет меньше, тогда глядишь, как ты говоришь, и асфальтик свеженький кое-где кинут, и цветничок разобьют... Но я о другом...

Феодосий Павлович замолчал, поглядывая насмешливо и с вызовом на меня.

— Да знаю я, кто тут местный главный, просто не сразу дошло. Кажется, этот Крошкин уже лет пятнадцать здесь хозяйничает? — не дал зависнуть паузе я. Мне показалось удобным именно сейчас разговорить Феодосия Павловича.

— Да побольше, почти двадцать годков он тут у кормушки, — сердито заёрзал молнией на своей заношенной, на вид довольно тёплой куртке Никаноров. Погода в тот день не баловала. Лето было на исходе. Дул холодный северный ветер. — Ещё при советской власти дорос до заместителя председателя райисполкома, при демократах изловчился и пролез в главы администрации... Все они из бывших, все перекрасились, все оказались на поверку ворами и мерзавцами...

— И что же его так долго терпят? Давно пора переизбрать...

— Легко сказать... переизбрать, — иронично смерил меня взглядом Феодосий Павлович. — Они тут так переплелись — хвостами, как крысиный король... Попробуй скovyрни... За бюджетные деньги, и немалые, которые они нагло разворовывают, они любого в землю живьём закопают. Такое ощущение, что они никогда не нажрут. Куда в них столько влезает! Город высосали до полумертвого состояния. Сам видишь... А что в деревне творится! Ни одного гектара не сеется и не пашется... Всё заросло лесом. Крестьянство убито как класс. Неперспективными становятся уже центральные усадьбы бывших совхозов, ещё недавно многолюдные сёла... Я же знаю, достаточно поездил по ним, когда писал о сельских домах культуры. Представить себе невозможно, но в деревне при “людоедской” советской власти появлялись уже культработники с высшим профессиональным образованием... Фортепианная музыка звучала в клубах! Невероятно! Как в дворянских гнёздах когда-то... Ведь был же уровень! И с каким безразличием и презрением к народу, его душе, умышленно разорили всё и омертвили... Да, да, всё мертвеет! Закрываются школы, почты, медпункты, дома культуры, в деревне не осталось ни одного детского садика. И это в сердце России! И никаких даже намёков на возрождение. У меня такое ощущение, что неперспективными скоро станут районные города!

— Ну, это вы уже слишком, — каюсь, нарочито подстегнул я разогревавшегося Феодосия Павловича.

— Слишком?! — вскричал Никаноров. — В нашем городе не осталось ни одного завода, ни одной паршивой фабрички. Всё разбомбили, растащили... На полупроводниковом заводе — помнишь, закрытое предприятие было, почтовый ящик, пятнадцать тысяч человек работало? — кувалдами разбабахали станки с числовым программным управлением, за валюту купленные за границей, драгметаллы искали. Всё остальное на металлолом потом сдали... В цехах теперь шмотками торгуют. Местные бандиты все кинулись в бизнес, открывают супермаркеты, рынки, магазины... Занимают за взятки своими каменными сараями, похожими на тюрьмы, лучшие места на центральной улице. Ты пройди, посмотри, во что они превратили центр города! Какая-то дикая азиатчина, лишённая даже намёков на стиль, грязный комок, сплошной шанхайчик... Вот где пульсируют сладкие соки для Крошкиных!

— Логика здесь простая: если строят и открывают магазины, значит есть спрос, — пробросил я вскользь, — опять же занятость населения...

— Да какая тут занятость, три четверти взрослого населения ездит в Москву на заработки, каждый день по пять часов в электричках... Встают в четыре, возвращаются в девять. Это же оскотинивание какое-то человека! — так и взвился Феодосий Павлович. — А то, что строят много магазинов, так кто ж против. Но почему не строят заводы, НИИ, не открывают театры, — а ведь в городе был театр, и неплохой! — не сдают новые школы, больницы, детские сады? Понимаешь, нет развития, движухи, как сейчас говорят... Всё скукожилось и стагнирует!

Таким взбудораженно-развинченным я Феодосия Павловича ещё не видел. Всё в нём клокотало и пузырилось от какого-то предельного возмущения. Чувствовалось — достало человека. Он шёл, возбуждённо размахивая руками, и громко вещал об убитых надеждах, бесчеловечности, примитивизме и грубой наглости младореформаторов, тупиковости заложенной ими социально-экономической модели развития, по которой “мы до сих пор упорно продолжаем движение в никуда”, а “ведь Россия жаждет рывка!” — вскидывал Феодосий Павлович указательный палец правой руки вверх, — “новой великой идеи, способной одухотворить и поднять на созидательный подвиг сонные, опухшие от пьянства и безделья народные толщи”...

Прохожие нередко останавливались и глядели нам вслед, на лицах многих читалось простодушное удивление: ты, смотри, как набрался старичок, долго ли успеть! Так мы добрались до центральной площади, где в одном из кафе (по уверению Никанорова, самом чистом и приличном в Свободярске) собирались перекусить. Я давно не был в этой части города. Обычно, когда приезжал, с электрички домой пробирался, сокращая путь, окольными тропками и переулками. А потом засиживался, пригревался на одном месте и ни в какой центр меня уже не тянуло. Поэтому я был немало удивлён переменам на площади Ленина (неизменным оставался здесь только сам Ильич, по-прежнему готовый порывисто шагнуть с пьедестала и увлечь за собой массы на борьбу с эксплуататорами). Никаноров был прав — это было нечто, это был наш русский шанхайчик! Слово это ещё со стародавних времён означает что-то бесформенно-бесмысленное, уродливо-архаичное, временное, нелепое и несуразное. Курятник, одним словом, какой-то. Вот и главная площадь нашего городка превратилась в такой шанхайчик-курятник, разномастно-разношёрстное торжище. Проплутав изрядно в лабиринтах ларьков, палаток, магазинчиков, именуемых бутиками и супермаркетами, мы остановились перед деревянным теремком в стиле *а-ля рюс*, обозначенном резной вывеской как трактир “У Вадика”.

Внутри было опрятно и чисто. Стены из жёлтого соснового кругляка, лавки и столы тоже светлого дерева, расшитые полотенца с петухами на окнах, встретившие нас две девицы в сарафанах и кокошниках — всё это пусть и отдавало какой-то нарочитой стилизацией и выспренностью, но всё равно было приятно и мило своей приветливостью, подобранностью и подогнанностью, уютом и опрятностью. Пахло правильно — свежей выпечкой.

— Тут бесподобные пироги готовят, — сказал Никаноров, широко и с удовольствием втягивая через ноздри воздух. Он, можно было сказать,

уже достаточно успокоился. Только в неподвижных его глазах гуляли ещё мутноватые дожди.

— Приятное местечко, — оценил я, — ведь можем же что-то! Феодосий Павлович усмехнулся.

— Вадик Кригер, — сказал он и повторил с особой интонацией: — Кригер... Помнишь, он у нас в отделе информации работал? Хотя — вряд ли. Он постарше тебя лет на пять... да и в редакции не засиживался, всё по стройкам, заводам и стадионам бегал, репортажи строчил... Белокурый, румяный такой парень — классический немец, его предок из пленных австрийцев ещё Первой мировой, женился здесь на русской и застрял в России... Так Вадик, когда советская власть приказала долго жить, мясом начал приторговывать, ездил по деревням — тогда ещё там скотинку держали, — покупал живым весом баранов и телят, резал и продавал с хорошей наценкой. Сейчас вполне процветающий коммерсант... Это заведеньище — его. Ну, что? По сто коньяку, зелень и лангеты с жареной картошкой, — предложил Феодосий Павлович, подзывая барышню в кокошнике, — лангеты у Вадика весьма недурственно выходят, очень советую, батюшка, откусать... Так, наверное, сказали бы в трактирах Гоголя, Шмелёва или Бунина, — криво-вато улыбнулся Никаноров. Он хоть и успокоился внешне, но внутренне, чувствовалось, оставался всё-таки каким-то намагниченным.

А лангет и впрямь оказался приличным, и картошка к нему была правильно пожаренной, и петрушка с огурцами-помидорами, укропом и кинзой не завяленной, и коньяк не разбодяженный. И подавалось всё вовремя и с улыбкой.

— Слобода Кукуй какая-то, — невольно вырвалось у меня. — Кригер — он и в Африке Кригер... А наш удел, похоже, вечные шанхайчики?

— Не думаю... — с заминкой сказал Никаноров. — А сравнение про Кукуй хорошее, — с ласковой грустью посмотрел он на меня. — И как тут в отчаяние не впасть... Двадцать пять лет прошло — четверть века! — как рухнул коммунизм, а жизнь всё глуше и глуше, а шанхайчик всё шире и шире... Меня достаёт одна мысль: а они там, наверху, совсем не знают, что происходит в глубинке? Или им на всё наплевать, только свой бизнес и ничего общественного?

— Но ведь у Кригера-то получается? — уклонился я от щекотливой темы.

— Кригер один такой на шестьдесят тысяч в нашем городе, — с неохотой отвечал Феодосий Павлович, — большинство тускло лепит свой шанхайчик!

— Почему? Ведь условия одинаковые... Получается, что всё дело в каких-то наших особенностях, отличиях, что ли?! — невольно заволновался я.

— Вот именно! — оживился и Никаноров. — Допускаю, что Кригер более хваткий и умелый, более способный к самоорганизации и порядку в силу каких-то национальных особенностей... Рассказывают, немецкие колонисты процветали и богатели среди украинской нищеты до семнадцатого года, припеваючи жили в Поволжье... Не пропали и высланные в дикие степи Казахстана. Допускаю, что это их национальная черта... Но мы-то другие! Почему не признают наших особенностей? Но нет же! Нас ломают через колено... Двадцать пять лет загоняют, как презренное стадо, в так называемый рынок. Слепому уже ясно, что не проходит этот рынок у нас, отторгается он сознанием народа, чужда его душе мелкособственническая стихия. Было бы иначе, давно бы уже всё закипело и забурлило повсюду... Вместо этого — кладбищенская тишина, унылая ляжка биологического выживания, шанхайчики... Значит, надо заканчивать этот постыдный эксперимент, искать другие подходы к душе народа, чтобы пробудить, расшевелить его на масштабные дела, иначе стинет и развеется по ветру этот великий народ, оставив свои неоглядные пространства другим, которые рядом набирают силу и энергию. Великое духовное уныние овладело нами, потому что расставленные ориентиры и цели не возбуждают и не увлекают нас, не тревожат дух охотника и первооткрывателя.

— Мы уникальны и неповторимы, и у нас исключительно свой путь? — не удержался от подначки я.

— А почему бы и нет! И насмешливость твоя здесь не уместна! — закипел Феодосий Павлович. — Каждый человек индивидуален и самобытен, каждый уникален и неповторим. Так и народы, собираемые по непонятным признакам (общий язык, территория, быт, нравы — всё это отчасти условности) в единую общность, имеют свою характерную “физиономию”. Если бы все люди на Земле были одинаковы, как твердят универсалисты, то зачем тогда все эти племена, народы, нации?! И заметь, народы не смешиваются. Они могут исчезать, умирать по “старости”, их могут истреблять, пытаться растворить в себе более сильные, они могут формировать единые исторические сообщества — империи, федерации, союзы, — но они живут, пока существуют две особи противоположного пола, принадлежащие к одному таинственному образованию, именуемому народом, в незримом, не поддающемся никакому объяснению поле узнаваемости друг друга и взаимного тяготения. Что это за особые метки, какие это неповторимые “запахи” — понять невозможно. Но они есть, и они определяют в каждом народе свой характер, свою психологию, свои возможности, меру ума и глубину чувствований. Всё уникально в каждом человеке, всё неповторимо в каждом народе.

— Допустим, вы правы, — сказал я не без интереса. В размышлениях Феодосия Павловича начало прорезываться определённое направление, признаюсь, не безразличное и мне, — допустим, у каждого народа есть свои, если так можно выразиться, субъектные особенности. И какие они, по-вашему, у русского народа?

Феодосий Павлович испытующе посмотрел на меня.

— Закономерный вопрос... и бездна ответов, — пробормотал он.

— И всё же... на ваш, сугубо личный взгляд.

— Я бы, — примерился, сощуривая глаза, но и без особых ломаний Феодосий Павлович, — выделил три главные характеристики нашего народа, своего рода три “Б”, — как-то очень уверенно сказал он, словно готовился отвечать на мой вопрос. — Это... — последовала короткая, но внушительная пауза, — бескорыстие, бесстрашие, безмерность.

Никаноров вопрошающе перевёл на меня свои неподвижные глаза — ждал реакции. Я ответил непроницаемым молчанием. Похоже, начиналось самое интересное.

— Да, на мой взгляд, это три ключевые, фундаментальные особенности русского народа, определившие, точнее, веками определявшие его судьбу и историю, — не спуская с меня пристального взгляда, продолжал Феодосий Павлович. — Первоначальное бескорыстие, удачно подкреплённое и развитое нравственно-этическими нормами христианства, позволило нашему народу пронести свою душу через века в чистоте и незамазанности грехом стяжательства, жажды материального благополучия, поклонения золотому тельцу, что суть одно из главнейших противоречий промыслу Божьему, его заповедям и установкам. В этом смысле наш народ как сосуд незамутнённого Божьего заповедания — народ, Богом выделенный. Его бескорыстие, как светильник в ночи, влекло и приманивало к себе десятки других больших и малых народов и племён. Свет бескорыстия притягивал и согревал других. Поэтому русское государство стремительно, каким-то волшебным образом, раздвинулось на необъятные дали и пространства. Так Бог попустил верным носителям его истин пронести как можно дальше и шире эти истины в мире. Поэтому природа русского государства изначально мистическая, божественная... Почему оно возникло и выстояло под, казалось бы, смертельными, непоправимыми ударами, понять формально невозможно. Сказано, что Россия — это удел Богородицы, и всё. Кому дано понять — поймут.

— Раздвигать границы, покорять немеренные пространства — для этого требовались ещё и бесстрашие? Понятно... — как-то иронично получилось у меня.

— Верно уловил, здесь у меня должен быть плавный переход ко второй составляющей русского народа — бесстрашию... — спокойно отвечал Феодосий Павлович, — только напрасно иронизируешь, огрубляя мысль. Под бесстрашием я понимаю не только физическое мужество и доблесть,

беспредельную смелость и решительность... хотя этими качествами в высшей степени отмечен русский народ: в бою русский солдат бесстрашен и дерзок, он действительно не боится смерти, поэтому он ложится на пулемёт, таранит в горящем самолёте вражескую колонну, кидается под танк с гранатами... Что-что, а воевать мы умеем, особенно в войнах Отчуждённых... И поэтому Россия стоит... Но я под бесстрашием нашего народа понимаю ещё и нечто другое.

Феодосий Павлович с привычной рассеянностью посмотрел мимо меня. Какая-то чужаковатость вдруг проклюнулась в нём. Взгляд в никуда, лысый череп в венчике длинных, седых, давно не стриженных волос, страдальчески-вопрошающая гримаса остренького, бескровного личика — городской сумасшедший, да и только.

— Вы, верно, роман пишете? — почему-то участливо спросил я.

— Роман не роман, но так, кое-что... — встрепенулся Никаноров, словно выныривая из забытья. — Так вот, — весь подобравшись, решительно продолжил он, — под бесстрашием русского народа я, в первую очередь, понимаю его какую-то надмирную способность брать на себя миссию по воплощению в жизнь вселенских чаяний человечества по разумному, справедливому обустройству общества. Всемирная отзывчивость русского человека, по Достоевскому, привела его в начале двадцатого века к попытке построения на земле царства добра и справедливости. Это был бесстрашный эксперимент, который мог затеять только великий и бесстрашный народ.

— Это не бесстрашие, это глупость — затеять мировую авантюру, приведшую к морям крови, обессиливанию этого великого народа и, в конце концов, к позорной капитуляции перед всем остальным миром со своим “бесстрашным экспериментом”! — прервал я Феодосия Павловича.

— Набор либеральных штампов российского розлива, знакомое повизгивание хрюшек у кормушки, обеспокоенных только прибавлением собственного веса, — с досадой отмахнулся Никаноров. — “Печной горшок тебе дороже, ты пищу в нём себе варишь”... Извини, ничего личного... А вот взять на себя смелость — хотя бы попытаться, хотя бы попытаться! — реализовать на практике самые светлые чаяния и волшебные грёзы человечества о справедливой жизни на земле — это предел бесстрашия, это подвиг во славу человечества! Дерзкие мечты лучших представителей рода человеческого о “городах солнца” берёт на себя смелость воплотить в жизнь русский народ — это ли не абсолют дерзновенного бесстрашия! Другие, “более просвещённые и более цивилизованные” народы не смеют в своей умеренности разом отряхнуть прах старого мира с ног своих и зажечь иначе, как диктует чувство добра и справедливости, как повелевает гордый человеческий разум — без эксплуатации, без притеснений, с высвобождением всех творческих сил человека. Коллективный разум этих народов не позволяет им вырваться за рамки возможного, отпущенного природой, дозволенного. Этим свойством — разорвать привычный мир условностей, вырваться на иную орбиту вдохновенного поиска и творчества — оказался наделён в высшей степени русский народ. Он не побоялся отрешиться от привычного уклада старого мира и дерзнуть построить новое общество — справедливое, разумное, гармоничное. И в этом его подлинное бесстрашие! И если, по мысли одного очень неглупого человека позапрошлого века, русскому народу и суждено сделать что-то полезное и стоящее, то это преподнести человечеству какой-то очень важный урок. Будем считать, что этот урок наш народ уже преподнёс.

— Кровавый урок безумного экспериментаторства, урок на все времена — что не надо делать нигде и никогда, — снова не выдержал я.

И снова Феодосий Павлович посмотрел рассеянно как бы сквозь меня, приняв чужаковатый вид человека не от мира сего.

— Кровь... — потупился он, выводя пальцем вензеля на столешнице. — Её пролилось тогда не больше, чем в войнах за передел мировых рынков, за “демократию” под американскими бомбами, чем в кровавых разборках при дележе общенародной собственности в девяностые, чем в межэтнических бойнях после разрушения Союза... А что касается того, что “не надо делать

нигде и никогда”, так урок уже преподнесён, и его рано или поздно, только в другой форме, захотят повторить... возможно, снова у нас. Без подобного “экспериментаторства” России не выжить.

— Не думаю, — сказал я. — Сдаётся мне, страница построения светлого коммунистического общества закрыта навсегда.

— Должен заметить, — бесстрастно пропустил мимо ушей мою ремарку Феодосий Павлович, — я говорил о попытке построения справедливого общества, названного в России — всего лишь названного! — коммунистическим... мечту о котором человечество вряд ли растопчет в себе... Но главное — я пытался сформулировать мысль о бесстрашии нашего народа, его вечной бесстрашной решимости брать на себя вселенские мегапроекты как сущностной доминанты в его исторической судьбе. Не будь таких сверхнапряжений у русских, они бы давно “погибоша аки обре”. Ставить себе сверхзадачи — это повеление природы русского народа, особенность его национального характера.

— Похоже, я начинаю понимать, что такое это ваша “безмерность”, — неожиданно с искренним интересом сказал я. — Так вы, кажется, сформулировали третью, знаковую, особенность русского народа?

— Жизнь русского человека чрезвычайно, я бы сказал, до какой-то крайней точки эмоциональна, — медленно начал говорить, опять же словно не замечая меня, Никаноров. — Но это вовсе не плохо, наоборот, я убеждён, что это наше огромное преимущество, поскольку эмоции — это как бы возгонка, доведение ума до крайней точки возбуждения, когда ум приобретает особого рода заострённость и креативность. И наступает своего рода расширение сознания, когда открываются истины, как озарения, недоступные обыденному сознанию. Давно поэтому замечено, что эмоциональные люди, скажем, более творческие... к делу подходят горячо и с воображением... Эмоции бросают русского человека из крайности в крайность. Поэтому в повседневности, скажем, только русский человек может изрубить, уничтожить нажитую с превеликим трудом, купленную на по копейке скопленные деньги домашнюю утварь и мебелишку или сжечь собственный дом, который он строил десятилетиями. Поэтому только русский человек, искренне веря в Бога, боясь и страшась Божьего гнева, может крушить храмы, иконы, святыни, чтобы потом всю жизнь отмаливать грехи свои постыдные. Поэтому только русский человек, в высшей степени человек государственный, поскольку на огромных ледяных пространствах привык надеяться, и справедливо, только на Бога и государство, как единственных спасителей и защитников, может, взъярившись на власть, уничтожить родное государство до основания, чтобы затем, надрываясь, в муках отстраивать его заново. И несть числа таким примерам нашей неумной психоэмоциональной безмерности. Вот почему, чтобы удержать русский народ в равновесии, ему необходима сверхзадача.

— По вашей логике, Россия, чтобы выжить, снова должна поставить перед собой очередную сверхзадачу? — сказал я. — Сдаётся мне, ответ у Вас уже давно готов.

— Есть такое дело, — не стал кокетничать Феодосий Павлович. — Суть моей идеи очень проста... России, чтобы выжить в современных условиях, необходимо провозгласить себя международным центром традиций, планетарной хранильницей всего светлого и божественного, что служит духовному и физическому процветанию рода человеческого на Земле.

Видимо, много недоуменной оторопи отобразилось на моём лице, если мой собеседник, сконфузившись, скорчил рожицу, повторяя меня, и деланно выпучил глаза.

— Вот так, ни больше ни меньше! — пафосно воскликнул он, овладевая собой. — Но прежде всего, здесь нужно прояснить одно заблуждение, которое вот уже без малого полтора столетия кочует по интеллектуальным центрам Запада и особенно популярно у нас в России. Это заблуждение сформулировано в известных тезисах о закате Европы и конце Западной цивилизации. Так вот, никакого разложения, угасания, а тем более умирания в Европе, — читай, в Западном мире, — на мой взгляд, и близко не стояло.

Наоборот, Западная цивилизация уверенно и победительно вступила в новую эру человечества, эру, как я уже сказал, искусственного интеллекта и цифры. Мы же свой переход одновременно с ведущими странами мира в новую фазу человеческого развития под трём о перестройке, гласности и построении рыночной экономики бездарно профукали. Но мы даже через двадцать пять лет либерального бесплодия можем не только наверстать своё, но и стремительно выйти в мировые лидеры, если станем, повторяю, глобальным планетарным центром, который вберёт в себя лучших представителей человечества, верных Богом установленным традициям, Богом определённым представлениям о добре и зле, Богом представленным на Земле через своих пророков нравственным заповедям и нормам поведения... Но вернёмся к ключевому для нас тезису об упадке Европы и тому, что там, на мой взгляд, действительно происходит. Повторяю, Европа как матрица Западной цивилизации уверенно, как никогда сильная и сплочённая, вступила в новую эру развития человечества. Её колоссальные знания и вера в неисчерпаемые возможности человеческого разума формируют перед всем Западным сообществом свою сверхзадачу. Как более двух тысяч лет назад в колыбели европейской цивилизации — Древней Греции — “умер Пан”, возвестив тем самым приход в человечество вместо устаревшего жизнелюбивого и светлого политеистического язычества сосредоточенного и жёсткого монотеизма, так и в современной Европе решили окончательно распрощаться с волшебной мистикой христианства, заменив её полностью и окончательно сухим безошибочным потрескиванием цифр в таинственных лабиринтах искусственного, “компьютерного” разума. Другими словами, Европа сделала свой окончательный выбор от Веры в пользу Разума. В Европе Ум навсегда вытеснил Сердце. Отсюда жёсткий слом Традиции во всём — от традиционной семьи (официальная регистрация гомосексуальных пар с правом усыновления детей) до национального государства (Европейский союз без внутренних границ, практически бесконтрольная иммиграция из стран третьего мира — “долгой этносы, да здравствует единое человечество!”). Европейское сообщество стремительно реформатируется. “Освобождённое от сковывающей развитие химеры Традиции”, наделённое строго логичными выводами искусственного разума и Разума человека, оно бурно устремляется в мир непрерывно совершенствуемого материального блеска и могущества. Вера в Бога подменяется верой в неисчерпаемые возможности человеческого разума, справедливость — доступностью для большинства суррогатов земных благ и удовольствий. Душа как нематериальная субстанция отменяется вовсе и безоговорочно.

Феодосий Павлович взглянул на часы и резко засобирался:

— Мы с тобой уже три часа здесь болтаем, а мне номер на пятницу верстать... к четырём приходит корректорша. Всё, пора... Не правда ли, уютное местечко? Теперь будешь знать, куда не стыдно пригласить в нашем славном Своробоярке какого-нибудь важного московского гостя, — сказал он, словно читая мои мысли о том, чтобы привести сюда пообедать в субботу Мишу Васильева. И добавил, как-то многозначительно усмехнувшись: — Мы, случается, здесь с Лёшей Мальковым встречаемся перетереть новостешки, о политике потрындеть... Он, в отличие от тебя, ею весьма активно интересуется. Занятный он малый, я почему-то в юности его не помню, хотя и часто заходил в вашу школу, у вас драмкружок, если помнишь, был весьма недурственный... А вот Лёшу Малькова не помню... хотя он колоритный в чём-то человек. Большой радикал, между прочим.

— В чём радикал? — спросил я, смутно догадываясь, что Феодосия Павловича с Лёхой Мальковым что-то связывает, может быть, даже и поглубже, чем со мной. Во всяком случае, вдруг понял я, перед моим визитом к Никанорову Лёха уже обо всём уведомил его.

— Да, так... в некоторых своих воззрениях на жизнь, — уклончиво ответил Феодосий Павлович. И почему-то добавил: — На современную жизнь...

Мы расплатились (цены тоже оказались в ресторанчике весьма приемлемыми) и молча покинули гостеприимный трактир “У Вадика”. Миновал

разномастное, шумливое, к вечеру заметно оживившееся торжище — в междурядьях палаток бойко зашуршали с тележками на колёсиках многочисленные сновистые старушки — вышли к памятнику Ленину.

— За просроченным товарцем — хлебом третьего дня, полупрокишим молочком, выдавшей виды колбаской спешит неугомонная, полуголодная старость, — хмуро пояснил геронтократический десант Феодосий Павлович. — К вечеру залежь за полцены отдают... — И неожиданно с глуповатой задорностью пропел-продекламировал с фальшивым хохляцким акцентом, обращаясь к порывистой фигуре на постаменте: — Встань-ко, Лэнин, подывыся, як колхозы развылься... хата раком, сенцы боком и кобыла с одним оком.

Чугунный Ильич сурово отмолчался. Мне стало неловко. Никаноров сконфузился.

— Да, к слову... Уверен, вы знаете, — жалея старика, сказал я уважительно, — почему в его царствование, — кивнул я на памятник, — не переименовали старорежимный Своробоярск в какой-нибудь новомодный тогда Клароцеткинск? Странно, почему не тронули?

— Трогали, да ещё как! — с благодарной торопливостью откликнулся Феодосий Павлович. — Один радикально настроенный уездный комиссар из бывших учителей словесности предлагал, чтобы сохранить архитектонику слова, переименовать город в Смертьбуржуйск или Смертьцарёвск — что-то в этом роде... но как-то пронесло. В шестидесятые, при Хрущёве, когда поставили ракеты, думали назвать Оборонском, потом Возмездьевском. Но считали, что расшифруются, и оставили всё как есть. А потом какой-то московский лингвист, побывавший в наших краях, тиснул в центральной газете заметку, что в слове “Своробоярск” есть правильный классовый подтекст — бояре, мол, это свора... свора кровопийц, истязателей... что народ бояр всегда именно так воспринимал и неслучайно как бы зафиксировал это в названии городка. С тех пор с переименованием затихли. Ну, а сейчас, когда старое — это наше всё, Своробоярск звучит, можно сказать, авангардно. Даже Крошкин как-то на сессии районного собрания депутатов заявил, что Своробоярск — это “самый цимес, ништяк”. Видимо, он хотел сказать, что Своробоярск — это неповторимо, оригинально, хорошо. Но сказал так, как принято у них...

— У кого это — “у них”? — стало интересно мне. — “Цимес”, “ништяк” часто употребляются в криминальной среде...

— Верно! Поэтому “у них”... это, можно сказать, в шайке, преступной шайке! Где давно уже и воровской язык, и воровские порядки! — раздражённо бросил Феодосий Павлович, пожимая на прощание мне руку.

3

Встречать Мишу Васильева Лёха Мальков предложил вроде бы хлебосольно, с выдумкой, на широкую ногу. В то же время, пока он на следующее утро за столиком, врытом у меня во дворе под липами, излагал план приёма Миши, меня не оставляло ощущение, что предлагается какая-то пошлая, неприличная клоунада. Хотя всё говорилось Мальковым самым серьёзным тоном и с самым серьёзным выражением лица. Во-первых, встречать Васильева Лёха предлагал у ворот моего дома чуть ли не рогой почётного караула. “Солдатики доставим в нужном количестве и в нужное время, — загибая мизинец на правой руке, глазом не моргнув, говорил Лёха. — Затем мы вот тут под липами — очень живописно! — по рюмашке, второй... скатерть-самобранка за мной, — загибал он второй палец. — Потом едем в монастырь — торжественный перезвон колоколов, с игуменом я договорюсь... приобщение, или как там, облобызание святых мощей... Монаси, бают, раскопали где-то нетленные кости то ли святого Амвросия, то ли Пафнутия какого-то... — Лёха загибал третий палец. — После этого обед “У Вадика”, будет Крошкин, на позелное знакомство он клонет... — Лёха закладывал четвёртый палец. — Вечером тройная уха, банька у тихой заводи, ныряние после жаркого венчика в прохладные воды... так сказать, нагишом, под луной... а если ещё девчонок подогнать, официанточек от Кригера, в кокошниках!

Будет просто сказка!” — прикрыл он большим пальцем сложившийся кулак и двусмысленно помахал им на полусогнутой руке в воздухе.

— Ну, как планчок? — выдержав паузу, бестрепетно воззрился на меня Мальков своими ястребиными глазами.

“А ведь он замазать Мишу хочет!” — дошло вдруг до меня.

— Ты это всё всерьёз или как?! — вскинулся я.

— Что такое? Что мы так разволновались?! — с ехидцей отозвался Лёха.

— Не паясничай! Противно! — сказал я. — И попрошу без этого гаденького глума: “облобызание святых мощей”, “нетленные кости святого”! Что за гнусь ты несёшь!.. И я не позволю скомпрометировать моего друга! Тут у тебя не получится! — потряс я пальцем перед лицом разом насушившегося и помрачневшего Лёхи. — И, вообще, дай мне смету расходов по ремонту дома, я её оплачу... Я не привык за чужой счёт!

— При чём тут какая-то компрометация? Ты думаешь, твой приятель с девочками по случаю не резвится?! Так принято сейчас! Наслаждайся, пока можется... Компрометация? — нервно передёрнул плечами Лёха. — Чуть какая-то! Впрочем, как скажешь, хозяин, — добавил он, проглатывая раздражение, подчёркнуто иронично налегая на последнее слово. — Сам-то что предлагаешь?

— Первое: что мы покажем, какой конкретно участок? Поэтому с Крошкиным нужно встретиться уже завтра, официально, на его рабочем месте, чтобы он дал команду подыскать приличный вариант на уже отведённых под застройку землях. — Лёха наострил уши и, не скрывая некоторого удивления, стал внимательно вслушиваться. — На обед в субботу Крошкин никогда не пойдёт, вряд ли он, хитрый жулик, будет засвечиваться... Ему безопаснее действовать через помощников, — продолжал я. — Ну, а если процесс закрутится, Крошкин сам найдёт повод познакомиться с Васильевым... Второе: встречаем дорогого гостя скромно, по-деловому... Ну, если только пару рюмок здесь под липами, — Лёха снисходительно улыбнулся. — А вот поужинать, согласен, можно и “У Вадика”, кормёжка там приличная, обедали там вчера с Феодосием Палычем... И последнее: предлагаю позвать на встречу старика, он очень забавный, вчера он меня буквально придавил своими историософскими глыбами! Это будет наше фирменное угощение... Миша тоже любит пофилософствовать. А потом — кто лучше Никанорова расскажет о Своробоярске!

— А ты растёшь, — без привычной насмешливости сказал Лёха, — ситуацию с Крошкиным верно разложил... Попытаюсь договориться с ним о встрече на завтра, только и тебе, — со значением посмотрел он мне в глаза, — надо бы у него побывать. Кто ему в пределах допустимого, более или менее подробно расскажет о “дорогом госте”? — не удержался и всё-таки противно ухмыльнулся Лёха.

— Естественно, — ползённый Лёхиной похвалой, как-то чересчур поспешно, до смущения, согласился я.

— А вот по Никанорову у меня сомнения, — не дал опомниться мне Лёха. — Чрезмерно треплив, как бы лишнего чего не нагородил... старческое недержание мощи, — скаламбурил Лёха и победительно посмотрел на меня.

— Нет, он должен быть! — сказал я тоном, не терпящим возражений. Мне было важно поправиться в короткой слабости.

— Этот старый болтун только всё испортит, его не должно быть! — принял вызов Мальков.

— Что он может испортить?! Он только придаст пикантности... Я лучше знаю Васильева, — закусил удила я.

— А я лучше знаю Никанорова! — вспенился Мальков. — Он сплетник, разнесёт всё потом по городу.

— Я тоже знаю Феодосия Палыча больше тридцати лет. И не помню, чтобы он был сплетником... Это уже неприлично, вот так, за глаза! — вошёл в раж я. Мне почему-то хотелось Малькову во всём противоречить.

— Послушай, дружок, ты его помнишь, когда ходил в коротких штанишках и смотрел на него снизу вверх, — с вызовом бросил мне Лёха. — Всё изменилось, ты ничего здесь не петришь, и Никаноров твой стал другим...

— Какой я тебе, к чёрту, дружок! — с остервенением вскрикнул я и в быстром, каком-то интуитивном замешательстве, стыдливо прикусил язык. Во двор входил, кажется, предварительно постучав в калитку, как из волшебной сказки, кротко улыбающийся, излучающий любовь и доброту, — я почти физически ощутил это, — маленький сухонький монашек.

— Простите ради Бога! — в следующее мгновение взмолился я, — отец... — и вдруг словно осенило меня, — отец Нектарий!

— Чертыхнулся — сразу сотвори молитву: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”. И нечистый отойдёт, — ласково заговорил монашек, бойкими мелкими шажками приближаясь к нам, — а вот то, что во гневе пребываете, уже покаянием и исповедью лечится. Но вы оба, я вижу, святых таинств не приобщаетесь, в храме бываете редко, от случая к случаю... — с мягким укором продолжал он, кланяясь поочерёдно каждому из нас. Мы истуканисто и безмолвно стояли перед ним, отвешивая какие-то нелепые полупоклоны.

— А как вы догадались, что мы невоцерковленные? — спросил как-то запросто и грубовато Лёха.

— А здесь и догадываться-то особо не надо, дерзновенный человек... Вы здороваетесь со мной, как светские люди, порядков иных не знающие, — ласково заворковал монашек. — Но ничего, ещё проторите каждый свою стёжку-дорожку к храму, — многозначительно сказал он, внимательно вглядываясь в каждого из нас небесно-синими, от старости уже выцветавшими, глазами.

— А вот как вы догадались, добрая душа, — обратился он ко мне, — что я иеромонах Нектарий?

— По какому-то необъяснимому наитию, ваше преподобие, — вспомнилось вдруг мне вычитанное в какой-то книжке обращение к иеромонаху.

— Просто — батюшка, — сделал он останавливающее движение рукой, — или, как вы сразу обратились, — отец Нектарий... А вы, теперь уже моя очередь догадываться, — пытливо взглянул монашек на меня своими глазками-васильками, — Кирилл Прилукин?

— Верно, — не стал скрывать удивления я.

— Никакого наития, — улыбнулся гость, — мне описал вас послушник, которому вы любезно оставили для меня свою визитную карточку... По вашей визитке я позвонил в московскую редакцию, там сказали, что вы в отпуске в Своробоярске, дали ваш тутошний телефон, про мобильный я по старинке забыл спросить, а по номеру телефона нетрудно установить и адрес... Звонил вчера весь день, вас всё дома нет, — заволновался неожиданно монах, с жадным любопытством оглядывая дом и двор. — Так что ничего сверхъестественного, молодые люди, — с учливой беглостью продолжал он, — только чрезмерное любопытство старого, всё ещё суемящегося — Господи, прости! — человека. Хотя... — он сделал паузу, — впрочем, об этом потом... — и долгим взглядом посмотрел на Лёху. — Извините, но мне ваше лицо однозначно знакомо, хотя... я наверное знаю, мы с вами нигде и никогда не встречались.

Я представил отцу Нектарию моего друга.

— Извините, батюшка, я спешу... мы с вами действительно прежде не были знакомы, но я рад знакомству состоявшемуся, — забормотал вдруг Лёха и стал как-то суетливо, что было абсолютно не свойственно ему, выбираться из-за стола. — Поеду договариваться с Крошкиным, — бросил он мне, не поднимая глаз, — о встрече на завтра с нами... Завтра пятница, день короткий... надо успеть застолбить у него время.

— Вспомнил, — сказал отец Нектарий, когда Лёха отъехал от ворот на своей чёрной, огромной, похожей на катафалк машине, — ваш друг, Кирилл, удивительно походит на одного недавнего посетителя ко мне, — уточнил он. — Вы не поверите, они, как близнецы, только тот постройнее, позизящее сложен, тоньше лицом, и глаза, кажется, светлые... У вашего друга есть брат?

Я растерялся. Казалось бы, столько лет знаю Малькова, но только теперь вдруг сообразил, что ни разу не был у него дома, не был знаком с его родителями, не имею малейшего понятия о его близких.

— Увы, не знаю, батюшка, — промямлил я и предложил гостю подкрепиться с дороги.

Отец Нектарий внимательно посмотрел на меня, снял чёрную бархатную скуфейку и комком носового платка, извлечённого из бокового кармана старого, вылинявшего подрясника, промокнул несколько раз вспотевший лоб. День, в отличие от вчерашнего, разгорался жаркий. Было солнечно, тихо и безветренно. Кротко падали на землю первые жёлтые листья.

— Сегодня заканчивается Успенский пост, — сказал монах, с явным облегчением присаживаясь на скамейку за столом и освобождаясь от небольшого рюкзака за спиной, — если можно, немного мёду и стакан тёплой воды... А вот о людях, которые рядом с вами, не грех и поинтересоваться... чтоб потом разочарований меньше было, душа моя, — неожиданно добавил он и со значением посмотрел на меня.

— А может, лучше всё-таки пройдем в дом.

— Не стоит... потом; здесь так чудесно, такое хрустальное благолепие... и солнце сквозь листву столетних лип... как в пору детства моего, — поднял гость глаза к небу и ещё раз огляделся. Ставшие ещё более синими от синего неба, глаза старца увлажнились.

Я почувствовал сильнейшее волнение и, сбивая минутную слабость, ошалело помчался в дом за угощением. Наверху включил электрический чайник, достал свежую скатерть, набрал в вазочки изюма и очищенных грецких орехов, нацедил из банки в блюде свежевывающегося мёда (как знал, незадолго до этого купил на рынке), выставил всё это на поднос и поспешил снова во двор.

Отец Нектарий уже обходил дом по периметру, ловко прицеливаясь и щёлкая объективом профессиональной камеры “Nikon”.

— Вот, — сказал он, помахав фотоаппаратом в воздухе, — с некоторых пор всегда ношу с собой... “Остановись, мгновение — ты прекрасно!”

То ли погода стояла особенная, то ли я хорошо выспался, но с этим неожиданным гостем мне было удивительно легко и свободно. Я быстро расстелил скатерть, расставил вазочки и сбегал ещё раз в дом за чайником, заваркой и чашками.

— Прошу, отец Нектарий, а то осы налетят, — позвал я старца к чаю.

— Как вы сказали? Осы налетят? — подошёл с каким-то просветлённым взглядом гость. — Так говорила моя мама, когда мы накрывали стол на свежем воздухе вот в такую же пору... Стол у нас стоял так же, под этими липами, но, кажется, ближе к саду... Ну, вот, похоже, я вам всё и сказал, — глянул он на меня вопросительно и ясно.

— Я сразу догадался, кто вы, когда мне сказали, что вы — Смирнов, поэтому-то и побежал сразу к вам в монастырь, — радостно признался я.

— Не побежали, а, насколько я знаю, поплыли, — улыбнулся старец. — Кстати, обратно вы не могли бы меня доставить по воде? Меня отец любил в детстве катать на лодочке до монастыря и обратно...

— С удовольствием! Каждый день для зарядки стараюсь походить на вёслах!

— Ну, вот и славно. А теперь откушаем чайку, — бочком подсел к столу старец, а затем ловко перекинул через скамейку обутые в кроссовки ноги. — Эти липы посадил ещё мой дед при царе-Миротворце — великий государь был!.. Так что им уже прилично за сотню... А вот сад, я думаю, новый, только тоже уже состарившийся...

— Его посадил мой дед, — в свою очередь не без гордости сказал я, — тоже при по-своему великом красном государе... — На последних моих словах старец усмешливо опустил глаза. — Часть деревьев давно уже по старости вырубил, посадили новые... но часть старых, как это ни удивительно, ещё плодоносит. И весьма щедро... бывает, яблоки некуда девать.

— А дом, я смотрю, вы решили подновить, — кивнул отец Нектарий на аккуратно сложенные упаковки сайдинга в целлофане и кирпичи у крыльца, — да и в подвале, слышно, кто-то работает.

— За три века дом дал просадку, специалисты посоветовали укрепить фундамент... в подвале бетон под фундамент закачивают.

— Дом... просадку дал, любопытно... — неопределённо протянул старец, аккуратно отправляя чайной ложечкой изюм в рот и запивая чаем, — триста пятьдесят лет простоял... и вдруг просадку дал... А специалисты — это ваш давешний друг? — задался вопросом он и неожиданно раздумчиво добавил: — Какая-то особая планида, видимо, влечёт его сюда...

— Скажите, отец Нектарий, — вдруг спросил я, — почему вы назвали его дерзновенным человеком? Вроде и похвалили, а вроде и нет.

— Напомнил он мне, по какой-то главной составляющей в них, одних людей из далёкой юности моей, — вздохнул старец. — Те тоже дерзнули начать вроде бы правое дело, но неправое к какой-то другой большей правде, а вот принять эту большую правду они не смогли...

— Почему?

— Потому что дерзновенные были, Бога не хотели в душе слушать! — мне показалось, старец метнул из-под бровей синий огонёк. — А вот с вами я премного рад познакомиться... Я за вами давно уже слежу в русской прессе. Вдруг, думаю, из тех самых Прилукиных, что купили у нас дом тогда... Мне покойная матушка говаривала, что купили Прилукины... фамилия довольно редкая... А потом вы как-то писали в поддержку возвращения церкви нашего монастыря, ещё на излёте большевицкой власти... Я тогда ещё раз подумал, что вы не случайно хорошо пишете, с любовью, как бы очень заинтересованно... Вы тогда написали, что в детстве играли рядом с монастырём, значит, вы где-то рядом росли... И вот — чудо! Вы действительно из тех самых Прилукиных, и я с вами беседую у родного дома, родного и для вас, и для меня. Ну, не чудо это, скажите мне!

Признаюсь, волнение старца передалось и мне. Я тоже был под впечатлением этой необычной встречи. Я почувствовал вдруг, что завязывается какой-то странный тугой узелок судьбы, расплести который будет не так-то просто. А эти ощущения отца Нектария, так совпадающие с моими, что появление Малькова здесь неслучайно? Сердце моё затрепетало.

— А вы знаете, батюшка, сейчас мы с моим другом начинаем кампанию по возрождению храма-часовни в Заречье, — сорвалось у меня. — Может быть, вы сможете чем-то помочь в ваших кругах?

Старец чрезвычайно внимательно, даже как-то чересчур внимательно посмотрел на меня.

— Удивительно, — сказал он с некоторым недоумением, — именно по этому делу я и ездил позавчера в Москву к Патриарху... Его Святейшество обещал оказать содействие прошению воинской части по восстановлению на территории гарнизона часовни, возведённой, если мне не изменяет память, чуть более ста лет назад в честь преподобного Романа, ученика самого Сергия Радонежского, основавшего в конце четырнадцатого века на месте будущей часовни свою обитель. Её так и звали в народе — Романовской... Правда, часовня эта была построена старообрядцами, тут тонкие коллизии возникают...

— Как? Вы ездили к Патриарху с прошением воинской части? — изумился я.

— Что вас так удивляет? — пытливо взглянул старец, — меня посещал в монастыре командир этой части... дважды. В первый раз советовался, как приступить к восстановлению часовни, а во второй, по моему наставлению, привозил письмо-ходатайство к Святейшему...

— А мне Мальков, ну, Алексей, который только что был здесь, предложил поднять информационную волну в прессе... Что, мол, на это только надежда. А я-то всё думаю, почему армейцы сами не побеспокоятся?! И без прессы часовню можно восстановить, ради Бога! И вот оно так и выходит... Так для чего же тогда меня подключать?! — стукнул я ладонью по столу.

— Не гневайтесь, вы слишком эмоциональны... Всё рано или поздно узнается, — деликатным, лёгким прикосновением накрыл мою руку своей маленькой сухой ладошкой старец. — Если ваши помыслы чисты, то всё только во благо... Видимо, ваш друг хочет ускорить процесс, не вам говорить — пресса серьёзная сила... А вам Бог весть чего мнится... — Какое-то время старец сосредоточенно над чем-то раздумывал. — Удивительно они всё-таки

похожи — тот военный, что приходил ко мне, и ваш друг. И оба с идеей, оба чем-то сильно заряженные...

— А как представился военный, как зовут его, в каком звании? — нетерпеливо спросил я.

— Он полковник... у него три большие звёздочки на погонах, — проявил неожиданную осведомлённость отец Нектарий. — Да, он так и представился — командир такой-то ракетной дивизии полковник Шатров.

— Шатров? — прикинул я. — Выходит, не брат.

— Фамилии иногда ничего не значат, — задумчиво сказал старец, — случается, двоюродные братья по материнской линии похожи больше, чем родные.

— Как Николай Второй и его английский кузен Георг Пятый, — ввернул я.

— Прекрасная иллюстрация к мысли, — уважительно кивнул головой старец.

— Николай Второй тут вовремя вспомнился, — пришла мне неожиданная мысль, — ведь это благодаря его указу “О веротерпимости” старообрядцы начали бодро возводить свои храмы в России, в том числе и нашу часовню... И как теперь быть с этим старообрядчеством? Вы правы, ситуация тут складывается непростая...

— Патриарх обещал разобраться... Но я о другом. Видите, как всё не просто в нашей жизни, — ласково улыбнулся старец, — если обгораживаться условностями... Главное понять, угодное ли Богу дело делаешь. А возродить храм Божий, временно утерянный, всегда дело благое перед Спасителем нашим. Не так ли, душа моя?!

— Извините, отец Нектарий, — сказал я так, словно что-то подтолкнуло меня изнутри, — но эти условности приводили и к тому, что люди себя заживо сжигали, что, в частности, случилось, как мне рассказывали, на месте, где была возведена потом эта часовня.

— Всё верно, за свои убеждения люди готовы идти добровольно и на костёр, — согласно закивал головой старец, — но всегда ли то, что человек принимает за убеждения, подлинные, а не мнимые ценности? Разобраться в этом практически невозможно. Всё зависит от личности, от её духовной зрелости, от степени приближения её к Богу. Вы знаете, молодой человек, что бы я принял за критерий истины? — неожиданно улыбнулся старец... — Воззрения большинства! Чисто демократический метод! Лучше не придумайтесь. Староверы остались в меньшинстве, а значит, в чём-то они неправы. Поверьте, друг мой, — приложил старец руку к сердцу, — я глубоко чту их аввакумовскую стойкость, неподкупность, преданность идеалам и уложениям, завещанным предками... Я даже восхищаюсь ими, преклоняю перед ними колена как перед мучениками и заступниками веры, как они её понимали! Я горжусь, что в России были такие подвижники духа! Но за ними не пошли... Значит, душа народная приняла новое и понесла его дальше в своём историческом развитии... Такую же трагедию я вижу в Белом движении и в делах других дерзновенных... Неужели они снова нарождаются? — задумался вдруг старец, словно прислушиваясь к чему-то, что слышит только он. — Боюсь, вновь они пойдут против большинства, — еле слышно, словно про себя, проговорил он.

— О ком вы, отец Нектарий? — спросил я, почувствовав, как беспричинная тревога заползает в душу.

— О них... о тех, кто, мне кажется, сейчас рядом, которых не ждут, но они тут, совсем рядом, и скоро вырвутся, как звери из клеток, на волю... — загадочно сказал старец и пристально посмотрел мне в глаза.

— Не понимаю, — смутился я.

— Я и сам пока многого не понимаю, но я вижу... И что-то будет, — снова туманно отвечал старец и, подумав, вдруг добавил: — Он мне хотел в чём-то открыться, я это почувствовал, в чём-то тяжёлом, может быть, страшном... но... не решился. Но он придёт скоро снова... в третий раз... И тогда... тогда он может открыть сердце. Я не хочу этого! — вырвалось у него.

— Он — это тот, кто так похож... на моего друга? — почему-то холодея, спросил я.

Старец промолчал.

— А вам приходилось видеть разрушенную часовню, может быть, фотография сохранилась? — спросил я после неловкой паузы первое, что пришло в голову.

— Мне было всего пять лет, когда мы с мамой каким-то чудом в тридцать третьем вырвались отсюда в Эстонию, — заметно заволновался старец. — Я не помню, чтоб мы посещали с отцом-священником Романовскую часовню. Возможно, и были там. С этим храмом, точнее, с этим местом, как рассказывала мне мама, нашу семью связывало что-то особенное, — но детская память избирательна. Вот как с отцом плавали к монастырю — помню... Но это же лодка, речка, кувшинки в заводях, сияющие купола над горой — так ярко всё, волшебное... А вот часовню не помню... Но фотография, Вы правы, сохранилась в нашем семейном альбоме, который мама вывезла за границу... Я её с собой, не поверите, как знал, снова привёз в Россию... Сейчас она по просьбе Святейшего у него в канцелярии.

— И как выглядела часовня? — заинтересовался я.

— Судя по фотографии, это был небольшой, можно сказать, миниатюрный храм, выдержанный в стиле раннего новгородского зодчества. Вам знакома старообрядческая церковь Николы Чудотворца у Тверской заставы в Москве, напротив Белорусского вокзала? — живо спросил старец.

— Хорошо знаю, — отвечал я, — некоторое время жил на улице Правды и, когда выходил к дому из метро “Белорусская”, всегда обращал на этот храм внимание... Такой суровый, аскетический стиль... заставляет уважать. Не знал, что он старообрядческий.

— Так вот, часовня, только без колокольни, почти копия этого храма. А может, наоборот... Насколько я представляю, церковь Николы Чудотворца была заложена на год позже часовни.

— Ну, что ж, за возвращение такой красоты стоит побороться! — бодро сказал я, нацеливаясь на вопрос, может быть, не совсем приятный старцу: — Вы обмолвились о какой-то особенной связи, отец Нектарий, вашей семьи с часовней?

— А, вот вы о чём... Заметили! — вопреки моим ожиданиям, охотно отозвался старец. — Дело в том, что пастырем у тех староверов, что предали себя самосожжению в обители преподобного Романа и в память о котором была воздвигнута эта часовня, был мой далёкий предок, протопон Никита.

Я вспомнил рассказ об этом Никанорова. Всё сходилось.

— Старообрядцы, числом более двух сотен, сожгли себя тогда, но дети их чудесным образом спаслись, — вырвалось у меня.

— Откуда вы знаете?! — удивился старец.

Я коротко рассказал ему о краеведческих изысканиях Феодосия Павловича.

— Познакомьте меня с ним, Кирилл, — попросил старец. — Может быть, он поможет разобраться, что же тогда случилось на той гари... Как выжили дети...

— Их могло спасти царёво войско, окружавшее скит, — предположил я.

Старец отрицательно покачал головой.

— Недели три тому назад по разрешению Святейшего я заглядывал в синодальные архивы, нашёл там донесение о том самосожжении... В бумаге указывалось, что стрельцы не успели взломать скитские двери... огонь был страшный... сгорели все.

— А потом детей тех, кто сгорел, стали замечать в оставшихся старообрядческих семьях... Так возникла легенда о чудесном спасении деток, — повторил я рассказ Никанорова.

— То, что дети спаслись, — это чудо, — задумчиво проговорил старец, — но сдаётся мне, что чудо это — рукотворное...

— Вы хотите сказать, что дети всё-таки в прямом смысле этого слова вышли из огня? Но каким образом, если вы сами читали, что огонь поглотил всех?

— Если спрашиваешь, жди ответа, — неопределённо, глядя в землю, проговорил старец.

На этом чрезвычайно интересном месте наша беседа была прервана появлением Усатого с товарищами. Было около двух часов пополудни, время обеда для моих строителей. Обычно они уезжали обедать на “рафике” куда-то в город. Возвращались ровно через час и, надо отдать им должное, всегда трезвые. Ладные, в одинаковых комбинезонах, как в униформе, рабочие вызвали заметный интерес у старца. Когда они миновали нас, почти разом поздоровавшись, и вышли за ворота, старец не без восхищения посмотрел им вслед:

— Солдатушки, бравы ребятушки! Не знаю, почему, всегда уважал военную косточку!

— Почему вы решили, что они военные? Это обыкновенные рабочие...

— Возможно, — усмехнулся старец. — Мне пришлось достаточно пожить среди военных... видел выправку старой русской школы, эти не уступают... Право, молодцы! Это они у вас фундамент укрепляют? Эти укрепят... эти с любой задачей справятся! — с лёгкой иронией протянул он и неожиданно добавил: — А нельзя ли посмотреть, что они там мастерят? — кивнул головой в сторону подвала.

— Да ради Бога, отец Нектарий! — с энтузиазмом откликнулся я, гася вновь забродившие во мне тревожные настроения, — заодно и дом посмотрим.

Старец ловко упаковал “Nikon” в чистую махровую тряпицу, аккуратно уложил в рюкзак, который затем привычным движением приладил за спиной, разгладил лямки и... хоть сейчас в путь. Глаза его ярче засинели, было видно, что он хорошо отдохнул. “Да он ещё крепкий старичок”, — подумал я, глядя на его жилистую, юркую фигурку.

— Под девяносто уже катит, — словно читая мои мысли, сказал старец, легко преодолевая довольно крутые ступеньки крыльца, с восхищённой умильностью заглядываясь на правильные, словно подстриженные, начинающие желтеть, благородные кроны двух лип перед входом в дом. — А как сейчас помню: вот здесь, у крылечка, у этих деревьев — были они поменьше, послабее, турничка не было — подводу, которая должна была доставить нас с мамой на вокзал; помню коричневую кобылку, с атласной шерстью на крутых боках, длинную конскую гриву до оглобель; отца в лёгком подряснике, хотя было уже прохладно, — он помогал укладывать на телегу вещи; лёгкий сырой туман предзимья, влажные, скользкие листья под ногами... Восемьдесят лет прошло, — перекрестился старец на крыльце, — но, извините за банальность, всё как вчера было.

— А почему ваш батюшка с вами не поехал? — спросил я, открывая дверь в дом.

— Ему не разрешили выезд, хотя отец Александр... Киселёв хлопотал из Эстонии за всю нашу семью, — отвечал старец, заметно волнуясь, переступая порог дома.

— Тот самый Киселёв?

— Да, да — тот самый, что стал известен потом служением при храме РОА, да и не только этим... — скороговоркой, как-то машинально отвечал старец, смущённо вглядываясь в узкий, бревенчатый коридор, ведущий к деревянной, в два пролёта, лестнице на второй этаж, с освещённым яркой лампочкой входом в подвал под лестницей...

— С чего начнём? — спросил я. — Поднимемся наверх? Или, как вы хотели, прежде осмотрим подвал?

Старец, прижимая платок к глазам, только кивнул головой наверх.

— Боже, они и скрипят, как в детстве, и с таким же волшебным рисунком некрашеного дерева, — шептал он, поднимаясь по стёртым до полукругля ступенькам лестницы и прихватывая правой рукой, отполированные временем до глянца перила.

— Здесь у нас была столовая, она же гостиная, — говорил старец, взволнованно-бегло оглядывая самую большую комнату верхнего этажа. —

Удивительно, у вас такой же круглый стол посередине; а это кухня — осталась кухней; спальня родителей... А вот и моя детская, — затрепетал он на пороге моего кабинета, — образ в правом углу над моей кроватью... только у меня была икона Спасителя, а у вас — Богородица, — перекрестился трижды он на найденную мной случайно в одной из заброшенных деревень полуобсыпавшуюся от сырости ветхую икону Божией Матери. — Письменный стол у окна, примерно за таким же я начинал читать-писать, рисовал акварельными красками, — продолжал комментировать он, — а вот книжных шкафов не было... стоял комод, этажерка с детскими книжками, на стене висела карта двух полушарий...

— К слову, о книгах, отец Нектарий, — пригласил я присесть старца в кресло у письменного стола, прилаживаясь сам на низенький диванчик, который служил мне одновременно и кроватью. — В этих шкафах — ваша семейная библиотека... уникальные вещи — от Данилевского, Леонтьева, Ницуса, Бердяева, Розанова, Мережковского до Шопенгауэра и Ницше...

— Каким же чудом они сохранились! — легко привстал с кресла и поспешил к шкафам старец. — Да, вспоминаю, книги, много книг, стояли у отца в кабинете, который он оборудовал по примеру Толстого в большой кладовой в подклети. — Старец деликатно раскрывал стеклянные створки шкафов и глядел ладонями золотого тёмно-коричневых переплётов книг. — Удивительно, их держали в руках мои... как же они не пропали... в те времена?!

Я рассказал историю с чудесной находкой в подвале.

— Так-так, — кивал головой старец, — лежали в ларе, заваленном всякой рухлядью? Отец, видимо, спрятал самые ценные перед арестом... За ним пришли, как выяснил я недавно, буквально через полгода после нашего отъезда.

— Теперь они ваши... дождались хозяина!

— Что вы, добрая душа! — влоборота повернулся ко мне старец и стрельнул в мою сторону благодарным взглядом. — Они открылись, словно из небытия, вам, они дождались вас... и, как я вижу, впрок... Ну, если только, — добавил он после паузы, — возьму одну какую-нибудь на память... Не приходилось встречать с пометками, записями на полях, значками какими-либо? Вот её бы и взял, вдруг это рука отца или деда!

— Слушайте! — вдруг осенило меня. — Мне попался фолиант в обложке из кожи, — прекрасной, толстенной кожи, — написанный от руки, на старославянском... Я, к сожалению, не силен в старославянском, но это что-то похожее на домовую книгу, приход-расход, заметки о повседневных делах... Вам, святой отец, должно быть это интересно — там своего рода, как я понимаю, история вашего дома! Хотя, — осознал я свою “деликатность”, — вы можете взять, повторяю, всё, что вам понравится...

— Покажите мне эту книгу! — так и засветился в каком-то нетерпении старец.

— Дай Бог памяти, куда я её положил, — засуетился я, — кажется, куда-то вниз...

Я начал открывать нижние, из сплошного дерева, створки одного шкафа за другим... Старец закружил по комнате. В каком-то из шкафов фолиант был, слава Богу, обнаружен. Старец бросился с книгой к окну. С трудом удерживая её на весу, повёртывая к свету, стал лихорадочно перелистывать.

— Вы не представляете, молодой человек, что я держу в руках! — с восторгом обратился он ко мне. — Судя по всему, это записи человека, который строил этот дом, — протодиакона Артамона Смирного. Удивительно! Просто чудо! Вот что я возьму, с вашего позволения, с собой!

Глава районной администрации Крошкин совсем не соответствовал своей фамилии. Он оказался крупным, высоким, вполне представительным мужчиной. Держался осанисто, с неброской солидностью: лицо сохранял в профессиональной сосредоточенной внимательности, в человека всматри-

вался с какой-то неуловимой опаской, рта лишний раз не открывал. Глазами был “чудь белоглазая”. Глазки его подводили, портили всё... Бесцветно-пустоватые, они смотрели замершими, чуткими окуньками, готовыми вильнуть — и был таков!

Он принял нас с Мальковым сдержанно, жестом пригласил за длинный полированный стол для совещаний, сам привычно уселся во главе стола. Ни тени смущения перед московским журналистом, ни хлопотливого псевдогостеприимства — даже чаю не предложил. Во всём несуетливая деловитость, многозначительное поглядывание на недорогие, я бы даже сказал, дешёвенькие часики. Да и костюмчик, должен заметить, на нём был так себе, средненький. “Ловкий позёр! — заметит затем по этому поводу Лёха. — У него бы московским жуликам, разряженным, как новогодние ёлки, поучиться пыль в глаза народу пускать”.

— Слушаю вас, Алексей Константинович, — с приветливой снисходительностью обратился Крошкин к моему другу (чувствовалось, что они давно знакомы), когда мы расселись за столом. Лёха коротко, в тон хозяину кабинета, изложил суть дела с Мишей Васильевым.

— Понятно... Чем можем — поможем, — сказал Крошкин, встал и подошёл к селекторному пульта. — Нина Васильевна, — обратился он к секретарше, — срочно пригласите ко мне Калеватова.

Через пару минут в кабинет Крошкина колобком вкатился маленький толстый человек средних лет, так же, как и начальник, одетый в неброский костюм, с чеховской бородкой и в очках с тонированными линзами.

— Леонид Михалыч Калеватов — начальник управления по земельным ресурсам и землеустройству района, — представил его нам Крошкин. — Вот товарищи, — кивнул он в нашу сторону, — подыскивают для серьёзного, — подчеркнул он голосом, — очень серьёзного человека из Москвы приличный участок на Красных Холмах (вот, оказывается, как нарекли берег Боганки от города до монастыря наши чиновники; ну, что ж, для “серых пиджаков” весьма неплохо!) с выходом к реке естественно, среди сосен...

— Площадь? — навёл на нас с Лёхой непроницаемые очки землеустроитель и достал блокнотик с ручкой из бокового кармана пиджака.

— В пределах полутора-двух гектаров? — вопросительно глянул на меня Крошкин и добавил: — Больше не можем... вдоль реки, практически в черте города, за каждый метр драка идёт.

— Цена? — развязно спросил Лёха, видимо, для меня как основного посредника общения с Васильевым.

Калеватов негромко назвал, очевидную даже для меня, дилетанта, какую-то смешную цену за сотку земли в столь живописных местах. И потянулся было черкнуть что-то в блокнотике, но был остановлен многозначительным, с нажимом, взглядом Крошкина.

— Когда приезжает ваш друг? — поправился Калеватов, откладывая ручку в сторону.

— Завтра, примерно к полудню, — ответил я.

— Хорошо, — сказал Калеватов, — завтра в четырнадцать буду ждать вас перед входом в администрацию... Поедем посмотреть участок, — и вопросительно взглянул на Крошкина.

— Можете идти, — сказал Крошкин и посмотрел на круглые, настенные часы над дверью: — Через полчаса жду вас с отчётом по текущим делам.

— Опытный администратор, — добавил он, когда Калеватов бесшумно укатился за дверь, — всё схватывает на лету, разжёвывать не надо, — и вильнул, словно вспомнив что-то неприятное, своими пустыми, белыми глазками-окуньками в сторону. — Будут ещё вопросы?

— Вопросов нет, Владимир Поликарпыч, — ответил Лёха, — пока...

— Пока — в смысле до свиданья, — почему-то вдруг засмутился Крошкин, пожимая на прощанье нам руки, — или?..

— Или... — неожиданно наглово подмигнул ему Лёха. Белые глазки Крошкина сделались оловянными.

— Осторожный барыга, — сказал Мальков, когда мы усаживались в его машину, припаркованную перед входом в администрацию. — Ты заметил,

как он остановил этого землемера, когда тот попытался нарисовать в блокнотике настоящую цену за сотку?

— Что-то такое припоминаю, — сказал я беспечно, так, что Лёха не удержался от снисходительного взгляда в мою сторону.

— Надо предупредить твоего Васильева завтра... Они попытаются ошкурить его по полной, — наставительно сказал Лёха, вырывая в сторону моего дома.

— Как это? — наивно спросил я. — Сумма уже названа.

— По бумагам — да! — будет проходить инвентаризационная, копеечная стоимость, — хмыкнул Лёха. — На деле сумма увеличится стократно... Вот эту окончательную цифру и хотел нарисовать в блокнотике этот жук Калеватов... Если клиент соглашается, тогда всё идёт в пакете, вплоть до подрядчика по строительству дачи. Но Крошкин тебя не знает, решил не рисковать... Вот сейчас они где-то в укромном местечке сбежались и перетирают, как тряхнуть твоего московского Буратино.

— А если он не согласится?

— Кто?

— Буратино!

— Тогда они замордуют его тысячами согласований, дикими расценками на подводку электричества, газа, воды, канализации, дорог... И он горько пожалеет, что не согласился на их правила игры, ведь они будут предлагать ему полный пакет услуг... за счёт городского бюджета. Представляешь, какая маржа у них! Триста-четырееста процентов прибыли! Никакой “нефтянке” такого даже не снилось! — восклицал Лёха, становясь с каждым словом всё мрачнее и мрачнее.

— И что, все соглашаются?

— Практически все... Тот, кто упрямится, отдаёт ещё больше, попадая в лапы “несистемных” подрядчиков, которые за ту же подводку коммуникаций заламывают астрономические суммы... Опять же почему? А потому что, чтобы выжить, они отстёгивают через посредников тому же Крошкину половину прибыли... Иначе они лишатся ментовской крыши, и их в бараний рог свернут бандиты. В общем, все идут на контакт с жуликами от власти, оно так надёжнее.

— И что, нельзя этого Крошкина со всеми его “землеустроителями” за одно место взять?

— Нельзя! — с оттенком превосходства, как несмышлёнышу, бросил мне Лёха.

— Да они просто не нарывались ещё! — разошёлся я.

— Нарывались и нарываюются, — злобно оскалился Лёха, — только не ухватишь их... Они напрямую денег не берут!

— А кто же берёт?

— Бульдозерист Вася! — скорчил физиономию Лёха. — Тут такие схемы, что Крошкина, как говорила моя бабушка, нестом в ступе не ухватишь... Пронырливый гад!

— И что мне сказать Васильеву? — растерялся я. — Может, не надо всю эту кашу заваривать! Ведь крайним окажется кто?

— Пусть оформляет всё строго по инвентаризационной стоимости, — процедил сквозь зубы Мальков.

— Но ты же сам сказал — замордуют...

— Со мной у них с их грязными схемами не пройдёт, — выдвинул вперед свою массивную нижнюю челюсть Мальков, — я этого Крошкина-Мандавошкина!.. — ударил он резко обеими руками по баранке. — Я его предупредил сегодня, заметил? Он всё понял, кровосос неумный!

— А верно говорят, что у него семь квартир в Москве? — вспомнил вдруг я.

— Шесть. Зачем лишнее приписывать, — недобро усмехнулся Мальков, — последнюю прикупил совсем недавно... не знает, на кого теперь записать, все родственники — ближние и дальние, уже давно задействованы... жуть! По слухам, его дочка даже предлагала какой-то бедной сослуживице,

приехавшей откуда-то из Новосибирска, за хорошие деньги на себя эту квартиру оформить... Есть у него апартаменты и в Испании.

— А история с каким-то породистым скакуном для внука? Это не выдумки завистников и сплетников? — продолжал “вспоминать” я.

— Ты и про это знаешь?! — хмыкнул Лёха. — Узнаю почерк Феодосия Палыча... Всё верно, подарил наш Крошкин лошадку благородных кровей — три “Мерседеса”! — своему внучонку на пятилетие... Говорят, мальчишку готовят в какой-то престижный колледж в Англии, как же тут без коняшек — увлечения истинных аристократов! А они же у нас теперь все в аристократы метят!

— Он из каковских, этот Владимир Поликарпыч Крошкин? — решил я почему-то узнать об этом неприметном казнокраде как можно больше.

— Из каковских? — переспросил, ухмыляясь, Мальков. — Да, как и все мы, из столбовых крестьян! Ещё при коммунистах приехал сюда после сельхозинститута то ли из Вологодской, то ли из Костромской губернии... В совхозе, куда его направили инженером, ишачить не захотел, пристроился в райисполком, дополз до зама председателя... После великой буржуазной революции девяносто первого стремительно перекрасился в демократа; так поносил на всех митингах коммунистов, что от него шарахались, зажав носы, даже записные либералы... Но там, где надо, заметили, выбрали-назначили главой администрации... Типичная карьера постсоветского перевёртыша! — Лёха выругался. — И почему тогда либерасты не пошли на люстрацию! Всех этих крошкиных надо было в мусорный совок замести и на помойку истории выбросить! Меньше бы гнили было сейчас от этих плебеев, дорвавшихся до власти и денег!

— Так уж и плебеев? — почему-то задело меня.

— Я не об этом! — отмахнулся Мальков. — Я не о происхождении... Вот их вытаскивали к власти ещё и при поздних коммунистах по формальному признаку — рабоче-крестьянское или какое другое “правильное” происхождение, член партии, не пьёт-не курит, — а не понимали тогда, что это категории вчерашнего дня, что уже другой критерий отбора диктовала эпоха... И они все, эти детки рабочих и крестьян, как и партноменклатуры, жаждущие сытой начальственной жизни — плебеи по духу — полезли паразитами на дородное государственное тело... Они, не имеет значения, из какого они социального слоя, они очень рано все были сориентированными, они были умненькими, в них не было потребности идеального, они были жадными глотателями жратвы, привилегий, удобств, — и в этом смысле опять же плебеями! — они жаждали только материального успеха. За дачи, загранпоездки, шмотки и иномарки они, не чихнув, сдали прежнюю власть. Теперь заражают и отравляют своим гниением, подталкивают к пропасти нынешнюю.

— Ты сказал, другой должен быть критерий отбора во власть?

Лёха нарочито пропустил мой вопрос мимо ушей.

— К началу семидесятых годов прошлого века классовый, революционный подход при отборе во власть, считаю, полностью изжил себя! — быстро заговорил он. — Общество к тому времени кардинально переродилось, революционный энтузиазм полностью исчерпал себя, интеллигентское шестидесятиничество как последний всплеск революционной романтики боязливо уступало дорогу бескомпромиссному жёсткому диссидентству, когда в очередной раз в истории России начали вызревать мысли о радикальном сломе государственного строя. Страна стояла на развилке. И чтобы спасти великое государство, которое к тому времени очистилось от парши марксизма, важно было призвать во власть новых идеалистов, своего рода революционеров-государственников, людей, готовых повести страну не к какому-то там мифическому коммунистическому обществу, а к мировому лидерству в ведущих областях социально-экономической, научно-технической, гуманитарной мысли. Повторяю, страна переродила к тому времени марксистской химерой, перебрела ей, переварила и пережгла её в себе. Во власть нужно было набирать супертехнократов, суперинтеллектуалов, суперпрофессионалов, готовых с новым энтузиазмом служить постиндустриальной суперимперии, в которую

в то время стремительно превращалась красная империя. И это бы дало жизнь Великой России ещё на тысячу лет вперёд!

— И всё-таки, какой же критерий, по-твоему, должен лечь в основу отбора во власть? — с вызовом переспросил я. Мне не понравилось, что Лёха демонстративно перешагнул через мой прежний вопрос.

— Критерий один — нестяжательство! — снисходительно, принимая вызов, бросил мне Лёха и, притормаживая машину, искоса наблюдая за мной, скривился в своей противной, насмешливо-покровительственной улыбке.

— Критерий твой — фантом, чушь! — сказал я, с трудом сдерживая себя. Лёхина улыбочка, в очередной раз понял я, вызывала у меня изжогу. — Критерий, не поддающийся никакому внятному определению... Стяжатель-нестяжатель... по количеству костюмов у человека, чайных сервизов, пар обуви, кепок, шляп и галстуков будем определять?

— Э, нет, тут ты пургу гонишь... из чувства противоречия, должен заметить... капризничаешь, старичок, — со вздохом согнал проклятую улыбочку с лица Лёха, — тут всё сложнее и проще одновременно.

— Ну, и...?! — гневно вскрикнул я.

Лёха остро подцепил меня краешком глаза и мягко отступил.

— Достаточно проследить за любым выдвиженцем, даже самым незначительным пупырьком типа Крошкина, в течение двух-трёх первых лет, — как ни в чём не бывало ровно заговорил он, — и всё становится ясным: пришёл этот выдвиженец служить стране и государству или набивать брюхо и мощну себе и близким. Если, не подняв ни одного гектара заросших бурьяном земель, не открыв ни одного нового производства, не проложив ни одного метра новых дорог, не прибавив ни на копейку зарплату людям, начал живенько возводить себе расписной теремок в три этажа, покупать недвижимость, разворачивать собственный бизнес, записанный на жену, тещу, племянника, назначать себе любимому фантастические оклады — такого надо гнать в шею. Он заведомо не годен для государственной службы. Он порочен, неизлечимо болен стяжательством. Вокруг него образуется не точка роста, а очаг гниения. Такого выдвиженца следует безжалостно удалять, удалять пожизненно, без права второй попытки...

— А если он затаится и начнёт грести под себя не в начале, а в конце карьеры? Что делать тогда?

— Не начнёт! — жёстко рубанул Лёха. — На это должен быть закон: на одном вельможном кресле восседать не более двух сроков, лет восемь-десять! За это время можно показать, на что ты способен как руководитель — это главное, но если начнёшь под занавес этого срока набивать себе карманы — всё, дальнейшего продвижения не жди, твоя карьера государева человека обрывается навсегда!

— Круто, — тут уж не удержался от сарказма я, — и за что государевы люди пахать будут? За голый оклад? Так не бывает! Все разбегутся!

— За власть! — озлился Лёха. — К власти всегда будет выстраиваться очередь, даже если в конце очереди будет ждать всего лишь чашка похлёбки... Только успевай выбирать достойнейших! И этой слабостью человеческой при выстраивании государства надо пользоваться. А мундир, шитый золотом! Ордена и награды, и прочие цапки! Президиумы! А счастье быть в свите или со свитой! А раболепие подчинённых! За такие сладкие пряники люди обычно не разбегаются, а, наоборот, втаптывая друг друга в грязь, по головам, бешено карабкаются вверх. Во власть! Вот эту психологию человека надо учитывать! — распалился Лёха. — Стяжателей безжалостно выкидывать из насыженных мест, казнокрадов сажать жёстко и надолго, чаще ротировать и взбадривать проверками чиновничье племя! Не бояться, что разбегутся. На место убежавших встанут в очередь сотни жаждущих власти. Не бояться, что окажут сопротивление, составят заговор — они трусливы. И если их почаще, как сорняки на грядке, пропалывать, сбиться в стаю они физически не смогут.

— Вопрос — кто их будет пропалывать? — прервал я горячую речь Малькова.

— Резонно, — неожиданно согласился Лёха и, бросив на меня быстрый взгляд, осторожно сказал: — Ты прав, главный вопрос — кто будет чистить эти авгиевы конюшни — государство? Или?.. — заколебался он и промолчал.

Я тоже взял паузу. Разговор неожиданно приобрёл ту опасную зыбкость и недосказанность, когда любой вопрос или реплика становились заведомо провокационными, могущими — царапнуло меня неприятное предчувствие — быть неверно истолкованными и сейчас, и в будущем.

— Возьмём того же Крошкина, — принялся сам за разъяснение Мальков. — Копнуть его на местном уровне невозможно. Глухая круговая оборона... Все — прокуратура, полиция-милиция, верхушка райсовета — все увязли в грязном криминально-воровском вареве. Давно уже поделили с бандитами наш городок на сферы влияния, крышуют рынки, торговые центры, лавчонки и прочий мелкий бизнес, рейдерствуют... Самый занюханный чиновник, самый последний мент — все имеют долю в отъёме денег у государства и торгашей — других денежных источников здесь нет... по причине умертвления производства. С областными Крошкин тоже дружит, отстёгивает и губернатору через посредников... Всё прогнило — просто караул! Но самое главное — его московские покровители. Тут надо было так случиться, что один депутат, парламентский, — твой Васильев его, верно, знает, — с большими связями, из наших мест... родился под Свободоярском... Они с Крошкиным наладили серьёзный бизнес — коттеджное строительство на границе со столичной областью... Пахотные земли, сотни гектаров, нагло выводят из севооборота, продают московским фирмам под коттеджи. Наваривают миллионы... Ну, как этого Крошкина возьмёшь, он часть воровской вертикали уже на общегосударственном уровне! Выходит, — помолчал Мальков, — к самоочищению государство уже не способно. Остаётся что?

Я замер. Мы подъехали к дому. За забором игрушкой зеленеет симпатичный особнячок. Лёха прихватил меня за руку и не дал выскользнуть из машины, наклонился ко мне и, засверкав у самого лица бритвами сужившихся ястребиных глаз, заговорил вдруг быстрым полусёпотом:

— Остаётся надеяться, что их решительно и безжалостно срежет народ. Они допрыгаются, их будут рвать на куски, как в семнадцатом! Они не знают истинных настроений в народе. А люди, особенно здесь, в исконно русских областях, давно уже поняли: их оставили на вымирание. Все социологические замеры фуфло! Людей достала тотальная несправедливость, превращение их в быдло! Людям ненавистно горбатиться на так называемых хозяев. Они устали от бесперспективности, когда, сколько ни работай, никогда не заработаешь на квартиру, не дашь детям серьёзного образования, не проживёшь на пенсию! Наша экономика в коматозном состоянии! И это на фоне какой-то неслыханной, дикой роскоши всех этих власть имущих, казнокрадов-чиновников, аферистов, деляг. Ненависть накопилась в народе страшная! Уровней её никакие справки не передадут, её можно уловить только кожей, соприкасаясь вплотную, ежедневно с массой народной. Скоро она вырвется, — вплотную приблизился к моему уху Лёха, — и тогда держись кровососы всех мастей! Отмщение будет страшное! Не веришь?! — больно сжал он мою руку. — Подожди, ещё увидишь! Скоро, очень скоро мы станем свидетелями нежданного, неслыханного взрыва... — на этом месте Лёха словно опомнился и заметно деланно сконструировал окончание фразы, — ...народной ярости и гнева!.. А теперь иди, любуйся... Мои архаровцы работать умеют! — довольно грубо подтолкнул он меня из машины и, не дождавись, пока я закрою дверь, резко тронулся с места.

“Маньяк! — ударило мне в голову. — И угораздило же меня связаться с ним!” Взглянув на свой неузнаваемый домишко, вспомнил, что забыл спросить у Лёхи смету расходов на ремонт. Хибара моя стояла, как невеста на выданье. Обшитая светло-зелёным сайдингом, она удивительно похорошела, подобралась, стала как-то выше и респектабельнее. Вполне недурственным особнячком уже смотрелась. “Смету надо завтра жёстко потребовать, — подумал я, — решительно! Обязанным ему оставаться нельзя!”

Я обошёл вокруг дома. Ничего не скажешь, работа была проделана качественно: ни одного небрежно подогнанного уголка, ни единой, самой малой

щёлки между панелями, всё смонтировано аккуратно и красиво. Было уже около восьми вечера. Но в подвале ещё работали. Тонким, впивающимся в уши визгом заходила циркулярка, бешено въедалась во что-то очень твёрдое дрель, затаённо резонировала под ногами земля от перфораторов. Я стоял с глухой стороны дома, выходящей к реке. “Странно, — подумалось мне, — почему вибрирует земля даже в несколько шагах от дома, неужели такие глубокие шурфы быют?” Но голова моя была занята другим. Я думал о Лёхе и решал, приглашать или не приглашать на завтрашнюю встречу с Мишей Васильевым Никанорова. “Может, прав Лёха, разнесёт всё потом по округе...” Побродил в саду, прикинул и набрал всё-таки по мобильному Феодосия Павловича. Решил, что надо пригласить. Интересные мыслишки зародились у меня в голове вокруг Лёхи и старика.

5

Ночью неожиданно обрушился на город тяжёлый, секущий ливень. Над домом разыгралась настоящая стихия с хлесткими, порывистыми накатами ветра и воды. Мне снился сон: я стою над пропастью. Я трепещу. Я замираю. Я на волоске от гибели... Я резко вздрогнул и проснулся. Дождь громко бивал тысячи гвоздей в пластмассовые рейки сайдинга. Прежде такая непогода только уютно шушала по камню толстых стен. Располагала к покою и сну, если случалась ночью. Теперь она будила и пугала. “Надо было стены просто покрасить, — с тоской подумал я, — кому нужен этот дурацкий барабан из пластмассы... И всё Лёха!” Тревога от дурного сна сливалась с тревогой ночи. Бессонная маята на два-три часа была теперь обеспечена. Я знал себя. Стоило произойти разрыву сна, особенно под утро, ворочаться потом приходилось часами. Со мной это обычно происходило от какого-то внутреннего перегрева. Нервишки у меня, признаюсь, дрянь. Если меня что-то заводило, то доводило потом до самоедского изнурения. А заводило меня в этой быстро набирающей невнятный, мутный оборот истории многое, даже чрезмерно многое... Зачем эти однозначно маскируемые отношения Лёхи с главным военным из Заречья? Что стоит за его неожиданными откровениями о каком-то народном гнев? Озлобление неудачника? Комплекс провинциального “человека из подполья”? Ведь турнули же его из Москвы, хотя поначалу складывалась совсем иная карьера! Или это просто присущая ему с юности игра в оппозиционность? Ну, уж больно радикальная эта оппозиционность, вспоминал я злобный Лёхин полущётот. Зачем понадобился я ему во всей этой истории с часовней, если командир части был уже у старца, и тот не без успеха, как понял я, ходатайствовал у самого Святейшего? Почему так вцепился он в приезд ко мне Миши Васильева? Я извёлся вопросами, извертелся в постели, несколько раз вставал, вглядывался в затихающую бурю за окном, пил тёплую воду с мёдом — где-то читал, помогает от бессонницы. Не помогало. И ещё этот страшный, не сулящий ничего хорошего сон. К снам я отношусь серьёзно... С трудом заснул, когда комната стала наполняться серой размытостью предрассветных сумерек.

Поспать не дали. По ощущениям, где-то часа через три-четыре заелозил-завибрировал на гладкой поверхности письменного стола мобильный телефон.

— Стучу, не слышит... Ну, и здоров же ты дрыхнуть! — раздался в трубке Лёхин голос.

— Который час? — буркнул я. Состояние было скверное. Болела голова.

— Скоро десять, — недовольно отозвался Лёха, — как бы твой приятель не подкатил... Я угощенье привёз. Вставай.

“Кто тебя прислал, с твоими угощениями!” — едва не сорвалось у меня. Наскоро умылся, оделся и вышел к Малькову.

Утро выдалось пасмурное, холодное. Дождь прошёл. На дворе стояли прозрачные лужи. С деревьев капало. Лёха наломал веник из вишенника и счищал воду с нападвшими листьями со стола под липами, расставлял полиэтиленовые пакеты с продуктами. Одет он был соответственно погоде и обстоятельствам — в толстую байковую ветровку с капюшоном.

— Как-то неуютно тут после дождя. Может, сразу к “Вадику”, в тёплый теремок? — предложил Лёха. — Обед уже заказан.

— Скоро подсохнет, — попытался скрыть раздражение я. Меня завело, что он уже и обед заказал. — Сколько я должен? — грубо сорвалось у меня.

— За что? — чутко ошетинился Лёха.

Я вспомнил свой решительный настрой вчера.

— И за это, и за то! — показал на продукты и на дом.

— Ну, что ты за человек! — кисло сморщился Лёха. — Благородное общее дело затеяли, а он со своим самолюбием, уязвлённым, как ему кажется, лезет. Пойми, для меня это копейки... Но дело не в этом. Ты искренне откликнулся на моё предложение, тебя даже на секунду не посетило желание что-то с этого поиметь. Я же вижу! И мне это нравится. Вот это и есть нестяжательство! Вот таких, как ты, надо во власть... Для тебя я всё делаю от души, как... для правильного человека. Хотя, как ты понимаешь, я далеко не альтруист... Я привык брать, а не отдавать. Даже не брать, а забирать. Забирать, отбрасывая все сантименты. Старец-то твой позавчера меня быстро раскусил, я это почувствовал. Не люблю я этих душеведов! — в сердцах бросил Лёха. — И без них тошно... Ты думаешь, легко заниматься нашим скрамным российским бизнесом? Он весь построен на обмане, подлости и насилии. Зачем нам эта запоздалая отрывка капитализма! Капитализм не прививается у нас, народ его отвергает. Наши люди не хотят жить только ради денег. Они действительно устроены по-другому, у них другая духовная природа. Как будто кто-то устроил великий вселенский эксперимент: одни народы — за Мамону, другие — против... Наш народ однозначно против! Поэтому так ничтожен процент у нас тех, кто занимается наживой, этим так называемым бизнесом... Поэтому так нагло орудует в стране кучка мародёров, выводя из неё капиталы, ресурсы, обескровливая страну. Народ с недоумением и ужасом взирает на шайку разгулявшихся, меры не знающих воров: когда же это всё прекратится?! Но, похоже, недоумение проходит. И всё чаще люди спрашивают, — Мальков порывисто прижал руку к сердцу, — поверь, я знаю это точно, слышал в самых доверительных разговорах тысячи раз... Всё чаще люди спрашивают: а может, всю эту банду пора поставить на место? Жёстко поставить! Как может это сделать только доведённый до отчаяния народ!

— Лёша, а может, ты всё это придумал? — как можно мягче спросил я, не без тревоги вслушиваясь в неожиданные с утра, пафосно-обличительные речи Малькова. — Согласись, при этом капитализме что-то делается, и немало людей в него вовлечено... Вот едешь из Москвы, вдоль дорог завязывается новая логистика — склады, торговые центры, заправки, кафешки. Сколько новых добротных домов поставлено... Люди строят для себя капитально, на века. Это уже не извечные наши серые избы... Оборонный комплекс оживает. Может так, исподволь, без рывков и лишнего шума всё и поправится? И лет через пятнадцать-двадцать миру предстанет Россия обновлённая, сильная и ухоженная? Может, не стоит поднимать волну в очередной раз? Как бы последнее не потерять. Может, стоит раз и навсегда успокоиться и жить, как все? Что тут ещё, кроме капитализма, придумаешь, когда с социализмом не получилось?

— И я так же думал, Кирилл, — живо отозвался Лёха, — до поры до времени, правда... — криво улыбнулся он. — Когда вошёл в круг хозяйственников, политиков, разных там влиятельных людей, возмечтавших о национальном, производящем и строящем капитализме... Но нас смяли, жёстко предупредили — в большую игру лучше не суйтесь, курс выбран другой...

— После чего твой дядя, который к тому времени уже работал в Администрации, рассказывают, порекомендовал тебе удалиться из Москвы? — неожиданно сказал я.

— Всё знают столичные журналисты, просто жуть... — насторожившись, усмехнулся Лёха. — И мудро поступил, надо отдать ему должное, — перевёл он усмешку в подобие улыбки на лице, — иначе я бы не беседовал с тобой тут... Мог и на нарах очутиться... придрались бы к чему-нибудь, я же и в Москве купечествовал...

— Давно хотел спросить, как зовут твоего непростого дядю? Он, по-прежнему... во власти?

— Как зовут, это тебе вряд ли что-то скажет, — уклончиво сказал Лёха, подумал и почему-то добавил: — Ну, Шатров... Николай Всеволодович... Ему уже под восемьдесят, какое во власти! Кстати, собирается написать что-то вроде мемуаров... Как с Борисом Николаичем подружился, как работали вместе, ну, и всё такое прочее. Ищет в помощники толкового журналиста, может, ты попробуешь? Он вообще-то при деньгах.

— Вряд ли, — отмахнулся я, — быть литрабом — не моё... пробовал. Исполнять графоманские прихоти вельможных старичков — это всё равно, что горшки из-под тяжелобольных таскать.

— Хорошее сравнение, — рассмеялся Лёха.

“Шатров, Шатров, — завертелось у меня в голове, — где я слышал эту фамилию? Совсем недавно, что-то очень знакомое...”

— И какой же курс, по-твоему, выбран, как ты говоришь, в большой игре? И кто его выбрал? — вернулся вдруг я к Лёхиной недосказанности.

— Курс один, — посуловел Лёха, — вступление в капиталистический интернационал, так называемое встраивание России в мировой рынок, международную систему хозяйствования... И выбрала его неизменная в своей сущностной основе, с начала девяностых пребывающая у власти узкая корпорация людей, своего рода секта, спаянная единым мировоззрением, единой волей, едиными задачами.

— Насчёт секты — не знаю, — пожал я плечами, — а вот то, что существует международное разделение труда, так это ещё со времён Маркса известно, и Россия для того, чтобы жить, должна занять своё место на мировой финансово-производственной площадке. Что тут не так?

— Вот, именно — на финансово-производственной... — Лёха выделил голосом последнее слово. — Мы должны предложить миру то, что мы умеем производить, — снова подчеркнул он, — что умеем делать! Делать качественно, на высшем уровне, так, как ни у кого больше не получается! Понимаешь?

— И что же? — наверное, глупо спросил я.

— А то, что вот уже двадцать пять лет — двадцать пять лет! Вдумайся в эту цифру! — Россия упорно и методично превращают в сырьевой придаток этой пресловутой международной системы хозяйствования! — взъярился Лёха. — Ни о каком производственном развитии России, её месте на мировом рынке высоких технологий, инноваций, прорывных идей и речи не идёт. Наоборот, мы всё меньше производим, всё больше продаём сырья, всё больше завозим. И этому нет конца! Мы умираем! Как высокоорганизованное, высокоинтеллектуальное сообщество! Ты говоришь, что может вот так потихоньку-полегоньку, не прикладывая особых усилий, мы лет эдак через пятнадцать-двадцать собьём маслице, как та пресловутая лягушка в молоке, и явим миру лицо новой, с иголки, передовой, развитой России. А я тебе говорю, что с такой усыпляющей философией дела, с такими приоритетами, с таким воровством и безответственностью чиновников, с таким накалом разграбления национальных богатств, как сейчас, через двадцать лет России не будет! Будут дымящиеся развалины! Верные и последовательные практики той модели развития, которую нам предложила в начале девяностых преступная секта так называемых реформаторов, продолжают с маниакальной методичностью затягивать смертельную петлю на шею великого народа. То, что ты говоришь про какое-то оживление вдоль больших дорог, логистическую инфраструктуру, новые постройки, дома и прочее, всё это лишь слабые пунктирные признаки жизни, едва заметное шевеление умирающего гигантского тела. Но нас ещё не додумали. И мы должны, собрав последние силы, волю и мужество, разорвать удавку, задышать полной грудью! Сейчас или никогда! Прочь морок медленной смерти, подслащённой пилюлями о мнимом возрождении, стабильности и духовных скрепах! Пора решаться! Пора действовать!

На последних словах ястребиные глаза Лёхи стали тёмными и засверкали. Он выпятил вперёд и без того выдающуюся нижнюю челюсть и стал как-то смешно похож на один исторический персонаж. Вылитый дуче! Впору было

рассмеяться, но тут, похоже, было не до смеха. “Точно — большой! Безумец... Такой может решиться на всё”, — вновь тревожно шевельнулось во мне. На что “на всё”, объяснить я бы не смог. Я только почувствовал, что Лёха распирает какая-то сильная, овладевшая им полностью идея и что сейчас, именно вот сейчас в нём всё трепещет и вибрирует от желания выпалить ею, поделиться со мной. Пусть даже потом он тысячу раз раскается, что по какой-то мимолётной слабости и тщеславию посвятил меня во что-то очень важное и скрываемое от всех, но уж очень остра и значима для него была идея, чтобы не искуститься познакомить с нею и других. Он кривился и кусал губы. Мне его откровения, подсказывала интуиция, были бы лишними... Лёха сделал несколько глубоких вдохов, овладел собой и принялся раздражённо выкладывать снесь из пакетов. Спасительная пауза разлилась в воздухе.

А между тем распогодилось. Вот-вот должно было прорезаться сквозь остатки туч солнце, стало заметно теплее. Деревья бодрее зашумели подсыхающей листвой. Почему-то не шёл Феодосий Павлович, хотя мы вчера договаривались где-то на одиннадцать. Я сходил в дом за клеёнкой и скатертью, прихватил заодно и дотканые, деревенские половички, Бог весть откуда взявшиеся у нас, чтобы накрыть отсыревшие скамейки у столика.

— Шатра не хватает, — с нарочитой внимательностью, притапливая ещё бродившее в себе волнение, поглядел по сторонам и на небо Лёха, — у меня где-то валяется непромокаемый дома. Может, сгонять?

И тут мне вспомнилось: Шатров! Это была фамилия командира воинской части из Заречья. Мне рассказывал об этом старец.

— Не успеет, пока ты съездишь, пока твой шатёр натянем... тут Миша подкатит... Только лишнюю суету разводить. Слушай, — вдруг сказал я как-то помимо своей воли, — главный командир из Заречья — Шатров, твой дядя тоже Шатров... фамилия нечастая... И говорят, вы с военным похожи, как братья...

— Сам догадался? Или это опять твой старец-ясновидец узрел! — злобно вдруг ощерился Лёха.

— О чём догадался? — не сразу понял я.

— Брось дурака валять, Кирюха! — резанул меня взглядом Лёха. — Ну, брат он мне! Родной, по крови, брат!

— А почему фамилии разные? — только и нашёлся, что сказать я.

— Родители развелись, когда мать была уже беременна Бориской, — нехотя, морщась, отозвался Лёха, — когда брат родился, дала ему свою девичью фамилию... Как и у её родного брата, моего дяди... Шатров.

— Никогда не слышал, что у тебя есть брат. И ты никогда об этом не говорил... странно, — пожал плечами я.

— Да как-то не приходилось... Борька с раннего детства жил у дяди, тот был бездетный и практически усыновил брата. Ну, в общем, — стал как-то поспешно закругляться с откровениями Лёха, — вырос Бориска в Москве, здесь появлялся редко... В Москве он и школу закончил, и в престижное ракетное училище поступил... элитный мальчик...

“Бориска, Борька, элитный мальчик...” — какое-то пренебрежение и лёгкая ирония звучали в словах Лёхи, когда он говорил о брате. А между тем братец-то Лёхин, получалось, действительно был командиром нашей ракетной дивизии в Заречье. Генеральская должность. Особая ответственность. То, что в лесах за рекой стоят в шахтах ракеты стратегического назначения, с ядерными боеголовками, в нашем городке было известно даже младенцу в люльке. Так что, выходило, большой человек был этот Бориска. Завидует, похоже, Лёха более успешному младшему брату, вот и небрежничает, — таково было моё первое ощущение от всей этой неожиданной, странным образом выплывшей из ничего любопытнейшей истории.

— Однако ты конспиратор, — может быть, излишне серьёзно, может быть, даже мрачно, сказал я.

Для пользы дела надо было как-то повеселее, полегче обойтись в эту минуту с Лёхой. Глядишь, и ещё что-нибудь такое же интересное рассказал бы...

Лёха на мгновение растерялся, но, быстро овладев собой, с вызовом посмотрел на меня:

— Хочешь сказать, втёмную использую тебя?

Меня неприятно кольнуло это “втёмную... использую”. В Лёхином вопросе, в той интонации, с которой он был задан, звучало и некое утверждение, некий подтекст и определённый положительный ответ. Так показалось мне, и я завёлся с пол-оборота.

— Зачем я тебе нужен? — вскинулся я. Из меня так и попёрла ночная бредятина. — Ты темнишь, хитришь! Вся эта история с часовней! Твой брат был у старца с письмом, тот ездил к Патриарху — всё может решиться и без меня... Ты же знал об этом! Зачем тебе я понадобился?!

— Брат был у старца? — ослобенел Лёха.

— Да, старец мне об этом рассказал...

— Зачем? Зачем он это сделал?! — простонал Лёха. — Мы же договаривались, только письмо с нарочным!

— О-о, а здесь кипят шекспировские страсти на фоне новых декораций! — Калитку с улицы отворял Феодосий Павлович и показывал рукой на обновлённый сайдингом дом. Лёха потускнел и выразительно посмотрел на меня. Мне стало стыдно за вчерашнее эмоциональное решение пригласить всё-таки Никанорова как бы наперекор Лёхе, а более всего я почувствовал себя неловко за неприличные мыслишки столкнуть их при встрече, чтобы хоть как-то прояснить темно и невнятно складывающуюся, но в чём-то вдруг приоткрывшуюся общую ситуацию. Я подумал было извиниться перед Лёхой, но вместо этого тихо, пока не подошёл Феодосий Павлович, промямлил что-то банальное о том, что гостя из Москвы предстоит угощать не тольколангетом у Вадика Кригера.

— Делай, что хочешь! — махнул обиженно рукой Мальков и, сухо поздоровавшись с подошедшим Феодосием Павловичем, принялся нервно расставлять бутылки на столе. Какое-то нетерпение вселилось в него с этого момента, весь оставшийся день и вечер, вплоть до расставания в глухой ночи, мне казалось, он подгоняет время, чтобы как можно быстрее разрешить для себя какую-то неожиданно появившуюся острейшую проблему.

Феодосий Павлович, облачённый в куцый, тесноватый плащик откуда-то из семидесятых годов прошлого века, в беретке с хвостиком на макушке, с развевающимися на ветру седьмыми космами, в высоких резиновых сапогах, производил впечатление, как бы сейчас сказали, фриковатое. Во мне ворохнулось сожаление, что я пригласил его. Впрочем, это чувство было весьма мимолётным, в целом я всегда был рад старику. Едва мы успели перебраться с ним парой фраз — он одобрил обшивку дома сайдингом, похвалил цвет, — как у ворот остановился забрызганный грязью тёмно-синий внедорожник и над невысокой изгородью со стороны улицы замаячила лохматая, с хищным профилем голова Миши Васильева. Было около двенадцати. До встречи с Калеватовым оставалось два часа. Можно было ещё и посидеть как следует.

Когда вышли достаточно, Миша предложил мне проветриться и познакомиться его, как он выразился, с “имением Прилукиных”. Я показал ему дом, сад... Спустились по косогору на берег реки.

К полудню заметно разгулялось. Солнце и ветерок быстро сушили землю. От подпревающей с корешка травы потягивало уже горькими, чистыми запахами предосенья. Весело отпевали лето кузнечики. Становилось жарко. Миша снял дорожную кожаную куртку.

— Хорошо у тебя здесь... хорошо! — с чувством сказал он, потягивая тонким горбатым носом воздух. — И что я к тебе раньше не приезжал? Благодарать какая! Когда студентами были, помнится, ты меня не раз приглашал... И сколько у тебя землицы тут?

— Полгектара... Тебе будут предлагать полтора-два, там, — показал я ему рукой вниз по течению, — среди сосен, с выходом к реке — живописнейшее место!

— Полтора-два гектара? — переспросил Миша. — И что мне с ними делать?!

Странная реакция Васильева, признаюсь, меня озадачила. Обычно в таких случаях люди меры не знают — чем больше, тем лучше.

— Если тебя что-то по цене напрягает, — тоном знатока сказал я, — то по инвентаризационной стоимости это выйдет недорого. Мальков, тот, который с честностью... подскажет, как надо делать.

— Посмотрим, посмотрим, — уклончиво протянул Миша. — А что за фрукт этот Мальков? — небрежно, как бы между прочим, вкрадчиво спросил он.

— Местный предприниматель, у него тут серьёзный строительный бизнес, — сказал я. — Мы приятели ещё со школы... — Мишина вкрадчивость меня насторожила, распространяться особо я не стал. — Между прочим, если решишься здесь строиться, лучшего подрядчика не найдёшь: сделает всё на совесть и... лишнего не возьмёт, — зачем-то приврал я, вспомнив рассказ Феодосия Павловича, как Мальков делал ремонт редакции.

— Как тебе? — насмешливо посмотрел на меня Миша.

“Откуда он знает? Странно, — подумал я, — за столом об этом, вроде бы, речь не заходила”.

— И как мне, и как многим другим... он тут каждому второму что-то строил.

— А что ему далась эта часовня? — задался неожиданным вопросом Миша. — Денег она не принесёт...

— Говорит, вояки попросили, — пожал плечами я.

— А он не отказал, — заиграл своими коричнево-шоколадными, с искрой, всегда непроницаемыми глазами Миша, — филантроп, значит?

Я промолчал. По каким-то неуловимым признакам в Мише угадывалась определённая осведомлённость. Казалось, он что-то знает. Как бы к чему-то уже подготовился. И это понуждало меня к сдержанности.

— А вот старик — забавен, — неодобрительно пощупал меня взглядом Миша, — интеллектуал, философ, краевед. Такой должен втайне от всех роман-эпопею ваять... Глыба, мощь уездного разлива.

— Очень неплохой журналист и — без иронии — действительно интеллектуал, — сказал я, твёрдо решив особо не распространяться, — учил меня писать, я был у него в отделе юнкором.

— Вот как... “Старик Державин нас заметил...” — механически отозвался Миша, он явно думал о чём-то своём.

В монастыре зазвонили к обедне. Колокольный звон густым эхом докатился до нас по реке.

— Я слышал, в вашем монастыре появился новый старец, — сказал Миша, вслушиваясь в басовитую речь колоколов, — интереснейший, говорят, человек и зело премудрый. Вот бы с кем познакомиться. — Васильев бросил на меня испытующий взгляд.

“Знает, всё знает”, — подумал я и снова решил ничего не говорить о том, что знаю.

— И чем же он интересен, этот старец? — спросил я как можно беззаботнее.

— Ну, как же, — ответил, усмехнувшись, Миша, — живая история, можно сказать... да ещё какая! Был алтарником в походной церкви власовской армии... вместе с неизвестным протоиереем Александром Киселёвым, так сказать, окормляли, — в голосе Миши зазвучали ироничные нотки, — “третью силу”... После войны не стал искушать судьбу, скорее всего перебрался из Германии за океан, как и большинство недобитых, недовыданных власовцев...

Договорить нам не дали. На ксогоре появились Лёха с Феодосием Павловичем. Лёха энергично показывал на часы. Пора было отправляться на встречу с Калеватовым.

...Мише предложили, на мой взгляд, роскошный участок. С высокого, чистого увала, заросшего соснами (мы насчитали за полсотню высоченных, золотистых красавиц), открывались наши неповторимые дали Заречья. Это, если смотреть на восток. На юг, лежал, как на ладони, сказочной картинкой монастырь с его золочёными главками церквей и зелёными шатрами сторожевых

башен. На север хорошо просматривался наш городок, тоже весьма живописный издалека. Чего ещё желать? Участок, как и договаривались у Крошкина, выходил широким пойменным лугом к самой реке, в этом месте с естественными песчаными отмелями. Какой можно будет пляж оборудовать! И площадь, умно наблюдая за Мишей из-за дымчатых стёкол очков, Калеватов пообещал прирезать ещё на полгектара.

Все дружно советовали Мише соглашаться. Тот, приговаривая “чудесно, чудесно!”, мерил широкими шагами участок, словно прикидывая план будущего владения. Вспоминая потом этот эпизод, я подивился особенной ловкости Миши и благодарное расположение к сделке проявить, и не сказать при этом ни да, ни нет. Калеватов даже какими-то бумажками начал шуршать из папочки, которую носил с собой, плотно зажав под мышкой. Миша, говоря “роскошно, роскошно!”, вертел бумажки в руках, задумчиво возвращал и спешил осмотреть “свой” берег реки. Мы были все слегка под хмельком (под соснами и Калеватов приложился несколько раз к бутылке с виски, предусмотрительно захваченной кем-то из дома), ничего не замечали, в унисон нахваливали место. Только один раз Лёха — онпил весьма умеренно, всё-таки за рулём — пристально всмотрелся в Мишу. Мне показалось, он понимающе, как мог только он, ухмыльнулся. Но это была какая-то секунда, миг. В целом Лёха, как и все, вёл себя радушно и деликатно.

Но вот Миша по ходу встречи повёл какую-то свою игру. Впрочем, это были заметы ума моего уже нетрезвого, размягчённого приличной дозой спиртного... Васильев аккуратно, исподволь стал сближаться с Лёхой, демонстрируя ему своё самое дружеское расположение. Отчего Феодосий Павлович, как мне показалось, немного возревновал и на время капризно замолчал со своими историями о былом величии Своробоярска. За обедом “У Вадика” Миша даже предложил тост “за вечную соль земли русской — её нынешних, национально мыслящих предпринимателей, будущих мамонтовых, морозовых, рябушинских, которые со своим национальным капиталом выведут Россию на новые высоты процветания и могущества”. Чего было больше в Мишиних словах — желания подольстить почему-то Лёхе, издёвки или какого-то скрытого смысла, — я сразу не разобрался. Пожалуй, было в них и то, и другое, и третье... Я это сразу почувствовал. Научился, шельмец, ловко втирать. Но странное дело, Лёху Мишин тост растрогал. Я бы даже сказал — пронял! Я не верил своим глазам: обычно холодноватый, насмешливо-отстранённый, Лёха разволновался и чуть ли не полез к Мише с объятиями. С трудом сдерживая дрожь в голосе, он взял ответное слово и провозгласил здравицу за тех, кому дорога Россия, кто куёт сейчас её будущие победы и кто готов отдать не то что последнюю рубаху — жизнь за её возрождение. И ещё он сказал, что России нужна своя национальная элита и что только такая элита может не стяжать, а строить и созидать. Впрочем, Лёха к тому времени тоже изрядно набрался, и я отношу его эмоциональный всплеск исключительно к расслабляющему действию алкоголя. Словом, школьный друг меня удивил. А вот институтский, мне показалось, только изображал, что он принял лишнего. Я хорошо знал по студенческим временам, каким бывает Миша по-настоящему выпивши. Мне не понравилось, как жадно он всдушивался в Лёхины речи. Словно протоколировал. Я подумал, что Мишин тост был осмысленно провокационным. А Лёха? Неужели Лёха мог так просто-душно повестись? На него это было не похоже.

Что было дальше — помню плохо, фрагментарно. Осталась в памяти сцена, как Феодосий Павлович без плаща, но в берете, горшком надвинутым на уши (видимо, дымно выпивали уже на посошок), дирижируя наполненной рюмкой и расплескивая водку, поёт на мотив “Варшавянки” “В царство традиций дорогу // грудью проложим себе!” Помню побледневшего Лёху, часто поглядывающего на часы и с какой-то решительной ожесточённостью уехавшего в ночь на своём джипе, несмотря на уговоры отправить ему, уже солидно принявшему, домой на такси. Запомнился с плутовато-сдержанной улыбочкой Миша, галантно, но уже с долей определённой фривольности ведущий в танце рослую, накрашенную девицу в кокошнике. Запечатлелся

остатками разума и колобок Калеватов, потерявший во хмелю где-то очки и в своей близорукой незащитности показавшийся вполне своим и симпатичным парнем... Развозил нас по домам, еле живых, на своей "Газели" хозяин заведения, румяный молодец Вадик Кригер.

...Ночью, в условленном месте, на лесной дороге съехались двое. Выключили двигатели, потушили фары. Одновременно вышли из машин, прислушались, дали привыкнуть глазам к темноте, молча шагнули навстречу друг другу. Поздоровались, сдержанно обнялись.

— Ты, я вижу, хорошо принял сегодня? — тихо сказал один, пониже ростом и по фигуре потоньше и постройнее, — что за спешка? Ты выдернул меня из постели.

— Пришлось выпить, разоблачал одного подосланного... надо было восторженным пьяным дурачком прикинуться, — неохотно ответил другой, помассивнее, покрупнее.

— Ну, как — разоблачил? — хмыкнул ростом пониже. — Тебе везде подосланные мерещатся.

— Лучше так, чем быть наивным лопушком... Тебя кто просил в монастырь ездить? — властно и грубо надвинулся тот, что был покрупнее. — Исповедаться решил?

— А что? — с вызовом прозвучало в ответ. — Исповедь, говорят, облегчает душу.

— Сомневаться начал?.. Я так и знал! Но ты пойми, назад дороги нет! Груз уже на месте! — Тот, кто был повыше, приблизил лицо к собеседнику и горячечно зашептал: — Не надо тебе с ним знакомство водить! У тебя же всё на лице написано. Он тебя враз отсканирует и расколет. Ты что, хочешь всё погубить? Наши предки за веру сжигали себя. Шли до конца... А мы, как последние ничтожества, остановимся на полпути? Если не мы, то кто?! Сомнения приводят к предательству! Ты же не станешь предателем, брат?!

Тот, что был ростом пониже, вздрогнул и отступил на полшага.

— Не совершаю ли я предательства другого? — тоскливо вырвалось у него.

— О чём ты?! — вскричал тот, что покрупнее, и, напрягая всю силу взгляда, магнитно вмотрелся сквозь темноту в собеседника. Темень расступилась, и он увидел бледное, словно посмертная маска, искажённое отчаянием лицо. Мурашки побежали по его спине, и он с суеверным страхом перекрестился. — Какое другое предательство? — снова вскричал он в гневливом раздражении.

— Предательство того, что живо... всегда... помимо всяких правительств и режимов, — медленно подбирая слова, ответил тот, что был ростом пониже.

— Ах, вот ты о чём! О том, что принято называть Отечеством? — быстро заговорил тот, что был покрупнее. — Режимы приходят и уходят... а что-то там остаётся! Старая песня... Так вот, не Отечество, а мёртвую пустыню оставляют нам нынешние властители! Себе — цветущие виллы и особняки, там, на Лазурных берегах... или на берегах Темзы, а нам — мёртвую пустыню! Они оставляют нас на вымирание! Пойми ты это! И это надо решительно останавливать, а затем — восстанавливать. Из руин восстанавливать наше любимое Отечество. Вот на что мы идём! Что же тут предательского? Предатели — это они... И выбрось всякую чушь из головы. Русским не свойственна рефлексия... Будем решительны и последовательны, без дребезжания и раздвоенности, и тогда всё у нас получится! Ты понял меня, дорогой ты мой человек! — голос у говорившего дрогнул и наполнился теплотой. — А к старцу больше не ходи! Чую, не случайно этот психотерапевт здесь появился... Договорились?

Тот, что был ростом пониже, молчал.

— Договорились?

Собеседник нащупал в темноте руку того, кто был покрупнее. Сильно и преданно сжал её... Расставаясь, они горячо обнялись.

Удивительно, но утром я проснулся после вчерашних возлияний довольно хорошо. Обычно с похмелья я сильно страдаю и болею. Болею и физически, и нравственно. То, что обычно голова раскалывается, это ещё полбеды, хуже другое — когда тёмная хмарь заползает в душу. Неясные страхи, невнятные угрызения совести, какая-то тревожная мусть на сердце обычно преследуют меня, когда я принимаю лишнего. Тут же всё было довольно сносно, можно сказать, проснулся я бодрячком. И голова была вполне ясная, и духом был вполне здоров. Вот что значат выпивка в приличной компании, качественные напитки, свежий воздух и правильная закуска. “У Вадика” столноваться можно, окончательно решил я, вспомнив тушённое с овощами мясо в горшочке, извлечённое с пылу с жару из настоящей русской печи; развалистые, сочные гречишники; пирожки с картошкой, луком и яйцом; солёные огурчики с местных грядок и упругие грибочки из наших своробоярских лесов... Молодец Вадик Кригер, сумел наладить русскую кухню, думал я, ещё сладко подрёмывая после пробуждения на своём удобном, аккуратном диванчике, когда, постучав, в комнату вошёл с двумя бутылками пива Миша Васильев.

— Крепко мы, однако, набубенились вчера, — сказал Миша, протягивая мне одну из бутылок, — освежись, настоящее баварское, как знал, прихватил вчера пол-ящика у шефа в буфете.

— Прямо из Германии? — спросил я, принимая пиво.

— Прямее не бывает, — благодушно и с удовольствием отвечал Миша, — попробуй, почувствуй разницу между нашим как бы немецким и этим... настоящим немецким.

Приподнявшись на подушках, я сделал несколько глотков из горлышка. Пиво действительно было отличное, как разливное в баре где-нибудь там, на неметчине.

— Хороший продукт пользуют в вашем спецбуфете, — похвалил я, — привет от ЦК КПСС.

Миша улыбнулся непроницаемыми шоколадными глазами.

— Элита кушает всегда особенно... Не будешь прикармливать, во всех смыслах, неповиновение окажет. Кстати, — сказал он, устраиваясь в кресле напротив и вытягивая ноги на полкомнаты, — водка была вчера превосходная, как выяснилось, местная, а не хуже, чем из спецбуфета. Скажи, где купить, прихвачу в Москву пару бутылочков...

— Это надо у Малькова спросить, он на местном ликёроводочном покупал... тоже, говорит, с какой-то спецлинии.

— Без спецбуфетов и спецлиний нам, похоже, не прожить при всех режимах, — ослабился Миша. — А Мальков — тот тот, который с челюстью, которого Лёшей зовут? — небрежно спросил он, прекрасно зная, о ком идёт речь.

— Он самый, — кивнул я.

Миша задумался.

— Закрытый человек, достаточно националистично настроен, неглуп... Такое ощущение, что раздавлен, как говорил классик, какой-то идеей... Такой либо удивит, либо обкакается на весь свет. — Васильев вопросительно взглянул на меня.

— Пора вставать, — сказал я, допивая пиво, — хорошо пошло, нельзя ли ещё бутылочку?

Пока Миша ходил к машине за очередной партией пива, я встал, оделся. Выглянул в окно. За окном было, в отличие от вчерашнего дня, по-осеннему туманно и мгисто. Кажется, подсеивал мелкий, частый дождь. Всё располагало к тихому, уютному опохмелу и задушевной беседе. Миша вернулся в армейской плащ-палатке и стал похож на памятник. Вместо автомата он держал прижатые к груди бутылки.

— Прихватил в дорогу плащ-палатку и, похоже, весьма кстати... Брат когда-то подарил.

— Он у тебя, кажется, военный?

— Служит, — уклончиво ответил Миша.

Я быстро пожарил яичницу, под пиво обнаружил в холодильнике завёрнутого в газету увесистого вяленого леща.

— Местный? — спросил Миша, разделявая леща. — В реке ещё водится рыбка?

— Как видишь, — сказал я, — тут ещё много чего водится, места заповедные... Так ты берёшь участок, или какие-то сомнения завелись?

— Пока склоняюсь к тому, что вроде бы, с одной стороны, надо брать, а с другой... В общем, там видно будет, — неопределённо промямлил Миша.

— Нет, так не пойдёт, — сказал я, почувствовав, как боднуло на старые дрожжи пиво в голову, — ты не на дипломатическом приёме, старина. Берёшь или не берёшь?

— Вот пристал, — дружелюбно засмеялся Миша, — если бы всё в жизни было так определённо, как у тебя... Вчера этот жучок из местной администрации заломил сверх прејскуранта ещё три цены. Теперь прикидываю по деньгам...

— Это Калеватов? Когда он успел?! Мы же всё время рядом были! — вырвалось у меня.

— Эти люди всегда найдут удобный момент... У них тут отработанная методика.

— А ты не соглашайся, — вспомнил я предостережения Лёхи, — плати строго по инвентаризационной стоимости. А если что, с ними разберётся Мальков, он мне так и сказал...

— Кирюш, — с нарочитой барственностью, позёвывая, потянулся в кресле Миша, — если что, я с ними сам разберусь... Ну, а потом, надо мне тут разобраться кое с чем посложней, — загадочно произнёс он и быстро, как бы загирая сказанное, поправился: — Так что неделю буду думать, в следующую пятницу приеду, тогда всё окончательно и решим. Я сам позвоню этому, как его, Каловатову...

— Калеватову, — машинально поправил я, не оценив Мишиного юмора. Фраза, что здесь ему надо с чем-то разобраться посложнее, зацепила меня. И даже три бутылки пива, вызвавшие вторичное лёгкое опьянение, не развеяли во мне вчерашнего подозрения, что Миша Васильев здесь неспроста.

— И ещё, — состроил постную гримасу Миша, — за рекой эти ракеты с ядерными боеголовками... вообще-то стрёмно.

— Да они здесь уже сто лет стоят и никому не мешают. Если бы было что... отсюда давно бы все разбежались.

— И тем не менее, — притворно вздохнул Миша и неожиданно, понизив голос, добавил: — У меня брат, только между нами... служит по линии безопасности в РВСН... всякие нештатные ситуации случаются...

Ах, вот оно что! Служба безопасности в РВСН... Я сделал вид, что не придал значения его неожиданному вбросу о брате. Ну, проболтался Миша под хмельком. Ну, ляпнул и ляпнул, чего говорить не надо. С кем не бывает. Мы-то люди свои и понимаем слабости друг друга. Так что проехали.

— А как тебе Феодосий Палыч? — как можно беззаботнее спросил я.

— Очень умный и основательный человек, — неожиданно серьёзно, даже как-то подчёркнуто серьёзно сказал Миша. — Вначале, скажу честно, я принял его за придурковатого всезнайку-болтуна, которыми так богата наша провинция... Я не в уничижительном плане, ты понимаешь. У нас много на Руси таких универсальных, широкопрофильных говорунов, которые начитались разной хрени от около исторической, философской литературы до конспирологической бредятины и несут потом всякий вздор, сльвя шибко умными и продвинутыми, хотя никаких реальных знаний там и рядом не стояло... Умные дурачки, про таких в народе говорят. Вот Горбачёв — типичный представитель людей этого сорта... Но Феодосий Палыч — это другое. У него серьёзный общетеоретический уровень подготовки с жёсткой привязкой через краеведение к реальным проблемам, знание жизни вот этого конкретного района... его почвы. Феодосий Палыч — это, если так можно сказать, синтез мысли и практики... два в одном. Сейчас таких очень

не хватает, сплошные дилетанты-теоретики... — Миша внимательно посмотрел на меня. — А Малькова, я заметил, старик не очень-то жалует... Что-то их, похоже, связывало, а теперь они разбежались и дуются друг на друга каждый в своём углу.

На этот раз я не уклонился от вкрадчивой въедливости друга. Пиво расслабляет.

— Насколько мне известно, вокруг Феодосия Пальгча образовалось что-то вроде философского кружка, — с какой-то странной, неожиданной охотой начал рассказывать я, — собираются на его квартире ещё крепкие осколки советской интеллигенции, бывшие учёные — тут когда-то был серьёзный закрытый НИИ с докторами наук, — хорохористые учительшки, парочка бойких мелких чиновников, местные писаки, и судят-рядят про то, про сё. Аглицкий клуб Своробоярска, одним словом... Заглядывал на посиделки к ним и Мальков. Не знаю, что там у них произошло, но, по некоторым оговоркам Феодосия Пальгча, Мальков в один прекрасный момент грубо нахамил честной компании, обозвал всех пустышками, никчёмными бездарями и пустомелями и хлопнул дверью.

— Забавно, — сказал Миша, так жадно ловивший каждое моё слово, что я пожалел, что сблизил ему о собраниях у Никанорова. — Забавно, — усмехнулся он, — получается, что-то вроде “наших” из “Бесов”.

— Ну, ты хватил... крутые аналогии! — мне стало весело. Но взглядев-шись в Мишу, вдруг понял, что тот не шутит.

— Рядом с таким объектом, — Миша сделал рукой горку, как бы имитируя полёт ракеты, — больше трёх лучше не собираться. Но то, что от них отделился такой радикал, как Мальков, говорит о том, что они действительно болтуны, не больше...

— Чепуха какая-то, — сказал я, чувствуя себя как бы в чём-то виноватым, — и почему Мальков вдруг стал радикалом?

— По ощущениям, друг мой, по ощущениям, — непроницаемо сузил глаза Миша. — А потом, ваш городок такой тихий, здесь так хорошо всё слышно...

— И что же слышно? Как матерится пьяный работяга, страдая утром от палёной водки и отсутствия пивка из спецбуфета? Или как разбивают кувалдами уникальные станки на остановленных заводах? А может, как шестеят наворованными купюрами Калеватов со своим начальником Крошкиным? Это тоже слышно?! — так и подкинуло меня. Слушать Мишину галиматью больше не было сил.

— Всё слышно... в деталях... Ты даже не поверишь, как чётко, — усмешливо посмотрел на меня Миша. — Услышали к вышеперечисленному тобой и то, что командир ракетной части встречался намеренно с твоим старцем Нектарием.

— И что в этом такого, что они встречались? Видимо, вояка хотел передать через старца письмо о часовне Патриарху, — пришёл в себя я. — И почему вдруг старец стал моим?

— Вот видишь, и пафос весь куда-то испаряется, если задаться серьёзными вопросами, — пристально глядялся в меня Миша. — А что в этом такого? Так не будем забывать, что встречался, как ты говоришь, “вояка” не просто с малограмотным, деревенским дедушкой, а с отпетым власовцем, совсем недавно приехавшим из США... из США, понимаешь?

Мне показалось, что я улетаю в какую-то другую эпоху... Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться Мише в лицо.

— Вот этого не надо, здесь не до смеха, — словно прочитал мои мысли Миша. — А почему старец “твой”? Потому, что он недавно был у тебя, и вы с ним славно тут часа три что-то перетирали... И об этом тоже слышно... Что ты скажешь о нём? — блудливо вильнул глазами Миша.

Я почувствовал себя участником театра абсурда. Мне захотелось ущипнуть себя — сон это или явь? “Он делает из меня какого-то информатора, — пронеслось в голове, — и это самая что ни на есть явь...” И тем не менее, надо было отвечать на Мишин вопрос или совсем не отвечать. Что-то подсказывало мне, что здесь что-то можно и нужно приоткрыть.

— Ничего не скажу, — сказал я твёрдо, — кроме того, что он родился в этом доме. Его вывезла мать по церковным связям пятилетним в Эстонию, в последний момент, как опустился железный занавес... Приходил посмотреть отчий дом, поностальгировать... старенький уже, под девяносто... неровен час...

— Так вот оно что... — протянул Миша, оглядывая, как в первый раз, стены и потолок столовой, где мы пробавлялись пивом, — выходит, это его родовое гнездо...

— Дом поставил его предок, тоже священнослужитель, ещё во второй половине семнадцатого века, — добавил я.

— Значит, потянуло в родные пенаты? Хороший предлог поселиться рядом с секретным объектом, — плутовато заиграл Миша своими шоколадными, непроницаемыми глазами.

Я оторопел:

— Ты что несёшь, друг мой?! “Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?”

— Да третье уж от Рождества Христова! — с вызовом подхватил Миша. — Ты думаешь, со временем что-то меняется на большой шахматной доске? И там фигуры перестали “есть” друг друга? Ты наивен, Кирюша!

“Ещё один маньяк на мою голову!” — я с трудом сдержался, чтобы не застонать, не затопать ногами.

— Он скоро девятый десяток разменяет, какой из него шпион! — зашёлся я.

— А разве я говорил что-то подобное? — вскинулся кудлатой головой Миша и наглово смерил меня взглядом.

— А на что же ты только что намекал?! — вскочил я со стула.

— Успокойся, — медленно процедил Миша, — нисколько не изменился с институтских лет... Как всегда, сплошные эмоции.

— А вот ты изменился... Ты же Сартра с Камю боготворил, и такую чушь через тридцать лет несёшь!

— При чём здесь это? — неприязненно посмотрел на меня Миша, — высокую европейскую мысль я до сих пор люблю... Вот недавно “Тошноту” Сартра в оригинале перечитал... Но видишь ли, дружище, одно дело их творческие, интеллектуальные достижения, перед которыми, повторяю, я снимаю шляпу, другое — их идеология, тщательно маскируемая, запрятываемая, но которой пронизано буквально всё западное сообщество. И в этом смысле западный мир — самый идеологизированный мир. Это идеология мессианства западной цивилизации. Ни дивный прекрасный эллинизм, ни аскетическое христианство, ни великие гуманистические идеалы Просвещения, ни самые совершенные доктрины о демократии и правах человека ни на йоту не подвинули в западном человеке глубинное, иррациональное, угнездившееся где-то в подкорке чувство превосходства над всеми другими племенами и народами. И это чувство гонит их через океаны и материки насаждать, насаждать другим свои ценности, свои представления о том, как должен быть устроен мир. Так было во времена Древнего Рима, так было в эпоху великих географических открытий, колониального продвижения, экспансии наполеонов, гитлеров, американских президентов. Так будет всегда, пока Запад существует как институциональное, цивилизационно-технологическое сообщество. Это чувство первых, сильнейших, умнейших, как наследственная болезнь, как дьявольское искушение преследует все поколения западного человека... Это, так сказать, преамбула к главной моей мысли, — Миша внушительно помолчал и зачем-то посмотрел на меня сквозь запененные, мутные стенки поднятого стакана. — Тех же, кто им сопротивляется, кто встаёт на пути их всепроникающей экспансии, они уничтожают. — Миша резко, со стуком опустил стакан на столешницу. — Заметь, уничтожают физически. Или ослабляют до такого уровня, когда о сопротивлении говорить уже не приходится... Я прожил на Западе половину жизни, вращался в самых серьёзных кругах. Поверь, более коварной, двуличной, жестокой элиты нет на свете. И ей безропотно подчинён народ. В том смысле, что идеологически они едины. Поэтому с нами, кто им упорно не покоряется, они ведут

вековую борьбу на уничтожение. Повторяю, коварство “белого человека”, его цинизм, изощрённость приёмов и методов в борьбе с “инакомыслящими” не знает предела... Задаваться вопросом “Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?”, конечно же, можно. Но только и ответ напрашивается один — несменяемое тысячелетие... От псов-рыцарей до натовских баз в Прибалтике... Ты и представить себе не можешь, как твоего старца могут использовать втёмную. Он наверняка проходил после войны фильтрационные лагеря у союзников, встречался, когда жил в Штатах, с самыми разными людьми там, с ним могли такие спецы работать, что он, помимо своей воли, не догадываясь даже, мог навсегда остаться уловленным... “Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам”. — Миша резко закончил и холодно окинул меня бестрепетным взором председателя ревтрибунала.

Я молчал. С некоторых пор я стал уклоняться от споров с людьми, как бы понявших для себя что-то такое, что, с их точки зрения, не подлежит уже никогда и ни при каких обстоятельствах ни переосмыслению, ни ревизии. Чаще всего за этим обнаруживается либо фанатизм, либо убеждения. И то, и другое в человеке непреодолимо, пока человек не изменится сам. В Мише, мне показалось, жили убеждения. А чужие убеждения полезнее смиренно обходить стороной.

— Как можно использовать старого монаха втёмную? Ну, если только датчик в скуфейку вшить и слушать его тихие молитвы и переговоры с братией? — тем не менее, съязвил я.

— Напрасно иронизируешь, — угрюмо отозвался Миша. — Старец — исповедник, слыёт за тонкого врачевателя душевных ран. К нему уже чуть ли не очередь выстраивается... Идеальный способ замера общественных настроений... да ещё в глубинке. Представь себе, что он потом делится своими наблюдениями, — нет, не конкретно по какой-то личности, какому-то конкретному случаю... Тайна доверительной, сердечной беседы — это святое, это неприкосновенное, а так, вообще, в целом, с кем-нибудь из своих прежних заокеанских знакомцев по электронной почте, скайпу, просто в письме, в телефонном разговоре, а это всё сканируется, пишется, изучается... Да за одно точное слово, определение, выверенную оценку настроений в самой толще русской жизни, да рядом с таким объектом, определённые службы дорого дадут... А если к нему ещё ходят командиры ракетных дивизий! Понимаешь ты это, наивный ты человек?! — Миша не на шутку разошёлся и разволновался. — Да его, зная, что он тут подвизался старцем, могут тонко провоцировать на откровения, так тонко, что он и замечать не будет, как начнёт выкладывать особенности морального, нравственного, социально-психологического состояния самых разных слоёв нашего общества. Советский Союз уничтожили не атомными бомбами, не танками и пушками, а вот именно тонкими познаниями настроений, запросов, чаяний и недовольства советского человека. На этом безошибочно сыграли, заставили выйти на митинги протеста, а затем под лозунгом борьбы с коммунистической системой разрушить своими же руками свою великую империю. Теперь они так же подбираются к российскому человеку. Изучают, составляют его нравственный, психологический, социально-бытийный портрет. Ты и представления не имеешь, каким изощрённым инструментарием они пользуются. Тот, кто знает психологию, вкусы и запросы обывателя, тот владеет и страной, в которой этот обыватель живёт и множится. Им нужно проникнуть в душу народа, и тогда они парализуют его волю, заставят под самыми благими намерениями — бескомпромиссной борьбой с коррупцией, честными выборами, равенством всех перед законом — демонтировать остатки российской государственности, превратить в груды черепков то, что осталось от великого Государства Российского под неброским названием РФ.

— А с коррупцией действительно пришла пора разбираться жёстко, — ввернул я, — ты же сам увидел, что это такое. Когда глава района практически занимается рэкетом, нагло, под прикрытием властных московских аферистов торгует пахотными землями, не говоря уже об “откатах” и разнокалиберных взятках от владельцев торговых точек и рынков... Похоже, наступает время, когда, как говорится, кто кого... Или государство очищает

сосуды и выздоравливает, или тромб коррупции приводит к смертельному инфаркту.

Миша понимающе ухмыльнулся.

— У вашего Крошкина действительно есть достаточно высокий покровитель, некто Кустов, он родом откуда-то отсюда, сейчас депутат, одно время не на последних ролях “изнурял себя непосильным трудом” в правительстве, оброс связями... Ловкий тип! Скажу тебе, только между нами, сейчас он в разработке, скоро его накроют вместе с этим Крошкиным и всеми каловатыми впридачу... Однако уже четыре, — посмотрел он на часы, — болтались мы с тобой, брат, а мне ещё до Москвы по жутким пробкам толкаться, дай Бог к девяти пробиться. Завтра на работу... Это ты тут барином устроился.

— Может, останешься? — предложил я. — Пива достаточно выпили... гаишники на воскресный промысел вышли... Утром — оно надёжнее.

— Ничего, отобьёмся... У меня “вездеход”. — Миша показал какую-то важную красно-малиновую книжечку. — А вот погулять по твоим владениям ещё полчаса можно, глядишь, пиво и выветрится.

Миша — в плащ-палатке, я — в полиэтиленовом дождевике молча спустился к реке. Молча прогулялись вдоль берега. Разговор как-то намертво иссяк. Мне показалось, что Миша чувствовал определённую неловкость, он, видимо, слишком распустил язык... Обречённо пригибалась в предосенней покорности трава под дождём. Вода, поднявшись после ливня, задумчиво расплетала ещё зелёные волосы берегов. Печально позвякивала цепью, водимая течением, лодка на привязи. Стало вдруг невыносимо одиноко и грустно. Мне захотелось, чтобы мой друг поскорее уехал...

7

На следующий день я, прежде всего, набросал письмо о часовне в Минобороны за предполагаемой подписью Мишиного шефа. Перед тем как отправить текст по электронной почте, решил показать его Лёхе, так сказать, для верности, — может, чего-то не учёл, пропустил важное. Лёха словно ждал моего звонка и подкатил на своём катафалке уже минут через пятнадцать.

— Ни убавить ни прибавить, — сказал он, внимательно проглядев текст, — дело за малым — заполучить подпись вот этого человека, — Лёха ткнул пальцем на мониторе в фамилию спикера, — но тут уж должен твой друг постараться... Кстати, как он, доволен остался? А то ко мне Калеватов какой-то встревоженный уже с утра прибежал...

— Да вроде ничего... На что ему обижаться? Кажется, всё было очень прилично... — пожал плечами я. — В следующую пятницу снова обещал приехать, окончательно определиться с участком. А что Калеватов волнуется?

— В следующую пятницу? — в поинтерской стойке замер Лёха, что-то быстро соображая. — Ну, в пятницу, так в пятницу, — согласился он с чем-то своим, — надо снова накрыть поляну у Кригера... А Калеватов? Так он струхнул, что выкатил твоему другу на субботней пьянке чиновничьи расценки за землю. Бойся, как бы чего не вышло. Заладил, что не простой человек твой друг... — Лёха вопросительно взглянул на меня.

— А тебе как показалось? — уклонился я от ответа.

— Да и мне так же, — недольно посмотрел на меня Лёха, — впрочем, детей мне с ним не крестить... Будут ошкуривать его местные воршики, помогу, подскажу... Только сдаётся мне, не за этим он сюда приезжал... Но это уже не имеет ровным счётом никакого значения, — усмехнулся он. — Пойду проверю, что там творят мои “дети подземелья”. Сегодня они должны закончить с подвалом, завтра примутся за веранду.

В это утро Мише, видимо, икалось. Ещё не стихли Лёхины шаги по лестнице на первый этаж, как Миша позвонил.

— Кирилл, поздравляю, — деловито сказал Васильев в трубку, — с утра составлял пресс-релиз для шефа и обнаружил пять публикаций по часовне, и не абы где, а в самых солидных изданиях, — он перечислил действительно крупные газеты, — так что с тебя причитается.

— Самое время положить твоему шефу на подпись письмо в Минобороны, — сказал я, — основа уже набросана, сейчас вышло.

— Раньше, чем на следующей неделе, ничего не получится, — фальшиво погрузился Миша, — через час шеф уезжает до пятницы, вернётся в пятницу после обеда, в пять у него Совет безопасности... Я ему практически весь день не нужен и отпросился к вам... Так что только в следующий понедельник... Заодно, когда буду у тебя, мы это письмишко ещё вместе подредактируем.

Ясно было, что Миша увликает. “Что-то он тут разнохал такое, что не хочет светиться, он всегда предельно осторожный”, — подумал я, примериваясь к нараставшему чувству тревоги. Что-то подсказывало мне, что втягиваюсь я в какое-то зыбкое, неведомое мне прежде действо, результаты которого могут быть самыми непредсказуемыми, может быть, даже опасно непредсказуемыми. В чём заключалась эта опасность, объяснить себе я не мог. Но что-то было не так. Я ощущал, что люди вокруг меня вдруг почему-то начинают играть роли, прежде им не свойственные. И вот это-то настораживало и пугало. Начинался тот самый карнавал с масками, когда, по особым законам этой феерии, от каждого участника спектакля можно ждать подвоха или какой-то гадости. Но и уклониться от этого тревожащего действия я был уже не в силах. Вот сегодня протрубили газеты... Оставалось только, как говорят в таких случаях, положиться на волю Божию.

Я выглянул в окно. Лёха, как мне показалось, напряжённо слушал кого-то по мобильному телефону. Последний день лета радовал теплом и светом. Я раскрыл раму и жестами позвал Лёху снова подняться ко мне. Мне хотелось показать ему на сайтах газет опубликованные статьи, заодно проговорить ещё раз о вознаграждении публикаторам. Лёха закончил разговор по телефону и изобразил на лице неподдельную радость.

— Разрешили! — крикнул он мне. — Вот что значит письмо Патриарха!

— И у меня хорошие новости, поднимайся, посмотришь! — тоже как можно веселее откликнулся я.

— Идеальное совпадение, — сказал Лёха, почитав заметки, — для военных чиновников это станет ещё одним аргументом, что они приняли правильное решение... Ну что, старина, начнём богоугодное дело?! — оторвал от монитора деланно довольное лицо Лёха. — На этой неделе и приступим... Начнём завозить к часовне стройматериалы. А говорят, что понедельник — день тяжёлый! — Лёха встал и обнял меня. Плечи у Лёхи почему-то нервно вздрагивали.

— А насчёт гонорара твоим писакам — всё, как договаривались... — отстраняясь, сконфуженно опустил глаза Лёха. — Ты когда собираешься в Москву, чтоб я приготовил деньги?

— В следующий понедельник у меня заканчивается отпуск, — сказал я, сделав вид, что не заметил странного волнения Лёхи. — Уеду, видимо, обратно с Васильевым в субботу или воскресенье... Как у него пойдёт дело... Он будет здесь, как я уже говорил, в пятницу...

— Деньги завезу в четверг, — уже с привычной уверенностью отчеканил Лёха.

— Да, с письмом от его шефа в Минобороны, похоже, не получается, — продолжал я. — Большой человек сегодня уезжает в командировку, вернётся только в пятницу, практически сразу на Совет безопасности к пяти... Если и подпишет, то на следующей неделе. А оно когда надо?

— Кто бы думал, что будет по-другому, — неожиданно зло бросил Лёха, — командировка до пятницы, Совет безопасности в пять... — невнятно забормотал он, весь трепеща, но перехватив мой, видимо, слишком пристальный взгляд, словно одёрнул себя и резко выправился. — Отговорки это всё! Ну, да Бог с ним... без него всё решили! А ты, значит, хочешь с Васильевым на его машине обратно? Не волнуйся, к твоему отъезду ремонт закончим в срок, надёжно и красиво... Всё срастается, как по заказу... — на этих словах Лёха словно споткнулся, на мгновение задумался и, мрачно усмехнувшись, многозначительно добавил: — Твой московский друг в пятницу ахнет.

— Да я и не волнуюсь, — посмотрел я Лёхе в глаза, — это ты, похоже, что-то напрягаешься.

— Есть немного, — вильнул он взглядом, — теперь забот с этой часовой... Как это всё поднимать?!

— Ну, армия, насколько я понимаю, не останется в стороне. Что думает брат? — спросил я осторожно.

— Что думает брат? — Лёха замер и испытующе-встревоженно стал всматриваться в меня, — брат ничего... — Лёха скинул напряжение, — предлагает помочь деньгами и солдатиками. Хотя какие у него деньги, по какой статье он будет их проводить? Нет пока у воинских подразделений статей расхода на возведение культовых сооружений, — сухим смешком прокашлялся Лёха, — надо будет опять писать письма... сплошная бюрократия и рутина.

Чистыми, какими-то “советскими” трелями в комнате зазвонил годами молчавший, установленный в незапамятные времена домашний телефон. Это был Феодосий Павлович.

— Кирилл, — сказал Никаноров без лишних вводных, — посмотри завтра нашу сплетницу, в номере стоит мой опус о часовой. Ты молодец, сегодня я насчитал с полдюжины заметок в центральной прессе.

— Пять, — поправил я.

— Ну, хорошо, пять, — раздражаясь, сказал Феодосий Павлович. Старик был явно чем-то озабочен, — с моей будет полдюжины... Есть надежда, что власть прислушается.

— Она уже прислушалась. Сегодня получена отмашка Минобороны на восстановление часовой.

— Чудесно, — вздохнул Феодосий Павлович, — теперь она пусть прислушается к нам... По этому поводу я тебе, в общем-то, и звоню...

— К “нам” — это к кому?

— К нам — это к неравнодушным гражданам, — назидательно сказал Никаноров. — Не знаю, говорил ли я тебе, но где-то года два назад я зарегистрировал НКО “Ренессанс”... с чисто культурно-просветительскими целями... всякие выставки, лекции в школах по истории края, ну, и анализ современной жизни тоже... Нас уже около сотни таких подобралось...

— А мне говорили, что у вас что-то наподобие социально-философского кружка... своробоярских фурьеристов, — попытался пошутить я.

— Нет, мы посерьёзнее структура, — строго отмёл всякие покушения на юмор Феодосий Павлович. — Словом, в субботу мы хотим решительно заявить о себе... Хватит жить в грязном болоте! Мы проводим митинг на центральной площади за возрождение города и района. Приглашаем тебя... как гражданина, ну, и как представителя центральной прессы...

— А митинг-то разрешённый? — почему-то спросил я.

— Сегодня получена отмашка... — язвительно повторил меня Феодосий Павлович. — У нас заявка всего на триста человек... каждый из нас приведёт ещё по два-три человека из знакомых. Власти разрешили, посчитав, что триста маргиналов, с их точки зрения, ерунда... Только напрасно, бывает мал золотник, да дорог! — По голосу Феодосия Павловича можно было судить, что настроен он весьма решительно. — Так ты придёшь? Митинг начнётся у памятника Ленину в десять утра.

— А не рано? В субботу люди долго спят.

— Это в Москве долго спят, — занервничал Никаноров, — в провинции всегда встают с петухами... Но ты не ответил на мой вопрос.

— Конечно, приду... Как не поддержать неравнодушных граждан древнего Своробоярска, могучий протестный электорат, голос которого зазвучит, как колокол на башне вечевой... — попытался снова пошутить я.

— Не паясничай, тебе это не к лицу! — одёрнул меня Феодосий Павлович и, не попрощавшись, повесил трубку.

— Что там придумал ещё этот старый болтун? — насмешливо взглянул на меня Лёха.

— Почему сразу — “старый болтун”? — возразил я. — По-моему, образованный, умный, нестандартно мыслящий человек...

— Ну, хорошо, хорошо — гениальный бесполезный балабол, — не унимался Лёха. — Что он на этот раз необычного изобрёл?

— Приглашает в субботу в десять утра на митинг за возрождение города и района, — не стал пикироваться я с Лёхой. — У него, оказывается, есть НКО...

— Знаю... “Ренессанс” называется... Более глупое и нелепое название для Своробоярска придумать трудно... — язвительно отозвался Лёха. — А ты спрашиваешь — почему балабол?! Значит, в субботу в десять утра эти маршматики выйдут на митинг? Это интересно, очень интересно! — пришёл снова он в волнение и начал нервно выпшагивать из угла в угол. — А ведь это может быть крайне забавно, тут ещё как повернуть... Эти старпёры ещё могут быть очень полезны! — Лёха закружил по комнате, сочно вбивая кулак правой руки в ладонь левой. — Ну что ж, и верёвочка в дороге пригодится! И старый дурак для дела сгодится!

— Для какого такого дела?

Лёха резко остановился посреди комнаты, пришёл в себя, скомканно изобразил улыбку на лице:

— Да ты как будто чего-то испугался... Для будущего дела — поднятия родного края... Кому, как не нам, тут всё реанимировать? Пора брать власть на местном уровне, — опустил он глаза вниз. — А тут и старший... э-э... демагог Никаноров с его НКО пригодится.

По-прежнему глядя в пол, Лёха неожиданно, не попрощавшись, заспешил к выходу.

8

В монастыре заблаговестили к заутрене. Солнце ещё не встало, оно только оранжево подсветило небо на востоке. Путник в хромовых офицерских сапогах ещё советского кроя, в длинном сером плаще, потемневшем снизу от росы, осторожно пробирался вдоль реки, стараясь держаться сумеречной, теневой стороны довольно высокого и частого берегового ольшаника. На голове была под цвет плаща бейсболка, длинный козырёк которой закрывал лицо. Путник легко и ловко перепрыгивал через нартытые ручьями промоины, поваленные старые деревья, шёл оглядчиво, но бодро и энергично. Он явно спешил, изредка задирая левый рукав плаща, подносил ближе к глазам часы, которые показывали пять с небольшим. Скоро он вышел к белым стенам монастыря. Перед надвратной монастырской иконой снял бейсболку и трижды перекрестился. Несколько раз ударил ручкой-кольцом в кованые железом ворота. В маленькое смотровое окошко выглянуло бледное, припухлое от бессонной ночи лицо послушника. Путник извинился за столь ранний визит и испросил разрешения пройти к старцу Нектарию. Видимо, в его словах, мимике, жестах, глазах было что-то такое, что заставило послушника молча открыть небольшую дверцу в воротах.

— Вас проводить? — учтиво осведомился он у гостя. — Отец Нектарий ещё может быть на службе.

— Если можно, я сам... — глуховато сказал подсевшим с утра голосом гость, — я найду... Я уже бывал у старца.

Послушник в поклоне сделал приглашающее движение рукой вглубь монастыря.

По влажным от утренней свежести песчаным дорожкам, среди тяжёлых махровых, тёмно-малиновых головок георгинов и воздушных, бело-розовых астр, густо высаженных вдоль дорожек, гость уверенно направился в дальний конец монастыря, туда, где белела стволами прозрачная берёзовая рощица. В ней путник присел на низенькую скамейку, врытую между двумя ближайшими к крыльцу деревьями перед маленьким, почти игрушечным домиком, выкрашенным в небесный цвет, с парой крохотных окошек на фасаде. Судя по приоткрытой двери, хозяин домика ещё был на заутрене. Было так тихо, умиротворенно и благостно, что хотелось плакать и за что-то просить прощения. Гость прикрыл ладонью глаза.

Неслышными, лёгкими шагами подошёл старец, опёрся на палочку, которую держал в руках, тихо взгляделся в посетителя.

— Не стоит так кручиниться, милейший Борис Константинович, пройдёт и это.

— Здравствуйте, отец Нектарий. — Посетитель вздрогнул, приподнимаясь со скамейки. — Извините за столь раннее вторжение...

— Да разве это рано, когда солнце встало, — старец радостно поднял голову к небу, сделал несколько круговых движений лицом, словно умываясь в золотом потоке, хлынувшем из-за высокой монастырской стены. Глаза его разом наполнились голубым светом. — Разве это рано, — повторил он снова. — Так наши предки всегда вставали... Кто рано встаёт, тому... Проходите в дом, — ласково пропел старец, направляясь первым в сторону низкого, в две ступеньки крылечка, — попьём чайку... Грешен, люблю после заутрени свежесваренным побаловаться.

В домике старца, как и в прошлый раз, было чисто и опрятно. Только резче пахло высушающими травами, развешанными пучками на гвоздях над притолокой, по косякам окошек. И на письменном столе лежала прежде не замеченная, раскрытая, прочитанная на три четверти, внушительная рукописная книга. А так всё оставалось прежним. Иконы в правом, красном углу, зажжённая лампада перед ними. По стене, где иконы, — полки с духовной литературой. Напротив — книги светские. Почти детская, короткая деревянная кровать, застеленная клетчатым пледом. Рядом — чайный столик, табурет и единственное, светлого дерева, без обивки кресло, куда, как и в прошлый раз, пригласил присесть гостя старец. Сам же включил электрический чайник, сноровисто занялся сервировкой стола. Достал из настенного шкафа две белые, расписанные синими цветами, прозрачные, тонкого фарфора чашки с блюдцами, заварной чайник со скелетом носиком, железную коробочку с заваркой, простые, из нержавейки ложечки, розетки и стеклянную банку с тёмно-коричневым жидким мёдом.

— Вы не представляете, — сказал старец с какими-то располагающими, приятельскими интонациями в голосе, — эти чашки моя покойная матушка взяла с собой, когда мы уезжали за границу...

— Я пришёл поблагодарить вас, батюшка, — сказал гость, подавляя замешательство, слегка выпятив вперёд довольно развитую нижнюю челюсть. — Письмо Патриарха в министерстве рассмотрели, нам разрешили восстановить часовню.

— Нисколько не сомневался в успешности нашего предприятия, — живо отвечал старец, заливая крутым кипятком заварку. — Сейчас вы попробуете чай по моему рецепту... Я добавляю в обыкновенную заварку душицу, мяту, зверобой и... пижму... Травы собираю сам, их вдоль реки море, сушу потом... — показал он рукой на пучки над дверью, — и подмешиваю в обыкновенный чёрный чай. Получается чудо-чай, сейчас попробуете... Душица, мята, зверобой — это всё традиционные добавки в чай, а вот что касается пижмы — это особая статья, — старец укутал заварной чайник полотенцем, — её добавлять в чай меня научил один старый белогвардеец... Пижма — немного ядовитое растение... Но нет лучше, — естественно, в умеренных дозах, — противомикробного, противовоспалительного средства. Когда они, врангелевцы, ушедшие морем из Крыма, стояли почти два с половиной года на острове Галлиполи, пижма многих спасала от инфекционных болезней... Вообще пижма считается ещё и отличным общеукрепляющим средством. Чай с пижмой снимает головную боль, помогает при нервных расстройствах, лихорадочном состоянии... — Старец разлил коричневатую, душистую жидкость по чашкам. Фарфор заиграл сумеречным, уютным светом. Сделав несколько глотков, гость понял, что напиток, действительно, особенный. Немного горьковатый, но с мёдом — хорошо!

— Спасибо белогвардейцу, — сказал он, прихлёбывая с удовольствием, не чинясь, из чашки. — А кем они были, на ваш взгляд, отец Нектарий? — неожиданно спросил он.

— Кто?

— Белогвардейцы...

— Те, с кем мне приходилось встречаться, — не задумываясь, ответил старец, — были люди достойные, горячо любящие Россию... много страдавшие вдали от Отечества.

— Может, оттого они и страдали, что преступили присягу, клятву... — в раздумье, трудно выговорил гость.

Старец вопросительно взглянул на него.

— Я говорю это в том смысле, что они, офицерство в основном, генералитет, присягали императору — Великой России, монархии, а в марте семнадцатого переприсягнули Временному правительству — демократии, свободам и прочему... Это же травмирует, а то и калечит человека порядочного... Верными царю, присяге, я где-то читал, остались два или три генерала, — прерывисто вздохнул гость.

— Это верно, монархистов в Добровольческой армии было немного, и их верховное командование не поощряло, достаточно вспомнить об этом записки Шульгина, — старец с интересом взглядывался в гостя. — В основном там были те, кто за Учредительное собрание, непредрешенцы, словом, люди демократических взглядов. Но поймите, монархия себя изжила, роковые изменения были неизбежны... Те, кто попадает в революционный разлом, всегда выбираются из него в чём-то искалеченными. Это вы точно сказали... Может быть, вы правы и в том, что за грех клятвоступления приходится платить, в случае с Белым движением — поражением на полях сражений, изгнанием, рассеянием, тоской по Родине... Только я их ни за что не осуждаю, они за всё заплатили сполна, и за свою Россию они сражались в целом достойно и честно.

— А власовцы? Кем эти были? Сейчас про них пишут, что они чуть ли не продолжатели Белого движения, “третья сила”, выступившая против Сталина и Гитлера. Они намеревались освободить Россию, как они говорили, от большевистского ига... Извините меня, батюшка, за такие, может быть, неприятные для вас вопросы, но не праздного любопытства ради я обращаюсь к вам! — с каким-то отчаянием сказал гость. — Мне надо сейчас принять решение... Я не знаю, что делать... Мне надо решить... где предательство, а где долг... — опустив глаза в пол, сбивчиво закончил он.

Старец легко поднялся с табурета, привстал и незаметно перекрестил склонённую перед ним голову гостя.

— Почему вы решили, что вопросы о тех, кого принято называть власовцами, неприятны мне? — мягко заговорил старец. — Только потому, что судьба свела меня с протоиереем Александром Киселёвым, духовно окормлявшим этих самых власовцев или, как они сами себя называли, “воинство вооружённых сил Комитета освобождения народов России”? Или потому, что я долго был рядом с этим человеком, активно поддерживавшим генерала Власова и даже бывшего чуть ли не его духовником? Вы, я вижу, человек сведущий... И тем не менее, для полной ясности я должен посвятить вас в некие частности моей непростой, так сказать, судьбы. Так вот, отец Александр Киселёв принял самое активное участие в вызволении нас с матушкой из Советской России в начале тридцатых... Моего батюшку, священника Алексея Смирнова, не выпустили тогда из России, и он, как вы понимаете, попал под жернова... Протоиерей Александр Киселёв по материнской линии принадлежал к влиятельному роду князей Шаховских, одна из ветвей которого, к слову, дала знаменитого архиепископа Иоанна Шаховского... Отец Александра Киселёва был родом из Тарту, почему они все и перебрались, когда началась гражданская, в Эстонию... Когда мы с мамой добрались до Таллина, они приютили нас, помогли устроиться на новом месте. В одиннадцать лет я стал прислуживать в алтаре одного из православных храмов в Таллине, настоятелем которого к тому времени стал молодой священник Александр Киселёв. Там, к слову, диаконом служил Михаил Ридигер, а прислуживал в храме, как и я, его сын Алёша. — Старец заулыбался. — Догодываетесь, кто это был?

— Будущий Патриарх?

— Верно, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй.

— Теперь понятно, почему так удачно всё получилось с письмом по часовне, — отметил кивком головы гость.

— А когда в сороковом Эстония стала частью СССР, — продолжал старец, — мы вместе с Александром Киселёвым эмигрировали в Германию,

где я так и оставался алтарником во всех храмах, где служил отец Александр. Отец Александр был подвижником, исключительно энергичным, очень искренним и добрым человеком... Когда началась война, в плен попали миллионы красноармейцев... Содержались они в немецких концлагерях в нечеловеческих условиях. Так отец Александр, глядя на страдания русских людей, развернул для них самую деятельную помощь: он организовывал сбор продуктов, одежды, медикаментов... Поддерживал пастырским словом отчаявшихся, упавших духом. Так он сошёлся с теми, кто начал грезить организацией так называемой “третьей силы”.

— Они уже были из советских военнопленных? — оживился гость.

— Это сложнейший вопрос, — осторожно отвечал старец. — Часть эмиграции, наиболее непримиримые, никогда не оставляли надежды взять реванш, в том числе и с помощью военной иностранной силы. “Против большевиков — хоть с чёртом”, — сказал как-то генерал Врангель. И когда в Германии к власти пришли нацисты, и стало ясно, что война с Советским Союзом неизбежна, в эмигрантской среде, вот среди этих непримиримых, стали раздаваться голоса, что можно разделаться с большевизмом, примкнув в случае войны к немцам, а потом повернуть штыки уже против них.

— Очень наивная позиция, — покачал головой гость.

— Размышляете, как генерал Деникин, — поощрительно улыбнулся старец, — попадалась мне на глаза уже после войны его работа где-то года тридцать восьмого, которая называлась, кажется, если мне не изменяет память, “Мировые события и русский вопрос”... Хорошо запомнилось его доверенное обращение к тем, кто готов был вместе с немцами воевать с большевизмом. Деникин писал, что это слишком наивно — рассчитывать повернуть потом штыки под перекрестьем немецких пулемётов. И тогда, говорил он непримиримым, прольёте вы кровь не “чекистскую”, а просто русскую — свою и своих — напрасно, не для освобождения России, а для большего её закабаления.

Гость слушал, напряжённо вбирая каждое слово.

— Хорошо говорил Деникин! — вырвалось у него. — Я не знал... Я думал, там проще было. Но оказывается, и Деникин стоял перед страшным выбором...

— Не знаю, верно ли, — задумчиво произнёс старец, — но рассказывают, что авторитетному белому генералу Деникину немцы предлагали возглавить то, что впоследствии было названо РОА — Русской освободительной армией, — командующим которой стал бывший красный генерал Власов... Так вот, Деникин, говорят, ответил немцам на их предложение, что он воевал с большевиками, но не с русским народом...

— Белый генерал отказался, а красный согласился. Где логика? — пожал плечами гость.

— Логика здесь искать — бесполезное занятие... Всё дело в самом человеке, в каком-то непередаваемом нравственном чувствовании добра и зла, — тонко посмотрел на гостя старец. — Часть белых пошла с немцами — Краснов, Шкуро, Гирей Клыч... Они со своими подразделениями влились в вооружённые силы Германии. Но их было немного, большинство в эмиграции заняло позицию, близкую к позиции Деникина... Да, большевизм ненавидели все, но чтобы быть с теми, кто напал на твою Родину, и под флагом якобы борьбы с политико-идеологической доктриной так или иначе принимать участие в её “большем закабалении” — вот это уж — увольте, это без меня...

— Получается, отец Нектарий, нравственное начало у генерала Власова отсутствовало? Но вы же... — гость замялся.

— Договаривайте, душа моя, вы нисколько меня не обидите... — Старец придвинулся с табуреткой к гостю и внимательно взглянул ему в глаза. — Да, я следовал по жизни за отцом Александром Киселёвым, и так уж случилось, что в подростковом возрасте был алтарником в походной церкви РОА, где службу вёл отец Александр... Потом прошла целая жизнь, было время подумать над разными её опытами... А что касается нравственного начала генерала Власова, — кстати, я его несколько раз видел, — то об этом

есть такая история. Якобы те же немцы свели Деникина и Власова. Представили Деникину: “Генерал Власов”. Деникин сказал, что он о таком генерале не слышал. Как же так, сказали немцы, он тоже, как и вы, борется с большевизмом. Да, я боролся, сказал Деникин о себе, но никогда большевикам не служил. Деникин, представляется мне, ударил в самое больное место Власова: служил одним, перебежал к другим, вступил в союз с ними против вчерашних хозяев... Неприлично вышло всё, с душком...

— Ну, а если прозрел человек, содрогнулся, так сказать, от мерзости окружающей жизни и решил бороться... Что же, нельзя? Предательство сразу?! — горячо вырвалось у гостя. Он качнулся вперёд и, склоняясь, интуитивно схватился за голову.

Старцу захотелось погладить его по волосам, пожалеть, и он поднял было руку сделать это, но сдержал себя и опустил плавно ладонь на заварной чайник.

— Откушайте еще чайку, — сказал он как можно ласковее и налил по круче в чашку гостя. — Человек, безусловно, имеет право на сопротивление... системе, которая давит, угнетает его, — тихим, увещательным голосом продолжил старец, — но он должен это делать, не переступая в себе какую-то очень важную черту, в полном согласии с совестью, не замарывая честь... Он должен быть чистым, как ангел, провозглашая своё, как ему кажется, “святое” дело. Но если он чувствует, что его намерения, даже самые благие, тревожат ему душу, царапают совесть, и что-то подсказывает ему, что они не до конца праведны, то лучше не начинать. Иначе получается... власовщина. Движение, основанное на глубокой, справедливой обиде русского человека на советскую власть, обиде, перерастающей в ненависть, обиде за то, что его ломают через колено, обирают до нитки, за издевательства во время коллективизации, за голод, за страх перед человеком в форме и с наганом, за людоедскую жестокость и насилие... Всё правильно, такое движение неизбежно должно было возникнуть, но оно возникло, инспирируемое врагом, с оружием в руках явившимся в твой дом, хозяйничающим в нём, но при этом лицемерно-нагло говорящим его обитателям, что он пришёл навести в доме порядок. И вот эта скрытная, маскируемая возня с врагом, как тайное, постыдное деяние, ломало души вливавшихся в движение, делало его заведомо бесплодным, лишённым какой бы то ни было исторической перспективы. Люди расщеплённые, духовно искалеченные, как вы говорите, не могут быть источником и началом созидательного действия. В колокол с трещиной не ударишь в набат.

Гость выпрямился в кресле, какое-то сильнейшее желание затрепетало на его губах и лице. Он с трудом боролся с ним, быстрым, механическим движением прикрыл глаза ладонью, как щитком.

— Так вы, говорите, видели Власова, — оторвал гость руку ото лба и как бы что-то окончательно подавил в себе, — и что он?

— Мне он запомнился каким-то задавленно угрюмым, с неправильным, неживым лицом, — медленно, с напряжением, сказал старец, глядя куда-то в сторону. — В первый раз это было в Праге в ноябре сорок четвёртого, когда он зачитывал манифест Комитета освобождения народов России, когда, собственно, идея формирования армии из советских военнопленных обрела организационную и юридическую силу... Тогда мне едва исполнилось шестнадцать. Но я был приметлив, запомнил, что все были неестественно возбуждены... Вечером на банкете многие с каким-то восторженным отчаянием и надрывом, по-русски, напились. И только Власов, как сажженный циркуль, трезвый, с небольшой свитой неприкаянно вымеривал пьяный банкетный зал... Лицо его было какое-то тягостно неподвижное, одеревеневшее... Было грустно и стыдно... — Старец печально вздохнул. — Второй раз я видел его уже в мае сорок пятого, когда наша походная церковь вместе с власовскими формированиями уходила в сторону американских войск. Он проехал мимо в большой чёрной машине, это был уже манекен в очках... Во всём его облике, на мой взгляд, сквозила какая-то неприятная ускользающая размытость... Если бы не его огромный рост, внешне он мог показаться до странности затёртой и неприметной личностью. Вот так я воспринял его тогда

ещё подростковыми глазами, не изменилось во мне это ощущение до сих пор, увы...

— Почему “увы”? — спросил гость не без удивления.

— Как вам сказать, уважаемый Борис Константинович, — старец несколькими аккуратными глотками, словно успокаивая себя, допил чай, — есть тут один нюанс... Власова принято ругать, и я только что тоже дал ему в чём-то отрицательную характеристику. Но мне выпало быть, пусть и по касательной, где-то рядом с ним... И теперь клеймить его позором в общем хоре было бы с моей стороны неприлично. Да, я сказал же, что думал всегда... Это не конъюнктурные соображения. Но всё же, всё же, всё же... — старец поднял пустую чашку и подлюбовался на просвет её тонкими, нежно-прозрачными стенками. — Если бы вещи умели говорить... — улыбнулся он.

Гость, усмехнувшись, с интересом посмотрел на старца.

— Теперь я понимаю, почему к вам идут люди... Но в жизни всё грубее, жёстче... Те же власовцы... Они записывались в РОА, наверное, без особых погружений в моральные и психологические нюансы... Не хотелось умирать с голоду в лагерях, хватались за соломинку, шли на сотрудничество, лишь бы выжить...

Старец неопределённо пожал плечами, показалось, нахмурился.

— Но вы же знаете, что это не так... Точнее, не совсем так... Вы хотите от меня... — он замялся, подыскивая нужные слова, — свидетельства о духовных терзаниях этих людей... Извольте, если это поможет вам, — старец пристально, с задержкой, посмотрел на гостя. Тот тяжело смутился и снова опустил глаза.

— Безусловно, были и те, кто шёл, скажем так, под знамена Власова за гарантированную, как говорят сейчас, пайку хлеба... Слабых простим в первую очередь, — старец перекрестился на образа, — но не будем упрощать... Многих, очень многих обидела советская власть, я уже говорил об этом. И эта обида тлела где-то глубоко в душе человека, подавлялась страхом, придавливалась каждодневными заботами. Но вдруг этот человек с его вечной занозой попадает в такие обстоятельства, когда эту занозу принимают активно и поступательно тревожить, загонять глубже... Отдел пропаганды вермахта не спал, работал, я бы сказал, искусно. Человеку втолковывали, что его обидели враги России, закабалившие его Родину, большевики — антихристианские, антирусские, антинациональные силы. Они замучили и убили миллионы самых умных и сильных русских, с помощью зловещих международных сил, неслыханного террора и репрессий подавили русское сопротивление, залили Россию кровью, штыками заставили бесплатно работать в колхозах, возродили второе крепостное право, лишили веры, несогласных убили или отправили за колючую проволоку... Они замордовали и изнасиловали твою прекрасную Родину... И это начинает бередить, распалать старую обиду, заставляет её набухать мнением и ненавистью. Появляются люди из своих — Власов начал активно работать с отделом пропаганды осенью сорок второго года, — которые говорят, что немцы воюют не против народов России, а против еврейско-большевистской системы эксплуатации и террора, что они пришли не затем, чтобы поработить твою Родину, а чтобы искоренить этот проклятый большевизм, освободить русских из-под его кровавого ига. Мы можем стать их союзниками в борьбе с общим врагом — иудео-большевистской тиранией. Наши друзья и единомышленники в Германских вооружённых силах помогут создать нам собственную армию, которая в союзе с немцами освободит Родину, чтобы заново отстроить справедливое, народно-демократическое Российское государство. Вливайся, истинный патриот, в ряды Русской освободительной армии! Для многих эти слова бальзамом проливались на старые обиды... И шли, и вливались... А где-то шепотком гуляло: “Власов сформирует русскую армию, скинет Сталина, а затем примется и за Гитлера”. Помню, РОА горделиво расшифровывали как “Русские обманули Адольфа”. Свидетельствую, такие иллюзии были... Один из авторов идеи о русском антибольшевистском союзнике, искренне веривший, как рассказывают, в возможность осуществления этой идеи, талантливый, на мой взгляд, сотрудник отдела пропаганды вермахта, в прошлом офицер царской

армии, воевавший в Первую мировую с немцами, капитан Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт, друг и соратник Власова, после войны оставил воспоминания с говорящим названием “Против Сталина и Гитлера”. Так родилась теория о “третьей силе” в годы войны... Я рассказываю вам это так подробно, чтобы вы поняли, как всё неоднозначно, сложно и запутанно было тогда... Можно представить, что творилось в душах этих несчастных людей! — Старец достал из кармана подрясника платок и вытер повлажневшие глаза. — К отцу Александру Киселёву в нашу походную церковь приходили на исповедь сотни солдат и офицеров РОА. Я помню, многие покидали храм в слезах... Помилуй их, Господи! Наверное, уже все отстрадались, — старец ещё раз перекрестился на иконы. — Отец Александр сказал как-то, что многие мучаются осознанием неясного греха. Я тогда не понял, о чём он... Но однажды случилось так, что застрелился один майор, человек до чрезвычайности вдумчивый и серьёзный... Его товарищи пришли к отцу Александру испросить совета, как предать тело земле, — офицер был нашим прихожанином, исповедовался и причащался... И вот пошёл на такое... Батюшка был очень опечален и расстроен, плакал — погибла душа христианская, как он мог не заметить! В личных вещах самоубийцы нашли предсмертную записку. Это была короткая и страстная исповедь человека, видимо, очень тонкого и ранимого, попавшего в нравственную ловушку, из которой он не знал выхода. Он писал, что никогда уже не сможет примириться с советской властью — его родители, раскулаченные и вывезенные с детьми куда-то на Вишеру в Пермский край, погибли на лесоповале, их убило поваленным деревом. Самые младшие братья и сёстры после смерти родителей умерли с голоду, которые постарше — разбрелись по миру... Он по подложной справке дослужился до капитана в Красной армии, жил в гнетущем страхе, что разоблачат. Это была не жизнь... Но и стрелять в своих, русских, участвовать в новой гражданской войне он тоже не хотел. Его мучило, как он писал, “день и ночь жгло”, что он ходит в полунемецкой форме, что армию формируют на немецкие деньги, что приказы отдаются немецкими офицерами, что он присягал когда-то советскому народу, а теперь переприсягает Родине (против чего не было возражений) и почему-то “вождю и главнокомандующему всех освободительных армий Адольфу Гитлеру”... Тонко чувствующий был человек. Он и, как я понимаю теперь, многие из РОА оказались между двух огней. И это была уже не “третья сила”, а валежник, который неминуемо должен был сгореть от этих двух огней...

— И как похоронили этого человека? — неожиданно с каким-то странным запозданием спросил гость.

Старец поднял задрожавшую руку:

— Не смейте, не смейте даже думать об этом! — перекрестил он гостя. — Страшный, один из тяжелейших это грехов... Того, кто совершает такое, Церковь не сопровождает в последний путь.

Гость вцепился руками так, что побелели пальцы, в подлокотники кресла, заворожённо смотрел на старца.

— Не знаю, не знаю... — пробормотал он. — Когда нет выхода... как у того офицера...

— Выход всегда есть! — проникновенно, весь вложившись в чувство, воскликнул старец. — Если обратиться к Богу, раскрыв ему сердце, Господь всегда укажет, что делать. Он милосерден к каждому, и Он простит любой грех, если искренно раскаяться, и укажет дорогу... пока жив человек...

— Неужели нельзя попросить Бога хоть о каком-нибудь снисхождении к самоубийце, самом малейшем! — вырвалось у гостя. — Ведь товарищи того несчастного за этим приходили к вашему священнику?

Старец закрыл глаза и, обхватив руками колена, качнулся несколько раз на табурете в глубоком раздумье.

— Вы правильно сказали — о снисхождении... Можно просить Бога о снисхождении... к наложившему на себя руки, — медленно сказал он. — Есть специальный чин для самоубийц... Священнослужитель как бы от лица близких просит у Бога прощения, что просмотрели, что не удалось остановить от страшного деяния покончившего с собой, просит о каком-либо

снисхождении к самоубийце... “Взыщи, Господи, погибшую душу раба Твоего: аще возможно есть, помилуй”. Что и сделал тогда, помню, отец Александр над прахом того несчастного майора, совершив чин молитвенного утешения близких “живот свой самовольно скончавшаго”...

— ...Аще возможно есть, помилуй, — возбуждённо повторил гость. — Выходит, и у самоубийцы остаётся шанс быть помилованным Богом?

— Церкви это неизвестно, — пристально, со всей силой своего взгляда, посмотрел старец в глаза гостю. — Душа самоубийцы погибает.

— Батюшка, отец Нектарий! — вдруг тихо, с замиранием прошептал гость. — Если со мной что-то случится... помолитесь за меня, как положено...

Старец продолжал смотреть, не отрываясь, в глаза гостю. Безотчётным движением он взял его руку, сжал её своими сухими, маленькими ладошками.

— Все наши обещания и обязательства, все самые клятвенные слова — всё пустое и тлен перед бессмертием души нашей... Не губите душу свою! — Старец, целуя руку гостя, упал перед ним на колени.

— Что вы, батюшка, встаньте! Или я застрелюсь от стыда! — в смятении вскочил с кресла гость, отдёргивая руку и пытаясь неуклюже приподнять старца с пола. Он почувствовал, как сильнейший озноб сотряс его. — Как стыдно, как мне стыдно, отец Нектарий! Зачем вы так? — лихорадочно приговаривал он, усаживая старца на место.

— Теперь не застрелитесь, милейший Борис Константинович, — улыбнулся старец, — не успеете... Как видите, я встал и даже снова сижу.

Гость не нашёлся, что ответить, онемело затрепетал перед старцем.

— Я изменник... предатель... я тоже между двух огней! — исторгнул вдруг он. — Я дал втянуть себя в тёмное дело, я могу изменить присяге... может случиться непоправимое!

— Ни одного слова больше! — быстрым, упреждающим движением руки остановил гостя старец. — Ничего не говорите! Ещё несколько слов, и из вашего доброго конфидента я превращусь в вашего лютого врага... Ни одного слова больше!

— Я шёл за утешением, — мутно посмотрел гость на старца, — но ещё больше запутался. Что делать мне?

— Не делайте того, что против совести. Я уже говорил вам об этом... — тихо сказал старец.

— Совесть говорит одно, а разум — другое... Нет во мне лада между ними, — с беспокойством признался гость.

— “Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала”, — процитировал старец. — Понимаю вас... Разум толкает честную душу на борьбу за лучшую земную долю человека, на борьбу со злом через насилие ведёт. Но принять насилие как метод исцеления человечества не каждая совесть позволит... Ваша, вижу, не позволяет. Поэтому отступитесь, не калечьте себя... Только тогда начинаются истинные преобразования, когда идут они без насилия, когда человек нравственно и духовно созревает для преобразований, и всё получается само собой, в полном ладу между разумом и совестью.

— А как же революции, с их кровью и насилием? Ведь для чего-то они помимо воли человека случаются? И разве они не раскрепощают человека, не делают его более свободным? — нервно завертелся в кресле, присаживаясь, гость.

— Революции как раз и случаются не помимо воли, а исключительно по воле человека, точнее, по воле людей, у которых деградирует, если так можно сказать, совесть, и они, немерено проливая чужую кровь, лишаются каких-либо сомнений, нравственных преград.

— Но вы же сами сказали, что человек имеет право на сопротивление системе, которая давит, угнетает его, — скользнув взглядом по лицу старца, сказал неожиданно спокойно, с тонкой усмешкой, гость.

— Имеет, — почему-то засмущавшись, кивнул утвердительно старец, — но снова повторю: только в согласии со своей совестью... Но даже и так, всё это — бессмысленная затея, — со вздохом сказал он.

— Не понял? — удивился гость.

— Если скажу, что всё свершается по воле Божьей, вы подумаете, что это общие места, избитая, тривиальная мысль, — улыбнулся старец. — Но за этой фразой, извините за определённую безапелляционность, — великие смыслы, вся механика жизнеустройства... Плод не упадёт, пока не созреет. Не так ли? Так и в отношении человека с системой, будем говорить, с властью, ничто не нарушит баланс сил, пока эта власть не изживёт себя, пока не наполнится иными, чаще всего враждебными ей смыслами. Вот парадокс! Тогда подтачиваются удерживающие её основы, и она падает, как бы добровольно самоустраниется... Так было в России с императорской властью, так случилось недавно с советской... Заметьте, без крови и насилия.

— Выходит, человеку остаётся только ждать, пока власть саморазрушится и упадёт сама? Хорошенькая философия! — хмыкнул гость. — Пассивно ждать, пока она заливает страну гноем коррупции, разрушает науку и образование, останавливает производства, вывозит из страны, как из дома алкоголика, её богатства, лишает будущности огромный народ? А не легче ли её того... — гость наступательно дёрнул плечом, — пока она не привела Россию к окончательной катастрофе?!

— Здоровая и умная власть борется с тем, на что вы указали, и тогда она прочна и долговечна. Нездоровая и неумная проявляет такую борьбу только на словах, и тогда век её короток и жалок. Обычно такая власть, повторяю, самоликвидируется мгновенно... Как будто её и не было. — Старец испытующе посмотрел на гостя.

— Значит, терпеть и ждать? — иронично протянул гость.

— Терпеть и ждать, — строго повторил старец. — Сказано: “Всяка душа властям предрежающим да повинуется”. — И неожиданно добавил после короткой паузы: — Мне кажется, не время сейчас...

Гость вздрогнул и пристально посмотрел старцу в глаза.

— Вы так думаете? — смущённо пробормотал он.

— Я скажу сейчас не как священнослужитель, а как человек, который прожил жизнь, как просто человек, которому, извините за пафос, небезразлична, дорога Россия! — с чувством сказал старец. — Современная власть не однородна и не однозначна, в ней слабо, но бродит огонёк добродетели, есть надежда, что он заполнит её всю, возгорится ярким пламенем, согревая и освещая путь людям... Не будем торопиться, чтоб не затухнуть под горячую руку этот слабый огонёк... Как бы не наступили потом окончательный мрак и разрушение, чего веками добиваются враги России. Может, стоит проявить терпение и мудрость, чтобы не стать прямыми пособниками антирусских сил, чтобы не стать — прости меня, Господи! — новыми... власовцами.

Гость встал, бледнея, стукнул кулаком по сердцу.

— Вы бьёте меня вот сюда! — прошептал он. — Именно власовцем... Я об этом тоже думал... Ведь мы практически с оружием в руках... и нарушается присяга!

— Не делайте этого... что хотите делайте, но только не делайте этого! — вспорхнул старец с табуретки, хватая гостя за руки. — Порвите, решительно порвите со всем и со всеми, а там — что Бог даст! Твёрдо скажите, осеняя себя крестным знамением: клятву лжеклятвою не попираю!

— Если б вы знали, сколько я передумал! Идти — не идти к вам... Я обещал, что не пойду к вам! — с мрачным воодушевлением отозвался гость, — но теперь я благодарен Богу, что он привёл меня сюда... словно плиту с груди отвалили. Я знаю теперь, что мне делать, я знаю, что сказать им... Я скажу, что никогда не стану власовцем, что не стану попирать совесть, а клятву — их лжеклятвою... Что я присягал один раз! Я им скажу, что, целя в режим, они снова могут попасть в Россию, погубить всё, что они могут уподобиться тем несчастным, что пытались бороться с советским строем, а вставали в ряды врагов Родины и поднимали вольно или невольно оружие против своих братьев... Мне теперь есть что сказать им, а дальше — будь что будет! — Гость внезапно остановился и с какой-то смертельной тоской и усталостью посмотрел на старца.

— Но только будьте... предельно осторожны, — сказал дрогнувшим голосом старец, затаивая вздох и опуская глаза. — У одного милейшего человека

в городе, — в смущении продолжил он, — я познакомился с господином, до удивления похожим на вас... Алексеем Мальковым...

— Это... мой старший брат, — заколебался гость, — только у него фамилия отцовская, а у меня — матери...

— Почему-то я так и подумал, — не смог на этот раз сдержать вздох старец. — Решительный человек... В детстве он вас не поколачивал случайно? — неожиданно спросил он.

— Нет, мы росли в разных семьях, — неохотно ответил гость.

— Это многое объясняет, — понимающе улыбнулся старец, усаживаясь на прежнее место. — Между прочим, в этой книге, — кивнул он в сторону фолианта на столе, — встречается фамилия Мальковых... Это записи... своего рода дневник моего предка, жившего в семнадцатом веке.

— Интересно! — воодушевился гость. — И что же там сказано о Мальковых?

— В книге упоминается семья Мальковых — Агафон и Марфа с их детьми, которые предали себя огню в нашем скиту, на месте которого потом поставили часовню, восстанавливать которую вы собрались... Немного, но в каком контексте! — воскликнул старец и неожиданно со значением добавил: — В ваших жилах течёт протестная кровь...

— Наши предки за веру сжигали себя, шли до конца... — нахмурился от какой-то неприятной мысли гость. — Эту историю я знаю... Мы действительно по отцу староверы из Никольского, есть тут село километрах в двадцати пяти вверх по Боганке, до сих пор глушь непролазная... Брат составлял родословную, находил подтверждение этой гари с нашими предками в каких-то других источниках...

— Тогда вы, верно, знаете и историю о том, что дети этих самосожженцев спаслись? — живо спросил старец. — Тут кроется какая-то тайна. Вашему брату на сей счёт в документах ничего не попадалось?

— Про спасшихся детей... от брата слышал, — сказал гость, пряча глаза. — Думаю, это просто легенда.

— Не знаю, не знаю... — пристально посмотрел старец на гостя. — Есть в этой книге, — он снова кивнул на фолиант, — одна странная запись, что дети числом до семидесяти разобраны были потом по дворам людей древлеправославного чина. Что за дети, как они там оказались, так много сразу, в доме моего предка протопопа Никиты? Несколько предложений до этой фразы, как я понимаю, объясняющих смысл записи, густо зачернилены, замазаны... не разобрать... но я постараюсь...

— Думаете, удастся разобрать? — чутко напрягся гость.

— С помощью специальной техники, разных приёмов... почему бы и нет! — уверенно сказал старец. — В одном реставрационном центре в Москве у меня работает старый знакомец ещё по загранице, он тоже вернулся, большой поклонник древнерусской иконы... Он такие чудеса творит! На этой неделе я отвезу ему книгу, и тайна удивительного спасения детей, думаю, будет раскрыта.

— Спешите, святой отец! — вдруг вырвалось у гостя. Судорога исказила его лицо. — Вы не представляете, вы можете спасти всё... одним только касанием, одним только прикосновением... Спешите! И низкий вам поклон за всё! — Гость в лихорадке вскочил с кресла, сделал неуклюжую попытку поклониться старцу, но только раздражённо отмахнулся от чего-то и, на ходу прихватывая бейсболку с гвоздя в дверном косяке, опрометью бросился из кельи.

9

Чем меньше оставалось времени до окончания ремонта в установленный срок, тем чаще появлялся у меня во дворе Лёха. Оно и понятно, срок был положен им жёсткий — почему-то непременно к пятнице. Приезжал он обычно на короткое время, бежал в подвал “проводить планёрку”, затем уезжал. Говорил, что получил спецпропуск в воинскую часть и начал завозить стройматериалы на часовню. Видно было, что крутится человек. Был он всю

неделю до известных событий как-то затаённо и зло немногословен, собран и чрезвычайно деятелен. Со мной обычно перебрасывался парой фраз, всё больше о Мише Васильеве — приедет ли? На рабочих часто спускал собак, ярился, жёстко подгонял. Те выкладывались в полную меру сил. На работу приходили к семи утра, заканчивали поздно, часов в девять вечера. Достраивали терраску при свете мощной лампы, которую вывели на улицу.

В четверг после полудня всё было закончено. Подъехал Лёха, вместе приняли работу. В подвале я особенных перемен не заметил — пара швеллеров на полу и под потолком, между ними — несколько стальных подпорок, вдоль стен — с десяток забетонированных шурфов. Непонятно, куда ушло столько цемента? На что Лёха разъяснил, что шурфы пришлось бить под уклоном, несколько метров глубиной, вот туда весь бетон и закачали. Я понимающе кивал головой... А вот терраска получилась отменная. На высоких столбах, просторная и светлая, она ладно прилепилась — как будто была тут всегда — к глухой стороне дома (от опоясывающего, кругового варианта, чтобы не портить общий вид старой постройки, решили отказаться) с видами на Заречье. С первого этажа в неё был проделан отдельный вход. И теперь, не выходя из дома, можно было любоваться, скажем, за чаем, нашими “вечными просторами”. И в целом, как я уже говорил, моя древняя халупа, обшита сайдингом, а теперь ещё с роскошной терраской, вероятно похорошела и заиграла. Не буду скрывать, меня распирало довольство. На радостях я “накрыл поляну” под липами. Пока строители загружали инвентарь и остатки материалов в “рафик”, пока умывались и рассаживались за столом, отвел Лёху в сторону. Достал деньги за работу, по моим возможностям довольно приличную сумму.

— Что ты! — решительно отвёл в сторону мою руку с купюрами Лёха. — Мы же договаривались, я делаю это исключительно по дружбе... А потом — принимай это как скромное вознаграждение за старания с часовой. Кстати, — достал он из бокового кармана бумажный конверт, — здесь обещанный гонорар твоим пиарщикам.

Принимая конверт от Лёхи, я всё-таки попытался впихнуть ему мои деньги в карман куртки. На этот раз Лёха жёстко ошентился.

— Я же сказал, не надо! Что ты сопли развозишь! — зло бросил он. — Ты своим интеллигентским сюсюканьем достал меня!

Теперь было впору обижаться мне. Я набылчился.

— Ну, ладно, извини, — по-дружески приобнял меня за плечи Лёха. — Ты не представляешь, как замотался я... Всё на нервах, — и неожиданно странно шепнул на ухо: — Может, скоро деньги для меня совсем отменят... попаду прямиком в... коммунизм.

За столом Лёха был мрачно сосредоточен. Сам только пригубил, рабочим в приказном порядке разрешил не более трёх рюмок. “Завтра ответственная работа на территории”, — сказал он. Усатый, переглянувшись с товарищами, согласно кивнул головой. Я поблагодарил всех за ремонт, принял чуть больше нормы, чувствуя, как заползает в сердце странная, казалось бы, беспричинная, тревога и немотивированная грусть. Обычно, как я уже говорил, подобное со мной случается после выпивки. А вот чтобы в процессе... Такое было впервые. Я подумал, что в этот отпуск почему-то совсем не отдохнул и что это Лёха своим угрюмым, насупленным видом нагоняет уныние и тоску. И принял ещё. Расставались мы с Лёхой опять же до странности, как никогда, тепло и сердечно, я бы сказал, даже прочувствованно, чуть ли не со слезой. С чего бы это суровый и трезвый Лёха так растрогался и размяк?

Лучшим средством от разного рода недугов, в том числе и душевных, в родном Свободоярске для меня была, как я уже говорил, прогулка по реке на лодке. А тут ещё вдруг и старца захотелось повидать. Что-то угадывалось в нём особое, был он, безусловно, из какого-то другого мира, в прямом смысле носитель истории, и это к нему меня страшно влекло... Словом, я отвязал лодку и направился к монастырю. Но вот незадача: как и в прошлый раз, у монастырских ворот мне объяснили, что старец в Москве и будет только завтра. И слава Богу, думал я на обратном пути, а то появился бы перед

почтеннейшим, старым человеком крепко выпившим. Стыда потом не обещайся!

Усиленная работа вёслами, да ещё против течения, выгнала хмель, как хорошая парилка. Подгребая к своему бережку, я подумал вдруг: а не много ли было возни с подвалом? Странная мысль, догадка не догадка, но что-то, похожее на озарение, заставило меня быстро управиться с лодкой и на рысях поспешить к дому. Я спустился в подвал, включил свет и на коленях принялся сантиметр за сантиметром простукивать прихваченным в подсобке молотком каменные плиты пола. Я излазил подвал вдоль и поперёк, передвинул с места на место кучи какого-то накопившегося старья, но нет, плиты везде отзывались ровным, чистым звуком. “Но ведь что-то они однозначно искали, прикрываясь всей этой чепухой об укреплении фундамента!” — всё больше увлекался я неожиданным предположением, ползая на коленях по вместительному каменному пространству. Я оглядывал высокие арочные своды, тщательно выложенные красным кирпичом с белыми известковыми швами, тяжёлую, какую-то монументальную глыбистость стен из плотно подогнанных огромных валунов и думал, что эта пещера, невероятно прочно и старательно сработанная, не может не хранить какой-либо тайны... Ведь не для картошки же только и поломанной утвари она сооружалась! Покончив с полом, простучать основательно стены решил с утра. Я почувствовал, что очень устал, да ещё эта вышивка... И пошёл спать.

Наступила пятница. Несчастливый день пятница... Уже с утра всё пошло не так. Раньше времени заявился Миша Васильев. Я договаривался с ним где-то к двум-трём, а он подкатил к одиннадцати. “Проскочил без пробок”, — сказал он таким тоном, словно выиграл миллион в лотерею. И нарушил все мои планы с подвалом. Я встал, как обычно, поздно и как раз к одиннадцати намеревался заняться там стенами. Теперь всё откладывалось “на потом”. Не полезешь же с Мишей в подвал, не начнёшь при нём простукивать стены! А меня распирало, я чувствовал, что обнаружу что-то очень важное... Я злился, и как это мне вчера не пришло в голову, что Васильев может появиться раньше обговоренного времени и нарушит все мои планы. Сказано, ругал я себя, не откладывай на завтра...

— Что-то ты сегодня, дружище, какой-то озабоченный и выглядишь бледновато, — сказал Миша, выкладывая на стол под липами московские подарки. В этот приезд он решил, видимо, отдариться. — Не случилось ли чего? — пошутил он меня своими непроницаемыми шоколадными глазами.

Я сослался на головную боль с утра. Что, впрочем, было недалеко от истины: чувствовал я себя неважно, голова была тяжёлой, мутило.

— Атмосферное давление растёт. Я тоже стал метеозависимым... Обычно глотаю цитрамон, помогает, — участливо откликнулся Миша и добавил, посмотрев на небо: — На завтра и на послезавтра обещают почти летнюю погоду... Легче народ на площади собрать... — добавил он.

— Ты это о чём? — уловил я в Мишиных словах скрытый намёк.

— Да так... — пожал плечами Миша. — Феодосий Палыч звонил, приглашал на митинг.

— Совсем сбрендил, балабол несчастный! — вырвалось у меня.

— Как знать, как знать, — пожал плечами Миша. — Судя по прошлой встрече, настроен он весьма решительно тронуть местный змеиный клубок.

— Да чего они могут — десяток провинциальных говорунов, — сказал я, нарочито позёвывая.

— Вот именно — провинциальных! — поднял вверх указательный палец Миша. — Тут надо всё усваивать в общем контексте... Шеф намекнул, что сегодня на Совбезе будет рассматриваться вопрос о нарастании протестных настроений в регионах. Понимаешь?

— Неужто протестные настроения нарастают? — не скрывая иронии, спросил я. — Что-то незаметно невооружённым глазом...

— Это хорошо, что невооружённым... — хмыкнул Миша и с важностью человека посвящённого добавил: — По закрытым данным, всё не так про-

сто... А вообще-то размышления-откровения этого, как ты говоришь, балабола Никанорова тебе хорошо знакомы?

Я утвердительно кивнул. Что-то подсказывало мне, что слова тут будут лишними.

— Этот старикан ловит определённое биение общественных токов, — повёл Миша, словно к чему-то принохиваясь своим тонким, хищным носом, — у него, говоря на современном сленге, есть чуйка. У людей накапливается усталость от коррупции, бездействия, безынициативности местных властей, когда не просто воруют, а саботируют от лени и вседозволенности инициативы верховной власти... Все поголовно зажрались и опаскудели... Я вот второй раз в вашем городке, проехал сегодня, внимательно посмотрел — какая дикая запущенность и убожество крутом! Что, нельзя навести элементарный порядок? Почистить дворы, отмыть подъезды, подмести тротуары? Что, нет денег? Да денег на это надо три копейки! А это значит — всё, всё до последнего грошика разворовывается, и полный пофигизм! Одна забота — пока у власти, набить карманы. А там — трава не расти... И это всё твой Феодосий Палыч тонко чувствует... Он мне прошлый раз много чего порассказал... Его оценки совпадают с выводами закрытых исследований... Людей начинает всё это доставать. Тут только в нужное время и в нужном месте спичку поднеси — разом всё может полыхнуть!

Я молчал. Голосом Миши одновременно говорили и Феодосий Павлович, и Лёха. И это было странно. Как будто Миша воспроизводил магнитофонную запись размышлизмов обоих.

— К слову, — продолжил Миша после небольшой паузы, так и не дождавшись моей реакции, что вызвало у него, как мне показалось, явное неудовольствие, — идея Никанорова о превращении России в мировой центр традиционализма очень понравилась шефу. Это действительно может стать мегапроектом для возвращения России в разряд супердержав. Напоенная энергией и созиданием всех здоровых сил мира, наша Раша может стать локомотивом возрождения человечества. Иначе — Содом и Гоморра размером с планету Земля...

— Идея понравилась, дальше что? — я с трудом сдержал раздражение.

— Шеф обещал озвучить её самому... — Миша показал глазами вверх.

— А вдруг это случится сегодня на Совбезе?! И Феодосия Палыча сделают советником “самого”, ответственным за мегапроект, его идея возродит страну, изменит ход истории... — заёрничал я.

— Пока, увы, всё необходимо сделать с точностью до наоборот — остановить Феодосия Палыча! — снисходительно прищурился на меня Миша.

— Как это — остановить?! — вскинулся я.

— Да так... обыкновенно, — с нарочитым равнодушием пожал плечами Миша. — Необходимо отозвать разрешение на проведение митинга.

— То есть запретить? Прекрасно! Замечательно! — не удержался от сарказма я. — Это, пожалуй, самое надёжное средство в борьбе с протестными настроениями.

— А что делать? — иронично смерил меня взглядом Миша. — Старик и его окружение своей общественной активностью, этими митингами могут спугнуть главного местного казнокрада... этого, как его... курочка по зёрнышку... Крошкина. Понимаешь, — тихо сказал Миша, — так они всю операцию невзначай завалят.

— Какую операцию? — прилип я к скамейке.

— Из одного источника... — тщательно подбирая слова, продолжил Миша, — поступила информация, что там, — он показал глазами в сторону Заречья, — что-то не так, есть подозрения, что местная власть в каком-тоговоре с вояками... Может, бабло пилит, а может, и похуже что... Точных данных нет... надо разбираться... Да тут ещё этот старец из Америки прибыл... Ты ничего такого не слышал? — ошарашил он меня откровенным вопросом.

— Ничего... — растерялся я и почему-то постарался честно посмотреть Мише в глаза. Миша тонко ухмыльнулся.

— В общем, — приблизил он своё лицо ко мне, — этому “курочке по зёрнышку” не надо пока мешать лакомиться бюджетным пирогом... Надо

посмотреть, куда от него ниточки тянутся. Теперь он под надёжным колпаком... Главный землемер своё дело уже делает.

— Калеватов? — совсем не удивился я.

— Он самый, — усмешливо сказал Миша. — Теперь давай перекусим, и я поеду “куда надо” отменять митинг.

Мы выпили по рюмке, другой. Закусили красной рыbkой. Миша, я заметил ещё со студенческих времён, любил рыбку. Сколько селедки и скумбрии с горячей картошкой под пиво и споры было съедено... Неужели он всё-таки уже тогда?..

— Слушай, а ты давно там? — брякнул я и побарабанил пальцами себе по плечу.

— Вижу, голову совсем поправил, — заиграл непроницаемыми, шоколадными глазами Миша, — хорошие вопросы задаёшь.

— Нет, ну всё-таки... Вспомнились гулевания в общаге, вольные беседы... Неужели с тех времён? — решительно напирал я.

— Успокойся, дружище, — сузил глаза в щёлочки Миша, — даже если бы это было так, никто же не пострадал!

— Что верно, то верно, — кивнул я, — бывали речи крамольные... Про тебя, кстати, говорили, что ты отсюда. А нам ещё и двадцати не было...

— Дело прошлое... наследственное, — витиевато сказал Миша, — от родителей к старшему брату... Он появился на свет раньше меня на целых двадцать минут... от него ко мне...

— Слушай, старина, — стукнул я рюмкой по столу, — только ты меня в свои дела не впутывай! Я честный, простой журналист!

— Рад бы, да не могу, — смаргивая взгляд, часто затрепетал ресницами Миша. — Оказался ты, соколик, волею рока востребованным могущественными силами, попал ты, дружок, под колесо истории...

— Мне не до шуток! — застучал я уже кулаками по столу.

— И мне, — посуровел Миша. — Никто тебя никуда впутывать не собирается... Получилось так — вот незадача! — что именно рядом с тобой оказались люди, которые нас интересуют. Потерпи, буду приезжать, долго “покушать” участок под дачу, отираться здесь, знакомиться через тебя с этими людьми... Извини, почему-то все они крутятся именно вокруг тебя... Ты должен соблюдать только одно условие — не трепаться, держать язык за зубами.

— И всё-таки, это какое-то косвенное вовлечение, — проямлил я. — Зачем ты всё это мне рассказал? И что это за странное замечание, что все они крутятся именно вокруг меня?

— Вот, правильно размышляешь, — с весёлой назидательностью сказал Миша. — Действительно, бросается в глаза, что они почему-то сгруппировались вокруг тебя... И если б я не знал тебя почти тридцать лет, ты оказался бы тоже, как это говорят, в разработке... Но ты не в разработке...

— Благодаря тебе? — начал закипать я. — Спасибо, благодетель!

— Да, благодаря мне... Напрасно иронизируешь, — с неожиданной повелительной холодностью бросил Миша. — Я знаю тебя... На что-то такое, — пошевелил он растопыренными пальцами у виска, — ты никогда не пойдёшь... Ты вне подозрений, и поэтому я тебе всё, что позволено, рассказал... И никуда я тебя, ни косвенно, ни прямо не собирался и не собираюсь вовлекать. Но ты, — Миша вдруг широко посмотрел мне в глаза, — проходишь как связующее звено. Увы, таких ты себе здесь друзей подобрал, поэтому тебе, понимаю, как истинному интеллигенту и “честному, простому журналисту”, — не удержался съехидничать он, — придётся претерпеть определённые нравственные неудобства.

Слушать мутные речи Миши я был дальше не в силах.

— Да не хочу я ничего претерпевать! — зашёлся я. — И всю эту твою конторскую эквилибристику слушать не хочу! Какое, к чёрту, связующее звено? Вяжите ваши звенья и узлы без меня! Завтра я уеду отсюда и давай больше в этот сюр не возвращаться!

— Как скажешь, отче, — пряча взгляд, опустил глаза Миша, — только, боюсь, этот сюр достигнет тебя без твоего и моего согласия. — Миша сделал выразительную паузу. Я, стиснув зубы, приходил в себя.

— По той информации, — скупно обронил Васильев, — каким-то боком, в каком-то раскладе — информатору достался только обрывок случайно подслушанного разговора на улице — должен быть в какой-то тёмной комбинации использован твой дом. Ты ничего не замечаешь тут, не было ли каких-нибудь нечаянных, подозрительных визитеров? — снова в лоб спросил меня Миша.

На этот раз я только поморщился.

— Хорошо, хорошо, не буду, — сделал успокаивающее движение рукой Миша, — а ремонт тебе сделали приличный. Что за люди у тебя работали?

— Люди как люди, — сказал я нейтрально, — профессионалы, пахали, как звери.

— А откуда они, кто их привёл? — вкрадчиво спросил Миша.

— Лёха Мальков, это его работники... из его строительной бригады.

— Мальков — это тот, с неандертальской челюстью? — неприязненно гримасничая, скопировал Лёху Миша. — Кстати, он обещал в прошлый раз подъехать сюда, встретиться. Что-то его не видно...

— Закрутился, наверное. Он начал восстанавливать часовню... — сказал я, доставая из кармана куртки заработавший мобильник, — о, лёгок на помине! — на мониторе высветился номер Лёхиного телефона.

Лёха справился, приехал ли Миша, и попросил передать ему трубку. Переговорив с Мальковым, Миша задумался.

— Приглашает вечером поужинать, как и в прошлый раз, “У Вадика”... Не помню, но, кажется, про Совбез я ему ничего не говорил... но он откуда-то знает, странно...

Я извинился, что допустил утечку информации.

— Это меняет дело, — облегчённо выдохнул Миша, — а то чёрт знает что лезет в голову... Неприятный тип этот Мальков, скрытный, решительный, какой-то обозлённый... В руках таких в определённых исторических обстоятельствах лезвие гильотины порхает, как бритва искусного брадобрея.

— Ты его демонизируешь... Гильотина... Ну, просто Робеспьер Свороборского уезда, — засмеялся я. — Обыкновенный делец средней руки... тут станешь обозлённым между мздоимцами-чиновниками и бандитами.

Миша насмешливо хмыкнул, иронично пощупал меня взглядом.

— Мне пора на встречу, “простой и честный журналист”... Ну, ты, Кирюха, выдал! Перл! Всем расскажу, какой ты журналист. — И он захохотал, направляясь к машине.

Я бросился в подвал. Обстукивать стены начал почему-то справа налево, а не наоборот. Начал бы наоборот, не случилось бы того, что случилось потом... Но кто знает, с какой стороны лучше обойти змею... Я вспоминал Мишины слова, что дом может быть использован кем-то как-то не так, что удивительно совпадало с моими неясными интуитивными ощущениями, и в каком-то возбуждённом состоянии тщательно протучал каждый камень в правой стене. Ничего подозрительного. Приступить к противоположной стенке, со стороны Заречья, мне не дал внезапный шум наверху в доме. Кто-то громко, почти заполошно, звал меня по имени. Чертыхнувшись, я поднялся из подвала на крик. Это был запыхавшийся, взъерошенный, с белой пеной в уголках рта Феодосий Павлович.

— Эти мерзавцы, эти дрянные мелкие людишки, они отменяют митинг! — завопил он, увидев меня. — Звоню тебе по городскому, звоню по мобильному — ты не отвечаешь! Надо что-то делать! Какое они имеют право отзывать разрешение на проведение мирной акции?!

— Вы что, бежали сюда?.. Городской телефон на втором этаже, а мобильный в подвале не берёт, — не нашёл ничего глупее сказать я.

— Да плевать я хотел на твой мобильный! Что будем делать? — таращил глаза Феодосий Павлович. — Люди сориентированы, оповещены... Они думают, что так просто остановить крупное общественное мероприятие? Нет, господа чиновники, так не пойдёт! Все до единого выйдем! Пусть лунят дубинками, кидают в автозаки! Они нарвутся на скандал! Они думают, с нами, как с малыми детьми, можно: конфетку дал, конфетку взял. Вот продажное, трусливое племя! Ну, что с ними делать? Слушай, Кирилл, — нервно сказал

он, — твой влиятельный приятель из Москвы ещё не приехал? Может, его на наши кувшинные рыла напустить?

— Он здесь, уехал в офис Малькова, по будущей даче что-то порешать, — соврал я. А что мне оставалось делать? Не рассказывать же Феодосию Павловичу о Мишиной непростой миссии к нам. “Вот так и становятся связующим звеном”, — неприязненно шевельнулось в душе. Но, должен признаться, мне больше всего хотелось побыстрее выпроводить старика, чтобы вернуться в подвал.

Но Феодосий Павлович назойливо не уходил. Он, видимо, решил всё-таки дожидаться моего “влиятельного” гостя и через него попытаться что-то изменить. Чувствовалось, что решение о запрете митинга больно задело его. С обидой он начал рассказывать, как долго писал речь, как сам рисовал плакаты, обзванивал чуть ли не каждого... В расстроенных чувствах Феодосий Павлович отказался даже от рюмочки, только вяло съел бутерброд с рыбой и запил минеральной водой. Бурно выплеснув эмоции, стал тих и задумчив. Так и просидел на лавочке под липами практически молча где-то около часа. И только когда минуло четыре, спохватился, что на шестнадцать тридцать у него собирается правление НКО. Он ушёл, на прощание сказав, что завтра, тем не менее, ждёт меня в десять на митинге. Он на что-то решил-ся. Я ещё раз пообещал, что приду.

Странная лень и всепроникающая апатия напали на меня после ухода Феодосия Павловича. Какое-то полное замирение случилось во мне и вокруг. Беззвучно умирали и падали в золотистых столбах света на землю листья с деревьев. Я пригрелся под ещё тёплым сентябрьским солнцем, разомлел, голова моя сама легла на столешницу, и я под назойливую мысль о подвале, что надо встать и идти, вдруг как-то мгновенно и сладко заснул. Во сне я увидел Лёху, склонённого и горько рыдающего над мёртвым, израненным, в крови телом брата. Почему это было тело Лёхиного брата, которого я отродясь не видел, объяснить во сне я не мог. Но ясно понимал всё именно так. Проснулся от страха, пробравшего ледяным холодком волосы на затылке.

— Во сне ты стонал, — сказал Миша, уже сидевший напротив за столом, — что-то страшное приснилось?

— Ужас! — потряс я головой.

— Послеобеденный сон — тяжёлый сон, — понимающе посмотрел на меня Миша, — всегда приснится какая-нибудь галиматья... да ещё в пятницу, — зачем-то добавил он.

— В пятницу?

— Ну да, в пятницу, — кивнул Миша, — нечистый, inferнальный день.

— Ну, ты скажешь тоже, — заторможенно сказал я, всё ещё не приходя в себя от пережитого во сне. — Наделал ты, брат, делов! — вырвалось у меня, — Феодосий Палыч уже прибежал, как наскипидаренный.

— Чего ему? — насторожился Миша.

— За помощью прибежал... К тебе как большому человеку из Москвы, — сказал я, подавляя раздражение. — Митинг-то прикрывают, шустрило ты наш!

— Пусть побегает, старый болтун! — зло бросил Миша. — Он так и не понял, в какое время переполз... Дитя эпохи кухонного вольнодумства.

— Удивительно, такими же эпитетами его награждает и Лёха Мальков, — почему-то сказал я.

— Твой Лёха — не дурак, — цапнул меня взглядом Миша, — объект, достойный изучения... Кстати, обещал подъехать к пяти, — Миша взглянул на часы, — сейчас начало шестого. Не пунктуальный, однако, этот Робеспьер Своробоярского уезда... — неприязненно ухмыльнулся он.

И в этот момент у Миши зазвонил телефон.

— Какой-то незнакомый номер, — насторожился Миша, извлекая мобильник из кожанки и привычно поднося его к уху. — Вас слушают... — отретипированным баском, бархатно проворковал он в трубку.

Через минуту он стал белее мела и судорожно переключил аппарат на громкую связь.

— Повторяю, сейчас ты возьмёшь телефон спецсвязи, — услышал я командно-свирепый голос Лёхи, — он лежит у тебя в боковом кармашке, рядом с кобурой, наберёшь своего шефа и будешь передавать ему слово в слово то, что скажу тебе я. Тот, в свою очередь, будет передавать всё президенту. Совбез уже начался. Ты всё понял?

— Я не стану этого делать!

— Тогда в заявлении нашего комитета в интернете я специально подчеркну, что твоя рабья трусость и плебейское желание спасти собственную шкуру привели к катастрофе, которой можно было избежать. Ты погоршишь ещё страшнее, пойдёшь как недонесший, а то и вероятный соучастник... Отмазывайся потом! А так есть шанс всего лишь стать связующим звеном, — с явной издёвкой отхлестал Мишу Лёха. — Выбирай, недреманное око!

Миша достал из бокового кармана изящный, на вид очень дорогой, в серебристой окантовке мобильник, нервно перекрестил им себя, и нажал на кнопку на панели.

— Переведи на громкую связь! — приказал Лёха, как будто стоял рядом.

Долго, показалось, слишком долго никто не отвечал. Миша приходил в себя, схлынула бледность, сфокусировался взгляд. Наконец, трубка донесла достаточно знакомый голос третьего человека в государстве.

— Ты что, сдурел? Не знаешь, где я?! — гневно заговорил Мишин шеф.

— Виктор Сергеевич, ЧП, страшное ЧП! — простонал Миша. — Я в Свободобоярске... На территорию местной ракетной части пробрались какие-то безумцы... отморозки... Говорят, заминировали шахтную установку... предъявляют политические требования... в случае невыполнения грозят взорвать ракету с ядерной боеголовкой.

— Вы где сейчас? Как вы? — перешёл на “вы” третий человек в государстве.

— Я на связи с ними, по параллельному телефону, — срываясь, просипел Миша.

— Не прерывайте связь... Ждите, — в нерешительности сказал третий человек в государстве. И после паузы почему-то добавил: — Возвращаюсь на заседание.

Миша стоял, как на готовой взорваться mine, подобравшись и выгнувшись в струнку, нелепо зажимая голову с обеих сторон телефонами. Крупные капли пота выступили у него на висках и на лбу. Я достал платок и, как ассистент к хирургу, потянулся вытереть Мишино лицо. Миша вытаращил в испуге глаза, а потом благодарно закивал головой.

— Докладывайте, что у вас? — вдруг ровным спокойным голосом заговорил президент.

Миша вздрогнул и снова страшно побледнел.

— Товарищ президент! На территорию Свободобоярской гвардейской ракетной дивизии пробралась группа террористов... — зачитал, было, он.

— Это я уже знаю, — прервал его президент. — Мне сказали, вы держите с ними связь по параллельному телефону. Включите громкую связь и поднесите его к трубке, по которой сейчас говорите... Возможно, слышимость будет достаточной.

— Возможно, — глупо сказал Миша и приблизил задрожавшими руками, как две тротильные шашки с подключенными детонаторами, телефоны друг к другу.

— Кто вы? И чего хотите? — в меру властно, уверенно спросил президент. — Вы слышите меня?

— Глава комитета “Спасение России” Алексей Мальков, — тоже достаточно твёрдо ответил Лёха.

— Не знаю такого комитета, — бестрепетно произнёс президент. — Так чего вы хотите?

— Немного, — сказал нарочито весомым голосом Лёха, — всего три условия. Первое — вы немедленно отправляете в отставку в полном составе ныне действующее правительство с одновременным назначением нового премьер-министра из числа сильных, волевых государственников-интеллектуалов. В вашем окружении их, к прискорбию, немного, но есть... Второе —

вместе с новым премьером вы формируете правительство народного доверия и объявляете новый курс развития страны на мобилизационной основе. Россия медленно умирает. Этому надо радикально положить конец. И третье — вы назначаете по состоянию здоровья дату досрочных президентских выборов. С расчётом по времени, что страна сможет достойно оценить нового главу кабинета министров и проголосует за него. — Лёха помолчал. — У вас на раздумье чуть больше часа... в девятнадцать ноль-ноль вы должны выступить с соответствующим обращением к народу... Иначе рванёт ядерная ракета с непредсказуемыми последствиями... таймеры уже включены.

— Это грязный шантаж, — грозно повысил голос президент на фоне достаточно хорошо различимых возмущённых выкриков, видимо, членов Совбеза. — И вы за него ответите по всей строгости закона.

— Это принуждение к действию, — с вызовом ответил Лёха. — Всё, что могли полезного для страны, вы уже сделали. Но, к сожалению, вы не реформатор... Выстроить новую, могучую Россию, как показала практика, у вас не получается. Сейчас России нужен другой человек... Отдайте власть энергичному, решительному и образованному государственнику современной формации, пока вас не смел праведный народный гнев или инспирированный пятой колонной какой-нибудь московский “евромайдан”. Не доводите страну до новой великой смуты, она её больше не выдержит...

— Что с командиром части полковником Шатровым? — резко перебил президент Лёху.

— Он взят в заложники! — отрывисто бросил тот.

— Вы можете дать ему трубку? — помолчав, спросил президент.

— Он оказал сопротивление... сейчас изолирован, — осторожно сказал Лёха.

— Мерзавцы! Вы и за это ответите! — яростно вырвалось у президента. — Как террористы вы будете уничтожены!

— Мы знали, на что идём... — мрачно изрёк Лёха, — мы готовы умереть ради величия и процветания России... Но и вам, — возвысил голос Лёха, — не удержаться после взрыва. У взрыва будет длинная волна... До вашего обращения к народу остался ровно час! — выпалил вдруг он и отключил телефон.

— Не пугайте и не прикрывайтесь святым словом Россия, ничтожество! — выкрикнул уже безадресно президент.

Повисла мёртвая пауза.

— Кажется, отключился, — прокомментировал президент и, судя по характерному шороху, отшвырнул от себя трубку.

— Срочно отправить грушу захвата! Какая там рядом армейская часть? Подтянуть войска! Блокировать по периметру, чтоб мышь не проскочила! Поднять спецназ! Задействовать местное ФСБ и полицию! — какое-то время неясно воспроизводил шум и разноголосицу Совбеза Мишин спецмобильник, пока кто-то там, на другом конце провода, не догадался отключить телефон. Видимо, это был Мишин шеф. Только после этого сбросил с себя оцепенение и Миша.

— Я же говорил! Я же говорил тебе, что он сволочь! — подскочил, как со змеей в штанах, Миша. — Что он творит, гадина! Что он творит! — забегал он фаустовским пуделем вокруг стола.

Я оглушённо молчал. На моих глазах закручивалась история. Со зловещим треском разрывалось и летело в тартарары привычное бытие.

— Я убью его! — остановился в кружении Миша и выхватил откуда-то из-под мышки пистолет. Голова его затряслась, глаза налились кровью, волосы приподнялись на макушке, и он остервенело расстрелял всю обойму в воздух. — Всё пропало! — рухнул он на скамейку, сметая рукой с оружия бутылки и снедь со стола. — Всё пропало, Кирюха! — вдруг завыл-запричитал он. — Всё летит к едрёной фене! Тридцать лет безупречной службы... В ноябре мне давали полковника, переводили в Администрацию, сытая, безбедная старость... Всё к едрёной фене! Мне надо было здесь появиться раньше... Ведь наш человек засёк этот разговор ещё весной... Подумали, ослышался. Теряем нюх, теряем страну... Четвёртый раз за столетие...

На этот раз соберём ли?! И всё из-за каких-то нетерпеливых выскочек! Когда же русский человек поумнеет?! Когда он перестанет позволять манипулировать собой?! — Миша встал из-за стола, на глаза его навернулись слёзы. Дрожаящими руками он механически поменял обойму в магазине пистолета, механически передёрнул затвор, загоняя патрон в патронник. — Надо позвонить в местное ГПУ, хотя всё уже бесполезно... — Миша набрал номер на мобильном и, негромко, заговорив с кем-то, пошатываясь, удалился вглубь двора. В сторону Заречья над нами, свирепо работая винтами, прошли три боевых вертолёта.

В великой задумчивости вернулся Миша к столу. Печально проводил взглядом улетающие машины.

— Этих придурков, если они засели в шахте, с воздуха не возьмёшь... Да и небезопасно, — до странности равнодушно, что поразило меня, сказал он, — без наземной операции здесь не обойтись... Сейчас туда выдвигаются местные гэбисты и усиленный наряд полиции. А я посижу тут, покараулю на всякий случай... Что-то от тебя ему всё-таки нужно было, — осторожно, как к чужим, притронулся Миша к волосам на макушке. — А если они и вправду взорвут ракету с ядерной боеголовкой? — расслабленно задался он вдруг безответным вопросом. — От детонации она может рвануть в шахте, ну, крышку снесёт, атом вряд ли заиграет, хотя чем чёрт не шутит... Но произвольный старт обеспечен... И где она приземлится?.. Ну, мрази, что устроили! А сколько вони Штаты поднимут — ненадлежащий контроль за ядерным арсеналом и прочее! Будем надеяться, их уничтожат раньше... А что он сказал о командире части? “В заложниках, в отключке”? Фарс, дешёвая игра... Они же братья. Не знал?! — Миша зло посмотрел на меня. Я не успел ответить. В кармане Мишиной кожанки вновь заработал телефон.

— Это он, — взглянув на монитор, заколебался Миша, но всё же нажал кнопку на приём. — Говори! — мрачно прорычал в трубку он, переводя разговор снова в режим громкой связи. Я понял — меня тащат в опасные свидетели.

— Нас атакуют! — кричал Лёха. — Наши требования проигнорированы... Им же хуже будет! Скоро семь, обращения к народу, ясно, уже не будет. Это его роковая ошибка. — Миша поморщился и сделал движение отключить связь, но что-то его остановило. — Передай потом по инстанции, — продолжал возбуждённо и торопливо Лёха, — договориться можно было... Не с нами — с народом теперь получается, со страной! Но решили, как водится, всё через колёно... Историческая ошибка! Силой народ не возьмёшь... Дни этого режима сочтены!

— Что ты, мразь, за пургу гонишь! — заорал, перебивая, Миша, одновременно странно каким-то холодным взглядом следя за мной. — Не говори за народ, упырь! Вас уничтожат! Соскоблят, как плесень! Я первый тебя шлёпну, если встречу, урод!

— Не усердствуй особо-то, твоё показное верноподданничество уже никого не интересует! Ты сгорел! Передай своему начальству, что тебе говорят, членосос! И отползай в сторону... Ждите весточку! — надрывно прокричал Лёха как бы на отдалении от телефона. В трубке послышались неясные выкрики, треск выстрелов, шорохи, похожие на шум борьбы. Связь оборвалась. Мы переглянулись.

— Похоже, их начали вязать, — рассеянно повертев мобильник в руках, хмыкнул Миша, — заговорщики сраные...

Страшной силы взрыв в Заречье сотряс окрестности. “Вот и весточка!” — мелькнуло у меня в голове. Огромный чёрный столб дыма до неба гигантским факелом вспыхнул и засветился над лесом. В лучах заходящего солнца он на глазах наливался дьявольским рубиново-красным светом. Казалось, все силы ада слили в него огненное содержание реторт своих подземных лабораторий. Достигнув пика высоты, чёрно-красный перст преисподней обмяк, пополз вниз и сизыми рыхлыми облаками стал приседать на обруч горизонты. Земля содрогнулась и заходила ходуном, словно учащённо забилась её незримый пульс. В следующее мгновение удар горячего воздуха, спрессованного до силы пушечного ядра, превратил липы над нами в гигантские

буквы “Г” и, играючи вспарывая, как ножницы бумагу, железные кровли, составляя дьявольский пасьянс из сорванных с крыши листов шифера, натягивая до визга струны проводов на столбах, с бешенством обрушился, обламывая старые деревья и ветхие хибары, на город. Деревянные створки ворот на улицу с игрушечной лёгкостью распахнулись, и в свистящем сквозняке, в облаке пыли и палой листвы, гномом из-под земли нарисовалась согбенная, с палочкой в руках, знакомая фигурка старца Нектария.

— Батюшка, вас-то каким ветром сюда занесло! Вас же могло убить этими проклятыми воротами! — с непонятной радостью кинулся я к старцу, едва не обнимая его на ходу.

— В подвал! — нетерпеливо вскричал старец, машинально крестя меня и всем своим видом показывая, что ему не до моих щенячьих восторгов. — Хотя уже поздно! Видно, я опоздал... Тайна дома раскрыта!.. Но я опоздал, Боже мой! — причитал он, бодро семена к дому. Мы с Мишей молча последовали за ним.

Крыльцо, коридор, как всегда полуприкрытая дверь в подвал под лестницей, тёсаные, каменные плахи вниз, на площадке с правой стороны выключатель... Но в подвале уже горел свет. В левой стене, в сторону Заречья, к которой я так и не подобрался с простукиванием днём, на массивных железных петлях со свежей, жирной смазкой висел отворённым огромный камень. Рядом темнела чёрным зевом высокая, почти в рост человека, со сводчатым входом нора. Миша выхватил пистолет и первым подскочил к лазу.

— Ушёл, совсем недавно ушёл! — выкрикнул он, опасливо заглядывая в затхлую темноту подземного хода. — Теперь ясно, зачем он тебя обхаживал и что это было за восстановление часовни. Тюфяк! — бросил он мне презрительно. — Не мог проследить, чем у тебя тут в подвале занимаются!.. Но как он проскочил незамеченным мимо нас?

— Через терраску, — сказал я, почему-то почувствовав себя виноватым, — они пробили из дома отдельный вход на новую терраску.

— Всё продумали, стервецы! Но он не мог далеко уйти... Куда он мог рвануть? Думай! — грубо рявкнул на меня Миша и сам себе нервически ответил: — Скорее всего, к реке. Послушай, да там у тебя лодка! — В два прыжка он преодолел ступени из подвала и прогрохотал по коридору на улицу.

— Государев человек... — кивнул ему вслед старец.

— Это Миша Васильев... в институте учились вместе. — Голос мой противно завибрировал. Мне стало неловко и обидно за проявленную слабость перед приятелем. — Как выяснилось недавно, ещё со студенческой скамьи государев человек... — мстительно добавил я, ощутив острую неприязнь к Мише.

— Да не волнуйтесь вы, не злитесь и не бойтесь ничего, трепетная вы душа, — улыбнулся старец и пошутил: — Подземный ход не вы триста пятьдесят лет назад прокопали... А вот ваш приятель, дерзновенный человек, Алексей, кажется, сам над бездной встал и других в бездну тянет... Я хотел, как и брата его, остановить... Не успел... Зачерниленную запись о подземном ходе между домом и часовней в лесу, в той книге, что дали мне вы, в реставрационном центре в Москве только сегодня к обеду расшифровали... Подгонял шофёра... Но, вот видите, не успел...

— Да что же вы не позвонили, не сообщили... к-ку... — запнулся я, — ведь можно было всё предотвратить!

— Вот видите, и вы не договорили эту сакраментальную фразу про... “куда следует”, — старец испытующе посмотрел на меня и внезапно заговорил, словно читая по бумаге: — Представьте себе, вы стоите где-нибудь на Невском и случайно слышите разговор, что адская машина заложена в Зимнем и скоро сработает. Пойдёте вы доносить? Нет! Вот то-то и оно! И я не пойду! — Он остро царапнул меня взглядом. — Знакомы вам эти слова?

— Может быть, это ложные представления о нравственности, чести и достоинстве? И классик ошибался?! — вдруг заколотило меня. — Если бы во времена Достоевского люди начали сообщать о тех же бомбистах “куда следует”, может быть, не было бы этой дикой революции, гражданской войны, миллионов загубленных, власовцев, в конце концов? Не из-за ложного ли

представления о достоинстве, не из-за псевдо-ли горделивого отказа преступить мнимую, никем не определённую нравственную черту, не из-за барско-интеллигентской ли брезгливости к так называемому “доносительству” Россия заплатила такую страшную цену в двадцатом веке?

— Не знаю, не знаю, — задумчиво покачал головой старец, — и во времена Достоевского, и сейчас нравственность одна... Я не пойду, хоть убейте, сообщать “куда следует”... таким уж я родился, — ясно посмотрел он мне в глаза. — Что-то мне подсказывает, что и вы не пойдёте...

— Тогда нам предстоит заплатить ещё раз! И, может быть, ещё дороже! — нервно вырвалось у меня.

— Успокойтесь, — осторожно прикоснулся старец своей маленькой ладошкой с прямыми и прозрачными, как восковые свечки, пальцами, к моей груди. — Как сильно бьётся ваше сердце... Берегите себя. Знаете, — сказал он неожиданно, — я убеждён, Россия никогда не умрёт, потому что в ней всегда будут жить те, которые никогда, ни за какие медовые коврижки не побегут сообщать “куда следует”, зная, что в Зимнем заложена бомба и что она сработает.

— Понимаю, нам дано улавливать тончайшие оттенки звучанья струн духовных, — взялся неожиданно иронизировать я, — особым нравственным чутьём соприкасаться с истиной небесной, не поддаваться дьявольской игре по переливанию добра во зло и наоборот, мы несём в себе — и этим сильны и спасаемы — неразмываемое веками, кристально-чистое представление, что правильно и неправильно с высоты высших первоуродных смыслов.

— Если отставить в сторону всю эту вашу напускную насмешливость, то вы сказали замечательные слова, — проникновенно-грустно посмотрел на меня старец. — Действительно, множество раз в этом убеждался, нашему народу свойственно обострённое нравственное чутьё чистого и нечистого... Что дано, то дано, без всякой идеализации и чувства какого-либо превосходства над другими.

— Вот именно, без идеализации, — продолжал я фрондировать, словно сбившись с такта. — Три с половиной века назад по этому подземному ходу уводили детей от смерти, а сегодня, возможно, и на смерть детей, в обратную сторону потащили взрывчатку... Где же оно, это наше пресловутое нравственное чутьё?

— Ну, зачем вы так огрубляете, упрямяетесь, — с мягким укором сказал старец. — И тогда, и сейчас за всей этой историей с подземным ходом стояла и стоит борьба с государством. А это уже другое, это не нравственная категория, скорее безнравственная... Ведь на ту гарь три с половиной века назад привели и детей! Разве это нравственно? А на сегодняшнюю старший брат увлёк младшего, чистую, почти детскую душу... Духовное совращение и погубление невинных — это только то, что лежит на поверхности прегрешений иступлённой воли религиозных фанатиков и политических радикалов. Поэтому их, если так можно сказать, деятельность ничего общего с нравственностью не имеет.

— И всё-таки, — не унимался я, — своего рода сокрытие, недонесение на тех, кто совершает преступные, безнравственные поступки, по-вашему, выходит, нравственно? Так получается?

Старец сокрушенно развёл руками:

— Не так... Не соверши грех внутри себя, останься чистым, и вокруг тебя будет чисто... Люди, которые живут по самым высоким, неподкупным нравственным принципам, составляют духовную крепь нации, народа, ну, а те, кто может и даже считает, что должен при необходимости “сообщать, куда следует”, выполняют функцию физической защиты этноса и образованного этим этносом государства. Одно без другого существовать не может. Как свет и тень, как плюс и минус, как лёд и пламень, как вы и ваш сокурсник Миша... — с тихой, забирающей ласковостью посмотрел на меня старец. — А вот и он, кажется, спешит...

Миша стремительно вернулся, как и уходил, прыгая теперь уже через ступеньки вниз, по пояс мокрый, перепачканный тиной, грязью и речным песком.

— Не нагнал! — выдохнул он, присаживаясь на оставленный рабочими шаткий верстачок и выжимая-отглаживая на себе штанины, — пришлось по воде спрямлять, чуть не вплавь... Но я уже созвонился, вниз по реке расставлены полицейские патрули... Далеко не уйдёт.

— А почему ты решил, что он взял по течению? — не скрывая насмешки (пришло время отыграться), спросил я.

Миша недоумённо воззрился на меня.

— Физически он очень сильный и с нестандартной кумекалкой, он легко мог пойти и против течения, тем более что у Чугунного моста, тут километрах в полутора вверх, все поезда притормаживают... Так что Лёха, наверное, уже далеко, — признаюсь, с удовольствием оттаптывался я на Мише.

— А ты, я смотрю, чуть ли не рад! — злобно зыркнул на меня снизу вверх, отрываясь от мокрых штанин, Миша. — Что ты мне раньше ничего об этом не сказал?!

— Извините, молодые люди, у вас ещё будет время потягаться, — улыбочиво вмешался старец. — Вы вот лучше, — обратился он к Мише, — расскажите, что случилось там... за лесом? Ведь вы, верно, знаете уже кое-что?

Миша, прищурившись, смерил меня несколько раз ядовитым взглядом и для острастки поиграл желваками.

— Нас, к сожалению, не познакомили. — Он назвал себя полным именем.

— Иеромонах Нектарий, — отвесил светский полупоклон старец.

— По самым первым, до конца ещё не проверенным данным... они рванули, навскидку, сотню-другую килограммов гексогена на месте этой самой часовни... взрывчатку, видимо, таскали через подземный ход отсюда. — Миша ещё раз с прищуром посмотрел на меня. — К счастью, до пусковой шахты не добрались... что-то у них не срослось... кто-то перекусил провода от подрывмашинки... Начато следствие, — сумрачно и тщательно подбирая слова, проговорил Миша.

Мы со старцем молча внимали, не поднимая глаз.

— Судя по тому, что они некоторое время профессионально держали оборону, этот Мальков был с подготовленными боевиками, — продолжал Миша уже несколько напыщенно, словно на пресс-конференции, — по перебежкам их зафиксировали всего четверых... Командир части, полковник Шатров, в боестолкновении замечен не был, видимо, действительно был взят в заложники... Это пока всё, что известно. — Миша, заигравшись в сурового начальника, чрезвычайно строго, словно из-за придвинутой настольной лампы в кабинете особиста, посмотрел на нас со старцем: — Надеюсь, вы понимаете, что всё, что я сказал, не подлежит разглашению.

Мы понимающе кивнули и потянулись из подвала на улицу. В прозрачных, уже по-осеннему звонких сумерках перед домами группами собирались люди и неразборчивым гомоном делились, что у кого сорвано и разбито. Внезапно разом погасли уличные фонари и свет в окнах.

— Час от часу не легче, — сказал Миша и отвёл меня в сторону. — Кирилл, — заговорил он вполголоса доверительно, — дела закручиваются серьёзные, очень серьёзные... Я срочно уезжаю в Москву, взять тебя с собой при таких обстоятельствах не могу, извини... К тебе, видимо, придут... Никаких лишних слов, никаких эмоций... Тверди одно: подрядил Малькова на ремонт дома, тот попросил как журналиста расписать часовню, больше ничего не знаешь...

Признаюсь, Мишины слова тронули меня. Вот она, старая дружба... Мы ободрающе похлопали друг друга по плечам. Миша подошёл к старцу попрощаться и, что-то быстро обдумав, предложил подбросить того до монастыря. Старец внимательно посмотрел на Мишу, как мне показалось, усмехнулся и, особенно не жеманясь, с удовольствием принял предложение. Тоже старая школа... Вскоре они укатили. Я остался один в быстро сжимающей пространство двора темноте, с неясными мыслями и тревожными чувствами под грустное, не предвещавшее ничего хорошего шевеление сухих листьев на деревьях...

Я почти наощупь прибрал на столе под линами, оставил только бутылки с недошитым алкоголем, всё остальное сбросил, не разбираясь, в большой полиэтиленовый мешок и вынес в мусорный контейнер на улице.

Мимо пробирались по колдобинам и ямам, поругиваясь, две тёмные фигуры.

— Ребята, не слышали, что у нас со светом происходит? — обратился я к ним.

— Ты чё, мужик, не видел, как весь город пригнуло, — отвечал один с характерным подкашливанием заматерелого курильщика. — На центральной подстанции трансформатор накрылся... теперь пока починят...

— А что там за лесом рвануло? Что говорят?

— А хрен его знает, — отозвался тот же голос, — говорят, какие-то босвики на воинскую часть напали, ракету подорвали... Выброс, говорят, был... ядерная головка расколосась.

— Да не ври ты, если бы что, ты бы уже давно окочурился, — решительно оборвал его напарник.

— А чё мне врать, чё врать?! — огрызнулся прокуренный. — У Михи с Поповой горы счётчик зашкаливает... Он в МЧС работает.

— Ты сам-то видел, пургомёт? — урезонил его приятель.

— Чё мне видеть! — заерепенился тот, что с прокуренным голосом. — Галька, над нами живёт, видела... Она с Михой гуляет. Он ей показывал...

— Знаем, чего он ей показывал...

...Город в кромешной темноте боязливо отходил ко сну. Изредка в окнах окрестных домов привидениями блуждали размытые огоньки фонариков и свечей, да периодически кроили тёмное небо, словно фантастическими яркими ножницами, перекрещивающиеся столбы света от автомобильных фар. Я стал вспоминать, где у меня на всякий случай хранится фонарик. Вспомнил и нашёл его со всяким хламом в верхнем ящике кухонного стола. Там же наткнулся на внушительный амбарный замок с готовым, вставленным в поржавевшую скважину ключом и сразу понял, зачем он мне попался на глаза и куда его приладить. Спустился вниз и, подсвечивая фонариком, закрыл на него дверь в подвал. Кажется, он тут висел всегда. Тщательно запер на все крючки крыльцо. По свежим деревянным ступенькам из коридора направо и недавно пробитому входу в стене с крепкой надёжной дверью на засове поднялся на новую террасу. На ней, как только её пристроили, я сразу размечтался поставить просторный диван, плетёную мебель с чайным столиком, большой письменный стол и сидеть, покуривать, пописывать, наслаждаясь красотами и размахом наших далей неоглядных. Не без некоторого опасения, признаюсь, ступил я в просторное и пока ещё пустое пространство террасы. Я понимал, кто мог быть с Лёхой там, в часовне, и кого я за время ремонта достаточно хорошо рассмотрел и запомнил. Они вполне могли быть где-то рядом... четверых взрослых мужиков моя лодка не выдержала бы. Фрамуги одного из окон терраски были широко распахнуты. Через него, похоже, и сиганул Лёха с подельниками к реке. Я поспешил закрыть оконные створки и закрепить их шпингалеты. Фонарик высветил на подоконнике фасонистую, светлых тонов, с закладывающимися ушками внутрь, летнюю Лёхину кепку. “Странно, — повертел я кепку в руках, — с Лёхиной головы просто так ничего не падает”. Посветил фонариком внутрь кепки, потряс, отвернул ушки... и тут выпала записка.

“Кирилл, — прыгающими, угловатыми буквами, с сильным наклоном влево писал Лёха на вырванной, судя по формату, из небольшого блокнота странице, — прости, что подставил тебя. Подземный ход в твоей дом был обнаружен случайно, когда обследовали фундамент часовни. Работы по её восстановлению мы хотели использовать как прикрытие для переброски взрывчатки в часть. Ну, а потом это открытие подземного хода удачно легло в общий план. Брат погиб. От этого мне невыносимо тяжело и горько. Я его любил, очень, светлый был, золотое сердце, чувствительный человек. Он в последний момент дрогнул. Попытался всё отменить, от отчаяния даже стрелял в нас. Бросился перерезать провод к ракетной шахте, и перерезал. Тут его и накрыл второй, “запасной” взрыв в часовне. К счастью, я этого не видел. Ручку детонатора мы крутанули уже в подземном ходе. Один сообщил эсэмэской оттуда, что брата нашли мёртвого, израненного. Трагическая смерть. Получается, погиб в огне. Как и наши далёкие с Борисом предки

триста с лишним лет назад на том же самом месте. Это знак. Мистика какая-то! Но определённую собственную вину в преждевременной смерти брата мне не замолить, не загладить уже никогда. За всё остальное — раскаяния нет. Россия гаснет. Этому надо решительно положить конец. Не мы, так другие это рано или поздно сделают. Возможно, прощай. Алексей Мальков”.

10

Утром, где-то около девяти, ко мне неожиданно заглянул Феодосий Павлович. Судя по воспалённо-блуждающему взору его покрасневших глаз, спал он очень мало или совсем не спал в эту ночь, но старался держаться молодцом, был тщательно выбрит, в свежей рубашке и при галстучке, что бывало с ним, когда он собирался по какому-либо торжественному поводу выйти на люди. С порога он, с трудом сохраняя хладнокровие, но внутренне, было заметно, весь трепеща, каким-то излишне деловым тоном объявил, что везде паника, что кто-то пустил слух, что взорвалась ядерная боеголовка, что все, кто может, драпают из Своробоярска, а кто не может, толпами валят на площадь с требованиями официального объяснения, что произошло и происходит в городе. “Это может обернуться чёрт знает чем!” — нервически, неприятно трещал он переплетёнными пальцами рук, развинчиваясь на глазах и всё оживлённее разглагольствуя, что он знает радикальные настроения части народа, что всем всё надоело, что новые стеньки разины и емельки пугачевы давно уже ждут своего часа. Мне с трудом удалось усадить разошедшегося не в меру старика за стол и напоить кофе.

— Прежде всего, — сказал я как можно твёрже Феодосию Павловичу, — надо немедленно остановить митинг, иначе вы можете оказаться с канистрой бензина на пожаре.

— Да, правильно, я тоже об этом первым делом подумал... но... как это сделать? — растерянно-умильно глянул на меня Феодосий Павлович. — Телефон не работает, а я всех наших вчера, ну, помните, когда администрация запретила, полдня настраивал на самые решительные действия. Может, оповестить народ по городскому радио? — задался он вдруг вопросом, идиотически широко открыв рот, и сам себе ответил: — Да какое тут к чёрту радио — электричества нет, суббота, времени совсем ничего... Кого смогу, сам обегу, а там на митинге всё надо объявить, остановить! — решительно поднялся он из-за стола.

Поколебавшись, я всё же показал Феодосию Павловичу записку Лехи Малькова.

— Мерзкий фармазон, всё-таки воспитал из племяшей бомбистов! — гневно вскинулся Феодосий Павлович, прочитав записку. — Это я про дядю Мальковых, — ответил Феодосий Павлович на мой вопросительный взгляд. — Эти Шатровы всегда рыли под государство, один из их предков входил даже в боевую организацию эсеров. Да, да, я находил свидетельства в разных источниках! Тут сопротивление государству наследственное, генное, как и среди многих старообрядцев... Я Лёше не раз об этом говорил, потому он и не любил меня... А записку сожги, — со значением посмотрел вдруг на меня Феодосий Павлович. — Вы с Мальковым были только школьные приятели, и не более того! — Похоже, ясность сознания возвращалась к моему старому другу и наставнику. Как это мне сразу не пришло в голову... Записка оставила на чайном блюде маленькую рифлёную горку пепла, предусмотрительно спущенную затем в унитаз.

Мы вместе вышли, точнее, выбежали почему-то, словно нас что-то ужасное преследовало, из дома. Феодосий Павлович снова пришёл в возбуждённое состояние и ходко рысил переулками к площади, “на перехват колонн!”, как он кричал, оборачиваясь и поторапливая меня, поспешавшего сзади. У памятника Ленину мы расстались. Старик с криками “Остановить! Остановить всё!” горячечно кинулся к какому-то знакомому, видимо, из его шарашки “Ренессанс”, а я взобрался на пьедестал к каменным ногам великого командора, чтобы оценить ситуацию сверху. Круглые часы на бледно-жёлтом фасаде районной почты напротив показывали без четверти десять.

Давненько, наверное, со времён тучных ноябрьских и первомайских советских сатурналий центральная, она же единственная площадь Своробоярска не была так оживлена и многолюдна. Тысяч десять, не меньше (правда, оперативники потом насчитали пять), своробоярцев густо заполнили галдящими головами пространство невеликой нашей “вечевой” площади. Только теперь вместо пышных праздничных транспарантов и бесконечного кумача в руках своробоярцев были развёрнуты скромные бумажные плакатики размером в страничку из школьной тетради. День задавался славный, с хрупкой хрустальной прозрачностью, блёсткий. Солнце начинало пригревать, раздражать сбившихся в огромную, и без того разогретую беспокойным перемещением массу тепло одетых с утра горожан. “Почему нас не эвакуируют?”, “Нас бросили здесь умирать!”, “Скажите правду, чинодралы!”, “Мы не Хиросима и Нагасаки!” — тянули вверх плакатики с нарастающим недовольным ропотом своробоярцы, напряжённо таращась в сторону районной администрации. Ждали выхода к народу Крошкина. Крошкин, однако, не спешил на Красное крыльцо. Внезапно бледно засветилась лампочка над входом в администрацию, слабыми желтоватыми фитильками загорелись уличные фонари. И на ступеньках главного подъезда города с мегафоном в руках, приодетый, как на пикник, в джинсах и белой спортивной куртке, в окружении районного синклита (мелькнуло круглое, в очёчках, чем-то напуганное лицо Калеватова) появился Крошкин.

— Дорогие своробоярцы! Товарищи! Вот и электричество наладили! — шмелём на цветке загудел в мегафон Крошкин. — Жизнь входит в нормальную колею! Мною уже дано распоряжение чинить крыши и бесплатно вставлять стекла. К понедельнику всё будет исправлено, совместными усилиями стихийное бедствие будет преодолено!

— Стихийное бедствие? — насмешливая рябь взъерошила площадь. — А счётчики зашкаливают!

— Какие счётчики? — наступательно зарокотал мегафон. — Это провокация! Я с вами, городу ничто не угрожает. Случился неудачный планово-учебный пуск ракеты... без всяких там боеголовок. Это я вам ответственно заявляю. Правоохранительные органы выявят провокаторов, распускающих лживые, панические слухи, и строго, будьте уверены, накажут!

— А сам-то ночью семью со всем барахлом на трёх машинах в Москву отправил! А мы здесь подыхай?! — выкрикнул кто-то гневливо из толпы.

— И снова ложь и провокация! — бровью не повёл Крошкин.

— Это ты ложь и провокация, — не унимался кто-то расходившийся в толпе, — я сам там был неподалёку, всё заснял, фотки есть! И вообще, сколько у тебя квартир в Москве и за границей?

— Воруёга! — вдруг лохмато и угрюмо прокатилось по толпе, неожиданно тяжело колыхнувшейся на полшага к подъезду администрации. — Расстрелять тебя мало!

Крошкин врос в землю и, побледнев, опустил мегафон. Ему бы уйти в тот момент от греха подальше, но он стоял, словно вкопанный, переживая жертвенные секунды полного обмирания.

— От лица общественности мы объявляем вам импичмент! — раздалось над площадью. С чугунных стоп вождя я увидел, как стройными железными фалангами толпу взрезали нкаошники Феодосия Павловича. Ровно в десять, как и намечали. Сам стратег метался с развевающимися седенькими волосами, выбившимися из-под берета, между колоннами демонстрантов, отчаянно жестикулируя и, видимо, пытаясь развернуть свою армию вспять. Но у масс уже, судя по всему, появился новый вождь и кумир. Это был (я узнал его) учитель истории одной из наших школ, который с самым решительным, иступлённым выражением тонкого, нервно-подвижного лица истерично отдавал команды по установке в центре площади небольшой трибуны и звукоусиливающей техники. Ещё мгновение, и над головами собравшихся с хлопонами (откуда-то вдруг и ветерок потянул) развернулись тщательное прописанные, широкие паруса транспарантов. Ликуй октябрь семнадцатого! “Где новые фабрики и заводы?”, “Когда снова начнём пахать землю?”, “Дашь району детсады и школы!”, “Ударим по рукам грязнохватов!”, “Чинов-

ников-казнокрадов — в тюрьму!”, “Долой самодержавие бюрократии!”, “Вся власть народу!” — окрасилась свежим кумачом площадь.

— Мы требуем не только вашей отставки, мы требуем справедливого суда над вами и вашей камарильей, доведшими город и район до полного обнищания и разорения! — ярился с трибуны учитель истории, вооружённый уже микрофоном и стократно усиливающими его задорный голосок мощными динамиками.

— Судить вору! — тысячеголосым, мрачным рокотом отозвалась толпа.

Крошкин медленно и опасно, как пистолет к виску, снова поднял мегафон к лицу.

— Товарищи! Граждане! — голос его неожиданно потерял начальственную басовитость, стал тонким и заискивающим. — Я готов поддержать развернувшуюся дискуссию, пусть даже и на площади... источник власти у нас народ...

— О народе вспомнил! — заголосили в толпе. — А ты знаешь, что у народа зарплата — копейки, что детей в детский сад не устроишь, что у ветеранов в домах потолки обваливаются, крысы по кроватям бегают, и чтобы с голоду не сдохнуть, мы на работу в столицу мотаемся, полжизни в вонючих электричках, в четыре встаём, в девять приезжаем, вы превратили нас в быдло, а сами только хапаете и карманы набиваете, рыбки ненасытные!

— Теперь вы слышите глас народа, а глас народа — глас Божий! И вы за всё ответите! — так и взвился на трибуне учитель истории. — За время вашего бесконечно-ненасытного правления вы превратили наш край в гнездо коррупции и разврата, где правят бал казнокрадство, взятка и подкуп, где разорены и разворованы все заводы, где в деревнях пашни заросли лесом, где закрываются больницы, фабрики, школы, где вместо дорог, как во времена Гоголя, остались только направления, где половина населения — безработные, где самые богатые — пенсионеры... И это в то время, когда узкая группа людей во главе с вами жирует на ворованные бюджетные деньги, строит особняки, покупает недвижимость в столицах и за рубежом, купается в роскоши! Скажите, какого ещё арабского скагуна вы подарите своему внуку на его очередной день рождения?! Может, в золоте отольёте?!

Народ рукоплескал оратору, народ заходился в восторге, народ ликовал.

С высоты ленинского пьедестала я увидел, как попытался овладеть трибункой мятущейся Феодосий Павлович и, надо отдать ему должное, едва не преуспел в этом, даже на время с силой вырвал микрофон у распалённого дерзкими речами учительши и прокричал, что это не митинг, а подстрекательство к бунту, разжигание низменных страстей толпы, что радикализм всегда губил Россию, но, схваченный крепко чьей-то сильной рукой за воротник — “Не мешай людям правду говорить, пустозвон!” — был грубо низвергнут с трибуны и за галстук, намотанный на кулак, с позором, под насмешки и улюлюканье толпы потащен куда-то за торговые палатки. Я кинулся, было, ему на помощь, но тут моё внимание привлекли два странных, заляпанных грязью от колёс до самого верха, стареньких, разболтанных “Зилка”. Машины медленно и осторожно, на малом ходу, приседая на ямах под тяжестью груза, выехали из переулка, вплотную примыкавшего к площади. Аккуратно развернулись задними бортами к толпе. Три ловкие и быстрые фигуры, выпрыгнувшие из кабин, — в одной, мне показалось, я узнал Усатого, но только без усов, — выставили знаки “Дорожные работы”. “Зилки”, натуженно ревя изношенными движками, выбрасывая клубы чёрного дыма, подняли кузова и, содрогаясь от напряжения, щедро ссыпали под ноги митингующих груды увесистых, обточенных водой, как круглые бомбы, речных гольшей. Я услышал, кажется, ещё, как с характерным звуком зазвенели, подсакивая и раскатываясь по асфальту, какие-то металлические заготовки. Так же неброско и спокойно, как и прибыли, грузовики затем снова втянулись в переулок. Всё это произошло в течение каких-то двух-трёх минут. Когда я снова попытался отыскать взглядом Феодосия Павловича, его уже нигде не было.

— Вот видите, — нашёлся Крошкин, — уже начался ремонт нашей площади. А за годы моего какого-то там нехорошего правления, как тут изволили выразиться, в городе и районе построены и сданы в эксплуатацию

три тысячи метров дорог с твёрдым асфальтовым покрытием, уложены тысячи метров новых бордюров, заасфальтированы километры тротуаров, приведены в порядок ряд детских игровых площадок...

— Вы издеваетесь над нами! — сардонически захохотал с трибуны учитель. — Три километра асфальта — это, я должен вам заметить, ровно столько от города до вашей трехэтажной дачи под монастырём! А свеженьким бордюричком вы обложили её по периметру, проложили там и асфальтовые дорожки, оборудовали, не в пример убитым городским, затейливые игровые площадки для внучат. И всё за казённый счёт, за наш счёт — налогоплательщиков! Да вас за такое благоустройство давно пора отправить за казённый счёт в казённый дом — благоустраивать солнечный Магадан!

Толпа буквально выскочила из штанов. Люди ревели и топтали ногами, как буйно-помешанные, несколько чрезмерно экзальтированных особ женского пола начали остервенело визжать и царапать друг друга, мужчины имитировали в сторону администрации выстрелы от плеча.

— Это ложь! Гнусная ложь! — зашёлся вдруг на высоких нотах Крошкин. — Дача никогда не принадлежала мне. Моя дочь в Москве занимается бизнесом, она её и построила, она ей и принадлежит! Я живу, как все, в обыкновенной, ещё советской квартире! Сами знаете! А если у меня и есть какие-то упущения, то, как говорится, кто из вас без греха, пусть первый бросит в меня камень!

И камень бросили. Никогда, никогда не говори в грозу “Разрази меня гром!” Ибо это роковые слова, таинственно вдруг обретающие смертельно-материальную силу... И камень бросили. Из той самой кучи речных голышей, что предусмотрительно оставили на площади старенькие, таинственные “Зилки”. Небольшой такой, но увесистый камушек, пущенный чьей-то дерзкой и меткой рукой, рассёк Крошкину бровь. Крошкин с удивлением мазнул ладонью кровь, на удивление обильно хлынувшую из небольшой ранки, напряжённо всмотрелся в неё, обморочно пошатнулся, сделал шаг вперёд, словно споткнувшись, склонил голову перед толпой. Женщины в первых рядах взвизгнули и бросились врассыпную. В следующее мгновение несколько камней с мягким плёпающим звуком припелись Крошкину в плечи и в грудь. Один угодил в темя. Крошкин выпрямился, интуитивно прикрываясь мегафоном, свободной рукой схватился за голову... Ещё через миг он был сбит с ног каменным ливнем. Толпа, зверем завыв, качнулась в сторону поверженного.

...Боюсь, я не всё успел зафиксировать глазом и запомнить, что было дальше. Я же не видеокамера. И вряд ли когда мне удастся посмотреть оперативную видеосъемку. Если она, конечно, в чём я сильно сомневаюсь, велась... А вот что запомнил точно, об этом расскажу. Запомнил, как в короткую паузу, перед тем как площадь опрокинулась “волной-убийцей” на Крошкина, перед толпой выросла знакомая, вызвавшая вдруг острую жалость, тщедушная фигурка старца Нектария. Он-то, подумалось, с какого перепуга здесь оказался! Старец попытался с крестом в руках образумить обезумевшую толпу, что-то горячо втолковывал, осеняя людей, как молнией, сияющим на солнце крестом, и толпа как бы замерла, замялась в короткой нерешительности перед отважным пастырем, но тут на трибунку взметнулся решительного вида человек, по фигуре очень знакомый, в пятнистом, камуфляжном одеянии, в низко надвинутой на лоб защитного цвета фиделькастровке и, властно отобрав микрофон из рук потрясенного расправой с Крошкиным, от страха потерявшего дар речи учителя истории, голосом Лёхи Малькова прокричал: “Долой прогнившую власть! Долой разорителей России!” И старец был смят, отброшен бумажным корабликом в сторону напоенным агрессией и ненавистью потоком вызверившихся людей, которые с камнями и арматурой в руках (вот что, оказывается, сыпалось и звенело вместе с камушками из “Зилков”) бросились, безжалостно растапывая тело несчастного Крошкина, громить здание районной администрации. Жидкий полицейский наряд вместе с крошкинской челядью сыпанул юркими тараканами по сторонам. В памяти осталось, как бежал по зелёным газонам и жёлтым осенним цветам вдоль фасада администрации, пронзительно визжа, Калеватов, охаживаемый с остервенением железными прутьями двумя

бандитского вида молодчиками... Сохранила память и удивительно знакомый белый “рафик”, плавно подкативший к площади со стороны вокзала, из которого было стремительно выгружено тройкой молодцеватых (снова показавшихся знакомыми), с военной выправкой людей несколько ящиков с тёмно-зелёными бутылками. “Коктейли Молотова” привезли! Теперь есть чем угостить мордатых!” — с весёлой разухабистостью и радостным гомоном встретили эту новость на площади.

И когда с лязгом и грохотом тяжело раздвинулись железные ворота внутреннего двора полицейского участка, что приткнулся невзрачным, двухэтажным зданием почти вплотную к районной администрации, и оттуда стали бодро выскакивать, выстраиваясь цепью, люди без спецэкипировки, в простой форме и с короткоствольными автоматами, а затем без предупреждения дали очередь поверх голов, толпа в страхе присев, потом неумоимо взъярившись, ответила уже не только камнями, но и вовремя оказавшимися под рукой бутылками с зажигательной смесью. Несколько полицейских подпрыгивающими факелами, с воплями и проклятиями, бросились назад за ворота, где, катаясь по земле, сбивали на себе пламя; другие в панике, что могут оказаться заживо сожжёнными и забитыми камнями, открыли беспорядочный огонь на поражение.

В животном, предсмертном ужасе толпа тысячами глоток исторгла леденящий душу вопль отчаяния (мне показалось, что зашевелился каменный истукан надо мной, словно дрогнуло и у него его каменное сердце) и бросилась с площади тяжёлой лавой, давя и сминая друг друга. И тут сухо защёлкали, выбивая короткие облачка пыли, по асфальту и по стенам участка, метившие в стрелявших полицейских пули невидимого снайпера. Стреляли, судя по всему, из единственного высотного девятиэтажного жилого дома рядом с площадью. Его построили ещё в семидесятые годы прошлого века для местной партийно-хозяйственной верхушки, за что дом был окрещён в народе “дворянским гнездом”. Несколько точных выстрелов откуда-то с верхних этажей коммунистического “дворянского гнезда” (как знак ещё не законченной борьбы) заставили полицейских в панике, волоча за собой убитых и раненых, убраться с площади. Толпа развернулась и с удесятерённой яростью бросилась на своих мучителей. Она дикой, необузданной стихией ворвалась в участок, ломая и круша всё на своём пути. Те из полицейских, кто не успел сбежать или спрятаться, были растерзаны на месте. Запылали костры в кабинетах. Из окон на площадь полетели вороха обугленной бумаги и мебель. Тут же без долгих разговоров была решительно вскрыта ружейная комната. Несколько десятков автоматов, гранатомёты, пара ручных пулемётов, цинки с патронами были переданы в руки бойцов, из ничего возникшего, “батальона самообороны восставшего народа”. И тогда на площади, перед странно притихшим народом, явился с самым суровым и грозным видом, с решительно выдвинутой вперёд своей неандертальской челюстью Лёха Мальков. На широком офицерском ремне у него болтались несколько гранат и “стечкин” в кобуре. В камуфляже, в сурово надвинутой на лоб защитного цвета фиделькастровке, он был вылитый команданте барбудос, правда, пока ещё без бороды. Сзади маячили с самым решительным видом, готовые на всё два нукера (в обоих я узнал моих строителей) с автоматами. Лёхе передали мегафон.

— Братья! — лязгнул челюстью Лёха. — Нас могут раздавить здесь за несколько часов, если мы не окажем достойного сопротивления и если нас не поддержит Москва. Администрация города в наших руках, окружим её надёжным кольцом баррикад! А в Москве уже высадилось несколько электричек наших земляков, ещё утром эвакуировавшихся из города. Они продвигаются к Красной площади, к ним присоединяются тысячи наших единомышленников в столице. Я уже обратился через интернет ко всей России поддержать наше восстание! Десятки городов поднимаются против зажавшихся, толстомерных воров, до нитки разоривших страну и народ! Россияне достойны лучшей участи! Власть народу! На баррикадах отстаим своё право быть хозяевами в родной стране! Слава России!

— А что там с радиацией? Есть она или нет? — крикнул кто-то памятливым из толпы.

— Успокойтесь, друзья! — осклабился Лёха. — Никакой радиации не было и нет. Был... направленный взрыв, — он с нескрываемым самолюбованием и щегольством выделил голосом последние слова, — направленный взрыв всего лишь какой-нибудь тонны гексогена.

Толпа, уже мало задумываясь над происходящим, с разухабистым балагурством и подмигиванием: “Знай наших!” — встретила сомнительное Лёхино признание.

Мне казалось, это был какой-то дикий, нелепый сон. “Ущипни себя и проснись!” Несколько пуль, точно выпущенных снайпером (был он явно с воображением) по ошкпе вождя, зажатой в каменной деснице над моей головой, вернули мне ощущение, что всё происходит в реальности. Оставшись без кепки в руке, великий теоретик и практик революционного движения уже не просто звал куда-то, в какие-то светлые дали, а смело атаковал и взрывал окружающее пространство своим освобождённым выстрелами железным кулаком. Старые символы на новый лад! Однако затейник был этот снайпер! Он и мне давал понять, вдруг понял я, что держит и меня на мушке и в любой момент может скорректировать и моё поведение. В радикально изменившихся условиях лишним свидетелем тут было не место. Я тихо сполз с чугунных ног вождя на грешную землю, осторожно миновал чем-то странно очистивленные толпы, с воодушевлением бревеносцев первых коммунистических субботников воздвигающие из всякого подручного хлама хилые баррикады вокруг своробоярского “Белого дома”, и кривыми палаточными улочками нашего торгового капища, в обход страшного места, со странным облегчением и содрогаясь от увиденного, бросился со всех ног домой. К площади, включив мигалки и отчаянно сигналив, съезжались за первой смертельной жатвой “восставшего народа” машины “скорой помощи”...

Круглые часы на бледно-жёлтом фасаде почты показывали полдень. Всего лишь полдень. Всего лишь два часа было отмерено от чего-то... И всё — иное. Как стремительно-тяжеловесно бывает время! С какой всесокрушающей силой оно таинственно преображает до неузнаваемости всё вокруг! Как легко захватывает оно человека, как безжалостно давит и увлекает в бездну!

Обычно шумно-горлающее, перекатывающееся людскими потоками, грязно-захлапленное пространство торгового райка было непривычно пустынным и чисто прибранным. Ряды ларьков, палаток, магазинчиков, как бронепоезда, укутались в тяжёлые железные листы. Везде были решётки и амбарные замки на массивных цепях. Новоявленное купечество, в страхе разбежавшись, ждало погромов. Но революционная стихия ещё не перелилась через край своей колыбели. Пока она плескалась и негодовала только на площади. Мои шаги, единственного здесь прохожего, гулко отдавались в закованных железом лабиринтах. И странным было вдруг увидеть на скамейке рядом с памятным трактором “У Вадика” одинокую фигуру человека. Это был Феодосий Павлович. Он сидел и, часто вытирая глаза платком, тихо поскуливая, плакал. Виноват, я тогда смалодушничал и не подошёл к старику. Мне не хотелось ни с кем видеться, ни с кем объясняться, мне хотелось единственного: спрятаться в свою норку, забыться, раствориться. Я прошмыгнул мимо Феодосия Павловича и, постыдно крадучись между ларьками, незаметно ушёл в сторону нужного мне переулка. Я помню, был даже разозлён на старика, видимо, за его болтовню, частично приведшую к такому развитию событий...

В величайшем раздражении, можно сказать, в каком-то нервном кипении вбежал я к себе во двор. Но видеться и объясняться мне, похоже, в тот день было предопределено. Как-то всё сходилось в одну точку. За столиком под липами меня ждал — нет, пока ещё не человек в форме. Меня ждал человек в рясе... отец Нектарий. Обычная приветливость и ласковость во взгляде не оставили его и сейчас. Но читалась в глазах и какая-то печаль, надорванность. Выглядел старец уставшим и как-то разом рухнувшим и немощным. Но по-прежнему пылливо и остро он считывал и у меня что-то новое с лица. Вглядевшись в меня, он жалостливо сморщился, приподнялся со скамейки и почти рефлекторно поднял правую руку на уровень плеча.

— Благословите, батюшка! — вдруг вырвалось у меня, и я, подчиняясь какому-то новому, сильному, прежде не испытанному чувству, поклонился старцу в пояс.

— Бог благословит! — с особым, радостным участием ответил старец, горячо перекрестив меня. В восторге я припал к его руке.

Никогда до этого, должен к своему стыду признаться, я, дитя атеистического века, не то что не испрашивал благословения у священнослужителя, но мне даже в голову не приходило приблизиться к священнику с желанием исповедаться, причаститься Святых Тайн. Как открыть душу какому-то незнакомому, чужому, тоже грешному человеку? Нет, этого я никогда не понимал и не принимал. А уж лобызать руку у мужчины вызывало у меня, — прости, Господи! — просто брезгливое чувство. Хотя я, благодаря стараниям одной дальней родственницы со стороны матери, очень набожной старушки, в детстве был тайно крещён. А книги, как я уже рассказывал, обнаруженные мной в подростковом возрасте в подвале нашего дома, — Евангелие, Четы-Минеи, Жития святых — всегда вызывали во мне какой-то особый душевный трепет, полный благоговения и отрады. Но, как говорят сейчас, воцерковленным я не стал. И вдруг вот это: “Благословите, батюшка!” — и искреннее, я бы даже сказал, страстное, какое-то из глубины сердца прорвавшееся желание благодарно поцеловать руку благословившего тебя священника. Впрочем, буду уж честен до конца, когда я опомнился, я смутился. Мне кажется, даже покраснел. Что не осталось незамеченным старцем. Он только понимающе-ласково посмотрел и как-то по-отцовски потрепал меня, когда я оторвался от его руки, по волосам.

— Я и сам не знаю, что будет теперь, — неожиданно горько признался старец, — душа моя тоже в страхе и трепете пребывает... Новой великой смуты боюсь... Россия её уже не переживёт... Если не появится новый царь, который властной, царской рукой... Но боюсь, время царей прошло... Боюсь, ещё один, страшный, последний распад грядёт... Из чего родилась великая Русь, в то и вернётся... — отрывистыми недоговорённостями заговорил он. — Может, и не прав был великий наш душевед и писатель с его “и я не пойду...”? — задался вдруг странным вопросом старец. — Ведь я же понял тогда его, военного... Бориса, когда он ко мне приходил, во всём понял, он почти прямо мне всё сказал... А потом этот подземный ход... Мне разом всё открылось... Но я никуда не пошёл... И вот сколько крови пролилось, и сколько ещё может пролиться!

Видимо, в моём взгляде, перехваченном старцем, было столько недоумения и растерянности, что старец, словно в испуге, зажмурил глаза.

— Не смотрите на меня так, — еле слышно сказал он, разлепляя веки, — извините... Я, как и все смертные, тоже впадаю в грех отчаяния и сомнений... особенно после того, что случилось сегодня. Ведь, кажется, можно было всё предотвратить... Но как предотвратить то, что по делам нашим приводится в движение уже не человеческой рукой? — как-то виновато посмотрел он на меня.

И в эту минуту в кармане моей куртки пойманной рыбка в сетях задёргался сто лет молчавший мобильник. Звонил Миша Васильев. “Как всегда, очень вовремя... нанесла нелёгкая!” — чертыхнулся я про себя — беседовать о чём-то с Мишей в такой час у меня не было ни малейшего желания. Но я всё-таки ответил на звонок.

— Ну, слава Богу, жив! — мрачно изрёк Миша вместо приветствия. — Много народу покروшили в вашем древнем кровопийственном граде? Что там у вас происходит?

— У нас погром... кровавый, — выдавил я. — А у вас?

— “Русский бунт, бессмысленный и беспощадный?” — не стал напрягаться в особой изобретательности Миша, нарочито пропуская мимо ушей мой вопрос.

— Что-то похожее на это... Здесь говорят, до Москвы докатилось? — снова спросил я.

— Да как тебе сказать, — на этот раз осторожно ответил Миша. — Тут какие-то крикуны на Красную площадь лезут... но их уже начали оттеснять. А у вас там что, действительно оружие в ментовке захватили?

— Действительно, — подтвердил я, — появился вооружённый отряд какой-то революционной самообороны, баррикады возводят.

— Однако, дела... И снайперы у вас постреливают? — продолжал методично вытягивать информацию Миша.

— Постреливают, — односложно отвечал я.

— Тут с ГУМа сегодня тоже попытались... но их быстро нейтрализовали, — простимулировал мою откровенность своей дозированной откровенностью Миша. — На что только надеются? Здесь не Хохляндия, порядок будет наведён быстро... К вам тоже отправлен спецназ, ну, ты понимаешь... Слушай, Кирилл, — неожиданно сказал он как бы между прочим, — а ты не мог бы, ну, как очевидец, с журналистской наблюдательностью, так сказать, набросать своего рода записочку, ну, репортаж, если хочешь... с живыми сценками, именами, если кого запомнил из наиболее активных у вас там, ты же местный, многих, что называется, знаешь в лицо... гонорар обещаю приличный. — Слышно было в трубку, как Миша ухмыльнулся.

Меня так и подбросило:

— Ничего я писать не буду! Мы с тобой об этих делах уже говорили. Ты чем слушаешь?!

— Ну, ладно, ладно... чего разошёлся, — быстро свернул тему Миша, — и всего-то по-дружески хотел попросить... Мне бы это помогло, — сделал он значительную паузу. — Э-э, чёрт! — вдруг закричал он. — Они всё-таки прорвались по Ильинке на Красную площадь!

Связь оборвалась. Я встретился глазами со старцем.

— Вы правильно ответили... Лучший ответ всегда “да” или “нет”, — с каким-то облегчением сказал он. — Хотя государство можно и должно поддерживать, — в вязкой, медленной задумчивости добавил старец, опуская глаза. — Для русского человека государство — всегда его последняя надежда и защита, русский человек интуитивно оберегает своё государство, он льнёт к нему, как к тёплой печке зимой... Но вот власть, олицетворяемая конкретными людьми? Что с ней делать, с этими господами, когда они перестают понимать свой народ? Начинают беззастенчиво грабить, унижать, презирать его... Тут всегда путаница у нас роковая. Начиная борьбу с властью, мы всегда разрушаем государство... После чего смута, резня, запустение... Так с чем борется, когда хватается за вилы, обиженный русский человек — с властью или с государством? Не знаю...

Внезапно мы оба замерли и разом повернули головы в сторону площади, где вдруг звучно ухнули и тугим, коротким эхом плеснулись по разреженным осенним увяданием переулкам несколько взрывов, и, как по команде, в скороговорчато-пульсирующем захлёбе пулемётов вдруг стремительно разгорелась яростная пальба. Бой начался зло и решительно, сцепились там, по-хоже, насмерть.

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ЧТОБЫ ПАМЯТЬ ПОПИРАЛА СМЕРТЬ

А МАМА УХОДИТ...

А мама уходит всё дальше и дальше.
Она поднимается выше и выше
Туда, где свирели играют без фальши
И райские яблоки ветер колышет.

Под утро бесплотным туманом белёсым
Слетаются сны к моему изголовью.
В них мама платком кашемировым косы
Покрыла

и смотрит на сына с любовью.

И тихо мурлычет забытая кошка,
И мордой седой прижимается к раме.
Нам кажется с ней — вот, осталось немножко,
Откроем окно — и отправимся к маме!

Крещение в матёрых снегах принимая,
По месяцам-вёрстам шагаю упрямо

ШАЦКОВ Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной федерации журналистов. Кавалер орденов преподобного Сергия Радонежского РПЦ и “Русская звезда” им. Ф. И. Тютчева литературного фонда “Дорога жизни”. Лауреат премии Правительств Российской Федерации 2013 года в области культуры. Главный редактор альманахов “День поэзии. 2008—2014”. Живёт в Москве и в Рузе.

Навстречу беде окаянного мая,
В котором навеки останется мама.

И, встав на колени, гляжу виновато,
Как тает свеча на очелье кануна.
И кажется, свет неземной от халата
Врачебного —
бел, как надгробья парсуна.

А мать поднимается выше и выше,
И к звёздам уходит всё дальше и дальше...
И плачут дожди, выпадая на крыши,
И тянутся снега в Шопеновском марше.

НОЧНАЯ СТОРОЖА

*Памяти старшего сына Дмитрия
(10 марта 1980 — 21 июня 2016)*

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждёшь?
В пойме реки Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
“Отче, позволь полсотни
Прапором осенить?”

Да не поглотит темень
Нами зажжённый трут.
Сёмка, Игнатий Кремень,
Гридя — не подведут!”

“Сыне, тебе не приспело
С воями в пекло лезть.
Скажет Боброк: Не дело!
Скажет Бренок: Не в честь!”...

Взгляд его светлый — строже
Сделался и синей.
“В первой пойду стороже!
Лучших возьму коней!”

Ах, как кричали птицы
В смутной поре ночной.
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро
Бликами на пески...
Княжича русы-кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем —
Смертным грехом отца.

Души летят, как криквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!

*30 июля 2016
Сороковины*

ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Волчий попрыг... Плавает рассвет
В лужах крови загнанного лося.
Утренних лампад неяркий свет
Ветер в Занеглименье уносит.
Ударяют в сполох тут и там,
И крадётся нечистью затынной
По векам, по весям, по пятам
Времени разбоя дух полынный.
И играет где-то во дуду,
Чая встречи, половецкий ворон...
Я Непрядву первым перейду
И стрелой калёною спворюю
В Диком поле рыщущую смерть
Колченогой тенью Тамерлана...
А над Русью — дождь и коловерт,
Низкие осенние туманы!
А над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвенит печаль колоколов
Дмитровской родительской субботы.
И взойдут озимые сквозь твердь
Колосом пшеницы и крестами,
Чтобы память попирала смерть
Свода летописного листами!

ОСЕННЕЕ ЗАВТРА

Над строкой заветной замирая,
Идола любви не сотворю...
Май пришёл, вокруг цветенье мая,
А душа стремится к сентябрю.

Будет осень,
будет, будет, будет.
Сменят “розу” шалые ветра.
Поутру меня дождём разбудит
Осени печальная пора.

И под листопада каруселью,
Рыжиков собравши на пятак,
Ухнет леший филином за елью,
Услыдав осенний гон собак...

Так случится.
Так должно случиться.
Станут в поле росы тяжелы.
Над Россией тихий свет лучится,
Осени созвездия — Стрелы.

В сердце, переполненном тоскою,
Птичий клин смыкается вдали —
Там, где за Непрядвою-рекою
Полегли от ветра ковыли.

СЮЖЕТ О ПРЕДЗИМЬЕ

Октябрь мiнул... Грезится январь
Неведомого ...надцатого года.
Ну, а теперь смывает киноварь
Поблекших красок осени погода.

Пока не отлетел последний лист,
И полнится унылыми дождями
Река,
 перед зимою не склонись.
Расправь крыло над зябкими плечами.

Твои собратья улетели прочь —
Пернатые,
 успев до ледостава
Холодный встречный ветер перемочь,
Поднявшись ввысь...
 Им звёздная застава

Откроет путь в хвалёный тёплый край,
К далёкому лазурному прибою...
Но тут твой дом. Он здесь — твой ад и рай,
Сюда метель примчится за тобою,

Чтоб унести навек в небытиё,
И следом замести пути-дороги...
А ты вздохнёшь и вспомнишь про неё,
И все обернёшься на пороге.

И не простишь вовеки,
 видит Бог,
Себе,
 что в бабье лето не поверил,
Не удержал,
 не захотел,
 не смог
Расслышать, как скрипят в предзимье двери...

ПЁТР МАТЮКОВ

ЭТО ИДЁТ СТРАНА

ВИДЕНИЕ

Чапаев стучит костяшками
Потом пинком открывает дверь
Выглядит так как будто ходил за тридевять с лишним земель
Охранники клуба катаются воют держатся причинных мест
С Чапаевым связываться не стоит Чапаев глядит окрест
В клубе музыка и дурманы розовые миры
Но кто-то кричит смотрите парни какое-то Че С Горы
И кто-то смотрит ловит глазами жесты его руки
И даже придерживает заранее зачем-то свои портки
Чапаев медленно выговаривает странное слово засим
Чапаев медленно устанавливает на барную стойку "Максим"
Чапаев не страшный одет не в чёрное нету при нём косы
Но строчит пулемёт строчит пулемёт смеётся Чапаев в усы
И пули летят размазанным веером в телах прожигают путь
Пули насквозь пробивают доллары толкают бумагу в грудь
Выходят из тела летят в офшоры в подставные счета
Строчит пулемёт и как бы считает тщета тщета тщета
Во рту у Чапаева водоросли в глазах русская печь
Он мог бы забить на всё на это и просто на дно залечь
Чтобы спокойно вести беседы с одним утонувшим бобром
Да вот бобёр проболтался ему про Россию нефть и Газпром

МАТЮКОВ Пётр Юрьевич родился в 1971 году, живет в г. Бердске Новосибирской области. Работает программистом, пишет стихи и прозу. Участник Совещания сибирских авторов 2016 года, лауреат семинара "Третья Столица 2016", секция журнала "Наш современник".

И когда кончается пулемётная лента как припас на посту
Чапаев сворачивает самокрутку вдыхает дым в пустоту
Потом выходит в московскую ночь тянется дымный нимб
И он идёт к новому клубу и Петька идёт с ним

ТРЕТИЙ РИМ

И он приходит на булыжную площадь,
В устье каменных рек,
Солнце катится ему за голову,
Выкатывается из-под век,
Люди останавливаются, толпятся,
Окружают со всех сторон,
Потому что — вот он, и каждому ясно,
Что он — это точно он.
Устраивают помост.
Он выходит,
Говорит в микрофон: “Привет!
Я так хотел сказать вам это
Две тысячи с лишним лет.
Мне столько надо ещё сказать —
Словам так тесно в груди,
И каждого выслушать и понять...”
А они говорят: “Погоди!”
А они ему говорят: “Смотри,
Это же Третий Рим!
Да знаешь ли ты, какой здесь ритм?
Здесь такой ритм!
Здесь машины, компьютеры, скорости,
Бег дотла!
У нас электронная очередь,
У нас дела.
Давай обойдёмся без лишних слов,
Как фейс-контроль в клуб,
Кстати, мы заготовили трубы,
Вроде не было слышно труб”.
И происходит большое движенье,
И слышится гул и треск,
И вот уже верёвками тянут
На Лобное место крест.
И тогда, чтобы каждому было ясно,
Он так говорит им:
“Вот вы твердите, но я это знаю —
Да, это Третий Рим!”
И слова его, сказанные без микрофона,
Катятся, как камни с горы.
И откуда-то, гораздо выше вершины,
Вторят ему хоры.
Слова его горьки, и с каждым словом
Колышутся в глазах моря:
А ведь это, может быть, третья по счёту,
Третья уже Земля...

БАРСУЧИЙ ТРАКТ

Идут, идут и идут на барсучий лад,
Бесконечной колонной, тесно сомкнув ряды,
Бесконечный топот дружных когтистых лап,
Трамбующих древний хребет Уральской гряды.

Выходит один из строя — потрёпан, суров,
С коротким хвостом (похоже, кто-то отгрыз):
— Ну что, — говорит, — Гамельнский крысолов,
Решил и до нас добратся? Мало детей и крыс?

Вот я и думаю: что же сказать в ответ?
А он смотрит мимо, как из-подо льда минтай.
— Нет, — говорю, — у меня ведь и дудочки нет —
Только свисток затоптанного мента.

Кивает, прячет нож движеньем одним —
Не углядеть, в стычках наловчился, поди.
Я говорю ему: “Слушай, зачем тебе снова к ним?
Разве ты знаешь, что там, в конце пути?”

Он думает, головой мотает: “Нет, ни хрена...
Кажется только, хорошее-то не ждёт...
Но ты посмотри на них — это идёт страна,
Это моя страна идёт, это мой народ!

И покуда я буду в силах — с ними пойду.
И боюсь не того, кто приходит в ночи, как тать,
Но боюсь, что останусь здесь, а они пропадут,
А вместе совсем не страшно и пропадать”.

И я смотрю на них, на него: дураком дурак
(Так смотрит на курицу изделие Фаберже),
И я понимаю, что этот барсучий тракт
Когтями царапает в чёрствой моей душе.

ПЕРВОМАЙ

Шёл развёрнутый транспарант
(Кумачов и заборист, сочен),
Шли рабочие на парад
Характерным шагом рабочим.

Улыбались уста у всех,
Отворялись уста, кричали,
Шёл по городу первый цех,
Первый цех — он всегда вначале.

А за первым — ещё цеха,
Словно очередь за получкой,
На трибуне цехам ЦК
По-отечески делал ручкой.

Я не знал тогда ни хрена
В этом чёртовом хороводе:
Ни того, куда шла страна,
Ни того, что страна уходит.

ПАЛЬТО И КОНЬ

Заходит конь, снимает пальто,
Проходит мимо столов, ребят,
И, вроде, так не глядит никто,
Но исподтишка глядят — глядят!

А он на них не глядит — идёт,
Садится, копытом делает знак,
И кто-то бежит и что-то льёт
И шаркает ножкой вот так... и так.

— А знаешь, — он говорит, — пацан,
Как завывают ветра погонь?
Когда надежду несёшь бойцам,
Вдыхая пули, штыки, огонь.
А как смеётся наотмашь сталь?
Как поднимаешься на дыбы
И понимаешь, что выше стал,
Что стал превыше смешной судьбы!

Тут конь встаёт, срывает пальто —
Безумный образ в дыму кадил —
И бешено мечет его на то,
В котором только что заходил.
Ребята долу отводят взгляд,
Кто нервный — тискает пистолет,
Чуть слышен шёпот среди ребят:
— В пальто не страшен... Опасен... Нет.

Ты знаешь, парень, а небо — жжёт!
На дурака ведь не нужен нож!
И он смеется, почти что ржёт:
— Чего мараться? Возьми, стреножь!
Потом он с вызовом ищет взгляд,
Но вроде как не глядит никто...
Уходит... Мимо столов, ребят...
Уходит так, как пришёл, — в пальто...

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ТО НЕ ВЕЧЕР

РАССКАЗ

Марево стояло над степью — зной, пропитанный гарью. И даже когда июльский день перевалил далеко за вторую свою половину, и даже когда небо смешалось с чадающими дымами и комьями разворочанной взрывами земли, свежее не стало. Ярко-оранжевый глаз солнца пробивался сквозь всё и вся и палил, словно хотел сжечь то, что и без того горело. А ведь где-то за спиной тихий и прохладный Дон...

Старший политрук Пустельга собирался с мыслями. Не так много у него было времени до следующей и последней, как он понимал, вражеской атаки. Вот-вот начнут утюжить с диким воем “юнкеры” — певуны-лаптяжники, потом миномёты, а потом поползут на остатки полка танки и пехота. И их будет много, а в окопах у него по последней переключке сорок человек, да на них два командира — он, да взводный лейтенант Белозёрцев на правом фланге. И два противотанковых ружья по семь патронов на каждое... И приказ — стоять насмерть. Сколько таких приказов за последний год получил Пустельга, он даже не считал. Но выполнил все. Выполнит и этот. Пусть и последний...

Там, за спиной, Дон, Сталинград, нефть... Но надо что-то сказать бойцам. И душой политрук чует и глазами видит: никакого тебе марксизма, никаких партийных выкладок, ничего о светлом будущем... Ничего, что он

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 г. в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного педагогического института. Работал учителем истории, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве, директором школы. Играл в группе “Нефть”. Пишет прозу, стихи, публицистику. Член Союза писателей России. Автор многих книг прозы, вышедших в России и за рубежом. Живёт в Тюмени.

привык говорить. И даже не знает, с чего начать. И пришло в голову то единственно верное, то единокровное, ещё суворовское, и крикнулось:

— Братцы!!!

И десятки усталых, закопчёных лиц повернулись к старшему политруку Пустельге. Не было в их глазах восторга, не было веры и надежды, но была смертельная решимость. И врать им не имело смысла...

— Сейчас они снова пойдут!.. — баритон Пустельги летел вдоль окопа. — И... Наверное... Да почти точно — мы все тут поляжем, но отходить нельзя. Там, — он махнул рукой в сторону Дона, — ещё не готова линия обороны, где их точно остановят. Там — точно. Но нам надо остановить их здесь. Так уж сошлось!.. Победа — она ведь откуда берётся? Она от того, что кто-то где-то встанет насмерть и не отступит, невзирая ни на что! Да что я вам говорю, вы и сами всё знаете. Предки наши костями ложились, а сегодня наша очередь. — Политрук сбавил тон и уже тише сказал: — Если кому-то совсем невмоготу, могу отправить в тыл с сообщением, последним сообщением... Одного... — он с надеждой посмотрел на самого младшего в строю — тщедушного и малорослого рядового Бориса Соловьёва, которому и восемнадцати ещё не было.

Но Соловьёв только осмотрелся по сторонам: на кого смотрит политрук? Ну, не на него же! Не понял боец... Или не захотел понять. Только теснее прижался к старшине Рябову, суровому дядьке, который и Халхин-Гол прошёл, и финскую. И пользовался в полку непререкаемым авторитетом, а также был специалистом по выживанию в любых условиях. Чуть поодаль сидели татарин Газитуллин и узбек Абдураимов. Всегда спокойные и выдержанные. На весь окоп, кроме самого политрука, осталось только два коммуниста — Иванов и Петров. Заводчане с Урала. Эти — не подведут. Ах да... лейтенант Белозёрцев просил принять его в партию... Где он там? Не видно...

— Может, кто-то хочет тоже сказать? — обратился политрук к тем, чьих глаз не видел. — Есть у кого?

— Есть, — пробасил совсем рядом Рябов. — Ты прости, товарищ старший политрук, но я вот что считаю... Братцы, кто помнит, подхватывай!

И вдруг Рябов басом своим, который в этот момент показался Пустельге целым церковным хором, нараспев заговорил молитву.

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад спешшаго и поправшаго силу диаволю и даровавшего нам Тебе, Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Деву Богородицею и со всеми святыми во веки веков. Аминь!

— Аминь! — прям-таки грянуло в ответ со всех сторон.

Знал политрук, что Рябов из семьи священников, но не думал, что это в нём так глубоко, перечить же не посмел. Рябов, если было надо, поднимался в атаку вместе с ним в числе первых “за Родину”, “за Сталина” и, что называется, под руководством партии большевиков. Да и увидел, что крестились во время молитвы почти все... Да все, пожалуй, за исключением коммунистов Иванова и Петрова, а также Гизатуллина и Абдураимова, имеющих, скорее всего, отношение к другой конфессии. Но и те уважительно стянули с голов каски.

Да ежели б к житью, то и сам политрук перекрестился бы обеими руками! Помогите, Господи...

“Певуны” что-то задерживались. Не пунктуально. Не по-немецки. Видать, и у них бывает. И нельзя было допускать давящей тишины, порождающей одиночество, а в нём-то и прячется смертельная тоска. Уж если помирать, так с музыкой! С музыкой?

— Братцы! А ну-ка давайте встретим врага песней! Как деды и прадеды наши встречали! — И запел первое, что и полагалось, по мнению политрука: — Это есть наш последний и решительный бой... — Вроде как

и к месту, да вот не подхватил никто. Более того, смотрели на Пустельгу с пониманием, но той печальной смертной тоской, замешенной на отчаянной решимости, с какой умеют смотреть только русские воины, у которых за спиной одна шестая часть света, а отступать всё равно некуда.

Пустельга смутился, стих, опустил голову на колени, потому как встать в окопе он не мог. Сёк по верхам снайпер. Вот и фуражку его насквозь продырявил.

Старший политрук посмотрел на дырку в этой фуражке, смял её в сердцах, замахнул рукой, дабы откинуть чёрный чуб со лба, да вспомнил, что острижен коротко, рука так и замерла у лица... Зато вспомнилось, зато само из сердца полилось, и Пустельга затянул... И баритон его разлился над дымящей степью под самый круг закатного солнца, откуда должен был прийти враг.

*Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...*

На втором “мне малым-мало спалось” песню подхватил Рябов, а сверху неуверенно, но точно лёг тенор Борьки Соловьёва. А на повтор пели уже все, пели так, как ни один казачий хор в жизни не пел! И Гизатуллин и Абдураимов пели, хоть и без слов, на “а-а-а”, вливая в общий строй переливы и коленца восточных нот, но пели. А вот Пустельга вдруг от такого воодушевления голос чуть не потерял, потому как слёзы подступили к глазам, и комок в горле никак не проглатывался. Ему вдруг захотелось обнять каждого бойца, всех, пока они ещё живые.

Не знал Пустельга историю той народной песни, что ещё до немецкой пули так больно выстрелила в его сердце. Не знал, что она про Стеньку Разина, про сон атаманский вещей, и уже точно не знал старший политрук, отчего так пелось на Руси православной, что теперь уже и на советской отзывается в душах народных замахом лихим казачьей сабли и в ту же пору той самой тоской смертной, от которой и не уйти никуда, не ускакать по степям бескрайним, не уплыть по рекам великим, не зарыться в снега сибирские белые... Не знал старший политрук Пустельга, но, как и весь народ, чувствовал. И не надо было ему этого тревожного, щемящего чувства объяснять. Вот упало оно скупой слезой на дно окопа, а душа уже рванулась вслед за хором новым куплетом:

*Налетели ветры злые
Со восточной стороны.
Ой, да сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.*

Налетели и “шарманщики-юнкеры” как раз к этому куплету. Да уже не могли “ревуны” их смутить или перекрыть сиренами своими солдатскую песню. От души бомбили, смешивая степную землю с солдатской плотью, всё дрожало вокруг, дрожало и солнце в небе, но песня звучала. И по тому, как уменьшался строй голосов, мог бы определить политрук потери, но не суждено ему было. Когда пошли танки, а следом засеменила пехота, высунулся Пустельга с биноклем, но второй раз немецкий снайпер не промахнулся...

Снайпер не промахнулся, а песня продолжала звучать. В песню снайпер попасть не мог.

*А есаул догадлив был —
Он сумел сон мой разгадать.
“Ох, пропадёт, — он говорил,
Твоя буйна голова”.*

И с какой оттяжкой, с каким надрывом тянулось навстречу врагу “Ох пропадёт, — он говори-и-и-л...” И пропадали одна за другой. Пока ещё

звучал бас Рябова, перебивал его командами противотанковым расчётам лейтенант Белозёрцев, и уже не пел-тянул, а просто кричал “а-а-а” навстречу врагу Гизатуллин, один из оставшихся в живых мусульман...

И душа старшего политрука Пустельги, отлетая в небо, трепетала вместе с голосами, трепетала, как птица в полёте, от которой досталась ему фамилия, но уже видела в зареве заката далёкую Победу. Да и могло ли быть иначе, если отозвалось вдруг последней надеждой рябовское “Да воскреснет Бог!”...

Бой. Сколько он длится? Никто не знает. Часы во время боя измеряют что-то другое. Это где-то у карты генерал может измерять время: когда и кому вступить в этот бой, а для тех, кто находится в самой его гуще, в самой мясорубке, время идёт по-другому. Вот уж где оно точно сливается с пространством, вот уж где не работают никакие законы физики, и время то замирает, то несётся перебежками, как боец, то тянется, как длинная нота “ревуна”, зашедшего над твоей головой в пике... Не измерить в бою времени. Если и измеряется оно чем, так это ударами сердца. Да и то неровно. И состоит такое время из мгновений длиной полёта пули. Мгновениями, которые кончаются то точками, то многоточиями пулемётных очередей, то паузами после взрывов. Но движение у них не линейное, а хаотичное, и никакое замедленное кино не сможет полностью расшифровать картину боя, потому как сжавшееся перед опасностью сердце не всегда отмерит следующий собственный удар. И вжавшийся в землю боец ещё не знает, суждено ли ему поднять голову, но за это мгновение он переживает и передумывает столько, что потом не может и вспомнить. Если выживет. Помнятся только рывки тела и души, почти автоматические, машинальные, заученные, иногда спасительные, иногда отчаянные... потому что отступать уже некуда, и в твоей груди разрывается точка твоего последнего мгновения. Во всяком случае, здесь. И нет плавной картины — всё рывками, вспышками, клипами... Наверное, боевая выучка штука нужная, но тем, кто пережил бой последний, кажется, что победила отнюдь не она, а неизбежное отчаяние, принимаемое, как вера в свою правоту, отчаяние, которое со стороны называют отвагой. И как правильнее сказать: отчаянный или отважный? Не скажет, пожалуй, никто. А неизбежное отчаяние — оно сродни душевной песне.

А песня стихла... И бой стих.

Борька Соловьёв осмотрелся сквозь слёзы.

Никого. Это был не первый его бой, и этот не стал для него последним. Он привык видеть искорёженные, изорванные взрывами тела, искажённые смертной болью лица. Но сейчас его товарищи словно уснули. Умерли, как пели. Вон Гизатуллин за пулемётом “максим” просто уткнулся, задремал. Вон серьёзный и вечно поучающий Петров просто присел на дно окопа отдохнуть... Вон старшина Рябов... Живой! Дышит! Плечо в крови, но живой!

— Товарищ старшина! — бросился к нему Борька.

— Тихе, сынок, тихе. Видишь, товарищи наши спят. Не буди... — из глаз Рябова тоже текли слёзы. По глубоким, забитым степной землёй морщинам. А седые волосы стали стальными. Отчего так? Серые глаза старшины смотрели куда-то далеко-далеко... И не поймёшь: то ли в прошлое, то ли в будущее, то ли совсем в другой мир. Смотрели и беззвучно плакали.

— Я вас перевяжу... — Борька помог ему сесть, опереться на неровную стенку окопного рва. Свои слёзы он уже размазал по всему лицу, ему уже было легче, он не один. Нашунал индивидуальный пакет, приложил к ране старшины.

— Есть ещё кто? Пробеги вдоль, глянь. Только пригнись, снайпер-то не спит... — прошептал старшина. — Так хорошо пели. В жизни так не пел, как перед смертью. Господи прости... Ну, иди же...

Борька буквой “г” ринулся вдоль окопа. Ринулся в командирский блиндаж, где до боя лежали тяжело раненные, но блиндажа не было. Прямое попадание авиабомбы. Только бревна торчали во все стороны. И кругом мёртвые товарищи, как остановленные мгновения. Противотанковый расчёт... В обнимку... Лейтенант Белозёрцев сам у второго разбитого взрывом пулемёта... Рот открыт... Зачем? Он поёт! Он поёт, вдруг понял Борька и снова

заплакал, не заплакал, зарыдал даже, вдруг закричал, запричитал. Нет, он не бился в истерике, не взывал к небу, никого не проклинал, просто сердце его переполнилось непрожитыми жизнями тех, кто ещё минуту назад прикрывал его собой, как самого молодого. Переполнилось и пролилось.

С трудом ему удалось себя успокоить. Он вернулся к старшине. Тот всё понял по его глазам.

— Вдвоём, значит. Больше-то не удержим... всё... — попытожил старшина.

— Так наши-то что... не придут? — удивился своему вопросу рядовой Соловьёв.

Старшина не ответил. Он молча смотрел на небо.

— Ты вот что, сынок, помоги мне встать... — попросил Рябов.

— Так снайпер же?

— Помоги, Бориска. Надо.

Борька перечить не стал. Помог старшему товарищу подняться. Тот осмотрелся, шатаясь.

— Мне бы там встать, — старшина кивнул на бруствер.

— Зачем?..

— Ты прости меня, сынок. Не уберёг я тебя. И уже не уберегу. Они всё равно попрут. Перегрушируются и попрут. Они знают, что нас уже нет. А я вот посмотрел, патронов-то тоже нет... Так чего нам остаётся?

— Чего, товарищ старшина? Молиться?

— Пусть они, гады, молятся, — посмотрел в сторону врага Рябов, — а мы петь будем. Как нам политрук завещал. Понял?

— Понял...

— Сколько сможем, петь будем. Ещё не вечер... — с победной угрозой Рябов смотрел туда, откуда целилась смерть.

Они стояли на бруствере окопа и пели... Маленький рядовой Соловьёв подпирал собой качающуюся глыбу старшины Рябова. Они пели...

*Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...*

Снайпер Гельмут Кунц разглядывал последних двух русских в прицел. И не стрелял. Эти двое снова пели, как совсем недавно пели остатки их подразделения. К нему подполз лейтенант Хоффман.

— Почему ты не стреляешь, Гельмут?

— Они без оружия. Я не убиваю безоружных и сумасшедших.

— Что они горланят? Какой-нибудь большевистский гимн?

— Нет. Совсем нет.

— Ты думаешь, кроме этих никого не осталось?

— Уверен.

Хоффман хотел было уползти, дать команду к зачистке, но что-то его остановило.

— Знаешь, Гельмут... — он замер.

— Что, Генрих?

— В Европе я такого не видел...

— Я тоже...

— Эти варвары... они такие стойкие.

— Я не понимаю, о чём они поют, Генрих, но мне кажется, у варваров не может быть таких песен. Да и умирают, словно римские легионеры или гладиаторы.

— Да они слов таких не знают!

— Может, и не знают, но только умирать с честью умеют.

— Ты не будешь стрелять?

— Нет. Зачем? Старому осталось жить всего ничего.

— Думаешь, они не будут сдаваться?

— Уверен. Можешь выстрелить по ним из гаубицы...

11 мая 1945 года старшину Соловьёва всё-таки отпустили к рейхстагу, которого он ещё не видел. Повезло же кому-то штурмовать центр, знамёна поднимать. Поджарый, небольшого роста Соловьёв браво вышагивал среди руин, козыряя старшим по званию, позвякивая орденами и медалями на груди. В руке у него была банка с краской и кисть, в голове — пожелания от всего полка. В сущности, пожелания сводились к тому, чтобы найти на стенах свободное место для названия части, проделавшей путь от Сталинграда до Берлина. И так и написать: пришли, мол, от самого Сталинграда. Так старшина и написал, взобравшись на позаимствованную у артиллеристов стремянку. Таких “писателей” вокруг оказалось много.

— Думаешь, сохранится? — спросил, кивая на краску, танкист-сержант, что царапал по камню отвёрткой свою фамилию.

— Так это их краска. Надёжная. — Соловьёв прикусил губу. Он как раз старательно выводил букву “с” и раздумывал, что сначала написать — “старшина” или “Соловьёв”. И город родной указать или нет. Но тут вдруг услышал где-то совсем другие голоса. Он отвык стесняться слёз, но сейчас не хотел, чтобы кто-то его видел в таком состоянии. Песня в этот день звучала совсем по-другому... Для них, для тех, кто остался жить.

Скрипнув зубами, Борис Соловьёв, приписал слева от буквы “с”, буквы “п” и “у”, а с другой стороны — “тельга”, потом подумал и добавил: “старшина Рябов. 1942 г. Сталинград”.

Спустился со стремянки, внимательно осмотрел своё творчество. Ему пора было идти, было ещё много дел. Мирных дел. Ещё не вечер, в конце концов... Сегодня ему ещё предстояло накормить кашей и хлебом Эльзу Кунц, жену снайпера Гельмута Кунца, и двух их детей. Но об этом старшина Соловьёв ничего не знал...

.....
*Поздравляем нашего постоянного автора и друга редакции
Сергея Сергеевича Козлова с 50-летием!*

Желаем крепкого здоровья, вдохновения, новых книг и незабываемых встреч с читателями!

Редакция

ВАДИМ КОВДА

ЭТА ЖИЗНЬ,
НЕ ЗНАВШАЯ ОГЛЯДОК

ОТТЕПЕЛЬ

От проводов, провисших вдоль дороги,
исходит треск. Оттуда рвётся ток.
Противен слуху этот звук жестокий.
И вид столбов железен и жесток.

Река открылась. Блещет кровью чёрной.
На низкий берег налипают дожди.
И зелень пугает обречённой
озимая беспомощная рожь.

А на ветвях, под льдистой оторочкой,
оттаивая к середине дня,
обманутая вскрикивает почка
и гибнет, никого в том не виня.

Пейзаж пустынный, тусклой дымки полный.
Грустнеет зверь. Грустнеет человек.
А ближе к ночи — гололёд безмолвный.
Земля устала, ожидая снег.

КОВДА Вадим Викторович — москвич, член СП СССР с 1972 года, автор 10 книг стихотворений. Последняя книга вышла в Москве в 2006 году. Живёт в Германии в городе Ганновер и в Москве.

Трава и лёд — дурное сочетание.
Я это знаю. И запомню впредь,
что оттепель не есть благоденье,
когда она приходит в декабре.

Кто повелел бессмысленно вмешаться
в степенный ход природы и земли?
Зачем ветрам за это было братья,
зачем тепло так рано принесли?..

Восстановись, течение вековое,
неторопливый шаг свой возроди!
Не приходи пока, тепло земное.
Я подожду. Пока не приходи.

* * *

Обугленная, битая трава.
Озимые — младенческие пашни.
Не до конца опавшая листва.
И мелкий дождь, гнилой, позавчерашний.

Подмокшая, несвежая стерня.
Осенний мир, глухой и молчаливый.
Осенний день, спокойный, некрасивый.
Осенний, лес, похожий на меня.

Он тут, со мной, неприбранный на вид.
Он тут, со мной, поблекший и усталый.
Я шлю ему привет свой запоздалый,
а он в ответ — всю душу мне дарит.

Я с ним брожу, безмолвно говорю,
и он со мной беседует открыто...
Нашли язык — спасибо октябрю.
Спасибо чувству — думал, позабыто.

ПОРА ЛИСТОПАДА

Осень. Пора листопада.
Ветренный день конопат.
Это не стужа — прохлада.
Что ж, я и этому рад.

Есть ещё время до стужи.
Нам горевать ни к чему.
Солнце покоится в луже,
там и неплохо ему.

В медленной, тихой дремоте
лето уходит на слом...
Что ж, я и сам не в почёте
И не жалею о том.

А средь небесных угодий
облачко плавно плывёт.
Тихая радость в погоде
сердце продрогшее жжёт.

ОБЛАКА

Над городом, где лязги, гулы, гамы,
над сонмищем машин, домов и лиц
воздушные раскрашенные храмы
восстали, воспарили, вознеслись.

Лиловостью и золотом, и медью
дарили мир, потом, как корабли,
неслышно развернулись и, помедля,
за горизонт торжественно ушли.

И город затопила предвечерность,
сочилась в душу каждую и дом...
А храмы тихо уплывали в вечность,
куда и мы невидимо плывём.

РОДИНА

Эта даль — разбелённые краски.
Вкривь и вкось летящие сердца.
Гогот, вой, тоска и свистопляска...
Нет начала. Не видать конца.

Этот путь — бесхитростен и горек.
Цельный мир, что скроен не хитро...
На снегу — уснувший алкоголик,
И гармошка пьяная в метро...

Эта жизнь, не знавшая оглядок,
Эта грусть, пронзившая поля...
Этот милый сердцу беспорядок —
Родина беспечная моя.

.....

*Поздравляем нашего автора и друга
Вадима Ковду
с 75-летним юбилеем!*

ПАМЯТЬ

К 70-летию со дня рождения Николая Шипилова

Наступает зима, та самая, в которую он появился на свет, и ты идёшь по снегу, невольно напевая его голосом, – немного нарочито мужским, каким обычно говорят или поют маленькие круглые мужички типа Коли:

*А это, кажется, зима, зима, зима...
Стоят дома, как терема, как терема...*

Сам по себе чрезвычайно несерьёзный в жизни, он всегда пытался выглядеть серьёзным, деловым таким, нахохленным, нахмуренным, а сквозь всё его существо так и прорывалось извечное детское баловство.

Едешь в поезде по Транссибу и непременно напеваешь:

*Эх, Транссибирская, вынеси, выручи,
Что мне домашний покой!
Все повороты судьбы я не выучил —
Я ж непутёвый такой!*

Он мог обидеть ни за что, и ему сходило с рук, занять денег и не отдать – тоже прощали, всё равно, что одолжить Рубцову: не станешь же требовать с человека, способного написать:

*Что это вьётся по ветру? Листопад.
Словно дерётся за веру старый солдат.
На почерневшие стройки
И на суглинок сырой
Пишет прощальные строки
Клёнов строй.*

Его музыка была совсем не такой, как у всех бардов, не на один привычный и шаблонный мотив трень-брень-гитарка. Он старался придать каждой песне свою краску, своё тепло или свой особый пронзительный холод. Иная песня, одетая в особый мотив, как в шубку или платье, забиралась в сердце, чтобы там навсегда поселиться. И вот то и дело высовывается оттуда, и ты поёшь, стараясь подражать Колиному голосу:

*Был он брат, как брат, пока мал,
Я ж качал его в колыбели,
На краю земли, в Парабели,
Наш отец страну поднимал...*

Про войну он сочинил и спел лучше очень многих:

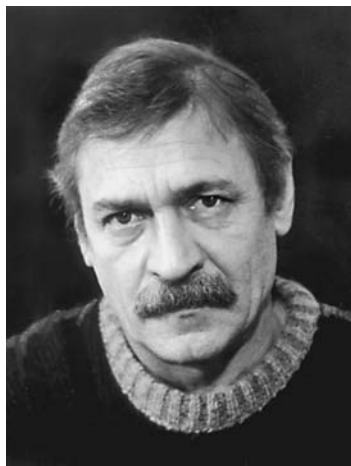
*А на пулемёты неохота им была,
Но всё равно пехота в рукопашную пошла,
Вот она, родная, в рукопашную пошла
И во чистом поле подчистую полегла.*

Или про Чечню, или про жизнь нашу нескладную русскую, про неуют и ненужность в родной стране тех, кто эту родную страну так любит... Много про что.

Николай Александрович Шипилов родился 1 декабря 1946 года в Южно-Сахалинске, а умер 7 сентября 2006 года в Смоленске, то есть жизнь его протянулась от крайнего востока нашей страны до западных её пределов. Мастер короткого рассказа. Мастер стихотворения, жаждающего, чтобы его положили на музыку. Как у всех нас, далеко не всё у него получалось. И не получилось пожить подольше – даже до 60 лет не дотянул. Но образ его навсегда останется в нашей памяти, в памяти русской литературы, ребёнком которой он был.

В память о нём мы публикуем один из лучших его рассказов.

Александр Сегень

ИГРА В ЛОТО

РАССКАЗ

Такие дома строили у железнодорожных станций, в речных портах. Двухэтажные, из серых и чёрных плах, с окнами в суриковой обналочке. Летом во дворах этих домов пахнет помойками, и если бы не повсеместная кленовая, тополевая, бузиновая зелень, если бы не цветущие палисадники, то пахло бы дезинфекцией, креозотом и теми заведениями, где однажды меня поразила надпись: “Здесь были второгодники: Фёдорова и Николаев”.

Во дворе дома, о котором я хочу рассказать, стоят вкопанные в землю столики, и, как только с ближайших заводов — бетонного, асфальтного и щебёночного — пойдёт первая смена, за столиком появляется зубастый и до голубизны выбритый старик, который ходит со скребком, ломиком и метлой. Его зовут Графином, и по утрам этот знающий себе цену человек чистит общественные уборные, вечером читает книги и играет в лото.

Выходя из подъезда с вечно поломанной дверью, он несёт с собой три мешочка. В одном из них — трубочный табак или махорка, обычно Моршанской табачной фабрики; в другом — карты для игры в лото, а в третьем — жареные семечки. Графин курит много, и его всегда сопровождает крепчайший запах табака. Говорят, что по этому запаху в молодости его всегда находила жена, где бы он ни искал уединения.

Примерно в это же время при ясной погоде и в лёгкое ненастье на балкон дома напротив вывозят в кресле-коляске начальника одного из цехов бетонного завода, Глебова, у которого весной разыгрался страшнейший ревматизм. Человек он весёлый, хотя и немолодой, любит петь народные песни, при его красивом баритоне можно было бы давать сольные концерты. Глебов всё пытается создать при заводе хор. Однако на репетиции редко приходят люди, имеющие голос. Болезнь развила в Глебове давнюю страсть к рисованию: он ставит на балконе сконструированный им мольберт и с удовольствием рисует, отвечая на приветствие даже не кивком головы, а только улыбкой.

Выждав некоторое время после выхода Графина, во двор барыней вползает Александра Григорьевна, бывшая бухгалтерша, женщина бывалая, курящая папирсы. Она седая, терпеливая в разговоре, но не мрачная. Скорей спокойно-загадочная. Что-то киношное есть в её милом наряде: она любит сиреневые и лиловые тона, тоскует о крестине и какой-то броши, утерян-

ной несколько лет назад при пожаре в этом доме. В этом сезоне её платье украшает розочка из камня.

Графин и Александра Григорьевна здороваются. При этом Графин спокоен, а Александра Григорьевна часто поправляет в седых волосах скобу гребёнки.

— Чо, Григорьевна? — говорит Графин.

— А что вас интересует? — деликатно отвечает та.

— Сыграм? Метал колоду банкомёт, и пот по лысине струился!

Александра Григорьевна даёт поугovarивать себя, ссылаясь на то, что и народу мало, и деньги надо менять в магазине. Графин на это вытаскивает из кармана галифе полную горсть медных монет.

— Сколько тебе разменять?

— Слушайте! — зачарованно говорит Александра Григорьевна. — А они в самом деле у вас в кубышках хранятся?

— У меня в подвале монетный двор, — хитрованом рассыпается Графин.

Александра Григорьевна уходит за кошельком, где, по её словам, остатки пенсии. Графин кладёт на стол горсть новеньких монет. Они отражают солнце и уровень его благосостояния.

В одном из окон второго этажа появляется голый по пояс Федя Костенкин. Он растягивается полотенцем, весело оглядывает двор и кричит:

— Графин, выходить, что ли? Давай мешай получше, я тебя нынче раскулачу!

Графин молчит, пускает клубы дыма. В трубке и груди его булькает, похрипывает никотинная жижица.

Молодуха Рязанова одной рукой качает коляску с ребёнком, а другой двигает камешками по карте. Александра Григорьевна старательно сдерживает волнение, она курит и нарочито равнодушно смотрит на вечернее солнце или поглаживает дворового пса Жулика, который положил к ней на колени многотрадальную голову. Млея от ласки, он вприщур глядит, как чья-то хозяйка снимает к ночи бельё с верёвок, натянутых во дворе между столбами. Вдруг взлаивает и бросается к подошедшему к столу Гане Лихачёву. Все обращают на Ганю внимание, потому что знают: Ганя должен находиться в больнице.

— Ты, Ганимел, откуда в наших здоровых краях? — не отрываясь от игры, спрашивает Федя. — Отпустили, что ли? Режим нарушил?

— Сбежал я из больницы, — хрипит Ганя. Его почти не слышно.

— Что, что? — переспрашивает Федя, сморщив лицо.

— А! — машет рукой Ганя, горестно покачивает головой и удаляется к себе на второй этаж в комнату на подселение.

Возле стола всё время крутится подросток по прозвищу Ермолай. Он нервно улыбается, почёсывает то голову, то руку, то подбежит к графиновским картам, то к рязановским, то крикнет:

— У вас же есть! Чо не закрываете? Александра Григорьевна, закройте бычий глаз!

— Десять?

— Ну да, десять — бычий глаз!

А в это время Графин продолжает кричать:

— Каря-баря! Смерть поэта.

— Что за каря-баря? — расстроено спрашивает Александра Григорьевна, бегая взглядом по картам. Графин вежливо отвечает:

— Туда-сюда, как свиньи спать...

— Шиисят девять, — радостно поясняет Ермолаев и восхищённо следит за рукавами Графина.

— Ты кричи по-человечески, хрыч! — сердится Рязанова. — Надоело в кубики заглядывать!

— Сороковка-луковка!

— А смерть поэта? Смерть поэта-то? — совсем расстроилась Александра Григорьевна.

— Фу ты беда! — Графин недовольно опускает руки с мешочком. — Смерть поэта — тридцать семь!

— Ты вот что, Графин, — говорит Федя Костенкин, — Ты не выдумывай... Вчера говорил на тридцать семь, что это вдова погибшего матроса, позавчера — до войны четыре года, в пятницу ещё как-то пыхтел!..

— В пятницу он говорил: даёшь больничный!

— Как? — не понимает Александра Григорьевна.

— Ну, повышенная температура! — поясняет Ермолаев, и улыбка опоясывает его лицо от уха до уха.

— Всё равно, Графин, не по-людски кричишь! — успокоенно говорит Федя.

— А ты соображай, в институте учишься, — вступает за Графина Ермолаев и получает от Феде звучный подзатыльник, но лишь мимолётной тенью отражается это на его лице. Он, кажется, только развлёк её. Чтоб немного помолчать, Ермолаев находит в кармане гайку “на пятнадцать” и мусолит её во рту.

Слышится песня: “...Там под солнцем юга ширь безбрежная-а-а... Ждёт меня подруга чуть-чуть нежная-а...” — и к столу подъезжает на велосипеде Митяша Бабаёнок, маленького роста человек, который, напиваясь с полочки, закапывает заначку под каким-нибудь столбом во дворе, а утром ищет тот столб, и если даже находит его, то не находит заначки. На это есть Ермолай — молодой санитар пригородной больницы. Правая штанина старомодных Митяшиных брюк перехвачена у манжетов прищепкой, чтоб не заело штанину в цепь велосипеда. Митяшу трудно понимать новому человеку: он не может произносить шипящие.

— Вдорово, мувыки! — говорит он и развалистой походкой моремана подходит к каждому представителю мужского пола, широко размахивает и жмёт приветственно руку, а Ермолаеву говорит: — Уди, урод, парфывый: бандит нефоверфеннолетний... Проньра...

Потом звенит в кармане мелочью:

— Фыграем?

— Жди низа, — говорит ему Графин и кричит: — Венские стульчики!.. Молодая!..

— Довдеффа тут, — громко говорит Митяша и всем поочерёдно заглядывает в глаза. — Фкоро ффем надо на юг подаватфа...

— Ой, на юг! — ехидничает Рязанова. — Тебя только па юге не видали... Может, ещё в Италию захочешь, в Ниццу... Мало тебе тут Нелька морду-то царапает, а то бы как раз на юг...

Графин кричит попроще, когда начинается разговор. Внимание Митяше — любят его трёп.

— Это он кота вчера сушиться вешал на бельевую верёвку, — сказал Федя Костенкин и двинул фишку по карте. — Он его своей велосипедной прищепкой, а тот не будь дурак — да когтями...

— Пип, — кричит Графин, ни разу не улыбнувшись. Рязанова закрывает цифру пятнадцать и продолжает разговор с Митяшей:

— На юг ему захотелось... Там и столбов-то таких нет, где деньги будешь прятать?

— Дура, — говорит Митяша. — Бевать офюда надо: один ход — в дымоход! Ффем!

— А что такое? — спрашивает Александра Григорьевна.

— А то, фто чкоро на наф ледники ф Февера пойдут! Уфёные люди говорят, вымервнем тут ффе... ага...

— Беда-то, — со страхом глядит на Митяшу старушка Цугуночка. Она каждый вечер с печалью смотрит на играющих, но не принимает участия в игре и не произносит почти ни слова.

— Беда, — соглашается Митяша. — Только другие уфёные говорят, фто, наоборот, мол, тропики тут будут, ага... В кавтой льве крокодил ф крокодилифой будут проплывать... Как пьяна нашьеффа, в лыву-то падеф, те — ам! — и федят. Ага...

— Ох, дурошлён! — хохочет добродушный Федя. — Ох, не мешай, я сейчас серёдку кончу!

Митяша послушно замолкает, и снова все погружаются в игру. Графин всем накричал по квартире. Митяше быстро становится скучно. Он говорит Ермолаю:

— Эй, урка... Тебе в магазине водку дают? На, подлефт, деньги, фьведи на велифанеде! Фьведиф? — И идёт на него, растопырив руки. Ермолай не боится и хохочет. Он уже мусолит во рту колпачок от шины Митяшиного велосипеда, а гайку отдал Рязановой вместо фишки.

— Жулик, фас! — говорит он, указывая на Митяшу. Жулик зевает и подходит обнюхать Митяшу. Тактик от лото Графин, желая выиграть, начинает шифроваться:

— Тронь-ка!

— Три! — переводит Ермолаев.

— Пора любви...

— Восемьдесят девять! — ухахатывается мальчишка.

— Парашотист...

— Шестёрка! — Ермолай плачет от восторга.

— Стой! Что за парашотист? — Федя встаёт из-за стола. — Это почему: шестёрка — парашотист?

— Это почему: шестёрка — парашотист? — спрашивает и Рязанова.

— Потому что “шестёрки” параша носят и у параша спят, — отвечает Графин.

— Гений! — подаёт с балкона голос Глебов. — Это шутка гения!

— Если шестёрка, то я кончил серёдку! — говорит Федя. — Проверяйте.

Графин начинает проверять, называя числа обычными именами. Но распаивается окно Ганиной комнаты, и женщина в бигудях кричит:

— Лю-у-уди-и! Скорей! Ганька повесился-а-а! У-у! Гаврилушка-а! Скорей! Лю-у-уди-и! — И из комнаты слышится её топот, грохот посуды. На некоторое время сидящие за столом оцепенели. На крик из дворовых сараев-углярок выскочил второгодник Николаев и встал в проёме двери, а за его спиной, то подныривая под мышку, то возникая над плечом, мелькало чьё-то белое, в кудряшках, лицо.

— Глядите! — срывающимся в смехе голосом закричал Ермолай. — Николаев с Фёдоровой уроки учат!

И сразу всё пришло в движение: все бегут, разминая затекшие спины: вытаскивают Ганю из петли, отхаживают, поят водкой. Ганя лежит на тахте, и когда открывает чёрные от зрачков глаза, то из-под ресниц его выбегают две оживлённые слезинки. Рязанова упала на крутом лестничном марше и разбила белое колено. Александра Григорьевна, обняв себя за локти, стоит, прислонившись спиной к простенку меж окнами, жуёт мундштук. Ганина жена убирает следы погрома на кухне общего пользования.

— Фто, Ганя? — тихо спрашивает Митяша. — Фто плафэф: больно? Я ведь думал, друг, ты в больнитфе...

Графин протягивает Гане трубку.

— Ну, курни, Гаврило, да выходи в лото играть, пока на больничном...

Ганя шепчет, осторожно помахивая головой:

— Нет мне жизни без голоса... Не шутки это... Вот так вот...

Жулик пытается лизнуть его в рот.

— Опять он про свой голос! — слезливо говорит Ганина жена и, швыряя на пол мокрую тряпку, тыльной стороной ладони чешет нос: — Опять про голос! Да какой там голос-то был? Тоненький, как у комарика, а? Смотрите, люди, ведь как на рыбалке весной голос потерял, так с ума мужик сошёл! Не могу, грит, не петь! — Между делом она даёт пинка Жулику, и тот понятиливо покидает жилплощадь. — Одна, мол, радость была: голос, грит, как, грит, запоёшь, где захочешь! — продолжала она. — Ну, не дурак ли?

— Мне без голоса не жить, — едва слышно твердит своё Ганя.

— Ты что, Магомаев? — воспитывает Рязанова. — А, Гань? Это тому голос потерять — куска хлеба лишиться, а ты-то крановой! Зачем же так переживать, Га-ня!

А Ганя своё:

— То ведь как запою, запою!.. А теперь?

— Ты, Гань, глупый... — занюхивая остатки Ганиной водки свежим воздухом, говорит Митяша. — Уфёные фкоро придумают лекарфтво: по-пёф — и пой!

— Ага! — щурится Рязанова. — По рупь семнадцать, что ли! Так ты и с одеколону, Митяша, поёшь...

— Не, — возражает Митяша, — с одеколофки я фтрелять рвудья! А наука-то ффяф — ого! Видел, по телевизору показывали, как одному от ноги палетф отмякали, а к руке прифобафили! А? Ого!

— Ну, я пошёл, — говорит Графин, выждав паузу. — Пошли, Фёдор, слышь? Кепка-то с деньгами там, на столе...

— Да я побуду! — ответил Фёдор. — Теперь уж поздно...

Ганя ковыряет ворс ковра на стене.

— Эх, ребята-ребятешь! Эх, в армию бы, братчики, уйти, что ли? В армию как хорошо-то, братцы...

— Чо ковёр-то ковыряешь? — всё так же слёзно, но уже зло говорит жена. — А нынче чуть телевизор не разбил! Чо он ему, телевизор-то, сделал, а? — поворачивается она к Графину.

— У телевизора и спрашивай, — холодно отвечает Графин и медленно направляется к двери.

— Господи, господи! — слезоточит Ганина жена. — Хорошо, хоть соседей дома нет...

— Да, — говорит Александра Григорьевна, — пожалуй, и я пойду. Выздоровливайте, Гавриил, простите, отчества не знаю... Что же вы? Голос к вам вернётся... У нас на фронте был лейтенант Коля Болтавин: так рисовал! Рисовал бесподобно! А впрочем, что это я?... Ну, вот... Главное, всё в порядке! Счастливо! — Она уходит на цыпочках, комкая носовой платок из тонкой ткани.

— Музык, а плафет, как... дитё, — говорит Митяша, — выходи играть...

Все уходят. Ганя остаётся один и украдкой от жены сморкается в подол своей длинной алой майки.

Солнце скраснело и стыдливо пошло прятаться за березняк. Цугуночка сходила домой и обула стёганые бурки. Рязанова отвела домой ребёнка. Удивлённо оглядев спущенные шины велосипеда, Митяша уехал на нём в сторону магазина.

— Что-то сегодня народу... маловато, — зевнув, не открывая рта, сказал Федя. — Восьмой час уже... Эй! Глебов! Поиграть не хотите?

— Во-о-н, за сараями Кит с Ромкой Голубевым идут! — говорит им из коляски Глебов. — Им всё равно: страдать иль наслаждаться, а я поработаю!

— Черги, — говорит о приближающихся новеньких Федя, — опять где-то пили! Как вдвоём — так пьют! В субботу первенство дороги, а какие из них футболисты... Прозяпаем...

— И к бабке не ходи! — соглашается Графин. — Кит, он ведь ни украсть, ни покараулить. Работать надо, гнуть, ломить, а он футболом промышляет. В июне колхозникам пендель не забил, а оформлен ведь по четвёртому разряду бетонщиком на полигоне. Правильно я говорю, Фёдор? На нас, бывало, если люди смотрят, так мы с себя семь потов сгоним и за бесплатно. Потому и заработанным денюжкам цену знаем.

— А вот вы, Графин... Вы ведь совсем не пьёте? Я имею в виду спиртное, — спрашивает Александра Григорьевна.

— Мне и с табаку хорошо, — отвечает Графин. — Ну что, сдавать карты? Или этих подождать?

Подшли парни. Оба рослые, длинноволосые, на полных губах улыбки, в глазах муть из винного отдела.

Графин сказал Ромке:

— Садись, брат-кондрат, составь партию... А ты, — повернулся он к Киту, — постой, полубоопытствуй...

— С чего это? — возмутился Кит и подбоченился.

— С того, что с грызунами не играю. — Графин мешал кубики в мешке. Никто не мешал ему вести разговор, слушали, зная, что Графина с толку не собьёшь.

— С какими грызунами? Мы грызуны? Нам по двадцать три года!

— А вот с теми грызунами, которые по тридцать лет с мамкиной шеи кору грызут, — ответил Графин, сдавая карты. — У тебя морда, как у нищего сума, а работать не хочешь. Ишь, пришёл на бутылку выиграть! У меня выиграешь!

— Ха-ха! — наигранно усмехнулся Кит. — У тебя-то? У суслика пузатого?

— Я пузо на свои отъел, а если твою поганую копейку возьму, так потом руки чем отмывать, соляркой?

— Ну, давай я сяду! И выиграю!

— Раньше сядешь — раньше выйдешь, — говорит Графин.

— А что эт меня посадят? Я чо, ворую?

— Может, и воруюшь, — говорит Графин, считая банк в кепке. — Кто у бабки Цугуночки мешок бутылок из сарайки умыкнул?.. Все поставили?

— Все, — нестройно ответили игроки.

— Значит, боишься меня принимать, — насмешливо щурился Ромка и, доставая бумажник, высыпал возле Кита горку мелочи. Графин засомневался.

— Ну, так и быть, садись. Поживём — увидим...

— Только кричать без фокусов, — поставил условие Кит. — По кругу, по количеству карт... А то как хочу, так и схвачу! — И подмигнул Графину.

— Проверим, зачем на твоих плечах этот безобразный чан с ушами, — говорит Графин и начинает выкрикивать номера бочонков: — Семью семь, футболист... Девятью девять... Без шестнадцати двадцать... Четыре в кубе — ваших нет...

— Стой!

— Сады Семирамиды... Новобранец...

— Стоп, Графин Графиныч!

— Шишки-пышки — торговые излишки... И один в поле — двое.

Кит, заискивающе хохоча, встаёт из-за стола:

— Скажи, что за шишки-пышки — и мы пошли!

Вышедший из дома с куском халвы Ермолай сразу пояснил:

— Пуд — торговые излишки! Шестнадцать!

Графин прекратил кричать и многозначительно пыхтел трубкой. Александра Григорьевна поощрительно поглядывала на его физиономию, вынырывающую из дымного облака. Кит обиделся:

— Пошли, Ромка, от этого... афериста...

Игра заканчивается в сумерках. Голуби гомозятся на коньках крыши — готовятся ко сну. Вышла на балкон мать инженера Глебова и увезла его в квартиру, потом унесла мольберт. Это значит, что по телевизору начинается продолжение многосерийного фильма. Из окна Рязановой слышится голос её мужа:

— Мама-а! Где моё китайское бельё?

— Зачем ему летом китайское бельё? — удивилась Рязанова, но ушла, потирая вымазанную зелёнкой коленку и позванивая мелочью.

— Ну всё, — собирает свои мешочки Графин. — По-немецки — цацкигецки, а по-русски — по домам...

Александра Григорьевна послушно кивает головой: да, пора по домам. Ермолаев с Жуликом удаляются в сторону сараев. Цугуночка облегчённо вздыхает, освободившись от добровольной повинности, и тоже уходит, подпирая рукой поясницу. Передний край подола её платья из цветастой фланельки едва не волочится по земле.

Остаются Графин и Александра Григорьевна. Некоторое время молчат, смотрят на столешницу, избитую костяшками домино, изрезанную именами влюблённых. Неловкое молчание нарушает Графин:

— У тебя, Александра Григорьевна, лампочки на сто пятьдесят свечей нету? У меня есть, да слабенькая... — спрашивает деловым тоном.

— Не знаю, — отвечает Александра Григорьевна, поднимая к нему лицо, — я в этом не понимаю... А зачем вам?

— Да ввернуть бы в фонарь-то на столбе. И по вечерам можно бы играть, правда?

— Ой, не знаю! У меня уж и так голова болит...

Разговор их ровен, неспешен, они не торопятся каждый к своему одиночеству.

— Болит голова оттого, что ты не выигрываешь, Александра Григорьевна, волнуешься...

— Как же играть, чтоб не волноваться? Для того и игра, наверное.

— Это точно, — соглашается Графин, — не ради копеек — общества ради. С этими телевизорами-то как люди здороваются, позабудешь. Кто хозяин в доме? Телевизор... Ишь, как Ганина баба сегодня взвилась из-за телевизора!

— Что это с Гаврилом-то сегодня? — Её тянет к Графину, к разговорам в летние вечера, да поздно менять эту соседскую дружбу на непривычную семейную жизнь.

— Он, Ганька, сердечен уж больно... — Графин, будто стесняясь своих слов, поднял с земли щепку и поскоблил ею подошву туфли, сказав при этом: — Этакую срамоту производят с хорошей кожи... Кожа-то натуральная! — Подумал над сказанным и, решившись, продолжил: — Сердечный человек, прямо дурачок не дурачок, а умным назвать язык не повернется. Вот после войны сразу, когда завод этот бетонный-то строили, тут ведь и лес рядом стоял... Про нас говорили: над лесом, мол, живут, ага. Коров, овечек, свиной люди держали. Ну, и пастушок тут один был, Санька Кропотов... Выстругал он себе раз в лесу палку из молодой сосенки, фонариками-то её украсил, узорами. Вот гонит вечером стадо по посёлку, а шантрапа в чикку играет возле почты. Увидали палочку-то эту, навалились всем гамузом — и ну колотушку отымать. Тот кряхтит, стонет горюн, а палчишку эту не отдаёт. Да... Тут — я в окошко глядел — выскакивает Ганя, а было ему лет, однако, пять-шесть. Смотрю, он давай этих обидчиков пастушковых кулачонками колошматить, давай их за волосья таскать! Суразёнок суразёнком: какая-то на ём майка зеленущая до пят, под ей, посмотрю, и трусишек-то не было, голова ступеньками стрижена, а ишь жалостливый какой! Кто-то ему раз да два — он с ног. Встал — воеет, а сам всё за пастушонка заступается, за слабого, стало быть... Таким людям надо большими вырастать, а он, видишь, какой вырос? В чём душа вмещается? В песне, Александра ты моя Григорьевна... Как весна, бывало, завалинки подсохнут, так Ганька уже сидит на крыльчке барака и чешет на гармошке! Старухи его подхваливают, а он и расстраться радёхонек-рад... Всех парнишка осчастливить хотел. Ан нет, товарищ ты мой! На Любке вот женился — пожалел. Не все, дескать, такие подлецы, как те, с кем ты гуляла. А она — одно слово, майорша... С солдатами из лесу не выходила. Ганя, как поп: всё поёт да кадиллом машет, да "веруйте" кричит. При тебе уже женился-то, сама знаешь. Связался младенец с чёртом... Так-то, брат-кондрат, я понимаю... Эхма, да не дома, дома, да не на печке, на печке, да не моя, — заключил Графин, уперев руки в колени и глядя в редкую мураву двора затуманенным растерянностью взглядом.

Александра Григорьевна вынула гребёнку из слабых волос, задумчиво погрызла её уголок, расфокусированными зрачками поглядела, как Графин выколачивает трубку о лавочку, и сказала:

— Эх, Графин, Графин! Курили бы вы поменьше! Вы на войне начали?

— Я? — переспросил, окутываясь дымом, её соседник. — Мне от курения польза теперь одна голимая... Помирать не хочу, а брось я курить, как Гриша Клюквин, и что? А курить, как Гриша Клюквин, и что, и что? А курить начал ещё, когда у хозяина жил! Давненько и отсюда не видать, Александра Григорьевна... — Графин встал, поправил за поясом рубашку, повёл широкими плечами. — Приказываю, — сказал он, не умея шутить, — тебе, Александра Григорьевна, идти искать лампочку в загашиках! А я пойду погляжу у сараев лестницу.

— Нет, — ответила она, — я, наверно, кино пойду смотреть. Документальное про войну. Может, увижу кого из своих! — извинительно улыбувшись, она встала, поёжилась.

— Колю Болтавина? — пробубльнул Графин ревниво.

— Эх! — вздохнула Александра Григорьевна, тронув брошь на груди. — Коля Болтавин, Коля Болтавин...

— Ну, вольному воля, прощённому — рай, — без обиды уже отпустил её Графин.

Спустилась темнота. Светятся окна, мелькают тени людей, кошек, собак и летучих мышей, слышатся девчоночьи взвизги и разбойничьи посвисты малолетних грабителей огородов, сильные, одушевлённые ночью гудки заводского мотовоза. Кто-то бежит по крышам притулившихся друг к другу дровяников. Ближе к полуночи в уже освещённый заботами старого Графина двор прибрёл пьяный Митяша. Он подошёл к столбу с фонарём и стал разгребать щёбёнку под ним. Достал из кармана мелочь денежную и несколько смятых бумажек малого достоинства, положил всё это в ямку и стал закапывать, прихлопывая землицу, как ребёнок, который строит домик из влажного песка. Из сараев слышится сдерживаемый смех. Невдалеке от Митяшиной захоронки выросли силуэты мальчика и собаки.

— Эх, посмотрите, Иваны, как гуляют тфыганы, — закричал Митяша, проходя под Ганиным окном. — Гавря-а! Гавря-а-а! — уже слабей прокричал он, вяло махнул рукой и стал уходить в темноту между домами, бормоча: — “Только ферти полофаты попадаютфа одне...”

К заветному столбу подбежал Жулик, обнюхал его, бодро поднял левую лапу и прыснул на столб, умилённо поглядывая на зевнувшего три раза кряду Ермолая...

МАРИНА ШАМСУТДИНОВА

В ЛАБИРИНТАХ СВОЕЙ СТРАНЫ

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ

Несомненно — они боялись,
Эти дети со знаменем красным
Под рубахой. Кондовым, квасным
Патриотам таких не понять.
За листовку и жизнь отдать.
И под пытками: “Сталин с нами,
Отомстят, враги не пройдут!”
Кто-то холит сермяжный уют
Или брешет, как сивый мерин,
Вы того, поспокойней тут...
Кто-то тренькает и растерян.
Остен арбайт — пучком укропу
Интегрировался в Европу.
Ну, а дети — младогвардейцы,
Да с портретами Бузины,

ШАМСУТДИНОВА Марина Сагитовна родилась в 1975 году в г. Иркутске. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерская Станислава Куняева). Автор шести книг стихов: “Солнце веры” (2003), “Нарисованный голос” (2007), “Дань за 12 лет” (2010), “Стихи” (2011), “Русская сказка” (2015), “Правда” (2016). Печаталась в журналах “Наши современник”, “Сибирь”, “Созвездие дружбы”, “Первоцвет”, “Огни Кузбасса”, “Московский вестник”, “Викинг”, “Литературная Вена” и др. Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова за 2010 год (журнал “Наши современник”). Победитель фестиваля “Славянские традиции” — 2011, 2013, 2014 гг. Член Союза писателей России, МГО СП, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии.

Комсомольцы, шахтёры, путейцы
В лабиринтах своей страны!
С огоньком — расстрельные списки,
По-хохлацки, по-коммунистски,
А потом развенчанный культ.
Эти тоже лакают виски.
Обрубают руки до культа.
Дико бьют и прессуют “вату”
И на премию, и на зарплату.
Как там Киев? Хип-хоп танцует,
Тихо ждёт, куда ветер подует...

ИНСТРУКЦИЯ

Назови раба гражданином второго сорта,
Посади в вагон, пошли на немецкую ферму,
Подними квартплату, чтоб быстро дожил до комфорта.
Бухенвальдов не надо — они не вписались в систему.
Будут гимны петь и охотно скакать от счастья,
Назовут фашистами антифашистов,
Несогласных без шума и пыли порвут на части,
Двадцать первого века война — триумф реваншистов.

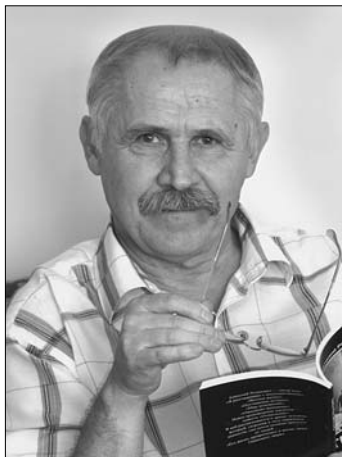
МИР И ВОЙНА

Русский мир — Английская война,
Две колониальные системы.
У одной — терпение без дна,
У другой — таблицы, теоремы.
Пирамиды избранность одной
Стёрлась равноправием равнины.
Прожило бы человечество без войн,
Если б не английские “равнины”
(Алгебра гармонии чужда).
Эти — превращают мир в пустыню,
Мы — в пустыне строим города.

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ

Что такое Россия? Россия — надежда.
Камуфляж надевает — не в блёстках святыне одежды.
И в бою с чёрным злом век за веком Россия одна.
Но отступит она — остальным ни покрывки, ни дна:
Методично раздавят весь мир по славянскому гену,
Чучела из людей и музеев — по фольк-манекену.
Что такое Россия? Россия — молитва,
Та, короткая, горькая, если последняя, битва.
Враг хитёр и силён, только мёртвые сраму не имут.
Но пока живы мы — Россию у нас не отнимут.

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ДАНИЛА ШТОВБА

РАССКАЗЫ

Изредка, но встречаются такие люди, как Данила Штовба. Неугомимая природа, кажется, наделяет их упрямым, решительным характером чуть ли не с пелёнок. Такие, как он, проложат первую тропку по тонкому льду на речке, бросятся спасать коня или корову в охваченный пламенем сарай, такие, как он, придумывают прозвища своим послушным и скромным друзьям, могут легко обидеть женщину и, не краснея, долго смеяться ей вслед. К их словам, суждениям прислушиваются, охотно с ними советуются, но денег займы не дают. Таков был Данила. Деньги в долг давал очень редко и лишь тому, кто, по его мнению, вернёт долг в срок. Такие, как он, пьют за свои деньги редко, но не прочь дербалызнуть на чужие. Бывает, расщедрятся от чарки-другой и тогда угощают за свой счёт всех, кого попают: и друзей, и незнакомых. Порядок их тяготит, но на работу ходят с охотой, потому что знают, что на любой работе можно, как закон, что-то урвать для себя. Но на государственной службе не надрываются, не утруждают себя, сделают самое необходимое и — баста. Таков был Штовба, и хоть уважали его все, даже ставили своим детям в пример, гордились дружбой с ним, но любили и уважали его словно бы осторожно, с оглядкой, чтобы, не дай Бог, не обидеть или слово молвить наперекор.

Односельчане, бывало, спрашивали его: “Отчего у тебя, Данила, такие огрубевшие руки?” Вспыхивал он, отвечал сурово, осуждая бездельника:

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

“Потому что не ленюсь, как ты. А всю жизнь надрываюсь. Хату сам построил, сад посадил, детей вырастил, на ноги поставил, о! Потому что знаю, почём фунт лиха! Хе!”

И если бы кто со стороны приехал в деревню Низовку, которая всего лет сто как родилась у самой Пущи, и спросил: “Покажите мне счастливого человека”, — нет сомнений, что большинство сельчан указало бы на хату Штовбы. Дерзкий был мужик. Казалось, выползи из пущанского болота чёрт, и тому Данила нашёл бы силу и смелость дать щелчок по носу, ведь за спиной стояли заступники, его радость, гордость, надежда: три сына.

“Повезло Даниле, — говаривали люди, — за сыновьями, как за каменной стеной: и сена накосят, и картошку уберут, и дров привезут. Сто лет Данила будет жить. Сыновья и от смерти защитят. Вот удалися! Серьёзность, трудолюбие, настойчивость — это от отца, — говорили люди, — а душевность, мягкость, незлобивость — от матери. Жаль, что её, беднягу, рано болезнь в могилу свела, не успела детьми натешиться”.

Данила гордился сыновьями. Нет-нет, да и похвалится ими в компании или пристыдит пьяненького парня, приведёт в пример своих, толковых: Ивана, который руководит в областном центре всем профсоюзом табачной фабрики, Гришу — шофёра в райкоме, Женью (младшего), который только что окончил учёбу в Академии (Данила любил повторять это слово) и вернулся агрономом в родную деревню. Данила и сам не сомневался, что за такими работающими сыновьями, чуткими невестками, умными и непоседливыми внуками проживёт сто лет. Удивительно, но со стороны казалось, что он не подвластен времени, что ничто не может состарить его. Сам Данила любил повторять в кругу одногодков (а ему перевалило за шестьдесят):

“Ты до тех пор царь на земле, пока она, жизнь, не завладела твоим духом, не пополнила отчаянием перед новым днём, тоской и одиночеством. Здесь граница, здесь очень важно не пасовать перед жизнью. А смерть от болезни, хлопцы, старости, увечья, не дай Бог, но это для меня... привычное дело. Миллионы так умирают. Нет, ты меня возьми голыми руками, чтобы я сдался, признал твою власть, чтобы отрёкся, смирился с твоей силой. О, тогда будет по справедливости, по Божьему закону. Тогда я буду равен Богу”.

До пенсии Данила работал в сельмаге. Работал исправно. Надобны были рабочие руки, закрывал магазин и шёл вместе со всеми косить, убирать картошку, заготавливать дрова. Никогда не обманывал односельчан, не вешал писульку: “Поехал в район на базу”, — а сам прятался за высоким забором и работал на собственном огороде. Если писал, что поехал за новым товаром, ехал и привозил. Создал магазину славу и товарами, и дисциплиной, и уважением к пайщикам. Что просили они, что заказывали, — всё доставал. Каким образом или каким чудом это ему удавалось на протяжении голодных и трудных лет в сельской кооперации, один Данила и знал.

Вёз районному, областному начальству самогон, домашний мёд, сушёные грибы, кроликов, но если обещал своим, что привезёт белые нейлоновые сорочки, или модный костюм, или электрический утюг, то привозил. Может, поэтому его и попросили (начальство и люди) поработать ещё и после пенсии. Особенно необходимы были всем его зоркий глаз, опыт и, чего греха таить, связи сегодня, когда наезжали “Жигули” из соседних районов, даже из соседних республик и сметали, словно ненасытные воры, всё с прилавка.

Был май. Песенно-светлый месяц, когда всё полнится новой силой, жаждет любить и невыразимо желает жить. Нет, ничего ужасного он Даниле не принёс. Наоборот, в мае Женья (самый скромный и застенчивый сын) однажды вечером признался отцу, что хочет жениться, что подали вчера заявление. Почему до сих пор молчал?

— Да так. Не было полной уверенности, что девушка пойдёт за меня.

Услышав такое, отец в глубине души обрадовался. Сыну — двадцать пять лет. Холостная жизнь не любит таких, как он, — рассудительных, послушных. Таких тянет домой сильнее, чем в клуб на танцы.

— И кто же она? — поллобпытствовал Данила.

— Вера.

— Чья дочь?

— Марии Монич.

— А-а, — протянул Данила, — А что? Хорошая девка, — резко добавил, как отрезал, и даже оглянулся по сторонам, словно сам не ждал от себя подобных слов. — И давно ты с ней?

— Порядочно. Полгода серьёзно ходим, — ответил Жёня.

— Ну, и слава Богу. Тут я тебе не судья. Не мне жить, а тебе. Давай спать, — неожиданно предложил Данила. Жёне показалось, что голос отца задрожал.

Всю ночь Данила проворочался в постели. Сон не брал его, будто в глаза кто-то вставил распорки. Хоть ты их залей цементом. Щемящее волнение, счастливые надежды овладели, казалось, всем его сердцем, оставив лишь маленький кусочек беспокойства. Чувство тихой, почти забытой тревоги нарастало с каждой минутой, едва его мысли возвращались к Вере. Жгучее беспокойство принуждало Данилу вновь и вновь возвращаться к воспоминаниям, к одному и тому же дню далёкого и такого близкого тысяча девятьсот сорок четвёртого года.

Год тот, когда пришло долгожданное освобождение, выдался для деревни Низовка, пожалуй, самым тяжким за всю оккупацию. Именно с весны этого года особенно зверствовали по всей округе каратели. Враг мстил за свои неудачи и поражения всему живому на земле: человеку, деревне, полю, дереву, птице. Штовбу, которого не успели мобилизовать (да не его одного, таких было немало в западных областях Белоруссии), забрал к себе в уездную управу дядя.

Был там Данила всю войну за истопника, за писаря и за помощника старосты. Надо сказать, что, когда в конце сорок второго года объявились в Пуще партизаны и когда люди вышли на молодого в ту пору служащего уездной управы, Данила без долгих колебаний дал подписку помогать отряду “Буря”, который базировался в десяти километрах от Низовки. Назвать её деревней в то время можно было с большей долей условности, более подходящим было название “хутор”. Деревянные серые дома были разбросаны вдоль единственной улицы на расстоянии триста—семьсот метров друг от друга. Обособленные от большого мира, занятые вечной крестьянской работой на своих загонах и урочищах, хуторяне жили на удивление дружно, без дикой зависти к удаче соседа. Испокон веков велось такое дружелобие.

Однажды встревоженный и бледный староста позвал Данилу к себе в комнату и взволнованным голосом произнёс:

— Беги, Данила, в Низовку. Спасай своих. Передай, пускай все прячутся, убегают. Есть приказ уничтожить деревню за связь с партизанами. Тебя послушают. Сюда больше не возвращайся. Капут немцу. Неделя-две — и русские будут здесь.

— А как же вы, дядя?

— Я не могу. Повязан я с ними одной верёвочкой. И нагадил изрядно. Мне Советская власть не простит. Беги! Чёрт их знает, намечают после обеда, а могут выбраться и сейчас.

Данила выбежал на крыльцо, схватил свой велосипед.

— Не бери. Пускай твой стоит на виду. Иди ко мне и возьми мой велосипед. Беги, сынок. Брату моему поклонись. Может, и не доведётся больше увидеться. Беги!

Люди доверяли Штовбе. Был уже случай, когда Данила предупредил своих об опасности. Вооружённый до зубов враг явился тогда в пустую безлюдную деревню. Люди надёжно укрылись в пушанском болоте и даже скотину — двух лошадей и трёх коров — спасли от прожорливых захватчиков. Большого вреда тогда враг не принёс. Сжѣг один лишь хутор — и чем он казался им подозрительным?

Сейчас время было иное. В Низовке жили беженцы из соседней деревни Дубки, чудом спасшиеся и принесшие страшную весть: враг не щадит никого, убивает, если убегаешь, сгоняет всех в сарай и живьѣм сжигает. Беженцам поверили. Нельзя было не поверить, глядя на их слѣзы, испуганные лица, страх и тревогу в глазах.

Данила успел предупредить свою деревню, можно сказать, в последнюю минуту. Со стороны Дубков уже доносился гул приближающихся машин. Собрались все у хутора Штовбы и оттуда толпой бросились бежать к Пуще, к старому месту, к болоту, где нашли спасение в прошлый раз. Бежали напрямик по ржаному полю, чтобы поскорее добраться к “подсочке”. Так издавна называли гряду сосен. Нанимались в старину к пану на работу, надрезали сосны и вековым дедовским способом собирали смолу.

По этому “подсочнику” бежать было ещё трудней. Да и люди ослабли.

Данила без лишних слов стал верховодить людьми.

Одному помогал, другого подталкивал, на третьих (женщин с детьми) покрикивал.

Женщины с детьми бежали последними. Жена Данилы тащила за руку сына, невестка Войтешенка несла на спине своего пятилетнего Казика и Мария Монич прижимала к груди шестимесячную дочь.

— Давай! Давай! Скорей! — крикнул Данила и подхватил на руки сына. Посадил внука себе на плечи и Войтешенок. Никто не помог лишь Марии. Её отец, трусивший рядом, — чахоточный Кузьма — совсем выбился из сил. Его подхватил под руку сосед Аскерка и помог одолеть последние метры перед лесом.

Дочь Марии всю дорогу, не переставая, плакала. У матери не было возможности остановиться хоть на секунду и успокоить дочушку. Всех гнал прочь от хуторов самый неумолимый погонщик — страх. Его добавилось ещё больше, когда у самого леса, оглянувшись, люди увидели вражеские машины.

Начиналась Пуща. И оставалось лишь гадать: заметил враг спины людей или нет? А ребёнок Марии плакал, не переставая.

— Да успокой ты её! Твою мать... Погибнем! — закричал на Марию Данила.

Мария покачала на руках дочку, но та не умолкала. Громкий плач ребёнка повис над лесом, звенел, возвращался эхом к людской толпе.

— Не могу её успокоить! Хоть возьми да брось! — вырвалось у Марии.

— Правильно. Бросить её надо. Выдаст она нас. Смерть на всех накличешь! — рискнул предложить Данила. — Не бери грех на душу! Бросай тут. Потом вернёшься.

— Ты что, Данила? Убьют ведь её. Как же так? Люди, скажите ему, нельзя же так...

— Коли жить не хочешь, сама оставайся. Она плачем выдаст всех! Куринные твои мозги!

— Я успокою её, — не поверила Мария, уставившись на людей.

Люди, на секунду остановившись, стояли неподвижно, безмолвно соглашаясь со словами Данилы.

— Господь спасёт. Потом, доченька, вернёмся сюда. Пожалей людей, — не подымая глаз, сказал Кузьма.

Гул машин приближался. Всем показалось, что он совсем рядом, идёт от “подсочника”. Охваченные новым приливом страха, люди бегом бросились к болоту.

— Кидай под орешник. Богом прошу! — взмолился Данила.

Словно загипнотизированная, не понимая, что она делает, Мария положила дочку, которая плакала не переставая, под куст орешника и в невыносимом отчаянии, зажав рукой рот, чтобы не закричать на весь белый свет, побежала вслед за людьми. Кто-то подхватил её под руку, помог. Вскоре прибежали к болоту. Прижавшись спинами друг к дружке, сели на холодную землю. Проглотили тишину и сами, похоже, стали тишиной. Долго, невыносимо долго сидели молча, прислушиваясь к каждому крику, звуку, шороху. Жена хотела о чём-то спросить Данилу, но не успела открыть рот: он сильно ударил её рукой по лицу. Был он тогда в страшном гневе. Если бы заплакал сейчас его сын, он бы, не колеблясь, велел утопить его в болоте.

Всё время, как безумная, вперив глаза туда, где осталась дочка, неподвижно сидела Мария. Стемнело. Потянуло холодом. Люди зашевелились, заговорили.

— Как там доченька моя? Ещё волки съедят, Данила, — первое, что сказала нараспев, точно оплакивая дитя, Мария.

— Господь не даст в обиду невинное дитя. Зато ты нас спасла. Благодарность и уважение тебе будет на всю жизнь, — заверил Марию Данила.

— Я же не смогу жить, Данила! Пойду к ней. Пустите меня.

— Может, пойдём домой, Данила? — тихо предложил Аскерка.

— Ещё надо высидеть. А если там засада? — Кузьма схватил дочку за руку, не пустил. Прошёл ещё час.

— Я пойду. Не могу больше — пусть они меня застрелят или ты меня убей! — подхватилась Мария.

— Подожди, доченька, вместе пойдём, — крихтя, поднялся на ноги и Кузьма.

На этот раз Данила им не перечил.

Летняя ночь пролетела быстро. Зашевелились люди и пошли за Марией, навстречу рассвету.

— Доченька! Дочущка моя! Доченька! — всё время слышалось впереди. И этот материнский голос служил остальным как бы паролем. Отчаянный крик нечеловеческой радости, счастья всколыхнул старую Пущу.

Все поняли, что Мария нашла свою дочь живой, и побежали к ней. Девочка лежала под тем же кустом орешника. Молчала. Усталость высосала из неё слёзы. Кузьма поднял с земли плитку шоколада.

— Глупый немец шоколад ребёнку оставил.

— Почему глупый? — поправил Кузьму Данила. — Этот был как раз умный, а все остальные — дикие звери.

Всем сразу стало легко на душе, словно сняли у каждого с плеч тяжкий камень невидимой вины перед этим несмышлёнышем.

Той шестимесячной девочкой и была нынешняя невестка Данилы Вера Монич. Пришла победа, вернула в Низовку счастье, труд, покой. Война забрала трёх односельчан. Погиб под Варшавой и партизан Вася Монич — отец Веры. Сожжённую деревню отстроили, вернули ей былую красоту.

Постепенно забывались ужасы войны. Жизненные заботы — как поставить колхоз на ноги, как вырастить детей, чем накормить, во что одеть — брали своё. Напомнили Вере про тот случай неожиданно, когда девушка выросла, выучилась и приехала в родную деревню учительницей.

— Ужас, что было... Оставили мы тебя одну под кустом ночевать. Во всём война виновата. Но под счастливой звездой ты родилась, — частенько говаривал ей нынче уже дед Аскерка.

Мать неохотно вспоминала тот день, и когда Вера приставала с расспросами, Мария отнекивалась:

— Отвяжись. Что было, то быльём поросло. Жива-здорова, и слава Богу. Может, и нам Бог грех простит.

С годами Мария становилась всё более набожной.

Веру любили в деревне. Девушка всем удалась — и лицом красивая, и характером скромная, и сердцем добрая. Дети тянулись к ней, как ни к кому другому, и она не жалела для них своего времени. Вела школьные кружки художественной самодеятельности (драматический и танцевальный). Не было случая, чтобы она не навестила больного ученика. А ещё успевала вести для родителей вечерний университет, который, кстати, по её инициативе был создан при сельском клубе. Её лицо с маленьким носиком и озорными голубыми глазами, кажется, никогда не покидала улыбка. Вера вся светилась радостью и молодостью и готова была с каждым поделиться своим оптимизмом. Полюбила она Женю преданно, горячо, сильно. Иначе и не умела, и не смогла бы, потому что лгать не научилась, прикидываться влюблённой не сумела бы, как не сумела бы и утаить свою любовь.

“Ишь ты! Молодая, не успела опериться, а какой авторитет у людей имеет”, — думал Данила.

— Где же, сынок, жить порешили, когда поженитесь? — спросил отец сына.

— А нам без разницы. Могу к ним пойти, могу сюда привести. Как вам лучше? — советовался сын.

— Моя песенка спета. А тебе жить. Чего в примы идти? Места у нас мало, что ли? Надо, как испокон веку заведено, молодую вести в хату жениха. Только давай так, сынок, поступим: поставь на веранде баллон и газовую плиту. Будет вам временно до зимы кухня.

— Папа, — хотел что-то сказать Женя, но отец не дал ему слова.

— Молчи. Я пока тут хозяин. И вход пусть у вас будет отдельный. Учитесь жить самостоятельно. Ты же мой характер знаешь, начну поучать. Не все молодые любят, чтобы их учили, как жить. Вон жена твоего брата надулась и с той поры носа не кажет.

— Вера не горячка.

— Делай так, как я сказал. И всё тут.

Хорошая была свадьба. Не стал приглашать Женя инструментальный ансамбль из районного Дома культуры, как делали все, а по просьбе отца нанял музыкантов из Дубков. Те, хотя и были уже в годах, но скрипочкой, кларнетом, бубном и гармошкой поддали такого жару, что никто не мог усидеть на месте: и пели в охотку, и танцевали от души. В минуту родительского благословения Данила поцеловал молодых. В знак благодарности поцеловала своего свёкра и Вера. Губы девушки показались Даниле колючими.

“Нехотя она меня поцеловала, нехотя”, — запала в душу с той поры недобрая мысль.

Угомонилась свадьба знаменитым маршем “Прощание славянки”. Его на третий, на последний день, отправляясь домой, грянули уставшие музыканты. Начались будничные заботы, покатила жизнь по привычной колее, о которой, казалось, все забыли за праздничными столами и весёлым настроением.

Ужинали Штовбы обычно вместе, за одним столом. Данила украдкой следил за невесткой, всё хотелось ему поймать её укоризненный взгляд. Но напрасно. Никаких изменений в поведении Веры не произошло. Она по-прежнему была доброжелательной, внимательной и заботливой. Мать Веры за дни, прошедшие после свадьбы, так и не пришла проведать дочку. “Она и до сих пор ко мне не приходила”, — успокаивал себя Данила и, как и прежде, сам стирал себе бельё, сорочки, носки. Реже он стал приходить на ужин. Придумывал самые невероятные причины. На самом деле он боялся, что однажды их глаза встретятся, и в её взгляде он прочтёт приговор себе. Суда он боялся. Вот оно что! Он даже вздрогнул. Наконец, прояснилась причина его душевной тревоги: он, как огня, боялся её осуждения. А что Вера? Она, как и прежде, относилась к нему с доверием и сочувствием. “А может, она не знает всей правды?” — приходила в голову Даниле и такая мысль.

— Данила, не заболел ли ты случаем? Как ни приду к тебе в магазин, ты сам на себя не похож. Печальным стал, — заметил коренастый дед Аскерка.

— К финишу идёт дело, Афанасьевич. К человеку приходят уже невестельные мысли, — уходил от ответа Данила, а сам мучительно думал: “А что, если она умело притворяется? Ждёт, когда я обругаю её, обижу и уже тогда выложит всё, выговорится, опозорит перед сыном на веки вечные. Дурень я старый. Надо было ещё перед свадьбой всё рассказать сыну, — упрекал себя Данила. — Ну, что за жизнь настало!”

И чем больше старался Данила осмыслить свои неожиданные да и знакомые ему (потому и страшился их) душевные муки, чем больше анализировал характер и поведение невестки, тем меньше интересовался всем остальным, потихоньку становился равнодушным, замкнутым и даже заметно нервным, раздражительным.

Плохо стало ему на работе после обеда. Словно клещами сдавило голову, сжало повыше затылка, всё поплыло перед глазами, и Данила упал, потеряв сознание. На счастье в магазине в то время оказалась внучка деда Аскерко. Беременная заведующая фельдшерско-акушерским пунктом, она боялась перед родами оставаться одна в доме и ходила то в клуб, то в магазин, то к себе на работу. Внучка Аскерко достала из холодильника лёд, приложила к голове Данилы. Побежали, нашли Женю. Он вызвал из района “Скорую помощь” и отвёз отца в больницу. Старик на удивление и к радости

родных быстро оправился. Через две недели попросился домой. Лишь небольшая бледность на лице да отблеск страха в глазах напоминали о недавней болезни, да правая рука всё ещё не слушалась.

Вера, не считаясь со временем, смотрела за Данилой, как за родным отцом. Привезла одна учительница с Украины пух, Вера купила у неё (причём, долго её уговаривала), сделала две новые подушки и принесла свёкру. Она доила корову, убирала в доме. Едва выпадет в школе свободная минута, бежит домой, чтобы подогреть Даниле суп или бульон.

— Снова вы ничего не едите. Вот сяду и буду сидеть до тех пор, пока вы не пообедаете, — настойчиво говорила она Даниле. И сидела, и ждала.

Однажды Данила не выдержал, бросил ей колочее, наболевшее:

— Как же ты можешь, Вера? Или притворяешься, или заставляешь себя переступить порог моего дома? Разве ты не знаешь о том случае в сорок четвёртом, когда мы... бросили тебя умирать под орешником? Я... я велел так поступить твоей матери, я! Почему молчишь, коли знаешь? Скажи мне что-нибудь, плюнь в лицо, прокляни, только не молчи. Если ты всё знаешь, почему ты так спокойно живёшь, почему не осуждаешь меня? Или ты не знаешь о том ужасном случае? — Данила чуть не задохнулся от волнения, по всему телу пробежала дрожь.

— Знаю, папа, знаю. Мне мама перед свадьбой обо всём рассказала. — Ни один мускул не дрогнул на лице Веры после такого признания. Слово “папа” прозвучало для Данилы впервые и щемящей нежностью проникло в сердце.

— Ты святая, что ли? Не понимаю. Зная всё, ты не судишь меня, не позоришь? Как же так? Даже не злишься. Неужто простила на веки вечные, не желаешь мне зла, смерти не желаешь?

— Желаю только добра. Тогда время было такое. Паника, страх. Вы и сами не ведали, что творили. Людей же спасать надо было. Вы не волнуйтесь, вам нельзя так волноваться, папа. Не судья я вам.

— Кто же тогда судья?

— Не знаю. Я на вас никогда зла не держала. Честное слово.

— Хорошо... Я верю. Хорошо. Оставь меня, доченька, я полежу чуток, потом суп съем. Обещаю, что всё съем. Ты иди. Дети ждут. Прости. За всё прости. Иди.

Оставшись один, Данила лёг на чистую постель, зарылся с головой в новые пушистые подушки, до крови закусил губу и горько, навзрыд заплакал. Он искал облегчения, а на душе стало ещё тяжелее. Десять лет он не плакал. “Неужто она и вправду всё простила? Она же должна меня ненавидеть”. Не хотел Данила понять Веру, не хотел принять её великодушия. Не понимал. Изболевшейся душе его расхотелось жить. Так, отвернувшись к стене, со слезами на глазах, прикусив губу, Данила Штовба и умер.

КОГДА ИГРАЛ АККОРДЕОН

Старенький чёрный телефонный аппарат стоял в учительской на подоконнике, в уголочке, но это не изолировало присутствующих, не создавало конфиденциальности разговоров. Может быть, кто-то и делал вид, что ему, мол, всё равно, о чём говорят по телефону, но тот, кто держал в руках телефонную трубку, даже спиной чувствовал, что находившиеся в учительской краем уха ловят каждое произнесённое слово.

Афишируя свою жизнь, больше всего подливала масла в огонь некрасивая, высокая преподавательница математики. Она уже трижды возила товар на продажу в Польшу и дважды летала за шмотками в Стамбул. Она же первая принесла и с ехидной улыбкой искушающе показала всем доллар. Пришло время, когда все, в том числе и учителя (они, правда, с опозданием), бросились спасать свой домашний бюджет мелкой торговлей. Ещё с интересом и вниманием к собеседнику делились суперновостями: где и как лучше идёт товар, а где такой же точно товар берут за бесценок. Однако же не все могли вслух похвалиться по телефону знакомым своим торговым счастьем.

Кто-то, попробовав однажды этого “сладкого хлеба”, дал зарок не стоять больше со спичками, топорами, сухой колбасой на базаре в каком-нибудь польском местечке. Так, волей обстоятельств и свойств характеров, женщины-преподавательницы разделились как бы на два лагеря: одни ежедневно болтали по телефону про товар, цены и деньги, другие — про семью (изредка), детей и любовников (чаще).

Сорокалетняя Тамара, пухленькая, маленького роста, круглолицая преподавательница химии, относилась к себе, если не придирались, ко второй группе. Она одна, дожив до этих лет, ещё не имела, в отличие от большинства, любовника. И не потому, что была уж такая моралистка с суровыми пуританскими взглядами. Она и сама не ответила бына вопрос, почему так сложилось? Видимо, потому, что была она женщиной открытой, искренней, не любила притворяться и поэтому всем делилась с коллегами — по большей части, хорошим, не делая из себя и своей жизни какой-то тайны. Было такое время, когда ещё можно было, не стыдясь, выносить домашние склоки на общественный суд. Так жило большинство: ни бедно, ни богато. Её Николай, к тому же, пил. Тихий такой был выпивоха, нельзя сказать, что алкоголик, однако из тех, которых разбуди среди ночи, дай сто граммов — выпьет. Не за что было хвалить мужа, как не за что было и бесчестить. Больше того, все знали, что верховодит в семье Тамара, что её послушный и молчаливый Николай прямо пляшет перед женой: “Тамарочка моя, что тебе принести? Что подать? В какой магазин сходить, что купить?”

“С таким послушным и незлобивым человеком не жизнь, а путешествие на палубе комфортабельного теплохода”, — не без некоторой зависти говорили преподавательницы-подруги. Одно только донимало Тамару, портило настроение, отравляло некоторым образом всю жизнь: её муж, неразговорчивый служащий музея, не любил телефон и никогда не звонил жене на работу. Если и случался на людях между ними телефонный разговор, то исключительно по её инициативе. Теперь же, когда раскрепостились тайные желания и страсти, когда перестали обращать внимание на то, что, кажется, ещё вчера было престижным, преподавательницы больше не скрывали своих связей с любовниками, не зашифровывали их под женскими именами, и все разговоры свелись-завязались вокруг двух тем: первая — деньги, вторая — мужчины. Тамара вдруг загрустила, она как бы выпала из бурной, рыночной жизни. Все издавна считали её “консервативной”, “старомодной”. Она чувствовала себя в своём родном коллективе как бы лишней, не такой, как все. Теперь о ней уже робко поговаривали, что она не умеет жить для себя, что старость на носу... Надо сказать, что Тамара и без подсказок подруг нет-нет, да и подумывала о разводе с мужем. Но какая женщина под горячую руку об этом не думает? В последний год, когда удачно выдала дочь замуж и когда ощутила тревогу от одиночества, к этой мысли возвращалась часто. Почувствовала, что судьба Николая больше её не волнует, что разлюбила его, и испугалась, ибо казалось аморальным даже самой себе в этом признаться.

А телефон в учительской раздражающе, как никогда, всё звонил и звонил. О, с какой уверенностью, счастьем, даже наслаждением подходили к нему коллеги, как стрекотали и сюсюкали в трубку! Даже преподавательница математики, эта кикимора, и та нашла (или купила за доллары) себе кавалера.

— Я людей ненавижу, потому что они никогда не будут способны подняться хотя бы на три ступеньки выше к Богу. Мне в музее среди чучел интереснее, — не единожды признавался Николай.

В начале их совместной жизни Тамара ещё тянулась к своему книжнику, но теперь его никчёмное философствование только раздражало её. “Олух, ничего от людей не надо требовать. Бери у них всё для себя. Все, кто может, бросились деньги зарабатывать, а ты по-прежнему ждёшь от коммунистов подачки, — отвечала она на его слова. — Библиотека, твои музеи, книги, церковь никому теперь не нужны”. Николай молчал.

Она махнула рукой и рискнула. Долго искать не пришлось. В соседнем подъезде жил Саня, уже несколько раз подвозивший Тамару на служебной “Волге”, на которой он возил очень высокого, влиятельного начальника.

Саня был разведён и моложе Тамары на пять лет. Жил он с матерью в однокомнатной квартире и второй раз жениться не спешил. Он подвёз её к окнам учительской один раз, второй, третий. Казалось, крылья несли её упитанное тело на третий этаж. Она махала ему рукой из окна и счастливо перед всеми улыбалась. Тамара выбросила из памяти последнее, самое приятное, что связывало её с Николаем: врачующее воспоминание о единственной поездке в Крым, когда они, очарованные морем, молодостью, любовью, с несказанным наслаждением слушали в городском парке музыку виртуоза — аккордеониста из Симферополя, маэстро Ковтуна.

Поскольку Тамара кое-как всё же держалась старых правил и до конца ещё не рассталась со стыдом, то сначала официально развелась с мужем и только потом взяла к себе Саню. Удручённый Николай не устроил скандал, сложил свои небогатые пожитки в чемодан и в единственном сером костюме вернулся к своей одинокой матери.

Тамара похорошела. Через день стала менять наряды, чаще заглядывать в парикмахерскую. Она охотно делилась с приятельницами своим новым семейным счастьем. Затосковали, похоже, завидуя Тамаре, коллеги: ведь она побила все рекорды — никому ещё и никогда так часто не звонили, как ей! Она, как принцесса, как королева, как миллионерша направлялась к аппарату и, не торопясь, громко начинала разговор с новым мужем. Подруги аж губы кусали: “Так повезло. Ничего же из себя не представляет. Николай был карманный, кроткий, помыкала, им, как хотела, а теперь нашла ещё лучше! Не ездила никуда торговать, а доллары в кошельке водятся”. Свою сосредоточенность и тревогу Тамара прятала в классе. Обеспокоена она была тем, о чём никто из преподавателей и не догадывался: в телефонных разговорах “влюблённого по уши” Сани постоянно звучала одна и та же просьба:

— Том, ты его, не забудь купить пива!

— В нашем гастрономе сандень. Иди в “Таллинн”.

— Ты слышь, это я. Пива купи обязательно, без пива не приходи домой.

Она успевала сказать несколько слов в ответ, но он уже не слышал. Как всегда, куда-то торопясь, клал трубку. Тамара по инерции, чтобы не выдать себя, с милой улыбкой ещё о чем-то будто просила, уславливалась, где он будет её ждать. Тонем строгой “гусыни” говорила, растягивая слова, в молчащую пустоту. Она больше не вспоминала Крым и ту известную мелодию “Бесаме мучо”, которая так ласкала её влюблённое сердце. Было это или приснилось?

ЭКСПЛУАТАТОРЫ

Надо что-то с этим капитализмом делать. Вокруг одни эксплуататоры, каждый норовит на чужом горбу... так и норовят. Вот и мои — не семья, а какой-то клубок эксплуататоров. Прихожу с работы уставший, как кит, который только что проглотил пару тонн криля, и уже с порога так и ждут все, чтобы нагрузить. Я уже и без того, как антилопа гну, которая отмахала десять километров. Коллега по работе попросил бандероль отправить, говорит, у тебя почта рядом с домом. Согласился. Прихожу, а моя почта на ремонте. Иду через два квартала на центральную, а там полукилометровая очередь, вроде газелей Томпсона, которые сгрушировались перед переправой. А что делать? Отстоял час.

Тут жена начинает первой.

— Не мог до сих пор мусор вынести? Без дела два часа болтаешься. Лодырь, тебе противопоказан капитализм.

— Это я-то лодырь! У нас в театре юного зрителя, я там осветителем служу, по три спектакля в день. Устаю, как экскаватор, который переворачивает сотни тонн земли.

Слушать не хочет.

— Что стоишь, как Дед Мороз, которому сто грамм не дали? Выноси мусор! О, тип, ещё притворяется, что не слышит, — командует жена.

Я действительно слабо слышу. Уши ватой заткнуты.

О, вы не знаете, что такое наш театр и наш зритель, когда он в ударе и когда помогает криками героям побеждать на сцене зло. Рёв космической ракеты — это вчерашний день. Тиффози на стадионах отдыхают.

— Пора тебе заткнуть не только уши, но и ноздри, — ворчит жена, — совсем от рук отбился.

— Никого так не эксплуатируют, как меня! — взрываюсь я.

Из другой комнаты, где по телевизору идёт передача “Ясновидящие и секс”, отзывается тёща.

— А тебя никто в шею не толкал. Женился по собственной воле?

— По собственной.

— Будь добр, исполний свой гражданско-бытовой долг. Выноси мусор.

Иду вниз. Тут сосед, ещё один скрытый эксплуататор, говорит:

— Вася, поддержи дверь, я ключи забыл... На минуту в гастроном сбегаю, пузырь возьму и обратно.

Стою, придерживаю дверь... Жду... Десять минут, двадцать.

Наконец, прибегает.

— Извини, — говорит, — одноклассника встретил, сорок лет не виделись.

— Так, — говорю, — прошлый раз в такой ситуации ты говорил, что тридцать лет не виделись.

— Да? Склероз проклятый.

Вот что капитализм с людьми делает! Забывать начал. А в квартире эти окающие эксплуататоры уже накалены до предела.

— Ты что же, растяпа, пустые бутылки не вынес?!.. Рабов тут нет.

Беру бутылки, бегу вниз с неохотой. Как назло, лифт отключился, да мигом назад, на двенадцатый этаж. Слышу уже в коридорчике, что в квартире что-то неладное. Вроде кто-то причитает.

Жена с порога:

— Ты бутылки выбросил?

— Как приказали.

— Я всё понимаю, — негодует супруга, — ты можешь не любить мою мать, свою тещу, но что бы так жестоко мстить! Племена в Африке до этого не додумаются.

— О каком мщении ты говоришь, — недоумеваю я, всё ещё тяжело дыша. — Да я ниже асфальта! Молекула!..

— Так почему ты, молекула, этикетки от бутылок не отклеил? Разве ж ты не знаешь, что моя мама их всю жизнь коллекционирует?

— Я думал, что их наша дочь давно отклеила.

— Ты за неё уроки делать будешь? Беги вниз, пока маму удар не хватил, носи бутылки обратно.

— Лифт не работает. Может, потом, после ужина?

— Нет, ты желаешь маме смерти! Беги, пока бомжи не растащили, — уже строго приказывает жена.

Скажу вам, этими этикетками обклеена вся квартира. Двери, тумбочки, холодильник, телевизор, ванная, весь туалет. Бывает, забегу — глаза разбегаются. Унитаз найти невозможно. Всё в этикетках. Эх, думаю, эксплуататоры, на всё у вас оправдание есть.

Словно подслушав мои мысли, жена иронизирует:

— Вернулось время капитализма, время эксплуататоров, забыл учебник по политэкономии?

— Как я его мог забыть, если я его не знал?..

— Да... Не быть тебе олигархом, не быть!

У подъезда соседка с одиннадцатого этажа, ещё одна, грустная-грустная. Лифт-то не работает, а она с новым телевизором.

— Подсоби, говорит, Василий! Век помнить буду! Через пять минут моя любимая передача.

Кое-как дотащили.

Только сел ужинать — дочь рыдает: не получается у неё задача! Я знаю, что и у меня не получится, но сопротивляться бесполезно.

— А что тёща делает? Она математику лучше знает! — ищу спасения я.

— Бессовестный! Мама вышивает внучке задание по уроку труда — чёрную собаку президента.

— А ты?

— Людоед! И тебе не стыдно? Я отпахала восемь часов за компьютером. Дай хоть перед сном любимый сериал досмотреть. Героя Педро оклеветали, и он в тюрьме! Неужели у тебя нет сочувствия, изверг?

Только, значит, с дочерью к десятому часу разобрались, сколько жидкости всё же осталось в ёмкости, из которой переливали в другие по трубам... Ну, скажу вам, задачка, Лобачевский отдыхает. Авторы учебника, факт, эксплуататоры.

Слышу тётчин голос:

— Доченька, с балкона дует.

Жена грозно так, как лвыца, от которой лев ушёл к другой:

— Кто последний был на балконе?

— Я не был, я не был, — с последней долей оптимизма выкрикиваю я из ванной.

— Мне дует, — стонет тётца... — Скорее бы на поезд да домой, в Крым.

Сколько живёт, всё грозитя, что уедет в Крым... Двадцать лет всё обещает.

— Кто последний пришёл в квартиру? — ведёт дознание жена.

— Папа, — отвечает дочь.

Ещё один эксплуататор растёт!

— Ступай на балкон и закрой там оконную раму. Маме дует.

На балконе холодно, но хочется посидеть подольше, дожждаться, когда все уснут, да помечтать о том времени, когда и я стану эксплуататором.

Тётца уснула в кресле, пришлось завершить вышивание чёрного пса, параллельно помог жене разгадывать кроссворд.

Только я, значит, одно место у собаки вышивать заканчиваю — звонок.

Сосед просит проверить по Интернету его лотерейный билет. Не успел я с билетом разобраться, тётца проснулась, просит рассказать, чем там передача “Ясновидящие и секс” закончилась.

Говорю, все ясновидящие видели одно и то же.

— А угадали, кто забеременел?

— Через девять месяцев угадают.

Только закончил мыть посуду, как опять звонок в дверь. Сосед, изощрённый эксплуататор, поскандалил с женой, вызвали милицию. Пришлось час побыть в роли понятого.

Утром, едва успев позавтракать, пулей вылетаю на работу. Читаю в утренней газете объявления. И, о чудо! Моя мечта может исполниться! В глубокой тайне отвожу документы и поступаю в среднее учебное заведение на заочное отделение. Сердце трепещет! Я держу в руках билет учащегося. Вот она, мечта! Железнодорожный техникум. Специальность — “Эксплуатация железных дорог”. Вы поняли, да? Вася эксплуататор. Будет и на моей улице праздник капиталистический. А то!

.....

Георгию Васильевичу Марчуку — 70!

Георгий Марчук — самый читаемый писатель Беларуси. В его произведениях закрученная интрига соседствует с глубокой мыслью, трагизм с народным юмором. Георгий Васильевич — давний автор “Нашего современника”. Сердечно поздравляем талантливого писателя, нашего доброго друга с приближающимся юбилеем. Желаем здоровья и новых трудов на благо славянской культуры.

Редакция

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ДМИТРИЙ БАТРАКОВ

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Зимняя ночь, ночь морозная.
Небо далёкое, звёздное.
Окна в узорах рисованных,
В лёд все дороги закованы.

Зимняя ночь, ночь холодная.
Вьюга кружится голодная.
Снега сугробы глубокие,
Ветра напевы высокие.

Зимняя ночь, ночка длинная
Русь обнимает былинную.
И во кольчугах, как воины,
Ели в шеренги построены.

Сосны обходят дозорными
Степи с полями просторными,
И богатырскою вольницей
Рощи дубовые смотрятся.

Зимняя ночь, необычная,
Грани стирает привычные...
Сказка и быль сочетаются.
Ночью так славно мечтается!!!

* * *

Белой метлою зима-госпожа
Ленты дорог замечает.
Вьюга-котёнок, по небу кружа,
Лунный клубочек катает.

Нити узоров художник-мороз
В окнах рисует стеклянных.
Ветви берёз и сплетения роз,
Отблеск рассветов румяных!

Во поле дети играют в снежки.
Светлое утро настало!
Пряха-зима вновь вплетает стежки
В снежную ткань-покрывало!

Время сквозь пальцы течёт, как вода,
К вечеру утро стремится.

Пусть же незваная гостья — Беда —
К нам на порог не стучится!

ЧАША ЗЛА

Чашу зла глотками быстрыми
Осушил Иисус Христос.
Ночь отсвечивала искрами
С неба падающих звёзд.

Да, испил он с верой стойкою
Всё до дна, но, в радость мгле,
Не исчезла чаша горькая —
Покатилась по земле.

Льётся грязью мерзкой, низменной
В чашу эту каждый грех.
Век за веком кто-то избранный
Пьёт её один за всех.

Пьёт, и зло от страха пятится,
Но всё так же мы грешим,
И опять та чаша катится,
Заливая свет души.

Не исчезнет, не расколется
Сердца глупого кумир.
Если чаша переполнится —
Зло утопит этот мир.

г. Москва

МАРИНА ВОЛКОВА

ПАХНЕТ ДЫМОМ — ТОПЯТ БАНИ

Пахнет дымом — топят бани,
В ярких звёздах окоём.
Запряжём-ка, милый, сани
Да прокатимся вдвоём.

Вьюги вслед бегут за нами,
На виду у всех людей.
Наши сани едут сами —
Мы жалеем лошадей.

По такому-то простору
Лёгок путь и ровен снег.
Как красив по косогору
Нашей тройки резвый бег!

Вслед саням кивают ёлки,
Впереди метель летит.
Как хрустальные осколки,
Искры бьют из-под копыт.

Нас несёт неосторожно
Ввысь, к рассветному костру.
Кто сказал, что невозможно
Целоваться на ветру?

Рук не жалко, губ не жалко,
Коли любишь — всё снеси.
Лют мороз, а сердцу жарко,
Вольно сердцу на Руси!

Встал восход. Над лесом — ясно,
Деревá — как терема.
И раздольна, и прекрасна
Наша русская зима!

ПРОСТОЕ, ДЕРЕВЕНСКОЕ

Заметает наш маленький сад
Золотая метель листопада.
У меня есть особенный взгляд,
Когда нежности прятать не надо.

Так смотрю я на спящих детей
В тёплых стенах родимого дома,
Чуть уставших от игр и затей,
Разомлевших в объятиях Дрёмы, —

С тихой лаской, бескрайне любя,
Словно глядя, рукой не касаясь...
А ещё так смотрю на тебя,
В бесконечную даль улыбаясь.

Позабыв про пустые дела,
Взяв в помощники Месяц да Ветер,
Я под вечер пирог испекла
С земляничкой, как память о лете.

Как отрадна негромкая речь
Угольков в очаге раскалённом!
Пышет жаром белёная печь,
А в окно так светло и влюблённо

Запоздалые звёзды глядят,
Провожая задумчивый Вечер...
И у звёзд есть особенный взгляд,
Обещающий счастье и встречу.

г. Санкт-Петербург

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМЕНКО

* * *

“Здесь ничего не дают за деньги.
Здесь даже нищим целуют руки.
Только не думай, что всё задаром
В нашем селенье”, — мне говорили.

Шёл я и думал, а что мне надо?
Нёс за своей спиной гитару
И удивлённо смотрел на двери,
Не замечая замочных скважин.

Я брал гитару и пел о счастье,
Тут же меня окружали люди.
Сколько ты хочешь за эти песни? —
Я отвечал им: “Поесть немного”.

Меня к столу приглашали. Пахло
Душистым хлебом, вином, дровами,
Пельменями и слегка бензином,
Видимо, близко была дорога.

Я ел охотно. Они сидели
Рядом. И ждали, когда спою я.
Потом я пел им до поздней ночи,
Мне это было совсем нетрудно.

Потом они говорили: “Хватит.
Скажи теперь нам, откуда шёл ты?
Какой дорогой, куда стремишься,
И как случилось, что ты без друга?”

Я отвечал им, откуда шёл я,
Какой дорогой, в какие дали,
Но, как случилось, что я без друга,
Не объяснял я — мне было стыдно.

Они меня за это прощали.
Женщина в чёрном гасила свечи.
Женщина в сером постель стелила.
Женщина в белом ложилась рядом.

Ну, а мужчины хоккеем смотрели.
Всё мне, конечно, казалось странным.
К тому же женщина повторяла:
“Только не думай, что всё задаром!”

КУВШИН

Сырой кусок поверхности земной
Я положил на круг гончарный мой.

И завертелся мой гончарный круг.
И глина подчинилась воле рук.

Огонь мою работу довершил.
И получился сказочный кувшин.

Его отдал я лучшей на земле.
И вот ты носишь воду в нём.
Не мне...

г. Москва

АЛЕКСАНДР РАХВАЛОВ

ЧУЖАЯ МАТЬ

(На Ярославском вокзале)

“...Я вам верну, я отпишу,
не милостыню же прошу”, —
металась женщина по залу,
простоволоса, без платка.
И видно было, как устала
и что сама издалека.

А мимо, сбившись в косяки,
текли разбухшие мешки
к своим тяжёлым поездам.
“Я вам верну, я вам отдам...”

И жажда мучила людей,
торчащих из очередей.
Но нет, не вышел ни один
лицом — как дочь,
душой — как сын.

До них ещё ей, как до рая, —
то ли в Тюмень, то ли в Читу.
То дочь пропишет: “Мам, рожаю...”
То сын торопит: “Мама, жду...”
И едет, путая вагоны
На пересадках, где уж тут...

“Возьми билет, зажми в ладони.
Теперь не многих дети ждут...”

И поезд тащится сквозь сумрак
к какой-то станции-свече.

И пассажиры среди сумок
дремали, будто на бахче.
Иные в тамбуре курили,
и я курил, себе не рад.
И тридцать лет меня давили,
как сорок или пятьдесят.
И всё казалось — на вокзалах,
будто опавшая листва,
страна до омертвения сжалась,
до отрицания родства.

МАНЕРА

Этот город я принял на веру,
как десятки селений окрест.
Может, это дурная манера,
но, простите, какая уж есть.

Тут любая бесплодная самка,
лишь ступив из соборных дверей,
понесёт от Тюремного замка,
как от князя бунтарских кровей.

Вместо каменных стен и собора
здесь не строили терема,
но для каждого ката и вора
будет храм, а за храмом — тюрьма.

И, особо ничем не блистая,
буду я утверждать без стыда,
что отсюда пошла золотая
и любая иная орда.

г. Тобольск

ГАЛИНА МАЛЬЦЕВА

* * *

Что это — смерть у дрожащих осин
Старым погостом замшела?
Что это — ветер коснулся руин
Церкви, склоняясь без дела?

Тихо дичает, томит красота
Старых полей и покосов.
Этой земли теплота, доброта...
Детство помашет с откоса,

Прытко сбежит по наклонной тропе,
И поминай, как нас звали,
И вспоминай о былом о себе,
Думай о том, кем мы стали,

Вида заросший заброшенный сад,
Чувствуя близкие грозы.
Вместе с дождём попадают в глаза
Прежние детские слёзы.

Не от обид на кого-то, о нет,
Не от разбитой коленки,
А от того, что прошло много лет,
И беспокойные стрелки

Дальше уводят. А в старом дому
Нет о тебе и намёка.
Весь ты нездешний, прожжённый, в дыму
Жизни иной и далёкой.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

Вода сластит, и жаждущие губы
Мои припали к стылому ведру.
Колодезный журавль серогрудый
Поскрипывает шеей на ветру

И тянется туда, где журавлиный
Путь завершён. Весенняя пора
Сбивает с толку, льётся песней дивной
И окрылённо манит со двора.

Журавель мой, в укромные болота,
Где дикие сородичи твои,
Ты просишься тоскливо, даже кротко,
Чтоб почерпнуть миг счастья и любви.

г. Москва

МИХАИЛ БАЗИЛЕВСКИЙ

* * *

Здесь деревья, склоняясь, молчат о своём.
Здесь корнями распорота слава земли.
Только души, срезая земной окоём,
По великому пламени ходят вдали.

За звездой, как на плаху, ступает звезда,
И у каждой — по миру лежит за спиной.
И гудят провода, и ползут поезда
Над распаханной почвой, над солью земной.

А когда, припадая к земле, тишина
Порастает быльём в придорожной пыли,
Как живую, её пререзает струна...
Только души всё ходят и ходят вдали.

* * *

Ю. Кузнецову

Пушкина нет. С этим, право, бессмысленно спорить.
Пушкина нет. Чаадаев покинул сей мир.
Что остаётся? Тихонько окошко зашторить
И аккуратно на спинку повесить мундир.

Лечь на диван, на котором сходились когда-то
Два соплеменника, вольно смыкая сердца.
Лечь на диван по особому праву собрата,
Томик раскрыть и читать, и читать без конца.

г. Иркутск

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

ПОЛОН

Тишина растоптана, а звук,
Тот, протяжно-русский и певучий,
Взят в полон, как в сатанинский круг, —
Сверхдинамик бьёт страшней и круче

Всех небесных и земных стихий,
Что там ураганы, смерчи, громы?!
Рвутся перепонки у глухих,
Стены содрогаются у дома...

Где ты, звук чистой красоты?
Сплюснен мозг у городов и весей,
Грохот запредельной частоты
Полонил полёт раздольных песен...

Что нас ждёт? Какие времена?
Если душу вынуть у народа, —
Рвётся одичавшая струна
Под напором бешеной свободы...

ВРЕМЯ

1

Всё стало и явным, и ясным,
Лишь пасмурно Солнце в груди...
А было незнание — прекрасным,
И ветер, и снег впереди!

Любовью большой, обоюдной,
Хотелось весь мир обнимать:
Ещё я не знала, как трудно
Всё видеть и всё понимать.

2

Слизнёт меня время, как волны песок,
Затянет в свою глубину.
...Минуты бессонно стучатся в висок
И ласково тянут ко дну.

Природа себя обмануть не даёт,
Хоть я и поспорила с ней...
И нет никаких привилегий и льгот
У жизни и смерти моей.

г. Екатеринбург

ДМИТРИЙ ТРИБУШНЫЙ

* * *

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
“Убежище” — читает человек
На школе, превращенной в пепелище.
У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.
Ещё один обстрел — и Новый год.
Украсим ёлку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придёт
На праздничные игры с автоматом.

г. Москва

* * *

Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.
Пророки обещали манну,
А выпал снег.

Мужайся, город непорочный,
Где каждый дом
Проверен “градами” на прочность,
Крещён огнём.

На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай.

г. Донецк

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

* * *

Сквозь перекрестие прицела
душа на волю поглядела,
а воля вольная в крови.
Идут сраженья под Донецком,
и, будто бы в кольце немецком,
рыдают ближние твои.

Идут сраженья под Луганском,
где тоже завоняло Гансом,
зашевелившимся в гробу.
И всё долбят, и всё корёжат
тот камень, что в веках положен
под нашу общую судьбу.

И, как обрыдлая реклама,
везде свой нос суёт Обама
с кутком оуновских щенят.
И я на возраст свой в обиде,
за то, что в ротной пирамиде
мой истомился автомат.

ВДОВА

И не жива, и не мертва,
в платке слепом, как ночь,
двадцатилетняя вдова
идёт со сцены прочь.

Коробка алая в руке
как будто жжёт ладонь,
а взгляд блуждает вдалеке
куда-то посолонь.

Ей орден только что вручил,
каким отмечен муж,
приехавший столичный чин,
растрогавшись, к тому ж.

В жалельщиках не он один,
да трудно чем помочь:
в кровати — годовалый сын,
под сердцем дышит дочь.

А муж ушёл к земле сырой
от молодой жены.
Твердят вокруг, что он герой
и все ему должны.

А счастье? Первые азы
и... не вернёшь назад...

На самом дне её слезы
ищите Китеж-град.

г. Москва

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

* * *

То тюркская, то скифская царевна...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда-беда и грусть-Святая Русь.

Наследье предков — роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак Пономарёв.

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой —
Кресало и кремень, а я — огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

* * *

Белый сокол, чёрный ворон —
Два исчадия войны.
Кто нам друг, и кто нам враг?
Нам, просившим тишины?

Даль туманную заснежит
Полночи и полдня взвесь.
Тошно жить и злобу нежить,
А судьбины не отвесь!

В светлой жизни, мрачной смерти —
Розы не свежее ран...
Вона, как крылами вертят,
Смертьте гнев, гордыню смертьте,
Белый сокол, чёрный вран!

Чтоб в бою и на гуляньи,
Побеждая непокой
Постоянством, покаяньем,
За терпенье — воздаянием
Брезжил свет в душе людской!

г. Москва

ЕКАТЕРИНА ПОЛУМИСКОВА

* * *

Ветры вьюжные век колобродили
на задворках вселенской глуши.
Но кружили метелью мелодии
по нехоженным тропкам души.

И дороги, которые пройдены
от истоков до края земли,
и просторы бескрайние Родины
нежной песней на сердце легли.

Там, где клонятся травы звенящие
и, как в зеркало, смотрятся в пруд,
там, где песни поют настоящие,
настоящие люди живут.

Светом солнечным льются над сёлами
и возносятся вновь к небесам
песни грустные, песни весёлые —
те, что с детства так дороги нам.

И пускай всё сложнее, всё чудеснее
нашей жизни шальной хоровод.
Если живы народные песни,
Значит, жив ещё русский народ!

* * *

На Казанскую — холодно.
Ветер морозный,
“триколором” играя, полотнище рвёт
вопреки триединству. Но каяться поздно.
Оттого ли безмолвствует снова народ?

Ветру всё нипочём — бесшабашный проказник,
он по снежному городу мечется зря.
Был один — стал другой государственный праздник
в первых числах неистового ноября.

Не беда, что сегодня неймётся кому-то,
ведь родную историю вспомнить — не грех.
В знак того, что когда-то посеяли “смуту”,
нынче манною с неба срывается снег.

И скорбим о былом...
Непривычно и дико.
“Варшавянки” мотив кто-то вспомнит не в лад.
И как будто не к месту алеет гвоздика,
и в Андреевском храме к обедне звонят.

г. Ставрополь

АЛЕКСАНДРА АЛИДАРОВА

* * *

Что мне возвращаться домой, Господи.
Ведь не ждёт никто меня там, Господи.
Если и заглянет как-то — лунный свет.
Больше никого-никого, Господи.

Всё же возвращусь я домой, Господи,
Если больше нигде мне быть, Господи.
В красном уголке образам поклонюсь —
И с молитвой лягу — усну, Господи.

РУЧЕЙ

Течёт ручей,
Я кувшин наполняю водой.
Песню ручья
В кувшине забираю домой.

Скорбит вода:
“Мне тесно в кувшине твоём,
Дай волю, дай,
Пролиться в потоке родном!”

* * *

Вот и осень, сжато поле,
Скошен луг, и лес всё боле
Лист золотой струёю льёт,
Ветр во все концы несёт.

В небо погляди — высоко
Нет, не близко, там далеко,
Плотью пышной облака
Пролетают сквозь века.

А под ними, чуть пониже,
Как страницы древних книжек,
Видишь крылья журавлей,
Что летят на юг скорей?

К нам весною прилетают,
Путь обратный помнят. Знают,
Что есть родина у них,
Здесь с весною ждут родных.

Вот и осень, сжато поле,
Неуютно, как в неволе.
Опустелый замер лес...
И не слышен крик с небес.

г. Москва

ВИКТОР ЛИННИК

БУНТ ОДНОЭТАЖНОЙ АМЕРИКИ

Разрыв с обыденностью

Ошибались те, кто считал, что голосование 8 ноября поставит точку в президентской кампании в США. Вызовы, с которыми сталкивается страна, личности кандидатов во главе обеих партий определили небывало ожесточённый характер предвыборной схватки. В американских выборах, которые и прежде не отличались особым джентльменством, поставлены новые рекорды оскорблений, непристойностей, вранья, клеветы, безумных денежных трат.

Неделя проходит за неделей, а до успокоения и примирения с новой действительностью далеко. Демократы, потерпевшие сенсационное и от этого особенно болезненное поражение, не хотят признавать итоги голосования. Градус вселенского скандала продолжает накаляться, чему способствовали цифры продолжавшегося подсчёта голосов: из них следовало, что за Клинтон проголосовали на два миллиона человек больше, чем за Трампа (64 млн 223 тыс. против 62 млн 206 тыс.).

Картину запутывает архаичная двухступенчатая система американских выборов. Избиратели, голосуя за своих кандидатов, формально голосуют за выборщиков (таковых для победы должно быть 270). Но уже пять раз в американской истории – в 1824-м, 1876-м, 1888-м, 2000-м и, судя по всему, в 2016-м – коллегия выборщиков обязана присудить победу человеку, получившему меньшее число голосов на избирательных участках.

Почему отцы-основатели США 230 лет назад избрали столь причудливую схему, обставив её массой сдержек и противовесов? В сегодняшней Америке не любят об этом говорить, но создатели Конституции очень не хотели отдавать право выбора главы государства напрямую в руки плебса. Поэтому долгое время президента избирали члены палаты представителей. Даже много позднее чёрные рабы не получили права голосовать вообще, а голос негра свободного на то время “весил” не то 3/7, не то 5/7 голоса белого человека.

Потом избирательная система создавалась для сельскохозяйственной страны с населением в три миллиона человек. Очевидно, что отцы-основатели не могли предвидеть превращение 13 американских штатов, вчерашних колоний, в мировую державу номер 1 с населением в 325 миллионов человек. Архаика должна была прийти в столкновение с реальностью постиндустриального общества, гражданская демократия – с демократией массовой. Общее число выборщиков – 538 – равно совокупному числу членов палаты представителей и сената США. Поскольку каждый штат имеет, согласно Конституции, по меньшей мере 3 голоса выборщиков, ясно, что малые (глубинные, коренные) штаты страны получают преимущество перед большими, сельские перед урбанизированными, где как раз сбивается пришлый народ (афроамериканцы,

ирландцы, итальянцы, евреи, латинос и т.д.). Калифорния, например, имея население в 69 раз больше, чем Вайоминг, получает всего в 18 раз больше голосов выборщиков. Неравенство отражено и в составе сената США, где те же Вайоминг и Калифорния имеют по два представителя каждый.

Причины нынешней буйной реакции проигравших на итоги выборов не только в том, что президентом США неожиданно избран Трамп, а в том, как он был избран. Напомним, что “по голосам” Клинтон победила Трампа со значительным большинством – только два штата, Нью-Йорк и Калифорния, обеспечили ей перевес почти в пять миллионов голосов за счёт афроамериканцев и латинос (американцев латиноамериканского происхождения). Однако “двухступенчатая” американская избирательная система, когда президент избирается не страной как целым, а штатами, даёт, как было отмечено, определённое преимущество штатам “глубинки”, населённым так называемыми WASP (белыми англосаксонскими протестантами), то есть коренными американцами. Победу Трампа обеспечили именно их голоса, оказавшиеся решающими в большинстве малых и средних штатов. Причём последний и сокрушительный удар по надеждам Клинтон на победу был нанесён в “спорных” штатах, которые уже лет тридцать не голосовали в президентских выборах за республиканцев, – в Пенсильвании, Висконсине, Мичигане.

Традиционная подозрительность жителей этой Америки к Вашингтону, к чиновной бюрократии, к появлению династий в лице Бушей и Клинтонов на этот раз была стократно усилена их неприятием либеральных ценностей ЛГБТ-сообщества, неприязнью к этническим и расовым меньшинствам, этим, по их представлениям, бездельникам, сидящим на пособиях. Журнал “Нью Рипаблик” отметил в этой связи, что “Дональда Трампа привели в Белый дом либералы”.

Клинтон назвала избирателей Трампа “скопищем убожеств, расистами, ксенофобами, гомофобами, женоненавистниками и мракобесами”. Потом, правда, извинилась, но послевкусие оскорблений осталось.

И вдруг кандидат этой малопочтенной публики побеждает на выборах. Ответом стала яростная реакция улиц Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Окленда, Портленда, других крупнейших городов страны. Странники Клинтон пытались устроить нечто вроде майдана по-американски: поджигали и переворачивали машины, устраивали стычки с полицейскими, швыряли в них камнями и всем, что попадётся под руку. В разных концах страны перекрывали улицы и автомобильные трассы. Сделай что-либо похожее “чайная партия”, отмечала пресса, в пору было бы вызывать 82-ю авиадесантную дивизию.

В “спорных” штатах (Мичигане, Пенсильвании и Висконсине) вознамерились устроить пересчёт голосов. На день инаугурации 20 января запланирован грандиозный антитрамповский митинг в Вашингтоне. 21 января заявлен как день массового мероприятия в поддержку Хиллари в Нью-Йорке под девизом “Марш миллиона женщин”. Большие СМИ со сладострастием смакуют эти акции и продолжают источать яд в адрес нового хозяина Белого дома. Вроде бы respectable “Вашингтон пост” с видимым удовольствием цитирует слова одного из уличных погромщиков в адрес Трампа: “Мы имеем дело с фашистским маньяком”.

Мэры Нью-Йорка, Чикаго и Вашингтона объявили о готовности объявить свои города “заповедными”, то есть такими, в которых приостанавливается действие законов о преследовании незаконных иммигрантов. Понятно, что это делается явно в пику обещанной Трампом депортации из страны двух или трёх миллионов нелегальных иммигрантов.

Клинтоновские энтузиасты проявляют недюжинную изобретательность в саботаже итогов народного волеизъявления. Сейчас они всю обрабатывают выборщиков Трампа в штатах, убеждая их проголосовать против своего кандидата 19 декабря – в день, когда голосуют члены Коллегии выборщиков. На сегодня, сообщают СМИ, таковых может набраться с полдюжины, что не сильно способствует делу подрыва легитимности Трампа – он далеко оторвался от Клинтон по голосам выборщиков (у неё 232). Ну, а самый “убойный” рецепт борьбы с “наступлением тёмного царства Трампа” предлагает Калифорния, где вознамерились ни много ни мало запустить петицию о выходе штата из Федерации.

Нервы у вновь избранного президента не выдерживают. Назвав попытку пересчёта голосов “жульничеством”, Трамп напомнил стране, что выиграл 306 из 538 голосов выборщиков, опередил Клинтон в 30 из 50 штатов

и в более чем 2600 округах – результат, которого республиканские кандидаты не добивались со времён Рейгана. “Отмена Коллегии выборщиков означала бы совсем другую кампанию, – заметил в “Твиттере” Трамп. – Она была бы проще. Мне пришлось бы посещать значительно меньше штатов, чем при нынешней системе. Тогда бы я вёл кампанию в Калифорнии и Нью-Йорке. Но гений Коллегии выборщиков как раз и состоит в том, что учтены интересы малых штатов, которых в ином случае никто бы не заметил”.

Вот всего один эпизод, весьма характерный для нынешнего состояния умов в культурной элите американского общества, которая чуть ли не поголовно была в клинтоновских рядах. Уже после выборов в театре на Бродвее появился новоизбранный вице-президент М. Пенс, решивший вместе с семьёй посмотреть новый мюзикл “Гамильтон”. Зрители встретили семейство криками неодобрения. В конце представления актёр, игравший Аарона Берра, вышел на авансцену и зачитал от имени актёров и продюсеров послание Пенсу: “Мы представляем разную Америку, которая встревожена и озабочена тем, что ваша новая администрация не защитит нас, нашу планету, наших детей, наших родителей и наши неотъемлемые права, сэр. Но мы искренне надеемся, что эта пьеса вдохновит вас на то, чтобы поддержать наши американские ценности”.

Хорошо знакомая фига в кармане. Утончённое издевательство с поклоном. В этой выходке сквозят высокомерие, поза морального превосходства, самодовольство тех, кто мнит себя “культурным пупом” Америки. Плюс издёвка, если вспомнить, что Берр, как и Пенс, был вице-президентом, а своего президента Томаса Джефферсона убил на дуэли.

Консервативный обозреватель П. Бьюкенен, разделяющий политическую философию Трампа, предостерегает победителя прошедших выборов: “Левые не смирились со своим поражением и не признали законным триумф Трампа. Его президентство будет в осаде с первого дня”.

Один весьма красноречивый опрос отмечал, что в демократическом электорате особенно нетерпимо настроены люди с высшим образованием (66% “неуважительных” откликов) и белые женщины (68%). Это те люди, которые годами громче всех вопиют о толерантности. Но именно они оказываются сегодня во главе протестной волны против избрания Трампа. Законы, как известно, пишутся в США не для избранных.

Последний опрос Гэллапа показывает: 77 процентов американцев согласны с тем, что страна расколота в подходах к важнейшим ценностям.

Смысл голосования-2016

Недели, прошедшие с 8 ноября, объясняют, почему все высокоумные предсказания, анализы и прогнозы пришлось срочно смывать, как кофейную гущу из чашки после гадания. Подавляющее большинство опросов вплоть до дня голосования показывали лидерство Клинтон – от 2 до 12 процентов.

Что же произошло? Почему так позорно провалились службы опросов общественного мнения? Почему столь слепы оказались большинство СМИ, ещё вчера признанные лидеры общественного мнения? Уже по ходу подсчёта голосов ближе к ночи на 9 ноября крупнейшим агентствам, телекомпаниям, газетам, сайтам и доменам интернета пришлось срочно отбрасывать вчерашние выкладки и верстать прогнозы заново.

Находят несколько объяснений такому повороту дела. Во-первых, многие из сторонников Трампа воздерживались от того, чтобы сообщать составителям опросов свои истинные предпочтения, – факт, красноречиво говорящий о посеянном в людях страхе перед либеральной тиранией. Но дело не только в этом. СМИ не заметили вполне реального гнева и недовольства миллионов людей, чьими жизненными интересами и чаяниями пренебрегают Уолл-стрит и вашингтонский истеблишмент. Во-вторых, именно чета Клинтонов больше, чем кто-либо ещё, олицетворяет этот самый, столь ненавистный многим в Америке, истеблишмент – они его заметная и неотъемлемая часть последние четверть века. В-третьих, избрание Клинтон означало бы продолжение восьми лет обамовского правления, а это именно то, чего не приемлют избиратели Трампа.

Как это было

Уже первые праймериз родили сенсацию. Республиканскому истеблишменту пришлось смириться с неожиданным, но убедительным отрывом от многочисленных соперников 69-летнего Дональда Трампа (его лозунг “Снова сделать Америку великой”). Он зарегистрировался, как республиканец всего года четыре назад, никогда не занимал никакого выборного поста, не взял ни доллара у партийных организаций или олигархов, потому что сам олигарх. Опрокинуты прогнозы политиков, учёных спецов, политологов, букмекеров, держателей тотализаторов.

У демократов в Нью-Гэмпшире сенатор Бёрни Сэндерс разгромил Хиллари Клинтон (60 процентов голосов против 38), гранд-даму американской политики, отстав от неё всего на три десятых процента в Айове, после чего заговорил о “революции” среди демократов, которую, дескать, не остановить. Ему восторженно вторили молодые избиратели, сгоняющие Клинтон со сцены криками “Лгунья!” “Жители Нью-Гэмпшира, – обратился Сэндерс к своим сторонникам после сенсационной победы, – посылают ясный сигнал политическому и экономическому истеблишменту, а также истеблишменту в лице СМИ. Люди говорят, что на фоне огромных кризисов, с которыми сегодня сталкивается страна, прежние подходы в политике и экономике запоздали. Люди хотят перемен”.

Хуже всего для Клинтон, которая хотела стать первой в истории США женщиной-президентом, было то, что она проиграла Сэндерсу во всех категориях избирателей – не только среди мужчин, но и среди женщин, которых считала “своими” по определению. У неё, казалось, было всё для победы: известность и политический опыт, каких нет ни у кого из претендентов, большие деньги, поддержка партийных боссов и видных представителей американской элиты. Но примерно треть демократов Нью-Гэмпшира назвали важнейшим качеством для кандидата в президенты честность. И 91 процент этих избирателей проголосовали за Сэндерса.

Впрочем, это не мешало журналистам всю подтрунивать над чудаковатым сенатором из Вермонта. “Сэндерс напоминает неприбранную постель, – писал один из них. – Похоже, он покупает костюмы в магазинах для малоимущих и потом спит в них три или четыре дня. Его голос – нечто среднее между хрипотой и рёвом. На сцене он похож на медведя, который пропускал зимнюю спячку последние лет 35. Если какой-нибудь вице-президент предложит ему гонорар в 335000 долларов за выступление, Бёрни, возможно, откусит ему руку”.

Последняя фраза – намёк на 675000 долларов гонорара, которые взяла Клинтон за три свои речи у известной инвестиционной фирмы “Голдман Сакс”. Сэндерс в ходе дебатов вежливо попросил мадам Клинтон предоставить общественности стенограммы этих гениальных речей, очевидно, явно перекрывших по своему значению Нагорную проповедь Спасителя. Ответом был ледяной взгляд и обещание “рассмотреть этот вопрос”, произнесённое голосом, от которого застыла бы кровь в жилах у самых закоренелых преступников.

“Демократический социалист” Сэндерс уверен, что Америка больна, что её политическая система безнадежно несправедлива, и единственным лекарством от этого может быть только “революция”. В сотнях своих выступлений он крыл почём зря банкиров с Уолл-стрит, крупные фармацевтические компании и производителей органического топлива. В нынешнем избирательном цикле всё это вызывало восторженный отклик американцев.

Все республиканские претенденты сходятся в том, что правление Обамы стало катастрофой для страны. Впрочем, ожидать иного от оппозиции в двухпартийной системе не приходится.

Интересней другое: стране нужно менять курс, и это мнение разделяли как левый “демократический социалист” Сэндерс, так и правый популист Трамп.

Наследие Обамы

Восемь лет Обамы у руля государственного корабля, неэффективность и половинчатость его социально-экономической политики вызывали недовольство значительной части населения страны. Первый, хотя и чёрный, но оказавшийся скорее бесцветным американец в Белом доме изрядно поднадоел

соотечественникам: новизна стёрлась, его лозунг “Да, мы можем” давно ничего не вызывал, кроме улыбки и раздражения. Верхушка Вашингтона погрязла в межпартийных дрязгах. Разделённое правление, когда в Белом доме сидел президент-демократ, а Конгресс и большинство губернаторских постов находились в руках республиканской оппозиции, сковало власть по рукам и ногам.

По сути, законотворческий процесс на Капитолийском холме застопорился. Если с 1999 по 2010 год Конгресс в среднем за два года принимал 463 закона, то в 2011–2016 годы этот показатель сократился до 266, то есть в 1,8 раза. В годы правления Обамы демократам удалось провести три важнейших законопроекта: закон об американском возрождении и реинвестициях, в рамках которого в экономику США было “влито” примерно 840 млрд долларов, позволивших вывести её из самого глубокого экономического кризиса после Второй мировой войны; закон о доступном медицинском страховании и защите прав пациентов, который впервые в американской истории ввёл систему доступного медицинского страхования практически для всех слоёв населения; наконец, закон Фрэнка-Додда о реформе Уолл-стрит и защите потребителей, предусматривающий самые масштабные в новейшей истории США меры по регулированию финансового сектора американской экономики.

Утрата государственной воли у администрации Обамы вылилась в развал бюджетного процесса. Достаточно указать, что в период с 2011-го по 2017 финансовый год Конгресс США всего однажды – в 2016 году – принял проект бюджета на очередной финансовый год в установленные сроки и с соблюдением законодательно установленных процедур.

В настоящее время только треть федеральных расходов ежегодно рассматривается и утверждается американскими законодателями; остальное – порядка 3 трлн долларов – бесконтрольно расходуется в “автопилотном режиме”. В результате долг федерального правительства перевалил за 19 трлн долларов. По оценке Конгресса США, в 2011–2015 финансовых годах по линии федерального бюджета были необоснованно выплачены (а в ряде случаев и просто разворованы) около 710 млрд долларов, а ежегодный недобор налоговых поступлений в казну федерального правительства в среднем составил за этот период 385 млрд долларов.

Страна дрейфовала неизвестно куда на фоне бравурных речей Обамы об американском величии и обязательном лидерстве в мире. В Америке за время его правления сильно “сдулся” средний класс – становой хребет общества, на котором, в конечном итоге, покоится устойчивость всей американской политической системы. Выбит он спекуляциями пронырливых финансистов из хедж-фондов и деривативами, массовым, настырным и ничем не подкреплённым кредитованием всех и вся без ограничений, без “чувства и закона”. Разочарование и гнев среднего класса, столкнувшегося с заметным ухудшением своего материального положения, проблемы с иммигрантами, внешняя политика с её авантурными приключениями на Ближнем Востоке и обострившейся русофобией – вот фон президентской кампании 2016 года. Партийные кокусы (собрания) и первичные выборы показали слабеющую хватку когда-то железных партийных машин в обеих партиях – именно так обстояли дела в нынешнем году. Это подтверждается самим фактом появления в качестве лидеров президентской гонки таких людей, как Трамп и Сэндерс: первый – республиканец без году неделя, второй и вовсе “демократический социалист”, только голосующий в Сенате вместе с демократами.

Новые идеи кандидатов

Когда в консервативной сельской Айове, куда, как говорится, ворон костей не заносил, 43 процента демократов по данным опросов причисляют себя к “социалистам”, приходится признать невероятное: в сознании американских избирателей происходят тектонические сдвиги. Если слово “социализм”, которое со времён маккартизма предавалось поношению и анафеме, не вызывает теперь отторжения у глубинной Америки, то страна и впрямь стала другой. Наши “рыночники” в экономическом блоке правительства встречают эти развороты в американском сознании со смятением или ужасом, о чём явно говорят их писания в “Новой газете”. Если уж и в Америке допускают социализм, то что завтра может произойти с капиталами, которые заботливо откладывались за океаном нашей элитой на чёрный день?

Предвыборная платформа Сэндерса предусматривала нешуточное перераспределение доходов от очень богатых в пользу очень бедных и американского среднего класса. Предполагалось создание системы бесплатного высшего образования, оплачиваемый 12-недельный отпуск, всеобщее медицинское обслуживание, резкое расширение пенсионного обеспечения и вспомоществования для бедняков, впечатляющие программы развития инфраструктуры, что позволило бы создать 13 млн новых рабочих мест, включая занятость для 1 млн молодых американцев.

Откуда взять деньги для претворения этих смелых идей в жизнь? Широкими мазками Сэндерс набросал картину перекройки поступлений в федеральную казну: 1 трлн долларов в течение 5 лет за счёт введения офшорного налога на прибыли транснациональных корпораций, 75 млрд долларов в год за счёт введения налога на прибыли на Уолл-стрит, 5,5 млрд долларов в течение двух лет за счёт закрытия налоговых лазеек для крупнейших американских корпораций, увеличение отчислений в фонды социального страхования для предпринимателей на 1,4 трлн долларов в год. Плюс ряд других мер по увеличению налогообложения и закрытию налоговых лазеек для наиболее состоятельных слоёв американского общества.

Американский политический класс не отваживался выходить с предложениями столь решительных социальных преобразований, наверное, с 1948 года, когда в президенты баллотировался прогрессист Г. Уоллес, вице-президент Ф. Рузвельта. Планы Сэндерса в этом году поддержали 13,2 млн человек, проголосовавших за него на первичных выборах демократической партии. Отмахнуться от столь ясно выраженных предпочтений левых избирателей-демократов клинтоновскому крылу партии было нельзя. Поэтому в целях сохранения единства перед лицом трамповского вызова Сэндерсу можно было предложить два варианта: пост вице-президента или включение большинства его предложений в принимаемую съездом программу партии. Престарелый политик выбрал второе, разумно рассудив, что должность вице-президента, формально второго человека в американской властной вертикали, есть должность с весьма ограниченными полномочиями. Обычно он имеет столько власти, сколько соизволит отдать ему первый номер, — за исключением церемониального председательства в Сенате и голосования там же в случае равенства голосов сенатского большинства и меньшинства. А включение предложений Сэндерса в утверждённую на партийном съезде программу, которую по американской склонности к преувеличениям тут же окрестили “самой прогрессивной предвыборной платформой” за всю историю демократической партии, дело серьёзное.

Партийные машины демократов и республиканцев были явно не в восторге от Сэндерса и Трампа, ставших лидерами предвыборной гонки в своих партиях. Они не пользовались партийной кассой для финансирования своих кампаний и всячески подчёркивали дистанцию между собой и партийными комитетами в год, когда неприятие истеблишмента, отторжение Вашингтона стало знаменем времени. Партийная номенклатура, предпочитающая более привычных и послушных политиков, надеялась отыграть по ходу кампании. Демократам это удалось. Сэндерс, за которого проголосовали миллионы, на партийном съезде призвал своих избирателей поддержать Клинтон. У республиканцев конфликт партийной массы и верхушки так и не был преодолен до конца избирательной кампании, что, однако, не помешало партии сохранить большинство в обеих палатах Конгресса.

Несколько лет назад республиканцы пережили сильнейший удар со стороны консервативного движения под названием “чайная партия”, но сумели обернуть в свою пользу приток новых лиц и идей, получив в ту пору контроль над палатой представителей. Майк Пенс, вице-президент Трампа, — как раз из кадрового пополнения, которое республиканцам поставила “чайная партия”.

Олигарх из ниоткуда

Если бы не Трамп, сколотивший миллиардное состояние за 40 лет работы в недвижимости и строительстве, то прошедшая президентская кампания в США была бы до зевоты предсказуемой и скучной. К неподдельному восторгу телеканалов, газет и всего интернета с его “твиттерами”, “фейсбуками” и прочими соцсетями, появился такой человек, как Дональд Трамп, каждое

интервью которого, встречи с избирателями на городских собраниях, появление в эфире, участие в теледебатах заставляли заокеанские СМИ делать стойку наподобие гончих при звуках охотничьего рожка. Ибо каждый выход Трампа на публику имел привкус скандала или того, что можно с лёгкостью раздуть в скандал. В самом начале кампании он произвёл впечатление и на российского президента В. Путина, который, видимо, заглянув в свой “магический кристалл”, заметил: “Не наше дело определять его (Трампа) достоинства, это дело избирателей США, но он абсолютный лидер президентской гонки”. Президент РФ также приветствовал желание Трампа перейти на другой, более глубокий, уровень отношений с Россией. “Разве мы можем это не приветствовать? – вопрошал Путин ещё на своей декабрьской (2015 год) встрече с прессой, и сам же отвечал: – Конечно, мы это приветствуем”.

Трамп позволяя себе говорить во всеулышание то, что другие претенденты проговаривают разве что вполголоса. Очень находчивый, с хорошей реакцией, он принимался человеком с улицы за своего. Трамп изъяснялся не на тарабарском жаргоне политологов, а языком, понятным всякому простому американцу, говорил то, что многим хотелось услышать: о засилье мигрантов, об уходе корпорациями рабочих мест в Китай, о лицемерии ведущего кандидата в президенты Хиллари Клинтон, избрание которой будет означать продолжение обамовского курса.

Трамп уже к началу кампании обладал 100-процентной узнаваемостью в Америке. Его знали по телепрограмме “Подмастерье”, которую он вёл лет десять. В 1988 году Буш-старший раздумывал, не пригласить ли его к себе вице-президентом, но в итоге предпочёл Д. Куэйла.

Трамп, похоже, ни разу в жизни не избирался даже в захудалый школьный совет, в сравнении с ним даже Обама со своими двумя годами в Сенате США сошёл бы за матерого политика. Он появился на политическом небосклоне США, как “беззаконная комета в кругу расчисленных светил”. Американские СМИ давно окрестили его “Зе Дональд” за его эго, которое выше, чем высотка Трамп-тауэр на нью-йоркской Парк-Авеню. Невоздержанный на язык, женатый в третий раз, с бесчисленными романами в промежутках, 120-килограммовый бонвиван (рост 190 см) всем лепит правду в глаза. Или то, что ему представляется правдой.

Кинув 35 миллионов собственных долларов в рекламную кампанию только в штатах, где в январе-марте предстояли первичные выборы, Трамп тут же пошёл с открытым забралом на признанных авторитетов американской элиты, начиная с Клинтон (может, в этом и состояла его политическая сверхзадача в нынешней президентской кампании?). “Ну, вы же приглашали чету Клинтон на свою свадьбу?” – допытывались у Трампа журналисты. “Я бизнесмен, для меня важны связи со всеми”, – улыбался тот в ответ.

Трамп в прошлом не раз примерялся к заветному политическому призу в США – Белому дому, – но дело заканчивалось схождением с дистанции на ранних этапах. И вдруг феноменальный прорыв на этот раз: 69-летний Трамп взлетел на самый верх в опросах общественного мнения, опережая остальных республиканских претендентов, чей послужной список выглядит куда солиднее трамповского. Маленькую сенсацию сотворило то, что он пока оставил позади себя Джеба Буша, бывшего губернатора Флориды, брата и сына бывших президентов из клана Бушей, вот уже треть века не покидающих список высших должностных лиц Америки. В 1989 или 1990 году он, тогда работавший на радио, звонил мне в корпункт “Правды” в Нью-Йорке, чтобы взять у меня интервью для своей станции. Звучал он самоуверенно – в каждой фразе пёр из него избалованный отпрыск элитной семейки. В кампании-2016 младший Буш ни разу не набрал более 6 процентов голосов.

Олигарх Дональд Трамп, владелец небоскрёбов, казино, яхт и конкурсов красоты, в Айове занял второе место, но уверенно опередил остальных 16 участников группового забега в республиканских праймериз в Нью-Гэмпшире, получив 34 процента голосов избирателей. Америка проигрывает, не уставал он повторять в своих речах, потому что её политические руководители некомпетентные слабаки, и единственное противоядие от этого – сам Дональд Трамп. От скромности он не умрёт, за это можно ручаться.

Республиканский истеблишмент рвал на себе волосы, опасаясь разгромного для партии результата в ноябре в дуэли с Хиллари Клинтон, которой – казалось! – только падение метеорита на территорию США может помешать

стать кандидатом от своей партии и первой женщиной-президентом в истории страны. Впрочем, почти те же самые слова звучали восемь лет назад, когда она – госсекретарь, сенатор и жена бывшего президента с огромным связями в американском политбмонде – начинала дуэль с темнокожим и безвестным Обамой. Но она сумела проиграть.

Она сумела проиграть и в этом году.

Россия – участник президентской кампании?

В многомиллиардной головокружительной лотерее под названием “Кто будет следующим президентом?” задействованы большой бизнес, СМИ, партии, спецслужбы, законодательная и исполнительная власть. К ней очень хотели пристегнуть Кремль в качестве злодея из табакерки, усиленно колдующего в пользу Трампа, которого на протяжении месяцев называли “агентом Кремля”, “марионеткой Путина”, проводником российской политики. Масштабы мнимого “российского присутствия” во внутривнутриполитических играх США на сей раз были таковы, что заставляли задуматься, всё ли в порядке с головой у столпов американского истеблишмента. Ещё вчера они упивались унижением России, побеждённой в холодной войне, а сегодня приписывают ей зловещее могущество Мордора и магические способности протащить в Белый дом своего кандидата.

Конспирологическая приправа на пути к Белому дому на сей раз оказалась особенно скандальной. Она составила из электронных перехватов “Викиликс”, хакерских атак из неведомых источников на электронную переписку штаб-квартиры демократической партии и электронной почты Клинтон, которую она в бытность госсекретарём США легкомысленно рассылала со своего домашнего сервера. Клинтон уничтожила десятки тысяч сообщений после того, как ФБР начало расследование по этому поводу, подозревая утечку секретной информации.

Вот как прокомментировал ситуацию с “почтовым скандалом” Хиллари Клинтон один ветеран ЦРУ.

1. Хиллари смешивала потоки частной и служебной информации, используя свой частный сервер.

2. В этом потоке были как минимум более 100 писем с совершенно секретной информацией. Хиллари лгала, когда говорила, что этого не было.

3. Невозможно установить размер ущерба, нанесённого национальной безопасности, поскольку, как только начал разгораться скандал, юристы Клинтон уничтожили большую часть переписки на сервере.

4. Часть переписки оказалась на ноутбуке тогдашнего мужа тогдашней помощницы Госсекретаря Хумы Абедин вперемежку с его перепиской сексуального характера с многочисленными женщинами, в том числе и с одной несовершеннолетней.

Вывод: любой другой уже отправился бы за это в тюрьму.

Вот ещё один комментарий: “Конфиденциальная информация” – это 8 писем с грифом top secret (“Совершенно секретно”) и свыше 2100 сообщений, которые затем задним числом ФБР обозначило как confidential (то есть ограниченного доступа). По американским правилам, такая информация должна передаваться только через защищённые каналы связи, доступ к которым имеют только сотрудники с допуском на работу с гостайной. К домашнему же серверу Хиллари имел доступ кто угодно, начиная от банальных сисадминов и заканчивая чуть ли не домработницей. Зачем Хиллари столь грубо нарушила протокол? По её версии – потому что через свой сервер было удобнее обмениваться информацией с сотрудниками, по моей версии – потому что на госсервере все сообщения автоматически копируются и сохраняются, а на своём личном сервере всякие ненужные сообщения потом можно и подтереть”.

“Клинтон может быть обвинена в государственной измене”, – подытожил ситуацию председатель комитета конгресса по разведке палаты представителей.

“Есть у госпожи Клинтон помощница, Хума Абедин, женщина во всех смыслах интересная, – вносил свою лепту в пикантную дискуссию блогер Егор-Погром. – С одной стороны, госпожа Абедин, несмотря на службу у главной либералки земшара, является лоббисткой ряда исламских организаций и имеет прямые связи с Саудовской Аравией. С другой стороны, по разным

грязным слухам, госпожа Абедин – лесбийская партнерша Клинтонши (отсюда и такая сдержанная реакция Хиллари на все измены мужа).

Ну и, как полагаются всякой госслужащей-лесбиянке, у госпожи Абедин имелся официальный муж, конгрессмен Энтони Винер. Каковой Винер с понятной мужской тоски (жена – лесбиянка-террористка, как тут не затосковать!) занялся секстингом, то есть отправкой неприличных сообщений и фотографий разным дамам...

Само собой, к экс-конгрессмену и экс-мужу Хумы Абедин нагрянуло ФБР с обысками и изъяло все носители информации, включая телефоны, ноутбуки и планшеты. А дальше... вы уже догадались, что было дальше... Да. Да. Да. Ещё 1000 писем с того самого сервера Хиллари Клинтон, потому что у Хумы и Винера был общий аккаунт с общим доступом”.

Весь этот компромат объёмом в сотни тысяч страниц выкладывался в сеть месяцами, перебиваемый разве что ответными выпадами в адрес Трампа. То крутили аудиоплётку с его словами о том, как просто мужчине, обладающему известностью, добиться женского расположения, причём дамы были готовы терпеть прикосновения к самым интимным местам. Это вызвало гневные отповеди феминисток на берегах океанов от Атлантического до Тихого, им вторили по обязанности блюстители гендерного равенства, вроде вице-президента Байдена (“Это же сексуальная агрессия в чистом виде”, – с пафосом объявлял он стране). То пресс-конференции устраивали некие старушечки, хором обвинявшие Трампа в сексуальных домогательствах или даже изнасилованиях 40-летней давности. Дело в один момент дошло до того, что некая фемина подала судебный иск на Трампа с обвинением в том, что он изнасиловал её в нежном возрасте много лет назад. Уже собрали было пресс-конференцию, уже оплачены были для неё адвокаты для участия в громком процессе, но в последний момент эта грандиозная затея рухнула. Женщина к журналистам не вышла, а через пару дней и вовсе забрала свой иск, отказавшись играть по сценарию, написанному для неё кем-то из людей, весьма сведущих в таких делах и очень циничных.

Возможно, что американские элиты, ознакомившись с содержанием нового пакета обвинений по адресу Клинтон, пришли к выводу о неизбежности открытия процесса импичмента в случае её избрания. Республиканцы, движимые чувством реванша за Уотергейтский скандал, неминуемо вцепились бы в Клинтон мёртвой хваткой. А это чревато масштабным политическим кризисом. Отсюда вывод: уж лучше Трамп.

Думается, что многих достало и маниакальное объяснение демократами всех проблем – как Америки, так и собственных – “происками Путина”. При таком могуществе почему бы не назначить президента США прямо из Кремля? Прав Трамп, который недоумевает: “Вы уже такого наговорили про Путина, как вообще дальше общаться с ним будете?” Вице-президент Дж. Байден, например, называет требование Трампа представить доказательства того, что именно русские взломали сайт Национального комитета демократической партии, “попыткой саботажа” и подрыва авторитета национального разведсообщества перед лицом остального мира. Тут уже недолго объявить республиканского кандидата “врагом народа”. Но вот директор ФБР Джеймс Коуми признаёт, что он был против того, чтобы обвинять в этих действиях Россию, поскольку прямых доказательств её причастности к взлому нет, а есть в основном “мнение”, к тому же, по-видимому, спущенное из Белого дома. Во время внутреннего совещания в администрации Обамы по вопросу причастности Москвы к хакерским атакам Коуми даже добился того, чтобы ФБР не фигурировало в официальных выводах, подтверждающих наличие такой связи. Так что Трамп, очевидно, выражает свои сомнения по данному поводу не без оснований.

Как выясняется, все последние месяцы ФБР вело расследование обвинений по поводу роли России в американской президентской кампании. Сотрудники ведомства тщательно изучали близких к Трампу советников, искали денежные связи с российскими финансистами и даже шли по следу (он в итоге оказался сомнительным) возможного тайного канала переписки между компанией Дональда Трампа Trump Organization и российским “Альфа-банком”. В итоге в ФБР заявили, что пока в ходе расследований им не удалось найти “никаких убедительных и прямых связей между Трампом и российским государством”. Все голословные обвинения по поводу “тайного союза” Трампа и Путина оказались шиты белыми нитками.

Роль ФБР в кампании

А с обвинениями ФБР в пособничестве Москве демократы сами себя загнули в ловушку. Очевидно, уже в порядке самообороны ФБР неожиданно обнародовало отчёт, посвящённый неоднозначному решению американского президента Билла Клинтона помиловать основателя крупной трейдинговой компании Марка Рича 20 января 2001 года – в последний день пребывания Клинтона в статусе главы государства. Решение о президентской амнистии вызвало в обществе волну критики, поскольку бывшая супруга Рича – Дениз – ранее перечислила крупные пожертвования в Фонд Клинтон и на нужды демократической партии. Источник этих средств остался неизвестным. Они вполне могли быть порождены многочисленными коррупционными схемами, созданными Ричем по всему миру. Весьма сомнительные связи, например, были установлены им на нефтяном рынке России в 90-х годах. Тема отношений четы Клинтон с пресловутой “русской мафией” периода “первоначального накопления капиталов” в России ещё, возможно, дождёт своего исследователя. В ФБР утверждают, что документы были обнародованы именно сейчас, перед днём выборов по той причине, что их обработка только что закончилась. Что ж, весьма удачное совпадение.

Неожиданный “бунт” директора ФБР Коуми демократы склонны объяснять в конспирологическом ключе: он, мол, и “скрытый республиканец”, и “русский агент”, а то и то, и другое, вместе взятое. Мотивы его поступка, скорее всего, кроются в другом. Коуми – известный специалист в своей области с высокой репутацией, он вряд ли готов мириться с попытками демократов превратить разведсообщество США в обслуживающий аппарат одной партии. Республиканское большинство в конгрессе наверняка поставит в самое ближайшее время серьёзные вопросы по поводу беспрецедентного вмешательства правительственных ведомств в предвыборную борьбу на стороне демократов. Становиться заложниками межпартийной схватки, в том числе по бюджетно-финансовым соображениям, профессионалам всё-таки не хочется. Появились, в частности, данные о том, что бунт против прекращения дела в отношении Х. Клинтон шёл изнутри ФБР, его сотрудники буквально вынудили своё руководство возобновить расследование. Что ж, с тонущего корабля бегут не только самые трусливые, но и самые умные.

Кто лучше для России – Трамп или Клинтон?

Большинство в российском политбонде отвечали на этот вопрос, не задумываясь: конечно же, Трамп. Россия, как, кстати, и многие избиратели в США, хочет увидеть новые лица на Пенсильвания-авеню, надеясь, что они появятся с Трампом вместе с новыми идеями, новыми подходами во внешней политике. И тогда – чем чёрт не шутит? – возможно, после восьми лет обамовского дрейфа нигуда в российско-американских отношениях пахнет свежий ветер перемен...

Некоторые высказывания Трампа в последние месяцы позволяют думать, что такие надежды не беспочвенны. Экстравагантный миллиардер, например, объявил, что в случае избрания “рассмотрит вопрос о признании Крыма и снятии санкций с России”. Стивен Пайфер, научный сотрудник Брукингского института и бывший посол США на Украине, откликнулся на это такой записью в своём “Твиттере”: “Трамп рассмотрит снятие санкций с России и признание незаконной аннексии Крыма. Неудивительно, что он любимый кандидат Кремля”.

Дальше – больше: ввод российских войск в Эстонию, рассуждал кандидат республиканцев в президенты, совсем необязательно должен спровоцировать вооружённый отпор со стороны США (?!). Тут уже округлились глаза у половины вашингтонского истеблишмента: как? Трамп ставит под сомнение почти 70 лет атлантической солидарности? Основополагающую Статью 5 Устава НАТО об ответе всей военной машины альянса в случае нападения на одного из его членов?! Да нет, Трамп всего-навсего внимательно перечитал текст Статьи 5 Устава. Она гласит: “Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооружённое нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом”. Но решение об ответе на агрессию извне будет приниматься каждым членом

индивидуально “путём немедленного осуществления индивидуального или совместного действия, которое сочтёт необходимым” каждый член НАТО, “включая применение вооружённой силы”. Иными словами, Устав НАТО никогда не предусматривал автоматическую военную помощь со стороны его членов друг другу в случае агрессии третьей стороны.

Трампа же скорее всего хотел просто поугубить союзников США по блоку с тем, чтобы они не скупались на военные расходы, смелей раскошеливались на совместную оборону. А точнее, закупали американское оружие, в чём очень заинтересованы военно-промышленные корпорации США!

Хватало скандальных инициатив Трампа и на других фронтах. Его угрозы выстроить стену между США и Мексикой, чтобы остановить незаконную миграцию на южной границе страны, вызвали гневную отповедь либералов в демократической партии и избирателей-латиноамериканцев. “И я заставлю Мексику заплатить за возведение этой стены, — не унимался Трамп. — Все шесть миллиардов долларов!” А в чём, собственно, дело? Почему стена, символ апартеида, возведённая в Израиле, — это хорошо, а стена в Техасе или Аризоне — это плохо? Впрочем, крутые горки сивку уже укатали, и сегодня Трамп уже говорит не о стене, а соглашается всего лишь на ограниченную депортацию и введение жёстких визовых ограничений для иммигрантов.

На одной из своих пресс-конференций Трамп порассуждал на тему предпочтений Кремля в нынешней президентской гонке в США. “Если говорить о том, кто предпочтителен для Путина на посту президента США, — я или Хиллари Клинтон, — говорил он, — не думаю, что он испытывает хоть какое-то уважение к Клинтон. А меня уважает... Надеюсь, что мы всё-таки поладим с Путиным, потому что установить хорошие отношения с Россией необходимо... Также думаю, что глава России не испытывает никакого уважения к президенту Обаме, он его не уважает. Считаю, что Путин будет уважать вашего президента, если им буду избран я”, — сказал Трамп.

Думается, что насчёт уважения к Клинтон Трамп прав. Она слишком недипломатично отзывалась о Путине в бытность свою госсекретарём, а потом и кандидатом на президенту на выборах 2008 года. Именно к тому времени относится её фраза: “Путин был агентом КГБ, у него нет души по определению”. Клинтон — яростная сторонница санкций против России и противница создания и расширения Евразийского союза, поскольку считает его попыткой возрождения СССР. При этом причиной всех российских проблем Клинтон без обиняков называет Путина и то, что Россия не может перестать “цепляться за прошлое”.

Лишь “пятая колонна” в России всячески поносила Трампа и страстно хотела видеть в Белом доме мадам Клинтон, обладающую стойкой репутацией русофоба. Но от неё веяло обречённостью. Клинтон в роли хозяйки в Овальном кабинете, где некогда её супруг предавался любовным утехам с Моникой Левински, — это сюжет с почти шекспировскими страстями. К слову, подобных переживаний не выпадало ни одному человеку в истории Америки.

Но она их избежала.

Потрясения слева и справа

Трамп совершил невозможное: без политического опыта, без поддержки Национального комитета республиканской партии, без денег ведущих доноров партии, богачей с толстыми портмоне, при выраженном отсутствии симпатий ведущих республиканских деятелей последних десятилетий он стал президентом страны. На пути к политическому Олимпу в ходе первичных выборов ему удалось преодолеть сопротивление 16 соперников, в числе которых были настоящие тяжеловесы: губернаторы штатов, сенаторы, мужчины и женщины, чёрные и белые. На финише он вырвал победу у монструозной и могущественной мадам Клинтон. Правда, на этапе первичных выборов Трамп явно бравировал, говоря, что выиграть у Клинтон будет легко. Нужно признать, что ему невольно здорово помог Сэндерс. Кампания Трампа пользовалась его рекламными ходами, его статистикой, его политической логикой в борьбе с Клинтон.

Сэндерс громко назвал свою президентскую кампанию “революцией”; и сотням тысячам его горячих сторонников на какой-то миг и впрямь показалось, что их донкихотство может увенчаться успехом, заставит правящий класс одуматься, приведёт к значимым переменам в том, как и для кого действует

высшая власть в Америке. Потрясение казалось нешуточным — с организацией пикета прямо в зале съезда, уходом в знак протеста сотен делегатов Сэндерса со съезда. Но в итоге кончилось всё по-американски — так же, как заканчивалось десятки мини-мятежей в истории американских президентских кампаний: закулисной сделкой, после которой Сэндерс, заглушая возмущённый гул своих сторонников, призвал их голосовать на съезде за Клинтон. “Закрывать её!” — рёв сотен глоток был ответом на этот призыв к “благоразумию”. “Но какой могла быть альтернатива продолжению левой принципиальности? — рассуждал Сэндерс. — Победа Трампа”. Так и закончилась его “революция”. Куры, пошумев, вернулись на насест, гласит американская поговорка.

Это был год “восстаний масс” против истеблишмента: у демократов — либералы с высшим образованием, студенты, учителя и “манагеры”, месившие январский снег в Нью-Гэмпшире и Айове; у республиканцев восстал правый фланг — белые избиратели со средним образованием, полицейские, пожарные, военнослужащие. Те люди, многозначительно заметил один обозреватель, чьи близкие покоятся на Арлингтонском кладбище. Они возмущены засильем эмигрантов, нападениями на полицейских, разгулом сексуальных свобод для ЛГБТ — новой политической силы, без оглядки на которую ныне не смеет и шагу сделать ни один политик в Америке, рассчитывающий на успех.

Они поддержали Трампа, осудившего три последних десятилетия американской внешней политики, — нескончаемых “цветных” революций, ползучих переворотов, военных авантур в Ираке, Афганистане, Ливии, а теперь и в Сирии. Итогом агрессивного интервенционистского курса под флагом борьбы с терроризмом стали дестабилизация мира, “невыразимая хрупкость бытия”, а также возвращение “холодной” войны в её более опасном варианте, поскольку резко возрос фактор непредсказуемости. Присуждение Обаме Нобелевской премии мира в начале его первого президентского срока за продолжение той же политики теперь не расценивается иначе, как дурной анекдот.

Терпеть и дальше в Белом доме ещё одного Буша или ещё одну Клинтон, представителей тех фамилий, которые вот уже почти 30 лет терзают американский политический ландшафт, — это было бы слишком даже для самой переломной демократии в мире.

Америка движется не туда, говорили политики и рядовые американцы. И их оказалось много. Любопытно, что в ноябре за Трампа, как показали опросы, проголосовали даже некоторые чёрные сторонники Обамы.

В неравной битве двух сердец

Вплоть до дня голосования приговор СМИ, опросов, интернета был однозначен: в нынешней президентской кампании игра уже сделана. “Если бы не крайне односторонняя позиция американских СМИ, — сетует бывший спикер палаты представителей Н. Гингрич, — Трамп побивал бы Клинтон с преимуществом в 15 пунктов”.

Невиданная за последние полвека пропагандистская кампания, развязанная большими СМИ, глобалистами-интервенционистами, мощнейшим израильским лобби по шельмованию Трампа и его избирателей не сбавляла обороты вплоть до дня голосования. И после него, как видим ныне. А ведь речь идёт о той глубинной, корневой Америке, которая “цепляется за свои Библии, свои предрассудки и оружие” (слова Обамы), о тех трамповских “слабаках”, которых отличает “расизм, ксенофобия, гомофобия” (слова Клинтон). Опросы показывали: 56 процентов американцев считают, что Клинтон следует предать суду, 67 процентов полагают, что ей нельзя доверять, а 75 процентов признают, что страна движется в неверном направлении.

Но где дискуссия об этих и других важнейших для страны проблемах острейшего, сильнейшего политического и социального расслоения в американском обществе? О проблемах экономического кризиса? Её нет, она задвинута на последние страницы американских газет. Между тем, как отмечал консервативный публицист Патрик Бьюкенен, “что, как не наша торговая политика в виде НАФТА, объясняет деиндустриализацию Америки, утрату наших промышленных предприятий и рабочих мест в то время, когда Китай отодвигает нас в сторону, становясь индустриальной державой номер 1? Что породило Детройт, Балтимор и все те умирающие и мёртвые города в “Ржавом поясе”? — Политика администрации Обамы, отвечает Бьюкенен, и с ним приходится согласиться.

Страна всё глубже погружается в очередную военную авантюру – на сей раз в Сирии. Третью за время пребывания в Белом доме нобелевского лауреата премии мира Обамы. Хиллари Клинтон, твёрдый ястреб в американской политической табели о рангах ещё со времён Голдуотера, у которого она работала в президентской кампании 1964 года, призвала ввести бесполётные зоны в небе Сирии. Такой шаг заведомо поставит под удар российскую и сирийскую авиацию. Думаете, кто-то всерьёз обсуждает этот возможный и опасный вираж американской внешней политики? Куда там! Вместо этого на свет Божий вытаскивают, предварительно отряхнув их от моли, 80-летних старушенций, которые охотно делятся с обывателем подробностями того, как лет сорок назад Трамп якобы без спросу целовал их в самолёте или нещадно зажимал в углу. На первый день откопали четырёх, затем ещё двух, а на сегодня насчитали аж 11 таких невинных жертв, с чьей помощью почти стёрли впечатление от явно выигранных Трампом вторых теледебатов.

Клинтон признавалась, что у неё существует два подхода в политике: один – для широких народных масс, другой – для тех, кто в действительности принимает решения. Электронная переписка явственно разоблачает закулисные игры Национального комитета демократической партии в пользу Клинтон и против Сэндерса в ходе первичных выборов. И что же? Прозвучали извинения, раскаяние, запоздалые сетования на собственную политическую пристрастность? Ничуть не бывало! С воодушевлением ухватились за жупел “русской угрозы”, срочно углядев в хакерских атаках на партийные серверы демократов “руку Кремля”. Заодно объявили “агентом Кремля” и Трампа. Дескать, именно поэтому в его избрании так заинтересованы Путин и его когорта. В итоге всё обсуждение беспрецедентного скандала с электронной перепиской свелось к следующему: как можно доверять публикациям “Викиликс”, если в деле якобы замешаны русские? Подлинность записей прямо не отрицается, “вмешательство русских” ничем фактически не подтверждено, но вот, мол, стопроцентно полагаться на них сложно, поскольку – а что? а вдруг? – всё же русские вмешались. В карикатурах залихватски обыгрывали “дружбу” Трампа с “хозяином” Кремля.

В последние полтора месяца в американских СМИ не прозвучало ни слова о явных проблемах со здоровьем 69-летней бывшей первой леди. На вторых дебатах на сцене зала появились стулья, которых не было на первой дуэли Трампа и Клинтон. Мало кто обратил внимания на то, что Клинтон несколько раз присаживалась во время общения Трампа с аудиторией – очевидно, что ей было тяжело выстоять на ногах полуторачасовую пытку из вопросов и ответов. Хотя выглядела она, несмотря на муху, севшую ей на бровь, на все сто, гримёры и визажисты не подвели. “Да накачали её”, – тут же нашёлся Трамп, который редко лезет за словом в карман. И предложил участникам перед третьими и последними дебатами пройти медосмотр, как заправским спортсменам. “Я 17 человек одолел в ходе праймериз, – бахвалился республиканский кандидат. – Это разве не спорт?”

Трамп в ходе дебатов заявил, что Клинтон – дьявол. Для Америки, которая привычно ходит на воскресные проповеди, это звучит приговором. Для тех же в стране, кто открыто поклоняется культу Сатаны, это звучит комплиментом.

Бывалые конспирологи заявляют, что тайный замысел американского истеблишмента в том и заключался, чтобы сделать Трампа, заведомо слабого кандидата, знаменосцем республиканской партии на выборах. Не потому ли губернатор Нью-Йорка Коумо не без злорадства признавался накануне выборов: Трамп в роли соперника Хиллари Клинтон – это нам, демократам, “подарок от милостивого Господа”. 8 ноября он, видимо, был не столь категоричен.

Действительно, в оставшиеся недели до голосования не проходило и дня, чтобы достоинством американской публики не становились очередные прегрешения Трампа, большие и малые, явные или придуманные, новые и старинные, которые с садистским упоением разыгрывали американскими СМИ против незадачливого миллиардера. Трамп десяток лет назад проговорился о том, что женщины готовы стерпеть любые фrivольности и приставания от мужчины, который знаменит. Я, мол, сам неоднократно этим пользовался! Нарушен неписанный кодекс мужчины, который не должен распространяться о своих победах над слабым полом? Конечно! Но Трампа просто подловляли наводящими вопросами, подставив ему включенный микрофон. Но заклятых

феминисток возмутило не это, а то, что Трамп нарушает этику новой эры, которая давно узаконила ЛБГТ-сообщество со всеми его противоестественными наклонностями, но очень чувствительно реагирует на мнимые выпады против якобы достигнутого в стране гендерного равенства. “Это же сексуальная агрессия в чистом виде!” — сокрушался и всплескивал руками вице-президент Байден. К хору возмущённых феминисток присоединилась и тяжёлая артиллерия в лице Мишель Обамы, оторвавшейся от своего огорода и своего нобелевского лауреата в Белом доме. Из активности первой чёрной леди страны под занавес нынешней кампании кое-кто поспешил заключить, что через четыре года Америка может увидеть её в числе соискателей президентского поста. Как рекламный ход это предположение выглядит интригующе — первая женщина и первая чёрная женщина-президент. Два в одном флаконе. Хороший маркетинг. Почему нет?

Кому идут деньги миллиардеров?

“Более сотни крупнейших жертвователей Хиллари Клинтон собрались в четверг вечером в доме Кейси и Лоры Вассерман. Каждый из присутствовавших выписал чек по меньшей мере на 33400 долларов, чтобы получить входной билет. Присутствовал цвет Голливуда: Элтон Джон у рояля, Барбара Стрейзанд ходила между столами, развлекала гостей. Клинтон покинула собрание “добрых самаритян” с 5 миллионами долларов для расходов на свою президентскую кампанию. “Таков был финальный аккорд просто замечательных для Клинтон сборов в течение 18 месяцев, в которых участвовали миллиардеры Шон Паркер, Джеффри Катценберг, Хаим Сабан, Крис Сакка, каждый из которых принёс по 416000 долларов в копилку “своего” кандидата в президенты”, — с замиранием сердца слагала свою оду-репортаж корреспондент Эн-Би-Си.

Мадам Клинтон называет тех, каждый из которых собрал для неё не меньше 100000 долларов, “упаковщиками”. Таковых у неё набралось на этих выборах 1333 человека, вдвое больше, чем у любого другого кандидата в президенты за всю историю президентских кампаний в США, включая Барака Обаму четыре года назад.

В числе “упаковщиков” — звёзды спорта (“Мэджик” Джонсон), Голливуда (Стивен Спилберг и Джордж Лукас), миллиардеры (Джордж Сорос, Уоррен Баффет, Кэлвин Клайн) и т. д.

Итог? Клинтон в десятки раз превосходит Трампа по расходам на президентскую кампанию 2016 года — на ТВ, радио, почту, аппарат, штаб-квартиры в 50 штатах страны.

Клинтон на этот раз просто купалась в пожертвованиях. Жалобы на то, что богачи с помощью сумасшедших денежных вливаний просто протаптывают к ней дорожку на будущее, когда она станет хозяйкой Белого дома, конечно, звучат, но как-то слабо. Говорил об этом Сэндерс в ходе первичных выборов, говорит Трамп теперь. “Ну и что? Нехай клеветать”, — как говорил председатель колхоза в старом советском анекдоте. Кто осудит победителей?

Трамп обещал посадить Клинтон в случае своего избрания. Демократы после этого с удесятенной силой делали всё возможное и невозможное, чтобы этого не произошло. Но не срослось. Сразу после победы Трамп сменил гнев на великодушие: “Она многое перенесла. Я не буду открывать против неё уголовное дела”.

Из электронной почты, которую выставлял в интернете “Викиликс”, следует, что г-н Катценберг в марте 2015 года пригласил на ланч Дж. Подесту, главу президентской кампании Х. Клинтон. За ланчем Катценберг попросил устроить ему встречу с Хиллари через 12 дней, а затем и ещё одну встречу, но уже с Биллом Клинтоном, — в мае. После чего в июне 2015 года Катценберг внёс 1 миллион долларов в Комитет политических действий Клинтон. Позднее, в апреле 2016-го, он устроил в своём доме в Лос-Анджелесе большой приём в честь президентской кампании Клинтон.

“Эти люди будут указывать Клинтон, что она должна делать”, — громко стонал по этому поводу Трамп, называющий нынешние выборы “подтасованными”. Конечно, будут. А ещё в случае избрания Клинтон они поедут послами в очень уютные европейские страны. Так было, и так будет.

Сотня самых крупных жертвователей в выборах-2016 потратили, по самым скромным подсчётам, 195 миллионов долларов в попытке определить лучшего президента страны. Для сравнения отметим, что американцы скромного достатка, рядовые вкладчики, если хотите, — а их на сегодня насчитывается два миллиона человек, — сдали в избирательные фонды кандидатов 155 миллионов долларов. Всякое даяние благо, поэтому кандидаты приветствуют любые взносы — от 10 до 200 долларов. Как видим, даже объединившись, два миллиона человек не могут сравняться с хорошо дозированной щедростью богачей — Соросов, Коэнов, Притцкеров, Блаватников, Гринбергов, Зингеров, Стейеров и прочих, имя которым легион. Верная заветам предков, эта публика кладёт яйца во все корзины, осыпая подношениями правых и левых, республиканцев и демократов, консерваторов и прогрессистов. Сходят с дистанции их первые номера, они тут же выписывают чеки следующим. Деньги должны работать, учили их с детства. Пускай не все “лошади”, на которых они ставят, придут к победному финишу, своё они всё равно возьмут: выгодными контрактами для своих компаний в будущем, тёплыми местами в федеральной бюрократии, посольскими должностями в уютных странах, налоговыми послаблениями и т. д.

Хорошо известный у нас биржевой спекулянт Сорос, спонсор многих российских НКО и издатель учебников по русской истории, друг доброй половины российской элиты 90-х годов, изловчился завернуть “барашка в бумажке”, как говаривали на Руси, — внести в предвыборный фонд Клинтон 8 миллионов долларов.

“Наше расследование ста крупнейших доноров, — отмечает исследовательский портал “Политико”, — иллюстрирует беспрецедентное влияние сверхбогатых в нынешнем президентском цикле, втором с тех пор, как Верховный суд в 2010 году принял решение приравнять “Комитеты политических действий” к простым гражданам, что расчистило путь для неограниченных затрат богачей на выборы”. Всё это, заметим, случилось после примерно полувека борьбы демократических сил Америки за уменьшение роли денег в избирательном процессе США. Всесильные теперь “Комитеты политических действий” задвинули далеко на периферию партийные организации в деле финансирования выборов. Деньги в сегодняшних выборах США — уже не просто средство для достижения политических целей, а сами по себе цель, неотъемлемая часть выборной стратегии, суть которой — обеспечить смычку между политическим классом и бизнесом.

8 ноября 2016 года случилось чудо, сенсация наподобие той, которая шокировала американских избирателей и весь мир в 1948 году. Наутро после голосования президент Трумен был сфотографирован с отпечатанным номером “Чикаго Дейли трибюн”, где на первой полосе в глаза бил огромный заголовок “Дьюи одерживает верх!”

На этот раз вышел номер “Ньюсуика” с заголовком о победе Клинтон. Американцам удалось повторить пройденное.

ВАЛЕНТИН ЛУКЪЯНИН

АРИФМЕТИКА РАСКОЛА*

Субъективные заметки непримкнувшего

Почему про раскол — объяснять не надо. Почему “арифметика”? Потому что не “алгебра” и не полюбившаяся телевизионщикам “анатомия”: завлекать глубиной не собираюсь, речь пойдёт лишь о том, что лежит на поверхности, на виду. Но как раз то, что на виду, обычно и не замечается.

Почему заметки — субъективные? Не из скромности: мол, ваше дело соглашаться или не соглашаться, а у меня вот такое мнение. Если б я не надеялся в чём-то вас убедить или переубедить, так зачем бы сел писать эти заметки? Но я человек, к сожалению, уже очень немолодой, и многое, о чём нынешние, даже и зрелые по возрасту люди знают лишь из книг или интернета, видел своими глазами. Это не значит, что я во всём прав; это значит лишь то, что за какими-то сведениями мне не понадобится лезть в источники — просто сошлюсь на собственные впечатления. Вам, думаю, будет даже интересней читать, а мне — легче писать.

С собственного впечатления и начну.

Случилось мне быть делегатом XXVIII, — как оказалось, последнего — съезда КПСС. Пожалуй, стоит рассказать, как я туда попал, — это любопытно. Членом партии я был, но в этом качестве особо себя не проявил. Скорее наоборот: в мае 1983 года на заседании бюро Свердловского обкома, которое проходило под председательством первого секретаря Б. Н. Ельцина, меня “прорабатывали” за “идеологические ошибки”, которые я допустил, будучи тогда главным редактором журнала “Урал”. Случай известный, о нём позже немало писали. С такой отметиной, если б всё в стране шло гладко, никому бы и в голову не пришло посылать меня на съезд. Но шла “перестройка”, и небольшую часть делегации было “доверено” избрать “демократически” — прямым голосованием рядовых членов партии. Кандидатуры выдвигались в первичных организациях, коллеги предложили меня. “Выдвиженцы” в коротких текстах обозначали свои позиции, листовки распространялись по “первичкам”, и голосовали там не столько за или против людей (которых просто не знали), сколько за или против идей. Конкуренция оказалась серьёзной — человек по десять на место, но я прошёл: оценили, надо полагать, мою идею. Заключалась она в том, что пора уже отменить резолюцию “О единстве партии”, принятую с подачи В. И. Ленина X съездом, — о запрете внутрипартийных фракций. Резолюция сжимала партию в кулак, которым проще было громить противников; хорошо это или плохо — судите сами, но в начале 1920-х иначе с ситуацией большевики точно бы не справились. А в интеллектуальной

* Журнальный вариант.

атмосфере конца 1980-х тем кулаком следовало не размахивать, а подпереть подбородок – как у Родена. “Управлять движением мысли и только потому – страной”. Говоря без экивоков, допустить свободное обсуждение вопросов партийной политики, стать умной. Это я предлагал и, как видите, получил поддержку.

О своём пребывании на съезде я вспомнил сейчас потому, что видел своими глазами, как выходил из КПСС Б. Н. Ельцин. Его, уже избранного к тому времени председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, выдвинули в состав ЦК. Борис Николаевич поднялся на трибуну и заявил, что снимает свою кандидатуру и, более того, выходит из партии, потому что нынешняя его должность не позволяет ему отождествлять свою позицию с позицией части народа, ибо он во власти представляет интересы *всего* народа.

Насколько эта декларация соответствовала действительности – вопрос риторический. Оказавшись на вершине государственной власти, Ельцин уже не считал нужным обсуждать ключевые решения с оппонентами, а предпочёл заимствованную из американской конституции “систему сдержек и противовесов”. Не стану рассуждать о том, насколько хороша та система в принципе, лишь подчеркну, что придумана она была на её “исторической родине” для того, чтобы обеспечивать стабильность государственной конструкции за счёт разделения властей. Но разделять власть Борис Николаевич ни с кем не собирался, и в последующие месяцы я с удивлением и тревогой наблюдал, как нарастало противостояние “всенародно избранного” президента и будто бы “самозванного” Верховного Совета. Во что оно вылилось, напоминать излишне.

Доставшийся нам в наследство от периода ельцинского правления раскол общества не только сохранился по сей день, но стал привычен, как хроническая болезнь, с которой, хочешь не хочешь, а придётся жить уже до конца...

Симптомы этой болезни очевидны на всех уровнях жизни: на бытовом (“нувориши” живут иначе, нежели “нищоброды”¹), на ментальном (у “элиты” другая история России, и вообще, для них нынешняя Россия – “другая страна”), на мировоззренческом (представления о том, как устроено общество и как оно должно управляться, у противоборствующих сторон различны до полной несовместимости). Социальное пространство будто разгорожено заборами – и статусными, и долларовыми, и этническими, и конфессиональными, – и заборов этих несчётно, причём они, по сути, не очень отличаются от металлических заборов вокруг “элитных” домов в городе и бетонных – вокруг коттеджных посёлков. Градус взаимной неприязни подскочил до той отметки, когда у больного начинаются галлюцинации и изнуряющие кошмары. Нынче соньяе за тот или иной “забор”, и в лучшем случае схлопочешь заряд соли в мягкое место, а может случиться и похуже.

Впечатление такое, что все это чувствуют, но переживают по-разному. Многие притерпелись – уж так, мол, устроен мир: верх – низ, день – ночь, горячо – холодно, русские – евреи (или американцы), богатые – бедные, патриоты – демократы; ну и что? Другим неймётся: раз я так думаю, значит, это и есть правда. Ещё в советское время остроловлили: существуют две точки зрения – моя и неправильная. У кого нрав покуче – готовы, как футбольные фанаты, не утруждая себя поиском аргументов, пойти за свою “правду” стенка на стенку. Но немало и таких деятелей, особенно среди чиновников средней руки, для кого разногласия – удобный способ продемонстрировать, кто в доме хозяин. Вы, мол, настаиваете – так не будет же по-вашему!

Третий вариант можно проиллюстрировать множеством примеров из современной российской реальности, в том числе из жизни Екатеринбургa. Для краткости просто напомним, не погружаясь в подробности, два-три случая, о которых много писалось в уральской прессе (писал и я). “Реставрация” “Пассажа” в центре города не просто с грубыми нарушениями юридических и нравственных законов и норм, но с циничным вызовом общественности: на кося, дескать, выкуси. Не менее циничный вызов – демонтаж “Краснознамённой группы” на екатеринбургской Плотинке с изображением ордена Ленина, честно заработанного тружениками промышленного города в годы войны

¹ На эту тему убедительно рассуждает С. М. Миронов в статье “Ядовитые семена социальной розни” (Лит. газета. № 17. 27 апреля – 3 мая 2016).

и в первые послевоенные десятилетия. Ещё из памятных случаев – смещение закусившей удила чиновницей из городской администрации директора престижной гимназии: учителя, ученики, общественность дружно протестовали, так не они же, а она решает! Подобных примеров не счесть ни у нас, ни в других городах и весях страны.

Однако балаганно-карамельный “Пассаж”, изуродовавший архитектурный облик городского центра, постыдные “кошки-мышки” вокруг “Краснознамённой группы”, уязвленное самолюбие мелкой (не столько должностью, сколько душою) чиновницы – всё это провинциальные игры при участии денег, власти, тщеславия, чванства, хотя они заметно поколебали репутацию уральской столицы и во всероссийском масштабе.

А вот скандал с открытием в Екатеринбурге “Ельцин-центра” тянет не только на всероссийский, но, пожалуй, и на международный уровень. Почему – скандал? Потому что, по данным ВЦИОМ, опубликованным в конце января 2016 года, 59% граждан страны оценивает реформаторскую деятельность “первого президента” негативно и только 15% – положительно. Любопытно, что четверть россиян при этом всё же личности Ельцина до сих пор симпатизирует. (Видимо, небезосновательно утверждение словаря, что харизматичному лидеру “массы склонны прощать любые просчёты”.) Однако 62% опрошенных граждан уже и личность Ельцина не кажется больше харизматичной, она вызывает у них сегодня острую неприязнь¹. Согласен, что большинство не всегда право, но согласитесь и вы: если большинство против, а власть принимает решение в пользу меньшинства, то это уже не “демократия”, а именно скандал. При этом все знают, что на создание центра потрачено 7 миллиардов рублей (такая сумма называлась в разных источниках, и никто не пытался её ни оспорить, ни оправдать), и это в условиях, когда урезается бюджет и официально признаётся снижение уровня жизни².

Но, пожалуй, даже не столько миллиарды, затраченные на увековечение памяти Ельцина, потрясли общественность, сколько тот факт, что на открытие “Ельцин-центра” в Екатеринбург приехали и президент, и премьер-министр, и весь столичный бомонд, включая даже полузабытых деятелей ельцинского периода, нынче гордо именующих себя оппозицией. Зачем В. В. Путин приезжал на эту церемонию, никто из комментаторов внятно объяснить не смог. Может, продемонстрировать, что сохранение раскола стало стержневым направлением государственной политики? Но ведь Владимир Владимирович в своё время пришёл на смену Ельцину с ясно выраженным намерением преодолеть раздразняющую девятость. Чем сразу же энергично и занялся: притормозил “парад суверенитетов”, “равноудалил” олигархов, приглушил разнузданный антисоветизм, оскорбительный для большинства граждан страны. По настоянию Путина ещё в первый год его президентства была утверждена “компромиссная” государственная символика: герб – от Российской империи, флаг – от Белого движения и гимн (правда, с переписанными словами) – от СССР. Потом – если не с его подачи, то уж точно с его одобрения – заменили привычный с пелёнок “красный день календаря” Днём народного единства. Замысел был прозрачен: привычный сызмальства нерабочий день, только чуть сдвинутый по времени, был сохранён, а патриотический мотив будто бы даже и усилен – ну, как же россиянину не испытывать гордости от сознания, что четырёхсот лет назад его предки изгнали поляков из Кремля? (Правда, смутное время на том не закончилось, но ЕГЭ не предусматривает знания таких подробностей).

По правде сказать, все эти объединительные маневры лично меня не очень убедили, да едва ли и сам Владимир Владимирович вполне доволен результатами. Как показывает криминальная хроника, “ручные” главы регионов оказались ненадёжными, “равноудалённые” олигархи не стали ближе к народу. Механически соединённые государственные символы лишь подчёркнули

¹ <http://www.interfax.ru/russia/415994>; <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115565>

² Между прочим, в начале 2016 года городские власти утверждали, что вот-вот начнётся строительство Опалихинского моста через Исеть – он заметно укоротил бы связи отдалённых северо-западных районов с центром города. Подрядчики соглашались построить это отнюдь не эпохальное сооружение за 622 миллиона рублей. Но этих денег в казне не нашлось, проект отложили до лучших времён. А вот 7 млрд для “Ельцин-центра” нашлись!

неорганичность нашей государственной системы, а подмена седьмого ноября четвёртым, по-моему, дискредитировала оба праздника — и старый, и новый; остался банальный выходной день с усмешкой в сторону властей предрежущих.

Но скорее всего, президент и не рассчитывал, что коррекции в ритуальной сфере всерьёз повлияют на умонастроения. Не для того ведь существуют ритуалы, чтобы изменить образ мыслей и характер чувствований. Их назначение прагматичнее: упорядочить и сделать понятным для окружающих поведение отдельного человека в социальной среде. Пусть про себя он думает, как ему заблагорассудится, но вести себя обязан подобающим образом — ему же самому будет комфортнее жить среди людей. Когда американец вам улыбается, это не значит, что он на самом деле так уж рад встрече с вами; когда немец, француз или испанец идёт в церковь, это тоже не значит, что он такой набожный. Ни тот, ни другой, однако, не лукавят — они просто поддерживают сложившийся и более или менее их устраивающий общественный порядок. Куда как хуже было бы, если б они вели себя “естественно”.

Поэтому я склоняюсь к мысли, что Владимир Владимирович поддержал ритуал открытия первого в России президентского центра не потому, что хотел усугубить российский раскол, а потому, что увидел возможность наложить ещё одну “скрепу”¹ на опасную трещину. В незыблемой поддержке собственной власти подавляющим большинством российского общества он не сомневается, а оттеснённой на второй план “элите” ельцинского призыва счёл нужным послать сигнал: не волнуйтесь, мол, и вас я не оставил. Фигурально выражаясь, президент предъявил “граду и миру” новый вариант соединения советско-го гимна с имперским гербом.

Честно признаюсь, я к числу поклонников В. В. Путина не принадлежу. Но не могу спорить с очевидным: в сегодняшней России это объединяющая фигура, национальный лидер в самом прямом смысле этого слова. Этот статус не дарован ему свыше, он сам его выстроил по кирпичику — обдуманно, бестрепетно и расчётливо. В смысле, без особой заботы о том, что станут говорить злоязыкие журналисты из “Новой газеты” и “Эха Москвы”. Можно вспомнить и его brutальные реплики по актуальным поводам, и успехи в подводной археологии, и внезапное десантирование в “прифронтовой” Грозный на военном истребителе, и погружение в батискафе в байкальские глубины, и полёты со стерхами над ямальской тундрой, и выходы с чёрным поясом на татами. Впрочем, это лишь малые штрихи, образующие фон. Основную же роль сыграли акции государственного масштаба. Всерьёз озабоченный поиском “скреп”, которые соединили бы в прочный монолит куски расколотого общества, он, конечно, возлагал большие (пожалуй, всё-таки чрезмерные) надежды на Сочинскую олимпиаду. Средств извели немерено², но результат получился, согласитесь, неоднозначный, а допинговыми скандалами перед бразильской олимпиадой и футбольным провалом на чемпионате во Франции он и вовсе был смазан.

Однако вскоре Сочи отошли на задний план, ибо случилось нечто непредвиденное, незапланированное, но сразу прозорливо Путиным оценённое и поддержанное — и, как оказалось, для консолидации российского общества несравненно более значимое, нежели Сочи вместе с футбольным чемпионатом, — случилось возвращение Крыма. Акцию “Крымнаш” с энтузиазмом поддержали 85% россиян и лишь 15% по разным мотивам не одобрили. Нет оснований считать, что это те же самые 15%, которые сегодня довольны итогами ельцинского правления, но полагаю, что в значительной мере это всё-таки они.

Ну, и как не упомянуть в этой связи четырёхчасовое ежегодное общение президента с народом по прямой линии, всякий раз впечатляющее не столько обилием и свежестью информации, сколько мгновенной реакцией Путина на обращения слушателей. Стоит кому-то пожаловаться на какое-то беззаконие, и он тут же твёрдой рукою наводит порядок: одним начинают выплачивать задержанную зарплату, другие ставятся на контроль, а против третьих даже возбуждаются уголовные дела. Правда, после выясняется, что чиновни-

¹ Вспомнив старинное слово “скрепы”, В. В. Путин дал повод оппозиционно настроенным журналистам позубоскалить, но упражнялись они в остроумии напрасно: мысль-то была здравая. См. Лукьянин В. П. Опыт о скрепах. // Урал. 2015, № 9.

² По официальной версии, 214 млрд руб., но по данным Фонда борьбы с коррупцией — почти 1,5 трлн (<http://sochi.fbk.info/ru/price/>).

ки на местах спешили исполнить распоряжения президента не затем, чтоб исправить упущения, а затем, чтоб продемонстрировать послушание, после чего можно жить и руководить в прежнем режиме. Всё это очевидно, однако рейтинг президента от этого почему-то не страдает. Загадочная это материя – социальная психология...

В. В. Путин не устает демонстрировать намерение быть президентом не избранных, а большинства: искореняет нерадивость и лихоимство чиновников, добивается национального согласия по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, отстаивает позиции России перед Европой и Америкой, не упускает случая напомнить о “национальной гордости великороссов”. Оттого и пользуется народной поддержкой. Ему бы ещё порезче отмежеваться от ельцинского наследия, но, может, он и прав, не провоцируя новых конфликтов частями и без того расколотого общества. И напрасно сильно измелъчавшая при Путине оппозиция хлопочет о “честных выборах”: национальный лидер побеждает не с помощью подтасовок или административного режима, а потому, что народ действительно голосует за него.

Всё это так, но раздрай-то не прекращается!

Поэтому возникает вопрос: а реально ли в принципе “склеить разбитый горшок”, да так, чтоб его можно было не только демонстрировать в музейной витрине, но и, скажем, наливать в него воду, ставить в печь? На бытовом уровне вопрос бессмысленный: не только надёжней, но даже дешевле купить новый. Тем более, что археологи не собираются в нём щи варить. А вот в индустриальном смысле – если иметь в виду расколотое общество – такая задача актуальна во все времена, но во все времена и трудноразрешима. Даже Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, поссорившихся из-за гусака, примирить не удалось: “Скучно на этом свете, господа!” Можно, впрочем, восстановить отношения между государствами после случившихся между ними военных конфликтов: тут душевные “скрепы” не нужны, всё строится на отношениях взаимной выгоды, а дипломатам в любом случае положено улыбаться. Но возродить разорванные внутренние “скрепы” в обществе, пережившем социальную катастрофу, – задача почти невыполнимая, травмы такого рода порой не заживают столетиями.

Сталкиваясь с проблемами государственного масштаба, мы привыкли в постсоветские времена оглядываться на “мировой опыт”: а как, мол, в подобных ситуациях поступают в “цивилизованных” странах? Что ж, и на самом деле любопытно: а что зарубежный опыт подсказывает по поводу социального примирения после общественных катастроф?

Со времён горбачевской “перестройки” у нас популярна легенда о том, как “мудрый каудильо Франко”, одержав победу в гражданской войне, будто бы восстановил гражданский мир в Испании. Ради примирения он, во-первых, воздвигнул грандиозный мемориал на месте захоронения жертв гражданской войны с той и с этой стороны, а во-вторых, восстановил монархию – легитимную власть в стране, прерванную в результате социальных катаклизмов 1930-х годов. “Вот нам бы так!” – слышал я от многих.

Забавно, что легенда о “миротворце Франко”, по сей день вдохновляющая наших социальных прожектёров, почти неизвестна в самой Испании. Если испанцы о ней что-то и слышали, так от нас, русских. Слышали и удивлялись.

В том, что монументальный комплекс в Долине Павших (Valle de los Caídos) не имеет никакого отношения к идее общественного примирения после гражданской войны, я имел случай лично убедиться лет пятнадцать назад. Когда мы туда приехали, огромное пространство комплекса поражало своей пустотой, хотя стоял лучезарный осенний день, а расстояние от Мадрида до Долины Павших – всего-то 58 километров. Для сравнения: несколькими днями позже мы посетили Финистерре (“Край земли” – самая западная точка Испании со знаменитым маяком на мысу, вклинившимся в Атлантический океан) – там хлестал непрерывный дождь, шквалистый ветер ломал зонтики, ими были забиты мусорные урны, усеяны площади и тротуары. Однако разноплеменная толпа неунывающих искателей приключений со всех континентов переполняла улицы и площади небольшого галисийского городка на “краю земли”. Почему же было безлюдно в Долине Павших? Разгадка проста: посещать это место считается в Испании дурным тоном. Вы это тотчас почувствуете,

если, приехав в страну, заявите тамошним своим друзьям или в какой-нибудь туристической конторе о желании посетить знаменитый мемориал. Я через это прошёл, однако проявил настойчивость и могу поделиться впечатлениями.

Начну, однако, с того, что сам по себе комплекс Valle de los Caídos (главный архитектор проекта — Диего Мендес), если отвлечься от его идеологической сути, производит сильное впечатление. Его вполне можно поставить в ряд с семью чудесами света, вдохновлявшими античных авторов, причём даже не восьмым по рангу, а, пожалуй, первым: древние чудеса не выдерживают сравнения с ним, он затмевает их по физическим масштабам, да, наверно, не уступает и по мастерству исполнения. Те поражали воображение современников, прежде всего, своими циклопическими размерами: высота пирамиды Хеопса 137 метров, высота Фаросского маяка 122 метра и т. д. Но крест, венчающий мемориал Долины Павших, сам по себе имеет высоту 150 метров, да к тому же вознесён на вершину 150-метровой скалы. Сооружение общей высотой 300 метров в хорошую погоду видно, говорят, даже с северной окраины Мадрида. А подножье исполинского креста окружают (там же, на вершине скалы) гранитные изваяния работы Хуана де Авалоса, изображающие четырёх евангелистов: стоишь возле большого пальца босой ноги св. Матфея или св. Луки, а толщина этого пальца почти равна твоему росту. А над евангелистами до высоты 42 метров возвышаются ещё фигуры, символизирующие человеческие добродетели. Эта многофигурная композиция не уступает по масштабу легендарному Колоссу Родосскому, а по выразительности, думаю, его превосходит.

Сам же крест даже и сравнить не с чем. Если смотреть с дальнего расстояния — это лёгкая и изящная конструкция, а ведь она сложена из гранитных блоков. Даже гранитная вертикаль 150-метровой высоты кажется невероятной, но имеется же ещё и поперечина общей длиной 46 метров! То есть где-то на 250-метровой (если мерить от подножья скалы) высоте парят над нашей грешной юдолью две консоли примерно по 20 метров в длину каждая. Сложенные, подчёркиваю, из гранитных блоков! Сколько ж они весят? Сделайте скидку на все облегчающие варианты, и всё равно счёт должен идти на десятки, если не на сотни тонн. Сотни тонн гранита, висящие в воздухе, — воля ваша, я не сумел разгадать это инженерное чудо, и никто не смог мне помочь. Но не духом же святым они держатся! И годятся ли им в сравнение “висячие сады” Семирамиды?

Однако уму непостижимая конструкция, венчающая огромную скалу, — лишь навёрхье грандиозной базилики, вырубленной в скале под крестом, и этот подземный храм — смысловая основа всего сооружения. Размеры базилики производят не менее грандиозное впечатление, нежели возвышающийся над ней снаружи крест. В плане и подземный храм имеет форму креста: две величественные, насыщенные символическими изображениями галереи (чего стоят хотя бы восемь gobеленов на темы Страшного суда работы нидерландского мастера XV века Гильермо Панненмайтьера: размеры каждого примерно 5 x 12 метров), пересекающиеся примерно в двухстах метрах от входа под прямым углом.

Там, где они пересекаются, обустроен алтарный зал. Именно зал, а не просто алтарь, как обычно бывает в христианских храмах. Алтарный зал базилики в Долине Павших — это вырубленный в камне грот под купольным сводом высотой и диаметром около 40 метров, подражание своду римского Пантеона, только свод Пантеона декорирован кессонами, а тут мозаика работы Сантьяго Падроса, составленная, по одним источникам, из 4–6, а по другим, аж из 400 миллионов цветных камешков — поди подсчитай! Под куполом — обширная круглая гранитная площадка, которая смотрится как пьедестал для огромного же, как всё здесь, в несколько раз превышающего человеческий рост распятия. А у подножья распятия — именно то главное, ради чего все это циклопическое сооружение и создавалось: два “сакральных” захоронения — идеолога испанского фашизма и основателя Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверы и самого каудильо Франсиско Франко.

Про Франко худо-бедно слышали все, а о Хосе Антонио (фамилию его по сей день в Испании редко называют — и без того понятно, о ком речь) у нас знают немногие. Он был расстрелян республиканцами ещё в ноябре 1936 года на тюремном плацу в городе Аликанте по приговору суда за участие в воен-

ном мятеже. Ему было тогда 33 года – сакральный возраст. Франко потерял активного сподвижника, но и, пожалуй, сильного конкурента на статус “вождя”, зато приобрёл символ, который сыграл роль в успехе мятежа, возможно, даже большую, чем ежели бы мятежников вдохновлял своим словом и примером живой трибун (и отчасти поэт). Вот этому символу и надлежало занять центральное место в монументальном комплексе, призванном возвысить и сакрализировать смысл победы мятежников. Поэтому последней операцией перед официальным открытием комплекса стало перезахоронение останков Хосе Антонио: их перенесли из Аликанте в Долину Павших 31 марта 1959 года, тем и завершилась двадцатилетняя великая стройка¹. А когда 22 ноября 1975 года по другую сторону распятия появилась могила Франко, проект обрёл полную завершённость.

В чём был смысл этого проекта? О том сам каудильо рассказал ещё в 1939 году, сразу после своей победы, в разговоре с художником Сантьяго Падросом – тем самым, что впоследствии создал мозаику купола над алтарём подземной базилики. Вдохновлённый масштабностью раскрывшихся ему перспектив, художник и донёс до потомков содержание “исторического” разговора с “вождём”. Новому режиму, откровенничал диктатор, необходимо эмоционально-зрительное воплощение его высоких устремлений, которое стало бы своеобразной параллелью к Эскориалу. Эскориал, по его словам, – это памятник великому прошлому Испании, а новый мемориал должен стать вехой и базой, под воздействием которых реализуется ещё более великое будущее страны. Поэтому и встать ему надлежало неподалёку от Эскориала.

Ну, и где тут хотя бы намёк на идею гражданского примирения?

Ага, вот: не придумали же интерпретаторы сведения о сорока тысячах (называют и более конкретную цифру, она несколько меньше, но того же порядка: 33 872) жертв гражданской войны, которые под сенью мемориала будто бы нашли примирение. Насколько цифра верна, споров, кажется, нет; проблема в другом: как тут размещены павшие республиканцы и фалангисты? Ответ простой: вперемешку, как попало. Тела тех и других эксгумированы с вполне понятной санитарной целью из безымянных захоронений, которые были рассеяны по всей территории страны. Никто не пытался идентифицировать останки; нигде не сообщается, в каком виде и в какие ящики они были загружены после того, как их извлекли из временных могил. Главное, что ящики с останками, свезённые в Долину Павших, помещены в крипты за дубовыми дверями в противоположных торцах той галереи базилики, что составляет поперечину подземного креста. Двери эти всегда плотно закрыты, посетителям базилики туда доступа нет. Но вот что видит любой посетитель: над той и другой дверью водружён католический крест, а под ним одинаковая в обоих случаях (без различия “левых” и “правых”) надпись: “Caidos por Dios y por Espana. 1936–1939. R. I. P.” То есть “Павшие за Бога и Испанию”. А “R. I. P.” означает “*requiescat in pace*” – “Покойтесь в мире” (латинская формула, которую часто можно увидеть на надгробных памятниках испанских католиков).

Как известно, дьявол кроется в деталях. “Por Dios y por Espana” (“За Бога и Испанию”) – это в обиходе мятежников Франко аналог нашего “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Хосе Антонио, горячий поклонник и последователь Муссолини, создал испанский вариант фашизма, привив “черенок” итальянского фашизма к традиционному для Испании католицизму. Фалангисты свою войну против республиканцев даже высокопарно называли “*la Cruzada*” (“крестовый поход”).

Следовательно, и крест над долиной, и пересекающиеся крестом галереи подземного храма, и распятие над могилами Хосе Антонио и Франко, и вся прочая символика мемориального комплекса однозначно и громко кричат о том, что “восьмое чудо света” создано во славу победившего франкизма, а останки павших республиканцев помещены в криптах подземной базилики на условиях, скажем так, полной и безоговорочной капитуляции. Никто не посчитался с тем, пожелали бы они сами (или хотя бы их родственники, оставшиеся в живых) “согласия и примирения” на таких условиях.

¹ Многие тысячи побеждённых республиканцев, измождённых, голодных, заключённых в созданном здесь специально для этой цели концлагере, с примитивными кирками и ломиками вгрызались в каменную твердь: испанский вариант ГУЛага.

По этой причине потомки погибших республиканцев (да и вообще нынешние испанцы демократических убеждений, а таковых в стране абсолютное большинство) воспринимают возведение покойным диктатором мемориала в Долине Павших не как шаг к примирению, а как попытку навязать, утвердить идеологию франкизма на вечные времена. Мало того, столь откровенное и циничное пренебрежение мнением и достоинством людей, которые отдали жизни за совершенно другие идеалы, нынешние испанцы считают оскорбительным не только для тех, кто погиб, защищая республику, но и лично для себя. Вот почему Долина Павших для них – дурное место, и приличный человек не должен, по их мнению, осквернять себя посещением этого капища¹.

Что же касается восстановления монархии, которое, согласно распространённой у нас легенде, способствовало обретению мира и согласия в обществе, расколотом гражданской войной, – тут верно лишь одно: именно Франко инициировал процесс возвращения верховной власти в стране королю. Но его замысел относился к идее гражданского примирения не больше, нежели строительство мемориального комплекса в Долине Павших, то есть не относился никак.

Восстановить монархию главарь фашистского мятежа пообещал ещё в ходе гражданской войны из тактических соображений, чтобы привлечь на свою сторону монархистов. Те, как говорится, “клюнули”, но ждали исполнения обещанного. Поэтому в 1947 году каудильо вынужден был сделать новый шаг: объявил Испанию королевством, оставив, однако, при этом трон пустующим. Свергнутый в 1931 году Альфонсо XIII Бурбон умер в Риме ещё в 1941 году; право на трон унаследовал его сын Хуан Каталонский, эмигрировавший в Португалию, но он успел ещё во время гражданской войны опрометчиво заявить о своём негативном отношении к мятежу Франко. Оппонент на испанском престоле был предводителю мятежников никак не нужен. Однако каудильо не хуже нас с вами понимал, что публичным заявлениям политиков не стоит слишком уж доверять, поэтому вступать в открытую полемику со строптивым доном Хуаном не стал, а нашёл способ с ним поладить. В результате тайного сговора диктатора с нежелательным претендентом на королевский трон десятилетний сын последнего Хуан Карлос в 1948 году был отправлен на учёбу в Мадрид с призрачной надеждой когда-то, при условии “хорошего поведения”, стать действующим монархом.

Осмотрительный Франко не спешил объявлять юного инфанта своим преемником: мало ли как повернутся события? Он сделал это только в 1969 году, когда возраст и здоровье принудили его заняться пересмотром планов на обозримую перспективу с учётом реальной возможности своего перехода в мир иной. Однако образованием и воспитанием юного Бурбона диктатор занимался даже более настойчиво, чем если бы тот был его родным сыном. Хуан Карлос не выглядел прилежным учеником (позже сам признавался, что сознательно играл роль шалопая, чтобы прежде времени не насторожить рьяных сторонников режима), а ведь предстояло передать ему не имя, не состояние, а главное дело жизни – тот социально-политический уклад, который, как самоуверенно полагал каудильо, гарантирует великое будущее Испании. Вот такой это был патриот. Стало быть, Франко строил мемориал в Долине Павших для увековечения идеологии франкизма, а параллельно “ваял” характер легитимного правителя, который должен был, по его замыслу, убеждённо и эффективно претворять эту идеологию в государственной политике.

Добавлю ещё к сказанному, что абсолютная власть позволяла диктатору решать и кадровые вопросы по своему усмотрению, так что к моменту “подведения итогов” все ключевые государственные посты занимали люди, преданные режиму и лично ему.

И о какой демократизации тут можно говорить?!

Всё предусмотрел хитроумный каудильо, чтобы исключить возможность ревизии его политического наследия. Даже будущий король, которому диктатор планировал передать (но только после своей смерти!) неограниченную

¹ Долина Павших для нынешней испанской общественности – как говорится, “чемодан без ручки”: разрушить жалко, сохранять немислимо, перенесение “главных святынь” в другое место (обсуждался и такой вариант) не изменило бы символики, которой пронизан комплекс, содержать – разорительно. И что тут можно сделать?

власть, должен был, взойдя на трон, стать как бы “реинкарнацией” самого Франко и править так, как правил бы сам основоположник режима. В этом смысле королю передавалась власть, всё-таки ограниченная готовой матрицей.

Если бы расчёты Франко сбылись, история Испании после его ухода развивалась бы совсем по-другому. Однако случилось непредвиденное...

Адмирал Луис Карреро Бланко пользовался особым доверием стареющего диктатора. С 1967 года он занимал пост заместителя председателя правительства (при председателе Франко). Пронаблюдав в течение пяти лет, как “зам” справляется с должностью, осторожный каудильо решился на следующий шаг: покинул пост главы “партии (то есть Фаланги) и правительства”, передав исполнение этих обязанностей адмиралу Карреро. Потом, выдержав ещё одну паузу, — более короткую, ибо проблемы со здоровьем торопили, — в апреле 1973-го официально провозгласил Луиса Карреро Бланко своим преемником на этих ключевых постах. Это означало, что высшая распорядительная власть в стране должна была оставаться в руках премьера Карреро и после коронации Хуана Карлоса. Таким образом Франко ещё одной мерой подстраховал созданный им режим от любых неожиданностей.

Только невозможно ведь застраховаться от судьбы.

20 декабря 1973 года бронированный лимузин адмирала двигался по улице Клаудио Козльо — это в самом центре Мадрида; примерный католик Карреро возвращался домой после мессы. Вдруг прогремел взрыв огромной силы — и лимузин исчез... бесследно. На месте, где он только что находился, образовалась воронка диаметром метров десять, которая в считанные минуты наполнилась водой из разорванного водопровода. И почему-то не было ни на воде, ни на берегах новорождённого водоёма ни обломков, ни даже масляных пятен — броневичок будто испарился. Часа два бились спецслужбы над разгадкой таинственного исчезновения, а причина оказалась хоть и невероятной, но вполне материальной. Взрыв был настолько мощным, что лимузин перебросило через крышу двухэтажного корпуса находившегося рядом иезуитского колледжа. Автомобиль падал во внутренний, закрытый по всему периметру двор и без того закрытого для посторонних учебного заведения, но упал не на землю, а на прочный металлический козырек над входом в дом со стороны двора, так что не только с улицы, но и со двора его не было видно. Прочный, как власть каудильо, броневичок уцелел, но пассажиры такого перелёта, увы, не выдержали.

Теракт совершили боевики баскской организации ЭТА: у басков с режимом Франко были давние счёты. Теракты справедливо осуждаются и законом, и общественным мнением, но этот был настолько эффектен и, главное, эффективен (ибо фактически вывел страну из безвыходной ситуации), что о нём в народе сразу же сложили озорную песенку — её и сейчас спойут вам испанцы, которые постарше: “Volo, volo, Carrero volo... Volo, volo... Y — ¡аура!”. То есть: “Летел, летел, Карреро летел... Летел, летел... И — опа!”

Опа! — и фигуры, на которую диктатор делал главную ставку в многоходовой комбинации, имевшей целью сохранение режима после смерти его основателя, не стало. И сама комбинация, терпеливо и настойчиво разыгрывавшаяся четверть века, лишилась смысла. К такому повороту событий каудильо, естественно, не был готов и растерялся. Явным экспромтом стало назначение им на пост премьера профессора-правоведа (хотя и с фалангистским прошлым) Торкуато Фернандеса-Миранда, но через десять дней диктатор передумал и передал штурвал в более твёрдые руки — министру внутренних дел Карлосу Ариасу Наварро. Миссия главного полицейского на высшем государственном посту заключалась не в том, чтобы что-то менять, а в том, чтобы “держат и не пущать”. С этой миссией он справлялся достаточно успешно и занимал пост премьера до самой смерти каудильо (почти два года). Поначалу он был оставлен на этой должности и вззошедшим наконец-то на обещанный ему трон Хуаном Карлосом. Однако, повременив чуть больше полугода, король заменил жёсткого стража режима Адольфо Суаресом. Ревностные сторонники режима восприняли эту замену с одобрением: Суарес был видным деятелем в политическом руководстве Фаланги, оппозиционеры даже настаивали на его сходстве не только по имени, но и по сути с другим, более известным в мире Адольфом. Но именно Суарес неспешно (умный человек, он понимал, что шоковые операции для большого организма смертельно опасны),

но твёрдо осуществил демонтаж франкистского режима: выпустил из подполья оппозиционные партии, амнистировал политзаключённых, упразднил Фалангу. Разумеется, такое развитие событий после его ухода не могло присниться Франко и в кошмарном сне — не для того он четверть века пестовал будущего короля! Так что приписывать диктатору идею преобразования диктатуры в демократию, по меньшей мере, наивно.

Тогда, выходит, инициатором преобразования стал король? Король, выступающий демократию, — это, конечно, “круто”, и у столь экстравагантной версии есть немало поклонников в интернете. Что ж, Хуану Карлосу при вступлении на престол было уже 35 лет — “не мальчик, но муж”. Он оказался гораздо умней и самостоятельней в мышлении, нежели о нём думал покойный каудильо, и ещё при жизни Франко понял бесперспективность франкизма, хотя говорить о том вслух воздерживался. Но как вы представляете себе ту ситуацию: демократически мыслящий король отдал распоряжение убеждённому фалангисту, и тот “сделал руки по швам”? Думаю, если бы дело складывалось таким образом, то либо Суарес с негодованием отказался бы от должности премьера, либо у премьера-фалангиста хватило бы влияния и поддержки со стороны элиты, взращённой ещё Франко, чтобы “укротить” короля. Нет, демократизация стала возможной лишь потому, что король и его первый министр совместно, при полном взаимопонимании выбрали новый курс для страны. И выбор их был обусловлен тем, что оба озаботились не “принципами”, а жизненными проблемами Испании. Примерно так же, как за четверть века до того Людвиг Эрхард был озабочен проблемами Германии, а десять лет спустя Дэн Сяопин — проблемами Китая. В каждой из этих стран ситуация была своя, и лидеры не искали готовые рецепты на стороне, а разрабатывали способы выхода из кризисных ситуаций, которые были бы эффективны именно здесь, в своей стране. Во всех этих случаях реформы удались лишь потому, что они носили национальный, патриотический характер, и это стоит особо подчеркнуть.

Адольфо Суарес оказался очень к месту на первом этапе реформ: он хорошо знал франкистский режим изнутри и сумел демонтировать его без шоковых эффектов. Но сама по себе замена “тоталитаризма” парламентской демократией ничего всерьёз не решила. Экономический кризис и всеобщий раздрай в стране к началу 1980-х годов был примерно такой же, как у нас в конце горбачёвской “перестройки”. Это привело к ультраправому военному путчу 23 февраля 1981 года, по причинам возникновения, мотивам и намерениям напомиравшему будущий наш ГКЧП. Если бы испанский путч удался, там на неопределённое время был бы реставрирован франкизм. В роли “испанского Ельцина” выступил король Хуан Карлос, чем и снискал пламенную любовь даже лидера коммунистов Сантьяго Каррильо. Но если бы дальше события в Испании развивались по тому же сценарию, как позже в России, то и любовь к королю иссякла бы так же быстро, как наша “всенародная любовь” к Ельцину.

Но Испании несказанно повезло: на смену “испанскому Гайдари” Суаресу¹ не сразу, но вскоре пришёл социалист Фелипе Гонсалес, думающий, опять-таки, не о “принципах”, а об Испании. Ему удалось составить команду, которая занялась созиданием новых социально-экономических отношений. Гонсалес занимал пост премьера в течение 14 лет. По компетентному свидетельству бывшего советского посла Ю. В. Дубинина, работавшего в Мадриде в 1978–1986 годах (приехал ещё при Суаресе, а уехал при Гонсалесе), не гробница диктатора и не возрождение монархии объединили испанское общество, расколотое после демонтажа франкистского режима, а именно преобразование, совершавшиеся под руководством Гонсалеса. Они придали коллективным усилиям направленность и смысл.

А в постсоветской России своего “Гонсалеса”, увы, не нашлось.

Не слишком ли я уклонился от заявленной темы, рассуждая о том, как это делалось в Испании? Думаю, что не уклонился нисколько, ибо пишу не историю, а пытаюсь осмыслить закономерности, они же заметнее в сравнении.

¹ Конечно, эта параллель очень условна, но допустима в том смысле, что оба разрушали, но не строили.

Сравнивать Россию с Испанией давно стало общим местом, но дело, думаю, не в том, насколько мы похожи или непохожи, а в том, что, оказавшись несколько позже, чем испанцы, в сходной социально-политической ситуации и имея перед глазами достаточно успешный испанский опыт, мы явно пытались воспользоваться готовым рецептом. Трудно усомниться в том, что решения о восстановлении Храма Христа Спасителя в Москве и строительстве в Екатеринбурге Храма-на-Крови принимались с оглядкой на опыт Долины Павших. Опыт, как обычно у нас, не изученный, а усвоенный в форме легенды, которая, похоже, у нас же и родилась.

Ну, а об идее восстановления в России монархии я, поверите ли, впервые услышал, кажется, весной 1991 года на очень узком и подчёркнуто неофициальном совещании у секретаря Свердловского обкома КПСС по идеологии, куда был зван в качестве представителя свердловской творческой интеллигенции. Партия дождала последние месяцы, все табу уже были сметены, а всё же не верится, что щекотливая тема “обмена мнениями” родилась в голове хозяина кабинета. Конечно, этот “пробный шар” был запущен откуда-то сверху. Шар сразу же и лопнул, однако инициаторы (они же сохранили ключевые позиции и после упразднения КПСС) долго ещё не унимались, прикармливали, на всякий случай, возможных претендентов на российский престол; возможно, и по сей день держат этот вариант про запас: мало ли что?¹

Предвижу недоумение читателя: неужто наши власти оказались настолько некомпетентными, что усмотрели ключ к решению российских проблем в испанском опыте, хотя опыт испанцев – вовсе и “не о том”? Но дело не в компетентности: команда “младореформаторов” и выбранный ею своим вождём Ельцин на Испанию вовсе и не оглядывались. Они о “скрепах” не хлопотали, ибо исповедовали другую идеологию: что, мол, каждый – сам по себе, “скрепы” им только мешали бы. Насчёт храмов озаботились прагматики-“хозяйственники” Лужков и Россель, а монархические иллюзии в какой-то мере поддерживались инстанциями повыше – в качестве противовеса выходявшему из-под контроля “параду суверенитетов”.

Так или иначе, пример для подражания увидели в Испании, думаю, не первые лица государства, не те, кто принимает решения, а те, кто им подсказывает. Опыт преодоления франкизма они всерьёз не изучали, но, будучи “эрудитами”, знали, что объединяющая функция храмам приписывается всегда, и подтверждений тому не требовали. Знали они также, что монархию и в других странах не раз пытались реставрировать “для примирения”. Например, в Англии после революции Кромвеля (XVII век) вернули на трон Стюартов, в посленаполеоновской Франции XIX века – французских Бурбонов (правда, в обоих случаях с сомнительным успехом). Вот и нашим деятелям, ностальгирующим по “России, которую мы потеряли”, показалось, что нечто похожее произошло в Испании.

Но была ещё одна причина, по-моему, даже главнее прочих: пропасть между уровнем российской жизни после экономических провалов периода “перестройки” и вождённым благополучием Запада была удручающе велика. Предугадывались десятилетия изнурительной “гонки за лидером”, да ведь и не догонишь: “лидер” будет уходить в отрыв с большей скоростью, нежели мы сможем за ним гнаться. А нам ждть нестерпим, хочется получить всё и сразу. Вот и стали сочинять прожекты о том, как обхитрить природу: программ “пятьсот дней”, “шоковую терапию”, “заграница нам поможет”... Словом, способы перемахнуть через пропасть одним прыжком. По-своему эффективными оказались лишь ваучерная приватизация и залоговые аукционы. Правда, они-то и раскололи общество на непримиримые 15% и 85% (здесь, конечно, эти цифры условны). Но и на этот случай идеологи скоропалительных перемен присмотрели простые решения: построим, дескать, храмы примирения, возвратим на трон “батюшку-царя”. В Испании же, дескать, получилось.

Что это – наивность, невежество или осознанный обман?

Нет, я не против простых решений “в принципе”; при случае и сам настаиваю: не надо усложнять. Но есть вещи, которые упрощать нельзя – без риска упустить главное. Нельзя, например, сводить смысл “Войны и мира” к сюжету.

¹ См. об этом: Солдатов А. Мама-монархия. // Новая газета. № 61, 2016.

Нельзя монетизировать совесть. Нельзя объяснять социальное самочувствие соблюдением “прав человека” образца 1948 года.

Вот и совершенство внутренней организации общества, его стабильность и способность противостоять внутренним коррозионным процессам и внешним угрозам нельзя толковать упрощённо, ибо это наивно и контрпродуктивно. Микрокосм личности в космосе социума – это малая капля в безбрежной стихии вечно неспокойного океана. О том, какие вступают в действие центробежные и центростремительные силы, какие дуют попутные и “беспутные” ветры, какие закручиваются вихри и воронки, возносятся и обрушиваются восходящие и нисходящие потоки, чтобы некое множество людей ощутило, а тем более осознало себя социальной общностью, – на эту тему написаны сотни книг и монографий, бессчётное количество статей на всех языках. Так что было бы опрометчиво затрагивать её походя. Я и не стану этого делать. Хочу лишь обратить ваше внимание на коллизию, которая очевидна и без погружения в дебри теории.

Почему президент В. В. Путин так много сделал для преодоления раскола, а раздрай сохраняется, если даже не усиливается? Думаю, дело в том, что состояние общества, которое мы воспринимаем как раскол, имеет две грани – реальную и “в головах”. Они, конечно, тесно взаимосвязаны, между тем это всё-таки разные вещи. Неумение или нежелание друг друга слушать и слышать, искать взаимопонимание, налаживать взаимодействие даже при наличии или возможности общих интересов, – это одно, а отсутствие общих интересов пусть и в условиях реального взаимодействия – это другое.

Многие склонны воспринимать наш общественный раздрай по преимуществу в морально-нравственном аспекте. Дескать, мы очерствели, слишком ушли в личную жизнь, в приватные заботы, оттого стали неинтересны друг другу, с сослуживцами вне работы не общаемся, с соседями по лестничной площадке не знакомы, газет не читаем, равнодушны к общим делам. Для большинства это уже норма, немногим энтузиастам ещё хочется всколыхнуть “болото” – вдруг у кого-то пробудится вкус к жизни? Устраивают разные акции, раздают георгиевские ленточки, проходят колоннами с портретами дедов, что-то отстаивают, против чего-то борются...

Думаю, и “скрепы”, которые для упрочения национального единства ищет, придумывает, культивирует президент В. В. Путин, – спортивные страсти, массовые действия, патриотические акции, “правильные” учебники и проч., – они того же порядка и рассчитаны на таких же энтузиастов. Не стану спорить: путинские “скрепы” как-то работают, но... На открытых пространствах истории они вроде комнатного вентилятора против свежего встречного ветра. Если сказать без экивоков, “скрепы”, выстроенные в головах, легко разрушаются при столкновении с социально-экономической реальностью. Я даже не имею в виду богатых и бедных, хозяев и наёмных работников – тут всего лишь “психология”, на которую, как показывает и советский, и постсоветский опыт, можно так влиять. Но никакими патриотическими акциями, никакими миллиардами, затраченными на патриотическое воспитание, невозможно повлиять на утвердившуюся в постсоветской России экономическую модель, которая отгораживает нас друг от друга и принципиально антипатриотична.

Обратите внимание: ровно с начала рыночных реформ у нас совершенно вышли из теоретического оборота и практического обихода такие ключевые экономические понятия, как *политическая экономия* и *народное хозяйство*. Большой неожиданности для меня в том не было, но я всё же решил проверить себя, обратившись к интернету. Результат получился ожидаемый: везде, где этот вопрос так или иначе затрагивается, следует разъяснение примерно в том духе, что эти понятия якобы скомпрометированы тесной связью с советской идеологией. Потому, дескать, теперь вместо выражения “народное хозяйство” принято использовать более широкий по значению термин *экономика*, а вместо выражения “политическая экономия” – *экономическая теория*.

Такое объяснение, безусловно, лукавое. Во-первых, “скомпрометированные” термины появились намного раньше, чем советская идеология: “народное хозяйство” – в XIX веке, “политическая экономия” – в XVII. Если вам не нравится, как их трактовали “большевики”, возвратите им “исторический” смысл или предложите иное, “правильное” толкование. Во-вторых, термины с “незапятнанной репутацией” для замены “скомпрометированных” вовсе не годятся. Дело даже не в том, что “продуктом питания” в ресторанном меню

нельзя заменить “бифштекс”, а в том, что “экономика” — это “сумма”, а “народное хозяйство” — система. Можно объяснить ещё нагляднее: груда деталей — и автомобиль. И “экономическая теория”, в свою очередь, — это обобщающее понятие для множества научных разработок в хозяйственной сфере, в то время как “политическая экономия” — лишь одна из экономических теорий, предмет которой зафиксирован в её названии, где сопряжены “политика” и “экономика”. Не прибегая к цитатам из разноречивых источников (особенно из современных), я бы сказал так: политическая экономия — это наука о хозяйственной деятельности как основе жизни сообщества людей, объединённых в государство.

Если принять во внимание эти пояснения, становится очевидным, что понятия “народное хозяйство” и “политическая экономия” оказались нынче в опале не из-за “порочащего” их советского прошлого, а из-за крайнего неудобства для теоретиков от экономики, обслуживающих нынешнюю государственную политику в области хозяйственной деятельности. Ведь их смысл — хоть в прошлые века, хоть в советских учебниках, — объединяющий. Народное хозяйство — это исторически сложившаяся в конкретном социуме *общность* хозяйствующих субъектов (относящихся к разным формам собственности), а политическая экономия — наука о том, как организовать их *совместную* работу на благо каждому и всем.

Хочу ещё подчеркнуть, что согласованный по интересам, совместный труд на общее благо — вовсе не обязательно социализм. Великий экономист (а не только химик) Д. И. Менделеев категорически не принимал идею социализма¹, но смысл экономической стратегии видел именно в том, чтобы организовать хозяйственную деятельность на любой территории и в рамках государства в целом таким образом, чтобы территория интенсивно развивалась, а выгоду от того получили все. Как эту идею реализовать на практике? В качестве ответа на этот вопрос можно рекомендовать книгу “Уральская железная промышленность в 1899 году”² — обстоятельный отчёт о легендарной поездке Менделеева с тремя сотрудниками на Урал по поручению С. Ю. Витте с целью выяснения причин деградации уральской железной промышленности и выработки рекомендаций по исправлению ситуации. Этот огромный том, перенасыщенный статистикой и научно-технической информацией, читается, тем не менее, как поэма, потому что это живой, заинтересованный, без малейшей примеси казенщины рассказ, опирающийся на богатую “фактуру” и исчерпывающее знание, которые сочетаются с глубиной анализа и обоснованностью выводов.

Я почему заговорил о Менделееве, которого нынешние экономические стратеги не знают и, как мне кажется, знать не хотят? Поясню цитатой из Витте: “Вообще вопрос о значении промышленности в России ещё не оценён и не понят. Только наш великий учёный Менделеев, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику”³. К слову, если Менделеев был противником социализма, то Витте и вовсе был убеждённым монархистом.

Менделеев — автор многих трудов по ключевым вопросам экономической стратегии, но систематического изложения экономической теории у него нет, а вот у Витте такая книга есть⁴. Читатель, который к ней обратится, испытает огромное удовольствие не только от того, что получит ясное представление о весьма важных и серьёзных материях, но и от манеры изложения,

¹ Я, впрочем, не уверен, что он пытался глубоко в ней разобраться. Во всяком случае, его публикаций на эту тему не знаю. Скорее всего, его отвращала широко распространённая на грани XIX и XX веков разрушительная деятельность революционеров разных мастей, называвших себя социалистами.

² Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году. По отчётам о поездке, совершённой с Высочайшего соизволения, по поручению г-на Министра Финансов. / Издание 1900 года. Факс. издание. — Екатеринбург, издательский дом “АКВА-ПРЕСС”, 2006.

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. — М., “Мысль”, 1991. С. 515.

⁴ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. Санкт-Петербург; Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1912, 1914. Эта книга не раз переиздавалась и в последние годы.

от безупречного русского языка, каким она написана. И если сопоставить содержание этой книги с экономическими идеями Менделеева, высказанными в разных трудах, никаких разногласий между ними вы не обнаружите, их просто нет.

И вот как объяснил Д. И. Менделеев в отчёте своему единомышленнику и другу С. Ю. Витте, в надежде на полное взаимопонимание, причину деградации промышленного Урала к концу XIX века: “Успехам, сперва очень быстрым, свободным и явным, всемерно — до раздачи земель — поощрявшимся Правительством, затем помешало многое, особенно же строгости, введённые всевластными горными начальниками, отвлечение в сторону открытием золота и рутинное ведение всех дел, богатыми, вне Урала живущими хозяевами через местных управляющих. Начинателям более не было места; на Урал стали глядеть только как на источник доходов, и вся жизнь там уложилась в рамки доходных статей”¹. Вам не кажется, что если “горных начальников” заменить просто чиновниками, а золото — нефтью или газом, то это суждение вполне можно отнести к нынешней России в целом?

Обратите ещё внимание на вскользь промелькнувшую фразу об успехах, поощрявшихся правительством. Это отголосок очень важной и для Менделеева, и для Витте мысли о “покровительственной политике” государства в области экономики, то есть о *протекционизме*. Для нынешних экономических гуру слово “протекционизм” — нечто вроде ругательства. По их мнению, помогая своим производителям, государство оберегает их от свободной конкуренции и тем самым лишает стимулов к развитию. А вот Менделеев утверждает, что государственное покровительство в своё время способствовало успехам “очень быстрым, свободным и явным”. Кому же верить? Нынешние экономисты *предполагают*, исходя из предвзятого мнения, что человек корыстен и ленив, а Менделеев имеет в виду государственную практику его времени, которая имела реальный успех. Учёный оправдывает эту практику, исходя из простого — житейского, можно сказать, — соображения, что нам “ещё много-много надо сделать для того, чтобы промышленная наша сила не уступала соседской, в пользу которой пошёл бы — без покровительственного тарифа — весь наш спрос, потому что начинающему нельзя же соперничать с возмужавшим и опытным”².

У протекционизма и в те времена были убеждённые противники, Менделеев и Витте были хорошо знакомы с их доводами, находили их в некоторых отношениях основательными, и всё же твёрдо стояли на своём: неокрепшие ростки отечественной промышленности нельзя оставлять без попечительства государства. Нынешние апологеты экономических свобод любят образ, восходящий, кажется, ещё к Адаму Смиту: государство должно ограничиваться ролью “ночного сторожа” при экономике. Вольно же было Адаму Смиту рассуждать о свободной конкуренции: Англия была тогда мировым лидером промышленного развития, посягнуть на её внутренний рынок со стороны было просто некому, а местные производители, соперничая друг с другом, наращивали мускулы на пользу экономике страны.

Между тем нарождающуюся российскую промышленность именно от экспансии зарубежных производителей нужно было оберегать, и протекционизм как один из основополагающих принципов отечественной экономической стратегии начинался с установления *покровительственного тарифа* — об этом ведь тоже Менделеев говорит.

Экономическая политика, основанная на идеях Менделеева и Витте, радикально расходится с постулатами западных экономических гуру, но она вывела Россию в начале XX века по темпам промышленного развития на одно из первых мест в мире. Этого даже либералы-рыночники не отрицают, хотя попыток изучить природу того успеха почему-то не делают. Мало того, даже и экономические успехи молодой советской власти в середине 1920-х годов были в известной мере обусловлены идеями монархиста Витте. Во всяком случае, именно у Витте, хоть и негласно, была позаимствована идея “золотого червонца”, который помог стабилизировать и двинуть в рост экономику страны, разорённой катаклизмами 1914–1920 годов; помог “стране-изгою”

¹ Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году. С. 5-6.

² Там же. С. 10.

Советской России выйти на международный рынок. Внедрение твёрдой советской валюты прошло успешно не в последнюю очередь потому, что в команде советского наркома финансов Г. Я. Сокольниковы работали специалисты из аппарата “царского” министра финансов С. Ю. Витте.

Но почему-то наши “младореформаторы” не озаботились изучением весьма плодотворного отечественного опыта и доверились иноземным учителям. И произошло именно то, от чего оберегали отечественную промышленность выдающиеся российские экономические стратеги конца XIX и начала XX века. Печально, но даже и смешно: нынешние экономические “успехи” принято соизмерять с уровнем 1990 года, как в советские времена сравнивали с уровнем 1913-го. Но 1913 год в предреволюционный период был самым успешным, и сопоставление с ним для советской пропаганды было выигрышным, поскольку по многим важным показателям тот уровень в советское время был превзойдён в разы. А 1990-й в предреформенный период был самым провальным (иначе и никакие реформы были бы не нужны), а мы нынче лишь по некоторым показателям едва-едва к нему приближаемся.

В общем-то, конечно, понятно — почему, но не буду выходить за рамки своей темы, а о том, почему “младореформаторы”, предводительствуемые Ельциным, заставили страну “соперничать с возмужавшим и опытным”, пусть читатель сам поразмышляет.

А я, завершая свои заметки, хочу лишь подчеркнуть, что экономическая теория, исключая такие понятия, как “народное хозяйство”, “политическая экономия”, “протекционизм”, стала основой государственной экономической политики, легко и радикально ломающей любые, в том числе и очень затратные для государственной казны “скрепы”. О каких “скрепах” может идти речь, если предприятия, существующие на конкретной территории, неизвестно кому принадлежат, если привлечение “инвестиций” никак не соотносится с постановкой народнохозяйственных задач? Если “эффективным собственникам” (на самом деле таковых практически не бывает: эффективными могут быть лишь рачительные хозяева, а собственники стригут купоны) нет дела до нужд и перспектив территории и всей страны, потому что они сами предпочитают жить в местах более комфортабельных? Если банкротство или расширение таких “бизнесов” имеет для “народа” (тоже исключённое из употребления понятие) и страны лишь то значение, что закрываются или создаются “рабочие места”?

Да и вообще политика эта такова, что на её основе вся жизнь общества укладывается “в рамки доходных статей”. Ну, а патриотизм, чтоб не мешал, естественно, объявляется “последним прибежищем негодяев”.

ОЛЬГА СВЕРДЛОВА

ЛЕТНИЙ СНЕГ

Мы привыкли, что зимой выпадает снег, а летом идёт дождь. Но это в природе, всё закономерно, и так происходит уже тысячи лет. А вот человеческие отношения, характеры, поведение, по утверждению писателей, художников и... либералов, не должны быть подвластны никаким законам. Свобода без берегов. Нет закономерностей, всё хаотично, но, как говорят сегодня, это управляемый хаос. И всё-таки бывает, что и природа возмущается и выказывает свою непредсказуемость: вдруг в конце зимы проглянуло солнце, и термометр показал почти 20 градусов тепла! Снег и жара... Чудо! Скажете, так не бывает? Такое случается, возможно, в горах, но на равнине, в городе такого никто ещё не наблюдал. А мне посчастливилось. Но самое интересное, что меня это поразило меньше, чем когда я встретила с чем-то подобным в поведении человека. Парадоксы в характере и в поступках поражают гораздо больше, чем чудеса в природе.

“Глядишь – негодяй негодяем, // но чудом каким-то, Бог весть, // сквозь сумрак, что не пробиваем, // то совесть пробьётся, то честь”, – написал поэт, правда, не помню, кто именно. Но в сознании всплыли эти строчки, когда встретила в жизни со схожей ситуацией. Или наоборот, когда под благородной внешностью, добродетельным поведением кроется подленькая душа. Тот самый случай, когда говорят “в тихом омуте...”

Итак, мороз и солнце, нет, я ошиблась, – жара и снег. Вхожу, ослеплённая солнцем, под тёмные своды магазина, снимаю солнцезащитные очки, бросаю их в сумку и направляюсь во фруктовый ряд. Люблю яблоки “голден”, хотя говорят, что они настолько “облиты” консервантами, что есть их – просто травить себя. Но если слушать всё, что нам сообщают сегодня о продуктах, которые мы покупаем в магазинах, то изобилие превращается в нечто противоположное. Как в сказке про горшочек каши. Но ведь те, кому полагается реагировать и принимать меры, хранят упорное молчание. Может, потому, что у них на столе другая пища или нет хода назад – всё заражено, и мы обречены на медленное умирание. Об этом говорят все, даже старушки у подъезда. “А воз и ныне там...” Умники предлагают перейти на биопродукты, забывая о том, что большинству населения такая “диета” не по карману, пенсии или зарплаты хватит лишь на одну неделю. Это реальность, с которой нам предлагают смириться. И мы смирились. Но, кажется, я отвлеклась.

Продолжим наше путешествие по магазину. Я выбираю яблоки и для удобства кладу сумочку рядом, в коляску. Отобрав яблоки с жёлтым бочком, кладу в пакетик и оглядываюсь, а сумочки нет... Я ещё не верю, что сумка исчезла. Там все документы и много денег, которые я приготовила для покупки тура в Италию. Я мечусь по магазину, заглядываю в чужие корзины и коляски, на меня все смотрят с удивлением, я говорю громко, что исчезла сумка. Меня сочувственно спрашивают, а где я была до прихода в магазин, может, я там оставила сумку. “Да нет же, я нигде не была, я вошла в магазин,

сняла очки и бросила их в сумку”. И всё-таки выхожу из магазина и проделываю путь до дома и обратно, в наивной надежде что кто-то нашёл сумку и вернёт её мне. Потом, вся взъерошенная, безумно расстроенная, подхожу к охраннику, и он меня ведёт на второй этаж, где расположена видеочамера. И мы в скоростном режиме начинаем просматривать плёнку, зафиксировавшую всё, что происходило в зале за последние два часа. И, несмотря на пережитое, я с интересом смотрю, как люди выбирают, рассматривают продукты, многие теперь уже с лупой, и пытаюсь не пропустить кадры, где я входила в магазин. Охранник оказался разговорчивым. На столе у него валялась куча фотографий.

– Посмотрите, может быть, узнаете кого-нибудь, кто в этот момент крутился рядом с вами, – это те, кого поймали на краже, – и он передал мне эти карточки. Я рассматриваю фотографии и удивляюсь персонажам, представшим передо мной.

Я всегда считала, что крадут, тащат в магазине мальчишки, подростки, “шоплифтеры”, как их называют в интернете. Украдут конфеты, жвачку, пиво, а потом, ничего не боясь, выкладывают, как теперь говорят, фотки в интернете и рассказывают о своём преступлении, не стыдясь, считая это нормальным делом. Хвастаются своим умением незаметно содрать электронные метки и пластиковую полоску, которая не на виду, а спрятана где-то сбоку и пронести через охрану, чтобы не заорала сигнализация. Эти фокусы – порождение какой-то новой морали, которая предполагает вызов общепринятому, взрывает наши представления о том, “что такое хорошо и что такое плохо”. И самое интересное – всему этому уже есть английское название. Значит, всё это слизывается откуда-то, не наше, не российское изобретение. Но как быстро становится оно нашим достоянием! Это и поездки на крышах вагонов метро и поездов – такое лихачество на грани смерти под названием “зацеперство”, – и поджог на стадионах фаеров, и даже знаменитые ночи в музеях. Представляю, как на меня набросятся ревнителю приобщения народных масс к культуре, хотя это настоящая профанация. Просто любители развлечений получили законную возможность потусоваться ночью, и не где-нибудь, а в музее, и похвастаться этим в интернете, забывая о том, что кто-то должен охранять их, работать и не спать. И многое другое, что именуется сегодня западной культурой, приобщение к которой является знаком “продвинутой”.

Но на карточках, которые дал мне охранник, к моему удивлению, как я уже сказала, не было подростков, а были люди пожилого возраста, прилично одетые, и лица довольно благодные, никаких бомжей или алкоголиков.

– А что воруют эти люди? – спросила я, поражённая лицами, увиденными на карточках.

– Да всё. Даже яйца выпивают, как говорится, не отходя от кассы.

В это время в комнату заглянул молодой парень, который оказался директором магазина. Он выразил мне сочувствие и стал вместе с нами просматривать плёнку, узнав, что я журналист. Я решила это сказать не без тайной мысли, что это подвигнет их на более активный поиск. Я вновь высказала своё удивление контингентом “воришек”, на что он мне ответил:

– Думаю, они воруют, потому что никогда раньше не видели такого изобилия. В “Совке” не было выбора. А сейчас глаза разбегаются. Им хочется всё это купить, а денег не хватает. Пенсия слишком мала, чтобы позволить себе что-то лишнее.

– Получается, что воруют не от бедности, а от богатства.

– Да, можно сказать и так. Чтобы обеспечить сегодня себе и своей семье достойный уровень жизни, надо вкалывать 24 часа в сутки. Я прихожу на работу в шесть часов утра и ухожу в шесть, без выходных. Надо всё проверить, следить, чтобы не воровали и не пили. Сплю всего 4 часа. А чтобы не слететь с катушек, по 4 часа качаюсь в фитнес-зале. Но вы не подумайте, я не поклонник современной системы, я за народный капитализм.

Мы совсем об этом мало знаем, но вот в Америке к концу XX века 14 миллионов работников совместно владели контрольными пакетами акций компаний, в которых они трудились. И не только в Америке. В такой мировой корпорации, как “Проктер энд Гэмбл”, на долю сотрудников приходится до 33% акций. Когда все заинтересованы в конечном результате, не надо работать круглые сутки начальству.

– Смотрите, кажется, вы входите в магазин, – прервал пламенную речь директора охранник. Мы повернулись к экрану, и я увидела себя. В руках у ме-

ня сумка, я кидаю её в тележку и направляюсь во фруктовый ряд. Но дальше... я отхожу от тележки, к ней подходит женщина, ставит рядом со мной свою сумку, а мою откатывает в другой ряд, потом берёт мою сумку, кладёт в свой пакет и удаляется в глубь магазина. А далее всё, как я описала вначале. Но самое ужасное – в этой женщине я узнаю свою соседку, с которой я пересеклась в лифте и поделилась по пути в магазин, что собираюсь ехать за путёвкой.

– Господи, какой ужас, что теперь делать? Я её знаю, она моя соседка, – воскликнула я, поражённая увиденным.

– Она из вашего дома. В какой квартире живёт? Как её фамилия? Я сейчас передам всё в милицию и, будьте уверены, вам вернут сумочку в целостности и сохранности.

– Но мы же соседи и встречаемся чуть ли не каждый день. Как я буду ей в глаза смотреть? Мой внук учится с её дочкой в одном классе. И, по-моему, влюблён в неё.

– Странная вы женщина... Пусть она думает, как ей смотреть вам в глаза. Вот такой диалог произошёл между мной и молодым директором магазина.

– Давайте сделаем по-другому. Вы позвоните ей и пригрозите, что передадите дело в милицию, если она не отдаст сумку с деньгами и документами. Но, пожалуйста, пообещайте, что вы не скажете ей, что вы видели своими глазами, как сумка оказалась в её пакете.

– Что за интеллигентские штучки! Вор должен быть наказан хотя бы общественным осуждением. Но если вы так хотите, пожалуйста, ставьте эксперимент. Если будете об этом писать, только не упоминайте наш магазин и мою фамилию. Моим хозяевам это может не понравиться.

Я пришла домой расстроённая, в смятении чувств и стала вспоминать все самые большие потери в своей жизни. Две истории врезались в память навсегда. Как там поётся в песенке: “Кто-то теряет, кто-то находит...”. Так вот. Это случилось теперь в уже далёкие советские времена. Меня наградили орденом “Знак почёта”. Это была довольно престижная награда, к тому же я была первой из редакторов журнала, кто удостоился этой чести. Я тогда работала в крупном издательстве, и наш главный редактор решил торжественно отметить это событие. По какой-то один Бог знает откуда взявшейся традиции, орден даже собирались “обмыть” в вине. Я поехала в Кремль, там мне торжественно вручили орден в атласной коробочке, я полюбовалась этаким симпатичным сувениром, положила его в сумку и поехала на годичное собрание Академии педагогических наук. Я опоздала, уже прошла первая часть заседания, народ высыпал в фойе, было много знакомых авторов, которые знали о полученной награде, меня поздравляли, просили показать орден, а потом известный учёный, Низова Алла Михайловна, решительно вынула орден из коробочки и нацепила его мне на шёлковую кофточку. Мы сделали с ней один круг по фойе и уже когда вместе с толпой направлялись в зал заседаний, я обратила свой взгляд на кофточку, но ордена... не обнаружила. Стали искать его под ногами. Когда толпа схлынула, обшарили всё фойе, достали даже веник, но ордена не было нигде, как сквозь землю провалился. Я была в отчаянии! Что я скажу в издательстве? Представила разочарование главного редактора, когда он узнает о потере. Я сорву ему мероприятие, которое он задумал в тиши своего кабинета для поднятия нашего “тонуса”. Противно было и то, что орден исчез не на улице, а в элитной “научной” толпе, где не было случайных людей.

Президент Академии Михаил Иванович Кондаков объявил с трибуны о потере. Но никто не откликнулся, орден как в воду канул. Кондаков, узнав о предстоящем мероприятии в издательстве, которое срывается по моей вине, предложил свой вариант выхода из трудной ситуации. Он, очевидно, вспомнил, историю с подвесками из романа Дюма “Три мушкетёра” и попросил академика Королёва, единственного члена Академии, награждённого этим орденом, одолжить его мне на вечер, чтобы отпраздновать в издательстве задуманное главным. А дальше уже всё шло по накатанному. За орденом для безопасности поехал мой муж с “охранником”, орден окунули в чан с вином, главный, как ребёнок, радовался вожденной игрушкой, а на следующий день её отвезли академику, который, как мне передавали потом, не единожды рассказывал эту историю в своём кругу. В общем, было над чем посмеяться серьёзным учёным.

И ещё одна потеря запомнилась тоже на всю жизнь. Шёл 1990 год. Как-то, когда надо было платить очередные взносы в партийную кассу, тогда была всего одна партия и называлась она КПСС, я обнаружила, что партбилета нет.

Я обыскала весь дом, перетряхнула все ящики, отодвинула все столы, но партбилета нигде не было. Вам может показаться, что это какая-то ерунда. Подумаешь, какая великая потеря. Можно выписать дубликат. Но утрата этого документа влекла за собой как самое малое выговор, обсуждение на собрании, приклеивание к тебе ярлыков “разгильдяйство”, “отсутствие партийной дисциплины и чувства ответственности”, “легкомыслие” и т. д. В общем, уничтожение тебя как личности. Всё это я представляла себе воочию каждый месяц, когда надо было в очередной раз платить взносы. Меня спрашивали, где мой партбилет, а я всякий раз врала, что забыла дома и принесу в следующий раз. И так продолжалось целый год.

Недавно я слушала передачу, посвящённую творчеству замечательного артиста Папанова. Одна из его ролей – это роль Волка, которая запомнилась многим поколениям зрителей. И, как вы правильно рассудили, человек в роли волка не может быть трусом. Он был смелый человек и в жизни не совершал поступков, которые считал для себя неприемлемыми. Когда его вызвал главный режиссёр театра им. Вахтангова и спросил, почему он не вступает в партию, Папанов ответил: “Потому что боюсь потерять партбилет”. Это оказалось весомым аргументом. И от него отстали, хотя в этих словах содержалась известная доля иронии и аполитичности, как могли бы сказать в то время.

Как я уже сказала, я скрывала свою потерю целый год, не могла решиться на признание, труслива и к тому же самолюбива была от природы. И однажды случилось чудо. В обшивке дивана, в самой его глубине затерялся мой билет. Я нашла билет и была счастлива несказанно. А на следующий день Ельцин объявил о роспуске КПСС, и люди рвали и сжигали билеты. Это я всё к тому, как неожиданно может разворачиваться судьба и не только отдельного человека, но и огромной страны.

Так, размышляя о своих прошлых потерях и вообще о жизненных коллизиях, когда невозможно что-то предвидеть, я незаметно задремала, и вдруг раздался звонок, звонила соседка и, как и предполагал директор, сказала, что нашла мою сумку. Говорила в приподнятом тоне, и я отвечала ей таким же наигранно радостным голосом, заверила соседку, что теперь я её должница до самой смерти. Но мне противна была эта ситуация, я устала от её вранья и постаралась поскорее закруглить разговор. А потом пришла её дочь. На пороге стояла красивая девушка с короткой модной стрижкой, с развитыми женскими формами. Она очень изменилась за последнее время, как говорится, из гадкого утёнка превратилась в прекрасного лебедя. Я знала её с самого детства, с тех пор, как они с внуком ходили в одну группу детского сада. Она стала мне пересказывать версию матери, где и когда мать нашла сумку, но в отличие от матушки чувствовалось, что говорит искренне, радуется находке и возможно материю меня обрадовать.

Я открыла сумку, все документы и деньги были в целостности и сохранности, даже нашлись денежки в глубине сумки, в тайном карманчике. Гостью звали Лена, ей хотелось со мной поговорить, а меня распирала злость на эту семейку.

– Я хочу быть журналистом, – неожиданно вымолвила она и замолчала, а потом добавила: – Как и вы”.

На что я ответила нравоучительно:

– Для этого надо много читать и очень хорошо учиться.

Я не поддержала её желание продолжить разговор, и даже мелькнула подлая мысль: “Уже дочь воровки мечтает стать журналистом. Наверное, считает, что это самый лёгкий путь к достатку. На память пришла слова из известного индийского фильма “Бродяга”: “Сын вора будет вором”.

Ах, если бы можно было повернуть время вспять. Ей так нужна была поддержка, доброе слово, общение, когда тебя безусловно принимают, тебя слышат, с тобой считаются.

Прошло, наверное, полгода после истории с сумочкой, я уже не так остро вспоминала случившееся, и вдруг приходит внук, совершенно невменяемый, и обрушивает на меня новость:

– Ленка с балкона упала. Перегнулась через перила и вниз головой с 15-го этажа.

В первую минуту я не могла понять, о какой Ленке идёт речь.

– Ну та, мать которой украла у тебя сумку, – сказал внук и залился слезами. . .

– Откуда ты это взял, – спросила я, совершенно убитая услышанным.

– Да охранник сказал. Он оказался чей-то знакомый. И по всему интернету пустили, что у неё мать воровка.

– Но почему ты мне ничего не сказал? Получается, что девочка ответила за мать, за её неблагоприятный поступок. Она принесла мне сумку, очевидно, даже не догадываясь, как она попала в руки матери.

– Ты даже не представляешь, что они писали ей в интернете. Особенно их обозлило то, что она не захотела общаться с нашими ребятами. Она была влюблена в Лёвку из 10-го Б, так они ему такое о ней писали... Они даже подстроили, что у Генки, моего соседа, пропал смартфон, они его специально спрятали, а потом подложили Ленке, как будто она его стащила. Но Ленка зачем-то залезла в сумку и нашла его, и прямо на уроке встала из-за парты, прошла через весь класс и положила его на стол классной, сказав громко: “Эти подонки никак не успокоятся”.

Марья, наша классная, сделала вид, что ничего не поняла. Она тоже Ленку ненавидела за то, что та ей постоянно грубила, вопросы всякие задавала, и та не знала, как на них ответить. Недавно она спросила:

– Почему у нас считается образование бесплатное, а без конца побо-ры, то на одно, то на другое деньги собирают. Учителям зарплаты, что ли, не хватает?

Или:

– Почему у Вадьки, двоечника, оказалась четвёрка за четверть по математике? Наверное, отец его отвечал за него.

Отец Вадьки работает каким-то большим начальником, а мать без конца учителям подарки носит. Ребята видели.

– А почему президент всё время боится, что деньги разворуют? Это что, правительство ворует? Почему тогда их не судят?

Этим вопросом она вчера на уроке истории Марью доконала. Она на неё кричать начала, мол, она своими вопросами хочет урок сорвать.

– Зачем она это сделала, – повторял внук без конца, заливаясь слезами, а я сидела потрясённая, не зная, что сказать.

– Это я виноват во всём. Я тебе наврал, что охранник сообщил про сумку. Это я рассказал ребятам, я слышал, как ты маме по телефону докладывала всю эту историю. Я зашёл домой, ты не видела, что я пришёл, я был на кухне, когда услышал, что ты про Ленку говоришь. Ты ещё сказала: “Такая симпатичная девчонка у такой матери!” И ещё ты сказала, чтобы ни одним намёком не дать мне знать, что произошло в магазине. А мне тогда было обидно, что Ленка не захотела со мной сидеть и пересела на последнюю парту. Я только одному Генке рассказал, а он уже пустил по всему интернету.

Я знала о существовании кибербуллинга, попросту говоря, электронного насилия. Я читала, что этому виду насилия подвергается чуть ли не треть подростков от 12 до 15 лет в Англии и Франции. Но там уже поняли, что с этим видом травли надо активно бороться, так как это не безобидное развлечение, оно порой доводит подростков до самоубийства. Публикация злобных измышлений, видео, фото, оскорбляющих и унижающих человека, для некоторых ребят становится формой мести или возможностью безнаказанно вылить свою агрессию, почувствовать себя суперменом, изживая таким гадким способом свои комплексы.

Анонимность таких высказываний развязывает самые низкие свойства человеческой природы. В Америке, кажется, был громкий процесс, когда девочка перерезала себе вены, не выдержав атаки троллей, которые от лица мальчиков сообщали всему свету, что её парень гей. И самое омерзительное: в ходе расследования оказалось, что всё это подстроили её подруги, одноклассницы несчастной, и что её парень нормальной ориентации.

Теперь всё это докатилось и до нас. Мы не пытаемся контролировать новые формы “разборок” между детьми и строго наказывать поклонников электронного буллинга.

А внук, захлебываясь от слёз, продолжал рассказывать, что писали эти тролли своей однокласснице на специально созданной странице в “фейсбуке”.

Я больше не могла это слушать, вышла на улицу. Было жарко, а я дрожала от холода, в воздухе кружились клочья снега, и земля была покрыта белым покрывалом – цвели тополя, и я беззвучно повторяла только одно: “Леночка, зачем ты это сделала? Прости нас, если слышишь”.

Грех по нашей вине убитой жизни станет теперь частью нашей судьбы.

НАТАЛЬЯ ИРТЕНИНА

СТАРИННАЯ БИТВА ЗА КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

Монахи-первопроходцы и русский арктический фронт

Геополитика – неперемнная составляющая всякой христианской миссии. А Православная Церковь как столп русской цивилизации – один из крупнейших факторов российской геополитики. Иногда она геополитический инструмент в руках государства, но чаще – субъект, независимая сторона на поле битвы за распространение своего влияния в мире, на больших политико-географических пространствах. Геополитический вектор простирается из самой сути служения Церкви, призванной нести Слово Божие до пределов Вселенной. В отличие от других участников битвы – государств, корпораций, – ей важны не территории и их ресурсы, включая человеческие, а приобретение для Царства Небесного людских душ. Отнять это свойство вселенской геополитической субъектности у Церкви невозможно.

Русское государство нередко шло лишь позади Церкви, отставая от неё на отдельных направлениях практической геополитики и позднее пользуясь политическими плодами христианской миссии. Так было, например, на Севере, где важнейшая часть российского Заполярья, ныне база Северного флота и арктический плацдарм России, была приобретена благодаря церковному подвижничеству и церковному покровительству над Мурманским краем...

Земли, которые зовутся Русским Севером, несколько столетий, начиная с XI-го, были фронтиром Древней Руси – территорией естественного роста русской цивилизации. Эти края осваивали сборщики дани с туземных народов, затем русские первооселенцы, промысловые люди, земледельцы. В дремучих северных лесах единственным человеческим жильём нередко оказывалась избушка монаха-пустынника. Изначальным порывом этих одиночек, жаждавших уединения с Богом, процвёл в XV–XVII веках Русский Север от Заволжья до Ледовитого океана. Усилиями одних колонистов-промысловиков расцвет не случился бы. Нужна была консолидация сил, организующее начало. Таким началом становились монастыри.

Обычно процесс монастырской колонизации происходил так. Приходил отшельник, поселялся в глухом месте, рубил церковь или часовню. Чуть погодя образовывалась община, составлялся монастырь. Князья жаловали ему земельные владения, промысловые угодья. Через четверть века вокруг кипела жизнь: погосты, села, распахки, дороги, ремесла, промыслы. Местное языческое население прилеплялось к русской жизни через проповедь Христа и добровольное крещение. В истории Севера известен лишь один народ, не пожелавший принять русскую веру и государственность. Легендарная чудь, не имея сил противостоять Руси, по преданию, “ушла в землю”, а по скандинавским источникам – переселилась в XIII столетии в Норвегию. Ещё долго напоминанием о ней были зараставшие лесом чудские городища, наверняка считавшиеся у окрестных жителей “плохими местами”, где безоб-

разит нечисть. Военных столкновений при колонизации этих земель Русский Север почти не знал.

Но на северо-западном порубежье вырисовывалась иная картина. Здесь сперва Господину Великому Новгороду, затем Московской Руси пришлось столкнуться с жёсткой конкуренцией шведов, норвежцев и датчан. Западные соседи-христиане тоже хотели видеть в местных язычниках своих подданных.

Новгород в XII–XIV веках распространил свою руку широко и далеко за пределы нынешних границ России. Дать ему платили карелы, жившие на землях нынешней Финляндии вплоть до Ботнического залива Балтики (на русский лад – Каяно-моря). А также лопари-саамы всей северной Лапландии, от Кольского полуострова до северо-запада нынешней Норвегии. Острота ситуации заключалась в том, что Лапландия, не принадлежа никому, платила дань и русским, и норвежцам, и шведам, то есть была троеданной. А в Северной Ботнии (на Каянской земле) вперемежку с карелами, новгородскими данниками, расселялись финны, тяготившие к Швеции. Это была территория постоянных вооружённых конфликтов, то разгоравшейся, то затухавшей войны.

Стычки между сборщиками дани всех трёх сторон перерастали в военные походы. Но чаще это были просто разбойные набеги. Особенно частыми они сделались с тех пор, как норвежцы и шведы стали нарушать “конвенции”. По Ореховецкому договору 1323 года Каянская земля, то есть Восточная Ботния, где на “семи реках” жили карелы, платила дань Новгороду. Полвека спустя шведы построили там свою крепость Оулу, а вокруг расселились подвластные им финны. С тех пор русские навсегда потеряли Каянь. Норвежцы же ещё раньше поставили своё укрепление Вардегус – “Сторожевой дом” – на берегу Ледовитого океана (современный город Вардё). Хотя по договорам никаких постоянных поселений в районе общего сбора дани строить было нельзя никому.

В набеги на норвежцев и финнов обычно отправлялись новгородские крещёные карелы со своими воеводами. Предание об одном из них рассказывает: некий знатный “корелянин” Валит разбил в бою норвежцев и на месте побоища, недалеко от Вардегуса, поставил своё укрепление из камня – Валитово городище. Жил он то ли в XIV, то ли в XV столетии.

Русская же колонизация добиралась до холодных тундр и скал Лапландии неспешно. Суровые условия Заполярья, считавшегося к тому же колдовским краем, долго не привлекали в качестве места поселения промышленников-поморов. Мурманский берег Ледовитого океана, или Мурман, русские поселенцы начали обживать лишь во времена Ивана Грозного.

Но русские монахи впервые появились “на Студёном море, у Мурманского рубежу”, то есть на Кольском полуострове, намного раньше – в конце XIV века. Это случилось после того, как пустынный Евфимий основал возле устья Северной Двины, на Белом море, Николо-Корельский монастырь. Берега великой северной реки были давно обжиты новгородцами, но края дальше “на полночь” ещё долго оставались дики и малолюдны. Разве что рыбаки-поморы ставили по берегам сезонные летние становища. А первое постоянное русское поселение на Кольском полуострове организовали Евфимий Корельский и его собратья. Это был монастырский Корельский погост на реке Варзуге, на южном, Терском берегу полуострова, у Кандалакшской губы Белого моря. Он появился в том месте, где ещё в начале XIV века был построен деревянный острог. Карельские сборщики дани, служившие Новгороду, использовали крепостицу для временного хранения дани, собираемой с кольских лопарей.

Николо-корельские монахи стали первыми христианскими просветителями “дикой лопи” и северной некрещёной “корелы”. Пути их проповеди шли вдоль беломорских берегов и далее, на Мурманский рубеж, в норвежскую сторону. Проповедь была наглядна: в устьях рек и у морских губ монахи ставили церкви, часовни, скиты. Все эти спорадические очаги христианства получали имя Николая Чудотворца, покровителя плавающих и путешествующих. Со временем вокруг церквей разрастались поселения поморов. Память об этих Никольских путевых “столпах” запечатлелась в поморском присловье “от Холмогор до Колы тридцать три Николы”. Кола – бывшая столица полуострова, а ныне пригород Мурманска. Но в реальности “Николы” ушли намного западнее Колы – до самого норвежского Сторожевого дома, крепости Вардегус. В русских источниках XVI века упоминается загадочный “монастырь св. Николая против Варгава” (русское название Вардегуса). Некогда он был разорён то ли шведами, то ли норвежцами. Следов его не сохранилось.

Со временем возле церкви обживались поморские промышленники, вырастали села. Край мало-помалу наполнялся русскими поселенцами.

В те времена Баренцево море называлось на Руси Мурманским. Оттуда, огибая Кольский полуостров, приплывали в Беломорье мурманы – норманны, чтобы пограбить здешние поселения. Викинги бывали на берегах “Бьярмланда” и Северной Двины задолго до появления здесь русских. А самый крупный из зафиксированных летописью набегов случился в 1419 году. В ответ на новгородское “повоевание” норвежцев в Белое море “пришли мурмане войною в 500 человек”. Сперва они сожгли Корельский погост, затем поплыли к устью Двины, разорили Николо-Корельский и Михайловский монастыри, три церкви и поселения поморов на окрестной территории, вырезали людей, включая монахов. Им всё же дали отпор: двиняне захватили два судна, на остальных разбойники убежали. Главный удар норвежцев был направлен на очаги православной проповеди в крае, а это значит, что конкуренты хорошо понимали, на чём держится русская колонизация Севера, что без Православия и распространения его среди местных язычников Русь не закрепится на этих землях.

Николо-Корельский монастырь был возобновлён полвека спустя на средства знаменитой новгородки Марфы Посадницы (либо, по иной версии, какой-то другой новгородской боярыни Марфы). К тому времени Беломорье уже освящалось молитвами иноков новой обители на Соловецких островах. Слава одного из её зачинателей, Зосимы Соловецкого, была так велика, что “многие из окрестных дикарей сами приходили к нему, принимали святое крещение и даже постригались в монашество”.

Ну, а неофициальные боевые действия на порубежье продолжались. К примеру, русские не забывали, что Каянская земля по праву принадлежит им, и ходили туда за данью. Итогом этих походов были пепелища ограбленных финских поселений, с русской точки зрения, возникавших там незаконно. Шведы с норвежцами ответно посылали свои судовые рати на Белое море. Но таких кровавых разгромов, как в 1419 году, им уже не давали совершать.

Московская Русь, включив в свой состав новгородские владения, заполучила в наследство и эту проблему. Во время русско-шведской войны конца XV века Иван III отправил большую рать на Каяно-море. Войско, набранное в северных русских землях, переплыло Белое море и реками ушло к Ботническому заливу, повоевало там карельских жителей “семи рек” и привело их под присягу московскому князю. Однако присоединить территорию всё же не удалось – слишком труднопроходимые леса и болота отделили её от русской Карелии. Разбойная война на пограничье вскоре возобновилась.

Участником этой негласной войны был молодой дворянин родом из Торжка. Звали его Митрофан, но в историю он вошёл под именем Трифона Печенгского – православного святого, основателя самого северного (в России и в мире) монастыря, русского форпоста на Мурмане. В начале XVI века он был предводителем одного из отрядов то ли сборщиков дани, то ли охотников за добычей, что периодически наведывались в Каянские края и более северную норвежскую Лапландию. По собственному его рассказу, записанному позднее голландским купцом Симоном ван Салингеном, он “был грозным для врагов воином, много народу ограбил и разорил на границе и много крови пролил, в чём раскаялся и о чём горько сожалел”.

В преданиях саамов сохранилась “романтическая” история о том, как жестокого атамана разбойников Трифона сопровождала в походах его возлюбленная Елена, и как однажды он в припадке гнева нечаянно её убил.

Сильнейший порыв раскаяния погнало его на край земли. Около 1514 года Трифон в одиночестве ушёл далеко на север, на мурманское побережье океана. Через пять лет горьких скитаний он встретил другого пустытника, монаха Феодорита. Судьба свела двух будущих просветителей Русской Лапландии, и с этих пор они, позже расставаясь на годы, никогда не теряли друг друга из вида.

Феодорит Кольский пришёл на Мурман, имея вдохновенный замысел приобщать к христианству лопарей. Этот народ издревле стяжал славу страшных колдунов. Норманны называли их “языческими чудовищами”. Тёмное лопское колдовство вызывало опасения у окрестных народов, в том числе христиан и в том числе русских. Шведы и финны выведывали у лопарей секреты их “боевой магии”. Даже Шекспир был наслышан о них: “Не сомневаюсь я, // Что это всё проделки чародейства, // Что много здесь лапландских колдунов” (“Комедия ошибок”, перевод П. Вейнберга). Особенно могучими чародейями, приручившими бесовскую силу, слыли кольские лопари. Так что

проповедь христианства в этих краях была связана не просто со смертельной опасностью (могли убить), но и с риском погубить собственную душу. Этот тяжёлый труд был по плечу лишь настоящим святым, которые могли без вреда для себя побороться с бесовскими кознями и мороками.

Трифон, ещё не став монахом (постриг он смог принять лишь когда истекли 20 лет его покаяния), многому научился от опытного в духовных делах Феодорита: молитве, православной аскетике. Перенял у него миссионерское горение духа. О плодах их деятельности рассказывают летописи: в 1526 и 1532 годах к великому князю Василию III и новгородскому архиепископу Макарию приходили послы от лопарей с просьбами прислать им священников, чтобы крестить уверовавших, освятить церкви и начать богослужение. Храмы были поставлены в южной части Кольского полуострова – в Кандалакше и на севере – в вершине Кольской губы, на месте будущей Колы.

Вскоре оба подвижника сами отправились в Новгород. К обширной новгородской епархии относились тогда все северные земли до океана. Феодорит и Трифон поведали владыке о своих трудах и нуждах новокрещёных лопарей. Макария, будущего митрополита всея Руси, просветителя, радителя русской культуры и государственности, их рассказ обрадовал. Наверное, после он сам завёл речь о необходимости утверждения Руси в малолюдном лопском краю, наполнения его христианским духом, устройства там центров русского присутствия – монастырей. Из двух кольских подвижников, может быть, глубже понимал эти заботы Макария именно Трифон. На опыте собственной боевой молодости он убедился, насколько острой была нужда в присутствии государства на карельских и лопских землях, где царил разбойная воля пришельцев со всех сторон: кто сильнее, тот и взял. И насколько зыбки там заявляемые права на ту или иную территорию.

Вернувшись на Мурман в 1533 году, Трифон положил основание своему монастырю на самом западном пределе, где обитель могла существовать относительно безопасно, не искушая воинственность норвежцев. Приведя с собой строителей, он поставил Троицкую церковь на реке Печенге, что впадает в Варяжский залив (Варангер-фьорд), на западном берегу которого стоял норвежский Вардегус. В тех местах, где заканчивалась прибрежная череда “тридцати трёх Никол”. Феодорит же через несколько лет основал свою обитель, тоже Троицкую, на острове в устье реки Колы, впадающей в Кольскую губу, а немного позднее ещё одну – в Кандалакше.

Все три сыграли свою роль в христианизации Мурманского края. Многие лопари сами принимали в них монашеский постриг. Феодорит составил для саамов азбуку, переводил на их язык Священное Писание. Но из всех трёх монастырей державное значение четверть века спустя приобрёл именно Трифонов. В середине 1550-х годов Иван Грозный выдал обители грамоту на владение и хозяйственное освоение земель к западу и востоку от Печенги, до самой Колы. Вероятно, тогда же монастырь сделался ставропигиальным, то есть вошёл в подчинение непосредственно главе Русской Церкви. Таким статусом обладали лишь несколько самых значимых для страны обителей.

В 1560–1580-х годах Трифонов монастырь был центром экономической жизни Кольского полуострова. Монахи и монастырские работники занимались рыболовством, солеварением, добычей пушного зверя, птицы и речного жемчуга. Была своя верфь, строили суда. Поначалу монастырь отправлял гружёные корабли в Норвегию для торговли, но вскоре на Печенгу стали приплывать иностранные купцы. Первыми были голландцы, и в устье Печенги образовался крупный узел русско-нидерландской торговли. Вторым экономическим центром края стала Кола, но не как монастырское поселение, а как торговый и промысловый порт. Торговали не только северным промысловым товаром. Русские купцы везли из центральной Руси для продажи иностранцам зерно, лён, воск, дёготь, пеньку и пр. Гавани Печенги и Колы составляли мощную конкуренцию торговле англичан в Холмогорах на Северной Двине. В Коле обосновались тогда крупные промышленники и купцы Строгановы.

Наверное, Трифону “стяжательская” деятельность его обители была не по душе. Сам он до последних дней жизни даже спал на полу, постелив рогожу, и монахов своих учил “не любить мира и всего, что в мире”, хранить смирение и воздержание. Но он также понимал, что русская колония должна расти и крепнуть, а это невозможно без обширного хозяйства.

Примерно в это время норвежцы, а точнее – их датские правители максимально затрудняют русским сбор дани в западной Лапландии. В ответ их самих,

как чуть ранее шведов, отлучили от взимания дани с кольских лопарей. Общий круг сбора дани сузился до района, очерченного Печенгой и рекой Нявдема (Нейден) немного западнее. “Ничейный” статус эта земля сохраняла ещё два с половиной столетия. Однако и там возникали русские островки – поселения монастырских работников, церковь Бориса и Глеба, построенная Трифоном на реке Паз (Патсойоки), им же поставленная часовня Святого Георгия у Нявдемы.

Активная промысловая деятельность монастыря и русско-европейские торговые обороты на Мурмане вызывали раздражение у Швеции и Дании (чьей провинцией была Норвегия). Оба королевства рассматривали эти края как собственность и считали свои интересы ущемлёнными.

Между Данией и Русью завязались дипломатические споры по поводу лапландских территорий и их разграничения. Длились они не один десяток лет. Датский король и его посланники пеняли московскому царю на то, что русские построили в норвежских владениях свои монастыри и притесняют датских подданных, чиня им убытки. Послы Дании в переговорах с русской стороной чётко формулировали свои претензии: “Вся Лапландия принадлежит Норвегии; из расположения к царю король уступает ему южную часть (Терский берег Кольского полуострова, давно заселённый поморами. – **Авт.**) и себе оставляет лишь северную”. Уже упоминавшийся голландец ван Салинген, по совместительству датский шпион, составил подробную карту Лапландии и Русского Севера. На ней поперёк Кольского полуострова он начертал слово “Норвегия”.

Московское правительство било доводы датчан своим козырем: “Лопская земля искони вечная наша вотчина за много лет... и на той земле монастырь Печенский и волость Кола... и Нявдема, и Паз-река, и погост Мотоцкой искони поставлен, и в них живут наши люди русские и корельские, и лопь крещёная и некрещёная...”

Печенгский монастырь в этом споре играл роль пограничного столба. На протяжении десятилетий Россия и Дания предъявляли друг другу свои выкладки: когда именно он появился, то есть чьи права на территорию древнее. Датчане относили его возникновение к 1530–1540-м годам, Москва настаивала на более ранней датировке – около начала XVI столетия. Если подразумевать Трифонов монастырь, то датчане были ближе к истине. Но русские дипломаты, скорее всего, имели в виду тот самый загадочный Никольский монастырь “против Варгава”, исчезнувший со временем не без помощи западных соседей. Так, в грамоте царя Фёдора Ивановича датскому королю от 1582 года сказано: “Тот Печенский монастырь блиско ста лет, как стал”. Кроме того, русские переговорщики знали о новгородском воеводе Валите, который “воевал ту землю и к Новгороду прилучил, и дань на них положил... и многие лопари в тех годах крестились при Геннадие, архиепископе Новгородском, тому ныне (в 1603 году. – **Авт.**) со сто двадцать лет”.

В 1580-х годах датчане даже начинали боевые действия на Мурманском море, которое их король Фредерик II объявил своим “заливом”. Совершенно по-пиратски захватывали европейские суда, препятствовали торговле. Два десятка лет спустя датские послы по инструкции последовательно предлагали царю Борису Годунову уступить королю 1) всю Лапландию, 2) часть её, 3) хотя бы один Печенгский монастырь. Дания очень хотела завладеть этой обустроенной и богатой колонией на Печенге. Предлагала заплатить за весь край 50 тысяч талеров. Но московское правительство заявило, что и пяди не отдаст ни за какие деньги. Это было невозможно даже гипотетически. Отдать православную обитель в руки протестантов, последователей “люторской ереси”? Никогда! Да и с какой стати! Вся лопская страна – древняя вотчина московских государей, норвежский Варгав/Вардегус должен быть разрушен, поскольку за ним ещё тысяча верст искони русских земель.

К иным средствам для овладения Кольским полуостровом и Поморьем прибегла Швеция. Ещё в 1570-х годах во время Ливонской войны шведские суда входили в Белое море и нацеливались на захват Соловецкого монастыря. Русское правительство после этого озаботилось военным укреплением края. На Соловках начали возводить мощную монастырскую крепость из дикого камня-валуна. В последующих войнах островная обитель стала центром обороны Поморья, её игумен имел едва ли не воеводские полномочия. Были также построены Сумской острог на Белом море и Кольский на Мурманском. Печенгский монастырь тоже обзавелся деревянными крепостными стенами с башнями – по всем правилам тогдашней фортификации. Вот только гарнизон туда, в отличие от Соловков, не прислали.

В 1589 году шведы стали готовиться к очередной войне с Россией. Но ещё до начала открытых боевых действий они дали отмашку партизанскому войску финнов. Весной и летом те совершили два разбойных налёта на западный берег Белого моря. Был уничтожен Кандалакшский монастырь, при этом вырезано было 450 человек монахов и мирян, разорены и пожжены несколько крупных поморских селений.

В декабре того же года финский отряд тайно, под покровом полярной ночи подошёл к Печенгскому монастырю. По пути уничтожал всё живое при монастырской верфи на Паз-реке, в посёлке возле гавани. Вероятно, в монастыре нашёлся предатель, открывший разбойникам ворота крепости. В одну ночь были зарезаны и замучены пытками около сотни иноков, послушников и монастырских трудников. Известны имена 95 убитых, но местное предание говорит о 116 мучениках. Четыре века спустя, в наше время, все они были причислены Русской Церковью к лику святых. Сам монастырь финны сожгли дотла. Следующей их целью была Кола, но попытка захватить город наскоком окончилась бегством уцелевших остатков отряда.

Организатор и предводитель этих трёх кровавых набегов на Русь — Пекка Весайнен, национальный герой финнов. В Финляндии ему поставлены несколько памятников.

Через год гораздо более крупный шведский отряд снова штурмовал Колу, но взять не смог. Спустя 20 лет, во время Смуты, шведское войско опять приступало к городу и вновь было отброшено.

Печенгский монастырь после финского разорения возродился по указу царя Фёдора Ивановича на новом месте, в Коле, под защитой её крепостных стен. Там он просуществовал до закрытия во времена Екатерины II. Но монахи не оставляли пепелище, где были погребены печенгские мученики и неподалёку, в старой церкви, находилась могила святого Трифона. Несколько человек жили там в скиту постоянно. А при монастырской церкви Бориса и Глеба на Паз-реке действовал лопарский православный приход.

Дания же ещё 200 лет ежегодно отправляла в Колу своего посланника. Тот выражал официальный протест по поводу запрета датским представителям собирать дань с кольских лопарей. Со временем эти визиты превратились в ритуальное и приятное гостевание. Датского посланца принимали с русским хлебосольством.

В 1820-х годах российские и норвежские власти наконец решили покончить со странной ситуацией, когда между государствами фактически отсутствовала граница. Генерал-губернатор края собрал необходимые сведения. В его отчёте министру иностранных дел России фигурировали Печенгский монастырь, грамота Ивана Грозного, отдавшая во владение монахам земли к западу, и Борисоглебская церковь. Было сказано, что вся эта официально “ничейная” территория — исстари российская. “Могла ли быть выстроена церковь в 1565 году и ныне существующая за рекою Паз, когда бы не принадлежала земля та России?”

Когда местные жители узнали о результатах разграничения, разразился скандал. Петербургский чиновник, проводивший вместе с норвежцами границу по Паз-реке, легкомысленно подарил им большой кусок земли на восточном берегу реки, у океана. Но Борисоглебский храм на западной стороне реки всё же остался в России — граница вильнула, охватив квадратный километр территории с церковью. Сейчас это российский анклав, отделённый от России рекой и пограничной полосой. Попасть туда обычному человеку затруднительно. А вот Георгиевская часовня ушла в Норвегию.

После закрытия Печенгского монастыря промысловая жизнь на Мурмане стала угасать. Богатые рыбой места обезлюдели до того, что во второй половине XIX века правительство начало выдавать денежные пособия тем, кто соглашался переселиться в Русскую Лапландию. В 1880-х годах возродили и саму обитель на старом месте, на Печенге. Ненадолго. После 1917 года вся приграничная территория вместе с Печенгой отошла к Финляндии. Во время Великой Отечественной монастырь был уничтожен: монахи изгнаны, строения разрушены в ходе боев.

Но немцев в 1941 году остановили и удержали именно на этом рубеже. Дальше Печенги они смогли продвинуться лишь на 50 км.

В историографии не принято учитывать метафизические нюансы. А с точки зрения христианской историософии, место погребения святого подвижника и некогда пролитая кровь мучеников могут служить сильным геополитическим

фактором. Земля, в которой лежат погибшие русские солдаты, для России навеки свята. А земля, где лежат русские святые, обгаренная их мученической кровью, навеки... русская. По высшему счёту.

Уже в наше время при раскопках фундамента древнего храма, где, по преданию, находится погребение самого Трифона Печенгского, обнаружили большую братскую могилу советских воинов. Они погибли в 1944 году при освобождении этой территории от фашистов и были похоронены как святые – внутри церковных стен, пускай и не сохранившихся.

После войны район Печенги вернулся в Россию (СССР). В 1990-х вокруг единственной уцелевшей монастырской церкви, под алтарем которой лежали кости древних печенгских мучеников, снова образовалась монашеская община.

Что было бы, не появившись на Мурмане в XVI веке русские монастыри? Из Москвы этот далёкий край виделся слишком туманно, расплывчато, возможно, и не стали бы держаться за эти земли так крепко. Даже в первой половине XIX века российские чиновники считали эту окраину слишком убогой, бесплодной и бесперспективной (“Мурман – земля необитаемая. Там могут жить два петуха и три курицы”, – гласила резолюция военного губернатора Архангельска генерал-майора А. И. де Траверсе). Чуть позднее, в том же столетии в столичных придворных кругах родилась идея продать Кольский полуостров Англии, как Аляску продали американцам. Англичане имели виды на Поморье ещё за два с лишним века до того, вслед за шведами разрабатывали проекты его силового захвата и колонизации. Дальше, за Беломорьем им светил путь к сибирским богатствам, освоенный поморами, – на Обь, Енисей. В XVI–XVII веках англичане и голландцы настойчиво отправляли в Сибирь одну морскую экспедицию за другой (правда, не достигали цели). Те и другие предполагали основывать свои колонии на берегах Северного океана и на сибирских реках. Шведов, заполучи они беломорскую “Кемску волость” и Кольский полуостров, тоже, наверное, поманила бы сибирская пушнина.

Конфигурация северных границ России сейчас могла бы быть совсем иной. Но на пути у западных соседей изначально встала русская монастырская колонизация и идущая с ней бок о бок церковная геополитика. Государство в XVI веке вынуждено было взять под свою защиту освященный Церковью заполярный край земли.

Святые Трифон и Феодорит оставили глубокий след в жизни лопарей-саамов. Писатель-помор Борис Шергин в середине XX века записал быль о том, как помирал старый лопарь. Пришла по его душу Смерть, и старик попросил у неё, чтобы лежать ему в родной, отеческой земле. “Где твоё отечество?” – спросила Смерть. Лопин, всю жизнь кочевавший со своими оленями между Русью и “датской стороной” (Норвегией), выпросил у неё отсрочку, чтобы найти ответ. Стал спрашивать у рода-племени: “К какой земле мне приложиться?” Внуки отвезли лопаря к Феодориту Кольскому. “Добро тебе и роду твоему сообщиться с Русью, приложиться к языкам Руси”, – услышал старик от Феодорита. Когда опять пришла Смерть, он рассказал, в какой земле решил помереть. “Знал ты, лопин, с кем подумать! Кабы ты сдумал на Датскую сторону, то бы и род твой без имени остался, и твоя память в забвение пришла”, – усмехнулась Смерть.

Те лопари, которых в XIX веке отрезало границей от России, давно сдлались протестантами. Но память их всё же не совсем пришла в забвение. С 1992 года в Норвегии при Георгиевской часовне в Нейдене действует православный приход. И паломничают норвежские саамы к Борисоглебской церкви на Паз-реке. “Не может умереть лопарь, не помолившись у Бориса и Глеба”, – говорят они.

Наверное, мало в России монастырей, схожих судьбой с Трифонов-Печенгским. Может быть, он один такой, не однажды умиравший и воскресавший, всяк раз на новом месте. Посетивший монастырь в августе 2016 года патриарх Кирилл сказал о нём: “Это одна из самых славных исторических обителей Русской Православной Церкви”.

Трудно, скудно живётся там, у берегов Ледовитого океана. Сейчас в монастыре на Печенге подвизаются всего несколько монахов и чуть больше десятка послушников. Но с горсткой иноков он и сегодня – форпост русского духа на севере, в Русской Арктике. Государство Российское многим ему обязано.

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

“УДИРАЙ И НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!”

*История создания и бегства из СССР польской “армии Андерса”**

17. Поляки и евреи – непримиримость

Поляк никогда не скажет “еврей”, он всегда скажет – “жид”. Причём с подчёркнутым презрением и даже с ненавистью. Это в Польше вошло уже в привычку, так говорили всегда. Польский антисемитизм имеет давнюю историю. Во время раннего Средневековья, когда Россия переживала нашествие тюркских и монгольских племён с Востока, Польша испытывала не менее значительное по последствиям для её судеб нашествие с Запада.

Евреи всей Европы, спасаясь от погромов и притеснений, в течение двух-трёх веков перетекли из Англии, Испании, Франции, Португалии, германских и чешских земель в Польшу.

Постепенно на просторах от Дуная до Вислы образовалось восточноевропейское еврейство, в последующие века весьма повлиявшее на исторические судьбы не только Польши, но и России, и Германии, не говоря уже о Венгрии, Румынии и Украине. Пустив глубокие корни в польскую историю, накопив громадные материальные богатства, создав ростовщическое и бюрократическое сословие, еврейство Польши в феодальные времена не раз объединялось с магнатами и шляхтой для борьбы за польскую государственность в противостоянии немцам, шведам и русским.

Если в Германии им было не особенно комфортно, то Польша приняла их весьма гостеприимно. Они постепенно стали просто необходимы. В них даже нуждались. Ведь у шляхтича была своя система ценностей: он должен был воевать, а “купчить” считалось в Польше занятием весьма низкого свойства. Это было по-шляхетски “грехом и срамом”.

Шляхтич высоко ценил качества рыцарские: военную подготовку, отвагу, физическую силу, способность преодолеть страх даже в момент смертельной опасности... Но ведь жизнь есть жизнь. Даже самому лихому шляхтичу нужны деньги на оружие, коня и снаряжение; ему необходимо продавать продукцию со своего фольварка, покупать одежду, ткани, предметы быта и роскоши.

Тут и пригодились еврейские факторы. Проникнув в страну, они быстро расплодись, и когда поляки поняли, что это опасно, экономическая власть уже ушла из их рук. Вся финансовая система практически оказалась в еврейских руках. Местные польские купцы буквально ошалели от этих ловких и энергичных конкурентов – хитрых, пронырливых и спаянных внутривосемьязычной связью. В торговле они занимались откровенным демпингом, проценты по кредитам у них были очень завышены, постепенно еврейские факторы стали монополистами по скупке продукции сельского хозяйства и вывозу её за рубеж...

* Окончание. Начало в №11 за 2016 г.

К несчастью для Польши, концентрация еврейства в ней была в последние три-четыре века (если сравнивать долю евреев с долей коренного населения) наибольшей в мире. При Пилсудском в 33-миллионной Польше было уже более 3 миллионов евреев. То есть десять процентов. В польском Сейме – органе высшей власти – более двадцати процентов.

Это было привилегированное сословие. И им хотелось не просто командовать, им хотелось властвовать!

В Польше хорошо помнят широко бытовавшую в еврейской среде тех лет поговорку: “Улицы – ваши, дома – наши”.

В середине тридцатых годов фашистская идеология очень легко нашла сторонников среди националистически настроенной польской молодёжи. В своих газетах и листовках они помещали декларации против пацифизма, провозглашали культ действия, особенно физического. Рос антисемитизм. Совместное проживание поляков с национальными меньшинствами в границах общего государства с самого начала существования Второй Речи Посполитой стало общественной и политической проблемой.

В годы экономического кризиса, во время проникновения в Польшу фашистских идей, отношение к трёхмиллионному еврейскому населению страны стало приобретать формы расовой ненависти.

“Полицейская статистика ежегодных антисемитских проявлений говорит о том, что они становятся всё чаще, всё более длительны, всё больше связаны с жертвами и имеют всё больше участников”, – писал в 1936 году Ксаверий Прушинский.

Самой частой формой дискриминации был бойкот еврейских магазинов. Перед входом в магазины появлялись пикеты, они не допускали “арийцев” в еврейские лавки. Они могли обругать, оскорбить или даже сфотографировать посетителя как “еврейского холуя”, что случалось даже и с министрами.

Нападения на еврейские магазины организовывали боевые дружины национально-радикального лагеря, нелегальной профашистской организации. Антисемитизм находил тысячи способов преследования евреев. Иногда в ход шли палки. Для еврейских студентов в университетах были выделены отдельные скамьи. Евреи в знак протеста не садились на эти лавки, а оставались стоять. Некоторые преподаватели в знак солидарности также не садились за кафедру. В большей части подобное происходило в Виленском университете, где было особенно много евреев.

Объектом атак стала почти вся интеллигенция еврейского происхождения – юристы, врачи, люди творческих профессий. Пока, как в Германии, до преступлений не доходило, но общественный остракизм усиливался. Травля в проправых газетах переходила в истерику.

Еврейская эмиграция, в особенности интеллектуалов, усиливалась. В прессе и с трибун стали всё активнее раздаваться голоса с требованием изгнать вообще всех евреев из Польши.

Сложная экономическая ситуация в стране вынуждала руководителей предвоенной Польши к поискам каких-то радикальных решений. Была даже выработана специальная концепция. Она опиралась на констатацию того факта, что в отношении к тогдашним экономическим возможностям страны Польша перенаселена и что многие миллионы её граждан нищают, и это вызывает серьёзное общественное напряжение, проявлением которого были среди прочего конфликты на экономической почве между поляками, с одной стороны, и евреями и украинцами – с другой.

Попытки успокоить общественность, говоря, что “невидимая рука рынка” всё сама урегулирует, перенаселение и безработицу в том числе, только усугубляли остроту вопроса. И при немецкой оккупации антисемитизм в Польше среди местного населения не угас, а буйно расцвёл. Вместо того чтобы объединиться в общей борьбе с оккупантом, поляки нашли совершенно неожиданный, но для них вполне понятный, объяснимый и даже весьма выгодный приём.

Кроме организации еврейских погромов – при одобрении и поддержке фашистов, – был найден и такой способ: поляки выдавали евреев немцам за небольшое вознаграждение.

Как вспоминают чудом выжившие, “за пределами гетто полно было профессиональных доносчиков-поляков, специализирующихся на распознавании евреев... охотой на евреев занимались и мальчишки. Они бегали за одиночками евреями и кричали: “Jude! Jude!” – чтобы немцы поняли”.

За каждого обнаруженного вне гетто еврея польский доносчик получал 2 килограмма сахара, а месячная норма по карточкам составляла тогда для поляков 200 грамм, дневная же средняя зарплата не превышала 20 злотых. Но так поступали лишь польские мальчишки, взрослый поляк, обнаружив еврея в непопозванном месте, то есть не в гетто, принимался его выследить. Узнав, где тот скрывается, начинал его шантажировать выдачей немцам. После того как еврей, пытаясь откупиться, отдавал поляку последнее, тот со спокойной душой шёл в германскую жандармерию, чтобы получить свои законные два кило сахара.

Вот как поступали умные поляки!

Учитывая стабильный польский антисемитизм, немцы создали основные лагеря для уничтожения европейских евреев именно в Польше. И поляки безропотно и постыдно выдали немцам 2 млн 800 тысяч евреев из 3 миллионов 300 тысяч, проживавших в стране.

Но ещё до создания лагерей по уничтожению евреев поляки открыли свой счёт в этом деле. На второй день нападения Германии на Советский Союз немецкие войска заняли местечко Едвабно, которое сначала было польским, а в сентябре 1939 года оказалось на советской территории. И сразу в соседних местечках, оказавшихся под немцами, – Радзивиллове, Вонсоши, Визне – начались еврейские погромы. Местные поляки быстро уничтожили несколько сотен евреев, чудом уцелевшим удалось спастись, убежав в Едвабно. Таких оказалось довольно много – более двух тысяч человек.

Но с началом войны с СССР – 10 июля 1941 года – в Едвабно происходит огромный погром, уничтоживший всю местную еврейскую общину. В тот день большая группа живших в Едвабно поляков приняла участие в жестоком уничтожении почти всех тамошних евреев, которые составляли подавляющее большинство жителей местечка.

Сначала их убивали поодиночке – палками, камнями, мучили, отрубали головы, оскверняли трупы. Потом 10 июля около полутора тысяч оставшихся в живых были загнаны в овин и сожжены заживо.

Кое-кто из не потерявших совесть местных жителей вспоминал потом: “Крик из горевшего овина был слышен за два километра...”

Это происходило именно тогда, когда лондонские поляки всячески препятствовали созданию польской армии в СССР.

18. Национальный вопрос в армии Андерса

Всё это сохранилось и в менталитете поляков, вступивших в армию Андерса. И перед советским командованием возникла новая проблема. Конечно, совершенно новой она не была, просто раньше её старались не затрагивать. Но в середине апреля 1942 года Г. Жуков поставил перед польским командованием вопрос о дискриминационных решениях в отношении приёма в армию украинцев, белорусов и евреев, проживавших раньше на территории бывшей Польской Республики.

Вразумительного ответа Андерс дать не смог. Однако в его армии не было ни одного офицера украинского или белорусского происхождения. Всё это не ускользнуло от внимания советских военных властей. Берия докладывал Государственному Комитету Обороны:

“Среди польских солдат и офицеров имеют место также и резкие проявления антисемитизма. Генерал Андерс, хотя и принимает евреев – польских граждан – в польскую армию, тем не менее, открыто проявляет антисемитские настроения. Командир 6-й пехотной дивизии Токажевский затребовал из запасного полка на пополнение дивизии 1000 солдат “римско-католического вероисповедования”. Имел место случай, когда в запасном полку всем солдатам-евреям было предложено выйти из строя для прохождения медосмотра, после которого значительное количество евреев было уволено из армии. Евреи систематически подвергаются оскорблениям со стороны солдат и офицеров польской армии”.

Приводится и конкретный случай, произошедший в конце апреля 1942 года. На сборном призывном пункте в Кермине один подофицер выстроил группу призывников и приказал выйти из строя евреям, которых направил в палатки. Ночью на эти палатки напали поляки и избивали евреев.

Эвакуированный в Ташкент известный советский писатель В. Иванов записывал в те дни в своём дневнике:

“... Жанно (знакомый семьи Ивановых. — Н. П.), призванный в польскую армию, ушёл оттуда — она фашистская, антиеврейская и не испытывает ненависти к немцам, а больше к нам (то есть — к русским), потому, что у них “внутренняя боль”, лагерная, которая им ближе”.

Во время одного из совещаний с советской стороной, когда возник вопрос о призыве в польскую армию, Андерс внезапно выступил с весьма неожиданной просьбой: не направлять к нему польских граждан из национальных меньшинств, прежде всего евреев, а затем украинцев и белорусов.

На это советский представитель ответил, что это ведь польские граждане, и в польско-советском договоре сказано о том, что в польскую армию будут приниматься все граждане Речи Посполитой.

Андерс ответил, что евреев так много, что они заполнят собой всю армию, их наплыв изменит характер армии, перед войной евреев в армии было около трёх процентов, а сейчас их насчитывается, вероятно, больше двадцати. Это он считает недопустимым. Далее Андерс утверждал, что не уверен в украинцах, как будут вести они себя на фронте, он опасается, что во время боя они будут переходить на немецкую сторону. Могут и вести враждебную пропаганду против Советского Союза, что потом отнесут на счёт польской армии.

Одними словом, он как командующий хотел бы иметь с точки зрения национальной армии однородную, польскую, за которую он мог бы нести полную ответственность.

Полковник Евстигнеев — заместитель генерала Панфилова — предложил Андерсу представить по этому вопросу свои соображения в письменном виде, поскольку он не уполномочен сам это решать, заметив, что подобные предложения могут в призывных комиссиях вызвать замешательство: они не сумеют объяснить польским гражданам, почему их не принимают в армию.

Тогда Андерс временно приостановил приём призывников: инструкции, направленные призывным комиссиям по этому вопросу, создавали возможность для больших злоупотреблений, насаждали в армии антисемитизм. Кроме того, таким выступлением Андерс разделил польских граждан на две категории, что с политической точки зрения было абсурдом, не говоря уже о том, что тем самым приток в польскую армию уменьшился на много тысяч человек.

Особенно усилились расовые требования после того, как польская армия переместилась в Иран. В армии Андерса до 20% — каждый пятый — составляли украинцы и белорусы. Они находились в польской армии на положении бесправных, им было запрещено говорить на родном языке.

В польской армии резко повысился антисемитизм, доходивший до открытых убийств солдат-евреев. Вследствие этого около 2000 еврейских солдат дезертировало из польской армии.

На основании инструкции Андерса некоторые офицеры (главным образом, председатели призывных комиссий) издали приказы, запрещающие принимать национальные меньшинства в армию.

Посол Кот, который случайно получил такой приказ, подписанный полковником Рудницким, телеграфировал Андерсу 17 февраля 1942 года:

“... Приказ полковника Рудницкого, запрещающий призыв в армию национальных меньшинств, так сформулирован в отношении евреев, украинцев и белорусов, что советские органы интерпретируют его как запрет польских властей допуска этих национальностей в армию. Мы засыпаны жалобами и протестами лиц этих национальностей против подобной позиции командования. Нельзя ли найти какую-то форму исправления этого приказа, что позволило бы обиженным понять, в чём дело?”

Андерс приказал не отвечать на эту телеграмму, он лишь рассмеялся и сказал, что Рудницкий мог бы написать приказ умнее, чтобы и котам было понятно.

После совещания атмосфера сотрудничества испортилась. Отношение Андерса к вопросу готовности армии свидетельствовало, что на поляков рассчитывать нельзя. Это вызвало со стороны советских властей недоверие к ним. В такой обстановке в первых числах февраля командование армией перебралось на новое место под Ташкент, в Янги-Юль.

19. Антони Иден растерялся...

Не все в Англии желали победы России. Более того, многие так называемые “информированные круги” были убеждены, что Советский Союз скоро капитулирует перед Германией. И выводы из этого были простыми: даже ес-

ли на протяжении короткого времени немцы будут нести в России потери в объёме, превышающем их теперешние потери, то это в какой-то степени облегчит напряжение, испытываемое Англией.

Но шли недели, месяцы, а пессимистические прогнозы насчёт России не оправдывались. Советский народ и его армия несли тяжёлые потери, но сражались с нарастающим упорством. В СССР происходило что-то совсем не похожее на ход войны в Западной Европе. И ценность советского союзника с каждым днём возрастала в глазах лондонского правительства, ещё больше росли симпатии английского народа к СССР.

В такое время Советский Союз вправе был рассчитывать не только на помощь со стороны Англии, как и предусматривал совместный договор, в войне против общего врага, но и на то, что его интересы должны образом будут учтены при послевоенном мирном урегулировании. А эту проблему – послевоенного мирного урегулирования – английское правительство уже активно обсуждало со своим тогда ещё не воевавшим союзником – Соединёнными Штатами.

В начале августа 1941 года состоялось совещание Черчилля с Рузвельтом в гавани Арджентия на острове Ньюфаундленд. Обсудив ряд вопросов, связанных с ходом войны, руководители правительств двух стран приняли Атлантическую хартию, формулирующую цели войны. Говорилось на этом совещании и о конечных целях. Эти цели предусматривали установление после войны англо-американского господства над всем миром. Поэтому предполагалось разоружить все страны, “в то время как Англия и США остаются вооружёнными”. Эти две страны должны были произвести послевоенное урегулирование для “всех народов во всех землях”.

США и Англия собирались по-своему определить и место СССР в послевоенном мире. Печать этих стран ставила под вопрос даже советские государственные границы.

Подобный расклад никак не мог устроить Советское правительство и лично Сталина. В Москве прекрасно понимали империалистические устремления правящих кругов Англии и США. Поэтому проблема согласования позиций по послевоенному мирному урегулированию представлялась столь же важной, как и проблема английской помощи СССР.

Советское правительство настаивало, чтобы Англия осуществила военные акции в Западной Европе с целью оттянуть ряд немецких дивизий с советского фронта, а также ставило вопрос о помощи вооружением и сырьём.

В Лондоне отделялись ссылками на невозможность выполнить советские пожелания и... направляли войска на Ближний Восток. Даже Стаффорд Криппс, наблюдавший в СССР за героическими усилиями советского народа, был возмущён тем, как недобросовестно относится английское правительство к выполнению своих союзнических обязательств. Он считал, “что в Лондоне уделяют мало внимания замечаниям Сталина”.

В Лондоне решили успокоить Сталина дипломатическими средствами, не выполняя, однако, его справедливых требований. Это миссия была возложена на министра иностранных дел Англии А. Идена. Ноябрь и начало декабря 1941 года Иден посвятил подготовке поездки в Москву.

Велись долгие переговоры с Черчиллем и начальниками штабов о том, что можно послать советскому правительству. Поначалу хотели пообещать послать несколько авиационных эскадрилий на южный участок фронта, потом долго уславливались о дополнительных поставках танков и самолётов в Россию, но вскоре и от этой мысли отказались. Решили вручить Кремлю специальный меморандум с предложением подписать в Москве “совместную англо-советскую декларацию”, провозглашавшую взаимное желание двух стран сотрудничать. Кроме того, намечалось обсудить с советским правительством вопросы послевоенной реконструкции и ряд других. В декларации, которую вёз в Москву Иден, не содержалось никаких конкретных обязательств.

12 декабря 1941 года крейсер “Кент” доставил Идена и сопровождавших его лиц в Мурманск. Отсюда в Москву следовали уже поездом. Переговоры были трудными. Вместо предложенного англичанами проекта декларации советское правительство просто предложило заключить конкретный договор о союзе и взаимной военной помощи между Советским Союзом и Англией в войне против Германии. Кроме этого, предлагалось заключить второй договор, призванный создать “взаимопонимание между Советским Союзом и Англией в отношении решения послевоенных проблем”. К такому предложению

Иден был явно не готов и отказался вести конкретный разговор на эти темы, тем более подписывать конкретные обязательства.

Кроме того, советское правительство подняло вопрос о границах Советского Союза. Идена прямо спросили: обязуется ли Англия при послевоенном мирном урегулировании поддержать советское правительство в том, чтобы границы СССР были признаны по состоянию на 22 июня 1941 года? Растерявшись, Иден пробормотал, что не может дать такого обязательства.

И в этой связи Сталин прямо заявил Идену:

“Всё, о чём мы просим – это восстановить нашу страну в её прошлых границах. Мы должны иметь их по соображениям нашей безопасности... Я должен отметить, что если вы уклоняетесь от этого, то это выглядит так, как если бы вы создавали возможность для расчленения Советского Союза. Я удивлен и поражён тем, что правительство Черчилля занимает такую позицию. Это практически та же позиция, которую занимало правительство Чемберлена”.

20. Первые победы

Конец 1941-го и начало 1942 года ознаменовались одним из крупнейших событий Второй мировой войны. Битва под Москвой закончилась разгромом наступавших германских войск и переходом Красной Армии в контрнаступление. Немцы были отброшены далеко от Москвы. А для США и Англии, как заметил американский историк Роберт Шервуд, это была “зима катастроф”. На Тихом океане и в Азии они несли тяжёлые поражения в боях против Японии.

Потерю крупнейшей военно-морской крепости Сингапур Черчилль считал не только большим несчастьем, но и позором для английских вооружённых сил. Японцы, высадившись 8 февраля 1942 года на острове Сингапур, уже к 15 февраля – всего за неделю – овладели этой важнейшей и прекрасно укреплённой крепостью.

Серьёзного сопротивления англичане оказать не смогли. Они капитулировали, и их общие потери составили 140 тысяч человек убитыми, ранеными и – в основном – пленными, их оказалось более 100 тысяч. Японские войска потеряли в этом сражении менее 10 тысяч человек.

Так что первые девять месяцев 1942 года, по оценке английских историков, “были самым тяжёлым временем” для внешней политики Англии “по причине сознания собственного бессилия, порождённого систематическими военными неудачами и вызванной ими дипломатической слабостью”.

Неудачи Англии и США на тихоокеанском театре военных действий вызвали в Лондоне очень неприятные мысли относительно будущего.

Обстоятельства вынуждали английское правительство пересматривать свои важнейшие концепции. Теперь советско-германский фронт стал главным театром военных действий Второй мировой войны, и это радикально меняло взгляды английского кабинета на роль СССР в войне и, следовательно, на его будущую роль в послевоенном мире.

В Москве Иден обнаружил не только полную уверенность в разгроме Германии, но и готовность в будущем сыграть свою роль в войне на Дальнем Востоке. Узнав о контрнаступлении советских войск под Москвой, Иден выразил желание своими глазами увидеть результаты боёв. Верховное Главнокомандование предоставило такую возможность ему и его коллегам.

Морозным декабрьским днём в Клин, только два дня назад освобождённый войсками 30-й армии от фашистских захватчиков, прибыла колонна легковых автомобилей. В тёплых пальто и меховых шубах из машин вышли члены английской делегации во главе с Иденом. Гости беседовали с нашими бойцами и командирами, делали заметки в записных книжках, фотографировали разрушенный город, разбитую фашистскую технику.

Из Клина англичане выехали к линии фронта. На протяжении 10-15 км шоссе было завалено разбитыми танками, орудиями, автомашинами противника, завалено тысячами трупов германских солдат и офицеров.

С удивлением Иден осматривал исковерканные орудия, изрешечённые огнём наших штурмовиков бронетранспортёры и автомашины с чёрными крестами на бортах. Вскоре шоссе стало непроезжим, и англичанам пришлось идти пешком. Навстречу часто встречались колонны и небольшие группы пленных под конвоем красноармейцев, одетых в тёплые полушубки.

Англичане увидели картину разгрома гитлеровских войск только на одной дороге. Однако в те декабрьские дни кладбища вражеской военной техники,

тысячи трупов фашистских солдат можно было наблюдать на всех дорогах и на заснеженных полях к западу от Москвы.

Возвратившись в Англию, Иден в беседе с представителями прессы сказал: “Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов поистине великолепных”.

21. Визит Сикорского

30 ноября 1941 года на куйбышевском аэродроме встречали самолёт генерала Сикорского. Событие выглядело торжественным: на аэродром, украшенный польскими и советскими государственными флагами, прибыли дипломаты иностранных государств, аккредитованные в Советском Союзе и недавно эвакуированные из прифронтовой Москвы в этот тыловой город.

От имени советского правительства Сикорского приехал встречать заместитель Молотова Вышинский. Был почётный караул из курсантов военного училища, прозвучали государственные гимны. Присутствовали польский посол Кот и генерал Андерс.

Вечером в зале посольства состоялся торжественный ужин с речами. Выступавших лично отбирал посол Кот. Начались приветственные речи в честь Сикорского. В самых изысканных словах его заверяли в своей верности и лояльности. Смешные и претенциозные слова, совершенно не соответствующие реальности происходящего, сразу же испортили Сикорскому настроение.

Он был явно недоволен и не скрывал этого, обратив в конце вечера внимание посла Кота на все эти не к месту льстивые речи и тосты. Ведь выступавшие, никого и ничего сами не представлявшие, с пафосом говорили от имени целых районов, а также городов, от имени Вильно, Львова и прочих, уже с 1939 года находившихся в составе СССР.

Их выступления отдавали дешёвой театральностью. Впрочем, давно известно, что говорить хорошо, много и правильно поляки умеют превосходно. . .

В следующие дни, после протокольных встреч с руководителями страны, Сикорский много времени проводил с Андерсом. Вряд ли он остался доволен этими беседами. Противоречия между польскими генералами явно углублялись. Сикорский не соглашался с оценкой Андерсом сил и возможностей Советского Союза в ведении войны и его мнением о Красной Армии. Не разделял Сикорский и политических взглядов Андерса. Сикорский несколько раз подчёркивал, что он лично верит в договор и что его необходимо безусловно выполнять и нет оснований сомневаться в лояльности Советского Союза.

Андерс же старался убедить генерала в том, что советским органам доверять нельзя, и стремился навязать ему свои взгляды и планы действий. Но Сикорский их отклонил. Так же решительно Сикорский отверг планы Андерса перевести польскую армию на Ближний Восток. Однако с предложением передислокации в южные районы СССР согласился. Вероятно, на него подействовал необычайно сильный мороз в конце ноября. Эта зима была чрезвычайно холодной. К тому же, как настаивал Андерс, там будут более удобные условия для снабжения армии из английских источников.

На самом же деле Андерс стремился оказаться как можно ближе к границе, надеясь пробиться в Иран или Афганистан, о чём уже давно втихомолку судачили высшие польские военные. Главное – подальше от фронта.

22. “Если поляки не хотят сражаться, то пусть уходят”

В Москву из Куйбышева польская делегация вылетела 2 декабря 1941 года. Транспортный самолёт с высокими гостями охраняла советская истребительная авиация. Сели на Центральном аэродроме. Снова – флаги, гимны, приветственные речи. . . Разместили поляков в гостинице “Москва”. Там для премьера и его свиты на седьмом этаже было отведено целое крыло.

Первая встреча Сикорского со Сталиным состоялась вечером 3 декабря. В ней, кроме польского премьера, участвовали посол Кот, Андерс и переводчики. Присутствовал и Молотов.

В самом начале Сикорский произнёс заранее подготовленную приветственную речь. В ней он выразил удовлетворение тем, что может лично приветствовать Сталина, восхищался боеспособностью Красной армии, хотя в этом была хорошо скрытая издёвка. Немцы стояли под Москвой, но факт оставался

фактом: четыре пятах всех немецких сил отражалось действиями советских войск. Подчеркнул польский премьер и позицию Сталина, который лично руководил обороной Москвы и не покинул столицы, хотя фронт проходил уже в районе пригородов.

Обратил Сикорский внимание и на то, что никогда не вёл против Советского Союза враждебной политики, подчеркнув, что, понимая тяжёлое положение страны и желая оказать ей помощь, он ещё несколько месяцев назад предлагал Лондону и Вашингтону в своей памятной записке открыть второй фронт. Подчеркнул Сикорский и необходимость полной и лояльной реализации советско-польского договора, заметив, что от этого многое зависит в жизни наших народов.

Советские руководители внимательно слушали речь польского премьера, и по их лицам не было заметно, нравится она им или нет. В течение двухчасового совещания удалось обговорить многие текущие военные вопросы, а также общие проблемы польско-советских отношений, не только тесного сотрудничества во время войны, но и взаимоотношения после неё.

Было заключено соглашение о выделении для поляков нового крупного кредита. Только на общественную опеку, то есть заботу о находившихся в стране поляках, советское правительство выделило сто миллионов рублей. Поляки были восхищены.

Договорились также о районах формирования польских войск, куда следовало отправлять польских граждан. Для облегчения им бытовых условий решили выбрать местности с тёплым климатом: район Ташкента, Алма-Аты и весь южный Казахстан.

На советской территории Сикорский предложил сформировать семь дивизий. Это значит, что в СССР должна будет появиться польская армия численностью в 96 тысяч человек. Видимо, разогнавшись, Сикорский добавил, что можно бы перебросить в СССР части, находящиеся сейчас за его пределами, например, бригаду генерала Копаньского, и даже части, находящиеся в Шотландии, а он сам лично принял бы на себя командование этими соединениями. Это был экспромт и явная самостоятельность польского генерала, поскольку англичанам такое ни в коем случае не понравилось бы.

Но внезапно ложку дёгтя в мажорную бочку выступления Сикорского привнёс Андерс. Обрисовав в самых мрачных тонах положение польской армии в СССР, он подчеркнул, что при таком положении армия никогда не получит нужных знаний и навыков и никогда не будет готова к боям.

Андерс утверждал: “Это лишь жалкое прозябание, при котором все человеческие усилия направлены на то, чтобы выжить, притом жить очень плохо. Речь идёт о том, чтобы польская армия как можно быстрее могла сражаться за Польшу вместе с союзниками. Необходимо переместить армию туда, где климатические условия, питание и снабжение позволили бы обеспечить лучшую подготовку. В связи с трудностями, переживаемыми в настоящее время Советским Союзом, следует обеспечить возможность для Войска Польского удобные поставки с англо-американской стороны. Наиболее подходящей территорией является Иран. Все солдаты и все мужчины, годные к военной службе, должны находиться там...”

Это прозвучало настолько наивно и глупо, что всегда спокойный Сталин не смог сдержать своего раздражения. С явно выраженным неудовольствием он ответил: “Я человек достаточно опытный и старый. Я знаю, что если вы уйдёте в Иран, то сюда уже не вернётесь. Я вижу, что у Англии там много работы, и она нуждается в польских солдатах. Иран находится не так далеко, но англичане могут вас вынудить сражаться с Германией на территории Турции, а завтра может выступить Япония”.

Но Андерс продолжал настаивать на своём. Трагическим тоном он снова перечислил все “ужасы”, с которыми сталкиваются формирующиеся части в Колтубанке, Татищеве и Тоцком, горячо уверяя, что это лишь потерянное время. В таких условиях создавать армию нереально.

Всё ещё не преодолев первоначального раздражения, Сталин произнёс: “Если поляки не хотят сражаться, то пусть уходят. По опыту известно: армия остаётся там, где формируется”.

После встречи со Сталиным Сикорский посетил польские части и остался очень доволен их состоянием.

Генерал Андерс на следующий день после встречи с Верховным в беседе с корреспондентом “Правды” Лидиным сказал: “Наиболее ярким из моих

московских впечатлений были встречи с господином Сталиным, Верховным Главнокомандующим Красной армией и вождем Советского Союза. Эти встречи – крупное событие в моей жизни. Каждая фраза Сталина закончена, каждая мысль ясна и обоснована. Мы ехали к господину Сталину с вопросами, от которых зависела судьба нашего дела. Для меня как для солдата, который хочет драться, это были вопросы жизни. Во мне росла полная уверенность в том, что наше дело победит, что под руководством Сталина советско-польские отношения будут великолепны, а трудности забудутся при общей доброй воле и решимости идти вместе до конца. Мы хотим скорее драться, чтобы скорее вернуться в Польшу, к своим семьям и своим очагам, а потом продолжить путь на запад до победы”.

Прекрасная речь, очень хорошее и “правильное” интервью, только – насквозь фальшивое. Всей своей последующей деятельностью Андерс делал всё, чтобы не допустить участия в боях польских частей вместе с Красной армией.

23. Подальше от фронта...

В феврале 1942 года в Ташкенте состоялась советско-польская конференция представителей командований. Представители СССР вновь поинтересовались, когда же польские части будут в состоянии вступить в бой против гитлеровцев? При этом была названа 5-я дивизия, наиболее боеготовая из всех соединений. Проведённые в конце февраля этой дивизией маневры подтвердили это.

Однако Андерс заявил, что, по его мнению, одна польская дивизия утонет в огромной массе советских войск и что вся польская армия должна нанести удар одновременно, ибо только тогда будут достигнуты польские (!) военные и политические цели.

И в это же время Андерс активизировал усилия по выводу армии из СССР. Польская сторона настойчиво добивалась скорейшего выполнения достигнутого в Москве в декабре 1941 года соглашения о выводе части военнослужащих в Иран. Андерс неоднократно просил ускорить вывод 25 тысяч солдат в Иран, а также 2 тысяч лётчиков и моряков – в Англию. При этом было торжественно обещано, что после обучения и боевой подготовки все они вернуться в СССР и примут участие в борьбе на советско-германском фронте. Андерс как всегда врал, привычно и убеждённо. Только кто ему верил?

Положение польских частей в конце 1941 года не менялось. Напряжение в Бузулуке становилось всё сильнее. Постоянно откладывалось решение основных вопросов, поскольку всё внимание Андерса было направлено на перевод войск на юг. Штаб разрастался. Сюда активно принимались старые знакомые Андерса ещё с довоенных пор.

Андерс был доволен: его план переброски войск на юг успешно выполнялся. Девиз “Подальше от фронта, поближе к кухне” исполнялся неукоснительно и незамедлительно. Это стало основным направлением деятельности Андерса. Соответственно изменилась и жизнь в штабе польской армии. Она стала весёлой, сытой и интересной, даже светской. Два-три раза в неделю в доме генерала устраивались весёлые вечеринки. Вызывался военный духовой оркестр, на вечерах присутствовало до двадцати человек.

Всё было: вино и хорошая еда, золото из комиссионки и возможность, превратив с помощью услужливого посла суммы из щедрого советского кредита в английские фунты, переводить их прямо в Англию на свой частный счёт.

Приближался праздник Рождества и нового 1942 года – первые праздники с 1939 года, проводимые на свободе всем составом польских частей. К этому времени все солдаты 5-й дивизии получили новое английское обмундирование – это произошло 21–22 декабря – и быстро распределили его по частям. К празднику, к 23 декабря вся дивизия была уже обмундирована.

В своём отчёте за предыдущий период, отправленном послом Котом министру иностранных дел Рачинскому 5 января 1942 года, польский дипломат писал с удовлетворением:

“... принято решение о переводе армии на юг. Количественный состав оп-ределён... Всего 96 000 человек. Наше командование оставляет за собой право на формирование ещё одной, 7-й дивизии. Две существующие дивизии вместе со штабами и службами, а также запасными частями в ближайшее время оставят Заволжье и отбудут на юг... Будет выдано вооружение ещё для

одной дивизии. Средства связи, сапёрное, санитарное и т.п. оборудование будет получено в размерах, необходимых для обучения. Автомшины, лошади и обзное имущество в количестве, необходимом для хозяйственных нужд...

На содержание Войска Польского Советское правительство ассигновало нам в прошлом году 65 миллионов рублей, которые сейчас включают в предложенный нам заём на содержание армии в 300 миллионов рублей...

Наши военные утверждают, что советские органы определяют стоимость продовольствия, оружия и оборудования, поставленного ими, по очень низким ценам...

Эту хорошую жизнь несколько портили так называемые “дезертиры”.

Так называли лиц, совершавших самовольные отлучки из мест расположения польских частей. Хотя в большинстве случаев их вина заслуживала самое большее нескольких дней ареста, но их расстреливали. Главным образом — за самовольные отлучки, которые расценивались как дезертирство в военное время.

Польская армия в СССР в основном являлась добровольческой армией. Тем не менее, тот, кто изъявлял желание служить и был направлен в часть, уже не имел права, хотя бы на короткое время, её покидать. Но часто случалось так, что солдаты, имевшие в окрестных колхозах свои семьи, уходили к ним на праздники или воскресенья, причём многие из таких колхозов находились примерно в пятнадцати километрах от расположения частей. Затем они через день-два возвращались в части, здесь их задерживали, объявляли дезертирами и решениями “правомочных” и “непогрешимых” судов от имени Речи Посполитой приговаривали к смертной казни через расстрел.

Трудно сказать, было ли это проявлением садизма или упоением никем не контролируемой властью, во всяком случае, от подобного рода приговоров погибли сотни людей.

Резкое ухудшение продовольственной ситуации в СССР и связанного с этим снабжения польской армии стало поводом для неоднократных обращений Андерса к Сталину (по его старой привычке ещё с Лубянки, где он постоянно что-то выпрашивал. В его деле, хранящемся на Лубянке, подшита целая пачка заявлений с просьбами предоставить то кусок сыра, то порцию масла, то ломоть колбасы, то пачку папирос...).

Во время повторной беседы со Сталиным 18 марта 1942 года Андерс стал настаивать на увеличении количества польских военнослужащих, выводимых в Иран. Учитывая сложившееся положение, советское правительство дало согласие на вывод в Иран той части польских войск, которая превышала контингент в 44 тысячи, выразив при этом надежду, что польские войска, оставшиеся в СССР, на советско-польском фронте завоюют себе честь первыми вступить на землю Польши. В эти декларации не верили, по-видимому, даже их составители. Боевые качества польских войск и в особенности его командования, нежелание и неумение воевать достаточно явно проявились в сентябрьской кампании 1939 года.

Но на территории СССР оставались самые боеспособные части и соединения: 5-я, 6-я, 7-я дивизии, учебный центр, запасной полк, артиллерийская школа и пр.

Наконец, всё пришло в движение (с затаённой у штабных и весьма обогрванной надеждой, что они уйдут в Иран и уже не вернуться). Поэтому так спешили с направлением туда всех польских частей.

Прибыли в Джелал-Абад за десять дней. Выгрузились и прошли по городу сомкнутым строем с оркестром и песнями.

24. Армия желает драпать...

Согласие советских властей на частичный вывод польских войск было получено Андерсом ещё и потому, что, со своей стороны, этого усиленно добивались англичане.

Ещё в декабре, во время переговоров в Кремле, Сталин заявил, что американцы и англичане нажимают на него, чтобы он согласился на вывод польской армии из СССР, однако тогда не было такой спешки.

Теперь же, когда японцы начали добиваться успеха в Индии, английские войска со Среднего Востока были вынужденно переброшены туда. На Среднем Востоке образовалась пустота, тем более опасная, что в Африке наступали немцы, и их проникновение в Ирак было довольно реальным, поэтому

создавшуюся брешь следовало как можно быстрее заполнить. И польские войска очень подошли бы для этой цели.

По этому вопросу постоянно велись разговоры между Андерсом и Гулльсом, а также между послом Котом, английским и американским послами в Москве.

Ещё за десять дней до принятия решения об эвакуации Кот в телеграмме от 8 марта 1942 года жаловался Сикорскому:

“...Эвакуация войск, несомненно, саботируется. Совершенно естественно, что это беспокоит англичан...”

Можно подумать, что пишет это не польский, а английский посол, защитник интересов Великобритании!

Именно тогда Сталин прямо выразил своё недовольство деятельностью польского посла. Он обвинил его в том, что он портит репутацию Советского Союза, жалуясь на советское правительство дипломатам, особенно англичанам. По словам Андерса, Сталин сказал просто: *“...дурак этот ваш Кот”*.

Для подобного высказывания у Сталина были все основания. Взаимоотношения между польскими и советскими офицерами ухудшались изо дня в день. Все видели уже ничем не прикрытую позицию польского штаба, не только недоброжелательную, но и явно враждебную.

Посол Кот, услышав подробности о ходе беседы со Сталиным и данную ему характеристику, очень обиделся. Его называли “дураком”!

— Как же это, — говорил он, обращаясь к Андерсу. — Вы ничего на это не ответили Сталину, ведь это оскорбление!

Андерс промолчал, лишь улыбнувшись в ответ, а позднее, в частной беседе, посмеялся над этим, говоря: “Мне трудно было защищать посла Кота, так как я сам в этом вопросе согласен с мнением Сталина”.

И вполне справедливо советский посол при эмигрантских правительствах Богомолов сообщал ещё в мае 1942 года в Москву: *“...польское правительство в эмиграции считает, что мы перед Польшей в неоплатном долгу, и если мы сейчас что-либо делаем для поляков, то со стороны поляков великим подвигом и большой уступкой своему самолюбию является принятие этой помощи”*.

В польском штабе ни о чём другом не говорилось, а лишь об уходе, причём — о скорейшем. Вопрос этот был тем более неприятным, поскольку немецкое наступление в направлении на Кавказ и Волгу развивалось успешно.

Андерс неустанно предсказывал поражение Красной армии и падение Советского Союза. В его штабе даже распространялись предсказания всяких доморощенных астрологов с гороскопами, говорящими о поражении России.

Возбуждение поляков в те дни было огромным. Вся атмосфера польского штаба была пронизана лишь одной мыслью: драпать! Как можно скорее драпать!

Неожиданно появилась информация, что генерал Воликовский — польский военный атташе при посольстве — ведёт какую-то таинственную разведывательную работу, собирая с помощью агентуры сведения военного характера. Это, конечно, быстро стало известно советским властям, и генерал Панфилов поставил данный вопрос перед Андерсом, а посол Кот написал Сикорскому о необходимости отзыва Воликовского.

Компрометация была столь велика, что Воликовский очень быстро был снят со своей должности и вскоре покинул Советский Союз. То же самое произошло и с ротмистром Пшездецким, также замешанным в подобных делах.

В связи с этим полякам пришлось ликвидировать свою радиостанцию в Москве, которой руководил подполковник Бортновский, штатный сотрудник польской “двуйки” ещё с довоенных времён.

Подозрения советской стороны в отношении радиостанции были обоснованными. Бортновский придерживался тех же взглядов, что и лондонская “двуйка”: Советский Союз — это враг. К тому же, не удалось скрыть тот факт, что часть сотрудников польской разведки сотрудничала с Германией.

Сбор польским военным атташе сведений совершенно секретного военного характера вызывал вопрос: для кого он это делал? Перед лицом этих фактов советские органы отказались от сомнительных услуг польской радиостанции.

Не прошло двух-трёх недель, как разразился новый скандал. Один из чиновников польского посольства, представитель общественной опеки, и имевший в связи с этой должностью возможность разъезжать по стране, по приезде из командировки остановился в гостинице “Гранд-отель” в Куйбышеве.

Сразу же после размещения в номере он отправился в ресторан, там вдрызг напился и забыл свой портфель с документами в ресторане. Администрация ресторана нашла его и передала в НКВД.

Оказалось, что в портфеле находились инструкции посольства, предлагавшие вести на территории СССР разведывательную работу. Кроме того, там находились донесения о состоянии дорог, железнодорожного транспорта, о положении и настроении населения. И ещё много всего.

Посол Кот не мог от этого отречься, так как такую инструкцию действительно составил и издал от имени посольства советник, правая рука и доверенное лицо посла Табачинский. Поэтому вскоре после этого скандала посол Кот вынужден был покинуть свой пост. Между Советским Союзом и поляками произошло такое нагромождение недоразумений (деликатно назовём это так), что о согласии трудно было бы даже и мечтать.

Все в СССР только и думали, чтобы эти «союзники» поскорее убрались бы из страны. Только не следует думать, что все шпионские действия поляков остались хотя и замеченными, но безнаказанными. 14 октября 1942 года НКВД вынес на Политбюро дело об арестованных сотрудниках и представителях польского посольства. Шестнадцать из них пошли под трибунал – время военное – как «проводившие шпионскую и другую вражескую работу против СССР», а семьдесят восемь человек были выдворены из страны. В Польше об этом позорном эпизоде своей «дипломатии» глухо молчат по сей день.

25. В объятиях англичан

1 апреля 1942 года Андерс вылетел в Лондон. Его сопровождал подполковник Гулльс. Взял Андерс с собой и любовницу – госпожу С. М.

Маршрут вёл через Ташкент, Баку, Тегеран, Багдад, Иерусалим, Каир. В Каире задержались на несколько дней. Андерс был в восторге от господствующего среди англичан настроения, особенно милыми его сердцу оказались генерал Окинлек, командующий войсками на Среднем Востоке, и государственный министр Кейси, входивший в состав военного кабинета Черчилля.

При посредстве Гулльса Андерс провёл с ними ряд бесед. И именно здесь в первых числах апреля состоялось принципиальное решение о выводе всех польских войск из Советского Союза на Средний Восток.

Андерс обещал передать в распоряжение англичан шесть полноценных боевых дивизий. Английский командующий был восхищён таким предложением и на прощанье устроил в честь Андерса банкет, на котором присутствовали восемнадцать английских генералов, вся командная верхушка Среднего Востока. Андерса торжественно заверили, что все польские войска придут на Средний Восток и поступят под английское командование.

В это время на Среднем Востоке англичане испытывали огромный недостаток в войсках, поэтому обещанные Андерсом шесть дивизий (вооружённые и сформированные за счёт СССР) были для них манной небесной.

С этого момента Андерс для англичан стал более выгоден, чем Сикорский. Он только давал и ничего не требовал. Поэтому они стали сеять различные недоумения между этими двумя генералами, решительно поддерживая Андерса. Всем этим Андерс был очень доволен, так как почти полностью выполнил свои планы и к тому же приобрёл могущественного покровителя. Теперь ему оставалось лишь проследить за реализацией своих планов и соблюдением личных интересов, чтобы сохранить за собой командование армией.

Следует подчеркнуть, что все переговоры Андерса с англичанами велись без ведома и согласия польского правительства и самого Сикорского. Зная взгляды и намерения Сикорского в этих делах, необходимо сказать, что подобные переговоры противоречили его самым важным планам. Кроме того, это было определённым сговором с деятелями иностранного государства против намерения своего правительства и верховного главнокомандующего.

На обратном пути – летели через Западную Африку – в Лагосе новым пассажиром оказался возвращавшийся из Индии после своей неудачной там миссии министр Криппс. Андерс знал его ещё по Москве, а сейчас установил более тесный контакт.

В беседе по поводу тяжёлого положения в Индии был затронут вопрос об использовании польских частей на Среднем Востоке, что облегчало поло-

жение английских войск и давало им определённую свободу действий. Криппс это хорошо понял. Его также целиком устраивала эта точка зрения, и Андерс для своих планов приобретал ещё одного сторонника – министра, входившего в состав военного кабинета премьера Черчилля.

20 апреля 1942 года, после трехнедельного путешествия через Ближний Восток и Западную Африку прибыли в Лондон.

Начались совещания с Сикорским. Позиции у польских генералов были разные. Сикорский не хотел и слышать о выводе польских войск из СССР, Андерс же стоял на позиции, что необходимо всячески помогать только англичанам и использовать войска только под их командованием и там, где они посчитают более необходимым. Поляки должны были стать, по Андерсу, иностранным легионом для англичан.

Чтобы подкрепить свою позицию, Андерс начал активные контакты с английскими официальными лицами. После встречи в Каире с представителями английского командования, о которых те в благоприятном для поляка смысле информировали Лондон, Андерса в английской столице встретили хорошо. Ему организовали встречи с начальником имперского генштаба Великобритании фельдмаршалом Аланом Бруком, принял его и Черчилль.

Англичане знали, о чём хлопотали, – сто тысяч польских солдат в то время, в том месте и в той обстановке очень нужны были империи.

Не забывал Андерс и о своих личных интересах. Во время поездки в Шотландию якобы для инспекции находившихся там польских частей Андерс передал находившемуся там брату Тадеушу купленные на советские деньги в СССР драгоценности, чтобы тот положил их в Шотландский банк на своё имя. Андерс был предусмотрителен: он не хотел оставлять явных следов, обратившись в один из лондонских банков.

Андерс был доволен поездкой. Он вошёл в более плотный контакт с англичанами, понял, что его позиция более устраивает их, чем позиция Сикорского, узнал, как надо действовать в условиях лондонской бюрократии.

Можно было возвращаться.

26. Советский Союз в кольце фронтов

Осенью 1941 года фашисты вступили на землю Крыма. Первый бой на подступах к Севастополю начался 1 ноября у Бахчисарая. Затем продвижение германских войск замедлилось, и 21 ноября немцы были вынуждены под Севастополем перейти к обороне. 17 декабря началось их второе неудачное наступление на город в районе реки Бельбек. Третье наступление началось 7 июня 1942 года. 30 июня начались уличные бои в городе. После 250 дней обороны защитники Севастополя были с 1 по 3 июля 1942 года эвакуированы.

В результате потери Крыма, поражения советских войск в районе Барвенкова, в Донбассе и под Воронежем противник вновь захватил стратегическую инициативу и, подведя свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. К середине июля, отбросив советские войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суворовкина до Ростова, войска противника завязали бой в большой излучине Дона, стремясь прорваться к Сталинграду.

В результате вынужденного отхода советских войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района, снабжавшего нефтью армию и промышленность.

Народный комиссар обороны И. В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227. Этим приказом вводились жёсткие меры борьбы с паникёрами и нарушителями дисциплины, решительно осуждались “отступательные” настроения. В нём говорилось, что железным законом для действующих войск должно быть требование “Ни шагу назад!”

17 июля 1942 года Гитлер приказал овладеть Сталинградом не позднее 25 июля. Но темпы продвижения частей вермахта быстро снизились, несмотря на превосходство в живой силе и военной технике. 60–80 километров от реки Чир и Цимлы до Сталинграда они преодолевали целых два месяца, хотя силы фашистов на этом участке превосходили наши в 6–7 раз. Этот путь они назвали “дорогой смерти”.

Лишь в половине августа 1942 года армия Паулюса, преодолев сопротивление советских частей на реке Чир, вышла к западным подступам Сталинграда.

Несколько раньше гитлеровские войска заняли Майкоп, снова взяли Ростов, оставленный ими минувшей осенью. Германские войска хотя и несколько замедленно, но осуществляли главную стратегическую задачу этого года: отрезать советские армии от кавказской нефти, от кубанского хлеба. Они стремились выйти широким фронтом на Нижнюю Волгу и оттуда развивать дальнейшее наступление на Саратов, Рязань, чтобы взять с тыла Москву и закончить борьбу разгромом Советской России.

Внимание всех штабов мира было приковано к Сталинграду. Именно здесь, как тогда многим казалось, разыгрывался последний акт затянувшейся трагедии русского сопротивления.

Защитники города напрягали все силы, чтобы не допустить врага к Волге. Но справа и слева от города гитлеровские солдаты уже черпали касками волжскую воду. Защитники города яростно дрались за руины, казалось бы, потерявшие всякую реальную ценность. В эти дни Сталинград стал символом героического сопротивления России.

Город этот притягивал внимание во всех столицах воюющих стран или пока нейтральных государств. Даже в Виши, временной столице разгромленной Франции, марионеточные правители ждали сигнала к действию. Старый маршал Петэн заискивал перед Гитлером, призывал к крестовому походу против России. Он торопливо собирал для этого "антибольшевистский легион добровольцев".

Квантунская армия в Маньчжурии перешла на военное положение в эти дни. Японские дивизии, подтянутые к советским границам, стояли наготове, чтобы в любой час вторгнуться в Забайкалье, в Приморье, в Сибирь...

В Анкаре турецкий штаб подтягивал войска к Арарту...

27. Вокруг "Второго фронта"

Даже летом 1942 года союзники ещё не были полностью уверены в том, что Советский Союз выстоит в этой страшной борьбе. Они начали двойную игру по отношению к СССР.

Черчилль прилетел в Москву в августе 1942 года, в период самых напряжённых боев в предгорьях Кавказа. Сражения шли на последних рубежах на пути к Баку — на реке Терек.

К этому времени союзники так и не выполнили обещаний, закреплённых в тех договорах, которые они подписали. Хотя в самые напряжённые дни боёв на Кавказе Черчилль писал Сталину о своём горячем желании оказать Советскому Союзу помощь, на самом же деле его заботили совершенно иные, давно уже разработанные планы. Но в своём послании английский премьер делился очень откровенно строго секретной информацией.

"Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря, подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии".

Это была прямая попытка напугать Сталина, уверить его, что основные действия в этой войне произойдут в связи с достижением немцами Каспийского моря. И Черчилль настойчиво продолжает свою линию: *"Мне кажется, что тем большее значение приобретает план, о котором я говорил Вам, усиления нами с американской помощью Ваших военно-воздушных сил на каспийском и кавказском театрах двадцатью британскими и американскими эскадрильями".*

Английский премьер продолжал лелеять свою давнюю мечту — под шум войны прибрать к рукам кавказскую нефть.

Поэтому ещё раньше Черчилль принял определённые меры. В конце концов, для генерального штаба не должно стать полной неожиданностью его решение о предстоящей операции на Ближнем Востоке. Черчилль писал: *"Начальник штаба должен подготовить проект посылки авиасоединений. Я сделаю предложение Сталину, которое, возможно, до ноября не удастся осуществить, но оно даст возможность начать работу по ознакомлению с посадочными площадками и подготовке таких площадок. Это обеспечит нам доступ в русскую зону в Персии и на Кавказ".*

Черчилль был уверен (точнее — уверял читателей в своих послевоенных мемуарах), что операции во Французской Северной Африке явятся гораздо лучшей возможностью оказать помощь русскому фронту в 1942 году. С 24 июля 1942 года эта военная операция получила условное наименование “Торч” (“Факел”).

Теперь надо было преподнести всё это Сталину.

Весьма сомневаясь, что ему удастся одному убедить Сталина, Черчилль стал настаивать, чтобы вместе с ним в Москву приехал Гарриман. Черчилль очень опасался резко негативной реакции советского правительства на отказ союзников открыть второй фронт в Европе в 1942 году.

В июле 1942 года он направил Сталину телеграмму с предложением о личной встрече. Сталин пригласил английского премьера прибыть в Москву.

Чтобы обеспечить наверняка приезд американца, Черчилль направил телеграмму Рузвельту: *“Мне бы очень хотелось иметь Вашу помощь и поддержку в моих переговорах с Джо. Не сможете ли Вы сделать так, чтобы Аверелл поехал со мной? Мне кажется, дело пойдёт успешнее, если будет казаться, что мы вместе...”*

12 августа 1942 года на совещание в Москву со Сталиным прибыли Черчилль, начальник генерального штаба Брук и генерал Вавель. В английскую группу, размещившуюся в трёх самолётах, входили генерал Уэйвел (который говорил по-русски), маршал авиации Теддер и сэр Александр Кадоган.

Черчилль не просто хотел встречи с советским лидером. Его задача была сложнее и труднее: надо было убедить Сталина, что, вопреки всем прежним договорённостям, второй фронт в Европе англичане в 1942 году открыть не смогут. Поэтому он вёз с собой такую представительную свиту, надеясь с их помощью убедить Сталина многочисленными аргументами о невозможности открыть второй фронт. Но в то же время Черчилль вёз в Москву план “Торч” — о боевых действиях в Египте и Северной Африке, в сентябре и октябре текущего года. Англичанам это было нужнее.

Пока Черчилль во время полёта угрюмо размышлял о том, как преподнести всё это Сталину, его свита, для которой всё уже давно было ясно, развлекалась всюю. Генерал Уэйвелл, считавший себя поэтом, сочинил перед полётом шуточную песенку с припевом: *“Не будет второго фронта в 1942 году. Это всё равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс”*. И вся компания с удовольствием распевала её, поскольку виски они взяли с собой во вполне достаточном количестве.

... Совещание в Москве со Сталиным началось тяжело. Советскому лидеру было, безусловно, хорошо известно, с какой целью английский премьер прибыл в Москву, но он надеялся, что в ходе переговоров удастся найти общее решение и открыть второй фронт, как и было предусмотрено соглашением.

Черчилль с первой же минуты встречи стал играть “полную откровенность”. Заявил, что не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Ведь ещё в Лондоне он заявил Молотову, что англичане попытаются составить планы диверсии во Франции. Но одновременно он заявил Молотову, что не может дать никаких обещаний относительно 1942 года, и вручил ему меморандум по этому вопросу.

Однако, исчерпывающе изучив вместе с американцами все аспекты проблемы, они пришли к выводу (американское и английское правительства), что не представляется возможным предпринять крупную операцию в сентябре, поскольку он является последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду.

Однако, как известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат весной 1943 года. Конечно, Черчилль понимает, что этот план не даёт никакой помощи России в 1942 году, но он считает возможным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь...

Сталин выслушал всё это с весьма хмурым видом. Доводы англичанина явно его не убедили. И он, отбросив дипломатию, заявил Черчиллю, что, насколько он понимает, англичане не могут создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотят даже высадить шесть дивизий.

Черчилль был вынужден ответить, что дело обстоит именно так. По поводу высадки шести дивизий он считал, что это принесёт больше вреда, чем

пользы. Если бы, бросив в дело 150–200 тысяч человек, мы могли бы оказать помощь, отвлекая с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако если это не отвлечёт с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин ответил, что он придерживается другого мнения о войне. И спросил прямо: почему англичане так боятся немцев? Он не может этого понять. И добавил, глядя прямо в лицо английскому премьеру, что англичане – трусы, что они боятся сражаться, что они лжецы, что не держат слова и не выполняют союзнических обязательств.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов, Сталин сказал, что, если мы не можем провести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что не согласен с доводами Черчилля.

Черчилль понял, что его пышное выступление прошло впустую. И он мгновенно пустил в ход “домашнюю” заготовку. Наступил момент красиво представить операцию “Торч”. И Черчилль торжественно произнёс, что хочет вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 году, ради чего он и приехал.

Сталин взглянул на него с интересом. А английский премьер продолжал с подъёмом, что вряд ли Франция является единственным местом для такой операции. Есть и другие места, и они с американцами – это он особо акцентировал! – приняли решение относительно другого плана, который американский президент разрешил сообщить Сталину под полным секретом.

При этих словах Сталин привстал, улыбнулся и сказал, что, как он надеется, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати. Эта шутка вдохновила Черчилля, и он с подъёмом стал разъяснять детали операции “Торч”, что вызвало самый живейший интерес у Сталина. Он уточнил несколько чисто военных деталей, остановился на политических аспектах предстоящей операции, в частности – что случится в Испании и в вишистской Франции? Но больше всего советского лидера интересовали сроки проведения этой операции.

Черчилль вздохнул облегчённо – всё шло, как он и планировал. Сталина заинтересовать удалось. Поэтому английский премьер назвал дату – 30 октября, но тут же пояснил, что все они – и американский президент тоже – стараются передвинуть срок на 7 октября. И это, как ему показалось, вызвало вздох облегчения и у советской стороны.

А Черчилль, вдохновлённый первым успехом, продолжал: *“Освобождение Средиземного моря даст возможность открыть ещё один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре – в Северной Африке. Если же к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года. Это и есть то, что мы с американским президентом решили сделать”*

В азарте, чтобы совершенно наглядно продемонстрировать свои предложения, Черчилль придвинул к себе лист бумаги и нарисовал на нём страшного крокодила, стараясь объяснить Сталину с помощью этого рисунка, как они с американцами намерены атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как русские атакуют его жёсткую морду.

Сталин, который казался теперь очень заинтересованным, сказал: “Дай Бог, чтобы это предприятие удалось”. И Черчилль тут же подхватил: “Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году”.

Внезапно Сталин заговорил о стратегических аспектах предлагаемого плана. Со свойственной ему спокойной обстоятельностью советский лидер перечислил четыре основных вывода в пользу “Торча”.

Во-первых, это нанесёт Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвёртых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Черчилль был поражён, с какой точностью, быстротой и полнотой советский лидер овладел проблемой, которая была для него совершенно новой и даже неожиданной.

Это сталинское заявление произвело на него глубокое впечатление. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять сооб-

ражения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он же всё это оценил молниеносно.

Впрочем, Черчилль дал такую оценку высказыванию Сталина лишь много времени спустя после окончания войны, в своих мемуарах.

Вернувшись в Лондон и подводя итоги своей московской миссии, Черчилль писал американскому президенту: "...я, может быть, смотрел на вещи слишком мрачно. Но считаю, что я должен сделать скидку на прискорбное разочарование, которое они (русские) испытывают здесь в связи с тем, что мы ничего не можем сделать, чтобы помочь им в их колоссальной борьбе. В конце концов, они проглотили эту горькую пилюлю. Теперь мы должны обратить всё своё внимание на ускорение операции "Торч" и на разгром Роммеля".

28. Поляки не у дел

В это время отношения между польским штабом и советскими офицерами связи были прохладными, но внешне вполне корректными. Поддерживались лишь необходимые контакты и только официально.

Находясь в Москве, Андерс ни с кем из представителей советских властей не разговаривал, да, собственно, и говорить ему было не о чем. Всё было кончено. Никто его не встречал, и никто не провожал. И у Черчилля не сразу нашлось время для беседы с поляком. Сталин пригласил его в свою кремлёвскую квартиру "выпить рюмочку", и эта "рюмочка" протянулась с 8 часов 30 минут утра до 2 часов 30 минут пополудни, что вместе с предыдущей беседой составило более семи часов.

Переводчик Черчилля майор Бирс позвонил на дачу Сталина, где терпеливо ждал Андерс, и извинился за задержку. Лишь в три часа усталый Черчилль вернулся от Сталина. Было заметно, что он доволен. А в шесть часов английский премьер должен был вылететь в Каир.

В общем-то, во встрече с поляком необходимости особой не было, он своё дело уже сделал, и это был отработанный материал. Англичане этого и не скрывали. Всё время английский премьер был занят на совещаниях со Сталиным, которые продолжались сначала по несколько часов, а потом чуть ли не целыми днями.

Из разговора с Черчиллем Андерсу стало ясно, что Черчилля абсолютно не интересовали польские дела. Он хотел лишь узнать, как Андерс оценивает Красную армию и сегодняшний военный потенциал Советского Союза.

А вот к этому вопросу Андерс был совершенно не готов. Он его просто не знал и знать не хотел. Всё, что его интересовало, это польская армия и её предполагаемое использование. А этой темы Черчилль вообще не коснулся.

Поэтому на задаваемые английским премьером вопросы поляк ответить не мог, никаких цифр не знал, о положении на фронте и в тылу не имел ни малейшего представления.

Черчилля особенно интересовали бои в Сталинграде и на Кавказе, ему хотелось получить какие-то подробности, но Андерс мог только пробормотать, что бои там идут. Черчилль был поражён полным невежеством Андерса в этом вопросе. И он не был согласен с общей отрицательной оценкой, которую давал Андерс положению в Советском Союзе. Черчилля не интересовала общая оценка, то есть просто трёп поляка, тем более что он с ней не соглашался, а голословного утверждения для него было недостаточно.

Поэтому Черчилль просто прервал разговор и пригласил Андерса в Каир, где у него будет больше свободного времени. Это значило, что поляк должен подготовиться к этому разговору серьёзно.

Андерс должен был к этому времени свою оценку о невозможности продолжения войны Советским Союзом подкрепить соответствующими данными. Особенно там, где речь шла о Кавказе, который, как утверждал Андерс, в ближайшее время падёт. Черчилля интересовал не Кавказ как таковой, а бакинская нефть.

В отличие от поляков, пытающихся заниматься политикой, Черчилль был политиком. И все свои действия просчитывал на несколько шагов вперёд.

...В Янги-Юле, куда непродуманно были переведены польские части, в обстановке полного отсутствия жилья, бытовых условий, трудностей с продуктами и медицинским обслуживанием, обстановка была ужасной. Началась эпидемия тифа, с приходом жары началась дизентерия, потом желтуха

и малярия. Больных приходилось считать не сотнями, а тысячами. Хотя советская сторона ещё на совещании 3 декабря 1941 года настойчиво предупреждала, что в этом районе нездоровый и малярийный климат.

Но всё это вполне отвечало замыслам Андерса. Он стал забрасывать и Лондон, и Москву телеграммами об ужасных условиях, настаивая на скорейшем выводе всех поляков – и с семьями, конечно, – в Иран. Он даже стал приказывать командирам отдельных частей присылать рапорты о состоянии войск, увеличивая в них количество заболевших.

В первых числах июня Андерс вызвал к себе Богуша, являвшегося тогда начальником штаба польской армии и заместителем командующего, и предложил ему подготовить длинную телеграмму на имя Сикорского, чтобы убедить того в безусловной необходимости вывода польских войск из Советского Союза и получить на это его согласие.

В телеграмме, составленной этими генералами, указывалось, что армия голодает, не хватает продовольствия, а на улучшение условий питания нет надежды, и если так будет продолжаться, то армия просто погибнет от голода. Затем говорилось и о нехватке оружия и отсутствии надежд на его получение (здесь Андерс совершенно “забывает”, что оружие должны были доставить из Англии, но так и не доставили), что срывает возможность обучения солдат. И если такое положение будет продолжаться, это лишь деморализует армию, что может привести к серьёзным эксцессам, за которые он не мог бы взять на себя ответственность.

И в заключение подчёркивалось, что вследствие плохих местных условий дислокации, положение с заболеваемостью прямо-таки катастрофическое, что ежедневно умирает по несколько десятков человек, а тысячи лежат больными. Единственное спасение – это быстрая эвакуация из Советского Союза всего личного состава, тем более что советские органы весьма враждебно относятся к польской армии (здесь Андерс привычно врал).

Андерс был уверен, что этой телеграммой он заставит Сикорского принять решение о выводе польских войск, и его обещание англичанам доставить им польских солдат будет выполнено. Но через несколько дней из Лондона пришёл ответ, датированный 12 июня, но совершенно не такой, какого ожидал Андерс. Сикорский категорически запретил польским войскам покидать пределы Советского Союза. Он писал: *“... армия для более высоких политических целей обязана остаться в СССР”*.

Он приказывал это не только как верховный главнокомандующий, но и как премьер-министр. И даже дополнительно прислал Андерсу решение совета министров по этому вопросу, предлагавшее ему остаться в СССР.

В “польском” Лондоне явно произошли какие-то изменения. Текст обеих телеграмм был весьма решительного свойства.

Требуя в своём приказе, чтобы польская армия, безусловно, осталась в Советском Союзе и вместе с Красной армией воевала против Германии, Сикорский предлагал повысить моральное состояние солдат и офицеров и обращал внимание на то, что всяческие трудности, если они и имеются (он не верил, что они доходят до размеров, описываемых Андерсом), вполне можно преодолеть, так как на фронте могут быть ещё более тяжёлые условия. (Это упоминание о фронте особенно напугало труса Андерса).

Он писал также, что гражданское население находится в значительно худшем положении, чем организованные части войск, и, тем не менее, с трудностями справляется. Это был прямой упрёк Андерсу: командовать надо уметь! Затем он прямо сказал, что Андерс, по его мнению, слишком всё преувеличивает.

В принципе, Сикорский не соглашался с Андерсом ни по одному пункту телеграммы и квалифицировал намерение Андерса попросту как желание бежать, что равносильно дезертерству с поля боя. Он прямо-таки был возмущён такой постановкой вопроса.

В инструкции, которую Сикорский прислал на основе постановления правительства, он писал, что взаимоотношения с Советским Союзом необходимо довести не только до уровня хороших, но самых наилучших, и только борьба на фронте может и должна устранить всяческие недоразумения и укрепить дружбу.

Получив такую пощёчину, Андерс просто взбесился и всячески, не стесняясь, поносил Сикорского. И, несмотря на распоряжение, и приказ, и инструкцию просто не довёл до сведения своих подчинённых.

Увидев твёрдую и непримиримую позицию Сикорского, понимая, что от него он не получит никакой поддержки в осуществлении своих планов, Андерс удвоил внимание к англичанам. Он перешёл к прямым провокациям и лжи, стараясь внушить Гулльсу, что он, Андерс, хочет предоставить англичанам много хороших польских частей, а Сикорский не понимает, какую услугу он оказывает англичанам, и хочет, чтобы армия оставалась в СССР. Зачем? Для чего? Вероятно, лишь на погибель.

Гулльс с истинно британской флегмой выслушал бурно жестикулирующего поляка и ответил, что Андерс напрасно беспокоится — польская армия наверняка уйдёт из Советского Союза, и это уже решено. Он сам едет по этому вопросу в Москву, вернётся через несколько дней и тогда обо всём расскажет.

Вдохновлённый разговором с английским подполковником, польский генерал по собственной инициативе послал Сталину письмо с просьбой дать согласие на вывод польских войск на Ближний Восток. Мотивы были всё те же: трудности с продовольствием, недостаток оружия, климатические условия. И тут же привычно соврал, что армия после её обучения и вооружения вернётся в СССР.

Сикорский об этом ничего не знал. А Гулльс через два дня действительно вылетел в Москву, завернув по дороге в Куйбышев для встречи с послом Котом. Он обсуждал с ним детали вывода польских войск на Ближний Восток. Англичане считали это дело необходимым и срочным, так как в середине июня английские части на Ближнем Востоке потерпели большое поражение, и возникла опасность, что вся их оборона в этом районе может не выдержать. Поэтому польская армия там крайне нужна.

Андерс в это время стал объезжать все польские части и заверять их в скорой эвакуации. Этим он усиливал возбуждение солдат. Всем обещал, что с момента отъезда и прибытия в Иран для каждого наступит отдых и сущий рай. Какая там война!..

29. Они уходят...

Утром 7 июля в Ташкенте подполковник НКВД Тишков, замещавший Жукова, поставил Андерса в известность о получении телеграммы, в которой советское правительство выражало своё согласие на выход польской армии из пределов СССР.

Почему же пошли на это? Советская сторона прекрасно знала, какая атмосфера царила в польской армии. Ей было известно, что командование армии не хочет, чтобы она пошла сражаться на Восточный фронт.

Советское правительство также хорошо знало, что эта армия самым враждебным образом относится к Советскому Союзу.

Знали также о разведывательной деятельности, проводимой польским военным атташатам и представителями общественной опеки. Имея все эти данные, советское правительство отдавало себе полный отчёт в том, что на польскую армию оно рассчитывать не может, что это не дружественная, а явно враждебная армия.

При всём этом английское правительство со своей стороны нажимало на СССР с требованиями о выводе польских войск. Гулльс подчёркивал неоднократно, что этим вопросом занимается лично Черчилль.

И английский премьер был просто счастлив, когда его усилия увенчались успехом. За согласие на вывод польской армии из СССР Черчилль в телеграмме от 17 июля 1942 года благодарил лично Сталина, выражая свою признательность за передачу польских дивизий для защиты Ближнего Востока.

Знаменательно и интересно: Черчилль не выразил благодарности за польские части ни польскому эмигрантскому правительству, ни Сикорскому, а только Сталину!

31 июля 1942 года состоялось советско-польское совещание, на котором были установлены окончательные условия эвакуации — вопросы передачи имущества, формы выезда, время и количество людей, подлежащих эвакуации. После совещания оформили специальный протокол.

Было на этом совещании согласовано, что эвакуация будет продолжаться с 5 по 25 августа. Андерс тут же заверил, совершенно голословно, что по прибытии в Пехлеви части тотчас же перейдут в распоряжение английских властей, с которыми имеется полная договорённость.

И ещё один жест сделал Андерс. Он сам добровольно предложил передать в распоряжение советских властей излишек английского обмундирования, который имела польская армия, — около тридцати тысяч комплектов...

С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок!

Последняя польско-советская военная конференция состоялась 31 августа 1942 года. На ней был подписан протокол эвакуации.

Ровно через год после подписания соглашения о польско-советском сотрудничестве и взаимопомощи в войне, командующий польской армией Андерс подтвердил своей подписью, что "...польское правительство, вопреки соглашению между СССР и Польшей, не считает возможным использовать на советско-германском фронте польские войска, сформированные в СССР".

То есть расписался в польской подлости.

Советский писатель В. Иванов записывал в те дни в своём дневнике: *"Поляков отправляют в Сирию. Они увезли с собой Театр миниатюр, джаз-банд, продают ботинки, чулки и прочее, что им высылают из Англии"*.

Писатель хорошо знал ситуацию, делая подобную запись в своём дневнике. Уже давно польские военные стали привычными на среднеазиатских базарах, в особенности на ташкентском. У местных жителей и эвакуированных появилось даже устойчивое выражение: "купить у поляка" или "достанем у поляков". Довольно быстро в нашей стране определение "поляк" из национального стало профессиональным. Слово "поляк" стало названием профессии... Поляк — это не национальность, это профессия.

К 1 сентября 1942 года эвакуация польских частей была закончена. Как быстро они смотались, быстрее, чем удирали от немцев двумя годами раньше! Всего из СССР выехало около 80 тысяч военнослужащих и более 37 тысяч членов их семей. 12 тысяч польских военнослужащих, в том числе моряки, лётчики, танкисты, были направлены в Англию. Большая часть польской армии — 69917 человек — проследовала в Иран. С ними было и огромное количество женщин и детей — семьи и родственники.

После вывода польской армии в Иран военное соглашение от 14 августа 1941 года утратило свой смысл. Стало совершенно ясно, что эмигрантское правительство не заинтересовано в союзническом сотрудничестве, у него иные цели, и оно после войны станет проводить в отношении СССР всё тот же враждебный курс, что и прежняя Польша в 1918—1939 годах. Но англичане должны были быть довольны. Теперь было кому охранять нефтяные вышки в Ираке.

30. Итоги

Но были среди старших польских офицеров и честные, нетрусливые люди, прекрасно понимающие, откуда надо начать борьбу за освобождение Польши. Ряды андерсовцев покинула и отказалась эвакуироваться в Иран большая группа офицеров во главе с полковником З. Берлингом.

Они прямо и честно, по-солдатски, заявили, что намерены, пусть и в рядах Красной армии, сражаться на советско-германском фронте за демократическую и дружественную к СССР Польскую Республику.

Именно эти офицеры в начале 1943 года поставили вопрос о формировании и 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко, а затем и польской армии, которая будет реально участвовать в освобождении своей родины, а не охранять английские нефтяные вышки.

28 апреля 1943 года председатель Союза польских патриотов в СССР В. Василевская обратилась к Сталину с письмом, в котором была изложена просьба разрешить формирование в СССР польской воинской части.

У тех же, кто стремился спрятаться от войны в Иране, была своя логика. В течение двадцати лет офицерский корпус Польши воспитывался в ненависти к России, ему усиленно внушалась мысль, что все несчастья страны происходят лишь по вине России, а не из-за того, что Польша веками не может достичь внутреннего порядка. Отсюда и метания, и вопли о "Великой Польше от моря до моря", попытки демагогией и пустозвонством газет и речами сеймовых демагогов отвлечь население от внутренних проблем, которые правящая компания просто не может решить.

...Красноводский порт находится в глубине бухты, окружённой высоким восточным берегом Каспийского моря. От самого моря он отделён широкой отмелью, которую суда, входящие в порт, вынуждены осторожно обходить. Поэтому медленно направляющийся в порт корабль видно издалека и задолго.

Судно, пришедшее из иранского порта Пехлеви, ещё и не подошло к причалу, а собравшиеся на высоком берегу поляки уже радостно заволновались.

Они нетерпеливо ждали команды спуститься по довольно крутой дороге, ведущей прямо к причалам. Наконец, команда поступила, и польская колонна, всё ускоряя шаг, двинулась по дороге вниз, к морю. Где-то на полпути ряды смешались, все заторопились, словно опасаясь, что только что пришедшее судно вдруг отплывёт и не захватит их с собой.

На пристани, у самого трапа, уже не было стройной польской колонны, что ожидала погрузки наверху. Теперь это была какая-то неорганизованная толпа, с сумасшедшими глазами рвавшаяся на посадку. Наконец, разместились. Рядовых загнали в трюм, старшие офицеры разместились по каютам, младшие устроились на палубе, стараясь укрыться за корабельными надстройками от резкого каспийского ветра.

... Наступил момент отхода, и польские офицеры, собравшиеся на корме отходящего судна, готового увезти их в сказочную страну, в вожделенную Персию, устроили последнее шоу.

Не умея ничем иным выразить свою ненависть к России, как только жалким и глупым жестом, они стали демонстративно разрывать и бросать за борт в море полученные ими советские деньги. И розовые банкноты в три червонца, которые они, кстати, свободно могли поменять на любую валюту в каждом заграничном банке, летели за борт.

Денег у них было довольно много – советские власти платили бездельникам почему-то щедро. И, несмотря на распоряжение своего командования сдать всю советскую валюту для нужд гражданского населения, польские офицеры этих денег не сдали. Их сдавали лишь рядовые солдаты.

Это был не просто глупый, но и совершенно хамский жест. Но поляки уже ничего не боялись, они считали, что теперь можно хамить русским в открытую – за ними же англичане!

Интересно, повторяли ли они при отплытии: “О, польская земля! Ты уже за кормой!”? Им бы ещё поставить по судовой трансляции пластинку с полонезом Огинского “Прощание с отчизной”. Жаль, что никто не догадался...

Это очень по-польски: постоянно жить в мире иллюзий и не замечать повседневной реальности. Польские офицеры-дезертиры ненавидели русских не только по традиции. Это вошло уже в польскую генетику. Что делать, поляки помнят только свои обиды. Они стали ненавидеть своих бывших товарищей, которым обещали боевое братство, и предали их. За это они тоже ненавидели русских. Это была самая жгучая, потому что бессильная ненависть. Ненависть с осознанием совершенной ими самими подлости. Это полностью соответствовало самой природе предательства.

Это было предательство от страха, но оно бывает и от обиды, от честолюбия, даже от сознания собственного ничтожества и ещё от многих причин. Они и сами себя ненавидели – за трусость. Ведь они не дураки и прекрасно видели, что они трусы и дезертиры, а в условиях тех дней поступают просто, как подлецы...

Как не вспомнить тут слова Черчилля, сказанные о поляках: *“Всегда существовало две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости”*.

Англичане очень быстро поняли, что в действительности представляя собой их новые союзники из “армии Андерса”, но что они могли с ними сделать?

На фронт поляки идти не хотели, уклонялись под разными предлогами. Вовлечь их в военные действия удалось с большим трудом и лишь в конце 1943 года.

.....

Николаю Леонидовичу Плиско — 70!
Сердечно поздравляем нашего друга и автора с юбилеем!

Редакция

ИГОРЬ ЯНИН

НАШ БРАТ-ПУТЕЕЦ

До недавнего времени удавалось мне почти безошибочно определять в толпе железнодорожника. Даже если человек не в униформе, а в одежде обычной, летом налегке, или зимой в пуховике, или даже он вовсе безо всего, а только прикрытый банным веником. Проходят люди мимо, каждый со своими заботами. Но вдруг встречаешь взгляд уверенный, спокойный, и, ни с того, ни с сего, в душе как-то потеплеет. И, случись разговаривать с таким человеком, — всё точно: наш брат-железнодорожник, или, может быть, водитель-дальнобойщик. Ничего удивительно: издавна бытует поговорка: попа́ и в рогожке признаешь... А узнавали батюшку по взгляду просветленному, по выражению лица человека стойкого в своем высоком служении, несуетного и неизменно доброжелательного ко всем окружающим людям. Некоторая подобная особость путейцев-железнодорожников не мною первым замечена. И никакой тут не требуется исключительной проницательности.

Помню, перед открытием Всероссийского съезда железнодорожников, на котором обсуждалась реформа отрасли, состоялась у меня одна, как показалось поначалу, “в той комнате незначущая встреча”. Но разговор оказался примечательным и не забылся.

Как известно, важнейшие форумы, определяющие дальнейшую судьбу России, проводятся в Москве, преимущественно в Государственном Кремлевском Дворце, который часто называют по-старому Кремлевским Дворцом съездов. В это здание входил я вместе с делегатами и гостями, съехавшимися со всех концов страны. В нашем климате почти любое представительное собрание начинается, понятно, с вешалки. За стойкой гардероба две молодые женщины о чем-то оживлённо спорили и обратились ко мне. Вот, говорят, мы гадаем, что за люди сегодня у нас собираются?

У гардеробщиц Кремлёвского Дворца вообще-то глаз наметанный. Уж они-то навидались публики самой разной, подчас диковинной. Каких только съездов, слётов, конгрессов, масштабных концертов и спектаклей здесь не проходило; каких гостей не доводилось им встречать и обихаживать. Но в этот день женщины своим извечным инстинктом как-то сразу новых гостей выделили. Мне тоже стало интересно, чем же это наши путейцы их так озадачили, и спрашиваю: ну, а сами-то как думаете — кто они такие?

Наблюдения были высказаны довольно меткие: гости в форме с погонями, но на военных не похожи, хотя и на гражданских — тоже. В большинстве мужчины, не москвичи. Крепкие, подтянутые, деловые — без высокомерия.

* Продолжение. Начало в № 8–11 за 2016 год.

Лица не то, чтобы загорелые — обветренные. Ясная русская речь — прямая, без наигрыша. Легко ориентируются в новой среде, свободны в общении. А вывод зоркие служительницы Дворца сделали короткий: красивые люди. Так кто же они?.. “А-а, железнодорожники!”. И заулыбались.

Похвалу слышать приятно. Но мне подумалось: вот чего особенно не хватает российским женщинам в современных мужчинах — надежности. Не хватает самых что ни есть исконных национальных ценностей — честности, доброты, верности, готовности прийти на помощь; и, если можно так выразиться, — настоящей мужской зрелости в наш век глобального инфантилизма. В литературе “золотого” XIX века бытовало, например, такое определение — “кондовый”. Усилиями наших либералов слово это приняло окраску уничижительную. Между тем “кондовый” в русском языке означает “крепкий”, “матёрый”, “не гнилой”.

“На железной дороге надо работать долго”, — такими словами бывалые кадровики напутствуют новичков. И новичок потом, оглядываясь на здание с эмблемой “РЖД”, перетирает в уме эту странную фразу, сказанную совсем без пафоса, а даже с грустной задумчивостью. Что значит “работать долго”? Сказал бы: “надо работать хорошо” или “добросовестно”, а то — “долго”! Не похоже и на предупреждение, — слова прозвучали, словно размышление вслух, мол, жизнь покажет, что ты за человек.

Означало же это, что потребуются годы, чтобы глубоко осознать, что работа на “железке” творческая, хотя и особого рода. Поначалу и мне казалась шуткой, когда ветераны-железнодорожники говорили: если бы исполнялись все инструкции, ни один поезд с места бы не сдвинулся. Вот тут-то и должны проявиться и уровень ответственности, и высочайший профессионализм, и своеобразный творческий подход.

Действительно, в России железнодорожный мир — особенный. Для мало-сведущего в чем-то даже загадочный. Именно долго надо тут работать. И, если человеку хватит характера на “железке” удержаться, — сама здешняя атмосфера за это самое время, названное — “долго”, его обязательно отсортирует — отделит зерна от плевел, вытряхнет мелочное, наносное, пропитает, переплавит, перекует, сделает настоящим железнодорожником.

Работать надо долго, чтобы убедиться — достаточно ли воли, терпения, чтобы выдержать груз ответственности, чтобы пропитаться принципами здравомыслия, как шпала креозотом, чтобы никакая гниль не заводилась. Ветераны путей сообщения подтвердят: сколько-нибудь длительное время работать на железной дороге недобросовестно или плохо просто невозможно — система так устроена, что выдавливает, исторгает такие персонажи. А уж если человек долго работал на “железке” — это сама по себе похвальная характеристика. И даже если впоследствии он сменит профессию, “не ржавейка” внутри сохранится на всю оставшуюся жизнь.

Российская сеть железных дорог огромна; почти миллион тружеников обеспечивают её жизнедеятельность. И она незаменима. “Железная дорога скрепляет Россию”, — говорил великий наш современник писатель Валентин Григорьевич Распутин.

Откуда же берутся такие люди? Детство и юность большинства железнодорожников протекает вблизи станций, депо и заводов по ремонту подвижного состава. Исторически железнодорожное хозяйство основывалось где-нибудь на окраине, на выселках. Здесь все вокруг было железнодорожным: ясли, школы, как минимум ремесленное училище, амбулатории, больницы, магазины, подведомственные ОРСам (отделам рабочего снабжения), бани, клубы, библиотеки. Кажется, только кладбища не были железнодорожными, но и “заселялись” они тоже путейскими. За пределами поселков размещались вузы и техникумы путей сообщения, клиники, санатории, дома отдыха, пионерские лагеря, а также подшефные колхозы и совхозы. Словом, НКПС (Наркомат путей сообщения) — позднее МПС — это было государством в государстве.

В деповских посёлках детям запрещалось шуметь днем, так как сменные поездные бригады и диспетчеры обязаны были отдыхать. Ослушника могли и выпороть. Все понимали, сколь велика опасность уснуть в пути. Ночь-полночь, студёный ветер, снег, жар от топки, сквозняк, скорость, требующая непрерывного напряженного внимания. Стоит машинист на железном вибрирующем полу кабины, вглядывается в ночь. А у него за спиной под стук колес безмятежно спит целая деревня, убаюканные живые души, числом эдак

шестьсот – невинные или грешные – не ему судить. Страшно подумать, что от набегания шпал вдруг поведёт машиниста в мираж, в губительный сон. Каждый рейс – дело жизни и смерти.

К слову, раньше машинистам выдавали в поездку швейцарские карманные часы на цепочке, чтобы они могли отслеживать график. Одна из таких “луковиц” фирмы “Павель Буре” хранится в музее “Великий почин” легендарного депо Москва-Сортировочная. Сегодня машинистам перед выходом рейс начали выдавать браслеты в форме наручных часов, которые следят за состоянием работника. В случае если человек засыпает, в кабине включается световая сигнализация. И, если машинист не нажмёт в ответ специальную “кнопку бдительности”, то подаётся мощный звуковой сигнал, а если уж и ревун не подействует, значит, сон мертвецкий, тогда автоматически включается система торможения.

Отдых перед поездкой свято оберегался. Для шумных игр ребячьи откочевывала куда-нибудь в сторону от поселка, где можно было кричать во весь голос. Обычно таким местом был берег реки, озера или пруда, откуда качали воду для паровозов.

Это был мир особый. Мир людей мастеровитых, ответственных, надёжных. Семьи занимались зимой заготовкой дров и льда по весне, огородничеством, содержали всякую живность – поросят, коров, коз, кур; ничто не пропало в хозяйстве, все – и стар, и млад – были заняты полезной работой. То есть быт складывался вполне патриархальный. Свои у путейских были и награды: почётные грамоты, именные часы, и наконец, высшая отраслевая награда – Знак “Почетному железнодорожнику”, которая ценилась (в суровые времена по умолчанию) едва ли не выше государственной. Присвоение Знака сопровождалось льготой – к ежегодному плацкартному билету, полагавшемуся семье железнодорожника, добавлялась категория – “в мягком вагоне”. Вообще МПС предпочитало рассчитывать на натурой. Дорпрофсожу была доподлинно известна подноготная каждого работника. И, например, отличившегося главу многодетной семьи могли наградить дойной коровой. Торжественно и всенародно под фанфарный туш выводили из кустов бурёнку с колокольчиком. А вот денежными премиями не очень-то баловали.

Со временем путейские поселки разрастались, и в один прекрасный день обнаруживалось, что депо, вокзалы, мастерские оказывались не на окраине, а внутри города. Так и мегаполис Новосибирск возник и сформировался вокруг того места на берегах Оби, где удобней было построить мост. Можно назвать и многие другие города с подобной судьбой. Железнодорожные хозяйства вращались в город; соответственно менялся и быт путейцев. Но всё же они не растворялись полностью. Сложная многофункциональная система требовала устойчивости. Одно звено выпадет – все остановится, поэтому восстановление любого ослабевшего звена старались предусмотреть заранее.

Эта особенность сложилась из-за сурового климата. Например, в России существует забавный для постороннего слуха термин – “первозимники”. Кто впервые услышит это слово – удивляются, даже смеются. Смена сезона у нас требует изменения технологии. А ведь при самых зловредных природных катаклизмах – морозах, снегопадах, гололедах, ливнях, бывало, городские улицы становятся непроезжими, движение парализовано, аэропорт не принимает. “А что там, на станции?” Плечами пожимают: “Поезда идут по расписанию”.

А чудес на свете нет. Просто у путейцев всё расписано заранее и поимённо. Кто и при каком уровне опасности на какой участок должен выходить. Воспринимается эта обязанность как должное, и каждый знает, что ему делать. Бывало, и учащихся старших классов железнодорожных школ выводили на снегоборьбу. И тоже никакой анархии или суматохи. Школьникам доверяли только внутренние подъездные пути, где на эти часы перекрывалось малейшее шевеление подвижного состава.

Или, скажем, путевые ремонтные работы. На посторонний взгляд – нет ничего грубее и тупее: грунт, подушка, балласт, шпалы, рельсы – вот и всё... И только железнодорожники, все, кого ни спроси, назовут такую работу особо ответственной, сложной и творческой. Образцовое содержание пути – это и тяжкий труд, и одновременно тонкое искусство. К счастью, в наше время удалось, наконец, ливиную долю операций механизировать.

Главным праздником путейских был не Первомай, не Октябрь, а Всесоюзный День железнодорожника. Гуляли в парках и скверах. Пели песни, плясали

до изнеможения. Праздник – святое дело, Но в будни даже лёгкий запах алкоголя считался неслыханной дерзостью. На этот счёт надзор был просто свирепым. Табу распространялось и на командный состав любого уровня.

Молодые машинисты с явным удовольствием носили форменную фуражку с “молоточками” и, по тогдашней моде, для шика сразу вынимали обруч из “аэродрома” – чтобы выглядеть романтичнее и подчеркнуть, что-де он не конторский писарь, а механик бывалый. Дескать, обмятая фуражка удобней в кабине паровоза. В свою очередь ремонтники щеголяли тем, что у них из верхнего кармана пиджака, предназначенного для носового платка, торчала головка штангенциркуля “Колумбус” или логарифмическая линейка, – знать, мы тоже не лыком шиты. В стране господствовал престиж труда, культ мастерства. Ветераны вспоминают, что, когда дежурный по станции стучал жезлом о борт кабины локомотива, крича призывно: “Механик!”, сердце наполнялось гордостью: так это же я сейчас поведу поезд.

Сыновей брали в кабину локомотива. Все знали, что это запрещено. При прохождении встречного мальчишки должны были прятаться. Кондукторы нарушителей не выслеживали, но, если нарушитель высовывался, бранились и грозили доложить начальству, воспринимая это как демонстративное непочтение к инструкции. Таковы были негласные правила. Эти традиции сохранились еще в дореволюционных времен.

Молодняк выращивали с особой заботой. Председатели дорпрофсоюзей по осени не без волнения отчитывались в том, сколько детей отдохнуло в пионерских лагерях. В послевоенные годы с лишним весом никто, понятно, не боролся. Напротив, внимательно выслушивали отчётные доклады о состоянии здоровья детишек и скрупулёзно сопоставляли цифры о среднем привесе (в килограммах) и среднем приросте (в сантиметрах) ребят – до лагеря и после. И не дай бог, если привесы были хуже, чем в прошлом году. Про самодеятельность, походы, военные игры, ночевки у костра, участие в сельхозработах в подшефном совхозе – спрашивали в последнюю очередь как само собой разумеющееся. Серьёзный спрос был и с руководителей детских железных дорог, железнодорожных школ и других учебных заведений.

Депо не спит

Здесь ни выходных, ни праздников – днем и ночью непрерывное движение огромных машин и сменяющих друг друга бригад. Наверное, это одно из самых беспоконных мест на свете. Вглядываешься, вслушиваешься и понимаешь, насколько всё происходит продуманно, размеренно, с глубоким наполнением магистрали. Это как пульс здорового человека. И если жизнь депо замрёт, это будет означать, что вся громадная система в опасности. Помните картину Бориса Яковлева “Транспорт налаживается”? Столько в ней тоски и надежды, что с первого взгляда понятно, что написана она голодным художником. 1923 год. Холодное небо, замёрзшая под снегом земля, но вдали оживающие паровозы, и рельсы чернеют, значит, они в рабочем состоянии – верные признаки движения, возвращения из разрухи в нормальную жизнь. Порядок налаживается – спокойно и уверенно.

Кажется, в тот самый год газета “Гудок” напечатала стихи о паровозе:

*Вперёд, товарищ мой, вперёд
За хлебом для голодных...*

Локомотивщики селились поближе к депо. Члены бригад находились в постоянной готовности. Там, где телефонов не было, работала служба посыльных; в ночь-полночь, в любую погоду прибегают, стучат в окно – срочно!.. Впрочем, и сегодня у многих руководителей ОАО “РЖД” всегда наготове три чемоданчика: один в кабинете, другой дома, третий на даче. Они всегда на связи и всегда наготове, чтобы мгновенно сняться и ехать, лететь на место ЧП. В России железная дорога даже в самые драматические дни 1993 года оставалась опорой и воплощением порядка.

На всех стальных магистралях СССР движенцы вели переговоры только на русском языке. Далеко ли до беды, если “твоя-моя не понимаю”. Все говорили по-русски, а по праздникам распевали национальные песни. В Сибири больше всего заводили ямщицкие, бродяжьи и душевные украинские песни.

Даже те, кто, кроме песенных слов, на украинской мове ничего не разумел, песни любили, в них заключена какая-то особенная ласка.

Ну, студенты, те – статья особая. Студенты МИИТа пели, например, слегка переиначив ночную серенаду Демона из оперы Антона Рубинштейна:

*И будешь ты царицей мира,
А я начальником депо.*

Но дорасти до начальника депо дано не каждому. Непросто было овладеть данной профессией прежде, ещё сложнее обеспечивать надежность и безопасность сегодня в связи с повышением интенсивности и скорости движения на всех видах транспорта. Динамизм транспортных ситуаций предъявляет повышенные требования к оперативному мышлению. Кроме основных волевых качеств – дисциплинированности, решительности, самообладания и настойчивости, нужна способность не поддаваться растерянности, страху, быстро и решительно действовать в сложной и опасной ситуации. Адекватно оценивать внешнюю сложившуюся ситуацию и прогнозировать ее развитие, правильно оценивать свои возможности по решению профессиональных задач в возникающих ситуациях. Надежность – это безошибочность, готовность к своевременным действиям в соответствии с требованиями в течение заданного времени. Несвоевременные действия часто приводят к тому же результату, что и ошибка.

Движение на огромной скорости часто связано с неожиданными событиями. Нет, работа не стала проще. Напротив, усложнилась, скорости возросли, хотя нагрузки другие. Не столько мышечные, сколько сердечно-сосудистые. Люди, обеспечивающие эффективность и безопасность так называемого перевозочного процесса, должны обладать реальным мировосприятием и соответствующими высокими личными качествами: энергией, инициативой, трезвым осознанием изменяющихся обстоятельств, волей, мужеством, высококоразвитым чувством ответственности, оптимизмом, широким кругозором, приверженностью к дисциплине и порядку.

Железнодорожный транспорт – самодостаточная, а значит, во многом независимая структура, она априорно позитивна и уважаема в обществе. В незабываемом 1917 году железнодорожный профсоюз, так называемый Викжель, обладал достаточными силами и влиянием, чтобы сформировать правительство и вывести Россию из трясины раздоров. Возможно, и вывел бы на верный путь, если бы не дал себя утопить в демагогии и в пустых словопрениях, если бы сохранил единство.

Рюриковичи мы...

Надо признать, что русская элита верхнего эшелона власти во все века истории государства Российского частенько грешила эгоизмом, космополитизмом и безответственностью: нет-нет, да сблудит. Что же касается элиты железнодорожной, то, при всей строгости установленных в инженерной области законов, и, как теперь выражаются, при высоком уровне рисков, “господа путейцы” всегда были и патриотичней, и демократичней, да и вели себя, если угодно, аристократичней. Вот такое казалось бы трудносочетимое сочетание. Близость к созидательному процессу, реальная ответственность – такие вещи поднимают людей.

Выпускник Пажеского корпуса князь Михаил Хилков, будучи потомком Рюрика, рода древнее царствующей 300-летней династии, никак не соответствовал образу светского лоботряса. Он собственными руками, своей головой сделал блистательную карьеру. До того, как стать министром, прошел путь от простого рабочего, кочегара в Пенсильвании до начальника службы подвижного состава и тяги Трансатлантической железной дороги. Сама жизнь князя достойна увлекательного романа. В чине штабс-капитана он оставил службу и с молодой женой отправился в путешествие по Европе и Америке – не за богатствами, а за знаниями, за техническим опытом, как он считал, жизненно необходимыми для России. В трудные для Отечества годы он сделал всё, что было в человеческих силах, и при форсировании пропускной способности Транссиба во время Русско-японской войны, и на других стратегически важных транспортных объектах. При его министерском правлении – за десять лет – железнодорожная сеть страны почти удвоилась.

Конечно, российские железнодорожники никогда не забывали Хилкова – инженера, создателя, патриота, высоко ценили его вклад в развитие транспорта. Газета “Гудок” не раз печатала материалы о его жизни и деятельности. Да и как не вспомнить, если именно по предложению М. И. Хилкова был учрежден профессиональный праздник – День железнодорожника России, который отмечается и поныне. При участии князя Хилкова в Москве было открыто инженерное училище (будущий МИИТ), второе после петербургского высшее учебное заведение, готовящее кадры для транспорта и строительства. Современники отмечали его строгую взыскательность и сердечность в отношении к служащим. Мечтая о “железнодорожных династиях”, светлейший открывал для детей путейцев общеобразовательные школы и технические училища.

В семейном архиве князя хранятся воспоминания и о том, что, “...пробыв министром путей сообщения 10 лет и притом в стране, где, как известно, честность не является еще общераспространенной добродетелью, Михаил Иванович оставил своим детям то самое состояние, которое имел, когда работал в Америке дровосеком”. Иными словами, ничего князь своим потомкам не оставил. Кроме честного имени и доброй памяти.

Жизнь князя-путейца наполнена исключительно яркими событиями и впечатляющими достижениями. В той же Америке Голливуд из подобных персон делает национальных героев как воплотителей “американской мечты”. Наш же “голливуд” почему-то предпочитает возводить на пьедесталы только разрушителей. Вот уже седьмой десяток лет подряд “дети двадцатого съезда” играют в разоблачения культа личности, соревнуются в осуждении “режима”. Они уже и сами себе надоели, – топчутся уныло, как на водовозводе лошадь, ослепшая от бесконечного хождения по кругу. Колесо скрипит, крутится, а чистая вода всё нейдёт.

Мамонтов и Витте

Судьбы этих двух других исключительно талантливых натур, двух крупных предпринимателей и общественных деятелей Российской империи второй половины XIX и начала XX века – Саввы Ивановича Мамонтова и Сергея Юльевича Витте в последние десятилетия вызывали особенный интерес. Оба они были лично причастны к расцвету “золотого века” железнодорожного транспорта России. Однако исследователи, как правило, предпочитают рассматривать жизнь и деятельность каждого из них в отдельности. И это не случайно. История их взаимоотношений полна противоречий и драматизма, но она, как представляется, позволяет глубже понять общественную атмосферу того времени и сопоставить её с нынешней.

При формировании в стране сети стальных коммуникаций видная роль выпала Савве Мамонтову. О его благотворительной деятельности, о необычайно щедром меценатстве написано много и справедливо. И лишь вскользь упоминают, каким образом он зарабатывал “металл жёлтого цвета”, и как в его руках металл из “презренного” становился истинно благородным.

Память об этой легендарной личности ныне составляет предмет нашей национальной гордости. Строитель железных дорог и покровитель национальной культуры происходил из сибирского города Ялutorовска, из купеческой среды. Русское купечество произрастало из глубин народа. Естественно, это были в основном люди православной веры. Торговля была делом прибыльным, но весьма рискованным. Нужно было преодолевать не только огромные пространства, но и территории отнюдь не безопасные. Просторы бескрайние, климат суровый. Надо было уметь ориентироваться в пути и понимать людей иной культуры, находить с ними общий язык. Русские купцы были не только энергичными и расчетливыми, но и физически сильными, выносливыми, находчивыми – отважными путешественниками, и при необходимости, воинами. Традиции устанавливались крепкие, жёсткие. Честное купеческое слово стоило выше бумаг с печатями. Нарушителю договора грозило падение в глазах общественного мнения и отторжение из своей среды.

Отец Саввы Мамонтова одним из первых приобщился к железнодорожному строительству. Мало того, что дело это было новым, так еще и выбором направления он немало удивил окружающих. В 1859 году Мамонтов-старший получил концессию на строительство железнодорожной линии из Москвы в Сергиев Посад. Многим казалось, какую прибыль могут дать перевозки

нищих богомольцев? Но трассу он выбрал неспроста. Мамонтов посадил своих сыновей у окна и заставил считать пеших паломников и седоков на возах, пересекающих городскую заставу. Наблюдения и расчеты вполне оправдались: 66 вёрст рельсового пути, проложенных за полтора года, стали приносить устойчивую прибыль.

Когда в 1875 году купеческий сын Савва Мамонтов затеял строительство Донецкой каменноугольной дороги, протесты понеслись со всех сторон: “Бесполезная затея”. Лесов сколько угодно: топи – не хочу. “Дорога будет бездорожная”. “Не дело”. “Пойдём по пустынным местам”. Но Донецко-Мариупольская дорога оказалась чрезвычайно перспективной, рельсовые сообщения разрасталась по всему югу России. Напомним, что уголь в Петербург долгое время ввозили из Англии.

То же произошло и с Московско-Ярославской дорогой, задавшей направление на Архангельск и Мурманск. Мамонтов упорно прокладывал путь на Север. Скоро дорога Москва – Кострома вошла в строй и стала приносить прибыль, что еще раз доказало правильность расчетов. Чтобы убедить власти в необходимости продолжить дорогу на Мурман, Савва Иванович решил использовать свои, чисто “мамонтовские” средства. На Всероссийской выставке, открывшейся в Нижнем Новгороде в 1896 году, он специально соорудил так называемый “Северный павильон”, чтобы ознакомить и власти, и деловых людей России с огромными возможностями русского Севера. Этот павильон оформили его друзья – художники Коровин и Врубель. Мамонтов мечтал о том, чтобы железные дороги были не только средством перевозки людей и товаров, но и инструментом культуры, средством воспитания общественного вкуса, подъема народного духа и достоинства.

Вместе с Сергеем Витте (чья карьера, как мы уже говорили, начиналась с должности специалиста службы эксплуатации Одесской железной дороги) он едет в Мурманский край для осмотра вероятной трассы дороги и поиска дополнительных аргументов в пользу её прокладки. Когда экспедиция вернулась в Петербург, эти доводы были наконец-то услышаны. Последовало высочайшее решение: дорогу строить сначала до Архангельска, а потом до незамерзающей Екатерининской гавани – строить! И строить её будет Савва Мамонтов!

Строительство началось, хотя критика со стороны коллег и газетных обозревателей не умолкала. Многие вновь принялись утверждать, что эта дорога никаких выгод никому не принесёт, да вдобавок сам проект оказался чрезвычайно трудоёмким. Тем не менее, прокладка пути была благополучно завершена и северная магистраль стала одной из самых протяженных дорог в России. Однако в полную меру значение этой трассы страна смогла оценить только во время Первой мировой войны, которая всё расставила по своим местам.

Раньше российские власти упорно считали “стратегическими” лишь те дороги, которые, по их мнению, могли сыграть важную роль во время войны, которые вели к вероятной линии фронта, обеспечивали подвозку воинских сил, боеприпасов и т. д. Теперь, с началом боевых действий, в полном смысле стратегическими стали две мамонтовских дороги – Северная и Донецкая. Железнодорожные пути, ведущие на Запад, были блокированы линией фронта, и дороги Мамонтова стали для России буквально дорогами жизни, обеспечивая стране выход во внешний мир, торговлю и военные союзнические поставки.

В 1890-х годах Савва решает создать объединение промышленных и транспортных предприятий. Были куплены и арендованы несколько заводов, хотя они были признаны “неисправными”, – нуждались в модернизации и требовали огромных капиталовложений. Уследить за их использованием было очень трудно, и часть средств просто разворовывалась.

Средств становилось всё меньше. В августе 1898 года Мамонтов продал 1650 акций Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги Международному банку и получил специальную ссуду под залог акций и векселей, принадлежащих ему и его родственникам. Это был очень рискованный шаг, который закончился полным крахом Саввы Мамонтова. Савва переводил деньги для объединения и реконструкции заводов со счетов других предприятий, что было уже нарушением закона.

Мамонтов надеялся покрыть расходы путём получения государственной концессии на постройку магистрали Петербург – Вятка; у него были и другие планы прокладки дорог, поддерживаемые Витте. В июне 1899 года Савва не

смог расплатиться с Международным банком и другими кредиторами. Министерство финансов назначило ревизию. По некоторым источникам, ревизия была плодом интриг директора Международного банка А. Ю. Ротштейна и министра юстиции Н. В. Муравьева. В любом случае государство было заинтересовано в получении дороги.

Прокурор Московского окружного суда А. А. Лопухин писал: “То самое министерство финансов, которое в лице его главы, С. Ю. Витте, только что выступило в качестве инициатора в вопросе о предоставлении названному обществу выгодной концессии (на строительство дороги Петербург–Вятка), выступило в лице того же С. Ю. Витте с требованием об отобрании у него этой самой концессии и о принятии мер, которые были сознательно направлены к финансовой гибели и железнодорожного общества, и крупных его акционеров”. Несомненно, С. Ю. Витте, до некоторого момента находившийся в дружеских отношениях с Мамоновым, резко поменял свою позицию.

Савва ещё мог распродать имущество и погасить задолженности, но дело было доведено до суда: сам Мамонов был арестован и посажен в Таганскую тюрьму; его имущество описано. В газетах циркулировали слухи об огромных хищениях средств. Но суть дела заключалась в том, что средства одних предприятий, принадлежавших Мамонову, перебрасывались в другие.

Несмотря на все усилия друзей Мамонова и положительное мнение рабочих его предприятий, Савва несколько месяцев просидел в тюрьме. Обстоятельства дела позволяют сказать, что освобождению Саввы Мамонова сознательно препятствовали, искали сведения о корыстных мотивах нарушений, допущенных Мамоновым, но найти ничего не смогли.

Известный адвокат Фёдор Плевако защищал в суде Савву Мамонова, свидетели говорили о подсудимом только хорошее, а следствие установило, что Савва не присваивал денег. Присяжные оправдали Мамонова единогласно; и зал суда наполнился долго не затихающими аплодисментами. В конце 1900 года, после выхода на свободу Савва Иванович поселился при гончарном заводе “Абрамцево”. До конца жизни он сохранил любовь к искусству и любовь старых друзей.

Долги были погашены. Хотя виновность в растрате не была доказана, Мамонов потерял деньги и репутацию и был уже не способен заниматься предпринимательской деятельностью.

Художник Василий Суриков спросил у Мамонова после суда: “Сколько же у тебя денег отняли?” “Денег–то и не было, – отвечал ему Савва, – деньги под замком грех держать; они работали... И жизнь–то, верно присилась. Вот только дороги... Дороги – явь!”

Имущество Саввы Мамонова было распродано почти полностью. Несколько картин из его собрания приобрели Третьяковская галерея и Русский музей, но многие ценные произведения искусства попали в частные руки и бесследно канули в неизвестности. Железная дорога ушла в государственную собственность по стоимости, значительно ниже рыночной, часть акций досталась другим предпринимателям, в том числе родственникам Витте.

Любопытна реакция российской общественности на эту историю. К банкроту Савве Морозову относились с укором за допущенные ошибки в ведении дел, но, в общем–то, с искренним сожалением и симпатией. Но вот отступничество Сергея Витте, человека, который считался другом Мамонова, неприятно всех поразило. Это было расценено как нарушение этики.

И с той поры точно проклятье нависло над судьбой С. Ю. Витте – этого, без преувеличения, блистательного администратора, экономиста, дипломата. Он был личностью, ярко выделявшейся на фоне довольно серого тогдашнего кабинета министров.

Заслуги Витте перед государством были велики. Он был автором принципов построения железнодорожных тарифов. В конце 1892 года назначен был на пост министра финансов, и вскоре после назначения поднял вопрос о форсировании строительства Транссиба, и его сооружение резко ускорилось. Много внимания уделял созданию образовательной системы, готовившей кадры для промышленности, в частности, открытию новых “коммерческих” учебных заведений. В 1894 году вел переговоры с Германией и заключил выгодный для России 10-летний торговый договор. В том же году избран почетным гражданином Казани за активное участие в строительстве Казанско-Рязанской железной дороги. С 1895 года начал вводить винную монополию,

которая стала одним из важных источников пополнения госбюджета. Провел денежную реформу, в результате Россия на период до 1914 года получила устойчивую валюту, обеспеченную золотом. При активном участии Витте разрабатывалось рабочее законодательство, закон об ограничении рабочего времени на предприятиях, реформа торгово-промышленного налогообложения. Разработал программу реформ, воплощенную в жизнь Петром Столыпиным.

Модернизацию экономики страны С. Ю. Витте связывал с опережающим развитием транспортных коммуникаций. Начав деятельность министром финансов, он принял 29 тыс. верст железных дорог, уйдя же с этого поста, оставил 54 тыс. верст. При его поддержке строились корабли для торгового судоходства по Северному морскому пути, в том числе первый в мире ледокол "Ермак". Именно Витте пригласил Дмитрия Менделеева заведовать Палатой мер и весов, был инициатором открытия новых вузов – 3 политехнических институтов, 73 коммерческих и множества иных учебных заведений.

Заслуги огромные. И, тем не менее, кроме чувств соперничества, зависти, естественных в высших сферах, в отношении Витте появилась настороженность, и все дальнейшие его поступки принимались с подозрением. Иудин грех так и не был ему прощён. Сколько бы успешных дел ни совершал этот организационный и финансовый гений, к его персоне прилипло прозвище "Жульевич".

Оценка, думается, излишне резкая, но изрядная доля справедливости в ней была. В 1896 году Витте провёл успешные переговоры с китайским представителем Ли Хунчжаном, добившись согласия на сооружение КВЖД, что позволило провести дорогу до Владивостока в гораздо более короткие сроки. Стало известно, что успеху переговоров содействовала выдача китайскому сановнику взятки в размере 500 тыс. рублей.

Для России эта авантюра обернулась большой бедой – она спровоцировала войну с Японией. Считалось, что Витте проявил незаурядные дипломатические способности при заключении Портсмутского мира с Японией. За это деяние он был удостоен графского титула. И тут же появилось язвительное прозвище "Граф Полусахалинский" (поскольку половина острова Сахалин была уступлена Японии).

Откуда же, наряду с высокой царской наградой, такая общественная неблагодарность? Вероятно, это было проявлением интуитивного сомнения относительно моральных устоев лукавого царедворца – тень, павшая на него после дела Саввы Мамонтова. Насколько же "мнение народное" было справедливым? Относительно недавно была опубликована секретная переписка Витте с Петербургом во время Портсмутских переговоров. В телеграммах, направленных в МИД, главный переговорщик 5 августа 1905 года неоднократно настаивал на том, что целесообразно отдать Японии весь Сахалин. Николай II в данном случае проявил редкую для него твёрдость: "Его императорское величество не изволил согласиться..." И Витте выполнил приказ.

Это беспринципное лавирование роковым образом отразилось и на событиях 9 января 1905 года. У Сергея Юльевича, вхожего в императорскую семью, была реальная возможность предотвратить "Кровавое воскресенье" и, возможно, даже последовавшую за ним первую русскую революцию. Накануне, вечером 8 января к нему обратилась депутация во главе с писателем Максимом Горьким. Позднее петербургский чиновник И. И. Колышко, хорошо знавший Витте, писал, что тому ничего не стоило явиться к императору с экстренным докладом, объяснить ему серьёзность положения и убедить принять меры для предотвращения кровопролития. Но он этого не сделал. В газетах писали, что Витте предпочёл "умыть руки".

Не слишком щепетильный, не особенно разборчивый в средствах для достижения цели, он руководил подавлением революции 1905 года, организовывал "эзекуционные поезда". И по его же инициативе был составлен Манифест 17 октября, даровавший основные гражданские свободы и введший институт народного представительства – Государственную думу.

В 90-е годы XX века, наполненные противоречиями, деятельность таких незаурядных личностей, как Савва Мамонтов и Сергей Витте, воспринималась чрезвычайно актуальной. Размышления над их судьбами помогали выбрать правильный жизненный путь, избежать коварных соблазнов и ловушек. К сожалению, многие в качестве морального кредо приняли предельно циничную формулу, типа: "Ничего личного, только бизнес". Кладбища украсились рядами

вызывающе дорогих надмогильных памятников чёрного мрамора – в основном погибших “за металл жёлтого цвета” молодых нуворишей и “братков”. Заслуги же в области созидания не ставились ни в грош.

В своё время великий писатель, офицер-артиллерист поручик Лев Николаевич Толстой дал совет – как оставаться человеком в самых противоестественных обстоятельствах. Русский гений настойчиво повторял французскую поговорку: *Fais ce que tu dois, et advienne qui pourra* (“Делай, что должно, и пусть будет, что будет”).

Читатель скажет: ну, про светлейшего князя Михаила Хилкова, про графа Сергея Витте, про Савву Мамонтова, ещё при жизни названного Великолепным, – это всё истории давние, обросшие легендами. К тому же высокий социальный статус открывал перед ними необозримый простор для выбора пути. Что ж, назовём примеры и поближе.

Ярославский расторопный мужик

В когорте людей, которыми гордится Отечество, есть человек, величие которого (без всяких скидок на эмоции, пристрастность и прочее) признано на международном уровне, среди мировых профессионалов, по самому что ни на есть “гамбургскому счёту”. Почти 29 лет (с 1948 по 1977 год) железнодорожной отрасли СССР бесценно руководил Борис Павлович Бещев. Достаточно вспомнить оценку, которую дал ему “философ железных рельсов” (так его прозвали коллеги), Почетный генеральный секретарь Международного союза железных дорог господин де Фонгаллан. Так, в своей статье, опубликованной в выходящем на пяти языках международном журнале “В мире науки”, он назвал трех, по его мнению, истинно “великих железнодорожников”. Это Луи Арманд, Б. П. Бещев, Хидео Шима.

А великие они потому, что, как пишет автор, “их деятельность способствовала прогрессу мировой железнодорожной системы. Мы воздаем должное французскому специалисту за внедрение современных средств автоматизации на железных дорогах, советскому – за привнесение в эту область интернационализма и японскому – за введение новых стандартов на средства технического оснащения и обслуживание на железных дорогах”.

В период деятельности Бещева осуществлена крупномасштабная реконструкция советского железнодорожного транспорта, перевод железных дорог с паровозной на тепловозную, а затем на электрическую тягу. При Бещеве осуществлена замена устаревших рельсов Р-43 на тяжёлые Р-65 и Р-75 с железобетонными шпалами, ручные стрелки заменены на диспетчерскую электроцентрализацию, внедрены автоблокировка, маршрутизация перевозок, впервые в стране запущены тяжеловесные и сдвоенные грузовые поезда. Под началом Бещева построено 23,5 тысячи км новых главных путей, а вместе со вторыми и третьими путями – более 40 тысяч км.

С 1956 года впервые в СССР началась укладка бесстыкового пути. В ходе коренной реорганизации второй половины 1950-х годов ранее существовавшие 56 железных дорог СССР преобразованы в 26 крупных магистралей. Союзная сеть железных дорог впервые начала развиваться по комплексному плану. При министре МПС Бещеве проведены проектно-изыскательские работы и начата реконструкция БАМа. В период его руководства отраслью грузооборот железнодорожного транспорта в Советском Союзе вырос в 8 раз.

Позволим себе тут маленькое отступление. В современных условиях нашему читателю может показаться, что выражение “дух интернационализма” имеет какой-то политический оттенок и потому-де не очень актуально. Но это как раз неверно, и в эпоху глобализации у “железнодорожного интернационализма” (а речь-то идет именно о нем) – огромное будущее. И потому творческое наследие Бещева, если так можно сказать, в высшей степени злободневно. Это то, о чем надо нам думать, то, что развивать, – по-нашему, в наших, российских интересах.

Словом, далеко смотрел наш министр, и потому он воистину велик не только и не столько как железнодорожник, но и как государственный деятель. Впрочем, по нашему глубокому убеждению, иным настоящим русский железнодорожник быть и не может: положение, статус “государева человека” обязывает.

Борис Бещев родился в селе Великое Ярославской губернии в семье рабочего-текстильщика. Рано осиротел и воспитывался в семье старшего брата.

В 1919 году его семья переезжает в Поволжье, и там юный Бещев начинает свой рабочий путь – в 16 лет поступает на железнодорожную станцию Батраки (ныне город Октябрьск Куйбышевской дороги) учеником телеграфиста и работает телеграфистом до поступления в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, который окончивает с отличием по специальности “инженер путей сообщения по эксплуатации железных дорог”.

И вот он инженер станции Ховрино Октябрьской железной дороги, заместитель начальника станции, старший ревизор-диспетчер по дорогам Центра. В возрасте 34 лет становится начальником Орджоникидзевской железной дороги. И руководит успешно: там он получил свой первый орден Ленина (а всего их у него за всю его жизнь будет семь). Вскоре в НКПС уже знают, кого назначать на особо ответственные должности, туда, где трудно – “расширять” “узкие места”, “решать тяжёлые вопросы”, – Бещева, он справится. Во время войны с Финляндией Октябрьская железная дорога оказалась неготовой, и он налаживает там военные перевозки.

Началась Отечественная война, и для оперативного решения новых задач ГКО (Государственный комитет обороны) вводит должности уполномоченных НКПС. Бещев становится таким уполномоченным – сначала по Северному, а потом по Ленинградскому фронту, где сложилась особо критическая обстановка. Возникли затруднения на Куйбышевской дороге – его назначают начальником магистрали. В конце войны, уже в ранге заместителя наркома путей сообщения СССР, Бещев проводит сложнейшую операцию переброски наших войск на Дальний Восток. Затем приступила пора восстановления разрушенного войной железнодорожного хозяйства. И “расторопный ярославский мужик” с опережением сроков уже в 1948 году “снарядил и собрал” ходовую часть будущей российской птицы-тройки, добился восстановления довоенного уровня перевозок. В том же году его назначают на пост министра путей сообщения СССР.

Холодное дыхание “оттепели”

Реконструкция железнодорожного хозяйства началась с усиления верхнего строения пути: несмотря на все трудности (нехватку металла, финансирования и т. д.), на половине всего пути в самой грузонапряжённой ее части были уложены рельсы тяжелого типа, началась укладка бесстыкового пути. В 1956 году было принято принципиальное решение отказаться от использования паровозов и перевести всю отрасль на тепловозную и электрическую тягу.

Изменился и вагонный парк: двухосные деревянные “коробочки” грузоподъемностью до 18 тонн уступили место четырехосным вагонам в 60–80 тонн, а затем шестиосным и восьмиосным. Начались работы по оборудованию железных дорог автоматической блокировкой, диспетчерской централизацией, в 1950–е годы задумывались многие планы, которые были реализованы позднее и дали блестящие результаты...

Именно благодаря Б. П. Бещеву, его личным усилиям, авторитету отрасли смогла выстоять в эпоху Хрущева, когда он особенно увлекся своим “перехват-залихватским” реформаторством, всякого рода разукрупнением и разделением – от “сельских обкомов” и “городских” до упразднения некоторых министерств. История, как известно, повторяется, вот и тогда, в самую что ни на есть “оттепель”, наступило для МПС “холодное время”.

Да, вот такой парадокс – “оттепель”, но для профессионалов разных отраслей это было нелегкое время, когда жесткая “вертикаль власти” обернулась, как в дурной сказке-пародии, кривым кукурузным початком дилетантизма или пресловутого “волюнтаризма” – диктатурой любительщины и верхоглядства. И в это время Б. П. Бещеву пришлось выдержать не одну баталию с властным невежеством, закусившим удила.

Сталин ценил железнодорожников, поощрял их труд? А мы вот сделаем наоборот, так сказать, назло Кагановичу, “железному наркому железных магистралей”. И вот по инициативе Хрущева отменяют все льготы, которые были установлены железнодорожникам в годы Великой Отечественной: надбавка за выслугу лет (до 25 процентов), награды орденами, персональные звания в транспорте... И даже железнодорожную форму отменили, как пережиток, надо полагать, культа личности. В конце концов, Хрущев повел дело к упразднению МПС, к “самостоятельности” ее элементов.

Бещев так говорил об этих наскоках (по воспоминанию современника): “Хрущев все время грозил мне кулаком, что, как только завершит ликвидацию министерств, он возьмется за МПС. Я, говорил он, вашу центроупию ликвидирую и создам в каждой республике Комитеты по железнодорожному транспорту, а в Москве будет не МПС, а Госкомитет по транспорту”. Знакомая идея, не правда ли?

Как министру защитить отрасль? Говорить о требованиях профессии, специфике Дела? Такие разговоры лишь еще больше раздражают дилетантов. Говорить о национальных интересах, об интересах государства? Так само словосочетание — “национальный интерес” — в то время было под запретом. Напротив, делалось все, чтобы показать, что таких интересов у нас нет и быть не должно, и потому “наш дорогой Никита Сергеевич” (так дорого нам всем обошедшийся) делает, например, подарок “широй Украине” — дарит ей русский Крым.

К каким тут аргументам, какому авторитету надо бы обратиться нашему министру? И Бещев нашелся, ответил так, что первый секретарь ЦК КПСС вынужден был его услышать. Министр заявил: “Если вы, Никита Сергеевич, нарушите ленинское указание об экстерриториальности железных дорог в стране и о централизованном управлении их работой, тогда увольняйте меня с поста министра, так как я не могу отвечать перед правительством за работу железных дорог, не имея права управлять ими”. Против такого аргумента Хрущев устоять не мог, отступился, скорее всего, до подходящего случая. Как оказалось, до ельцинского горе-реформаторства. История, как видим, повторяется.

А ведь МПС — это, если угодно, один из центров неформальной власти в стране, власти, распространяющейся на всю территорию государства, власти, от которой зависит сама его жизнь. Выше мы уже упоминали и цитировали международный журнал “В мире науки”. Теперь хочется привести здесь другую мысль того же автора. Он пишет: “Кто стоит во главе национальной транспортной системы, занимает один из ключевых постов в своей стране... Эта должность самая почетная из всех, какую может занять административный работник в сфере общественных услуг. Она предоставляет широчайшее поле для полезной деятельности на благо человечества”.

Транспортная власть особая — она изначально, априорно позитивна, и всякий, даже мало-мальски профессиональный управленец здесь, уже в силу должного исполнения своих профессиональных обязанностей, есть очень привлекательная, именно позитивная политическая фигура, которая не может не пользоваться уважением со стороны всего общества.

После войны в СССР было 56 железных дорог. Сейчас бы кто-то сказал, что это-де благо: ближе к людям, к клиентам, подальше от ужасного “монопольизма” и “зацентрализованности”. А почему, собственно, благо? Бещев требовал эффективной управляемости, а ее “самостийные” дороги обеспечить не могли — слишком много согласований, промежуточных звеньев, слишком много административного персонала. И добился: убрал лишние “стыки”, укрупнил дороги почти вдвое — на основе 56 дорог оставил 32, и управляемость (сиречь эффективность) всей союзной сети стала еще большей.

Очень хотелось бы, чтобы ко всем нашим новациям и переменам мы подходили с тем бещевским критерием, который он выверил и отработал за свои почти три десятка министерских лет. Критерий этот известен — “нужно соблюдать принцип управляемости”.

В августе 2016 года, накануне Дня железнодорожника, на главном здании ОАО “РЖД” в Москве была торжественно открыта мемориальная доска в честь Героя Социалистического Труда Б. П. Бещева. Думается, если сможем мы поднять на новый уровень эффективность отрасли, — это и будет Борису Павловичу самым лучшим памятником, знаком того, что мы его помним и следуем его заветам. А значит, делаем все, чтобы крепла и держава наша, и наша отрасль — ее надежда и опора.

Борис Павлович был не столько железнодорожником, сколько именно выдающимся государственным деятелем, государственным человеком, выдающимся руководителем-патриотом. Мы слышим, как много сегодня говорится, что “нам нужны руководители-профессионалы”, “профессионалы-менеджеры” и т. д. И многие “топ-менеджеры”, совсем не смущаясь, так о себе и говорят: “мы, профессионалы...” Только вот незадача: очень странный это профессионализм получается, когда данный профессионал профессионально богатеет, а его предприятие и страна в целом беднеют.

Потому нам очень важен бещевский профессионализм, на который именно сейчас необходимо равняться – и в большом, общегосударственном смысле, и в “малом”, сугубо отраслевом. Ведь что характерно: даром что Б. П. Бещев – первый в советское время профессионал-железнодорожник, ставший министром. Он никогда не руководствовался узковедомственным интересом (его для него просто не существовало), а ставил во главу угла прежде всего общегосударственный интерес. И такие, казалось бы, сугубо внутренние новации в отношении путевых обходчиков, старших и главных кондукторов для грузовых поездов и т. д., были им внедрены в жизнь именно в силу их общегосударственной целесообразности. И не было у Б. П. Бещева никакого пресловутого противоречия между интересами отрасли и государства.

Например, была у Бориса Павловича фраза-девиз, который бы и нам всем надо взять на вооружение. Он любил повторять: “Нужно соблюдать принцип управляемости”. И этот принцип прекраснейшим образом дает ответ, когда надо дробить единое на части, а когда, наоборот – сливать некие элементы в единую систему.

Проблема-то ведь очень актуальная, не правда ли?

“И ваше железо превратится в золото”

Такое несколько перефразированное высказывание принадлежит герою популярного кинофильма “Подвиг разведчика”, соблазнявшему семейный клан новоявленных колонизаторов заняться исключительно прибыльным бизнесом на оккупированной части территории СССР. Правда, речь там шла о заготовке украинской щетины, хотя мотивы совершенно идентичны. Но, если разговоры об ожидаемой чудесной метаморфозе щетины наполнен скрытым сарказмом, то о железе этого не скажешь. Здесь мы наблюдаем процесс превращения вполне реальный, причём безо всякой алхимии.

Вопрос о реформировании “естественного монополиста” – МПС России встал в полный рост в начале 90-х, и градус полемики сразу поднялся до критической отметки. Помимо серьёзной аргументации были наворожены горы мусорного “плюрализма” и намеренных фальсификаций.

Вещи познаются путём сравнения, и для людей, способных просчитывать физическую основу явлений, многое тайное становится явным. Ведь в чём состоит преимущество железной дороги перед другими видами сухопутного транспорта? Главным образом в низких затратах энергии на перемещение груза.

Тут был бы полезен маленький ликбез для непосвящённых. К примеру, такая немудрёная задачка. Сколько стоит перевезти 1 тонну груза на 100 километров по железной дороге? И во что это удовольствие обойдётся, если воспользоваться автотранспортом? Так вот, на электрифицированной магистрали потребуется менее 1 киловатт-часа (подсчитано: на Транссибе это в среднем 0,94 квт/ч). Этого достаточно, чтобы, скажем, брюки погладить. Умножьте на тариф, и при расчёте до бумажной купюры не дотянет – хватит и мелочи. А на автомобиле? Разница получается в 150–200 раз! А если не на 100, а на 1000 километров, на 10000? Чем длиннее прогон, чем крупнее масштабы перевозок, тем весомее реальная экономия. Вы скажете: да это же просто золотая река!.. “Железка” превращается в золото.

Но если это так, то где же деньги? И почему, например, автоперевозки всё чаще становились более предпочтительными?

Даже не беря в расчёт колоссальные вложения в создание стальной магистрали, надо учесть погрузку-разгрузку, прогон порожняка, возможность доставки “от двери до двери”, затраты на содержание инфраструктуры, подготовку подвижного состава, обучение персонала и т. д. и т. п. Так что грандиозные железнодорожные преимущества могут раствориться совершенно бесследно, если действия будут дурно согласованы. Всё это вместе и называется наукой или, если хотите, искусством организации перевозок. Ну, а глупому сыну не в помощь богатство, – давно замечено.

МПС–НКПС–РЖД

Распад СССР и последовавшая затем деградация экономики непосредственным образом сказались на железных дорогах России. В 90-е годы практически не строилось новых железных дорог, ухудшилось состояние вокзалов,

подвижного состава, – в особенности пригородных поездов и поездов дальнего следования.

Правопреемником МПС СССР в части железнодорожной сети, находящейся на территории России, стало МПС РФ. Финансовая политика отрасли по-прежнему держалась на трех китах: первый – сверхприбыльный грузовой, второй – весьма убыточный пригородный транспорт, и третий – удерживающийся на плаву за счет регулирования стоимости билетов междугородный, комфортный дальнего следования. В этой схеме убыточные (они же наиболее социально значимые) выживали за счёт перекрёстного финансирования – покрытия убытков из прибыли товарной отрасли и лишь отчасти из региональных бюджетов.

Процесс превращения железа в золото (в твёрдую валюту) волновал не только российских нуворишей – владельцев “заводов, газет, пароходов”. Ещё в середине XX века многим на Западе стало казаться, что железнодорожный бизнес клонится к закату. Однако конец столетия ознаменовался возрождением железнодорожных перевозок в Европе, Азии, Америке. Причиной стали не только конкурентные преимущества при трансконтинентальных перевозках, но и экологическая чистота. По этому важнейшему показателю стальные магистрали также значительно обошли автомобильный транспорт. Во всех ведущих странах мира железные дороги не только присутствуют, но и принимают на себя большую нагрузку по перемещению пассажиров и грузов. И, конечно, этот вид транспорта остаётся наиболее эффективным на дальних маршрутах.

С 90-х годов в мире началось широкое разгосударствление железных дорог. Упорно продвигалась идея ускоренного выделения и приватизации предприятий, выполняющих основные функции перевозочного процесса. Под самыми разными предложениями предлагалось перекинуть на плечи государства (налогоплательщиков) заведомо убыточные пригородные и внутрирегиональные пассажирские перевозки, а также малодействующие линии. Смысл понятен, хотя ясно было и то, что подобная нагрузка станет непосильной для местных бюджетов и вовсе разорительной для тех регионов, где не существовало иной развитой сети путей сообщения. Города и районы оказывались под угрозой глубокой экономической и социальной катастрофы.

Вопрос делёжки (кому “вершки”, а кому “корешки”) всегда решался болезненно. Государственные структуры по природе своей неповоротливы и подвержены заболеваниям, ярко описанным в “законах Паркинсона”. Частные же фирмы, увы, отличаются склонностью к безудержному рвачеству, – тут с Марксом не поспоришь, и требуются безотказные механизмы “сдержек и противовесов”.

Большинство развитых стран мира начинали процессы реструктуризации и приватизации значительно раньше нас и уже накопили обширный опыт проб и ошибок. Результаты неоднозначны, отсюда и авантюрные проекты, и возвраты к предыдущим формам управления. Вопрос о приватизации напоминает качание маятника по амплитуде: национализация – денационализация и обратно. Однозначных решений и “правильных” моделей функционирования рынка железнодорожных услуг пока нет, и, похоже, в ближайшее время мы их от теоретиков не дождёмся. Очевидно, именно поэтому на первый план выходят определение роли, места, значения, специфика железнодорожного транспорта в каждой стране.

На родине изобретателя паровоза Джорджа Стефенсона железные дороги были национализированы после Второй мировой войны. В середине 1990-х годов была произведена их денационализация с образованием более ста частных компаний. Однако результаты приватизации и разделения видов деятельности не принесли ощутимых финансовых успехов. Германские железные дороги (Deutsche Bahn Holding AG) являются основным оператором на железнодорожном транспорте страны. Инфраструктура остаётся в руках государства, а частные сети принадлежат собственникам только до стыков с магистральными дорогами. В Мексике железные дороги до середины 90-х годов были государственными. Потом их отдали в концессию семи компаниям. Тарифы согласовываются с государством. Но пригородное пассажирское сообщение было практически потеряно. Большинство железных дорог Бразилии принадлежит либо правительству, либо отдельным штатам, и только несколькими из них владеют частные лица. Государственные железные дороги Индии в 1951–52 годах были реорганизованы с образованием семи крупных дорог и нескольких небольших частных. В Китае до 1949 года все железные дороги

принадлежали частным компаниям, в основном иностранным. После образования Китайской Народной Республики они были национализированы.

Европейским Союзом 1 января 1993 года была введена в действие некая специальная директива ЕС 91/440, предлагающая странам-участницам ЕС осуществить комплекс мер, включающих: разделение функций владения инфраструктурой и организации перевозочной работы; отделение пассажирских перевозок от грузовых с организацией самостоятельных компаний по перевозкам дальних и пригородных пассажиров; выделение отдельных функций в самостоятельные предприятия с их приватизацией и прочее.

Директива – директивой, но даже при частных железных дорогах государства участвуют в управлении, помогая решать финансовые проблемы и регулируя тарифную политику. Это связано с огромной общенациональной ролью железнодорожного транспорта практически во всех странах. Далеко не все страны ЕС выполнили требования ЕС 91/440 в полном объеме. Многие, разделив указанные виды деятельности, этим и ограничились.

Что уж говорить о России с ее гигантскими расстояниями и сухопутьем, где реки на полгода закрыты льдом и железнодорожные сообщения традиционно главные, зачастую безальтернативные, где к ломке системы надо подходить, что называется, без фанатизма, – с чрезвычайной осмотрительностью. Само расположение страны на карте мира обязывает иметь надежные и доступные коммуникационные системы, предлагать европейским и азиатским партнёрам транзитные коридоры. И эту роль может сыграть только все-сезонный железнодорожный транспорт. Навязываемая России североамериканская модель приватизации железнодорожной инфраструктуры, передача инфраструктуры в частные руки могла привести к экономическому и социальному коллапсу. Между тем, Международный валютный фонд выдвинул целый набор требований, при выполнении которых он согласен был дать России кредит. Среди этих требований было сокращение вдвое числа высших учебных заведений, увеличение пенсионного возраста, приватизация (акционирование) железнодорожного транспорта.

На капитанской вахте

В период всеобщей нестабильности России особенно нужна была надёжная опора. Стальные магистрали России должны были выиграть время. И они держались стойко, функционировали бесперебойно. Рассказывают, что Геннадий Матвеевич Фадеев, как позднее его стали называть – дважды министр путей сообщения, чтобы осадить чересчур ретивых реформаторов, привёл президенту Ельцину убедительный аргумент: “Дайте приказ, и через десять минут все поезда пойдут в противоположном направлении; и только потом люди спросят – зачем”. Это произвело впечатление, и от “естественного монополиста” отступились. На время.

В кругу транспортников Геннадий Фадеев – личность, мало сказать, авторитетная – легендарная. На его долю выпал чрезвычайно трудный период, потребовавший от руководителя не только всесторонней эрудиции, но и стальной выдержки. К высокому министерскому посту Фадеев поднимался по служебным ступенькам, не перепрыгивая через одну или две. Окончив в 1961 году с отличием Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта, он принял дежурство по путям на станции Тайшет, поднялся до маневрового диспетчера, дежурного по станции и далее, преодолев ещё восемь ступеней, стал начальником железных дорог Красноярской, затем Октябрьской и, наконец, возглавил отрасль. Предлагаемый вариант реформы он считал сырым, заёмным и совершенно не адаптированным к российским условиям.

Летом 1996 года Б. Ельцин отправил в отставку вице-премьера правительства Олега Сосковца, вслед за ним пришла очередь Геннадия Фадеева. Как ни бегали вокруг министерства порученцы Бориса Березовского, ельцинской команде нечего было предъявить Фадееву в качестве обвинения. Его высокий профессионализм, эффективность работы сети, честность, добросовестность не вызывали ни малейшего сомнения. “Шоковые терапевты” просто убрали его как досадную помеху. В марте 1999 года Фадеева назначили начальником Московской железной дороги, и это решение тоже было далеко не случайным.

Тугой Московский узел

На столичную магистраль всегда направляли сильные кадры. Во-первых, здесь самые большие в стране, нескончаемые днём и ночью потоки пассажиров — дальних и пригородных, миллионы людей. Малейший сбой подобен массовому бедствию. Во-вторых (а для тех, кто понимает, может быть, во-первых): постоянно над головой (в шаговой доступности) непосредственное отраслевое, а чуть дальше и федеральное руководство. Чести много, но надо представлять одновременно во многих ипостасях: и администратором, и инженером, и дипломатом.

На карте главных путей сообщения России Московская железная дорога предстаёт в виде лучей, скреплённых кольцами. Сразу понятно, что это есть сердцевина транспортной инфраструктуры государства. В зоне непосредственного влияния магистрали оказался крупнейший регион. МЖД охватывает территории Московской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Брянской, а также часть территорий Владимирской, Липецкой, Пензенской областей и Мордовии. Лишь одна линия, связывающая Москву и Санкт-Петербург, остаётся в административном подчинении Октябрьской (бывшей Николаевской) железной дороги. Ну, уж такова традиция.

Железнодорожники столичной магистрали внесли весомый вклад в индустриализацию страны, в реконструкцию и модернизацию железнодорожного транспорта. Здесь жива память об инициаторах многих полезных начинаний (увеличение пробега локомотива за счёт форсировки котла паровоза, метод кольцевой езды, вождение тяжеловесных составов и др.). Во время Великой Отечественной войны московские железнодорожники оказали фронту неоценимую помощь.

Столичная магистраль непрерывно формировала потоки, задавала не только расчётное время, но и ритм движению многочисленных поездов, надёжно связывая Сибирь и Дальний Восток с регионами Центра, Запада, Севера, Юга России, со странами СНГ и Европы. МЖД и сегодня удерживает первое место на сети дорог страны по пассажирским перевозкам, ежегодно доставляя к месту назначения почти половину пассажиров, перевозимых всем железнодорожных транспортом России.

Два десятка лет, с 1979 по 1999 годы, Московской железной дорогой руководил Иван Леонтьевич Паристый, человек, пользовавшийся огромным авторитетом, как у железнодорожников, так и среди столичной общественности. При нём были успешно проведены в жизнь масштабные проекты — завершено строительство Большого окружного кольца, внедрена уникальная для тех лет технология вождения большегрузных поездов, введены в строй сортировочные станции Орехово-Зуево и Бекасово-Сортировочная, реконструированы с восстановлением исторического архитектурного облика прекрасные столичные вокзалы.

Представительный, энергичный мужчина, и, как могло показаться на первый взгляд, типичный коренной житель столицы. Все, кому довелось трудиться рядом, знали начальника дороги как профессионала высокого класса. Жёстко требовательный не только к подчинённым, но и к себе, Паристый был по натуре человеком справедливым и доброжелательным. Московские железнодорожники за глаза называли его уважительно — “Большой Иван” не только за высокий рост и ответственный пост — он был по жизни действительно большим человеком.

Сегодня мало кто вспоминает о том, что “Большой Иван” — Иван Леонтьевич — один из тех, кто спасал трассу Малого железнодорожного кольца. Ведь в 90-х некоторые горячие головы для развязывания пробок предлагали просто заменить рельсы асфальтом. Автомобили проглотили бы эти площади, как говорится, не жуя, а проблема реального перемещения жителей мегаполиса осталась бы по-прежнему острой. Московское центральное кольцо сегодня становится важнейшей частью общественного городского пассажирского транспорта.

Под руководством Ивана Паристого и во много благодаря его инициативе, прямо-таки с сыновней бережностью была проведена реконструкция старых столичных вокзалов. За выдающиеся заслуги в организации работы железной дороги, существенный личный вклад в строительство и восстановление исторического облика московских железнодорожных вокзалов, большую общественную деятельность И. Л. Паристому присвоили звание “Почётный гражданин города Москвы”. Руководитель столичной магистрали был удостоен столь

высокой части одним из первых после восстановления этого звания. Заметим, что одновременно с Иваном Паристым оно было присуждено таким выдающимся людям нашего времени, как балерина Галина Уланова, композитор Георгий Свиридов, хирург Валерий Шумаков.

Имя бывшего начальника дороги носят скорый фирменный поезд Москва–Брянск, Брянский железнодорожный колледж, сквер в Брянске. “Иван Паристый” это, по отзывам многих пассажиров – лучший ночной поезд. Средняя его скорость – 120 км/ч. С Киевского вокзала он отходит около полуночи, а прибывает в Брянск к 6 утра. В Москве на территории дорожной клинической больницы установлен бюст Ивана Леонтьевича, многое сделавшего для железнодорожного здравоохранения.

Принявшему из его рук пост начальника Московской железной дороги Геннадию Фадееву, администратору высочайшего уровня, была хорошо известна обстановка на магистрали. Перед коллективом он поставил новые, ещё более масштабные задачи. Важнейшим направлением стала активизация работы по созданию на территории МЖД Регионального центра диспетчерского управления перевозками, который сделался главным полигоном для отработки новейших систем управления всей железнодорожной сетью России.

Те, кому доводилось работать с Фадеевым в тесном контакте, встречаясь с ним в деловой или обыденной обстановке или в бесчисленных поездках по сети дорог, искренне удивлялись широте интересов “первого путейца России”, его кругозору, выходящему далеко за рамки его организационных и технических интересов. Его речь на официальных совещаниях или в дружеских беседах всегда отличается яркой образностью и афористичностью. Впрочем, об этом даёт яркое представление и книга Г. М. Фадеева “Судьба моя – железная дорога”, изложенная в литературной записи Т. Л. Пашковой. В этой книге имена многих великих людей, которые имели к железной дороге “пассажирское отношение”, а некоторые даже представить не могли будущее этого детища прогресса: А. М. Горький, Клод Леви-Стросс, Наполеон, Сергей Есенин, Борис Пастернак, Вольтер, Гай Юлий Цезарь, Никколо Макиавелли, Владимир Маяковский...

Мы уже привыкли к тому, что посещение толстовской Ясной Поляны начинается с железнодорожного полустанка. Если во времена Льва Николаевича остановка “Козлова Засека” вызывала гораздо больший интерес публики, то с десятилетиями станция обрела характер объекта чисто функционального, к тому же не самого значительного в смысле объёмов перевозок, а потому постепенно обрела вид заштатный, даже запущенный.

Геннадий Матвеевич, осуществляя инспекторскую проверку тульского направления своей дороги, решил, что эту историческую несправедливость следует исправить. Станцию восстановили такой, как она выглядела во времена, когда здесь бывал Лев Николаевич, какой была буфетная комната, и тот колодец, из которого Толстой иногда зачерпывал водицы. Он приходил сюда, чтобы встретить гостей, позвонить по телефону... Всё воссоздано, как при жизни великого писателя, властителем дум как Старого, так и Нового Света. Только рельсы теперь сверкают серебром – мощные, современные, идеальной прямизны. Но уж от этого никуда не уйти – дорога активно действующая; она живая.

Миллениум пройден; жизнь продолжается

Между тем страна неудержимо сползала к пропасти, к экономическому кризису, чреватому социальным взрывом, к новому этапу развала территории. Не удивительно, что состоявшееся 9 августа 1999 года назначение Владимира Владимировича Путина исполняющим обязанности премьера, а уже 16 августа утверждение его же Председателем Правительства Российской Федерации породило в обществе надежду на улучшение ситуации.

Новый, XXI век застал Московскую магистраль на стадии коренной модернизации на базе передовых технологий, в процессе важнейших экономических и организационных преобразований. Геннадия Фадеева вновь пригласили возглавить штаб отрасли. Ему и поручили провести первые этапы реформы отрасли.

В рамках программы разделения регулирующих и хозяйствующих функций МПС РФ все основные активы последнего были переданы во вновь созданное ОАО “РЖД”. МПС, просуществовав ещё непродолжительное время,

было упразднено, а оставшийся персонал перешёл в Министерство транспорта РФ. При этом все 100% акций ОАО РЖД стали принадлежать государству без права их отчуждения иным лицам. Если оценивать реструктуризацию Российских железных дорог, то формальное разделение функций было произведено, по крайней мере, на первом этапе, без ущерба для сохранения технологического, экономического и финансового единства железнодорожной отрасли.

Наши соседи по Таможенному союзу – Белоруссия и Казахстан – при некоторых различиях в подходах к реформированию железнодорожной отрасли, реализуют экономическую политику, не противоречащую глобальным принципам реформ, проводимым на железнодорожном транспорте нашей страны. Хотя по ходу реформирования произошло еще немало драматических событий. По-видимому, степень зрелости принятого варианта перестройки была переоценена, равно как и способность “невидимой руки рынка” автоматически регулировать процессы.

Российская экономика отползала от края пропасти, прежде всего, за счет экспорта. Что касается перевозки массовых грузов – угля, леса, удобрений, зерна, минеральных удобрений – этот механизм был более или менее налажен; требовались лишь упорство и труд. Но вот курс на развитие транзита, прежде всего международных контейнерных перевозок, давался через силу, с ужасным скрипом. Ведь мало перевезти контейнер быстро; требуется доставить его точно в назначенный срок – не позже, и не раньше. Позже – штраф; раньше – плати за хранение. А ещё владелец волнуется: “Где в сию минуту находится мой контейнер?” Необходимо было установить четкий порядок и контроль в реальном масштабе времени на всём протяжении транспортной цепочки от Тихого океана до Балтики. А какой может быть порядок, какой контроль возможен на восьми часовых поясах без устойчивой связи?

До воплощения в жизнь принципа Just In Time (точно в срок) было далеко. Но сама по себе логистическая концепция JIT, разработанная японцами еще в 50-х годах, была очень соблазнительной. Так расписать и организовать движение материальных потоков, чтобы все они поступали в необходимом количестве, в нужное место и точно к назначенному сроку для производства и реализации готовой продукции. Тогда страховые запасы станут не нужны, что является одним из основных принципов бережливого производства.

По-русски это называется “работа с колёс”. На предприятиях России немало предприятий, которые в разной степени успешно внедряют у себя JIT – КамАЗ, АвтоВАЗ, “Уралсвязьинформ”, компания “Евросиб-Логистика”, доставляющая трубы большого диаметра. Но риск при работе “с колёс” в России очень высок. Требуются изменения не только в технике, но и в способе мышления всего персонала, воспитания высокой корпоративной культуры, духа сотрудничества. И важнейшим элементом синхронизации всех процессов, безусловно, является информационная поддержка, оперативный обмен информацией.

Конечно, наши труженики-связисты предпринимали отчаянные усилия для обеспечения потребностей транспорта, для борьбы с возникавшими в “шнурах” перебоями, помехами. Измученные запросами и упрёками, они, заработавшись, даже прославились своей инициативой под лозунгом, брошенным в массы простодушно, безо всякой задней мысли: “За связь без брака!”. Но на голом энтузиазме, без современной техники такую важную проблему нельзя было решить.

Международный Координационный совет по транссибирским перевозкам (КСТСП), состоявшийся в Вене в 2004 году, в основном и был посвящён обсуждению вопроса о создании телекоммуникационной магистрали на направлении Находка–Москва–Минск–Варшава–Берлин, а также на Финляндию, Монголию и Китай с целью информационного обеспечения контейнерных перевозок по Транссибирскому маршруту.

Проблема состояла в том, что у нас не было единой информационной системы транспортного комплекса. А без нее эффективность использования подвижного состава на железных дорогах и грузовых терминалов в морских портах оставалась невысокой. Из-за этого нередко простои вагонов в ожидании разгрузки, а порой, наоборот, не загружены морские терминалы из-за несвоевременного поступления грузов по железным дорогам. Создание единого информационного пространства позволит ликвидировать эти помехи на пути экспортных грузопотоков. Чтобы привлечь дополнительные грузы на самую

протяженную в мире Транссибирскую магистраль, необходимо организовать слежение за вагонами по всему маршруту их следования. А дальше надо решать более сложную задачу – информировать клиентов о продвижении грузов с учетом того, что в их доставке по схеме “от двери до двери” нередко участвует несколько видов транспорта.

Для решения данной задачи была задействована трансконтинентальная кооперация: “Компания ТрансТелеКом” – Монгольская железная дорога – китайский оператор “Чайна Уником”. Уже за первые три месяца эксплуатации объединенной трансконтинентальной сети на ее основе было запущено около 20 пилотных проектов, а затем к промышленной эксплуатации сети приступили четыре крупных клиента компании. Появилась возможность предоставить современные услуги связи не только железнодорожным предприятиям России, Монголии и Китая, но и другим транспортным организациям.

Если Трансисб сумеет обеспечить стабильный транзит в 10 суток по железной дороге (вместо месяца на судне) – это было бы великим достижением. Всеобщее одобрение вызвало создание совместного предприятия “Русская тройка”. Оно было призвано обеспечивать сквозной сервис по перевозке контейнеров из стран Азиатско-Тихоокеанского региона через Трансисб в Европу. При этом “Российские железные дороги” должны не просто вывезти груз, но и правильно его оформить, своевременно доставить “до двери” клиента. Для обеспечения комплексности предоставляемых услуг необходимо было повысить эффективность взаимодействия с европейскими железными дорогами, в том числе на основе создания единого оператора.

89-я сессия Европейских министров транспорта впервые за полвека с момента создания этой авторитетной комиссии проходила в Москве. И Россия на этом совете председательствовала. Открывая форум, премьер-министр Михаил Фрадков назвал развитие европейских магистралей одним из базовых элементов “Дорожной карты” – совместного экономического пространства России и Евросоюза, принятой в Москве в ходе саммита Россия–ЕС. В зале присутствовали тридцать министров транспорта европейских стран. Ожидался диалог с общей целью устранения барьеров на пути товаров и услуг. Обсуждали перспективу строительства транспортного коридора от Тихого океана до Атлантики, большая часть которого проходила по территории России. Скорость сообщения в главных международных коридорах к 2029 году должна возрасти на треть. Для этого уже в ближайшее время важно было усовершенствовать механизмы досмотра грузов, внедрить систему электронных документов, чтобы сократить простои на границе с трёх-пяти суток до нескольких часов.

Разработка транспортной стратегии

Весной 2004 года в столичном спорткомплексе “Олимпийский” открылась 9-я Московская международная выставка по транспорту и логистике “Транс-Россия-2004”. Это был короткий по времени, но весьма представительный транспортный форум, проходящий при поддержке Правительства РФ, Государственной Думы РФ, Министерства транспорта и связи РФ, Правительства Москвы, ОАО “РЖД”, других транспортных и региональных организаций. В его работе приняли участие более 230 компаний из 20 стран.

Особый интерес к форуму проявили немецкие и финские компании. Дело в том, что 30 процентов грузов в Россию завозили через порты Финляндии. Зарубежные коллеги желали закрепиться на нашем рынке, поэтому внимательно изучали технологии, которые используются российскими перевозчиками. Быстро возрастала роль логистики в грузоперевозочном процессе, все острее ощущалась необходимость внедрения современных технологий на всех видах транспорта.

Естественно, всеобщее внимание специалистов и прессы привлекло выступление Игоря Левитина, только недавно назначенного руководителем Министерства транспорта и связи Российской Федерации (из связистов вскоре образовали отдельное ведомство, хотя проблемы всё равно пришлось решать вместе). Фактически это была его презентация в качестве министра. При всей формальности и традиционной обтекаемости подобных речей, пресса ловила и анализировала каждую фразу.

– Форум “ТрансРоссия-2004”, – сказал новый министр, – стал той площадкой, на которой мы наблюдаем развитие частного бизнеса в России. Осо-

бенно заметно, как с каждым годом растет поток государственных и частных инвестиций в транспорт. Стратегическая линия министерства – создание конкурентной, стабильной и эффективной инфраструктуры.

Эту мысль, что называется, на лету уловил и обозначил бывший посол Великобритании в Российской Федерации Эндрю Вуд. Он тут же подчеркнул стремление русского министра привлечь в транспортную сферу как можно больше частных инвестиций. В состоявшейся вслед за тем пресс-конференции приняли участие работники министерства и руководители транспортных агентств. Отмечалось, что Транспортная стратегия хотя и принята, но она нуждается в подкреплении законами и материально-технической базой. Для реализации её начертаний требовалось принятие ещё как минимум 8 федеральных законов и 119 подзаконных актов. И, конечно, развитие транзита сдерживали пограничные процедуры.

Отвечая на вопросы корреспондентов ежедневной транспортной газеты “Гудок”, Игорь Левитин отметил, что без всеохватывающей системы информационного обеспечения эффективность использования подвижного состава на железных дорогах и грузовых терминалов в морских портах останется невысокой. Государство должно иметь собственную транспортную политику, ориентироваться на своих грузовладельцев. И, если перевозимые грузы не будут опираться в отраслевые преграды, откроются возможности для успешной интеграции в мировую транспортную систему, превращения транспортных услуг в один из крупнейших источников доходов нашего государства.

Подробно, и, как заметили журналисты, особенно увлеченно министр транспорта остановился на перспективах и надеждах, связанных с востоком страны. В 2004 году на Сахалине развернулись, наконец, работы по модернизации единственной в России островной железной дороги. В местных деловых кругах высказывалась озабоченность перспективами паромной переправы Ванино–Холмск через Татарский пролив. В средствах массовой информации постоянно муссировался этот вопрос, предлагались разные, порой фантастические варианты решения проблемы. Развернулась дискуссия: строительство моста, тоннеля или обновление паромного флота?

Высокая интенсивность освоения природных ресурсов Сахалина диктовала: только паромы могут обеспечить ускоренный рост грузооборота. Строительство грандиозного моста, тем более тоннеля, требует значительно большего времени. Новые же паромы можно включить в работу гораздо быстрее и тем самым поддержать мощное развитие Сахалина. Но с учётом суровых природных условий и нередко ветров ураганной силы, ни паромы, ни даже мост не могли гарантировать бесперебойную связь острова с материком. Поэтому специалисты то и дело возвращались к проекту тоннельного железнодорожного перехода через пролив. В освоении Дальнего Востока транспортные коммуникации играют ключевую роль.

Форум “ТрансРоссия-2004” широко освещался в российской и зарубежной прессе. А транспортное ведомство с головой погрузилось в решение текущих и перспективных задач. Одной из самых сложных была разработка стабильных тарифов на внутренние и международные на перспективу, хотя бы на три года – очень полезная вещь с экономической точки зрения.

Труднее стало предвидеть изменения в тарифах после вступления России в ВТО. Специалисты Минтранса считали, что многое будет зависеть от поворотливости наших транспортных компаний. Исходили из того, что при вступлении в ВТО конкуренция начнет проявлять себя очень жёстко. На наше поле рвались западные транспортные компании. Эксперты настоятельно рекомендовали, не откладывая, всерьез задуматься над тем, как снизить свои расходы и предложить такие тарифы, которые выдержат конкуренцию с западными. При этом нельзя забывать, что бережливость – не скопидомство. Снижая расходы, надо переоснащать только самой современной техникой, которая даёт высокий экономический эффект.

Ориентиры обозначены

Премьер-министр Михаил Фрадков предвидел, что воплощению амбициозных планов Минтранса, оцениваемых в 600 млрд рублей в год, могли помешать особенности российского законодательства. Поэтому на обсуждение этой проблемы заранее были приглашены ответственные представители веду-

щих ведомств экономического сектора. И глава правительства обратил внимание, что приглашенные на заседание министры финансов и экономического развития Алексей Кудрин и Герман Греф, которые должны ставить задачи перед отраслью, на столь важное совещание так и не приехали. “Это не годится, – заявил Михаил Фрадков. – Буду просить приходить работать, участвовать. В противном случае вам (Левитину) придётся быть и Минэкономразвития и Минфинансов. Готовьтесь!” – под аплодисменты зала заявил он.

Премьер-министр напомнил слова Президента России Владимира Путина о том, что развитие транспортной инфраструктуры – это больше, чем хозяйственная задача. От её решения зависит не только положение дел в экономике, но и обеспечение единства страны. На этом этапе (2004 г.) цели и задачи, поставленные Президентом и Правительством перед транспортным комплексом России, многим показались трудноразрешимыми. Железнодорожникам, морякам, речникам, авиаторам, автомобилистам, транспортным строителям и машиностроителям необходимо было придать ей новый мощный импульс, чтобы система набрала ход.

Летом 2005 года состоялся 9-й Петербургский международный экономический форум. В нем приняли участие Владимир Путин, Ильхам Алиев, спикеры обеих палат Федерального Собрания, министры. Поначалу казалось, что идейное содержание форума в Таврическом дворце предопределило выступление главы Минэкономразвития Германа Грефа. Его доклад ставил вопрос ребром: “Что лучше для России – либерализм или патернализм?” То есть, по его мнению, каждый экономист должен выбрать для себя только одно из двух. Типа: сосиски обожаю, а сардельки ненавижу! Или наоборот. Как говорится, “иного не дано”. Позиция самого Грефа была для всех очевидна: конечно, лучше либерализм. Видимо, он хотел продемонстрировать иностранным бизнесменам и чиновникам свою верность экономическому курсу МВФ. Однако Владимир Путин не согласился с такой категоричной однозначностью, мягко заметив, что всё зависит от условий.

В полемику с Грефом вступил директор Института народно-хозяйственного прогнозирования академии РАН Виктор Ивантер. “Всё-таки экономическая свобода, возможность развития бизнеса, и бездеятельность власти это не одно и то же, – пояснил он. – “Мы не во что не вмешиваемся...” Но позвольте, если вы ни во что не вмешиваетесь, зачем вы вообще нужны? Власть должна быть ответственной. А если власть либерализмом прикрывает свою безответственность, значит, это какой-то особый либерализм – либерализм безответственности”.

Зал дрогнул от сдерживаемых смешков: наверное, это только академики способны одной репликой приземлить воспарившего над реальностью оппонента и восстановить статус-кво.

Выступивший на форуме министр транспорта России сделал упор на практической деятельности. Россия могла бы зарабатывать на транзите грузов, сказал он. У нас Европейская часть развита, а вся сырьевая база находится за Уралом... Мы можем зарабатывать до 4–5 миллиардов долларов в год от транзита через Россию. Но для этого нужно произвести некоторые изменения, в том числе в законодательстве. У нас нет закона о концессиях, отсутствует закон о платных дорогах, отсутствует система формирования инфраструктуры. Бизнес должен активнее участвовать в этом процессе. Должно быть государственное и частное партнёрство, где будут реализованы инфраструктурные проекты.

Несколько позднее (24 июня 2005 года) в Карелии (в Петрозаводске) встретились транспортники из бывших советских республик. Здесь речь шла в первую очередь о развитии международных транспортных коридоров. Транзитный поток – мечта любой страны. Речь шла о новом “Шелковом пути” (Китай–Казахстан–Россия–Украина).

Транзитные доходы СССР в конце 80-х достигали 17 млрд долларов. После развала Союза почти все иностранные грузы пошли в обход России. Иран перенаправил свои грузопотоки на Турцию, а Китай начал строить собственный коридор. Притом свыше 70% морского внешнеторгового оборота нашей страны обслуживали иностранцы.

В США существует неписаное правило, которое никто не нарушает: американский груз должен доставляться на американских кораблях. Японские и корейские телевизоры, автомобили и компьютеры везли в Москву не по

Транссибу, а через порты Финляндии и Прибалтики, куда они доставляются опять-таки на японских и корейских торговых судах. Наша доля транзита в экспорте транспортных услуг составляла около 4 процентов. Мы использовали ничтожную часть своего транзитного потенциала. До недавнего времени практически бездействовал Северный морской путь, потому что не хватало ледоколов. Транссиб был загружен транзитными грузами всего на 10–15%. Далеко не в полной мере использовались возможности БАМа.

Между тем, всё более динамичным, быстрорастущим рынком становились страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Изменились требования: жизненный и технологический цикл многих товаров сокращается, и для грузоотправителя теперь важнее не цена, а время. А мы в состоянии перевозить до западной границы за 10–15 суток. По морю на это уходит 35–45 суток. Такова была обстановка в начале 2005 года.

Дайте разумные законы, а деньги мы привезём

– К нам идут неохотно только потому, что нет отлаженного порядка резервирования, изъятия и выкупа земельных участков под размещение транспортных объектов, – подчеркнул на очередном совещании правительства глава транспортного ведомства. – Деловых людей прежде всего интересует – чья земля, кто владелец, какие ставки, кем регулируются, какова налоговая ситуация в регионе. Мы не можем дать внятного ответа на простые вопросы. Какие ставки по аренде будут через год, неизвестно. У нас груз в порту иногда лежит по 35 дней, а в Роттердаме – всего сутки. В царской России за счет концессионеров были построены многие железные дороги. В 20-е годы привлечение иностранного капитала в виде концессий помогло быстро восстановить экономику страны, оснастить заводы современным оборудованием. Мы – транзитная страна, нам предлагают: возьмите миллионы контейнеров. А мы взять их не можем. Проблема порой даже не в деньгах, а в законах. “Дайте разумные законы, а деньги мы привезём”, – с уверенностью заключил министр.

Наконец, летом 2005 года правительственная “Российская газета” опубликовала Федеральный закон “О Концессионных соглашениях”, регулирующий отношения, возникающие в связи с подготовкой, заключением, исполнением, изменением и прекращением концессионных соглашений, устанавливающий гарантии прав и законных интересов сторон концессионного соглашения.

Правительство на заседании кабинета министров в целом одобрило стратегию развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года. Комментируя это решение, глава правительства Михаил Фрадков уточнил, что принятая стратегия должна быть неотъемлемо связана с долгосрочной перспективой социально-экономического развития страны. И подчеркнул, что в данном случае именно железнодорожному транспорту надлежит выполнять “роль паровоза”. Общий объем инвестиций в развитие железнодорожного транспорта в РФ до 2030 г. должен был составить небывалую в новой российской истории сумму, превышающую 13 трлн рублей.

“Нужно карты повесить в МЭРТе, как это положено в генштабе”, – невесело пошутил премьер. В этом случае, по словам Михаила Фрадкова, Министерство экономического развития будет иметь четкое представление о развитии экономики.

Однако вмешались серьезные обстоятельства, которые заставили внести серьезные коррективы в долгосрочную стратегию. Летом 2005 года Геннадий Фадеев был освобожден от поста президента ОАО “РЖД” и назначен на должность помощника председателя Правительства РФ. Правда, за ним оставили место в Совете директоров ОАО “РЖД”. Но не надолго. После отставки правительства Михаила Фрадкова, в 2008 году он был выведен и из состава Совета директоров ОАО “РЖД”. По-видимому, посчитали, что рыночный механизм теперь уже сам сработает, как надо, и склонный вникать во все детали специалист только создаёт помехи, докучая своей мудростью. Короче, мешает решать вопросы.

У монополиста “раздвоение личности”

В соответствии с программой реформирования и требованиями МВФ перекрёстное субсидирование пассажирских убыточных перевозок (за счёт высокоприбыльных грузовых) было прекращено. Конкурентная среда в грузовых

перевозках создана. Но ситуация вызывала тревогу: что нам делать с миллионами региональных льготников?

“За пассажиров должен доплачивать бюджет — так везде в мире”, — категорически заявлял Геннадий Фадеев, будучи главой РЖД. Он добился утверждения мягкого графика, постепенного отказа от перекрёстного регулирования. Однако время шло, и отсутствие нормативных документов усиливало двойственность ситуации. РЖД вынуждали действовать себе во вред, способствуя появлению всё новых и новых конкурентов. В то же время не был решен вопрос об обещанном освобождении от налога железнодорожных сетей и связанных с ними объектов.

Компания рассчитывала вернуть себе определенную долю рынка за счет создания дочерних зависимых обществ (ДЗО) по перевозке отдельных (читай — высокодоходных) видов грузов. Важнейшим постулатом программы структурной реформы был баланс — “пятьдесят на пятьдесят” (распределение объемов перевозок между РЖД и частными компаниями). Однако всего за два года ОАО “РЖД” перевыполнило это обязательство. Доля государственной компании в прибыльных перевозках нефти снизилась с 30,7 до 17,3 процента, руды и угля — с 72,2 до 48,1 процента. А это негативно сказалось на объёмных показателях работы Российских железных дорог.

Топ-менеджеры ОАО “РЖД” объявили о намерении создать “дочернюю” Грузовую компанию и передать ей свыше полумиллиона грузовых вагонов. Тщетны были предупреждения о том, что на отделение инфраструктуры от перевозок можно идти, только имея нормативно-правовую базу, способную устранить связанные с этим риски. “Естественный монополист” оказался в неравных конкурентных условиях относительно других участников рынка. РЖД не вправе отказать грузоотправителю, в то время как частные операторы перевозили лишь то, что выгодно им.

В Казахстане попробовали выделить локомотивное хозяйство в отдельную компанию, но это вызвало рост издержек. Президент Ассоциации перевозчиков и операторов Республики Казахстан (бывший заместитель министра путей сообщения СССР, член коллегии МПС) Нигматжан Исингарин, выступая на международной конференции в Москве, так и заявил: перевозчики не могут появиться раньше операторов. Надо накапливать опыт и не делать резких шагов.

Создать федеральную пассажирскую компанию на базе пассажирской дирекции практически не очень сложно. Но проблема компенсации убытков от ее деятельности — вопрос государственный. В цивилизованном мире пассажир не платит полную стоимость проезда по железной дороге — государство берет часть затрат на себя, компенсируя издержки перевозчику. У нас же статья дотаций пассажирских перевозок в федеральном бюджете — оставалась вопросом открытым.

Проблема сама по себе мучительная. Если даже в Англии железнодорожники долгое время металась между приватизацией и национализацией стальных магистралей, то в России тем более. Окупались только СВ и купейные места в фирменных поездах. Остальные убыточны. Решили, что в 2006 году будущую пассажирскую компанию выделят пока только в виде филиала РЖД, а дальше видно будет — возможно ли отделить ее от РЖД окончательно. Ставку явно делали на пассажиров состоятельных, имеющих возможность оплатить дополнительный комфорт; клиентам навязывали дорогие варианты, — в каждый поезд включались вагоны повышенной комфортности. Стремительно стало увеличиваться число фирменных поездов, а многие нефирменные поезда просто исчезали. Однако и в оставшихся вагонах “для бедных” рост цен обгонял инфляцию.

Одновременно все настойчивей давала себя знать новая, прежде неизвестная российским железным дорогам проблема — нехватка кадров. Раньше машинисты были элитой, главными персонами на транспорте. Но упали заработки, и вместе с ними престиж профессии. Старые кадры уходили, на их места брали молодых, у которых еще не было той ответственности в крови. Машинистов просто не хватало. Рассчитывать на сверхурочные опасно — это прямой путь к аварии. Дошло до того, что осенью 2006 года на Урале вставали даже составы с углём — вывозить их было некому. Что уж говорить о пассажирах электричек; начались манипуляции с графиком. Если в начале “перестройки” недостатки объясняли необходимостью реформ, то теперь ошибки — реформированием.

Прощание с “молоточками”

Возможно, из подспудного чувства безысходности весной 2007 года Российские железные дороги решили коренным образом изменить свой внешний вид. Согласно программе ребрендинга РЖД, к 2010 году изменялся логотип компании; персонал переодевали в новую форму. Раньше важнейшими элементами железнодорожного стиля были знак в виде колеса с крыльями, а под ним – перекрещенные маленькие молоточки. Точнее, молоток и “французский” разводной ключ.

Надо полагать, что эти молоточки (символ единства труда и мастерства) кого-то сильно раздражали, напоминая об упразднённом “государстве трудящихся” и его символе – серпе и молоте. В сообщении пресс-службы РЖД извещалось: “Уникальная монограмма, основанная на кириллической аббревиатуре (РЖД), сохраняет аутентичность и российское происхождение компании, создавая при этом привлекательный образ для международной аудитории”.

Бог бы с ними, с устаревшими символами, но в стране катастрофически падал престиж профессионального труда. А это неизбежно влекло за собой падение качества и продукции, и услуг. Российская общественность встретила логотипные новации РЖД с недоумением. Газета “Коммерсантъ” отмечала, что затраты на внедрение нового стиля оцениваются в 150 миллионов долларов. Газета “Ведомости” подсчитала: предстоит нанести новый логотип на 7200 локомотивов, 512 тысяч грузовых вагонов и 38 тысяч пассажирских. Смена имиджа РЖД – беспрецедентный по масштабу в мировой транспортной практике проект. Впервые менялся внешний облик предприятия со 170-летней историей и вековыми традициями, выполняющего масштабные социальные и экономические обязательства. Злые языки не преминули заметить, что на новой форме высшего командного состава Российских железных дорог даже погоны, ранее похожие на воинские, приспущены с плеч, и теперь они более напоминают ливреи. Мол, это раньше была служба государева, а нынче – просто транспортная услуга.

Новую попытку запустить реформу железных дорог фактически взвалили на Минтранс. Но реформа РЖД начинала буксовать всякий раз, как только дело доходило до проблемы пассажирских перевозок. Собрание, которое состоялось в Ново-Огарёве (10 апреля 2007 года), было посвящено реформированию и перспективам развития железнодорожного транспорта. На нём присутствовали премьер Михаил Фрадков, президент РЖД Владимир Якунин, глава президентской администрации Сергей Собянин, помощник президента Игорь Шувалов, начальник экспертного управления президента Аркадий Дворкович, министры экономического развития и транспорта Герман Греф и Игорь Левитин.

Президент России Владимир Путин высказал свою крайнюю озабоченность тем, как трудно и противоречиво идут преобразования в “естественной монополии”, и в особенности тем, что постоянно, хотя и в мягкой форме, высказываемые им пожелания сдерживать повышение тарифов на пассажирские перевозки так и не были услышаны руководством РЖД и Федеральной службой по тарифам.

На совещании отмечалось, что государство упускает из вида проблему роста тарифов на перевозки пассажиров. Социальными признаются только перевозки в плацкартных и общих вагонах. Но их число в поездах заметно сокращается, уменьшаются и заказы на новые “социальные” вагоны. Малоимущие пассажиры вынуждены пересаживаться в вагоны купейные. Разумеется, в них больше комфорта. Но цены, цены!.. Тем более что из-за введения регулирования тарифов по сезонам стоимость билета в дни массовых перевозок выросла не на продекларированные средние 12%, а на все 25% и более. В стремлении РЖД сократить расходы в 2007 году список станций уменьшился на 82.

Регионы просили увеличить количество плацкартных и общих вагонов в составе пассажирских поездов. А РЖД, напротив, уменьшало их число в поездах – выгоднее купейные вагоны и СВ. Президент потребовал не ущемлять интересы пассажиров. “На это хочу обратить особое внимание. За реструктуризацию отрасли люди не должны платить из собственного кармана. Это дело государства, и государство должно обеспечить нормальную реформу отрасли. Подчеркну; социальный аспект развития железных дорог следует поставить в самый центр модернизации”, – сказал Владимир Путин.

Железнодорожные пассажирские тарифы вплотную приблизились к авиационным. Что же до “социально значимых” перевозок, там дело дошло до массовой остановки пригородных электропоездов. Региональным властям объявили, что, дескать, всё законно, “ничего личного” – вы не заплатите, мы не поедем. . .

“Вы с ума не сошли? – негромко, доверительным тоном поинтересовался Владимир Владимирович. – Немедленно восстановите движение. . . Немедленно!”

“Сапсаны” на линии

Зато на престижных, так называемых подконтрольных маршрутах всё обстояло образцово. В июле 2008 года организовали три специальных скорых поезда, которые доставляли всех желающих на Олимпийские игры в Китай. Составы отправлялись с Ярославского вокзала. Протяженность маршрута составила почти девять тысяч километров – из Москвы в Пекин за 145 часов. Московские проводники, которые работали в этом поезде, прошли курс углубленного изучения китайского языка

Отечественный проект высокоскоростной магистрали Санкт-Петербург – Москва вместе с поездом под названием “Сокол” закрыл еще Борис Ельцин своим указом. Всемирный банк выдал заключение, что затея не окупится, ибо в обеих столицах не наберётся людей, способных платить по 123 доллара за билет. Действительно, страна переживала дефолт в результате “шоковой терапии”. Времени потеряли столько, что сами догнать уже не могли. В Европе высокоскоростные поезда всё решительнее вытесняли конкурентов. Решили для рывка прикупить техники на Западе.

“Высокоскоростные магистрали должны строиться на основе ГЧП – государственно-частного предпринимательства”, – предложил Игорь Левитин. Он не исключал и применения забытого “принципа Витте”: построенные за счёт частного капитала линии и сооружения по окончании срока концессии должны передаваться в собственность государства.

26 декабря 2008 года к перрону Московского вокзала Санкт-Петербурга подошёл первый в России высокоскоростной пассажирский поезд “Сапсан”. Он конкурировал уже не с обычными железнодорожными составами или автобусами, а с аэробусами. Железнодорожники модернизировали инфраструктуру: тщательно подготовили полотно, переезды, сигнализацию. Техника немецкая, адаптированная к российским условиям (Velaro RUS). На презентацию нового поезда приехал Владимир Путин в качестве премьер-министра РФ. С 17 декабря 2009 года было организовано постоянное обращение высокоскоростных поездов на направлении Москва–Санкт-Петербург, с июля 2010 года – регулярное движение поезда “Сапсан” на участке Москва–Нижний Новгород.

Но основные вопросы пассажирских и грузовых перевозок оставались во взвешенном состоянии. И 13 января 2011 года по предложению Владимира Путина реформу на железнодорожном транспорте было решено проработать более глубоко и основательно.

. . . Не хотелось бы обрывать рассказ на полуслове. Мы попытались проанализировать критические, переломные моменты в жизни старейшей отрасли. В лихие 90-е, в тот опаснейший для страны период железнодорожники не допустили ни единого серьёзного сбоя. Они послужили надёжной опорой государства. Опорой, которая выдержала самые жестокие, подчас изощрённые испытания: на стойкость при воздействии агрессивной среды, на разрыв, на подрыв, на изгиб, кручение, вибрацию. . . Сегодня мы можем сделать важный вывод: самый трудный этап в жизни России пройден, “зима тревоги нашей позади”. Всё глубже осознание, что сила наша в единстве, а спасение – в любви к Отечеству.

В уходящем 2016 году произошло событие, в продолжение веков казавшееся невозможным, несбыточным. 12 февраля впервые в истории Папа Римский Франциск встретился с Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом. Первыми словами Папы, обращёнными к Патриарху, были: “Наконец-то мы – братья”. Предстоятель РПЦ ответил: “Теперь всё легче”. “Очевидно, что это – Божья воля”, – сказал Франциск. Была подписана совместная Декларация, где говорится об общей миссии проповеди Евангелия, которая

предполагает взаимное уважение членов христианских общин и исключает любые формы прозелитизма. “Мы не соперники, а братья”, – заявили Папа и Патриарх, обращаясь к верующим Церквей.

Заметим, святейший владыка Кирилл – внук машиниста-механика, великий понтифик Франциск – сын путейца, железнодорожного рабочего. Не слишком ли много случайностей привело их к встрече в аэропорту Гаваны?

И вспомните начало нашего повествования, – какой народ у нас замечательный. Неужто не хватит ума и воли “матушке – железной дороге”, чтобы противостоять энтропии, в каком виде она бы ни проявлялась. Сегодня в руководстве РЖД прекрасные специалисты, профессионалы высочайшей квалификации – в том числе много молодых, здравомыслящих, с отличной подготовкой, с душой, исполненной созидательной энергии. Нет сомнений в том, что наши братья-путейцы откроют новую яркую главу в истории великой Российской железнодорожной державы.

АЛЕКСАНДР РАЗУМОВ

“СЛУЧАЙНОЕ СЕМЕЙСТВО” В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО “ПОДРОСТОК”

Роман “Подросток” – четвёртый из пяти великих романов, созданных Фёдором Михайловичем Достоевским на вершине своего творчества. В этом романе нет глубины нравственных переживаний, которые мы видим в “Преступлении и наказании”, нет яркого положительного образа, как в “Идиоте”, нет бесовства политических заговоров современной писателю России, ещё не слышны в прозе Достоевского карамазовские страсти.

Так чем же примечателен “Подросток” и какую тему в этом произведении следует считать главной?

Исследователи творчества Достоевского в один голос говорят, что это тема случайного семейства. Что именно в случайном семействе, – а именно такое семейство, по их мнению, было у одного из главных героев романа, Андрея Петровича Версилова, – Достоевский видел одну из основных проблем современной ему России.

Но в чём зло подобного семейства?

Чтобы попробовать найти ответ на этот вопрос, давайте внимательно рассмотрим семейство Версилова и сравним его с нравами тех семейств, которые его окружали.

Законная супруга Андрея Петровича умирает достаточно молодой, и совсем ещё не старый вдовец приезжает жить в имение, где встречает свою крепостную Софью Долгорукую. Софья на момент знакомства уже была замужем за старым садовником Макаром Долгоруким, близким другом её покойного отца.

Не забывайте, что действие происходит во времена крепостного права, когда деревенские девки себе лицо сажай мазали, чтобы при случайной встрече не понравиться барину. Гарем из крепостных наложниц был не редкостью в то время, и помещики организовывали даже выселки, где селили незаконнорожденных детей и их матерей.

О подобных нравах можно судить по словам одного из героев повести Ф. М. Достоевского “Записки из подполья”, некоего Зверкова, который говорит, “что ни одной деревенской девы в своей деревне не оставит без внимания, что это – *droit de seigneur* (право владельца. – франц.), а мужиков, если осмелятся протестовать, всех пересечёт и всем им, бородатым канальям, вдвое наложит оброк”.

Винить Версилова в том, что он не занимался воспитанием сына и дочери от законной жены, сложно. Мать этих детей умерла, и в этом случае дети очень часто передавались на воспитание каким-нибудь тётушкам или сёстрам,

а не оставались с отцом-вдовцом. Таковы были обычаи того времени, и заведены эти обычаи были задолго до тех событий, которые описаны в романе.

Главный герой романа Аркадий Долгорукий – незаконный сын Андрея Версилова и Софьи Долгорукой – воспитывается в пансионате у Тушара. Если вы учтёте, что законные дети дворянина Версилова не живут с отцом, то не стоит удивляться, что и сын, которого ему родила его крепостная, воспитывается отдельно. А вот родная сестра Аркадия Лиза постоянно живёт с отцом и с матерью.

Из-за того, что трое детей Андрея Петровича Версилова воспитываются без участия отца, назвать это семейство благополучным никак нельзя. Но подобная ситуация сложилось из-за того, что Андрей Петрович никогда надолго не покидал Софью Долгорукую, а заменить дворянским детям мать бывшая крепостная не могла. Длительная связь между знатным дворянином и простой крестьянкой была большой редкостью, поэтому, на первый взгляд, очень странно, что хаос и разложение именно в этом нетипичном семействе стали объектом пристального внимания Достоевского.

Так почему же исследователи романа так упорно говорят о случайном семействе как о главной идее произведения?

Ответ прост. Дело в том, что о случайном семействе на страницах романа говорит сам автор, говорит словами некоего Николая Семёновича, бывшего московского воспитателя подростка, которому главный герой, Аркадий Долгорукий, передаёт для ознакомления свой дневник. Вот что пишет этот Николай Семёнович в назидание не столько подростку, сколько читателям романа:

“Скажите мне теперь, Аркадий Макарович, что семейство это – явление случайное, и я возрадуюсь духом. Но, напротив, не будет ли справедливее вывод, что уже множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимой силою переходят массаами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе. Тип этого случайного семейства указываете отчасти и вы в вашей рукописи. Да, Аркадий Макарович, вы – член случайного семейства, в противоположность ещё недавним родовым нашим типам...”

То есть союз родовых дворян с представителями низших сословий, по мнению Достоевского, приобретает массовый характер и приводит к созданию случайных семейств с их беспорядком и хаосом. Отмечу, что, как следует из текста романа, сам Николай Семёнович, который восхваляет старые родовые дворянские семейства, дворянином не является.

Но если почитать, что пишет в конце романа Аркадий Долгорукий о взаимоотношениях, которые установились в семье Версилова, то разобраться, что же такое случайное семейство, очень сложно:

“Мама часто и теперь садится подле него (Версилова. – **А. Р.**) и тихим голосом, с тихой улыбкой, начинает с ним заговаривать иногда о самых отвлечённых вещах: теперь она как-то осмелилась перед ним, но как это случилось – не знаю. Она садится около него и говорит ему, всего чаще шёпотом. Он слушает с улыбкой, гладит ей волосы, целует её руки, и самое полное счастье сияет на лице его”.

Скажите, вы видите беспорядок и хаос в этом семействе? Я – нет.

Я вижу тихое и спокойное семейство, которое после долгих мытарств и переживаний, – а в каком семействе этого не бывает? – обрело покой и любовь. Как говорится, дай Бог каждому дожить до такого “хаоса”!

Аркадий Долгорукий рисует нам одну картину случайного семейства, а Николай Семёнович – совсем другую. И главное, что две эти цитаты приведены из одной главы романа, их разделяет лишь несколько страниц!

Чтобы разобраться с этим противоречием, обратим внимание на некоторые интересные факты, которые происходили вокруг Достоевского и его романа в момент публикации первых глав.

Во-первых, отметим, четыре из пяти великих романов Ф. М. Достоевского – “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы” и “Братья Карамазовы” – печатались в “Русском вестнике” у М. Н. Каткова, а “Подросток” – в “Отечественных записках”. Фёдор Михайлович в одном из номеров “Дневника писателя” объясняет это тем, что Н. А. Некрасов сам предложил ему напечатать очередной роман в своём журнале.

Во-вторых, исследователи романа полагают, что согласие Фёдора Михайловича печататься в журнале с либеральной направленностью несколько

охладило его отношение со старыми, хорошими друзьями, в частности, с Ап. Н. Майковым. Подобная трактовка поведения Аполлона Николаевича мне кажется странной, так как Майков прекрасно знал о том бедственном финансовом положении, в котором постоянно находилась семья Достоевского. Знал, что с января 1875 года “Русский вестник” стал печатать “Анну Каренину” Л. Н. Толстого, и понимал, что печатать одновременно “Подростка” М. Н. Катков не мог. Поэтому упрекать Фёдора Михайловича в том, что он выбрал для публикации “Отечественные записки”, у Майкова не было оснований.

Что же такое увидел Аполлон Николаевич в романе “Подросток”, что послужило причиной охлаждения отношений между старыми друзьями?

В-третьих, в том же номере “Отечественных записок”, в котором появились первые главы “Подростка”, вышла статья либерального критика Н. К. Михайловского “Литературные и журнальные заметки”, где автор писал, что на страницах журнала могут быть опубликованы лишь те работы, которые не расходятся с идейной позицией журнала. То есть Н. К. Михайловский, который мог ознакомиться только с самым началом “Подростка”, уверенно делает вывод о либеральной направленности всего произведения. А ведь роман на тот момент был далёк от завершения, и, как видно из черновиков, писателю ещё предстояли трудные поиски сюжета и образов главных героев.

Что же сразу увидел Н. К. Михайловский в романе, что дало ему возможность сказать о либеральном его направлении?

Сформулируем ещё два вопроса, которые просматриваются при внимательном прочтении писем Достоевского к жене за период, когда создавался роман.

В отрывке из письма от 7 февраля 1875 года писатель жалуется на произвол чиновников при оформлении паспорта (именно в это время печатались первые главы “Подростка”):

“Пришёл наконец паспортист: “У вас-де дан вам билет на жительство; но он временный, а по закону вы должны были давно обменять его на постоянный паспорт”. Конечно дело; но я стал спорить. Помощник пристава (с Владимиром в петлице) начал спорить тоже: “Не дадим вам паспорт, да и только; мы должны соблюдать законы. — Да что же мне делать? — Дайте постоянный вид. — Да где я его теперь возьму? — Это не наше дело”. — Ну, и в этом роде. Но дурь, однако же, в этом народе. Это всё только, чтоб перед “писателем” шику задать. Я и говорю наконец: “В Петербурге 20000 беспаспортных, а вы всем известного человека, как бродягу, задерживаете. — Это мы знаем-с, слишком знаем-с, что вы всей России известный человек, но нам закон. Впрочем, зачем вам беспокоиться? Мы вам завтра или послезавтра вместо вашего паспорта выдадим свидетельство, так не всё ли вам равно. — Э чёрт, так зачем же вы давно не говорили, а спорили!”

Как видим, долго спорили, а всё-таки паспорт изъяли, и новый выдать не обещали.

В ответ на это письмо Анна Григорьевна Достоевская пишет мужу 10 февраля 1875 года:

“Ну, что за глупая история с твоим паспортом: жили по нём лет пятнадцать, и вдруг нельзя”.

Если вы думаете, что подобная волокита была нормой того времени, тем более в отношении известного человека, то вы ошибаетесь. Подобное отношение могло быть только в том случае, если за спиной этих чиновников стоял кто-то очень сильный. А одним из таких сильных было III Охранное отделение.

Что заставило III Отделение продемонстрировать писателю своё неудовольствие и изъять паспорт?

Для формулировки ещё одного вопроса заглянем в письмо Достоевского от 7 июля 1875 года. Вот что он пишет Анне Григорьевне:

“Сейчас ходил на почту и получил от тебя письмо, одну крошечную страничку и удивился: письмо помечено тобой от 31 мая (суббота); а штампель на конверте Старорусского почтамта от 3-го июня! Неужели 4 дня лежало на почте?.. Уж не читает ли кто наших писем!”

Как сказано в комментарии к полному собранию сочинений писателя к этим словам письма:

“Задержка писем Достоевского была вызвана перлюстрацией их старорусским исправником Э. М. Готским-Даниловичем, которому поручили вести негласный надзор за Достоевским”.

Ранее Фёдор Михайлович Достоевский на задержку корреспонденции не жаловался.

Что заставило III Отделение, после того, как были опубликованы первые главы “Подростка”, дать распоряжение вскрывать переписку писателя?

Надо отметить: то, что было видно в первых главах романа Майкову, Михайловскому и III Отделению, было видно и широкой читающей публике. О том, как принимали первые главы “Подростка”, лучше всего говорит отрывок из письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому от 21 марта 1875 года:

“Но тема у Вас взята великолепная, и все ждут чудес от её развития, по крайней мере, я жду, публика же несомненно покорена, то есть будет уже следить за Вами с жадностью”.

Но... уже к июню интерес к роману резко падает. Вот что пишет Фёдор Михайлович жене из Эмса 13 июня 1875 года:

“От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе... Впрочем, вижу, что роман пропал: его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением”.

Что же было такое интересное в первых главах и почему произошло резкое падение интереса к роману?

Со второй половины шестидесятых годов девятнадцатого века всё в семье русского императора шло наперекосяк. И кошмар этот начался с того, что среди воспитанниц Смольного института царь увидел прелестную девушку. Государь зачистил в Смольный институт. Позднее, когда эта девушка вышла из стен учебного заведения, император во время прогулки по Летнему саду случайно встретил её, и они долго проговорили. Фактически, с этой встречи свидания между ними стали регулярными. Всё в судьбе императора стало подчиняться не государственным интересам, а тем законам, которые стары, как мир.

Звали эту девушку княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. С 1866 года она стала любовницей царя.

В госархиве хранится множество писем и записочек, которые влюблённые писали друг другу. Государственные дела были фактически заброшены. Начатые в начале 60-х годов реформы, не получая развития, приостановились. Страна всё больше и больше погружалась в хаос. А государь-император основное внимание уделял любовнице.

Связь Александра II с этой женщиной длилась долгие 14 лет. И всё это время связь была на глазах императрицы и законных детей государя. Но все 14 лет за пределами дворца узнать что-либо об этой истории можно было только по слухам.

29 апреля (11 мая) 1872 года у влюблённых родился сын, и эта новость стала главной не только в светских салонах северной столицы, но и Москвы, и других городов России. Но говорили об этом полусшепотом, опасаясь ушей III Отделения, ибо сплетничать о личной жизни государя было небезопасно.

А то, что знает высший свет, то знает и весь Петербург.

Ребёнок, родившийся у женщины с фамилией Долгорукая, должен был носить фамилию Долгорукий. Но вот князем он быть не мог. Княжеский титул передаётся только по отцовской линии и в законном браке.

Вспомните высказывание в романе “Подросток” незаконнорожденного героя Аркадия Долгорукого о ненависти к своей фамилии:

“Вставлю здесь, чтобы раз навсегда отвязаться: редко кто мог столько вылиться на свою фамилию, как я, в продолжение всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то раз, как я вступал куда-либо в школу или встречался с лицами, которым, по возрасту моему был обязан отчётом, одним словом, каждый-то учителишка, гувернёр, инспектор, поп – все, кто угодно, спрося мою фамилию и услышав, что я Долгорукий, непременно находили для чего-то нужным прибавить:

– Князь Долгорукий?

И каждый-то раз я обязан был всем этим праздным людям объяснять:

– Нет, просто Долгорукий...

...Ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем. Эту глупость я таскаю на себе без вины”.

Надеюсь, вам теперь понятны те чувства, которые испытывали читатели “Подростка”, знавшие по слухам, что происходит во дворце, и столкнувшиеся

с подобным текстом в самом начале повествования? Именно этим объясняется повышенное внимание публики в начале публикации “Подростка”.

Но читающая публика всегда хочет большего. Поэтому после подобного начала, когда незаконнорожденный ребёнок по фамилии Долгорукий появился на первых страницах романа, все ждали, что дальше будет “погорячее”. А “погорячее” писать Достоевский не мог, так как, во-первых, понимал, что играет с огнём, и, во-вторых, весь Петербург знал о любовной связи царя, но о том, как складываются отношения между государем и императрицей, между государем и его законными детьми, не знал никто. Возможны были важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры, во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Пытаясь передать атмосферу разложения и хаоса в царском семействе через разложение и хаос в семействе Версилова, писатель должен был оставаться в пределах определённых рамок, и это тут же отразилось на читательском интересе к “Подростку”: интерес к роману упал.

Важно отметить, что разница в происхождении между императором и княжной такая же, как между родовым дворянином и крепостной. Брак в этих двух случаях считается морганатическим, так как супруг (или супруга) более низкого положения не получает в результате этого брака такого же высокого социального положения. Именно поэтому в “Подростке” у Версилова такая нетипичная семья.

Роман не мог быть опубликован в “Русском вестнике” у М. Н. Каткова потому, что монархические взгляды Михаила Никифоровича были широко известны, и современники даже шутили, что в России два императора: один – действующий, другой – Катков. Михаил Никифорович не пропустил бы незаконнорожденного героя романа с фамилией Долгорукий на страницы своего журнала.

Прямой намёк Достоевского на те события, которые происходят в царском дворце, стал причиной охлаждения и во взаимоотношениях между Достоевским и Майковым. Аполлон Николаевич, который, как и Катков, тоже придерживался монархических взглядов, должен был считать, что царь имеет право на любые действия, даже если эти действия не нравятся его подданным.

Относительно идеи романа в черновых тетрадях писателя сохранилась следующая запись:

“Вся идея романа – это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала”.

Вот то главное, что, судя по черновикам, хотел описать Достоевский в этом романе. Но рыба тухнет с головы, и проблему разложения и хаоса в России Фёдор Михайлович видел в разложении и хаосе царской семьи. Но сказать об этом прямо было нельзя, поэтому надо было создать атмосферу хаоса и в семье Версилова, и в событиях романа, а на царскую семью только намекнуть.

Роман публиковался в “Отечественных записках”, так как трудно представить более сенсационный материал для этого либерального журнала. И именно эту сенсационность сразу увидел Михайловский и поспешил записать Достоевского в демократический лагерь.

Эту же волюнтерность Достоевского сразу отметили в III Отделении и аккуратно намекнули об этом писателю в истории с паспортом. Одновременно с этим, по-видимому, было дано распоряжение в Старую Руссу вскрывать и читать переписку писателя.

Таковы, на мой взгляд, ответы на ранее сформулированные в этой статье вопросы.

Одно неверное слово, одно случайное сходство – и под каким-нибудь надуманным предлогом можно было оказаться со всей семьёй в отдалённой губернии России. Чтобы обезопасить себя, Достоевский ввёл термин “случайное семейство”, потому что, называя связь императора с княжной Долгорукой случайным семейством, Фёдор Михайлович заручался поддержкой обманутой жены Александра II императрицы Марии Александровны и наследника-цесаревича Александра Александровича.

Поэтому не случайно, что в предсмертном завещании уже следующего царя, Александра III, своему сыну, цесаревичу Николаю II, в октябре 1894 года

последние слова звучат так: "...Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства". Как видите, взгляд Александра III полностью совпадал с идеей романа "Подросток". Думаю, не последнюю роль в формировании этого взгляда государя-императора сыграл роман Достоевского.

Но в 1876 году гнев Александра II мог пересилить любое заступничество, поэтому и после окончания романа Достоевский в "Дневниках писателя" вновь и вновь возвращается к теме случайного семейства и, рассуждая о тех проблемах, которые он видит в воспитании нового поколения, уводит эту тему дальше от царской семьи. Ведь объяснять через полтора года в "Дневнике писателя", о чём был роман "Подросток", это всё равно, что пытаться догнать ушедший поезд. А вот ослабить неудовольствие императора можно, да и сама тема интересная.

Поэтому, на мой взгляд, некорректно брать записи из "Дневника писателя" для раскрытия идеи романа. Идею надо искать в тексте романа и, главное, в реальных событиях тех дней.

Достоевский был в курсе реальных событий тех дней, так как он имел обширные связи со значимыми людьми того времени. Примером могут служить основанные на взаимном уважении отношения с известным царедворцем Константином Петровичем Победоносцевым. Если же считать, что выбор фамилии главного героя был сделан случайно, то Достоевский с его романом в глазах светской и осведомлённой публики должен был выглядеть посмешищем, ведь подобных бестактных проколов свет не прощает. Но нет никаких данных, свидетельствующих об этом.

Не ищите в черновиках и переписке писателя каких-либо намёков на царскую семью. Фёдор Михайлович в молодости проходил по делу петрашевцев и был приговорён к смертной казни, которая в последний момент была заменена каторжной тюрьмой, поэтому ни в черновиках, ни в переписке он никаких улик оставить не мог.

Нет никакого случайного семейства у Верилова, а есть обычная семья, есть женщина, к которой он привязывается всё сильнее и сильнее, есть дети, которых любит и воспитывает этот человек. И как в любой семье, есть проблемы, которые по ходу романа решаются. Главное, что на последних страницах романа мы видим героев, живущих в мире и согласии. Чем же оказалось плохо такое "случайное семейство"?

А вот где семейства действительно нет, так это в Зимнем дворце. Там семейство разрушено самим императором, отцом не только этого семейства, но и отцом народа. И то семейство, которое создал государь на страданиях своей жены и на глазах своих детей, то семейство, из-за которого Россия всё больше погружается в хаос, это, по мнению Достоевского, случайное семейство!

Но Фёдор Михайлович учить императора не мог.

Императоров учат их отцы, то есть Александра II мог учить только Николай I, который, по традиции российских императоров и царствующих императриц, кроме всего прочего, являлся шефом лейб-гвардии Семёновского полка. И об этой традиции все в России в то время прекрасно знали. Поэтому осуждающие слова о случайном семействе в конце повествования мы слышим от некоего не дворянина Николая Семёновича. Эти слова и подводят черту под романом.

Вот так, на мой взгляд, обстоит дело со случайным семейством в романе Достоевского "Подросток".

О том, как тяжела была выбранная Достоевским ноша, говорят два абзаца из самого конца произведения:

"Признаюсь, не желал бы я быть романистом героя из случайного семейства!"

Работа неблагодарная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, ещё дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными. Возможны важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры. Во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться".

Именно тоска по самому злободневному для России текущему и является скрытой пружиной "Подростка".

Поэтому в этом романе мы имеем дело с самой мощной публицистической статьёй Фёдора Михайловича Достоевского. Но опубликована она была не в "Дневнике писателя", а спрятана в сюжете "Подростка".

Но тому, кому надо было понять смысл этой публицистической статьи, тот её прекрасно понял. Об этом говорит резко возросшая популярность Достоевского после окончания романа. Публика прекрасно поняла, кто такой Николай Семёнович, и буквально несколько слов Николая Семёновича спасли роман.

Достоевский был единственным человеком на всю Россию, который гласно осудил царя в отечественном периодическом издании, и подобный шаг требовал беспримерного мужества.

В публицистическом по своему звучанию эпилоге во всеуслышание заявить, что распад монаршей семьи – это одна из главных причин того беспорядка и хаоса, в котором находится Россия, такое написать мог только человек, страстно любящий своё отечество.

А ведь этот человек однажды уже искал лучших путей для развития России, и поэтому уже выслушивал смертный приговор, стоя у расстрельного столба на Семёновском плацу. Этот человек четыре года провёл в омской каторжной тюрьме, а после этого отслужил рядовым линейного батальона в далёком Семипалатинске.

Вот она – гражданская позиция писателя!

В одних романах Достоевский предстаёт тонким психологом, в других – религиозным философом, в третьих – политическим пророком.

В “Подростке” Фёдор Михайлович Достоевский проявил себя как мужественный человек и гражданин.

МАРИНА ПЕТРОВА

СИМОН УШАКОВ — ЦАРСКИЙ ИЗОГРАФ

Недавно в Третьяковской галерее прошла первая персональная выставка последнего великого русского иконописца, замечательного художника XVII века Симона Фёдоровича Ушакова. Чтобы стала понятна неоднозначность и даже противоречивость его искусства, необходимо помнить, в какое сложное время он творил.

Страна пережила польскую и шведскую интервенцию, начавшуюся острой борьбой за престол, восстания Ивана Болотникова, а позже Степана Разина, почему и называли то время “бунташным”. Наконец, церковный раскол, способствовавший значительному обострению ситуации.

Параллельно этим сложнейшим политическим процессам шла активная ломка мировоззрения, когда сквозь традиционное, формировавшееся Церковью мировоззрение начинает пробиваться только-только нарождающееся личностное самосознание. Усиливается тяга русских людей к наукам, к светской литературе и светской музыке, пробуждается интерес наших художников к западноевропейскому искусству. В нём они начинают “черпать художественные приёмы и средства, которые отвечают их новым воззрениям”. Начиная с середины XVII века, в России работают приглашённые сюда иностранные мастера, которые писали “парсуны с живства”, то есть портреты с натуры, и “ленчавты” (ландшафты), то есть пейзажи.

К счастью для исследователей, от этого времени осталось большое количество документов. Благодаря этому мы можем восстановить достаточно обстоятельно творческую биографию Симона Ушакова и даже даты его жизни: 1626–1686. К тому же и сам художник подписывал и надписывал свои работы, и даже проставлял даты их создания. В отношении Симона Ушакова это имеет особое значение, поскольку он дерзал соединять разные типы канонических изводов и даже создавал новые иконографии. При этом не прятался, стремясь оставаться анонимом, а смело ставил свою подпись и тем самым принимал на себя всю ответственность за введённые им в иконографический оборот новации. И в то же время он нередко обращался и к древним византийским образцам, и к старым, но хорошо забытым сюжетам и приёмам древнерусской иконы. В этой противоречивости его искусства, как в зеркале, которое, кстати сказать, тоже впервые появилось на Руси именно в XVII веке, отразилось сложнейшее явление прорастания сквозь иконописные элементы светского искусства. Всё это проявилось уже в ранний период творчества Симона Ушакова, связанный с Серебряной палатой, куда он был зачислен знаменщиком, то есть рисовальщиком. Все созданные им здесь работы отличает точный, уверенный, эстетически выразительный рисунок и необычайно

богатая фантазия мастера в области орнаментальной графики. По этой причине ему поручались работы по созданию планов, географических карт, эскизов церковного шитья, ювелирных изделий, украшений церковной утвари и вообще различных произведений прикладного искусства. Но главной в сфере его художественной деятельности здесь была, конечно, икона. Уже в самых первых его творениях заявил о себе принцип создания иконы “в меру и подобием”, то есть с сохранением размера и иконографии своего древнего образца, что было вообще характерно для русской иконописи. Здесь же сформировалась и ещё одна отличительная черта искусства Ушакова, новая для иконописного искусства, — “светопись”, поскольку, как писал друг и сподвижник мастера Иосиф Владимиров, не все “святые были одинаково смуглы и худы”. Впервые она заявила о себе уже в самой ранней, дошедшей до нас работе Симона Ушакова, “ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ” (1652). Появление “световидного письма” стало, можно сказать, началом привнесения в иконопись жизненных реалий. Здесь же впервые в иконописи заявляет о себе ещё одна новизна — идея “живоподобия”, порождённая стремлением быть ближе к натуральности. Но этот отход от канона продиктован не стремлением к обмирщению, заземлению образа, а желанием приблизить святой образ к человеку, но одновременно и человека приблизить к нему. Сделать общение между ними более тесным, непосредственным, молитвенно интимным. “Приблизьтесь к Богу и приблизится к вам” (Посл. Иакова, IV, 7).

Движимый идеей “живоподобия”, Симон Ушаков при написании ликов делает серьёзные попытки дать объёмное их построение. Поначалу это обретает формы контраста (“СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ”), а затем, со временем, сменяется постепенным, мягким высветлением. Использование приёма, граничившего со светотеневой моделировкой, характерной скорее для светской живописи, приближало изображение к натурности.

Это стремление продиктовало в иконе “СВЯТОЙ МАКАРИЙ ЖЕЛТОВОДСКИЙ” не только объёмное изображение церковной архитектуры, но и выявление разных фактур: каменный храм и деревянные кельи.

Свободное сочетание традиций и новизны в сконцентрированной форме отобразилось в одной из самых известных работ мастера “ДРЕВО ГОСУДАРСТВА МОСКОВСКОГО” (1663), созданной в самом конце его пребывания в Серебряной палате. Икона — единственная среди его произведений, не имеющая официального названия. Её называют по-разному: “Владимирская икона Божией Матери”, “Похвала Пресвятой Богородице” или, чаще всего, “Древо государства Московского”. Надо сразу сказать, что такого извода (композиции) русская иконопись не знала. Правда, известна иконография генеалогического древа сербских правителей Неманичей, а также знаменитое Древо Иессеево, где, как и в Древе Неманичей, дана генеалогия Христа. Избирая древо как иконографическую основу, художник использует его совершенно в других целях. Не последовательная хронология, а история духовного возвышения Москвы как первопрестольного града и самого царства Московского определяют идею иконографии.

В нижней части иконы мы сразу узнаем стену Московского Кремля и возвышающуюся Спасскую башню, данную, кстати сказать, уже объёмно, а не плоскостно, как в древней иконописи. Художник даже изобразил на башне часы: и механические, и, чуть выше, — солнечные. Это стремление к натурности уже не покидает мастера. Мимо его внимания не проходят не только узнаваемые черты Спасской башни, но и та часть кремлёвской стены слева, которая идёт вдоль Васильевского спуска. Тёмная полоса, залегшая у подножия стены, — графическое изображение окружающего Кремль рва, что подчёркивало в иконе символ Москвы как твердыни, неприступности государства Московского. Но тому, кто идёт к нам с добром, открыты пути и ворота.

Здесь же изображены царь Алексей Михайлович (слева) и справа — царица Мария Ильинична с двумя царевичами. Причём мастер даёт портретное изображение царя и царицы, но в иконописных традициях. Примечательно, что вся царская семья представлена в иконе с нимбами, хотя они ещё живы и в будущем никто из них не будет прославлен. Всё дело в том, что в ходе обряда венчания на царство царь и царица, как помазанники Божии, приобщаются к святости. Знаком этого приобщения и стали в иконе Симона Ушакова нимбы над их головами. Сразу за стеной в центре художник изобразил тех, кому Москва обязана началом своего возвышения: справа — Иван Калита,

первый великий князь Московский, а слева – митрополит Пётр, перенесшие в 1325 году кафедру и престол из Владимира в Москву. А уже на следующий год было закончено строительство в Кремле Успенского храма как кафедрального, то есть главного собора Москвы. Именно с этого времени Москва и стала называться первопрестольным градом. По этой причине за спинами митрополита Петра и великого князя Ивана Калиты, насаждающих древо, вырастает Успенский собор. В отличие от натурального, объёмного изображения Спасской башни, он дан художником традиционно плоскостно. Этим подчёркивается не только и даже не столько древность собора, сколько почтенность исторического возраста государства Московского, его векового величия. Примечательно, что прорастает Древо сквозь Успенский собор, то есть через ЦЕРКОВЬ, символизируя собой стержневую основу Московского государства. Какими же плодами украсил иконописец это государственное Древо с разбегающимися влево и вправо ветвями?

В медальонах на левой ветви изображены митрополиты, патриархи и цари, внесшие свой вклад в духовное и политическое укрепление и возвышение Москвы. Отсюда не хронологический, но избирательный подход художника к выстраиванию этого ряда. В нём, наряду с другими, и Владыка Алексий, начинающий этот ряд, – любимый митрополит Дмитрия Донского. Затем идёт митрополит Киприан (№ 2) – инициатор переноса главной святыни на Руси Владимирской иконы Божией Матери из Владимира в Москву в 1395 году. В этом же ряду – ещё два митрополита: Фотий и бывший уже после него Иона. Но Фотий – грек, а Иона – свой, русский. Поэтому вперёд под № 3 художник ставит именно Иону, а Фотия – за ним. Далее идёт митрополит Филипп (№ 5) – страстотерпец, мученик. Здесь же и первый Патриарх всея Руси Иов (№ 6), с именем которого связано учреждение Патриаршества на Руси в 1589 году. А сразу за ним – Патриарх Филарет (№ 7), насильно постриженный в своё время Борисом Годуновым. Ушаков неслучайно включил его в этот перечень. Ведь Патриарх Филарет – отец Михаила Фёдоровича, основателя царствующей династии Романовых. Потому сразу за Филаретом идут цари: Фёдор Иоаннович (№ 8) – последний Рюрикович, а рядом Михаил Фёдорович (№ 9) – первый Романов. Изображённые рядом, они символизируют преемственность царской власти как новой формы государственности, учреждённой на Руси Иваном Грозным в 1547 году. А над ними, завершая левую ветвь, – невинно убиенный царевич Димитрий (№ 10), канонизированный в 1606 году. Святого царевича Димитрия очень любили, почитали и молились ему. Потому Симон Ушаков и включил его в этот ряд.

А на правой ветке – основатели и настоятели расположенных близ Москвы монастырей, имевших для неё не только духовное, но и стратегическое значение. Ведь именно монастыри, строившиеся как неприступные крепости, принимали на себя первые удары при нашествии врагов на Москву.

Но начинается этот ряд дед Ивана Калиты, святой благоверный великий князь Александр Невский. Прямо над ним в медальоне Игумен земли русской преподобный Сергей Радонежский. А рядом – его ученики и последователи: св. Никон Радонежский, чуть выше в медальоне – св. Савва Сторожевский. Здесь же св. Пафнутий Боровский. Под 8-м и 9-м номерами идут известные москвичи, люди Божии: Василий блаженный и Максим блаженный, а над ними, завершая ряд, – блаженный Иван Большой Колпак. За ним закрепилось это прозвище из-за большого колпака из валеной шерсти, который он носил на голове, не снимая. Примечательно, что изображения блаженных художник даёт на том же самом уровне, что и царей. И далеко не случайно! Блаженные – люди Церкви, отстаивавшие в миру духовно-нравственную чистоту народа, его совесть. Поэтому они могли прямо, не выбирая выражений и невзирая на социальное положение, без обиняков прилюдно обличать, по слову св. Игнатия Брянчанинова, “находящихся в самообольщении, в области лжи и обмана” и потому не могущих “быть исполнителями заповедей Христовых...”

У царской семьи, а также у всех персонажей в медальонах в руках развёрнутые свитки. У всех, кроме царя, выведены тексты из разных древних Акафистов Пресвятой Богородицы, начинающихся со слова: “Радуйся!”, обращённых к Божией Матери. И только у Алексея Михайловича на свитке слова молитвы: “Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...”. Молитвы, обращённой к Богу, изображение Которого дано художником в верхней части иконы. Христос отдаёт Свою ризу, а также царский венец ангелам для передачи

русскому царю. Для середины XVII века – эпохи утверждения в общественном сознании идеологии царственности – данный сюжет имеет ключевое значение. В нём получила своё воплощение принципиально важная тема, в которой идея особого, Небесного покровительства царю как помазаннику Божьему получает своё сакральное обоснование евангельской мыслью: “Несть власти аще не от Бога”. Оттого превалируют в иконографии не просто образы духовенства, а целый сонм русских святителей, выступающих в иконе собирательным образом Церкви как фундаментальной опоры, основы, на которой зиждется царская власть на Руси. Так зарождается ещё одна привнесённая Симоном Ушаковым идея, объединяющая всю композицию иконы, – идея единения Церкви и Царства, то есть симфонии. Потому и доминирующим центром всей композиции, её мощным заключительным аккордом становится образ Владимирской иконы Божией Матери – главной русской святыни.

В “Древе государства Московского” Симон Ушаков выступает прекрасным художником, создателем новой иконографии, наполненной идеями, свидетельствующими о глубоком понимании им своего времени, которое он слышал своим чутким, обострённым слухом. Православный мыслитель, он при этом не перестает быть иконописцем, выстраивая иконографию, прежде всего, на утверждении идей Церкви, преломляя в ней своё истинно религиозное видение и осознание основ русского бытия.

В 1664 году Симон Ушаков по приглашению боярина Богдана Матвеевича Хитрово, возглавлявшего Оружейную палату, поступил на службу туда. Основана Оружейная палата была ещё в середине XVI века как хранилище оружия. Но начиная с 40-х годов XVII века, к ней присоединились парусная, ландшафтная и иконная палаты. В связи с этим меняются и функции Оружейной палаты, начинается всё более вырисовываться её художественный профиль. Ко времени появления в ней Симона Ушакова здесь были собраны лучшие творческие силы тогдашней Руси, и назывались они царскими изографами. Тем не менее, и здесь он сразу занимает ведущее положение. Его заказчиками были преимущественно царь, царица и Патриарх.

В 1668 году художник создаёт Киккскую икону Божией Матери для церкви Григория Неокесарийского в Москве. Именно сюда на богослужение нередко приезжал сам Алексей Михайлович. Здесь же он потом венчался с Натальей Кирилловной Нарышкиной, матерью будущего императора Петра I.

Своё название икона получила от Киккского монастыря, расположенного у горы Киккос на Кипре. По преданию, автором иконографии является сам апостол Лука. С самого первого взгляда на икону Ушакова привлекает внимание лик Богородицы. Здесь уже нет контрастного соединения тёмного и светлого (способ объёмного построения формы), что было характерно для более ранних его работ. И хотя традиционный иконописный принцип: от санкиря (нижнего тёмного красочного слоя) к вохрению, то есть высветлению охрой, сохраняется, но само высветление лика художник ведёт наложением мелких прозрачных мазочков, в которых просвечивают нижележащие слои, что позволяет мягко и плавно воссоздать объём. Отсюда название этого способа живописи – “плавь”, возникновение которого связано также с именем Ушакова. Затем, в XVIII веке такое письмо получит своё дальнейшее применение и развитие уже в светской живописи и будет называться лессировками, с помощью которых можно не только выстроить объём, но и дать его полноту, выявляя при этом и красоту самой живописи. Но для Симона Ушакова здесь встаёт проблема не только объёмного построения, но и явно выраженная попытка передать ощущение материального, телесного. Глаза у Богородицы и младенца прописаны также уже сферически, что встречается в его более ранней иконе “Спаса Нерукотворного”.

Новизной отличается и сама трактовка образа Богородицы. Отталкиваясь от названия иконы “Элеуса”, что значит “милующая”, он создаёт образ “нежной, любящей матери”. Искусство Симона Ушакова открывается нам здесь ещё одной своей новой гранью: привнесением впервые в икону состояния, в котором пребывает Богородица. В уголках Её губ притаилась едва намеченная мягкая полуулыбка-полунамёк, но при этом глаза слегка подёрнуты той грустью, что прячется где-то глубоко в тайниках Её души. Художником всё больше и больше овладевает идея “живоподобия”.

В иконе поражает её светлый, праздничный колорит, построенный на сочетании светло-розового, зелёного, жёлтого тонов с активным введением

нигде не повторяющихся орнаментов, декорирующих одеяние Богоматери. Складки Её мафория художник пишет не условно, отмечая плоскостно, прямыми линиями, как принято в древней иконописи, а уже с лёгким подтенением, вызывая ощущение их объёма. Стремясь сохранить верность натурности, художник передаёт и ломающийся в складках рисунок орнамента.

В принципе, в русской иконе нет резкой, выраженной динамики, а если движение присутствует, то всегда плавное, парящее, и потому в ней всегда царит тишина, покой и размеренный ритм. Но здесь художник отталкивается от уже заданной иконографии, в которой дан энергичный разворот Богомладенца, невольно задевшего своей рукой мафорий Богоматери. Как блестящий рисовальщик, Симон Ушаков не мог пройти мимо этого пластического момента и, воспользовавшись им, дал слева целый каскад складок, декоративно сочетая розовое с зелёным на фоне золотисто-жёлтого. Но как большой мастер композиции, чувствующий и понимающий законы гармонии, Симон Ушаков уравновешивает его параллельным потоком более мелких складок в одеянии младенца. В этой иконе ритм вообще играет немаловажную роль. Круглящиеся, ниспадающие складки в одежде младенца подхватываются широким разворотом складок богородичного плата. Графическая ясность и даже натурность привносят в икону какую-то удивительную мягкость, покой и теплоту. Традиционный для иконописи ассист – золотистые лучики, которыми обычно испещрено одеяние Богомладенца, как символ Божественной энергии, присутствуют и на иконе Симона Ушакова, но уже не в своём символическом значении, а скорее как дань традиции, причём традиции, используемой здесь в качестве декора и как ещё одна краска, включённая в общее колористическое решение иконы.

Произведением, отразившим дальнейший процесс формирования искусства Симона Ушакова, его своеобразия, стала “ТРОИЦА” (1671). Как известно, образцом этой иконографии является “Троица” Андрея Рублёва, созданная им в 1415 году и сразу принятая Церковью в качестве канонического образца. Но в течение 250 лет рублёвская икона прошла через горнило многочисленных записей и поновлений, обретая всякий раз облик, всё больше и больше отдаляющий её от оригинала. Вот в таком виде она дошла до Симона Ушакова. Поэтому говорить о его “Троице” как о точном списке с иконы Рублёва не приходится. Та рублёвская “Троица”, которую мы знаем сегодня, – результат продолжительной, тщательной, кропотливой расчистки иконы от поздних наслоений. “Симон Ушаков мог создать только своё произведение, не подражая Рублёву, не копируя его, но заимствуя иконографический тип”*. Он и был взят Симоном Ушаковым за композиционную основу своей иконы, в которой трёх ангелов он так же расположил вокруг стола. “Троица” Ушакова интересна не только своим художественным исполнением. В ней, кроме всего прочего, особенно ярко оказалось выражено действие зародившейся в его творчестве новизны. Более того, в этой работе проявилось само отношение художника к этой новизне. Отношение, которое, уже как принцип, заявило о себе именно здесь.

Лики всех трёх ангелов у Симона Ушакова разные и, в отличие от иконы Рублёва, их фигуры не образуют круга, являющегося в христианстве символом вечности и бесконечности, что соответствует богословской идее о том, что Бог – везде, а центр Его – нигде. Крылья правого и левого ангелов, а также данные в обратной перспективе сидения ангелов в иконе Ушакова геометрию круга нарушают, и заключённая в нём идея уходит. Но при всём том Ушаков сумел рассмотреть у Рублёва, даже при всех поздних записях, как внутренним абрисом правой и левой фигур возникает изображение чаши, внутри которой оказывается Христос. Тем самым Ушаков приближается к идее Евхаристии, воплощённой ранее Рублёвым. Вместе с тем, натюрморт в стиле зародившегося в европейском искусстве именно в XVII веке барокко своей описательностью, подчёркнутой декоративностью привносит в икону, скорее, тему трапезы, занижая тем самым суть самой идеи закланного тельца, то есть жертвы. Но языком жестов, благословляющих её, Ушаков пытается восстановить духовную высоту происходящего. Высоту, на которой оказывается, прежде всего, Христос, лик Которого исполнен любви, не душевной, чувственной, а духовной. Эта проповедь слов Христа: “Милости хочу, а не жертвы”, то есть любви,

* И. Г. Бекенева. Симон Ушаков. Л., 1984. С. 57.

и определяет содержание иконы, её одухотворённый образ. Традиционно пишет художник складки одежды, а также волосы ангелов, где канонически тонкими штрихами выписана каждая прядь. В то же время лики и руки прописаны уже достаточно объёмно. Но при этом переход от тёмных частей к высветлению Ушаков ведёт не мягко, постепенно, что уже было продемонстрировано им, скажем, в “Киккской Божией Матери”, а на контрасте. Правда, это уже не та острота контраста, что была характерна для раннего “Спаса Нерукотворного”, но всё же с откровенными перепадами от тёмного к светлому.

Ранее мы отмечали программное обращение мастера к древним или редким изводам. “Троица” – ещё один тому пример. В нижней части иконы рядом с престолом он поместил высокий кувшин для омовения ног – сюжет, который очень редко встречается в иконографии “Троицы”. Здесь же обращает на себя внимание удивительно тонкий по красоте и мастерскому исполнению, изящный орнамент, напоминающий чернение на серебре. Причём везде: и на скатерти, и на обоих сидениях он свой, нигде не повторяющийся, что выдаёт необычайный художественный темперамент и талант знаменщика. Но при всём том эта деталь так явно не бросается в глаза, оставаясь в тени главной темы. Мы замечаем эту деталь не сразу, а открываем её для себя как бы постепенно, по мере встраивания в икону, в которой орнамент – как ещё одно свидетельство блестящего искусства Ушакова-рисовальщика.

В иконографии “Троицы”, созданной не только Рублёвым, но и мастерами, жившими задолго до него, всегда присутствуют дом, где принимал гостей Авраам, дерево, где произошла встреча с тремя ангелами, а также гора. Но только у Рублева, воплотившего в иконе идею единой, неделимой, присносущной “Единицы Божией”, архитектура становится носителем идеи домостроительства, то есть создания храма в душе человека. Мамврийский дуб – прообраз того древа, на котором Христос примет свою крестную смерть, а гора всегда в христианстве – символ нашего духовного восхождения и спасения. Такой символики в иконе Ушакова нет. Гора оказалась вообще композиционно смазана. В этом дереве с роскошной кроной трудно разглядеть образ Голгофы. Архитектура также не связана ни с какими духовными ассоциациями. Скорее, вызывает в памяти картину Паоло Веронезе “Пир у Симона фарисея” (1570), в композиции которой задает тон аркада с арочным замком посередине каждой арки, а также ритмика колонн, увенчанных коринфскими капителями. Происхождение этой цитаты Веронезе объяснимо, поскольку в Оружейной палате находились немало гравюр с произведений европейских художников, преимущественно эпохи Ренессанса. А наряду с ними начала формироваться и коллекция самих живописных подлинников иностранных авторов. Да и сам Симон Ушаков, подпав под влияние виртуозного мастерства европейских живописцев, их чарующего “живоподобного” письма, начал увлекаться коллекционированием произведений живописи. Влияние оказалось столь велико, что одну из арок с картины Веронезе, правда, чуть в другом ракурсе, Ушаков даже ввёл в свою икону. Привлекли внимание художника и виднеющиеся сквозь арочный просвет архитектурные строения, которые тоже получили затем своё отражение в его иконе. А вместе с этим заимствованием пришла впервые в русскую икону прямая перспектива. Открытая европейскими мастерами на рубеже XV–XVI веков, прямая перспектива, имеющая точку схода на горизонте, оказалась очень точным и надёжным инструментом в изображении мира дальнего. В то время как икона, будучи отображением мира горнего, всегда писалась исключительно в обратной перспективе, при которой точка схода – в самом человеке. От него исходит молитва к Богу, к Богородице и к святым. В этом отношении икона Ушакова “Троица” интересна, кроме всего прочего, тем, как в иконописи начинают всё больше и больше пробиваться элементы светского искусства, повторяя тот же самый путь, что прошло оно и в Европе, где тоже родилось из иконы. Но возникшую прямую перспективу художник тут же нейтрализует линиями идущих параллельно карнизам, потому эти линии никогда и нигде не пересекутся между собой.

При всём том невольно ловишь себя на мысли, что все эти новшества, даже порой разительные, не заявляют о своей первостепенной значимости и не декларируются художником как новейшие достижения в области иконописи. Более того, оставаясь где-то на втором-третьем плане, и европейская архитектура, и введённая художником прямая перспектива, и прочие “достижения” не воспринимаются в иконе как разительно кричащие – настолько

сдержанно и тактично их пластическое присутствие в композиции. Эта художественная сдержанность была присуща живописной и колористической интерпретации “Киккской Божией Матери”, а ещё раньше самому первому в творчестве мастера образу “Спаса Нерукотворного”. Даже сама идея “живоподобия”, заявившая о себе достаточно рано, не подавляла, не посягала на природу иконы. И в дальнейшем эта сдержанность будет сохраняться в его работах как неотъемлемая, характерная особенность искусства Симона Ушакова, оставшегося, несмотря ни на что, в пределах иконописи.

Была представлена на выставке и маленькая, но очень интересная работа Ушакова – “АРХАНГЕЛ МИХАИЛ, ПОПИРАЮЩИЙ САТАНУ” (1674). Именно в этом году царевич Фёдор Алексеевич был официально объявлен наследником престола. Есть ли какая-то связь между этим государственно-значимым событием и появлением одновременно самой иконы? Или это – случайное совпадение?

В центре иконы – Архангел Михаил с огненным мечом, попирающий сатану и бесов. Справа, на фоне, – четыре евангелиста. Слева – святой равноапостольный римский император Константин Великий. Рядом – мученик Арефа. Жил он в VI веке и был правителем города Неграна в Гравии, жители которого были христианами. Аравийский (или Омиритский) царь, иудей Дунаан, решив уничтожить христианство в стране, издал указ об убиении всех последователей Христа. Жители Неграна остались верны Господу, и Дунаан пришёл с большим войском разорить город. Не сумев взять христианский город силой, Дунаан пошёл на обман, поклявшись, что не будет принуждать христиан переходить в иудейство, а лишь обложит Негран данью. Жители города не послушались слов своего правителя Арефы и, поверив Дунаану, открыли ворота. В результате Арефа и с ним ещё 4299 человек, сохранивших верность Христу, приняли мученическую смерть. Впоследствии все они были канонизированы, и ежегодно 6 ноября церковь празднует память мученика Арефы. Надо сказать, что жизнеописание воина-мученика Арефы в эпоху позднего Средневековья было весьма популярно на Руси.

Образы четырёх евангелистов должны были “наглядно раскрывать тему истинной веры, основанной на Евангелии”*. Неслучайно присутствие в иконе святого равноапостольного Константина Великого, – “мудрого и благочестивого правителя”, деяниями которого утвердилось христианство как государственная религия в Римской империи. В связи с этим появление здесь мученика Арефы – как своеобразный призыв к “стойкости и способности претерпеть ради этой веры любые страдания”. Тема иконы начинает приобретать явно назидательный характер. Как дальнейшее развитие программы, её кульминация, возникает доминирующий в иконе персонаж, предстающий в воинском облачении, буквально затканном орнаментом, – Архангел Михаил, “вождь войска Господня”, главный борец против зла, существующего в мире. И так же, как прежде, тонкий, изысканный орнамент, нигде не повторяющийся, поражает не только мастерством исполнения, но, прежде всего, “чувством меры”, которым блестяще владел Симон Ушаков. Только само это “чувство” определялось, корректировалось у него не только его чисто художественным чутьём, но, прежде всего, его религиозным сознанием и, как следствие, пониманием им самой природы иконы, что и породило, сформировало столь характерную для него сдержанность, которую точнее назвать духовным тактом.

Но в иконе архистратиг Михаил попирает не только сатану как символ зла, но и бесов, то есть человеческую подверженность искушениям и страстям. Всё это придаёт иконе совершенно определённый дидактический, духовно-нравственный смысл, обращённый отнюдь не к простому человеку. Присутствие императора Константина Великого и правителя Арефы позволяет предположить, что “речь идёт об облечённом высшей властью правителе, который должен подражать подвигам благочестивых и стойких в вере правителей древности и уподобиться в самой мощи и ревности к борьбе со злом архангелу Михаилу”, не поддаваясь никаким страстям и искушениям. Сам назидательный, программный характер иконы предполагает наставления не опытному правителю, которым был царствовавший тогда ещё Алексей Михайлович, а человеку, которому только предстояло вступить во власть. Таким человеком и был только что объявленный наследником престола царевич Фёдор Алексеевич,

* Здесь и далее: “Симон Ушаков – царский изограф. Каталог выставок”, М., 2015.

с которым невольно и ассоциируется человек в нижней части иконы на позёме слева. Совершенно очевидно, что сам Симон Ушаков не мог по собственной инициативе написать такую икону, программу которой, судя по всему, мог предложить ему только кто-то из ближайшего окружения царевича. Здесь важно отметить сам факт заказанной программы, в соответствии с которой художник не обращается к прежним, вековым иконографиям, а создаёт совершенно новую композицию.

Симон Ушаков – создатель нового московского стиля, замешенного на реалиях окружающего мира, и вместе с тем торжественного, праздничного, в котором отразилось не только своеобразие его живописи – радостной, с ярко выраженным декоративным началом. Видимо, такой была и сама его вера, питавшаяся духовной радостью, испытываемой мастером от постоянного иконописного общения с образами мира горнего, а также возможностью послужить своим талантом Богу.

Новый стиль, зародившийся в искусстве Симона Ушакова, которое подерживала и почитала царская семья, вскоре стал очень широко распространяться повсеместно. Связано это было, с одной стороны, с начавшимся ещё в XVI веке затуханием местных художественных школ, прекративших к XVII веку полностью своё существование. А с другой – с необычайно активизировавшейся, начиная с 1640-х годов, художественной и даже педагогической деятельностью Оружейной палаты. Работавшие в ней мастера делились на “жалованных” и “кормовых”. “Царские жалованные изографы выбирались из лучших художников Москвы и других городов. “Кормовые” мастера считались несколько ниже рангом, но так же, как и “жалованные”, выбирались из наиболее талантливых “городовых” (городских) мастеров и получали вознаграждение только во время работ. Часть “кормовых” мастеров работала постоянно при Оружейной палате, часть по окончании работ распускалась по домам, их собирали для больших государственных или монастырских заказов...” Именно “кормовые” изографы, работая бок о бок с “жалованными” мастерами, и способствовали распространению в провинции новых художественных приёмов и идей. Вместе с тем они же и обогащали столичную живопись “местными навыками и формами”.

Примером московского стиля иконописи может служить представленный на выставке праздничный чин, исполненный, казалось бы, одной рукой. На самом деле здесь несколько авторов, но различия в исполнительской манере почти не ощутимы, так как все иконы в этом целостном ряду объединяет тот самый московский стиль. Причём самому Симону Ушакову здесь принадлежит только одна икона: “БЛАГОВЕЩЕНИЕ”. Здесь, конечно, обращает на себя внимание и нетрадиционная для русской иконописи архитектура, и потянувшаяся за ней прямая перспектива, которая сразу же приводит к выявлению глубины и трёхмерности пространства. Видимо, знакомство с европейским искусством стало настолько овладевать художественным сознанием Ушакова, что отказаться от этих новых веяний, от новых форм и средств выражения, способных полнее и точнее раскрывать возможности “живоподобия”, было уже трудно. Но при всём том художник старается всё же держаться традиционной иконографической схемы. Плоскостями второго плана, а также облаком, в котором предстал перед Марией архангел Гавриил, Ушаков перекрывает пространство и тем самым снимает выявляющуюся прямой перспективой его глубину. Для усиления эффекта пишет столик перед Марией в обратной перспективе, сохраняя также приверженность к традиционному написанию вытянутых фигур. Лики же написаны в уже сложившейся у Ушакова живописной манере. Художник выстраивает колорит иконы преимущественно на мягком, нежном сочетании светло-розового и золотисто-жёлтого, взятых в тёплых тонах. Избрание самих цветов далеко не случайно, а продиктовано прекрасным знанием Ушаковым христианской символики, в которой жёлтый, золотой символизирует Божественный свет, а одно из значений красного – символ огня, мученичества, жертвы. Так в иконе прочитывается сакральный смысл происходящего: и зачатие Христа, и Его исход с земли через Голгофу.

По заказу своего начальства – боярина Хитрово – Симон Ушаков пишет икону СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО (1669).

По традиции все преподобные изображаются в монашеском одеянии. В соответствии с традиционной иконографией, если руки с благословляющим жестом изображены на уровне груди, то свиток в руке свёрнут. Развёрнутым

он изображается только в ростовой иконе преподобного с разведёнными в сторону руками. Эти два иконографических типа Ушаков, как и в ранний период своего творчества, соединяет. Потому и свиток в руке Сергия Радонежского развёрнут. Но какого-то своеволия здесь нет, а есть обращение к достаточно редким комбинированным вариантам с поясным изображением святого, руки которого располагались перед грудью, “а свиток в руке, тем не менее, оказывался развёрнутым и содержал более или менее пространственный текст поучения”. Вместе с тем сама развёрнутость свитка дана не условно, как в древних иконах, а с попыткой дать объёмное закругление его нижнего края. И хотя рисунок в этом отношении ещё не очень уверенный, тем не менее, закруглённый нижний край своим объёмным построением предполагает трёхмерное пространство.

Можно сказать, красной нитью через всё творчество Симона Ушакова пройдёт икона “СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ”. В творческой биографии мастера их будет много. До нас дошло более 10. Многие из них были представлены и на выставке. Одна из лучших работ этого цикла – “СПАС НЕРУКОТВОРНЫЙ” (1673).

Называется икона так потому, что была не написана, а сотворена чудесным образом Самим Господом. И не удивительно, что она получила такое широкое распространение в христианском мире. Необычна и сама история возникновения этой иконы. По преданию, эдесский царь Авгарь, живший в I веке н. э., был болен неизлечимой болезнью в её самой тяжёлой форме – чёрной оспой. Он прослышал, что в Иерусалиме есть какой-то необыкновенный человек, исцеляющий любые болезни: хромые у Него ходят, слепые видят, глухие слышат, и нет такой болезни, которую бы Он не уврачевал. И вера царя Авгаря в чудесную, целительную силу этого Человека возросла настолько, что ему показалось возможным излечение от одного только взгляда даже не на самого этого Человека, а лишь на портрет Его. С этой целью он отправил в Иерусалим своего слугу Ананию. Прибыв в Иерусалим, Анания не мог добраться до Христа, вокруг Которого всегда собирались тысячи людей. И только через три дня сам Христос, приметив его, подозвал к Себе и спросил: что ему от Него надобно? Анания передал просьбу своего царя, и тогда Христос попросил принести Ему таз с водой и убрus (полотенце). Омыл лицо руками и приложил к лицу убрus. Вода чудесным образом превратилась в краски, и на убрuse отпечатался Божественный лик Христа. Так появилась самая первая икона на земле, получившая такое широкое распространение в христианском мире в виде многочисленных списков. Огромное их количество было и по всей Руси Великой. Начиная ещё с домонгольских времён, русские иконописцы постоянно обращались к этому сюжету.

В иконе Симона Ушакова лик написан уже в сложившейся у него живописной манере. Дана сферическая форма глаз и, если хорошенько присмотреться, можно даже увидеть слегка намеченные реснички. По поводу более раннего “Спаса Нерукотворного”, созданного Ушаковым ещё в период работы в Серебряной палате, его друг и сподвижник Иосиф Владимиров, в частности, писал, что она “описуется по плотскому смотрению...” Отсюда это стремление дать объёмное построение лица, эта овладевшая художником уже на раннем этапе идея “живоподобия”, отсюда эта живопись со светотеневой моделировкой объёмных складок убруса. Отсюда же этот взгляд – живой, пронизательный, устремлённый на зрителя, приковывающий к себе наше внимание. Но “плотское смотрение” Ушакова, его тяготение к натуральности порождено вовсе не стремлением к очеловечиванию Христа, но попыткой дать образ обожённой плоти, назиданием прихожанину храма, напоминанием о том, что Бог явился во плоти для того, чтобы человек стал Богом.

“ТРОИЦА” (1677) – ещё одна икона, написанная по заказу Б. М. Хитрово, как его вклад в церковь Живоначальной Троицы в пожалованном ему государем подмосковном селе Ознобишино. К украшению этой церкви боярином Хитрово были привлечены и другие мастера Оружейной палаты, что свидетельствует о сохранении и в XVII веке системы работы артелью, у которой достаточно давняя история. В XIV веке, например, в одной артели работали Феофан Грек, Даниил, прозываемый ошибочно Чёрным, и Андрей Рублёв. В XV веке артель Дионисия с сыновьями расписывала Ферапонтов монастырь. Но в эти времена работа в артели распределялась индивидуальным заказом каждому мастеру: на создание или иконы, или даже целого ряда в иконостасе,

или роспись храмовой стены на конкретный сюжет или даже несколько сюжетов и проч. В XVII веке ситуация несколько меняется: стала зарождаться специализация художников. И не только по жанрам, но и по **личному и доличному** письму, по архитектуре, по пейзажу, по декору и т. д. В связи с этим одну икону могли писать сразу несколько художников. “Троица” 1677 года — прямой тому пример. И хотя всё доличное письмо, а также второй план здесь, скорее всего, принадлежат Никите Павловцу, но всё же, видимо, мы можем считать эту икону кисти Симона Ушакова. Именно ему здесь принадлежит и рисунок, сделанный по той же прориси, что и “Троица” 1671 года, и цветочное решение иконы, и сама композиция её, повторяющая иконографию более ранней. Кроме того, в орнаментах на чаше, скатерти, сидениях в виртуозности тончайшего рисунка, словно чернение по золоту, мы также узнаем руку Симона Ушакова.

Но важнее всего, что именно ему принадлежит в иконе личное письмо. В отличие от предыдущей “Троицы” с разными, непохожими друг на друга ликами, здесь все три ангела на одно лицо. Сами лики прописаны Ушаковым в сложившейся у него манере: постепенных сглаженных, плавных высветлений по тёмно-зелёному санкирю. Но, в отличие от прежней его “Троицы”, здесь лёгкий наклон головы центрального ангела более выражен и даже, можно сказать, акцентирован. В подобной иконографии — это всегда выраженнейший знак смирения. В данном случае — смиренного согласия Бога-Сына на принесение Себя в жертву ради спасения человечества. В более ранней “Троице” предстал иконный образ, одухотворённый проповедью любви, заповеданной нам Христом. Здесь же мастер оказывается гораздо ближе сакральному смыслу Евхаристии, выступая, кроме всего прочего, проповедником того, что ещё Иоанном Златоустом было названо “духовным горением”, то есть полным самоотречением, смиренным отдаением себя в волю Божию.

А годом раньше, в 1676 году Ушаков “со товарищи” пишет икону “ФЕОДОР СТРАТИЛАТ” — патронального святого только что вступившего на престол царя Фёдора Алексеевича. И хотя Фёдор Стратилат был военачальником, но изображён он без каких-либо воинских доспехов, а лишь с одним крестом, с которым в иконах изображаются только мученики. Изображён в смиренной, молитвенной предстоянии, принимающим благословение Божественной Десницы. Можно, конечно, говорить о традиционности типа царских тезоименных образов, которого придерживается здесь мастер. Вместе с тем воплощённый и здесь мотив смирения получит вскоре своё дальнейшее развитие, воплощённое в “Троице”. Это говорит не только о внутреннем родстве этих работ мастера, созданных одна за другой, но, прежде всего, о том, насколько тема смирения в это время владела им самим. Это становится очевидным по той силе духовного такта, которая сдерживала в работе над “Фёдором Стратилатом” творческий порыв художника в обильном орнаменте облачения святого. Буйный ритм складок красного плаща передаёт не столько волнение персонажа иконы, сколько выдает силу порыва самого художника. И всё же бьющая через край фантазия орнаменталиста, блестящее мастерство рисовальщика так же, как и в иконе “Архангела Михаила”, не перекрывают главную идею иконы, не посягают на её природу, на её высокий дух.

Вместе с тем сам факт такого внимания к витиеватому, изошёренному орнаменту, покрывшему почти полностью фигуру, нигде не повторяясь, воплощённому с мастерством миниюриста и точностью ювелира, говорит не только о декоративности как одной из граней таланта Симона Ушакова. Да, этот декор не активизирован, но в обильном его присутствии в иконе, в явно ощущаемом наслаждении тем, что ему было дорого и любо, просматривается всё более нарастающее в самом художнике чувство внутренней свободы. Это чувство постоянно поддерживалось в нём и исповедуемой им идеей “живоподобия” и нарастающим влиянием европейского искусства, обильно представленного в гравюрах в Оружейной палате, и общением с иностранными художниками, работавшими с ним бок о бок. Немаловажно и то, что при всех этих особенностях его искусство высоко ценилось царской семьёй, её ближайшим окружением и, как следствие, тогдашним руководителем Оружейной палаты боярином А. М. Хитрово, заказы которого не раз исполнял Ушаков. Эта внешняя, официальная поддержка способствовала лишь укреплению зародившейся в его творчестве тенденции, характерной скорее для светского искусства. Оно манило, притягивало к себе, поскольку открывало новые художнические горизонты.

Это особенно наглядно проявилось в иконе “СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРТЕМОН ЛАОДИКИЙСКИЙ”, созданной в 1670-е годы. Здесь орнамент выдумкой и разнообразием выходит уже на первый план, сразу привлекая к себе внимание. И только потом взгляд обращается на лик святого. Более того, художника здесь занимает уже не только декор, но и материальная фактура тканей. Источником вдохновения Симону Ушакову послужили здесь привозимые из восточных стран и Западной Европы дорогие ткани, украшенные богатым узором. Лёгким подтенением передаёт он складки ткани и ломающийся в связи с этим рисунок декора. Художник явно стремится к натурности изображения.

Набирающая силу тенденция должна была где-то основательно проявиться. Она и проявилась в гравюре 1680-х годов. Правда, сам Симон Ушаков редко резал гравюру, чаще создавал рисунки для неё. Вдохновлённый европейским искусством мастер в гравюре “ЦАРЬ ДАВИД” (фронтиспис к Псалтири) даёт объёмное изображение фигуры, выявляет трёхмерное пространство, членит его на планы, выстроенные в прямой перспективе. А в гравюре “БЕСЕДА ВАРЛААМА И ИОАСАФА” (фронтиспис к “Повести о Варлааме и Иоасафе” Симеона Полоцкого) использование прямой перспективы активизировано и в рисунке пола, и в выявлении пространственной глубины, и в построении дальних планов. Более того, здесь уже ярко выражена привнесённая мастером чисто живописная трактовка формы, объёма, ниспадающих и мягко ломающихся складок и т. д. Но при всём том и в гравюре сказались его духовный такт. Подобную свободу творчества, развернувшуюся, можно сказать, в полном масштабе, Симон Ушаков позволил себе только потому, что иллюстрировал книги не богослужебные.

И всё же оглядка на европейских мастеров всё больше и больше начинает заявлять о себе и в его иконописи. В 1678 году он пишет “БОГОМАТЕРЬ НОВОНΙΚИТСКУЮ”. Есть даже предположение, и небезосновательное, что иконография “имеет, вероятно, западноевропейское происхождение”. Об этом свидетельствует и одежда Богомладенца, не характерная для русской иконы, и распахнутый на груди мафорий Богоматери, изображённой к тому же без чепца. А скрещенные на груди руки – редкий и для византийской, и, тем более, для древнерусской живописи жест был широко распространён как раз в работах итальянских мастеров XIV–XVI веков. Более того, русская икона не знает изображения Богомладенца с крестом, орудиями страстей в руках и терновым венцом. Кстати сказать, именно европейскому искусству и средневековому, а позже и светскому присуще изображение мученичества, неминуемого физического страдания, особенно в “Распятии”. В русских иконах ничего подобного нет по одной причине. На Руси прославлялись не страдания, а плод совершённого подвига. В частности, апостол Павел говорит: “А мы проповедуем Христа Распятого”. В этой фразе заключён глубокий смысл: ведь Христос, взойдя на крест, взял с собой все наши, человеческие грехи, которых у Него Самого не было, и распял их, то есть очистил нас. Поэтому “Распятие” воспринимается и почитается на Руси особо: как источник нашего очищения и спасения. Потому и поклоняемся ему.

Вместе с тем, при всей оглядке на европейское искусство, Симон Ушаков остаётся иконописцем, охраняющим природу русской иконы. Религиозное сознание, как известно, всегда будет доминировать над сознанием художественным. Отсюда тот самый духовный такт, которым отмечено искусство Симона Ушакова. По той же причине, заимствуя у светской живописи отдельные приёмы, стилевые характеристики, открытия, совершенные ещё в эпоху Возрождения, он остаётся невосприимчивым к тому, что определяло идеологический стержень Ренессанса, концепцию “человек – мера всех вещей”. Гуманистические идеи, приведшие к обмирщению, заземлению сакральных смыслов и образов, к разрушению иконы на Западе, не возымели на него своего воздействия, отступив перед необычайной духовной силой и глубиной религиозного сознания русского изографа. Вот почему: ни прямая перспектива, ни откровенное цитирование Веронезе, ни даже идея “живоподобия”, потянувшая за собой стремление к натурности, выявлению объёма, трёхмерности пространства, жизненных реалий, не стали определяющими в искусстве Симона Ушакова. Все эти проявления новизны не задевали главного в его иконе – мира горнего, духа святости, словом, его веры, его жизни в Боге.

Подытоживая свой рассказ, хочу ещё раз подчеркнуть своеобразие иконописного искусства мастера, вобравшего в себя и отразившего сложность

переходного периода от иконописи к светской живописи. Первые её ростки, появившиеся в творчестве Симона Ушакова, дали свой чудесный плод уже в живописи XVIII и последующих веков. Присущее Ушакову обострённое чувство ответственности за созданное им произведение не кануло в вечность. Ответственность, как зов совести художника, легла в основу системы воспитания студентов в Академии художеств, основанной в 1757 году. Именно потому, что художник рассматривался тогда как наставник, учитель народа, возрастала его ответственность за темы, которые он избирает, но главным образом за те идеи, которые он проповедуют. И в этом тоже явила себя преемственность отечественного искусства.

Идеи “живоподобия”, владевшие Ушаковым на протяжении всей его творческой жизни, вскоре проросли реалистическим искусством, в котором постижение окружающей действительности получило своё глубокое, одухотворённое отображение.

Декоративное начало иконописи мастера как ещё одно свойство видения, ощущения жизни и мира, также получило своё дальнейшее развитие в творчестве, в частности, выдающихся художников русского театра, сыгравших огромную роль в преобразении и русской, и мировой сценографии.

Замечательный художник и мыслитель Симон Ушаков, оставаясь в пределах позднего Средневековья, стал своего рода связующим звеном между прошлым и будущим русского искусства. Связующим не только в чисто профессиональном отношении, но и в духовном. Несмотря на все свои новации, он оставался религиозно мыслящим человеком, и потому создаваемые им молённые образы были исполнены необычайной духовной полноты. Именно к ней в дальнейшем будет стремиться с самого начала только-только встающая на профессиональные основы светская живопись. И хотя на фронтоне Академии художеств начертано: “Свободным художествам”, то есть искусству, свободному и независимому от Церкви, тем не менее уже тогда сразу же заявила о себе его главная особенность — его духовное начало. При отсутствии в Академии иконописного класса, именно оно — это духовное начало русского искусства — и будет свидетельствовать о том, что не порвалась “временная связующая нить”, а стало оно стержневой основой всего русского искусства.

ОЛЕГ МОРОЗ

НЕПРОЗРАЧНАЯ СУЩНОСТЬ ОБЩЕИЗВЕСТНЫХ ФАКТОВ

Юрий Козлов. Враждебный портной. Коридор. — М., “Художественная литература”, 2016.

В интервью (“Вечерняя Москва”, 21 декабря 2015) Ю. Козлов заметил, что его писательский труд проходит “вне оживлённого дискурса между “патриотами” и “либералами”, “в зоне недоуменного молчания”. Действительно, книги писателя, хотя о них и не скажешь, что они бегут от злобы дня, стоят в стороне от идеологических баталий литературных партий и не вызывают шумных дискуссий. Но это положение имеет и обратную сторону. Художественная речь Ю. Козлова иная; она звучит из глубины событий и обстоятельств, и слышать её, не прикладывая равноценных её трудности усилий, непросто. Редкие и часто поверхностные отзывы на произведения писателя, скорее нивелирующие нетривиальность его поэтического языка и оригинальность интеллектуальных ракурсов, свидетельствуют о “недоуменном молчании” критики. Сказанное в полной мере относится и к новой книге Ю. Козлова — роману “Враждебный портной” (создававшемуся в 2012–2014 годах).

В рецензии на “Портного” (“Литературная газета”, №1-2 (6538), 21 января 2016) сказано, что Дмитрий Каргин, центральный герой романа, не удовлетворяет “тренду”, определяющему нынешнюю прозу: “автобиографичности персонажей”. Каргин — “персонаж из серии анти-альтер эго”. Однако “Портной” не даёт оснований для столь категоричного утверждения. Как раз наоборот. Герой романа, как и сам Ю. Козлов, выпускник Московского полиграфического института, и именно на литературной стезе делает в 1980-х первые шаги в своей взрослой жизни. “Коридор”, повесть о начинающем писателе Никите Прокофьеве, написанная чуть позже (2015) “Портного”, — это, в сущности, дальнейшее развитие “литературной” темы романа. В образе Никиты автобиографические черты Ю. Козлова даже более заметны, чем в Каргине: это всё тот же Полиграфический институт и работа в редакции журнала “Юность”.

Однако автобиографизм героя “Портного” отнюдь не говорит о следовании Ю. Козлова модному “тренду”. Он не объясняется узостью жизненного опыта писателя, замыкающего художественную речь на впечатлениях собственной жизни. Автобиографизм романа Ю. Козлова, — а он, вероятно, включает и жизненный опыт его родных, — стал своего рода полигоном, на котором писатель решил проверить на прочность судьбу личную и судьбу общую, неразрывно, но противоречиво и, в сущности, конфликтно сплетенные в трудное единство. Каргин не только внешне автобиографичен, он автобиографичен *сокровенно*. Неслучайно в интервью, приуроченном

к выходу книжного издания “Портного”, Ю. Козлов (впрочем, не проводя напрашивающихся параллелей) рассказал о драматической истории своей семьи: дед писателя по отцовской линии, генерал-пограничник (энкавдешник-чекист), был репрессирован перед войной; бабушка позднее вышла замуж за железнодорожника Козлова, который и усыновил его отца. Эта история в художественно переосмысленном виде получила выражение в “Портном”: спасаясь от расстрела, Дий Фаддеевич, прадед-чекист героя романа, меняет фамилию Воскресенский на Каргин; а его правнук, в свою очередь, имя, и урождённый Дий становится Дмитрием.

Но существенно не только это. Каргин биографически близок Ю. Козлову не только своим – библиографическим – прошлым, но и настоящим. Выпускник Полиграфического института, Ю. Козлов, как и Каргин, не год и не два (без малого 17 лет) состоял на государственной службе и находился у подножия приблизительно тех же высот власти, что и его герой: сначала – начальник отдела в Пресс-службе Госдумы РФ, а затем и Совета Федерации. Вряд ли можно счесть совпадением тот факт, что писатель взялся за создание “Портного” сразу же после ухода с завидной должности (2011). Вероятно, судьба Каргина, в молодые годы библиографа, а потом госчиновника высокого ранга, решившегося на странный и, по сути, самоубийственный для его карьеры вызов тому, чему он долго служил, некоторым образом преломляет опыт самого Ю. Козлова. Его чаяний и, видимо, иллюзий. “Окончание не в литературе, а в жизни”, – некогда ответил А. Платонов своим хулителям. Об этом же говорит и роман Ю. Козлова. “Портной” в одно и то же время и роман-итог, и роман-начало. Но стоит заметить, что эта книга в той же мере о судьбе, сколько и об эпохе; о разломах судьбы и разорванной связующей нити наших дней.

Было бы ошибкой читать книги Ю. Козлова, и “Портной” – не исключение, доверяясь узнаваемости изображённых в них событий и лиц. Их своеобразие и эстетическое достоинство, не часто, к сожалению, осознаваемое читателем, обнаруживается в высвечивании *непрозрачной сущности* общеизвестных и в определённом смысле затёртых крикливыми медиа фактов общественной жизни (развал СССР, “лихие девяностые” и т. д.). Поэтический язык Ю. Козлова преобразует реальность и открывает взгляду не столько, может быть, сокрытое знание, сколько въяве ощущаемый трагизм существования: желание “наплевать на всё и вырваться из замкнутого круга предсказания, которое неуклонно сбывается и в которое – одновременно – никто не верит” (с. 125).

Говоря о “Портном”, немногочисленные рецензенты, как правило, цитируют один и тот же пассаж: “Но в СССР отсутствовал портной, знавший, как подправить хоть и изношенную, но изысканную одежду...” (с. 12). Пассаж, который, по их мнению, раскрывает замысел Ю. Козлова и “одёжную” образность его романа. Дмитрий Каргин, глава госкорпорации “Главодежда”, разрабатывает проект, призванный спасти Россию, гибнущую от воровства одних и безучастности к судьбе государства других. Суть проекта – одеть людей в иное, неподвластное веяниям западной моды платье, подлинно русскую одежду, отвечающую “гению нации”. В этом контексте и осмысливается образ *отсутствующего* портного – как образ справедливой государственной власти. “Портной” – роман многоплановый, и один из его планов и в самом деле затрагивает этот вопрос; и, тем не менее, роман не об этом.

“Портной” – роман об интеллигенции, “прослойке”, как её называли в советское время, или “среднем классе”, как предпочитает выражаться *госчиновник* Каргин. Это роман об устранении творческого сословия: о его – в одном случае – добровольном, а в другом – навязанном обстоятельствами исходе. В богатое меньшинство или бедное большинство. Логика этого исхода прослеживается в фантазмагорическом раздвоении образа Каргина на респектабельного госменеджера и нищего пенсионера, в прежние годы сотрудника Книжной палаты. Раздвоения, удваивающего *художественную* реальность той *единой* действительности, к которой отсылает образ Каргина. *Книжнопалатный* Каргин – фантомный образ настоящего Каргина, образ его *фантомной боли*, совершенно непредвиденно возникшей в нём. Каргина, разумеется, ждала участь нищего пенсионера, если бы он в своё время не ушёл из Книжной палаты, в которой работал в годы “перестройки”.

В альтернативах жизни Каргина – реальном госменеджере и вероятном пенсионере-библиографе – Ю. Козлов заявляет крайние и, что крайне важно

осознавать, *единственно состоявшиеся* в обществе судьбы, которым было обречено творческое сословие. Судьбы, которые и обнаруживают исчезновение интеллигенции, *пустоту* на ранее занятом ею месте. Исчезла, конечно, не интеллигенция; исчезла *миссия*, которая оправдывала её существование: трудом культуры связывать верхи и низы, народные массы и власть. Фантомная боль Каргина – это смутная догадка о том, *что сегодня*, здесь и сейчас, *перестало быть*. О том, что на месте, где должна была бы быть жизнь, – пустота. Эта пустота жизни и *болит* в нём.

На наш взгляд, фантомная боль утраченного творческого сословия и является собой ключевой контекст “Портного”; он позволяет Ю. Козлову *осуществить* образ, строго говоря, отсутствующего в романе портного. Исходная интуиция Каргина, “присвоенная” *сверхворами* (термин автора романа) и в итоге принявшая вид гротескного “одежного” проекта, содержала как раз значение некоей культурной работы. Он полагал, что одежда служит вовсе не для того, чтобы прикрыть срам; он считал, что она предназначена *изображать* смысл, которым Господь наделил человека.

Госменеджер Каргин воплощает *фактически* отсутствие человека творческого сословия. В нём, отказавшемся от своего призвания, культура выбаливает себя засевшими в его голове стихами и вычерчивает контур утраты: контур русско-советского или советско-русского словоцентризма. И если культура ещё не выветрилась из памяти Каргина, несмотря на предпринятые капитанами неокapитализма меры, то лишь потому, что она является самой его *жизнь*. Отсюда проникает в роман богатая и многообразная книжность: скрытые и явные цитаты из произведений мировой словесности, названия книг и имена классиков. Впрочем, к пониманию утраты и утраченного Каргин приходит, двигаясь по крайне извилистой траектории своей мысли, – приходит далеко не сразу и *с трудом*.

Проект спасения России Каргин осознаёт, как *вдруг* возникшую в нём любовь к стране и народу. В основе этого проекта лежит его “конституция личности”, формулируемый им “основной закон человека”: неотъемлемое право предпринимать действия, направленные на изменение окружающей действительности – едва ли основной в творчестве Ю. Козлова; вокруг него писатель выстраивал сюжеты своих произведений как советского, так и постсоветского периода. Наиболее показательны в этом отношении рассказ “Ошибка в расчёте” (1989) и роман “Колодец пророков” (1998). Мотив этот – многоаспектный и чрезвычайно сложный; в нём сцеплены психологические, социальные и метафизические проблемы существования героев Ю. Козлова, и эта сцепка и образует ту самую *широту* русского человека, о которой (далеко неоднозначно) писал Ф. М. Достоевский. Эта *томящая* русского человека своей непонятностью широта есть и в герое “Портного”: он оказался шире Каргина-библиографа; но и шире госменеджера Каргина.

Изображая внутренний ход мысли Каргина, Ю. Козлов пишет, что он не знал причин своей любви к Родине и народу. Однако это незнание является отражением внешней запутанности многочисленных, как бы отданных на откуп слепому случаю обстоятельств жизни Каргина, на почве которой и возникает его любовь. А скорее даже – отражением *незнания, что есть любовь*. Размышления об этой – странной – любви приводят Каргина к заключению, что она вызвана его молчаливым, но решительным несогласием с вычеркиванием из социума “среднего класса”, с которым он себя отождествляет, – тех, кто, подобно ему самому, по возможности честно делал свой капитал, да, конечно, не минул и воровства, но не был *сверхвором*. “Новый жестокий мир не нуждался в “прокладке” между бесконечно богатым меньшинством и неотменно бедным меньшинством” (с. 78), – констатирует Каргин сложившееся положение вещей.

Изложенная Ю. Козловым в “Портном” история Каргина рассказывает о пути человека от ненависти к любви, о тяжёлом труде припоминания о любви и наполнении ею своего существа. Любви к Небу и любви к Земле, крови и почве. Любви к человеку – *кровавой грязи*, которой он становится, соединяя Небо и Землю, как бы двусмысленно это ни звучало. Соединение с Выпью и Бивой, фантазмагорическими девами-стихиями, есть акт самосознания Каргина – акт сшивания им собой и в самом себе подлежащей смерти плоти и бессмертной души. Он и становится *кровавой грязью*, как бы провидя свою

гибель в противостоянии с капиталистическим миром бездушной материи и иное рождение. Недаром сказано в Евангелии: “Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода” (Иоан. 12, 24). Выпь и Бива – метафоры; Каргин вдруг догадывается об этом, постигая совершенную – идеальную – красоту мира. Они воплощения той самой платоновской диалектики, которая открывает человеку взаимосвязь мира вещей и мира идей. Встретив как-то некоего писателя, бывшего сокурсника (по сути, самого себя в той, вероятной альтернативе своей жизни), Каргин поймал себя на мысли о том, что “мир и есть роман” (с. 139). Но если это так, то верно и обратное: роман и есть жизнь. Открывая себя миру, впитывая его в своё существо, Каргин читает роман – роман, который он сам и *пишет*. Или, по-другому, судьба Каргина и есть тот роман, который раскрыт перед нами, читателями, роман, написанный его жизнью.

“Портной” – роман о поэзии, о поэтическом творчестве, осмысленном Ю. Козловым в образе романа. Воспоминание Каргина о поэзии, которая всплывает на поверхность его сознания в цитатах и реминисценциях из классики и как бы сшивает заново расплзающиеся куски его жизни – молодого библиографа и уважаемого госменеджера, – жизни, в которой оборвалась связующая нить дней. Поэзия удерживает в Каргине самую мысль о возможности сшить *Россию бедных с Россией богатых*, сшить единую Россию, расплзшуюся *вверх и вниз* – во власть и в народ.

Воспоминание о поэзии имеет в “Портном” и экзистенциальное измерение: оно параллельно собиранию Каргиным памяти о предках – прадеде и деду. Память о предках – больше, чем исторические сведения об их жизни. Она есть опыт существования. Опыт ненависти Дия Фаддеевича, прадеда Каргина, потерявшего свою любовь и тоскующего по ней. Опыт воспоминания души о любви Порфирия Диевича, его деда, жившего памятью о своей умершей в годы войны жене. Дед-гинеколог и его способ лечения выступают в романе образами воспоминания: они своего рода поэтическое воплощение платоновского Сократа и его диалектики, метода, который он назвал майевтикой – искусством родовспоможения, искусством возрождения необходимого для настоящего знания о прошлом. Так, в основе действия АСД, препарата, которым лечил Порфирий Диевич, лежало возвращение человека к своему прошлому состоянию; чудодейственный АСД и есть метафора памяти.

Но не случайно и то, что Ю. Козлов даёт метафоре памяти имя, вызывающее навязчивые ассоциации с ЛСД – названием популярного на Западе в 1970-е годы наркотика. Наркотическое воздействие памяти связано с образом Посвинтера. Посвинтер, еврейский юноша, превысил указанную Порфирием Диевичем дозу АСД и обратился в Снежного человека, существо древнейшей эпохи существования человека. В этой метафоре – Посвинтер – Снежный человек, – вероятно, специфически воспроизводится история советского еврейства, безоглядно бросившегося в 1960–1970-х, под влиянием модных поветрий западного происхождения, искать свои *израильские корни*. Ю. Козлов создаёт эту историю, художественно осмысливая, как мы полагаем, одно из значительнейших поэтических произведений древнерусской словесности – “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, пресвитера домашней церкви Ярослава Мудрого на Берестове и первого русского митрополита. Замечательная языковая игра: *пресвитер и Посвинтер!* Метафорика писателя, связанная с образом Посвинтера, являет собой своего рода поэтическое изображение иудейского Закона, закона почвы, безблагодатно управляющего телесностью человека, его плотью, плотью *всякого человека*, будь то еврей или русский. В этой поэтической истории нет *почвеннического презрения*. Ю. Козлов обращается к поэзии, и она превращает его художественную речь в *язык понимания*. Его поэтическая история *по-другому* освещает вопрос об отношениях русских и евреев, народов, обретших родство в советском человеке. Но она не только о прошлом, но и о будущем, о *возможности братства народов*, которые, каждый по своей причине, но *в равной мере* забыли об общем корне. Эту возможность поэтически воплощают братские узы русского Дмитрия Каргина и еврея Романа Трусы, их обретенное в труде воспоминания души родство друг с другом.

Собирание памяти о предках становится *романом* Каргина, миром, который и есть роман. В воспоминании о прошлом, где остались и прадед с дедом,

и поэзия, и любовь, Каргин обретает *радость через силу*. В воспоминании – труд его души: он превращает мир в роман (о его роде – родных и самом себе); он и превращает его роман в мир (*осуществляет* в нём идею). По Ю. Козлову, труд воспоминания души – единственное *спасительное* средство. И крах “одежного” проекта Каргина только подчёркивает, что иные пути спасения России иллюзорны. “Конституция личности” Каргина выражает положение, общее для всех без исключения *спасителей России* в романе Ю. Козлова, – положение о том, что человек способен изменить судьбу – и свою, и общую.

Но герой романа убеждается, что это заблуждение, ибо неизменяем сам человек. “Бросовый” капиталистический мир “был непобедим до тех пор, пока люди хотели вкусно есть, сладко спать и быть известными другим людям. Но они хотели этого всегда. Следовательно, люди не могли изменить мир. Изменить мир мог только Бог” (с. 40). По-настоящему Каргин осознаёт эту мысль, только подойдя к завершению своего *романа-мира*. Человек неизменен в том, что он плоть; но неизменен и в том, что он – душа. Не изменить мир, но сшить воедино плоть и душу, – сделать это способна только поэзия.

Труд воспоминания души помогает Каргину распознать отличие любви от животного соития, идеи – от идеологии. В беспамятстве *легко* принять одно за другое, что и происходит с Каргиным в “лихие девяностые”: получая многое, он теряет главное. Труд воспоминания души и лёгкость беспамятства образуют в “Портном” проблемный круг отношений идеи и идеологии. Выход из него Ю. Козлов видит в усилии человека, направленном на его самоопределение, усилии каждодневном и каждый раз новым. Идеи – дар тому, кто постиг *Великую разлуку* – своё одиночество и “одиночество вещей” (такое название носит один из лучших романов писателя); тому, кто не смирился с этим и отважился услышать *голос вещей*. Их голос обращён ко всякому человеку, но внятен лишь принявшему священное неистовство, ту силу, которая питает в равной мере поэзию и любовь. Идеологии чужд труд души, она *нетрудна*: она паразитирует на идеях, присваивая их первородство. Идеология известкует людей и сводит их к арифметической функции “право имеющих”, воображающих, что они способны помериться силами с Богом и изменить мир, и “тварей дрожащих”, ощущающих себя безмолвным “генетическим материалом”. Анализ отношений идей и идеологии обнаруживает в Ю. Козлове *прямого наследника* художественной традиции Ф. М. Достоевского, в определённых аспектах поэтического труда более чуткого и тонкого, нежели автор “Преступления и наказания”, во всяком случае – в подходах к осмыслению экзистенциального плана этих отношений.

Идея и идеология в “Портном” – братья-враги (так, кстати говоря, называлась египетская экранизация романа Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы” 80-х годов). Как Дмитрий Каргин и Роман Трусы. Гротескная сатирика романа, обращённая к образу Романа Трусы, разом и комична, и трагична. Она не только разоблачает подлость идеологов неокapитализма, но одновременно повествует о *предательстве* в чужие, бездарные руки *божественного дара*, которым был наделён этот, безусловно, незаурядный, человек. Предательстве, разменивающим высокое знание на ходкий товар ярких парадоксов, истину – на ширпотреб двусмысленной правды. Роман Трусы – не подлец; Роман Трусы – человек, выбравший путь подлости. Жизнь Романа Трусы, как и жизнь Каргина, предстаёт *романом*, создателем которого является он сам. Но в его романе мир оказывается поверхностным, как одежда. Мир-роман Романа Трусы – трусы, одежонка, предназначенная скрывать срам. Его жизнь – *роман “Трусы”* – в точности повторяет его имя. Но *неотменяемо* и то, что Роман Трусы – неподлинное его имя. И нечаянное братство с Каргиным есть момент осознания им этой неподлинности, восчувствия им тоски по подлинности.

Но не стоит заблуждаться: идеология – мощная сила, сегодня она действительна, как никогда. И это тоже важно – понимание её мертвящей мир силы. Не случайно Каргин, разрабатывая “одежный” проект спасения России, вспоминает о Надежде Звоник и *обращает* свою надежду на идеологию. Но не случайно и то, что Надежда Звоник – его надежда – подсказывает ему, что спасение не в идеологической мощи проекта, но в идее – творческом труде шивания Неба и Земли, крови и почвы. У озера – своего Светлояра, где укрылась *надежда*, – он обретает силу, которая, по слову Данте, движет

солнце и светила. Обретает Бога и любовь. Но прежде чем прийти туда, Каргин убеждается в том, что в его идеологическом проекте нет надежды. Некогда одухотворённая, создавшая Советский Союз идея омертвела. Это и определило крах его “одежного” проекта – стремительное превращение плана спасения России в его противоположность. Рядом с Каргиным моментально возникли люди вроде Романа Труссы, и в результате “одежная” идеология породила “Очиститель мыслей” (от каких-либо сложных вопросов), омовскую кожаную куртку (насилие) и пацанскую вязаную шапочку (равнодушие). Дело не в том, что руководство проектом “перехватывает” подлец Роман Труссы; дело в том, что идеология может быть силой в руках только таких, как Роман Труссы, – людей отнюдь не бездарных, но предавших свой дар. Собственно говоря, одежда в “Портном” являет собой метафору идеологии: она прикрывает срам человека, а не выражает его суть.

Ю. Козлов, создавая сложную – грубовато-физиологическую и изысканно-иносказательную – смысловую картину бытия человека, мира как романа и романа как мира, генерирует в “Портном” эстетический эффект, близкий одновременно и к катарсису античной трагедии, и к мистериальности христианского моралитэ. На них указывает *подлинное имя* героя романа: греко-римское Дий (Дит) и христианское – Воскресенский. Роман Ю. Козлова – труд сотворения современного эпоса, труд, подобный поэме греческого рапсода – сшивателя песен – и повествованию христианского летописца – объединителя времён. Если это сравнение имеет смысл, то лишь потому, что оно позволяет составить некоторое представление о своеобразии художественного языка писателя. Единство эстетического эффекта “Портного” заключает в себе именно его поэзия. Поэзия – память души о Боге. Об этом, глядя на человека и мир с разных сторон, свидетельствуют и Платон, и Священная история. Как и единосущная ей любовь, эпическая поэзия Ю. Козлова роднит Небо и Землю, кровь и почву.

Краснодар

ЕЛЕНА БАДЯКИНА

ВОСХОЖДЕНИЕ К ДУШЕ

Каждая книга Екатерины Глушик, будь то сборник статей о Республике Беларусь, беседы с Дж. Къезой и Б. Милошевичем, с приёмным сыном Сталина А. Сергеевым или рецензии на прочитанные ею книги, или рассказы с детскими воспоминаниями, — всегда, как встреча с верным другом, который не обманет, не предаст. Вот и новая книга Екатерины “Своё стояние” (Екатеринбург, 2015), куда вошли рассказы последних лет, не может не трогать душу. В этих историях, как в капле воды, отражена наша жизнь с её горестями и радостями.

Герои рассказов — наши современники, мы видим их на улице, общаемся с ними, не подозревая об их истинных мыслях и чувствах. Судьбы многих из них разрушены распадом великой страны, когда мирная и спокойная жизнь разбилась вдребезги и теперь летит под откос. И людям, не по своей воле оказавшимся в эпицентре этих страшных событий, приходится претерпеть невыносимые муки и страдания, о которых порой невозможно читать без слёз. Простые русские люди отрезаны от матери-родины, брошены на произвол судьбы, стремятся воссоединиться с родным отечеством. Но и вернувшись, они не обретают счастья в новой, капиталистической России, где нет места ни жалости, ни состраданию. Но женщины, чьи судьбы перечеркнуты распадом Союза (“У черты”, “Два дня, которые были”), несмотря на все испытания, выпавшие на их долю, смогли сохранить и честь, и достоинство, и невероятное благородство.

Чего не скажешь о тех, кто, наоборот, обогатился в эпоху крушения страны, стал “хозяином жизни”. Но счастья это неожиданно и незаслуженно свалившееся на них богатство им не приносит. Скорее наоборот. Хотя вроде бы всё идёт, как по накатанной, — бизнес, успех, богатство, роскошные женщины, дорогие особняки, поездки за рубеж. Казалось бы, чего еще желать? Но нет ни радости, ни покоя. Не приносит счастья успешная писательская карьера, сделанная на плагиате и охаивании советского прошлого бездарным рифмоплётом Кринкиным (“Сворованная строка”), или привлекательная внешность, обретенная с помощью дорогих пластических операций (“Чертовская красота”). И даже обретение вечной молодости с помощью чудо-сыворотки, полученной из стволовых клеток нерождённых детей (“Стволовая жизнь”) приносит только душевные муки. Этим, на первый взгляд, “успешных” персонажей Екатерина Глушик выписывает тщательно, скрупулёзно, без пафосного осуждения. Но именно это спокойное и как бы отстранённое бытописание ужасает больше всего, отверзая всю глубину падения новоявленных “господ”. Мы видим их расчеловечивание, утрату нравственных ориентиров и, как следствие, неизбежный крах. Кому-то всё же удаётся очнуться, одуматься, как героине

рассказа “Воплощающий мечты”, а кто-то, наоборот, верит, что сумеет пробиться наверх, хотя платить за это приходится страшную цену (“Заманить удачу!”). Есть и такие, кто желает поскорее забыть советское прошлое, свою беззаботную юность, когда мир был таким ясным и открытым, и казалось, что всё впереди (“Здравствуйте, девочки!”). Но случилась перестройка. “Перестроили! всю жизнь переко Sobочили. Кто их просил?” – вопрошает героиня рассказа. Итогом этого чудовищно развала стала гибель миллионов наших сограждан, которые, как героиня рассказа, давшего название книге “Своё сто-яние”, незаметная простая журналистка областной газеты, не думали – не гадали, что им в мирное время придётся встать перед выбором: склонить голову или остаться до конца настоящими людьми, не сломленными, не сдавшимися, повторив тем самым подвиг героев, о которых они читали в книгах о войне. Но они выдерживают испытания, побеждая своих мучителей.

И даже в удивительно тонкие и лиричные рассказы о любви, будь то первое, юношеское пробуждение чувств (“Сашины каникулы”, “Трепет”, “Яблоневое озеро, яблоневый сон”) или, наоборот, яростные, рвущие душу переживания героев рассказов “Страсть”, “Запах ночи”, “Любимый навсегда”, “Две свадьбы и одно венчание в жизни молодой женщины”, тоже вторгается политика, корёжа человеческие судьбы, разбивая мечты о счастье.

А вот у героев “детских” рассказов, наоборот, нет страха перед будущим, они живут в своих детских грёзах, как славная малышка Оля-Олечка, искренне считающая, что романс из оперы “Евгений Онегин” адресован именно ей. И потому, отправляясь в гости к бабушке, спешит сообщить радиоприёмнику, откуда льётся волнующий голос, объясняющийся ей в любви: “Я люблю вас, Ольга!”, – куда именно она едет. В надежде, что голос её найдёт. И чудо случается! Жизнь девочки наполнена счастьем и радостью, пока обстоятельства не разрушают эти детские грёзы. В далёкое детство возвращают нас и рассказ “Полёт мёртвых стрекоз”, и воспоминания о родных людях (“Бабушка Матрёшка”). Герой рассказа “Отправляющиеся в путь” воскрешает образ бабушки, ожидающей с фронта мужа, но годы проходят, а муж всё не возвращается. Но она снова и снова, в дождь и в снег идёт на вокзал, чтобы встретить первый утренний поезд. И вдруг случается чудо... Невозможно не влюбиться и в бабу Таню из рассказа “Родину любящая” с её бесхитростными, искренними воспоминаниями о прожитой жизни. Каждый рассказ сборника заслуживает отдельного упоминания и высокой оценки. Но лучше просто взять книгу и окунуться в мир искренних чувств и переживаний. Это как обретение истины, делающей нас лучше и сильнее. Той высокой правды, которая делает нас людьми.

В СИДНЕЕ ОТКРЫЛСЯ КИНОФЕСТИВАЛЬ РОССИЙСКИХ ФИЛЬМОВ

27 октября в центральном кинотеатре города состоялось открытие 13-го кинофестиваля “Русское возрождение”. В праздничной церемонии открытия приняли участие многочисленные гости, среди них видные австралийские политики и деятели культуры, российские дипломаты, соотечественники и австралийские любители российского кино. Приехали на фестиваль из России известные артисты — Катерина Шпица и Сергей Пускепалис. Директор фестиваля Николай Максимов, приветствуя гостей, рассказал, что в зале находятся австралийские политики Боб Карр, Джон Аджака, Виктор Доминелло, Волт Секорд, Джон Сидоти, Дэвид Кларк. “На открытии фестиваля, наверное, больше политиков, чем находится сейчас в здании Парламента на Маквори-стрит”, — пошутил Николай. Принял участие в открытии фестиваля посол России Григорий Логвинов. Также в зале присутствовали 16 генеральных консулов различных стран. Николай поблагодарил спонсоров фестиваля, в частности, Министерство культуры России и сказал, что 2016 год был объявлен Годом российского кино.

Среди новых лент, которые увидят зрители Австралии, директор фестиваля отметил фильм “Хороший мальчик”, получивший приз “Кинотавра” в России, новые фильмы “Ледокол”, “Пиковая дама”, детский мультфильм “Синдбад”, а также фильм Кирилла Серебрянникова “Ученик”, который был номинирован недавно на Азиатско-Тихоокеанском конкурсе кино.

Николай Максимов представил приехавших на фестиваль артистов из России — Катерину Шпицу и Сергея Пускепалиса, а также сообщил, что на фестиваль из Лос-Анджелеса приедет австралийский актер Мартин Дингл-Уолл, который снялся в российском фильме “Весь этот джем”.

Также зрители узнали, что в этом году австралийские кинокритики определят лучший фильм фестиваля. В завершении Николай Максимов поблагодарил всю команду своих помощников, приложивших немало стараний в организации фестиваля.

Министр Д. Аджака (J. Ajaka) в своём выступлении отметил, что жители нашего штата говорят на двухстах языках. Гармоничное развитие НЮУ обусловлено тем, что мы ценим и рады разнообразию культурных традиций. И проходящий фестиваль — одно из проявлений этого, сказал министр. Он заметил, что кинофестиваль российских фильмов, проходящий уже тринадцатый раз, — это большое достижение организаторов, и поблагодарил за приглашение на его открытие.

Посол России Григорий Логвинов поздравил организаторов и гостей фестиваля и напомнил, что российское кино 60-х–80-х годов высоко ценилось среди мировых специалистов киноискусства, даже в Голливуде. После коллапса 90-х годов российское киноискусство в наше время вновь вернулось на свои высокие позиции и завоевывает любовь зрителей в своей стране и высокие награды на международных кинофестивалях.

Большой друг фестиваля Боб Карр, будучи премьером штата, оказал немалую помощь становлению “Русского возрождения” в 2004 году.

Выступая перед гостями, он рассказал о своей любви к русскому кино, вспоминая фильмы, которые ему хорошо запомнились: об императоре Павле (“Бедный, бедный Павел”), а также фильм о том, как героически сражался маленький гарнизон крепости в первый день войны, окружённый войсками гитлеровской армии (“Брестская крепость”). “На первых фестивалях я просил организаторов включить мои любимые фильмы по пьесам Чехова “Дядя Ваня” и “Чайка” и замечательную ленту, полную удивительного чеховского юмора и ума “Неоконченная пьеса для механического пианино”, который я считаю лучшим фильмом, когда-либо снятым, – сказал Боб Карр. – Эти фильмы показывают огромную выносливость российских людей и богатейшую культуру вашей страны”.

От российских гостей выступила актриса Катерина Шпица.

После просмотра фильма “Экипаж”, тепло встреченного зрителями, гостей ждал приём в баре Zeta гостиницы Hilton со специально подготовленными для гостей фестиваля коктейлями “Ледокол” и “Экипаж”, “Имперской” водкой и австралийским вином.

Редактор “Единения” побеседовал с главным героем фильма “Ледокол” – актёром и режиссёром **Сергеем Пускепалисом**.

– Мы привезли на фестиваль фильм “Ледокол”. Это лента о реальных событиях, произошедших в 1985 году, когда ледокол “Сомов” столкнулся с айсбергом у берегов Антарктиды, и испытаниях, которые пришлось перенести людям в ожидании спасения. Фильм снят на студии “Профит” Игоря Толстунова, у которого уже был опыт съёмки масштабного фильма “Метро”, в котором мы снимались с замечательной актрисой Катериной Шпица. “Ледокол” только сейчас вышел в прокат в России. Я играю роль одного из двух капитанов.

– **Где снимался этот фильм?**

– Съёмки шли в заполярных Мурманске и Кировске, а все интерьерные съёмки шли в Севастополе.

– **Сергей, вы долго работали в театре, актёром и режиссёром. Но вы также снялись в 20 фильмах. Что вас больше привлекает – театр или кино?**

– Мне нравится там, где мне хорошо и интересно работать. Где есть творческое напряжение и энтузиазм.

– **Вы первый раз в Австралии, какие впечатления?**

– Мы только прилетели, поэтому пока, в основном, впечатления, связанные с длинным перелётом. Хотя если представить, какие расстояния мы преодолели... Люди раньше годы затрачивали на то, чтобы сюда добраться. А вообще это место действительно удивительное. После Сиднея мы еще полетим в Брисбен на открытие фестиваля. Так что немного сможем увидеть Австралию.

– **Сергей, желаем успеха вашему фильму на фестивале в Австралии и, конечно, в российском прокате.**

Катерина Шпица сыграла в фильме “Экипаж” роль стюардессы Вики.

– **Вы только что прилетели и были почти сутки в самолёте. После фильма “Экипаж” вы по-другому относитесь к работе бортпроводниц на самолётах?**

– Да, путь немалый, в воздухе около 17 часов, плюс пересадка в Дубае с ожиданием около четырёх часов. Я по своей природе аналитик и ещё до того, как начала сниматься в этом фильме, понимала, что в этой профессии всё не так просто, как выглядит на первый взгляд. А при подготовке и съёмках я узнала некоторые нюансы этой профессии и просто убедилась, что была права – это очень тяжело, даже сложнее, чем быть актрисой.

– **Фильм “Экипаж” впервые был снят в 1979 году. Нынешний фильм – это ремейк знаменитой ленты Александра Митты.**

– Я бы не называла этот фильм ремейком. С фильмом Александра Митты нет прямых пересечений, нет ни одной сюжетной линии из первого фильма, все линии созданы заново. Есть общая идея – экипаж, самолёт, катастрофа – землетрясение. Всё остальное развивается по-другому, абсолютно новые судьбы.

– **Режиссёр фильма Николай Лебедев мне рассказывал, что снимали в сложных условиях. Не только сюжет был критический, но и для актёров было трудновато.**

– Конечно, было много ночных сцен, на аэродроме “Жуковский” глубокой осенью было холодно и хотелось не заболеть. Но группа приложила все усилия, чтобы актёры между дублями были обогреты, напоены горячим чаем, о нас заботились. Никто из актёров не заболел, только второй режиссёр получил воспаление лёгких. Но он уже до этого сумел поставить на рельсы “наш вагончик”, так что мы слаженно продолжали работать.

– **Как долго шли съёмки?**

– Всё зависело от блока, который мы снимали. Съёмки, кроме “Жуковского”, были на аэродромах “Внуково” под Москвой и “Бельбек” в Севастополе. Съёмочный период длился около полугода.

– **Были ли вы раньше в Австралии?**

– Нет, это мой первый приезд, но я слышала немало о вашей уникальной природе.

– **Катерина, желаем успеха вашему фильму и надеемся, что в перерывах между показами вам удастся посмотреть Австралию.**

Беседовал Владимир КУЗЬМИН

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2016 ГОД

ПРОЗА

- АГАФОНОВ Николай. **Стояние.** Повесть (№ 4)
- БАЙБОРОДИН Анатолий. **Скотник Еремей.** Рассказ (№ 9)
- БЕЛОУСЕНКО Алёна. **Куколка.** Рассказ (№ 10)
- БОГОДУХОВ Андрей. **Накануне.** Рассказ (№ 2)
- БУТЕНКО Владимир. **Победа сердца.** Рассказ (№ 7)
- ВОРОНЦОВ Андрей. **Русская дорога.** Рассказы (№ 3)
- ГАЛИМОВА Елена. **Поморский берег.** Эссе (№ 8)
- ГРИБАНОВА Татьяна. **Мальва.** Рассказ (№ 3)
- ДАНИЕЛОВ Александр. **По обоим берегам Миуса.** Повесть (№ 7)
- ДАРИН Дмитрий. **Кулибин.** Рассказы (№ 8)
- ЕРМАКОВ Дмитрий. **Берег юности.** Рассказ (№ 1)
- ЖУК Алесь. **Лошади детства.** Рассказы (№ 7)
- ЗАБЕЛЛО Василий. **Осенний ветер с Байкала.** Байкальские были (№ 9)
- ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Берендеево царство.** Рассказ (№ 11)
- ИВАНОВ Владимир. **На угольях.** Рассказы (№ 2)
- ИВАНОВ Леонид. **Оптимизация.** Рассказы (№ 7)
- ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ Валерий. **Триумф и наваждение.** Записки о театре на Таганке (№ 8)
- КЛИМКОВИЧ Сергей. **Посылка.** Рассказ (№ 2)
- КОЗЛОВ Сергей. **Обычная история.** Рассказ (№ 1); **То не вечер.** Рассказ (№ 12)
- КОРНЕВ Михаил. **“Живой в помощи”.** Рассказы (№ 9)
- КРЁКОВ Виталий. **Царство Божие.** Рассказ (№ 2)
- КРУПИН Владимир. **Неделя в раю.** Рассказ (№ 4); **С утра пораньше.** Записки разных дней (№ 9)
- ЛАВРИНА Вера. **Босой Бог.** Притчи (№ 2)
- ЛЕБЕДЕВ Александр. **Отец.** Рассказы (№ 5)
- ЛИХАНОВ Альберт. **Оглянись на повороте, или Хроника забытого времени.** Роман в повестях (№ 10–11)
- ЛУНИН Юрий. **Через кладбище.** Рассказ (№ 10)
- МАКСИМОВ Владимир. **Экзамен по научному коммунизму.** Рассказ (№ 9)
- МАЛЬЦЕВ Пётр. **А дальше ты шагаешь сам.** Рассказ (№ 7)
- МАРЧУК Георгий. **Данила Штовба.** Рассказы (№ 2)
- МИХЕЕНКОВ Сергей. **Рокоссовский. Клинок и жезл.** Роман-биография (№ 5–6)
- НИЧИК Николай. **Куст черемши, или Серёга Золотой Нос.** Рассказ (№ 2)
- НОВГОРОДОВ Алексей. **Боевая машина “жигулёнок”.** Рассказ-быль (№ 2)
- ОГУРЦОВА Татьяна. **Бублики.** Рассказы (№ 7)
- ПАРНИС Алексис. **Кремлёвский могольщик.** Рассказ (№ 8)
- ПОПОВ Александр. **Взрыв.** Повесть (№ 12)
- ПРОХАНОВ Александр. **Губернатор.** Роман (№ 1–2); **Востоковед.** Роман (№ 9)
- РОМАНОВ Дмитрий. **Другая Русь.** Рассказы (№ 10)
- РОМАНОВА-СЕГЕНЬ Наталья. **Наука красоты.** Рассказы (№ 3)
- РОНИНА Елена. **День Победы.** Рассказ (№ 5)
- СЕГЕНЬ Александр. **Христос танцует.** Рассказы (№ 4)
- СЕНЧИН Роман. **Дорога.** Рассказ (№ 1); **Дома.** Рассказ (№ 6); **Проблема.** Рассказы (№ 10)
- СОЧАЛИН Олег. **Ледяной дождь.** Рассказы (№ 10)
- СТЕПАН Владимир. **Золотая щель света.** Новеллы (№ 7)
- ТАРКОВСКИЙ Михаил. **Полёт совы.** Повесть (№ 8)
- ТУЛУШЕВА Елена. **Подъезд.** Рассказы (№ 7)
- УБОГИЙ Юрий. **Время вокзала.** Дневник писателя (№ 11)
- ХАЙРЮЗОВ Валерий. **Одна живём.** Повесть (№ 9)
- ХОБОТНЕВ Дмитрий. **Остановка в ночи.** Рассказ (№ 2)
- ЧЕРНЯВСКАЯ Ирина. **Взрослые дети.** Рассказы (№ 7)
- ЧУДОВ Валерий. **“Русалка”.** Рассказы (№ 7)
- ШИШКИН Евгений. **Мужская жизнь.** Повесть (№ 6)
- ЩЕРБАКОВ Александр. **Ибо не ведают, что творят.** Рассказ (№ 4)

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **На склоне дня** (№ 7)
- БЕРЯЗЕВ Владимир. **Очаг мой** (№ 9)
- БУРМИСТРОВ Борис. **Свет исповедальный** (№ 2)
- ВАВИЛОВ Александр. **Разбивая голос о Иордан** (№ 10)
- ВАСИЛЬЕВ Ярослав. **Тают тёмные лики...** (№ 6)
- ВЕРСТАКОВ Виктор. **По диким окрестностям Иерусалима** (№ 12)
- ВОЛОСЮК Иван. **Нестоличное время** (№ 10)
- ВОРОТНИН Юрий. **Глотая отечества дым...** (№ 2)
- ГОРБОВСКИЙ Глеб. **Всё сущее – от Неба** (№ 10)
- ГОРБУНОВ Анатолий. **Я не зря на свете прожил** (№ 6)
- ГОРОХОВ Станислав. **И двадцать лет вот так меня мотало...** (№ 1)
- ГРЕБНЕВ Анатолий. **Берёза, Иволга, Звезда. С предисловием В. Крулина** (№ 3)
- ГУЦЕРИЕВ Михаил. **“Я просто медленно люблю”** (№ 11)
- ДАШКЕВИЧ Татьяна. **Осенний полёт** (№ 7)
- ЕГОРОВА Наталья. **И судит мир прощающий Христос...** (№ 4)
- ЗНОБИЩЕВА Мария. **На станции провинциальной** (№ 3); **Я только хотела сказать, что ты будешь всегда...** (№ 10)
- ЗУЛЬФИКАРОВ Тимур. **Откровения в Кондаре** (№ 8)
- ИБРАГИМОВ Александр. **Отблики Великой** (№ 2)
- ИВАНОВА Елена. **Рассекая мрак** (№ 3)
- ИВАНТЕР Алексей. **Горит пшеница у села...** (№ 4)
- ИЛЕНКО Анатолий. **Тени прошлой жизни** (№ 2)
- ИСАЕВ Валерий. **Я сегодня именинник!** (№ 7)
- КАЗАНЦЕВ Василий. **Воздушно-солнечное слово** (№ 8)
- КАН Диана. **Люби меня, как я тебя** (№ 10)
- КАРМАЛИТА Кристина. **Не оставляй меня одну** (№ 10)
- КАТКОВ Александр. **Россия, моя берегиня...** (№ 2)
- КЛЁСТОВ Дмитрий. **Санитарная рубка. С предисловием С. Донбая** (№ 2)
- КОБЗАРЬ Вера. **Господь отыщет келью** (№ 7)
- КОВДА Вадим. **Я срастаюсь с землёй и небом...** (№ 1); **Эта жизнь, не знавшая оглядок** (№ 12)
- КОВРИЖНЫХ Виктор. **Наивного счастья ключи** (№ 2)
- КОЗЫРЕВА Екатерина. **Золотая струна** (№ 8)
- КОНОВСКОЙ Николай. **И облака, и вечность...** (№ 5)
- КОРОСТЕЛЁВА Валентина. **Застольные песни** (№ 11)
- КОЧЕТКОВ Олег. **Повелось на Руси искони** (№ 5)
- КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **Не хватает неба** (№ 7)
- КРИКЛИВЕЦ Елена. **Под белой рубашкой** (№ 7)
- КУКЛИНА Эльвира. **Моя речка течёт – навсегда...** (№ 1)
- КУЛИЖНИКОВ Михаил. **Я вглядываюсь в небо** (№ 7)
- КУТЕРГИН Алексей. **Перед вторым пришествием Христа. Со вступлением В. Фокина** (№ 5)
- ЛАПУЗИН Борис. **Здесь твой дом** (№ 11)
- ЛОЩИЦ Юрий. **Иду, томлюсь и вопрошаю...** (№ 1)
- ЛУКЪЯНОВ Игорь. **Чем русское сердце живёт...** (№ 8)
- МАРТЫНЧИК Анна. **Возвращение** (№ 7)
- МАСАЛОВ Владимир. **Россия – вечная страна...** (№ 4)
- МАТЮКОВ Пётр. **Это идёт страна** (№ 12)
- МЕТЕЛЬКОВ Антон. **В стране невымерших бабушек** (№ 10)
- МЕТЛИЦКИЙ Микола. **Родины образ** (№ 7)
- МИЗГУЛИН Дмитрий. **Ничего уже мнать не надо** (№ 9)
- МОЛЧАНОВ Владимир. **По законам совести и чести** (№ 7)
- МОРОЗОВ Геннадий. **Поток бытия** (№ 9)
- МОШНИКОВ Олег. **Небесное колесо** (№ 6)
- НАМЕСТНИКОВ Николай. **По дорогам безмолвной Отчизны** (№ 7)
- НЕЖДАНОВ Владимир. **Золотая пасхальная звонница** (№ 4)
- ОБЪЕДКОВ Анатолий. **У нас огонь в крови** (№ 9)
- ПЕЛЕНЯГРЭ Виктор. **Брошенные розы на снегу...** (№ 3)
- ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Я пришёл, чтоб ты меня простила...** (№ 3)
- ПОШЕХОНОВ Александр. **И печки трепетный дымок...** (№ 2); **Ближе к вечеру** (№ 11)
- Поэтическая мозаика (№ 2, 5, 10, 12)
- ПРОХАНОВ Александр. **Моя душа сквозь облако летела...** (№ 3)
- РАСТОРГУЕВ Андрей. **Эпоха ещё не разъята...** (№ 1)
- РАЧКОВ Николай. **Любить и верить...** (№ 4)

СЕЙДАМЕТОВА Карина. **Что нам на жизнь нашу сетовать** (№ 10)
СКОРИНКИН Андрей. **Согрейте нас своей любовью** (№ 7)
СМОЛЕНЦЕВ Николай. **Романс о далёкой Руси** (№ 6)
СОРОКАЖЕРДЬЕВ Владимир. **Страницы давних дней** (№ 7)
СОРОКИН Валентин. **Дух свободы** (№ 7)
ТАРХАНОВ Андрей. **Огневой листопад** (№ 10)
ТИХОМИРОВ-ТИХВИНСКИЙ Виктор. **Я вижу храм на склоне этой ночи...** (№ 4)
ТИХОНОВ Александр. **Над густым пестротравьем...** (№ 4)
ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Мир вселенской красоты** (№ 11)
ХАРИС Ренат. **А под старость нравятся тишина** (№ 5)
ШАМСУТДИНОВА Марина. **В лабиринтах своей страны** (№ 12)
ШАЦКОВ Андрей. **Чтобы память попирала смерть** (№ 12)
ЩЕРБАКОВ Александр. **Запуржит, заметелит, завьюжит...** (№ 12)
ЯКОВЛЕВА Екатерина. **Дай мне целое** (№ 10)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АБРАМЫЧЕВ Алексей. **Цепная реакция успеха** (№ 7)
АЛФЁРОВ Жорес. **О прошлом для будущего** (№ 4)
БЕСЕДИН Платон. **Крым: от Русской идеи к Русской мечте** (№ 10)
БОБРОВ Александр. **Расстрелянная правда** (№ 7)
БРОНШТЕЙН Виктор. **Спасительные сигналы едва не угасшей звезды** (№ 9)
ВАСИЛЬЕВ Алексей. **Терроризм** (№ 6)
ВЕЛИЧКО Владимир. **Профессора, наденьте ордена!** (№ 5)
ВОЛОДИН Вячеслав. **Не изменяя своим целям** (№ 3)
ДЕЛЯГИН Михаил. **Европа: трагедия интеграции** (№ 1)
ЕХАЛОВ Анатолий. **Есть ли будущее у деревни?** (№ 11)
ЗИГАНШИН Камиль. **Удивительная Камчатка** (№ 1)
ЗОТОВ Станислав. **Последние победы** (№ 8)
ИВАНОВ Николай. **“Император” из трущоб** (№ 8)
ИЛЬИНСКИЙ Игорь. **Великая Отечественная: правда против мифов** (№ 5)
ИРТЕНИНА Наталья. **Старинная битва за Кольский север** (№ 12)

КЛЮЧНИКОВ Борис. **Будущее Европы — ислам?** (№ 5); **Феномен Трампа** (№ 9)
КЛЮЧНИКОВ Сергей. **Меч русской победы** (№ 6)
КОЗЛОВ Юрий. **Море мёртвое и живое** (№ 11)
КУВИТАНОВ Генрих. **История “Беркута”** (№ 5)
КУРБАТОВ Валентин. **И все на наш редут** (№ 8)
ЛЕМЕСШЕВ Михаил. **Экологические деревни — альтернатива урбанизации** (№ 2)
ЛИННИК Виктор. **Бунт одноэтажной Америки** (№ 12)
ЛИХОНОСОВ Виктор. **“Тонкое счастье сопровождается грустью...”** (№ 4)
ЛУКЪЯНИН Валентин. **Арифметика раскола** (№ 12)
МЕФОДИЙ, епископ. **По следу Белого Ангела** (№ 7)
МИРОНОВА Татьяна. **Законы русского народоправства** (№ 2); **Разговор по-русски — разговор по душам** (№ 8)
ОРЛОВ Борис. **Помнящий родство** (№ 8)
ОСИПОВ Валентин. **О бедных** (№ 3); **Агония Запада** (№ 4)
ОХРИМЕНКО Иван. **Подводник № 1** (№ 5)
ПИРОГОВ Николай. **Были люди...** (№ 5)
ПЛИСКО Николай. **“Удирай и не оглядывайся!”** (№ 11-12)
ПРИЛЕПИН Захар. **Анна** (№ 9)
СВЕРДЛОВА Ольга. **Парадоксы воспитания** (№ 2); **Летний снег** (№ 12)
СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **Византийская мозаика** (№ 1); **“Дивиденды” Сирии: десять сомнений** (№ 6)
СЕНЧА Виктор. **Позывной “Маргаритка”** (№ 5)
СКРИПКО Валерий. **Постижение веры** (№ 4)
СМОЛКО Александр. **Не историк задаёт вопросы. Ялта-70** (№ 5); **Мир и война** (№ 6)
СЫЧЁВА Лидия. **Женитьба и семья как национальная идея** (№ 7)
УБОГИЙ Андрей. **В Казань к Аксакову, или Поиски рая** (№ 2)
ФУРСОВ Андрей. **Русофобия — психоисторическое оружие Запада** (№ 1); **Ситуация может призвать диктатора** (№ 11); **Мир будущего. Беседы с историком** (№ 10)
ЦАГОЛОВ Георгий. **Время ли разбрасывать камни?** (№ 3); **Великий Юнус и пороки капитализма** (№ 10)

ЧАРСКИЙ Владимир. **Моя Эфиопия** (№ 9)
ШВЕД Владислав. **Кто вы, мр. Gorbachev?** (№ 3–5)
ШТЫРОВ Вячеслав. **От программы упадка – к программе развития** (№ 4)
ЯНИН Игорь. **Автопробегом по “Амуру”** (№ 8); **Черноморская Пальмира** (№ 9); **Неудобно без портов** (№ 10); **Блестящий сочинский гамбит** (№ 11); **Наш брат-путеец** (№ 12)

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОГО

КАЗИНЦЕВ Александр. **Русская боль. Беседа с В. Сдобняковым** (№ 2)

КРИТИКА

АНАШКИН Эдуард. **Из глубин памяти** (№ 9)
АНДРЕЕВ Владимир. **“И невозможное – возможно”** (№ 8)
АННИНСКИЙ Лев. **Ветла и роза** (№ 8)
БОБРОВ Александр. **Программа будущего** (№ 4)
БОНДАРЕНКО Владимир. **Сталинский грёзофарс Северянина** (№ 2)
ГУМИНСКИЙ Виктор. **Русское море: свобода и необходимость** (№ 4)
ЖУТИКОВ Михаил. **Невольник чести** (№ 7)
КАРЛЮКЕВИЧ Алесь. **Белорусский остров Михаила Хонинова** (№ 7)
КАРПЕЦ Владимир. **Опередивший век...** (№ 4)
КАСМЫНИН Алексей. **Когда закончится постмодерн?** (№ 4)
КОЗЫРЕВА Екатерина. **“Терпеливая муза”** (№ 4)
КУРКИН Борис. **Этюды о душах живых и мёртвых** (№ 4); **“Месяц светит, мертвец едет”**. Мистика “Бориса Годунова” (№ 6)
МАКСИМОВ Сергей. **Год литературы, или о чём бы прочитал...** (№ 4)
МОНАХОВА Ирина. **Белинский и Аксаковы** (№ 11)
ПАВЛОВ Юрий. **Александр Байгушев: пожалейте голого короля** (№ 6)
ПЕЛЕНЯГРЭ Виктор. **Мужество и верность** (№ 1)
РАЗУМИХИН Александр. **“Прощён и милостью окован...”** (№ 6)
РАЗУМОВ Александр. **“Случайное семейство” в романе Ф. М. Достоевского “Подросток”** (№ 12)

РОСТОВЦЕВА Инна. **Область наивысшей красоты** (№ 6)
СВИНИННИКОВ Валентин. **Человек на войне** (№ 7)
СЕНЧА Виктор. **Презумпция вины, или За что был расстрелян поэт Гумилёв** (№ 8)
СКИФ Владимир. **Ковчег Дмитрия Мизгулина** (№ 8)
ТИМОФЕЕВ Андрей. **“Новые традиционалисты” как будущее русской литературы** (№ 10)
ТЮШИНА Екатерина. **В ожидании светлого слова** (№ 8)
ЧАРОТА Иван. **С позиции совести** (№ 7)
ШЕЛЕХОВ Михаил. **Свет земных мадонн** (№ 7)
ЯРОВОЙ Александр. **Русская литература как “зарубежная”** (№ 3); **“Стихия русского стиха... или Строки о родном и великом”** (№ 9)

ПАМЯТЬ

БУЗИНА Олесь. **Карма Украины** (№ 2)
ПАНЧЕНКО Вадим. **Севастопольская весна. С предисловием Ю. Лошница** (№ 3–4)
ПАХОМОВ Юрий. **Чердак оседлой кошки** (№ 2)
ПЛИСКО Николай. **Авантюра-44 (окончание)** (№ 1)
ШАРГУНОВ Сергей. **Вечная весна. Роман-биография Валентина Катаева** (№ 1–3)
ШИПИЛОВ Николай. **Игра в лото. Рассказ с предисловием А. Сегеня** (№ 12)

МИР РУБЦОВА

АУШЕВ Валерий. **Архипелаг Николая Рубцова** (№ 1)
ЕРОХИНА Татьяна. **Об одной сплетне и неумолимых фактах** (№ 1)
ЕХАЛОВ Анатолий. **Поэты Божьего призыва...** (№ 1)
ЛАГЕРЕВ Сергей. **Старший брат** (№ 1)

МИР СВИРИДОВА

БЕЛОНЕНКО Александр. **Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений** (№ 1, 5, 6)
ШУМЕЙКО Николай. **Георгий Свиридов. Из прошлого в будущее** (№ 1)

МИР КУЗНЕЦОВА

- ГАЗИЗОВ Максим. **Высокий порог** (№ 2)
КУНЯЕВ Сергей. **Поэт и “крысы бытия”** (№ 2)
МОРОЗОВ Геннадий. **Письмо Станиславу Куняеву** (№ 2)
ОВЧАРЕНКО Ольга. **Юрий Кузнецов. Главы из книги** (№ 2)
-

МИР РАСПУТИНА

- АНТИПИН Андрей. **После Распутина** (№ 3)
КОЗЛОВ Василий. **Рядом с Распутиным** (№ 3)
ЧВАНОВ Михаил. **Совесть России** (№ 3)
-

В КОНЦЕ НОМЕРА

- БОНДАРЕНКО Владимир. **Пена** (№ 4); **Слава героям! Фашистским?** (№ 7)
Валентин Распутин **не призывал к распаду СССР** (№ 5)
В Сиднее открылся кинофестиваль **российских фильмов** (№ 12)
КАЗИНЦЕВ Александр. **Смердяков поучает (С. Морозов как лицо “Литроссии”)** (№ 3)
Нам нужна Родина, которую мы потеряли (№ 5)
ПАНФЁРОВ Рудольф. **Живая душа** (№ 8)
ТУЛУШЕВА Елена. **Иероглифы и кириллица** (№ 1)
ФАТОСУЛОВА Алла. **Пока живу, не расстанусь с журналом** (№ 2)
ШЕЙКО Ирина. **“Не лучше ль на себя оборотиться?”** (№ 4)
-

СРЕДИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

- ЕРМИЛОВ Юрий. **Художник Андрей Пеплов** (№ 2)
ПЕТРОВА Марина. **“Великий провидец времён минувших”** (№ 3); **Симон Ушаков – царский изограф** (№ 12)
-

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

- ЛАПИН Александр. **Время жить. Главы из романа** (№ 3)

МОНОСТОН Николай. **Культура как критерий жизнеспособности мира** (№ 7); **Благодать старости** (№ 11)

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

- БАДЯКИНА Елена. **Восхождение к душе** (№ 12)
ЕСИН Сергей. **Своя ноша. О книге Елены Тулушевой** (№ 11)
КОТЮКОВ Лев. **В преддверии иного** (№ 4)
КУНЯЕВ Сергей. **Ясность поэтической воли** (№ 3)
МОРОЗ Олег. **Непрозрачная сущность общеизвестных фактов** (№ 12)
НЕПОМНЯЩИЙ Валентин. **Культура и антикультура** (№ 4)
ОСТАПЕНКО Юрий. **Первые триста лет** (№ 11)
РОДИН Владимир. **Ай да Шмагин, ай да...** (№ 11)
ЩЕРБАКОВА Наталья. **“Атакующее распятие”** (№ 3)
-

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

- “Ищите всюду духа...” (№ 7)
На волне читательской любви (№ 4)
Наша общая с Украиной беда (№ 4)
Планета под именем “Наш современник” (№ 10)
-

ТРИБУНА

- БОНДАРЕНКО Владимир. **Доносы за кулисного человека** (№ 5)
КАЗИНЦЕВ Александр. **Не о Байгушеве** (№ 5)
КУНЯЕВ Станислав. **Хлестаковщина и суловщина в одном флаконе** (№ 5)
Открытое письмо московских писателей (№ 5)
-

ПАТРИОТИКА

- БАСОВА Инна. **Юрий Селезнёв: в борьбе за души и будущее** (№ 11)
ЗОТОВ Станислав. **Любовь к небу** (№ 5)
ЛОЩИЦ Юрий. **Слово о друге** (№ 11)

НАША МОСКВА

КОКОРЕВ Андрей, РУГА Владимир.
Деловая Москва: наследники
(№ 6); **Московские немцы** (№ 8)
РУГА Владимир, КОКОРЕВ Андрей.
Деловая Москва: наследники
(№ 6) **Московские немцы** (№ 8)

ЮБИЛЕЙ

КУНЯЕВ Станислав. **Пушкин – наш
современник** (№ 12)
Народный журнал (№ 10)
Поздравления журнала с 60-лети-
ем (№ 11-12)

.....

Рыночное время то и дело одаривает сюрпризами. Цена на бумагу вырастет, повысит расценки почта, стоимость аренды скакнёт на недосягаемую высоту. Редакции постоянно приходится залатывать дыры в бюджете.

В этой ситуации мы рассчитываем на помощь читателей. Небогатые в большинстве люди, они, тем не менее, поддерживают журнал в трудную минуту.

Редакция благодарит всех и публикует список наиболее активных жертвователей:

Амелина Л. П. (Кострома);
Гладских В. С. (Дзержинск);
Добрева Т. Е. (Приморский край);
Дуб А. И. (Киренск);
Козлова В. П. (Москва);
Ланчикова Н. А. (Москва);
Левшин А. Ю. (Москва);
Левшина Ю. В. (Москва);
Мосина В. Б. (Москва);
Новиков Вячеслав (Франция);
Останина В. Г. (Таврическое);
Русинов Л. Н. (Москва);
Рыбакова Л. Н. (Москва);
Рыбакова Л. П. (Москва);
Саттарова И. Ф. (Москва);
Степанова Г. П. (Москва);
Тархова В. М. (Венесуэла);
Тетерев В. Г. (Санкт-Петербург)